РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ

ПРЕМИЯ ЛОКУС

ЗАМОК ЛОРДА ВАЛЕНТИНА

«Каждая новая книга из маджипурского цикла доказывает, что Силверберг – выдающийся мастер».

РОБЕРТ ДЖОРДАН

fanzon

Замок лорда Валентина
Роберт Силверберг

Аннотация
Роберт Силверберг. Замок лорда Валентина
Благодарности
Часть I. Книга Короля Снов
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
  Глава 6
  Глава 7
  Глава 8
  Глава 9
  Глава 10
  Глава 11
  Глава 12
  Глава 13
  Глава 14
  Глава 15
Часть II. Книга метаморфов
  Глава 1
  Глава 2

Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Часть III. Книга острова сна
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12

Часть IV. Книга лабиринта
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10

Часть V. Книга замка
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14

Глава 15
Глава 16
Глава 17

Аннотация

Валентин – человек без прошлого, странник, не помнящий своего прошлого. Он путешествует вместе с разношерстной труппой артистов по волшебной планете Маджипур, постоянно надеясь встретить кого-то, кто сможет вернуть ему то, что он потерял.

И тогда он начинает видеть сны – и получать в них сообщения. Послания, которые говорят ему, что он не просто обычный бродяга – он лорд, правитель, изгнанный из своего замка. Теперь у его путешествия есть цель – вернуться в свой дом, узнать, что за враг забрал его память, и бросить вызов судьбе, которая его ждет…

Роберт Силверберг
Замок лорда Валентина

Дэвиду Хартуэллу, Пейдж Кэдди, Джону Бушу – они очень деликатно подталкивали.

Robert Silverberg
Lord Valentinès Castle
Copyright © Agberg Ltd, 1979, 1980

Перевод с английского *Михаила Коркина*

© М. Коркин, перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Благодарности

Я глубоко признателен Кэтрин Кровелл из Сан-Франциско за помощь в технических аспектах жонглирования в этом романе и необыкновенным артистам Летающих Братьев Карамазовых, которые, возможно, до сего момента даже и не представляли, какую помощь они оказали. Тем не менее, все теоретические концепции и практика жонглирования, выраженные в данном произведении, являются преимущественно моими собственными измышлениями. В частности, это касается возможностей четырехруких жонглеров. И ни мисс Кровелл, ни Карамазовы не должны нести никакой ответственности за любые неправдоподобные или невозможные описания на этих страницах.

Неоценимую помощь в прочих аспектах создания этой книги оказала Марта Рэндалл. Среди вкладов мисс Рэндалл — тексты некоторых из песен, которые можно обнаружить внутри романа.

За дополнительную критику рукописи на ее ранних стадиях, я весьма признателен Барбаре Силверберг и Сюзанне Л. Хоуфек. Также я должен

поблагодарить Теда Чичака из Литературного Агент-ства Скотта Мередита за его поддержку и профессиональную проницательность.

Часть I
Книга Короля Снов

Глава 1

После долгого дня пути в золотой дымке влажного тепла, которая окутывала его как легкая мокрая шерсть, Валентин пришел к большому белому гребню, возвышавшемуся над Пидруидом — пышной провинциальной столицей. Это был самый большой город, который Валентин увидел с тех пор, как… Во всяком случае, самый большой за долгое время странствий.

Здесь он остановился, сел на край рыхлого белого выступа и погрузил ноги в осыпавшиеся каменные хлопья, глядя сверху на Пидруид и моргая, словно только что проснулся.

Был летний день, и до сумерек оставалось еще несколько часов. Солнце стояло высоко на юго-западе, над Великим океаном. «Отдохну здесь немного, — подумал Валентин, — а потом спущусь в Пидруид и устроюсь на ночлег».

Услышав за спиной шум катящихся откуда-то с высоты гребня камешков, он медленно оглянулся и увидел погонщика, мальчика с соломенного цвета волосами и веснушчатым лицом. Он вел вниз по горной тропе вереницу из пятнадцати или двадцати пурпурных верховых животных,

откормленных, лоснившихся и явно ухоженных. Животное, на котором ехал мальчик, выглядело старше других, было менее упитанным и казалось умным и важным.

— Эй! — окликнул мальчик Валентина. — Куда направляешься?

— В Пидруид. А ты?

— Тоже. Веду вот животных на рынок. После такой работы очень пить хочется. У тебя вино есть?

— Немного, — ответил Валентин и похлопал по фляжке, висевшей на бедре, где более воинственный человек носил бы оружие. — Хорошее красное вино. Жаль, что мало осталось.

— Дай мне глотнуть, а я позволю тебе въехать в город верхом вместе со мной.

— Договорились, — кивнул Валентин.

Мальчик спешился, спустился по выступу и взял фляжку.

Ему было не более четырнадцати-пятнадцати лет. Крепкогрудый и мускулистый, но недостаточно высокий для своего возраста, он едва доставал до локтя Валентину, мужчине чуть выше среднего роста, с широкими плечами и крупными сильными руками. Мальчик покрутил фляжку, принюхался со знанием дела, одобрительно кив-

нул, сделал большой глоток и вздохнул:

— Глотал пыль всю дорогу от Фалкинкипа! И жара чертовская — прямо душит! Еще час без питья — и я бы умер от жажды. — Он вернул фляжку Валентину. — Ты живешь в городе?

Валентин нахмурился.

— Нет.

— Значит, пришел на фестиваль?

— Какой фестиваль?

— А ты не знаешь?

Валентин покачал головой. Он ощущал на себе пристальный взгляд светлых насмешливых глаз мальчика, и это его смущало.

— Я путешествовал и не следил за новостями. А что, в Пидруиде сейчас фестиваль?

— На этой неделе. Начало в Звездный день. Большой парад, цирк, Королевское торжество. Посмотри вниз. Разве не видишь, как Он входит в город?

Валентин проследил за вытянутой рукой мальчика, указывавшей на южный край Пидруида, но увидел только скопление зеленых черепичных крыш и лабиринт древних улиц, проложенных без какого-либо плана. Он снова покачал головой.

— Да вон, — нетерпеливо сказал мальчик, —

внизу, в гавани. Видишь корабли? Пять потрясающих кораблей с Его знаменем на мачтах. А вон процессия направляется к вратам Дракона, чтобы выйти на Черный тракт. Наверное, это Его колесница едет мимо арки Снов. Неужели не видишь? Может, у тебя неладно со зрением?

— Я не знаю города, — мягко объяснил Валентин. — Но гавань и пять кораблей вижу.

— Хорошо. Теперь смотри вглубь города. Видишь большие каменные ворота и широкий тракт, идущий через них? И ту церемониальную арку…

— Да, теперь вижу.

— И Его знамя над колесницей?

— Чье знамя? Ты прости, что я бестолковый, но…

— Чье? Как чье? Знамя лорда Валентина! Колесница лорда Валентина! По улицам Пидруида идут телохранители лорда Валентина. Разве ты не знаешь, что прибыл корональ?

— Нет.

— А фестиваль-то? С чего бы его устраивать летом, как не для того, чтобы приветствовать короналя?

Валентин улыбнулся:

— Я путешествовал и не следил за новостями.

Еще вина хочешь?

— Там мало осталось, — заколебался мальчик.

— Допивай. В Пидруиде я куплю еще.

Он протянул мальчику фляжку и отвернулся, скользнув взглядом по склону, по лесу, окружавшему густонаселенный город, а затем обратил взор в другую сторону — к воде и к большим кораблям, к знаменам, марширующим воинам и колеснице короналя. Наверное, это был великий день в истории Пидруида. Ведь корональ правит из Горного замка, расположенного на другой стороне мира, а это так далеко, что и он, и Замок стали почти легендарными в мире Маджипура. Коронали Маджипура редко посещали западный континент. Но Валентина почему-то не волновало присутствие его сиятельного тезки. «Я здесь, и корональ здесь, — думал он, — и он будет ночевать в одном из дворцов хозяев Пидруида, а я — где-нибудь в копне сена. Потом будет большой фестиваль… А мне-то что?» Он испытывал нечто похожее на стыд за свое спокойствие, когда мальчик так возбужден. Пытаясь загладить свою бестактность, он произнес:

— Прости меня, я так мало знаю о том, что произошло в мире за эти несколько месяцев. Почему корональ здесь?

— Он возглавляет большое шествие по всему королевству, чтобы отметить свой приход к власти. Понимаешь, это новая власть, лорд Валентин всего два года на троне. Он брат умершего лорда Вориакса. Ты знаешь, что лорд Вориакс умер и что лорд Валентин стал нашим короналем?

— Слышал, — уклончиво ответил Валентин.

— Вот поэтому он и в Пидруиде. Он начал обход королевства, как только получил Замок. Целый месяц он провел на юге, в лесных провинциях, а позавчера приплыл к берегу Пидруида. Ночью он войдет в город, и несколько дней здесь будет фестиваль: еда и выпивка для всех, игры, танцы, удовольствия и большой базар, где я продам этих животных за хорошую цену. Потом он поедет через весь Зимроэль — от столицы к столице. Ему придется преодолеть столько тысяч миль, что при одной только мысли об этом у меня начинается головная боль. С восточного побережья он поплывет обратно в Алханроэль, в Горный замок, и в Зимроэле его не увидят еще лет двадцать, а то и больше. Наверное, это здорово — быть короналем!

Мальчик засмеялся:

— Хорошее было вино. Меня зовут Шанамир. А тебя?

— Валентин.

— Валентин? Знаменательное имя!

— Вполне обычное, по-моему.

— Поставь впереди «лорд» — и будешь короналем!

— Это не так просто. Да и зачем мне быть короналем?

— Власть, — коротко ответил Шанамир и широко раскрыл глаза. — Хорошая одежда, еда, вино, драгоценности, дворцы, женщины…

— Ответственность, — мрачно продолжил Валентин, — бремя. Ты думаешь, корональ только и делает, что пьет золотое вино и участвует в процессиях? Ты думаешь, он пришел сюда для своего удовольствия?

Мальчик задумался:

— Может, и нет.

— Он правит миллиардом миллиардов людей на такой огромной территории, что трудно даже себе представить. На его плечах лежит все: проведение в жизнь декретов понтифекса, поддержание порядка и справедливости на всей планете… Мне даже подумать об этом страшно, мальчик. Он следит, чтобы мир не скатился в хаос. Я не завидую ему. Пусть делает свое дело.

Шанамир, помолчав, сказал:

— А ты не так глуп, Валентин, как я сначала подумал.

— Значит, ты посчитал меня дураком?

— Ну, простоватым, недалеким. Ты взрослый мужчина, а о некоторых вещах знаешь так мало, что я, который вдвое моложе тебя, вынужден давать тебе объяснения. Однако я, наверное, недооценил тебя. Ну что, поедем в Пидруид?

Глава 2

Валентин мог выбрать любое животное из тех, которых мальчик вел на рынок, но все они казались ему одинаковыми, так что он только сделал вид, что выбирает, и, взяв одного наугад, устроился на его спине. Приятно проехаться после столь долгой ходьбы. Сидеть было удобно, потому что этот вид выводили в течение тысячелетий, взяв за основу древних искусственных животных, созданных с помощью магии. Они были сильны, неутомимы, терпеливы и всеядны. Искусство их селекции уже давно утрачено, но теперь они размножались сами, как настоящие животные. Без них было бы довольно трудно передвигаться по Маджипуру.

Дорога на Пидруид примерно с милю шла вдоль высокого гребня, а затем резко спускалась на прибрежную равнину.

Инициативу в разговоре Валентин предоставил парню. По словам Шанамира, родился он в округе, расположенном в двух с половиной днях пути вглубь континента, на северо-востоке. Вместе с отцом и братьями он выращивает животных для продажи на рынке Пидруида, и это занятие

позволяет им прилично жить. Ему тринадцать лет, и он о себе высокого мнения. Он никогда не бывал за пределами провинции, столицей которой является Пидруид, но когда-нибудь пройдет по всему Маджипуру, совершит паломничество на Остров Сна и преклонит колени перед Хозяйкой Острова Сна, пересечет Внутреннее море до Алханроэля, дойдет до подножия Замковой горы, потом отправится на юг, может быть даже за влажные тропики, в жаркие и пустынные владения Короля Снов, ибо какой смысл в обладании молодостью и здоровьем, если ты не имеешь возможности путешествовать по такому полному чудес миру, как Маджипур…

— А ты, Валентин, — неожиданно спросил он, — кто ты, откуда и куда идешь?

Валентин был застигнут врасплох. Убаюканный болтовней мальчика и размеренным, мягким ходом животного, спускавшегося по широкой извилистой дороге, он не был готов к вопросам, а потому ответил только:

— Я из восточных провинций. Дальше Пидруида еще не планировал ничего. Останусь здесь, пока не появится причина уйти.

— Зачем ты идешь?

— А почему бы мне не идти?

— Ох, — вздохнул Шанамир, — ну ладно. Уклончивый ответ я узнаю сразу. Ты младший сын герцога из Ни-мойи или Пилиплока. Ты навел на кого-то нехороший сон, тебя поймали на этом, и твой отец дал тебе кошелек с деньгами и приказал убраться куда-нибудь подальше от дома. Правильно?

— Точно, — сказал Валентин, подмигнув.

— Ты нагружен реалами и кронами и устроишься в Пидруиде как принц, будешь пить и веселиться, пока не истратишь последнюю монетку, а затем наймешь морское судно и поплывешь в Алханроэль, а оруженосцем возьмешь меня. Так или нет?

— Все верно, мой друг. Кроме денег. Эту часть твоей фантазии я не предусмотрел.

— Но хоть какие-то деньги у тебя есть? — спросил Шанамир уже более серьезно. — Ты ведь не нищий? В Пидруиде нищих не жалуют. Там не разрешают бродяжничать.

— У меня есть несколько монет, — ответил Валентин. — Их хватит, чтобы прожить до конца фестиваля и еще немного, а там видно будет.

— Если ты пойдешь в море, возьми меня с собой.

— Если пойду — возьму.

Они преодолели уже половину склона. Пидруид располагался на побережье, в огромной долине, окруженной низкими холмами. Лишь в одном месте холмы прерывались, пропуская океан вглубь суши и позволяя ему образовать сине-зеленую бухту. Так что у Пидруида была великолепная гавань.

Поздним вечером Валентин и Шанамир спустились к воде. После липкой жары приятно пахнущее дыхание прохладного бриза доставляло особенное удовольствие. С запада к берегу уже тянулся белый туман, воздух имел резкий привкус соли и был насыщен водой, в которой всего несколько часов назад плескались рыбы и морские драконы.

Валентина потрясли размеры лежавшего перед ним города. Он не мог припомнить, видел ли когда-нибудь город больше этого. Впрочем, он не мог вспомнить очень многого.

Это был край континента. Весь Зимроэль лежал за спиной Валентина. Насколько ему было известно, он прошел его из конца в конец от одного из восточных портов — Ни-мойи или Пилиплока. Однако он знал также, что достаточно молод, и сомневался, можно ли за целую жизнь пройти пешком столь длинный путь, хотя и не

помнил, чтобы у него были какие-нибудь верховые животные, если не считать того, на котором он ехал сегодня. С другой стороны, он вроде бы умел ездить верхом, так как на широкой спине животного чувствовал себя весьма уверенно, а значит, вполне возможно, что часть пути он все-таки проехал. Но все это неважно. Он здесь и не испытывает никакого беспокойства. Раз уж ему как-то удалось добраться до Пидруида, здесь он и останется, пока не появится причина отправиться дальше. Валентин не разделял жажду Шанамира к путешествиям.

Мир так велик — подумать страшно. Три больших континента среди безбрежной воды — пространство, размеры которого можно в полной мере постичь лишь во сне, да и то при пробуждении не поверить в это. Говорят, лорд Валентин, корональ, жил в замке, которому было восемь тысяч лет и в котором за каждый год его существования прибавлялось по пять комнат, и что стоял этот замок на высокой горе, буквально пронзающей небо. Ее колоссальные пики вздымались на тридцать миль, а на ее склонах располагались пятьдесят таких же больших городов, как Пидруид. Такое даже трудно себе представить. Мир был слишком огромен, слишком стар, слишком

населен. «Я буду жить в этом городе, в Пидруиде, — думал Валентин, — найду способ заплатить за пищу и ночлег и буду счастлив».

— Ты, конечно же, не заказал место в гостинице? — прервал его размышления Шанамир.

— Конечно нет.

— Об этом стоило бы подумать… Из-за фестиваля в городе сейчас все забито, и кораль уже здесь. Где ты будешь спать, Валентин?

— Где-нибудь. Под деревом. На куче песка. В общественном парке. Вон направо, кажется, парк с высокими деревьями.

— Ты забыл, что я тебе говорил насчет бродяг в Пидруиде? Тебя найдут и посадят под замок на месяц, а затем ты будешь убирать навоз, а плата уборщику навоза такова, что тебе придется заниматься этим всю жизнь.

— Во всяком случае, уборка навоза — работа постоянная, — заметил Валентин.

Но Шанамир оставался серьезным.

— Есть гостиница, где останавливаются продавцы верховых животных. Попробую как-нибудь устроить тебя туда. Что бы ты делал без меня?

— Думаю, стал бы уборщиком навоза.

— Ты говоришь так, словно для тебя все это действительно не имеет никакого значения!

Мальчик коснулся уха животного, остановил его и пристально взглянул на Валентина.

— Тебя вообще хоть что-нибудь волнует, Валентин? Я тебя не понимаю. То ли ты глупец, то ли просто самый беспечный человек на Маджипуре.

— Я и сам хотел бы это знать, — сказал Валентин.

У подножия гребня дорога сливалась с трактом, который шел вниз с севера и поворачивал на запад, к Пидруиду. Новая дорога, широкая и прямая, пролегла по цветущей долине, и по бокам ее стояли низкие белые памятные доски с двойным гербом понтифекса и короналя — Лабиринтом и Горящей Звездой. Дорога, вымощенная идеально ровным, слегка пружинившим голубовато-серым материалом, была, наверное, очень древней, как и многое другое из того, что есть лучшего в этом мире.

Животные шли, не сбавляя темпа. Поскольку они были выведены искусственно, то почти не чувствовали усталости и могли без отдыха преодолеть путь от Пидруида до Пилиплока. Они не были связаны между собой, но шли вдоль края тракта точно друг за другом, почти касаясь мордами хвостов впереди идущих. Время от времени

Шанамир оглядывался назад, проверяя, не отстал ли кто.

Солнце уже приняло бронзовый вечерний оттенок, и город был совсем близко.

Эта часть дороги сама по себе представляла потрясающее зрелище. С обеих сторон ее росли благородные деревья, раз в двадцать превышавшие рост человека, с гладкими стволами, одетыми темной синеватой корой, и мощными кронами блестящих зеленовато-черных листьев, острых, как кинжалы. Среди этих листьев словно маяки сияли ошеломляюще красивые гроздья красных с желтым цветов.

— Что это за деревья? — спросил Валентин.

— Огненные пальмы, — ответил Шанамир. — Пидруид славится ими. Они растут только на побережье и цветут всего одну неделю в году. Зимой с них падают кислые ягоды, из которых делают крепкое вино. Вечером попробуешь.

— Корональ выбрал подходящее время для своего прибытия.

— Я думаю, не случайно.

Двойная колоннада деревьев все тянулась, и они ехали вдоль нее, пока наконец возделанные поля вокруг не уступили место первым загородным виллам, а затем пригородным дорогам с

тесно стоящими более скромными домами; им на смену пришла пыльная зона маленьких заводиков, и наконец показались древние стены самого Пидруида, рассеченные остроконечной аркой с архаичного вида бойницами.

— Врата Фалкинкипа, — возвестил Шанамир, — восточный вход в Пидруид. Мы въезжаем в столицу. Одиннадцать миллионов душ, Валентин. Здесь можно встретить все расы Маджипура, не только людей: скандаров, хьортов, лииименов и всех прочих. Говорят, есть даже меняющие форму.

— Кто это?

— Древняя раса, аборигены.

— Мы называем их как-то по-другому, — неуверенно проговорил Валентин. — Метаморфы, кажется?

— Да. Это одно и то же. Я слышал, что на востоке их называют именно так. Ты знаешь, что у тебя странный акцент?

— Не страннее твоего, приятель.

Шанамир засмеялся.

— Мне твой акцент кажется странным, а у меня его вообще нет. Ты как-то чудно выговариваешь слова. «Мы называем их метаморфами», — передразнил он. — Вот как это у тебя звучит. Так

говорят в Ни-мойе?

Валентин только пожал плечами.

— Я боюсь этих меняющих форму, — продолжал Шанамир, — метаморфов. Без них планета, наверное, была бы счастливее. Шныряют вокруг, имитируют других, творят зло. По мне, пусть лучше остаются на своей территории.

— В основном они так и поступают. Или я ошибаюсь?

— В основном. Но говорят, что хотя бы несколько их живут в каждом городе. Замышляют неведомо какие пакости для всех нас.

Шанамир наклонился к Валентину, схватил его за руку и серьезно посмотрел ему в лицо.

— Их можно встретить где угодно — скажем, глядящими на Пидруид с гребня горы в жаркий полдень.

— Значит, ты считаешь меня метаморфом в другом обличье?

Мальчик хихикнул:

— Докажи, что это не так!

Валентин прикинул, каким бы способом продемонстрировать свою подлинную сущность, ничего не придумал и скорчил страшную гримасу: растянул щеки, словно они были резиновыми, свернул рот в сторону и выкатил глаза.

— Вот мое настоящее лицо, — сказал он. — Ты разоблачил меня!

Оба засмеялись и через врата Фалкинкипа въехали в Пидруид.

В самом городе все казалось еще более древним. Дома были выстроены в любопытном стиле: стены изгибались наружу и выступали над крышами, крытыми растрескавшейся, местами расколотой черепицей, поросшей сеткой сочной низкой травы, густо пробивавшейся сквозь трещины.

Над городом висел тяжелый туман, было темно и холодно. Почти в каждом окне горел свет.

Главный тракт все сужался, пока наконец не превратился в очень узкую, но все еще идеально прямую улицу, по которой Шанамир повел своих животных. От нее во все стороны отходило множество других улиц, заполненных народом.

Всякая толпа была чем-то неприятна Валентину. Он не мог вспомнить, попадал ли он когда-нибудь в окружение такого множества людей. Они почти вплотную приближались к животному, толкались и пробивали себе дорогу локтями — толпа носильщиков, торговцев, моряков, мелких разносчиков, людей с холмов, которые, подобно Шанамиру, привезли на рынок животных

или продукты, путешественников в нарядных плащах с яркими вышивками и вездесущих ребятишек под ногами. Фестиваль в Пидруиде!

С верхних этажей зданий через улицу были протянуты алые полотнища, украшенные изображением Горящей Звезды и ярко-зелеными приветственными надписями по случаю приезда лорда Валентина, короналя, в самую большую западную метрополию.

— Далеко еще до твоей гостиницы? — спросил Валентин.

— Осталось пройти всего полгорода. Ты проголодался?

— Немного. Может, даже больше, чем немного.

Шанамир подал знак своим животным, и они послушно отправились в тупичок между двумя аркадами, где Шанамир их и оставил. Затем он указал Валентину на крошечную грязную палатку на другой стороне улицы.

Над горящими углями висели нанизанные на вертел сосиски. Голова приземистого продавца-лиимена больше походила на молот, рябая кожа была черно-серого цвета, а его три глаза блестели как уголь. Мальчик жестами объяснил, что им надо, и лиимен подал два вертела с сосисками и налил светло-янтарного пива.

Валентин достал толстую, яркую, сверкающую монету с зазубренным краем и положил ее на стойку. Лиимен посмотрел на нее так, словно Валентин предложил ему скорпиона.

Шанамир поспешно схватил монету, вернул ее Валентину и положил на стойку свою квадратную, медную, с треугольной дыркой в середине, после чего они ушли со своим обедом в тупичок.

— Я сделал что-то не так? — спросил Валентин.

— За твою монету можно купить самого лиимена со всеми его сосисками и месячным запасом пива! Где ты ее взял?

— В своем кошельке.

— В нем есть еще такие?

— Наверное, — пожал плечами Валентин.

Он осмотрел монету. На одной ее стороне был изображен старик, худой и морщинистый, а на другой — лицо молодое и властное. Достоинство монеты составляло пятьдесят реалов.

— Значит, она слишком ценная, чтобы ею расплачиваться? — спросил он. — Что можно на нее купить?

— Пять моих животных, — сказал Шанамир. — Целый год жить по-царски, съездить в Алханроэль и обратно. Любое из этого, а может, и еще больше. Большинству таких, как я, пришлось

бы работать за нее много месяцев. Ты совсем не представляешь ценности вещей?

— Похоже, что так, — ответил Валентин, глядя вниз.

— Эти сосиски стоят десять весовых единиц. Сто весовых единиц — крона, десять крон — реал, а эта монета — пятьдесят реалов. Теперь понял? Я разменяю ее для тебя на рынке, а пока спрячь ее. Это честный город, здесь более или менее безопасно, но с кошельком, набитым такими монетами, ты искушаешь судьбу. Почему ты мне не сказал, что у тебя целое состояние? — Шанамир от волнения сильно размахивал руками. — Думаю, потому что и сам не знал об этом. Ты удивительно наивен, Валентин. Я еще мальчик, но рядом с тобой чувствую себя мужчиной. Ты вообще что-нибудь знаешь? Известно ли тебе хотя бы, сколько тебе лет? Допивай пиво, и поехали дальше.

Валентин кивнул. Сто весовых единиц — крона, десять крон — реал. Он задумался… Что ответить Шанамиру насчет возраста? Двадцать восемь? Тридцать два? Он не имел представления. Что, если Шанамир спросит серьезно? «Тридцать два, — решил он. — Это хорошо звучит. Да, мне тридцать два года, и десять крон — это реал, а блестящая монета, на которой изображены ста-

рик и юноша, ценится в пятьдесят реалов».

Глава 3

Дорога в гостиницу, о которой говорил Шанамир, шла прямиком через центр Пидруида, через кварталы, даже в этот поздний час заполненные толпами возбужденного народа. Валентин поинтересовался, связано ли это с визитом короналя. Нет, ответил Шанамир, в городе всегда так, поскольку он — главный порт на западном побережье Зимроэля. Отсюда корабли уходят во все главные порты Маджипура, не только вдоль побережья, но и через Внутреннее море — в далекое путешествие к Алханроэлю, занимающее большую часть года. Кроме того, ведется даже небольшая торговля с малонаселенным южным континентом, Сувраэлем, — спаленным солнцем обиталищем Короля Снов.

Когда Валентин думал обо всем Маджипуре в целом, он ощущал на себе давление всей тяжести мира, его абсолютной массы, хотя и сознавал, что думать так глупо, потому что Маджипур — свет и воздушное пространство, гигантский пузырь на планете, лишенный видимой субстанции, и человек всегда чувствует себя плавающим на поверхности. Откуда же эта свинцовая тяжесть

на спине, откуда эти приступы необоснованного страха?

Он быстро взял себя в руки, и его настроение улучшилось. Скоро он ляжет спать, а завтра настанет новый чудесный день.

— Пересечем Золотую площадь, — сказал Шанамир, — и пойдем по дороге Воды, ведущей к пирсам. Наша гостиница в десяти минутах ходьбы по этой дороге. Площадь тебя ошеломит.

Так оно и случилось. Валентин увидел громадное четырехугольное пространство, достаточное для проведения учений сразу двух армий, со всех сторон окруженное величественными зданиями, широкие плоские фасады которых украшала инкрустация — потрясающие узоры из золотых листьев, так что при вечернем освещении огромные башни сверкали и отражали больше света, чем давали огненные пальмы.

Но оказалось, что сегодня пересечь площадь нельзя: в сотне шагов от восточного входа она была перегорожена толстым витым шнуром из красного плюша, а за ним стояли отряды чопорных и бесстрастных людей в зеленых с золотом камзолах — форме телохранителей короналя. Шанамир спрыгнул со спины животного и перекинулся несколькими словами с торговцем-

разносчиком. Вернувшись, он угрюмо сказал:

— Все полностью загорожено. Да пошлет им Король Снов мучительный сон в эту ночь!

— Что случилось?

— Кораль расположился в главном дворце. Это самое большое здание — с зубчатыми золотыми завитками на стенах на той стороне площади. Никто не должен к нему приближаться. Мы не можем даже обогнуть площадь по внутреннему краю, потому что там собралась толпа, жаждущая хоть мельком увидеть лорда Валентина. Так что обходить придется далеко, на это уйдет час, если не больше. Ну ладно, спать — это не главное, я думаю. Смотри, вот он!

Шанамир указал на балкон высоко на фасаде главного дворца, где появились какие-то фигуры. На таком расстоянии они казались не больше мышей, но мышей роскошно одетых, обладавших чувством собственного достоинства. Фигур было пять, и центральная — наверняка кораль.

Шанамир вытянулся и встал на цыпочки, чтобы лучше видеть. Валентин сумел разглядеть немногое: темноволосого человека, кажется, с бородой, в тяжелом белом меховом плаще поверх зеленого или светло-синего камзола. Кораль стоял у перил балкона, протянув руки к толпе,

которая растопыренными пальцами изображала символ Горящей Звезды и снова и снова выкрикивала его имя:

— Валентин! Лорд Валентин!

Шанамир тоже кричал:

— Валентин! Лорд Валентин!

Валентин почувствовал дрожь отвращения.

— Подумать только! — бормотал он. — Вопят, словно само Божество спустилось пообедать в Пидруиде. Он же просто человек, не так ли? Когда его кишки полны, он опорожняет их, верно?

Шанамир был в шоке:

— Он корональ!

— Он для меня ничто, а я для него меньше, чем ничто.

— Он правит, следит за соблюдением справедливости, оберегает мир от хаоса. Ты сам говорил это. Разве все это не заслуживает уважения?

— Уважения — да, но не поклонения.

— В поклонении королю нет ничего нового. Мой отец рассказывал мне о старых временах. Короли были давным-давно, еще на Старой Земле, и я готов держать пари, Валентин, что им поклонялись куда более диким образом, чем сегодня.

— И одних утопили собственные рабы, других отравили их же первые министры, третьих за-

душили жены, были и такие, кого сверг народ, которому они якобы служили. И всякий раз, едва предав короля земле, о нем тут же забывали.

Валентин ощутил внутри странный жар злости и с отвращением сплюнул.

— А множество стран на Старой Земле обходилось вообще без королей. Зачем они нам на Маджипуре, эти экспансивные коронали, страшный старый понтифекс, прячущийся в своем Лабиринте, Король, посылающий скверные сны с Сувраэля? Нет, Шанамир, может, я и слишком глуп, чтобы понять это, но для меня это все не имеет смысла. Это безумие! Эти восторженные вопли! Спорю, что ничего подобного не происходит, когда по улицам проезжает мэр Пидруида!

— Нам необходимы короли, — настаивал Шанамир. — Этот мир слишком велик, чтобы им могли управлять только мэры. Нам нужны великие и могучие символы, монархи, почти равные богам, способные соединить все в единое целое. Смотри! — Мальчик указал на балкон. — Видишь маленькую фигурку в белом плаще? Это корональ Маджипура. Неужели ты не чувствуешь никакого трепета, когда я говорю это?

— Никакого.

— И ты не взволнован, зная, что в этом мире

двадцать миллиардов людей и только один корональ и что сегодня ты видишь его собственными глазами, а больше никогда не увидишь? Ты не чувствуешь благоговения?

— Нет.

— Странный ты человек, Валентин. Я никогда не встречал такого. Как может быть, чтобы человека не трогало лицезрение короналя?

— Меня не трогает. — Валентин пожал плечами. Он и сам был немного озадачен. — Пошли отсюда. Я устал от толпы. Давай найдем гостиницу.

Путь оказался долгим, потому что почти все улицы упирались в площадь и мало какие шли в обход ее. Валентин и Шанамир двигались по все расширяющейся спирали, пытаясь придерживаться западного направления, а цепочка животных, безмятежно постукивая копытами, тащилась следом за ними.

Наконец они вышли из квартала отелей и богатых магазинов в район складов и галерей, добрались до береговой черты, а затем и до захудалой гостиницы с покосившимися черными балками и потрепанной соломенной крышей, со стойлами на заднем дворе. Шанамир устроил своих животных и пошел через двор к жилью

хозяина гостиницы, оставив Валентина одного.

Ждать пришлось довольно долго. Валентину казалось, что даже здесь он неясно слышит приглушенные расстоянием крики: «Валентин… Валентин… лорд Валентин!» Но это бесконечно повторяющееся имя для него ничего не значило, потому что это имя принадлежало другому человеку.

Шанамир вернулся, легко и быстро пробежав через двор.

— Все устроено. Дай мне какую-нибудь монету.

— Пятьдесят?

— Мельче, много мельче, что-нибудь вроде полкроны.

Валентин достал монеты, рассортировал их при тусклом свете лампы и протянул несколько самых потертых Шанамиру.

— За ночлег? — спросил он.

— Взятка сторожу, — ответил Шанамир. — Спальные места сегодня трудно найти. Из-за лишнего человека придется урезать количество места для остальных, и, если кто-нибудь сосчитает всех по головам и пожалуется, именно сторож должен нас прикрыть. Иди за мной и помалкивай.

Они вошли в дом. На них пахнуло солоноватым

воздухом и плесенью. За столом сидел жирный хьорт с серым лицом, похожий на огромную жабу, и раскладывал пасьянсы. Он только поднял глаза.

Шанамир положил перед ним монеты, и хьорт чуть заметно кивнул. По всей длинной узкой комнате без окон, освещенной красноватым светом трех висевших в разных местах ламп, на полу рядами лежали матрасы, и почти все они были заняты.

— Сюда, — сказал Шанамир.

Он слегка подтолкнул один матрас носком сапога, быстро снял верхнюю одежду и лег, оставив место Валентину.

— Приятного сна, — пожелал он.

— И тебе тоже.

Валентин разделся и лег рядом. Отдаленные крики все еще звучали у него в ушах, а может, ему это только казалось.

Его удивило, насколько он устал. Да, может быть, сегодня ночью и придут сны, а за ними надо внимательно следить, чтобы понять их значение. Но сначала должен был быть глубокий сон, сон совершенно изможденного человека. А утром? Новый день. Все может случиться. Все.

Глава 4

Сон, конечно, возник где-то среди ночи.

Валентин, как его учили в детстве, несколько отстранился от сна и следил за его развитием на расстоянии. Сны имели очень важное значение; это были послания правящих миром Сил, помогающие человеку строить свою жизнь; и игнорировать их можно было лишь на свой собственный страх и риск, ибо они являлись выражением глубочайшей истины. Валентин увидел себя идущим по большой пурпурной равнине под зловещим багровым небом и раздутым янтарным солнцем. Он шел один, лицо его осунулось, глаза ввалились. Земля перед ним растрескивалась, открывая зияющие ярко-оранжевые щели, из которых, как чертики из коробки, выскакивали какие-то существа. Они визгливо смеялись над ним и быстро прятались в трещины, прежде чем те закрывались.

Вот и все. Незавершенный сон, поскольку он ни о чем не рассказывал, в нем не было ни конфликтов, ни решений. Это был только образ, странная сцена, кусочек большой картины, которая еще не явилась ему. Валентин даже не мог сказать,

кто послал этот сон: благословенная Хозяйка с Острова Сна или злобный Король Снов.

Наполовину проснувшись, он лежал, обдумывая сон, и наконец решил не придавать ему большого значения. Он ощущал какое-то странное отдаление от своего внутреннего «я», будто он и вовсе не существовал до вчерашнего дня; даже мудрость снов теперь от него скрыта.

Он снова уснул. Ничто не тревожило его, кроме недолгого, но шумного дождя, и сны больше не приходили. Разбудил Валентина теплый золотисто-зеленый свет, лившийся через открытую дверь с дальнего конца узкого длинного холла. Шанамира не было. Кроме Валентина в комнате спали еще двое.

Валентин встал, потянулся, размял руки и ноги, оделся, умылся над раковиной у стены и вышел во двор, чувствуя себя бодрым, полным сил и готовым ко всему, что принесет ему день. Утренний воздух был плотным и влажным, но теплым и прозрачным. Ночной туман исчез. С чистого неба лился жар летнего солнца.

Во дворе росли три большие вьющиеся лозы, по одной у каждой из стен. Их искривленные стволы были больше чем в обхват толщиной, глянцевые лопатообразные листья имели глу-

бокий бронзовый оттенок, а молодая поросль — светло-красный. Лозы были усыпаны ярко-розовыми цветами, похожими на маленькие трубы, но рядом с цветами на них висели созревающие плоды — тяжелые бело-голубые ягоды, блестевшие от влаги. Валентин сорвал одну ягоду и съел. Она была сладкой, с привкусом молодого вина. Он съел вторую, потянулся было за третьей, но передумал.

Обойдя двор, Валентин заглянул в стойла и увидел животных Шанамира, спокойно жующих солому, но их хозяина не было — наверное, убежал по делам.

До Валентина донесся запах жареной рыбы, и он тут же почувствовал, что голоден, открыл расшатанную дверь и оказался в кухне, где маленький усталый человек готовил завтрак для полудюжины постояльцев различных рас. Он равнодушно взглянул на Валентина.

— Я опоздал к еде? — мягко спросил Валентин.

— Садись. Рыба и пиво. Тридцать весовых единиц.

Валентин нашел монету в полкроны и положил на плиту. Повар отсчитал несколько медяков сдачи и бросил второй кусок рыбного филе на сковородку. Валентин сел у стены. Несколько

позавтракавших собрались уходить. Стройная, гибкая девушка с коротко остриженными черными волосами задержалась около Валентина:

— Пиво в этом кувшине. Обслуживай себя сам.

— Спасибо, — ответил Валентин, но она уже вышла.

Он налил полную кружку. Пиво было крепкое, с резким привкусом. Через минуту он получил зажаренную до хруста, на удивление вкусную рыбу и быстро ее съел.

— Еще, — сказал он повару.

Повар мрачно посмотрел на него, но возражать не стал.

Во время еды Валентин заметил, что сидящий за соседним столиком хьорт, толстый, с одутловатым лицом, пепельной рябой кожей и большими выпуклыми глазами, внимательно разглядывает его. Валентину это было неприятно, и через какое-то время он искоса взглянул на хьорта. Тот заморгал и быстро отвел глаза, но вскоре снова повернулся к Валентину и спросил:

— Только что прибыл?

— Ночью.

— Надолго?

— До конца фестиваля, во всяком случае.

В этом хьорте было нечто такое, что инстинк-

тивно не нравилось Валентину. Возможно, виной всему — внешность, поскольку Валентин считал хьортов непривлекательными, грубыми и надменными созданиями. Конечно, думать так нехорошо: ведь хьорты не виноваты, что так выглядят, и люди, наверное, в свою очередь кажутся им бледными существами с отвратительно гладкой кожей.

А может быть, Валентину не нравилось вмешательство в его жизнь — пристальные взгляды, вопросы. А может, и то, что кожу хьорта украшали жирные полосы оранжевого пигмента. Так или иначе, но он вызывал у Валентина ощущение тошноты и одновременно беспокойства. Однако, устыдившись своих мыслей и не желая казаться необщительным, он заставил себя улыбнуться:

— Меня зовут Валентин. Я из Ни-мойи.

— Далеко забрался, — отозвался хьорт, шумно пережевывая пищу.

— Ты живешь неподалеку?

— Немного южнее Пидруида. Звать Виноркис. Торгую шкурами.

Он занялся своим завтраком, но через минуту снова переключил внимание на Валентина, пристально уставившись на него своими рыбьими глазами.

— Ты путешествуешь с этим мальчиком?

— Нет. Я встретил его на пути в Пидруид.

Хьорт кивнул:

— После фестиваля вернешься в Ни-мойю?

Вопросы начали надоедать Валентину, но ему все еще не хотелось показаться невежливым даже по отношению к столь навязчивому хьорту.

— Еще не знаю, — ответил он.

— Значит, думаешь остаться здесь?

Валентин пожал плечами:

— Я вообще ничего не планирую.

— М-м-м, — промычал Виноркис, — хороший образ жизни.

Из-за гнусавости хьорта трудно было понять, с одобрением он высказался или с саркастическим осуждением. Но Валентина это мало беспокоило. Решив, что все приличия соблюдены, он замолчал. У хьорта, по-видимому, хватило ума прекратить разговор. Он покончил с завтраком, со скрипом отодвинул стул и неуклюже, как все хьорты, поплелся к двери, бросив напоследок:

— Теперь — на рыночную площадь. Еще увидимся.

Валентин вышел во двор. Там шла очень странная игра. У дальней стены стояли восемь фигур и перебрасывались кинжалами. Шестеро были

скандарами, крупными косматыми существами с четырьмя руками и грубой серой кожей, а двое — людьми, которых Валентин видел за завтраком, когда вошел в кухню: стройная темноволосая девушка и худой мужчина со строгим взглядом, удивительно белой кожей и длинными белыми волосами.

Кинжалы летали с ошеломляющей быстротой, сверкая в утреннем солнце; на всех лицах было угрюмо-сосредоточенное выражение. Никто ни разу не уронил кинжал, никто не схватил его за острие, и Валентин даже не мог сосчитать, сколько же кинжалов носилось взад и вперед. Их, казалось, постоянно бросали и хватали, все руки были заняты, и все больше оружия мелькало в воздухе. Он подумал, что это жонглеры отрабатывают номер, готовясь к выступлению на фестивале.

Скандары, четырехрукие и тяжеловесные, демонстрировали невероятную ловкость, но мужчина и женщина не уступали им и жонглировали столь же искусно. Валентин стоял на безопасном расстоянии, зачарованно следя за летающими кинжалами.

Затем один из скандаров крикнул:

— Хоп!

И все перемешалось: шесть чужаков начали бросать кинжалы только друг другу, все увеличивая скорость, а двое людей отошли в сторону.

Девушка улыбнулась Валентину.

— Эй, давай с нами!

— Что?

— Сыграй с нами!

Глаза ее лукаво блеснули.

— Опасная, я бы сказал, игра.

— Все игры опасны. Лови!

Она без предупреждения бросила ему кинжал.

— Как тебя звать, парень?

— Валентин, — выдохнул он и отчаянно схватил кинжал за рукоятку, когда тот пролетал мимо его уха.

— Неплохо, — похвалил беловолосый. — А ну-ка этот!

И тоже метнул кинжал.

Валентин засмеялся, поймал его уже с большей ловкостью и встал, держа по кинжалу в каждой руке.

Скандары, совершенно не обращая внимания на эту сцену, методично продолжали обмениваться каскадом кинжалов.

— Верни бросок, — приказала девушка.

Валентин нахмурился и бросил излишне осто-

рожно, боясь задеть ее. Кинжал описал слабую дугу и упал к ногам девушки.

— Мог бы и лучше, — усмехнулась она.

— Извини.

Другой кинжал он послал с большей силой. Она спокойно поймала его, выхватила еще один у беловолосого и метнула их один за другим Валентину. Думать было некогда — он быстро схватил оба. На лбу выступил пот, но Валентин уже вошел в ритм.

— Давай, — велела девушка.

Он бросил ей один кинжал, второй, поймал от беловолосого третий и послал его в воздух, а к нему уже летели два других.

Лучше бы они были игровыми, тупыми, но он знал, что это не так, и очень волновался. Это занятие вызывало автоматическую реакцию, заставляло его сосредоточиться и, не упуская из виду подлетающий кинжал, вовремя отправлять другой.

Валентин двигался размеренно, ловил и бросал, ловил и бросал, и все время один кинжал летел к нему, а другой — от него.

Валентин понял, что настоящий жонглер должен работать обеими руками одновременно, но он не был жонглером, так что ухитрялся только

скоординировать хватку и бросок, и делал это хорошо, лишь иногда гадая, скоро ли совершит неизбежный промах и будет ранен.

Жонглеры смеялись и убыстряли темп. Он тоже смеялся с ними, бросал и ловил еще добрых две или три минуты, пока не почувствовал, что от напряжения его рефлексы слабеют. Пора было остановиться.

Он хватал и намеренно ронял кинжалы, пока все три не легли у его ног, а затем наклонился над ними, хлопая себя по бедрам и тяжело дыша.

Его партнеры зааплодировали.

Скандары не замедляли чудовищную скорость бросков. Но вот один из них снова крикнул:

— Хоп!

Секстет чужаков, не произнося ни слова, танцующей походкой двинулся прочь, к спальным помещениям.

Молодая женщина подошла к Валентину.

— Я — Карабелла, — представилась она.

Она была не выше Шанамира и совсем молода. В ее маленьком мускулистом теле играла неукротимая жизненная сила. Она была одета в плотно облегающий светло-зеленый камзол и брюки, на шее сверкала тройная нитка полированных раковин. Глаза ее были такими же темными, как

и волосы. Она улыбалась тепло и приветливо.

— Ты раньше жонглировал, приятель? — спросила Карабелла.

— Никогда, — ответил Валентин и вытер вспотевший лоб. — Тяжелый спорт. Удивляюсь, как я не порезался.

— Никогда не жонглировал? — вскричал блондин. — Только природная ловкость и больше ничего?

— Полагаю, что именно так, — пожав плечами, кивнул Валентин.

— Возможно ли это? — удивился блондин.

— Думаю, да, — сказала Карабелла. — Он хорош, Слит, но не в форме. Ты же видел, как двигаются его руки. Чуточку нервно, чуточку жадно, они не ждут, когда рукоятка окажется в нужном месте. А его броски? Поспешные, дикие. Ни один из тех, кто когда-либо тренировался, не мог бы так легко имитировать неуклюжесть. Да и зачем? У этого Валентина хороший глаз, Слит, но он сказал правду. Он никогда не жонглировал.

— Глаз у него более чем хороший, — пробурчал Слит, — а его проворству можно позавидовать. У него дар.

— Откуда ты? — спросила Карабелла.

— С востока, — неопределенно ответил Вален-

тин.

— Я так и думала. Ты говоришь как-то странно. Ты из Велатиса или, может быть, из Кинтора?

— Из тех краев.

Уклончивость ответов не ускользнула от Карабеллы и Слита. Они переглянулись.

Валентин подумал, не отец ли это с дочерью. Пожалуй, нет. Слит вовсе не так стар, как это казалось с первого взгляда. Скорее всего, примерно средних лет. Белизна кожи и волос увеличивала его возраст. Он был крепким, подтянутым, с тонкими губами и короткой остроконечной бородкой. От уха до подбородка шел шрам, уже бледный, но еще вполне отчетливый.

— А мы с юга, — сказала Карабелла. — Я из Тиломона, а Слит из Нарабаля.

— Вы приехали выступать на фестивале короналя?

— Именно. Нас только что нанял в свою труппу скандар Залзан Кавол — во исполнение недавнего указа короналя относительно найма людей. А ты? Что привело тебя в Пидруид?

— Фестиваль.

— Хочешь найти работу?

— Просто посмотреть на игры и парад.

Слит понимающе засмеялся.

— Не стесняйся нас, друг. Нет ничего дурного в том, чтобы продавать животных на рынке. Мы видели, как ты приехал с мальчиком прошлой ночью.

— Нет, я только вчера познакомился с юным погонщиком, когда подходил к городу. Это его животные. Я просто пришел с ним в гостиницу, потому что я здесь чужой. У меня нет никакого товара.

В дверях показался один из скандаров — гигантского роста, раза в полтора выше Валентина, страшно неуклюжий, с тяжелой челюстью и узкими желтыми глазами. Его четыре руки свисали до самых коленей, кисти походили на громадные корзины.

— Идите в дом! — резко крикнул он.

Слит поклонился и поспешил туда. Карабелла помедлила, улыбаясь Валентину.

— Ты очень странный, — сказала она. — Ты не врешь, но и правды не говоришь. Я думаю, ты и сам мало что знаешь о собственной душе. Но ты мне нравишься. От тебя исходит свет, ты знаешь это, Валентин? Свет невинности, простоты, тепла и еще чего-то — не пойму. — Она почти робко коснулась двумя пальцами его руки. — Да, ты мне нравишься. Может быть, мы еще будем

жонглировать.

И побежала за Слитом.

Глава 5

Валентин был один. Шанамир куда-то исчез.

Он очень хотел бы провести день с жонглерами и с Карабеллой, но надеяться на это не приходилось. У него не было никаких планов, и это смущало его, но не слишком, ведь он мог осмотреть совершенно незнакомый ему Пидруид.

Валентин отправился бродить по извилистым улицам, полным зелени. Пышные лианы и деревья с толстыми поникшими ветвями росли повсюду, радуясь влажному теплу. Издалека доносились звуки музыки, если так можно назвать эту странную, не самую приятную мелодию, — возможно, шла подготовка к большому параду. Ручеек пенившейся воды бежал по сточной канаве, где резвилась дикая живность Пидруида — минтоны, чесоточные собаки и маленькие шипоносные дроли.

В этом перенаселенном городе все и вся — даже бездомные животные — имели какие-то важные дела и торопились их сделать. Все, кроме Валентина, который шел бесцельно, не выбирая дороги. Он останавливался, чтобы заглянуть то в какую-нибудь темную лавочку с грудами

отрезов и гирляндами образцов ткани, то в какой-то заплесневелый склад пряностей, то в зажатый между двумя высокими узкими зданиями ухоженный, элегантный сад с цветами всевозможных оттенков. Прохожие глядели на него как на чудо, потому что он мог позволить себе роскошь прогуливаться без дела.

На одной из улиц он остановился посмотреть на детей, разыгрывавших что-то вроде пантомимы. Мальчик с полоской ткани золотистого цвета на лбу стоял в центре и делал угрожающие жесты, а остальные танцевали вокруг него, делая вид, что боятся, и пели:

Старый Король Снов
На троне своем сидит —
Он никогда не спит,
Громких не любит слов.
Если кто-нибудь день
Неправедно проведет,
Старый Король во сне
Страх на него нашлет.
Неумолим и суров,
С сердцем-камнем в груди,
За каждым из нас следит

Заметив, что Валентин за ними наблюдает, дети повернулись к нему и принялись отчаянно жестикулировать, гримасничать, поднимать руки и указывать на него. Он засмеялся и пошел дальше.

К середине утра он пришел в порт.

Длинные пирсы выдавались далеко в гавань, и все здесь, казалось, бурлило и кипело. Докеры четырех или пяти рас разгружали корабли, пришедшие из двадцати портов всех трех континентов. Работы было столько, что для перетаскивания тюков с товарами на пристань, а оттуда на склады нанимали временных рабочих. Шум стоял жуткий, а когда приходилось перемещать особенно крупные тюки, совершались поистине головокружительные маневры. Валентин следил за всем этим с пристани, когда вдруг почувствовал резкий удар между лопатками. Обернувшись, он увидел толстомордого темпераментного хьорта, размахивавшего руками и показывавшего на пирс.

— Давай туда, — приказал он. — Нам нужно еще шестерых для разгрузки корабля из Субраэля!

— Но я не…

— Быстро! Пошевеливайся!

Ладно. Валентин не был расположен спорить. Он пошел на пирс и присоединился к грузчикам, которые ревели и рычали, спуская вниз живой груз — скот. Валентин тоже ревел и рычал с ними до тех пор, пока животные, длинномордые годовалые блавы, не оказались на пути к скотным дворам или к бойням. Затем он быстро ускользнул и двинулся по набережной к пустому пирсу.

Там он постоял несколько минут прищурившись, глядя через гавань на бронзово-зеленый, белопенный океан, словно пытался разглядеть за горизонтом Алханроэль и его Горный замок, поднявшийся к небесам.

Разумеется, Алханроэль не был виден. Его отделяли десятки тысяч миль океана, такого широкого, что между берегами двух континентов некоторые из планет могли бы разместиться целиком.

Валентин взглянул под ноги, гадая, что лежит на той стороне планеты, если смотреть по прямой, и решил, что, наверное, западная половина Алханроэля. География представлялась ему наукой туманной и запутанной. Ему казалось, что он забыл очень многое из того, что учил в школе, и хотелось вспомнить хоть что-нибудь.

Возможно, он теперь находился как раз диамет-

рально против страшного Лабиринта, убежища понтифекса — старого и скрытного Великого монарха. А может быть, и это тоже вероятно, прямо под ногами Валентина лежит Остров Сна, где живут ласковая Хозяйка и ее вечно поющие жрецы и жрицы, что отправляют благословенные послания всем спящим мира.

Валентин с трудом мог поверить, что такие места существуют, что в мире есть такие персонажи и такие Силы, как понтифекс, Повелительница Снов, Король Снов и даже корональ, хотя он, Валентин, лишь несколько часов назад видел короналя своими глазами. Эти властители казались мифическими. Реальностью были доки Пидруида, гостиница, где Валентин спал, жареная рыба, жонглеры, мальчик Шанамир и его животные, а все остальное — фантазия, мираж.

Стало жарко и душно, хотя с моря дул приятный ветерок. Валентин опять проголодался. На краю набережной он за пару медяков купил полоски голубой рыбы, маринованной в горячем пряном соусе, а запил ее чашей огненного вина поразительно золотистого цвета и на вкус более обжигающего, чем острый соус. Затем он решил вернуться в гостиницу, но обнаружил, что не помнит ни названия гостиницы, ни улицы

и знает лишь, что это недалеко от портового квартала. Невелика потеря, если и не удастся найти гостиницу: все его имущество при нем. Но Валентин никого не знал в Пидруиде, кроме Шанамира и жонглеров, и ему не хотелось так скоро расстаться с ними.

Он пошел обратно и быстро запутался в лабиринте одинаковых улочек и переулков, пересекавших дорогу Воды.

Он три раза набредал на гостиницы, но каждый раз, подходя ближе, убеждался, что пришел не туда. Время шло, было уже, наверное, часа два дня, и Валентин понял, что все его поиски напрасны. Ему стало грустно, когда он подумал о Карабелле, о прикосновении ее пальцев, о ловкости ее рук, когда она бросала ножи, о блеске ее темных глаз. «Но что пропало, то пропало, — утешал себя он. — И что пользы оплакивать потерянное? Придется искать новую гостиницу и новых друзей, пока не стемнело».

Он повернул за угол и оказался на рынке.

Это было обширное огороженное пространство, почти столь же громадное, как и Золотая площадь, только здесь стояли не дворцы с башнями и отели с золочеными фасадами, а лишь бесконечные ряды крытых черепицей навесов, открытых

скотных дворов и лавчонок. Здесь скопились все ароматы и все зловоние мира и была выставлена для продажи половина существующих на свете товаров.

Под навесами на громадных крюках висели туши. Другие участки занимали мешки с пряностями. В одном загоне стояли поразительные птицы-прядильщики, возвышавшиеся над скандарами на своих несуразных ярких ногах. Они клевали и лягали друг друга, в то время как вокруг них спорили торговцы яйцами и шерстью. Рядом сверкали емкости с блестящими змеями, свисавшими и извивавшимися, как потоки злобного пламени. Поодаль продавались выпотрошенные морские драконы, сваленные в дурно пахнущие кучи.

Вот место для общественных писцов, которые писали за неграмотных, а тут — менялы, быстро обменивавшие деньги дюжины миров, а здесь — ряд совершенно одинаковых ларьков с сосисками, и в каждом похожие друг на друга лиимены крутят вертела над дымящимися углями.

Тут были и предсказатели судьбы, и колдуны, и жонглеры — только не те, кого знал Валентин, — и сидевшие на корточках рассказчики, за несколько медяков повествовавшие о сложных и

малопонятных приключениях жившего восемь тысяч лет назад лорда Стиамота, знаменитого короналя, чьи деяния стали уже мифом. Валентин послушал минут пять, однако так и не уловил смысл рассказа, который приводил в такое восхищение пятнадцать или двадцать бездельников.

Он пошел дальше — мимо балаганчика, где золотоглазый вруун наигрывал на серебряной флейте нехитрую мелодию, чтобы очаровать какое-то трехголовое существо в плетеной корзинке, мимо ухмылявшегося мальчишки лет десяти, зазывавшего его играть в раковины и бусы, мимо ряда разносчиков, продававших флаги с изображением Горящей Звезды короналя, мимо факира, подвешенного над чаном с каким-то мерзким горячим маслом, мимо ряда толкователей снов, мимо прохода, забитого продавцами лекарств, мимо места переводчиков, мимо продавцов драгоценностей и, наконец, повернув за угол, где торговали всевозможной одеждой, дошел до скотного двора, где продавали верховых животных.

Сотни, если не тысячи сильных пурпурных животных спокойно стояли бок о бок, равнодушно взирая на все, что происходило вокруг.

Здесь было что-то вроде аукциона, но Валентин

скоро понял, что разобраться в его ходе так же трудно, как в легенде о лорде Стиамоте. Продавцы и покупатели стояли двумя длинными рядами лицом друг к другу, рубили ребром ладони по запястьям, гримасничали, постукивали сжатыми кулаками и делали внезапный рывок локтем назад. Не произносилось ни одного слова, однако общение, и активное, явно шло, потому что писцы, стоявшие позади рядов, все время составляли акты продажи. Запись подтверждалась отпечатком пальца, окунутого в зеленые чернила, и торопливые клерки привязывали бирку с печатью Лабиринта понтифекса к бедру то одного, то другого животного.

Двигаясь вдоль линии аукциона, Валентин наконец наткнулся на Шанамира, который яростно стучал кулаками, дергал локтями и рубил покупателя по запястью. Через минуту все было кончено, и мальчик выскочил из ряда с радостными воплями. Он схватил Валентина за руку и в восторге завертелся вокруг него.

— Все продал! Все продал! И за высокую цену!

Он держал пачку расписок, выданных ему писцом.

— Пойдем со мной в казначейство, а потом нам останется только играть! Ты поздно встал?

— Наверное, поздно. Гостиница была почти пуста.

— Я пожалел тебя и не стал будить. Ты храпел, как блав. Что ты сегодня делал?

— Главным образом осматривал порт. Я пытался вернуться в гостиницу и случайно вышел на рыночную площадь. Мне повезло, что я набрел на тебя.

— Еще десять минут — и ты потерял бы меня навеки, — сказал Шанамир. — Вот сюда.

Он сжал запястье Валентина и потянул его к высокой светлой аркаде, где клерки за решеткой меняли расписки на деньги.

— Давай твои полсотни, — шепнул он. — Я здесь их разменяю.

Валентин отдал толстую блестящую монету и отошел в сторону, а мальчик встал в очередь. Через несколько минут Шанамир вернулся.

— Это твои, — сказал он и высыпал в раскрытый кошелек Валентина целый ливень монет — несколько по пять реалов и множество крон. — А это мои, — добавил он, лукаво улыбаясь и показывая три большие монеты по пятьдесят реалов, вроде той, которую он только что разменял для Валентина. Их он спрятал в пояс под камзолом. — Выгодное путешествие! Во время

фестиваля все с легкостью тратят свои деньги. Пошли! Вернемся в гостиницу и отпразднуем это флягой огненного вина, а? За мой счет!

Гостиница, как оказалось, была всего в пятнадцати минутах ходьбы от рынка. Как только они вышли на ту улицу, Валентин сразу узнал ее. Он подозревал, что в своих бесплодных поисках прошел мимо нее. Но теперь это было неважно — он здесь, а Шанамир рядом. Мальчик обрел свободу, избавившись от своих животных, и радовался полученной за них цене. Он болтал о том, что собирается делать в Пидруиде, прежде чем вернется домой. Программа была насыщенной: танцы, игры, выпивка, представления.

Когда они сидели в таверне, попивая вино за счет Шанамира, появились Слит и Карабелла.

— Можно присоединиться к вам? — спросил Слит.

— Это жонглеры из труппы скандаров, которая будет участвовать в параде, — объяснил Валентин Шанамиру. — Я познакомился с ними утром.

Он представил их друг другу. Жонглеры сели, и Шанамир предложил им вина.

— Ты был на рынке? — обратился к нему Слит.

— Был и все продал за хорошую цену.

— А теперь что? — поинтересовалась Кара-

белла.

— Побуду несколько дней на фестивале, — ответил мальчик, — а потом, наверное, домой, в Фалкинкип.

Он чуточку приуныл, подумав об этом.

— А ты? — Карабелла взглянула на Валентина. — Какие у тебя планы?

— Посмотреть фестиваль.

— А потом?

— Там видно будет.

Вино закончилось. Слит резко махнул рукой, и появилась вторая фляжка. Ее щедро разлили по кругу. Валентин почувствовал покалывание в языке от жгучей жидкости и легкое головокружение.

— А ты не хотел бы стать жонглером и войти в нашу труппу? — спросила Карабелла.

Валентин даже испугался:

— Я не умею!

— У тебя природные способности, — возразил Слит, — только нет навыка. Это мы с Карабеллой берем на себя. Ты быстро научишься, могу поклясться.

— Я буду путешествовать с вами, вести жизнь бродячего артиста и ходить из города в город?

— Точно.

Валентин взглянул через стол на Шанамира. Глаза мальчика сияли, и Валентин почти физически ощутил его возбуждение и зависть.

— Но с какой стати? — спросил он. — Зачем приглашать чужеземца, новичка?

Карабелла сделала знак Слиту, и тот быстро вышел из-за стола.

— Залзан Кавол объяснит, — сказала она. — Это не каприз, а необходимость. Нам не хватает рук, Валентин, и ты нам нужен. К тому же тебе все равно нечего делать. Ты, кажется, в этом городе случайно. Мы предлагаем тебе сотрудничество и заработок.

Через минуту Слит вернулся с гигантом-скандаром. Массивная, высоченная фигура Залзана Кавола внушала почтение. Он с трудом поместился за столом, и сиденье под ним угрожающе затрещало.

Скандары пришли из какого-то далекого, продуваемого ветром ледяного мира и, хотя они жили на Маджипуре уже тысячи лет, выполняя тяжелые работы, требовавшие большой силы и необычайной быстроты реакции, в теплом климате Маджипура всегда выглядели злобными и недовольными. Может быть, все дело в природных чертах их лиц, думал Валентин, но тем не

менее считал скандаров неприятным и мрачным племенем.

Скандар налил себе вина двумя внутренними руками, а другую пару рук раскинул через стол, словно хотел обхватить его и придвинуть к себе.

— Я видел, как ты утром кидал ножи со Слитом и Карабеллой, — произнес он грубым громовым голосом. — Ты можешь нам пригодиться.

— Каким образом?

— Мне нужен третий жонглер-человек, и быстро. Ты знаешь, что новый корональ издал недавно указ о выступающих на публике?

Валентин улыбнулся и пожал плечами.

— Это глупо и бессмысленно, — сказал Залзан Кавол, — но корональ молод и, я думаю, пускает стрелы куда попало. Был указ, что во всех артистических труппах, состоящих более чем из трех индивидуумов, одну треть должны представлять граждане Маджипура человеческой расы. Указ вступает в силу уже в этом месяце.

— Такой указ, — вмешалась Карабелла, — не даст ничего, кроме межрасовой вражды на планете, где все расы тысячелетиями жили мирно.

Залзан Кавол нахмурился:

— Тем не менее указ существует. Наверное, какие-нибудь шакалы в Замке напели этому лорду

Валентину, что другие расы слишком многочисленны, что люди Маджипура голодают, когда мы работаем. Глупость, и глупость опасная. В обычное время никто и внимания не обратил бы на такой указ, но тут фестиваль в честь короналя, и, если мы хотим, чтобы нам разрешили выступать, мы должны подчиниться правилам, пусть даже идиотским. Я и мои братья много лет зарабатываем на хлеб жонглерством, и это не вредило ни одному человеку, но теперь мы должны пополнить труппу. Я нашел в Пидруиде Слита и Карабеллу и включил их в нашу программу. Сегодня второй день. Через четыре дня мы выступаем на параде, и мне нужен третий человек. Хочешь стать нашим учеником, Валентин?

— Но смогу ли я научиться жонглировать за четыре дня?

— Ты будешь просто учеником, — ответил скандар. — Мы подберем тебе какой-нибудь жонглерский номер для парада, чтобы ты не осрамил ни себя, ни нас. Насколько я понимаю, закон не требует, чтобы все члены труппы одинаково владели мастерством. Главное, чтобы трое были людьми.

— А после фестиваля?

— Пойдешь с нами из города в город.

— Вы обо мне ничего не знаете, а приглашаете меня разделить вашу жизнь.

— Я ничего о тебе не знаю и не хочу знать. Мне нужен жонглер твоей расы. Я буду оплачивать твой ночлег и стол там, куда мы придем, и, кроме того, платить тебе десять крон в неделю. Согласен?

Глаза Карабеллы странно вспыхнули, как будто она хотела сказать: «Ты можешь попросить и получить вдвое больше, Валентин». Но деньги для него мало значили. Ему достаточно иметь пищу и место для сна. Он будет рядом со Слитом и Карабеллой — с двумя из троих людей, которых он знал в этом городе и — как он с некоторым смущением признался себе — во всем мире. Потому что прошлого у него не было. Лишь какие-то смутные воспоминания о родителях, о кузенах и сестрах, о детстве где-то на востоке Зимроэля, о школе и путешествиях — но ничто из этого не казалось ему реальным, ничто не имело плоти и сути. И в будущем его тоже ждала пустота. Эти жонглеры обещали наполнить ее. Но только…

— Одно условие, — сказал он.

— Какое? — спросил Залзан Кавол с недовольным видом.

Валентин кивнул на Шанамира.

— Я думаю, этому парнишке надоело разводить животных в Фалкинкипе и он наверняка мечтает о путешествиях. Я прошу, чтобы ты принял его в свою труппу как…

— Валентин! — вскричал мальчик.

— …как грума или слугу или даже как жонглера, если у него получится, — продолжил Валентин. — Если он хочет быть с нами, прими его вместе со мной. Примешь?

Залзан Кавол помолчал, как бы прикидывая, и откуда-то из глубин его громоздкого тела вырвался едва слышный рычащий звук. Затем он спросил Шанамира:

— Тебя это сколько-нибудь интересует, парень?

— Меня-то? Еще бы!

— Этого я и боялся, — угрюмо пробурчал скандар. — Значит, решено. Мы нанимаем вас обоих за тринадцать крон в неделю плюс ночлег и пища. Идет?

— Идет, — ответил Валентин.

— Идет! — вскричал Шанамир.

Залзан Кавол проглотил остатки огненного вина.

— Слит, Карабелла, ведите этого иноземца во двор и начинайте делать из него жонглера. А

ты, парень, пойдешь со мной. Я хочу, чтобы ты посмотрел на наших животных.

Глава 6

Они вышли. Карабелла побежала за снаряжением. Валентин любовался ее изящными движениями и представлял, как играют под одеждой гибкие мышцы. Слит сорвал голубовато-белую ягоду с какой-то лозы и кинул ее в рот.

— Что это? — спросил Валентин.

Слит бросил ему ягоду.

— Токка. В Нарабале, откуда я родом, лоза токки прорастает за одно утро и к вечеру достигает высоты дома. Правда, в Нарабале благодатная почва и каждый день на заре идут дожди. Еще?

— Если можно.

Быстрым, еле заметным движением кисти Слит бросил ягоду. Он был поджарым человеком, без единой унции лишней плоти, с точными движениями, с сухим, хорошо поставленным голосом.

— Жуй семена, — посоветовал он. — Они усиливают мужественность. — И слегка усмехнулся.

Карабелла вернулась с множеством разноцветных резиновых мячей, которыми она жонглировала по дороге, не сбиваясь с шага. Она кинула один мяч Валентину, три — Слиту, а три оставила себе.

— Не ножи? — удивился Валентин.

— Ножи для выступления. А сегодня мы займемся основами, — ответил Слит, — философией искусства. Ножи будут отвлекать.

— Как это — философией?

— Ты думаешь, что жонглирование — просто трюк? — обиженно спросил маленький человек. — Развлечение для зевак? Средство заработать пару крон на провинциальном карнавале? Все это так, но прежде всего это образ жизни, друг мой, кредо, объект поклонения.

— И своего рода поэзия, — добавила Карабелла.

Слит кивнул.

— Да, и поэзия тоже, и математика. Жонглирование учит расчету, контролю, равновесию, осознанию положения вещей и основам структуры движения. Тут есть беззвучная музыка. Но превыше всего — дисциплина. Я говорю слишком высокопарно?

— Может, это звучит и высокопарно, — сказала Карабелла, — но все, что он сказал, — правда. — Она озорно блеснула глазами: — Ты готов начать?

Валентин кивнул.

— Сначала успокойся, — начал урок Слит, — очисти мозг от всех ненужных мыслей и расчетов.

Войди в центр своего существа и заставь себя оставаться там.

Валентин принял устойчивую позу, трижды глубоко вздохнул, расслабил плечи, чтобы не чувствовать своих болтавшихся рук, и прислушался к себе.

— Я думаю, — сказала Карабелла, — что этот человек живет большую часть времени в центре своего «я». А может, у него нет центра и поэтому он не может отойти далеко?

— Ты готов? — спросил Слит.

— Готов.

— Мы будем учить тебя основам постепенно, каждый раз по чуть-чуть. Жонглирование — это множество отдельных, быстро сменяющихся в определенной последовательности мелких движений, что создает впечатление постоянства и одновременности, единого потока. Одновременность — иллюзия, приятель, когда ты жонглируешь и даже когда не жонглируешь. Все события происходят по очереди.

Слит холодно улыбнулся. Казалось, что он говорил с расстояния в десятки тысяч миль.

— Закрой глаза, Валентин. Ориентация в пространстве и времени очень важна. Думай, где ты находишься и каково твое положение относи-

тельно мира.

Перед мысленным взором Валентина возник Маджипур, могучий шар, висящий в пространстве. Половина его, если не больше, поглощена Великим океаном. Валентин представил себя, крепко стоящего на краю Зимроэля. Позади была вода, а перед ним развернулся континент, и на поверхности Внутреннего моря виднелась точка — Остров Сна, а дальше — Алханроэль, и громадная выпуклость Горного замка, и солнце, желтое с бронзово-зеленым оттенком, посылающее испепеляющие лучи на пыльный Сувраэль и на тропики и греющее все остальное, и луны где-то далеко, и еще дальше — звезды и другие миры, те миры, откуда пришли скандары, хьорты, лиимены и все прочие, и даже тот мир, откуда эмигрировал народ Валентина четырнадцать тысяч лет назад, — Старая Земля, маленькая голубая планета, невероятно крохотная по сравнению с Маджипуром. Она очень далеко, где-то на другом конце Вселенной, и почти забыта всеми.

Валентин отстранился от звезд и вернулся обратно в этот мир, на этот континент, в этот город, в эту гостиницу, в этот двор, на этот маленький клочок влажной плодородной земли, в которой утопали его сапоги, и сказал Слиту, что готов.

Слит и Карабелла стояли, согнув руки, прижав локти к бокам, раскрыв ладони, в правой держа мячи. Валентин принял такую же позу.

— Представь, — сказал Слит, — что у тебя в руках поднос с драгоценными камнями. Если ты будешь двигать плечами или локтями, поднимать или опускать кисти рук, камни рассыплются. Понятно? Секрет жонглирования состоит в том, чтобы тело оставалось почти неподвижным. Двигаются вещи, и ты управляешь ими, но при этом сам почти не шевелишься.

Мяч Слита неожиданно перелетел из правой руки в левую, хотя в теле Слита не было даже намека на движение. Мяч Карабеллы сделал то же. Валентин, подражая им, перебросил мяч из одной руки в другую, чувствуя усилие и движение.

Карабелла пояснила:

— Слишком активно пользуешься запястьем и локтем тоже. Раскрой ладонь, расставь пальцы. Ты выпускаешь пойманную птицу. Так. Рука раскрыта — птица летит вверх.

— Запястье совсем не работает? — спросил Валентин.

— Чуть-чуть и незаметно. Толчок исходит от ладони. Вот так.

Валентин попробовал. Едва ощутимые дви-

жения предплечья вверх, мимолетное сжатие запястья, толчок центром ладони и из центра самого существа Валентина. Мяч перелетел в согнутую левую ладонь.

— Так, — кивнул Слит. — Еще раз.

Еще раз, и еще, и еще… Пятнадцать минут все трое перекидывали мячи из одной руки в другую. Они заставляли Валентина посылать мяч по почти неизменной дуге перед лицом и не позволяли ни поднимать, ни поворачивать голову, чтобы следить за мячом. Руки ждут, мяч летает. Через какое-то время Валентин стал делать это автоматически.

Из стойл вышел Шанамир и ошеломленно уставился на целеустремленные полеты мячей, а затем поплелся прочь.

Валентин не останавливался. Пусть это перебрасывание одного мяча мало походило на жонглирование, но сейчас для него и это было событием, которое поглотило его целиком.

Потом он заметил, что Слит и Карабелла остановились, что он продолжает один и действует как машина.

— Лови! — крикнул Слит и бросил ему только что сорванную ягоду токки.

Валентин поймал ее в промежутке между

бросками мяча и держал, как бы в раздумье, не следует ли жонглировать и ею, но Слит жестом пояснил, что ягоду нужно съесть — это его награда, премия.

Карабелла бросила ему второй мяч в левую руку, а следом третий — в правую.

— У тебя большие руки, — сказала она, — тебе будет легко. Следи за мной и делай, как я.

Она стала перебрасывать мяч из руки в руку, ловя его в корзинку, составленную из трех пальцев, и держа по мячу в центре каждой ладони. Валентин стал подражать ей. Хватать мяч занятой ладонью было труднее, чем пустой, но ненамного, и скоро он перестал ошибаться.

— Теперь, — продолжил обучение Слит, — начнется само искусство. Мы делаем обмен. Так.

Один мяч пролетел по дуге на уровне лица из правой руки Слита в левую. Пока мяч летел, Слит приготовил ему место в левой руке, перебросив мяч, который был в ней, по более низкой дуге под летящим мячом в правую руку. Маневр казался довольно простым — быстрый взаимный переброс, но когда Валентин попытался это сделать, мячи столкнулись и разлетелись в стороны. Карабелла с улыбкой поймала их и вернула Валентину.

Он попытался еще раз, но с тем же результатом, и Карабелла показала ему, как бросить первый мяч, чтобы он упал на дальнюю сторону левой ладони, в то время как другой мяч пойдет внутри траектории первого, когда его бросают вправо. Валентин сделал несколько попыток. Он несколько раз промахнулся, хватая мяч, а глаза его при этом разбегались. Слит тем временем выполнял обмен за обменом, а Карабелла натаскивала Валентина в двойном броске. Казалось, это длилось часами, а может, так оно и было.

Когда Валентин наконец усвоил урок, он сначала почувствовал усталость, но ей на смену пришло состояние полной гармонии и сознание, что мог бы бросать мячи целый месяц подряд, не утомляясь и не роняя ни одного.

Вдруг он заметил, что Слит жонглирует всеми тремя мячами сразу.

— Давай и ты, — предложила Карабелла. — Это только кажется невозможным.

Легкость, с которой Валентин выполнил трюк, удивила не только его самого, но и Слита с Карабеллой; она захлопала в ладоши, а Слит, не нарушая ритма, одобрительно хмыкнул.

Валентин интуитивно бросил третий мяч, пока второй летел из левой руки в правую. Он схватил

второй и снова бросил, а дальше так и пошло: бросок, захват, бросок, захват. Один мяч все время поднимался по дуге, другой опускался в готовую принять его руку, а третий ожидал броска.

Валентин сделал три, четыре, пять чередований, прежде чем осознал сложность того, что делал. Как только это произошло, ритм его движений тут же нарушился, мячи столкнулись и покатились по земле.

— У тебя талант, — пробормотал Слит, — явный талант.

Валентин был смущен из-за ошибки, но падение мячей не имело никакого значения по сравнению с тем, что он сумел с первой попытки жонглировать сразу тремя предметами. Он подобрал их и начал снова. Стоявший напротив Слит, не прерываясь, продолжал серию бросков.

Подражая стойке и движениям Слита, Валентин начал бросать, сразу же уронил два мяча, поднял, бормоча извинения, начал снова и на этот раз уже не останавливался.

Пять, шесть, семь чередований, десять… Вскоре он сбился со счета, ибо то, что он делал, было уже не чередованием, а бесконечным процессом. Его сознание словно раздвоилось: одна половина следила за точностью и аккуратностью бросков и

захватов, а другая управляла взлетом и падением мячей и быстро рассчитывала скорость, угол и темп спуска. Оценивающая часть его мозга тут же передавала информацию другой части, управлявшей бросками и захватами. Время, казалось, делилось на бесконечно малые отрезки, однако же, как ни парадоксально, он не чувствовал их последовательности. Три мяча как бы замерли на своих местах: один все время в воздухе, два других — в руках, и хотя каждый миг эти положения занимали разные мячи, это уже было неважно.

Каждый мяч был всеми сразу, время как бы исчезло. Валентин не двигался, не бросал, не ловил, он только наблюдал за потоком, застывшим вне времени и пространства. Теперь Валентин понял секрет искусства. Своим расщепленным сознанием он вступил в бесконечность и объединил ее. Он шел к внутренней природе движения и понял, что движение — иллюзия, а последовательность — ошибка восприятия. Руки его действовали в настоящем, глаза изучали будущее, и в то же время не существовало ничего, кроме настоящего момента.

Дух Валентина устремился к высотам экзальтации, и едва заметная вспышка в раздвоенном сознании позволила ему почувствовать, что

он более не стоит на месте, а каким-то образом движется вперед, что вращающиеся по орбите мячи чуть отдалились от него и магически притягивают к себе. С каждой серией бросков они отступали все дальше через двор, и он теперь снова ощущал, что это серийность, а не бесконечный, безостановочный процесс. Ему приходилось двигаться все быстрее, чтобы не упустить их, и в конце концов, пошатываясь и кренясь, он буквально бежал вокруг двора. Слит и Карабелла отскочили в стороны. Наконец мячи совершенно вышли из повиновения и, несмотря на сделанный им последний отчаянный рывок, запрыгали в разные стороны.

Валентин, задохнувшись, упал на колени. Он услышал смех своих инструкторов и тоже засмеялся:

— Что случилось? Я начал так хорошо, а затем… Затем…

— Мелкие ошибки накапливаются, — объяснила Карабелла. — Ты увлекся и бросил мяч чуть-чуть неправильно, потянулся вперед, чтобы поймать его, и в результате следующий бросок был еще более неправильным, и так шло до тех пор, пока мячи не отошли от тебя. Ты стал охотиться за ними, но в конце концов преследование

стало невозможным. Такое случается поначалу со всеми. Не переживай.

— Подними мячи, — сказал Слит. — Через четыре дня ты будешь жонглировать перед короналем.

Глава 7

Он тренировался часами, работая всего с тремя мячами, но делал это до тех пор, пока раз десять не проник в бесконечность, переходя от скуки к экстазу и обратно к скуке, так что сама скука стала экстазом. Одежда его промокла от пота и прилипла к телу. Даже когда пошел обычный для Пидруида недолгий и слабый дождь, Валентин не прекратил перекидывать мячи. Дождь кончился, а вместе с ним кончился и день. Вечернее солнце закрыл легкий туман. А Валентин все продолжал жонглировать. Безумный ритм заворожил его. Краем глаза он смутно видел, что по двору постоянно двигаются какие-то фигуры: Слит, Карабелла, скандары, Шанамир, приходившие и уходившие незнакомцы, — но не обращал на них внимания.

Он ощущал себя пустым сосудом, который заполнялся этим искусством, этой тайной, и не смел остановиться, боясь, что потеряет это и снова опустошится.

Затем кто-то подошел к нему, и вдруг оказалось, что в руках ничего нет. Слит перехватил мячи один за другим, когда они пролетали в воздухе.

Какое-то время руки Валентина еще продолжали двигаться в заданном ритме, а глаза оставались сфокусированными на плоскости, через которую пролетали мячи.

— Выпей это, — мягко предложила Карабелла.

Она поднесла к его губам стакан с огненным вином.

Валентин выпил его, как воду. Карабелла подала второй стакан.

— У тебя изумительный дар, — сказала она. — Не только координации, но и сосредоточенности. Мы даже немного испугались, когда увидели, что ты не можешь остановиться.

— В Звездный день ты будешь лучшим из нас, — подхватил Слит. — И удостоишься похвалы самого короналя. Эй, Залзан Кавол, что скажешь?

— Я скажу, что он весь мокрый и ему надо переодеться, — прогромыхал скандар. Он протянул Слиту несколько монет. — Сходи на базар и купи ему подходящую одежду, пока палатки не закрылись. Карабелла, отведи его в очиститель. Через полчаса будем есть.

— Пойдем, — позвала Карабелла.

Она провела все еще не пришедшего в себя Валентина через двор и спальни. К боковой стене

здания был пристроен открытый сверху очиститель.

— Вот животное! — сердито ворчала она. — Не сказал тебе ни словечка похвалы. Я знаю, хвалить вообще не в его привычках, но ты произвел на него впечатление.

— На Залзана Кавола?

— Да. Он был поражен. Но разве он может хвалить человека? У тебя всего две руки! Да и вообще, он никому доброго слова не скажет. Сюда. Раздевайся.

Она быстро разделась, и он сделал то же, бросив мокрую одежду на землю. Увидев в ярком лунном свете наготу Карабеллы, он замер от восхищения. Тело ее было стройным, гибким, почти мальчишеским, если не считать маленьких округлых грудей и неожиданной выпуклости бедер ниже узкой талии. Под кожей просматривались хорошо развитые мускулы. На крепкой ягодице красовалась татуировка: красно-зеленый цветок.

Она подвела Валентина под очиститель, и они стояли рядом, пока вибрация снимала с них пот и грязь. Не одеваясь, они вернулись в спальни, где Карабелла достала для себя чистые брюки из мягкой серой ткани и камзол. Вскоре вернулся Слит с базара и принес Валентину новую одежду:

темно-зеленый камзол с алой отделкой, плотные красные брюки и темно-синий, почти черный, легкий плащ. Этот костюм был куда более элегантным, чем тот, который Валентин носил прежде. Надев его, он почувствовал себя как бы выше рангом и нарочито важной поступью направился вслед за Слитом и Карабеллой в кухню.

На обед было тушеное мясо неизвестного происхождения (Валентин не осмелился спросить какого), обильно смоченное огненным вином. Шесть скандаров сели за один конец стола, а четыре человека — за другой. Ели молча. Насытившись, Залзан Кавол и его братья встали, по-прежнему не говоря ни слова, и вышли.

— Мы их чем-нибудь обидели? — спросил Валентин.

— Это их обычная вежливость, — ответила Карабелла.

Хьорт Виноркис, разговаривавший с Валентином за завтраком, пересек комнату и навис над его плечом, пристально глядя вниз своими рыбьими глазами. Очевидно, у него была такая привычка. Валентин неохотно улыбнулся.

— Я видел, как ты жонглировал сегодня во дворе. Очень здорово.

— Спасибо.

— Это твое хобби?

— Именно. Никогда раньше этим не занимался. Но скандары, похоже, взяли меня в свою труппу.

На хьорта это, кажется, произвело впечатление.

— Вот как? И ты пойдешь с ними дальше?

— Похоже на то.

— А куда?

— Понятия не имею. Это еще не решено. Но куда бы они ни пошли, для меня все одинаково хорошо.

— Ах, свободная жизнь, — вздохнул Винокис. — Я и сам хотел бы. Может, скандары наймут и меня тоже?

— Ты умеешь жонглировать?

— Я могу вести счета. Я жонглирую цифрами. — Винокис неистово захохотал и дружески похлопал Валентина по спине. — Я жонглирую цифрами! Тебе это нравится? Ну, спокойной ночи!

— Кто это? — спросила Карабелла, когда хьорт вышел.

— Я познакомился с ним сегодня утром, за завтраком. Это местный торговец, кажется.

Она состроила гримасу.

— Мне он что-то не нравится. Впрочем, хьортов

мало кто любит. Безобразные существа. — Она грациозно встала. — Пошли?

В эту ночь он опять спал крепко. Казалось, после событий дня ему должно было присниться жонглирование, но нет: он снова оказался на пурпурной равнине, и это настораживало, ибо маджипурцы с детства знали, что повторяющиеся сны исключительно важны и, как правило, предвещают зло. Повелительница редко посылает такие сны, а вот Король любит это делать.

И опять сон оказался лишь фрагментом чего-то. В небе парили усмехающиеся лица. Водовороты пурпурного песка кружились на тропе, словно под ней усиленно работали своими когтями какие-то подземные существа. Из земли вырастали шипы. С деревьев таращились глаза. Во всем таилась угроза, уродство, ненависть. Но в этом сне не было ни действующих лиц, ни событий. Он просто служил дурным предзнаменованием.

Мир сна уступил место миру рассвета.

Валентин проснулся раньше всех, как только первые лучи света проникли в комнату. Рядом блаженно посапывал Шанамир. В дальнем конце свернулся, как змея, Слит. Рядом с ним улыбалась во сне Карабелла. Скандары, видимо, спали в другой комнате, из чужаков здесь были только

два больших бесформенных хьорта и три врууна, тела которых переплелись так, что больше походили на запутанный клубок конечностей.

Валентин достал из чемоданчика Карабеллы три жонглерских мяча и вышел в туманный рассвет отточить свои приобретенные навыки.

Появившийся часом позже Слит застал его за этим занятием и всплеснул руками:

— У тебя прямо страсть, приятель! Ты жонглируешь как одержимый. Но не утомляйся чрезмерно. Сегодня мы перейдем к более сложным приемам.

Утренний урок состоял из вариаций основного положения. Теперь Валентин учился так бросать мячи, чтобы один всегда был в воздухе, и он освоил этот трюк, овладев техникой его выполнения за полдня, хотя Карабелла говорила, что это требует многих дней практики.

Его заставляли ходить, бегать, поворачиваться и даже прыгать. Он жонглировал тремя мячами, поднимаясь и спускаясь по лестнице, присев на корточки, опускаясь на колени, стоя на одной ноге, как важная гихорн-птица с болот Зимра. Теперь он был абсолютно уверен в полной согласованности работы глаз и рук, а остальные части тела могли выделывать что угодно, никак

не влияя на жонглирование.

Днем Слит учил его новым хитростям: кидать мяч из-за спины, из-под ноги, жонглировать со скрещенными руками. Карабелла показывала, как бросать мяч в стену и мягко переводить его возвращение в полет, как посылать мяч из одной руки в другую и тут же, вместо того чтобы ловить, отправлять его обратно тыльной стороной кисти. Все это он быстро освоил. Карабелла и Слит не осыпали его комплиментами — постоянно хвалить не годится, — но он замечал, как часто они изумленно переглядывались, и это было ему приятно.

Скандары жонглировали в другой части двора, репетируя то, что намеревались показать на параде: чудеса с серпами, ножами и горящими факелами. Валентин мельком взглянул на них, и работа этих четырехруких существ привела его в восхищение. Но в основном он был сосредоточен на собственной тренировке.

Так прошел День моря. На четвертый день мячи сменились дубинками. Задача оказалась сложной, потому что, хотя принципы оставались в основном прежними, дубинки были больше и менее удобны, и приходилось бросать их выше, чтобы иметь время на захват. Валентин начал с

одной дубинки, перебрасывая ее из руки в руку. Карабелла объясняла, как держать дубинку, как бросать и как ловить. Следуя ее советам, он быстро освоился и с дубинкой.

— Теперь, — сказала она, — возьми в левую руку два мяча, а в правую — дубинку.

Сначала ему мешала разница в массе и скорости, но так продолжалось недолго, и он вскоре перешел к двум дубинкам в правой руке и одному мячу в левой, а к вечеру четвертого дня уже работал с тремя дубинками. Запястья болели, глаза слезились от напряжения, но Валентин жонглировал, не желая да и практически не имея возможности остановиться.

Вечером он спросил:

— Когда вы научите меня перебрасываться дубинками с другими жонглерами?

Карабелла улыбнулась:

— Позднее, после парада, когда мы пойдем на восток через деревни.

— Я мог бы попробовать это и сейчас.

— Только не во время парада. Ты демонстрируешь чудеса, но есть предел тому, что можно освоить за три дня. Если бы мы стали жонглировать на параде с новичком, нам пришлось бы опуститься до его уровня, а короналю это вряд ли

доставит большое удовольствие.

Он вынужден был признать ее правоту и все же продолжал мечтать о том времени, когда сможет принять участие в совместной работе жонглеров как равноправный член труппы и будет перебрасываться с ними дубинками, ножами или факелами.

Ночью четвертого дня шел дождь, необычно затяжной для субтропического лета Пидруида, где обычно бывали короткие ливни, и к утру пятого дня двор стал вязким и мокрым, как губка. Но небо очистилось, и горячее солнце светило ярко.

Шанамир, шатавшийся по городу, пока Валентин репетировал, рассказывал, что подготовка к большому параду идет полным ходом.

— Повсюду ленты и флаги, — описывал он увиденное, стоя на безопасном расстоянии, когда Валентин с утра начал разминку с тремя дубинками. — Знамена с Горящей Звездой выставлены вдоль дороги от врат Фалкинкипа до врат Дракона, а за ними, как я слышал, вдоль всего порта, на много миль все украшено, даже дорогу покрыли золотыми тканями и зеленой росписью. Говорят, все это стоит не одну тысячу реалов.

— А кто платит? — спросил Валентин.

— Как кто? Народ Пидруида, — удивленно от-

ветил мальчик. — Кто же еще? Уж конечно, не Ни-мойя и не Велатис!

— По-моему, корональ сам мог бы оплатить свой фестиваль.

— А чьими деньгами он будет платить, если не налогами со всего мира? Зачем бы городам Алханроэля платить за фестиваль в Зимроэле? Кроме того, это великая честь — принимать короналя! Пидруид охотно платит. Послушай, как ты умудряешься бросать дубинку и одновременно хватать ее той же рукой?

— Бросок раньше, дружище. Но только чуть-чуть раньше. Смотри внимательно.

— Я смотрю и все-таки не могу понять, как это делается.

— Когда у нас будет время — как только закончится парад, — я все покажу тебе.

— Куда мы пойдем отсюда?

— Не знаю. Карабелла говорила, что на восток. Мы пойдем в любое место, где намечается ярмарка, карнавал или фестиваль и где нужны жонглеры.

— Я тоже стану жонглером, Валентин?

— Если захочешь. Но я думал, тебя больше привлекает море.

— Я и в самом деле хочу путешествовать, — ска-

зал Шанамир, — но необязательно по морю. Я не хочу возвращаться в Фалкинкип. Восемнадцать часов в день в стойлах, в заботе о животных — нет, это не для меня, хватит уж! Ты знаешь, в ту ночь, когда я покинул дом, мне приснилось, что я научился летать. Это был сон от Повелительницы, Валентин, я сразу понял, а полет означает, что я пойду туда, куда надеялся. Когда ты сказал Залзану Каволу, чтобы он взял и меня, если хочет нанять тебя, я задрожал. Я думал… Я чувствовал все… — Он овладел собой. — Валентин, я хочу быть таким же хорошим жонглером, как ты.

— Я еще не хороший. Я только начинающий.

Однако Валентин почувствовал себя увереннее и, словно желая порисоваться, стал бросать дубинки по более низким дугам.

— Не могу поверить, что ты научился этому за два дня.

— Слит и Карабелла хорошие учителя.

— Я никогда не видел, чтобы кто-то чему-то научился так быстро, — удивился Шанамир. — У тебя, наверное, мозг особенный. Бьюсь об заклад, ты был какой-то важной особой, пока не стал бродяжничать. Ты выглядишь таким дружелюбным, таким… простым и тем не менее… тем не менее…

— Скрытые глубины, — добродушно усмехнулся Валентин.

Он попытался бросить дубинку из-за спины, и она с треском ударила его по левому локтю. Все три дубинки упали на мокрую землю, а Валентин, морщась, потирал ушиб.

— Мастер-жонглер! — воскликнул он. — Видал? Обычно требуется несколько недель, чтобы научиться так бить свои локти!

— Ты это сделал, чтобы сменить тему разговора, — почти серьезно сказал Шанамир.

Глава 8

Приближалось утро Звездного дня — дня парада, дня короналя, первого дня великого фестиваля Пидруида, а Валентин спал, свернувшись калачиком, и видел спокойный сон: пышную зелень холмов, прозрачные озера с голубыми и желтыми водяными цветами. Он проснулся от того, что чьи-то пальцы воткнулись ему под ребра, и сел, моргая и что-то бормоча. Было темно. До рассвета еще далеко. Над ним склонилась Карабелла. Даже в темноте Валентин ощутил ее кошачью грацию, уловил тонкий запах кожи, услышал легкий смех.

— Почему так рано? — пробормотал он.

— Чтобы занять хорошее место, когда корональ пойдет мимо. Поторопись! Все уже готовы.

Валентин вскочил. Запястья немного ныли от жонглирования дубинками. Он раскинул руки и потряс расслабленными кистями. Карабелла усмехнулась, взяла его руки в свои и взглянула ему в лицо.

— Ты будешь великолепно жонглировать сегодня, — тихо произнесла она.

— Надеюсь.

— Какие могут быть сомнения, Валентин? Что бы ты ни делал, все у тебя выходит отлично. Таков уж ты есть.

— И тебе известно, что я за человек?

— Конечно. Наверное, даже лучше, чем тебе. Валентин, известна разница между сном и явью?

Он нахмурился:

— Не понял.

— Мне иногда кажется, что для тебя это одно и то же, что ты живешь во сне или спишь в жизни. Но вообще-то я так не думаю, и Слит тоже. Ты околдовал его, а это нелегко. Он везде бывал, многое видел, однако он постоянно говорит о тебе, пытается понять тебя, заглянуть тебе в душу.

— Не думал, что я так интересен. По-моему, я скучный.

— Для нас — нет. — Ее глаза блеснули. — Ну, одевайся и поешь перед парадом. Утром мы будем смотреть, как проедет корональ, днем у нас представление, а ночью… Ночью…

— Да? Что ночью?

— Ночью мы празднуем фестиваль! — крикнула она и выскочила за дверь.

Туманным утром труппа жонглеров направилась к занятому для них Зализаном Каволом месту на главном тракте.

Путь короналя начинался от Золотой площади, где он остановился на ночь, шел на восток по изогнутому бульвару, начинавшемуся за одними из второстепенных городских ворот и ведущему к главному тракту, по которому Валентин и Шанамир въехали в Пидруид и где стояли в два ряда цветущие огненные пальмы, затем через врата Фалкинкипа обратно в город, через него по дороге Воды к арке Снов и из врат Дракона — в порт, где на краю бухты был построен главный стадион Пидруида. Так что парад был, в сущности, двойным: сначала корональ проходит мимо народа, а потом народ проходит мимо короналя. Парад продлится весь день и всю ночь — вероятно, до зари Дня солнца.

Поскольку выступление жонглеров являлось частью королевского развлечения, им необходимо было занять место где-нибудь недалеко от выхода из порта, иначе они не смогут вовремя пройти через переполненный город и попасть на стадион. Залзан Кавол выбрал для них место возле арки Снов, но это означало, что им придется большую часть дня ждать, когда парад подойдет к ним. Но тут уж ничего не поделаешь.

Они шли пешком по диагонали через окраинные улицы и наконец добрались до нижнего

конца дороги Воды. Как и говорил Шанамир, город был обильно украшен гирляндами и флагами, свисавшими со всех домов и фонарей. Сама дорога была заново раскрашена в цвета короналя — сияющий ярко-зеленый с золотой окантовкой.

В этот ранний час дорогу уже заполнили зрители, но, когда появились жонглеры и Залзан Кавол показал пачку билетов, в толпе быстро освободилось место. Народ Маджипура отличается вежливостью, миролюбием и сговорчивостью. К тому же кое-кто остерегался связываться с шестью угрюмыми скандарами.

Началось ожидание. Утро было теплым, а вскоре стало жарко.

Валентину ничего не оставалось делать, кроме как стоять и ждать, пялясь на пустой тракт и на богато украшенный черный полированный камень арки Снов. Карабеллу прижимали к Валентину слева, Шанамира — справа. Время тянулось невероятно медленно.

Разговоры угасали, не успев начаться. На какую-то минуту Валентина привлекла удивительная фраза, которую он уловил в разговоре позади себя:

— …Не понимаю всех этих приветствий. Я ему ни капли не верю.

Валентин прислушался. Двое зрителей — гэйрогов, судя по голосам, — говорили о новом коронале, и отнюдь не благожелательно.

— …Издает слишком много указов, если хочешь знать мое мнение. То одно регулирует, то другое, тычет пальцем туда-сюда. Во всем этом нет никакой необходимости!

— Он хочет показать, что работает, — примирительно ответил другой.

— Да ладно, кому это нужно! При лорде Вориаксе, а до него при лорде Малиборе все шло хорошо и без этих дурацких правил. Это признак неуверенности, я считаю.

— Тихо! Сегодня особый день, об этом говорить не стоит.

— Если хочешь знать, парень, он просто еще не уверен, что он действительно корональ, вот и старается обратить на себя наше внимание. Вот так я тебе скажу.

— А я тебя не спрашиваю, — раздраженно ответил второй.

— И еще. Повсюду рыщут имперские надзиратели. Чего он добивается? Разослать полицейских по всему миру, чтобы шпионили для короналя? А зачем? Что он хочет найти?

— Если он что-то и найдет, то тебя первого при-

тянут. Заткнешься ты или нет?

— Я ничего плохого не делаю, — возразил первый гэйрог. — Видишь, я держу знамя с Горящей Звездой, как все прочие. Разве я не лояльный гражданин? Но мне не нравится то, что происходит. Граждане имеют право заботиться о благе государства, нет? Если нас что-то не устраивает, мы должны заявить об этом. Это же в наших традициях, нет? Если мы сейчас позволим допустить хоть мелкое злоупотребление, кто знает, как все обернется лет через пять?

«Интересно, — подумал Валентин, — несмотря на восторженные приветствия, отнюдь не все обожают нового короналя и восхищаются им. Хотелось бы знать, много ли таких, кто выказывает энтузиазм просто из страха или личного интереса?»

Гэйроги замолчали. Валентин прислушался к другим разговорам, но ничего примечательного не услышал. Время снова еле ползло. Валентин принялся рассматривать арку и занимался этим, пока в память не врезались все ее украшения, резные изображения древних властителей Маджипура, героев далекого туманного прошлого, генералов давних войн с метаморфами, короналей — предшественников легендарного

Стиамота, понтифексов прошлого, Благословенных Леди. Эта арка, по словам Шанамира, была наиболее старой и самой святой в Пидруиде. Девять тысяч лет назад ее вырезали из блоков велатисского мрамора, однако время и силы природы на нее не действовали. Пройти под ней означало получить защиту Повелительницы и целый месяц после этого видеть полезные сны.

Вокруг оживленно обсуждали слухи о продвижении короналя через Пидруид. Корональ, как говорили, вышел с Золотой площади, направился к воротам Фалкинкипа, остановился, чтобы разбросать две пригоршни пятикроновых монет в кварталах, населенных в основном хьортами и вруунами, задержался возле плакавшего ребенка и утешил его, помолился у гробницы своего брата лорда Вориакса, затем, посчитав, что слишком жарко, отдыхал несколько часов… Сделал это, сделал то, сделал что-то еще… Корональ, корональ, корональ!.. Все внимание сегодня было обращено на короналя.

Ну что это за жизнь, размышлял Валентин, без конца совершать столь долгие путешествия из города в город, везде участвовать в парадах, улыбаться, махать рукой, раздавать монеты, играть в бесконечном безвкусном спектакле, демонстри-

ровать в одном лице всю правительственную власть, принимать весь этот почет, это шумное общественное возбуждение и притом еще как-то ухитряться держать бразды правления. А вообще-то, надо ли это делать? Система была такой древней, что, наверное, держалась и действовала сама собой.

Старый понтифекс, как и его предшественники, уединившийся в таинственном Лабиринте где-то в центральной части Алханроэля, издавал декреты, с помощью которых управлял планетой, а его наследник и приемный сын корональ выступал как исполнитель и первый министр. Он правил из Горного замка и время от времени предпринимал церемониальные походы вроде нынешнего. А не были ли они оба только символами величия?

Мир казался Валентину спокойным, приветливым, веселым, хотя, без сомнения, есть у него и сокрытые где-то темные стороны, иначе почему Король Снов бросает вызов авторитету Благословенной Леди? Эти правители, эта конституционная помпезность, эта экспансия и смятение чувств… Нет, думал Валентин, это не имеет значения и является лишь пережитком какой-то далекой эры, когда все это, возможно,

было необходимым. А что имеет значение сейчас? Жить, дышать свежим воздухом, есть, пить, спокойно спать, а остальное — пустяки.

— Кораль едет! — закричал кто-то.

Так уже кричали раз десять в течение последнего часа, однако кораля все не было. Но сейчас, как раз в полдень, похоже было, что он и в самом деле приближается.

Сначала послышались приветственные крики — далекий рев, похожий на морской прибой. Когда рев стал громче, на тракте появились герольды на быстрых животных, они неслись почти галопом, время от времени издавая губами трубные звуки; наверное, губы их потом будут болеть от перенапряжения. Затем на низкой, быстро плывущей механической платформе появились несколько сотен личных телохранителей кораля в зеленой с золотом форме — специально подобранный отряд мужчин и женщин различных рас, сливки Маджипура. Они стояли навытяжку на борту платформы и выглядели, по мнению Валентина, весьма достойно и чуточку глупо.

И вот наконец показалась колесница кораля.

Она тоже была механической и плыла на вы-

соте нескольких футов над мостовой. Щедро украшенная блестящей тканью и толстыми белыми квадратами чего-то похожего на мех редких животных, она выглядела величественно и богато. На ней находилось с полдюжины высших чинов Пидруида и провинции — мэры, герцоги и кто-то там еще, все в парадных мантиях. Среди них на возвышении из какого-то отполированного алого дерева стоял, благосклонно протягивая руки к толпе, заполнившей обе стороны тракта, лорд Валентин, корональ, второй сиятельный властелин Маджипура и, поскольку его приемный имперский отец понтифекс предпочитал не показываться на публике и простые смертные никогда его не видели, быть может, истиннейшее воплощение авторитета, какое только могло быть на этой планете.

— Валентин! — раздавалось отовсюду. — Валентин! Лорд Валентин!

Валентин рассматривал своего властительного тезку так же внимательно, как чуть раньше изображения на древней черной арке Снов. Выглядел корональ весьма импозантно: выше среднего роста, могучего телосложения, с хорошо развитыми плечами и длинными крепкими руками. Кожа его имела оливковый оттенок, черные волосы

закрывали уши, подбородок окаймляла коротко подстриженная черная борода.

В ответ на гром приветствий лорд Валентин грациозно поворачивался то в одну, то в другую сторону, слегка наклоняясь и простирая руки над головами восторженных подданных. Платформа быстро проплыла мимо того места, где стояли Валентин и жонглеры. Как раз в эту минуту корональ повернулся к ним, и на миг глаза Валентина и лорда Валентина встретились. Между ними как бы возник контакт, проскочила искра. Улыбка короналя была сияющей, темные глаза метали ослепительные молнии, парадная одежда, казалось, обладала собственной жизнью, властью и целью. Захваченный магией имперского могущества, Валентин словно прирос к месту.

На секунду он проникся благоговением Шанамира, благоговением всех присутствующих здесь перед их принцем. Да, лорд Валентин был всего лишь человеком, ему нужно было опорожнять мочевой пузырь и наполнять желудок, он спал ночью и просыпался утром, зевая, как всякий другой, пачкал пеленки, когда был младенцем, и со временем станет чудаковатым и дремлющим старцем… Но все-таки он принадлежал к священным кругам, жил в Горном замке, был

сыном Хозяйки Острова Сна и приемным сыном понтифекса Тиевераса, как и его брат, покойный Вориакс. Он прожил большую часть жизни у истоков власти, и на его плечи легла тяжесть управления всем этим колоссальным миром с великим множеством жителей.

Такое существование, как думал Валентин, меняет человека, ставит его отдельно от других, дает ему особую ауру и делает непохожим на окружающих. Когда колесница проплывала мимо, Валентин почувствовал эту ауру, и она смирила его.

Как только колесница проехала, это ощущение исчезло. Лорд Валентин удалился, все еще улыбаясь, простирая руки, грациозно кивая и окидывая сияющим взором горожан, но Валентин уже не ощущал присутствия величия и мощи. Наоборот, он неизвестно почему почувствовал себя обманутым и словно бы запятнанным.

— Пошли скорее, — проворчал Залзан Кавол, — нам пора на стадион.

Это было совсем просто. Все население Пидруида, за исключением больных и заключенных, собралось вдоль пути следования процесии. Прилегавшие улицы опустели.

Через пятнадцать минут жонглеры оказались

в порту, а еще через десять подошли к стадиону. Здесь уже начала собираться толпа. Тысячи людей давились на набережных за стадионом, чтобы еще раз увидеть короналя, когда он прибудет.

Скандары построились клином и быстро врезались в толпу; Валентин, Слит, Карабелла и Шанамир последовали за ними.

Участники представления должны были собраться в отгороженной задней части стадиона у самой воды, и здесь уже толкались сотни артистов. Тут были гиганты-гладиаторы с Квилла, перед которыми даже скандары выглядели хрупкими, труппы акробатов, в нетерпении забирающихся друг другу на плечи; абсолютно нагие артисты балетной труппы, три оркестра со странными инопланетными инструментами, настраиваемыми с непонятными диссонансами; дрессировщики, удерживавшие на привязи морских зверей невероятных размеров и ярости; всевозможные уроды: мужчина весом в тысячу фунтов, женщина одиннадцати футов ростом и тонкая, как черный бамбуковый прут, двухголовый вруун, три близнеца-лиимена, соединенные в талиях полосой страшной сине-серой плоти, кто-то, чье лицо походило на топор, а нижняя часть тела — на колесо, и много всяких других. У

Валентина закружилась голова от вида, звуков и запахов этого неприятного скопления.

Обезумевшие клерки с муниципальными бляхами старались выстроить всех этих выступающих в каком-то заранее установленном порядке.

Залзан Кавол отдал служителю документы и взамен получил номер, указывавший место его труппы в строю. Теперь им предстояло самим найти соседей по ряду, но это оказалось непросто, поскольку внутри огороженного пространства все непрерывно двигались, и отыскать номера было все равно что навесить ярлыки на морские волны.

Жонглеры все-таки устроились наконец между труппой акробатов и одним из оркестров, и после этого им несколько часов пришлось стоять на месте.

Артистам предлагали освежающее. Служители ходили по рядам, разнося кусочки жаренного на вертеле мяса и стаканчики зеленоватого или золотистого вина, не требуя за это платы. Но от жары и духоты, от запаха испарений стольких столпившихся тел разных рас и продуктов метаболизма Валентин чувствовал дурноту. «Через час, — думал он, — я буду жонглировать перед

короналем. Как странно это звучит!» Хорошо, что Карабелла была рядом — веселая, жизнерадостная, всегда улыбающаяся, полная энергии.

— Да избавит нас Божество от еще одного такого испытания в будущем, — шепнула она.

Наконец у ворот стадиона началось какое-то движение, как будто повернули кран, и вихревой поток вытянул первых артистов из огороженного участка. Валентин встал на цыпочки, но так и не увидел, что там происходит. Прежде чем волна движения дошла до них, прошел почти час. Теперь вся линия плавно двинулась вперед.

Со стадиона доносились звуки музыки, рев животных, смех, аплодисменты. Оркестр, стоявший перед труппой Залзана Кавола, уже готовился выйти. Он состоял из двадцати музыкантов трех нечеловеческих рас со странными, незнакомыми Валентину инструментами: похожими на улиток сияющими трубами, наклонными барабанами и маленькими пятиствольными флейтами. Все они на вид были очень изящными, но звук их нельзя было назвать нежным.

Но вот последний музыкант исчез за большими двойными воротами стадиона, и официальный распорядитель важно шагнул вперед, загородив проход жонглерам.

— Залзан Кавол и его труппа, — объявил он.

— Мы здесь, — откликнулся Залзан Кавол.

— Ждите сигнала. Когда выйдете, последуете за музыкантами в процессии слева направо вокруг стадиона. Не начинайте представление до тех пор, пока не пройдете мимо большого зеленого флага с эмблемой короналя. Достигнув павильона короналя, почтительно поклонитесь и находитесь на месте шестьдесят секунд, показывая свое искусство. Потом двинетесь дальше, дойдете до дальних ворот и сразу же покинете стадион. При выходе получите свое вознаграждение. Все понятно?

— Вполне, — кивнул Залзан Кавол и повернулся к своей труппе.

До сих пор он был резким и грубым, а тут вдруг совершенно преобразился: протянул три руки своим братьям и обменялся с ними рукопожатием, а на его грубом лице появилась почти нежная улыбка. Затем он обнял Слита, Карабеллу, а последним притянул к себе Валентина и ласково, насколько это возможно для скандара, сказал:

— Ты быстро всему научился и проявляешь признаки мастерства. Я взял тебя только для удобства, но теперь рад, что ты с нами.

— Благодарю тебя, — торжественно ответил

Валентин.

— Не каждый день мы жонглируем перед властями Маджипура, — продолжал Залзан Кавол. — Пусть это будет нашим самым лучшим выступлением.

— Жонглеры! — пролаял распорядитель.

Скандар сделал жест, и труппа прошла через массивные двойные ворота.

Слит и Карабелла шли впереди, жонглируя пятью ножами. Они обменивались ими в быстром, постоянно варьирующемся рисунке. За ними, несколько поодаль, легко шагал Валентин, в напряженном темпе жонглируя тремя дубинками. За ним выступали шесть братьев-скандаров, которые пользовались двадцатью четырьмя руками, чтобы наполнить воздух невообразимой смесью летающих предметов. Шанамир как своего рода оруженосец замыкал шествие. Он ничего не делал, просто служил человеком-точкой.

Карабелла была энергична и неуемна. Она подпрыгивала, щелкала каблуками, хлопала в ладоши, но ни разу не сбилась с такта, а рядом с ней Слит, быстрый, как удар кнута, собранный, динамичный, представлял собой прямо-таки сгусток энергии, когда выхватывал ножи из воздуха и возвращал их партнерше. Всегда спокойный,

экономный в движениях, Слит позволил себе немыслимый прыжок, пока мягкий воздух Маджипура необходимую долю секунды держал ножи наверху.

Они обошли вокруг стадиона, держа ритм по скрипучему визгу флейт и труб шедшего перед ними оркестра. Толпа зрителей уже устала от чередования выступлений и едва реагировала, но это не имело значения: жонглеры были преданы своему искусству, и их не интересовали потные лица, едва различимые на далеких трибунах.

Валентин придумал номер вчера, репетировал сам и фантастически преуспел в этом. О его номере никто не знал, потому что для новичка это было рискованно, а королевское представление не место для риска. Однако он считал, что такое представление — самое подходящее место для того, чтобы человек продемонстрировал все свои способности.

Итак, он взял две дубинки в правую руку, швырнул их вверх и тут же услышал удивленный возглас Залзана Кавола:

— Эй!

Но у Валентина не было времени на размышления, поскольку дубинки спускались. Он бросил дубинку из левой руки между ними на двойную

высоту, ловко поймал падавшие дубинки в каждую руку, бросил из правой вверх и поймал ту, которая вернулась с большой высоты, а затем вполне уверенно занялся знакомым каскадом дубинок, не глядя по сторонам и следуя за Карабеллой и Слитом по периметру громадного стадиона.

Оркестры, акробаты, танцоры, дрессированные животные, жонглеры впереди и позади, тысячи пустых лиц на трибунах, украшенные лентами толпы вельмож — ничего этого Валентин не замечал. Бросок, бросок, бросок и захват, бросок и захват, бросок и захват, вперед и вперед, пока не увидел краем глаза блестящие зеленые с золотом флаги по бокам королевского павильона. Он повернулся лицом к короналю. Это была трудная минута, потому что пришлось делить внимание: следить за полетом дубинок и искать лорда Валентина.

Валентин увидел его в центре павильона. Он жаждал второго толчка обмена энергией, еще одной искры контакта с ищущими глазами короналя. Он бросал дубинки автоматически точно, каждая взлетала на определенную высоту и по дуге опускалась между большим пальцем и остальными, пока он искал лицо короналя. Но в

этот раз толчка энергии не было, потому что корональ был рассеян и вообще не видел жонглера. Он, скучая, смотрел через стадион на какое-то другое действие, то ли на животных, то ли на голые зады танцоров, то ли вообще ни на что.

Валентин настойчиво отсчитывал положенные ему шестьдесят секунд, и в конце этой минуты ему показалось, что корональ мельком взглянул на него, но и только.

Валентин двинулся дальше. Карабелла и Слит уже приближались к выходу. Валентин полуобернулся и сердечно улыбнулся скандарам, которые шли под танцующим балдахином из топоров, горящих факелов, серпов, молотков и фруктов, добавляя один предмет за другим к тому множеству, которое кружилось над ними.

Валентин шел в одиночестве своим путем, вперед и через ворота.

Выходя во внешний мир, он держал свои дубинки в руках. И снова, отдалившись от короналя, он ощущал упадок сил, усталость и пустоту, словно лорд Валентин не излучал энергию, а вытягивал ее из других, создавая иллюзию яркой блистающей ауры, а когда люди отходили от него, они испытывали только чувство потери. К тому же выступление закончилось. Минута славы Вален-

тина пришла и ушла, и никто, похоже, этого не заметил, кроме Залзана Кавола, который смотрел на него угрюмо и раздраженно.

— Кто научил тебя этому двойному броску? — спросил он, едва выйдя за ворота.

— Никто, — ответил Валентин. — Я сам это придумал.

— А если бы ты уронил дубинки?

— Так ведь не уронил же!

— Нашел место опробовать новые трюки, — пробормотал скандар и вдруг несколько смягчился: — Но я должен признать, что держался ты хорошо.

От второго распорядителя он получил кошелек с деньгами, высыпал их в две внешние руки и быстро пересчитал. Большую часть он сложил в карман, но по одной монете бросил братьям, потом — Слиту и Карабелле и после некоторого раздумья кинул по более мелкой монетке Валентину и Шанамиру. Валентин заметил, что он и Шанамир получили по полкроны, а остальные — по кроне. Но не все ли равно? В его кошельке еще звенели несколько крон, а премия, пусть и небольшая, была неожиданной. Он истратит ее сегодня на крепкое вино и пряную рыбу.

Долгий день близился к концу. С моря поднялся

туман и принес в Пидруид ранние сумерки. Со стадиона все еще доносились звуки представления. «Бедный кораль, — подумал Валентин, — ему придется сидеть там до ночи».

Карабелла стиснула его запястье.

— Пошли, — шепнула она повелительно. — Наша работа закончена, теперь мы будем праздновать!

Глава 9

Она нырнула в толпу, и Валентин после некоторого замешательства последовал за ней. Три дубинки, подвешенные к поясу, колотили его по бедрам. Он подумал было, что потерял Карабеллу, но тут снова увидел ее. Она бежала широкими прыжками, время от времени оборачиваясь и маня его за собой. Валентин догнал ее на ступенях широкого спуска, ведущего к бухте.

Буксиры привели в гавань барки с тонкими бревнами, замысловато уложенными в костры. Хотя ночь еще не наступила, некоторые костры были уже подожжены и горели холодным зеленым огнем, почти не давая дыма.

В течение дня весь город превратился в площадку для развлечений. Карнавальные палатки выросли, как поганки после летнего дождя. Гуляки в странных костюмах шатались по набережным. Со всех сторон слышались музыка и смех, во всем чувствовалось лихорадочное возбуждение.

Темнота сгущалась, зажигались новые огни, и бухта стала похожа на море цветного света. На востоке появилось нечто вроде фейерверка:

высоко взлетела сверкающая ракета и рассыпалась слепящими потоками над крышами самых высоких зданий Пидруида.

Возбуждение Карабеллы захватило и Валентина. Взявшись за руки, они без устали шли через город от палатки к палатке, разбрасывая монеты, как камешки, в которые они играли.

Много было игорных палаток, где сбивали шарами кукол или разрушали какую-нибудь тщательно сбалансированную конструкцию. Карабелла, с ее глазами и рукой жонглера, выигрывала почти в каждой такой игре, а Валентин, хоть и менее ловкий, тоже взял немалую долю призов.

В некоторых палатках призом были кружки вина и куски мяса, в других они получали ненужных животных или знамена с эмблемой короналя. Все это они тут же и оставляли. Но мясо ели, пили вино и по мере приближения ночи становились все более возбужденными и неистовыми.

— Сюда! — крикнула Карабелла.

Они присоединились к танцу вруунов, гэйрогов и пьяных хьортов, в котором, казалось, нет никаких правил — все просто скакали по кругу. Они прыгали с чужаками довольно долго. Какой-то хьорт обнял Карабеллу, и она в ответ

обняла его так крепко, что маленькие сильные пальцы глубоко вонзились в его жирную кожу. А когда женщина-гэйрог, вся в змеиных локонах, с гроздью болтавшихся грудей, прижалась к Валентину, он принял ее поцелуй и вернул его с таким энтузиазмом, какого и сам от себя не ожидал.

Затем они пошли дальше, в открытый театр, где угловатые куклы со стилизованно резкими движениями разыгрывали драму, потом на арену, где за несколько весовых единиц посмотрели на морских драконов, плававших кругами в сияющей цистерне, а оттуда в сад одушевленных растений с южного побережья Алханроэля — существ со щупальцами и высоких, дрожащих, похожих на резиновые колонны с удивительными глазами на вершине.

— Время кормления через полчаса, — сказал сторож.

Карабелла не захотела остаться и, увлекая за собой Валентина, нырнула в сгущавшуюся темноту.

Снова взрывались фейерверки, теперь куда более яркие на фоне ночи: тройная Горящая Звезда, за ней изображение лорда Валентина в половину неба, потом ослепительная спираль из зеленого, красного и голубого огня — Лаби-

ринт, а на его фоне — лицо старого понтифекса Тиевераса. А через минуту цвета пропали, новый взрыв бросил ленту огня через все небо, и на ней проступили любимые всеми черты великой королевской матери — Хозяйки Острова Сна, с любовью глядевшей на Пидруид. Лик ее так глубоко подействовал на Валентина, что он готов был преклонить колени и заплакать. Но в толпе не было для этого места. Он на мгновение задрожал. Повелительница Снов растаяла в темноте. Валентин взял руку Карабеллы и крепко сжал ее.

— Мне нужно еще вина, — шепнул он.

— Подожди. Сейчас будет еще одно изображение.

И правда. Еще ракета, еще взрыв красок, на этот раз грубых желтых и красных, и на них — лицо с тяжелой нижней челюстью и угрюмыми глазами, лицо четвертой из Сил Маджипура, самой темной и самой надменной фигуры в иерархии — Короля Снов, Симонана Барджазида. Толпа затихла, потому что Король Снов не был другом никому, хотя все признавали его власть, поскольку он приносил несчастье и страшные кары.

Затем они пошли за вином. Рука Валентина дрожала, когда он быстро опрокинул две кружки. Карабелла внимательно наблюдала за ним,

поглаживая пальцами его крепкое запястье. Но она ни о чем не спрашивала и свое вино оставила почти нетронутым.

Следующая дверь, открывшаяся перед ними благодаря фестивалю, вела в музей восковых фигур, выстроенный в форме миниатюрного Лабиринта. Попав в него, нелегко было найти выход, и они дали служителю три медяка, чтобы тот сопровождал их.

Из тьмы как живые выступали герои королевства. Они двигались и даже разговаривали на древних диалектах. Один высокий воин назвал себя лордом Стиамотом, победителем метаморфов. Здесь была легендарная леди Тиин, его мать, леди-воин, которая лично возглавляла защиту Острова Сна, когда его осаждали аборигены. Затем появилась фигура, назвавшаяся Дворном, первым понтифексом. Он был так же далек по времени от Стиамота, как сам Стиамот — от нынешнего короналя. Рядом с Дворном стоял Динитак Барджазид, первый Король Снов, персонаж куда менее древний. Чем глубже Карабелла и Валентин проникали в лабиринт, тем большее число искусно подобранных представителей Власти — понтифексов, леди и короналей — возникало перед ними. Вот великие правители Конфалюм,

и Престимион, и Деккерет, и понтифекс Ариок, и наконец, последняя фигура — румяный мужчина лет сорока, черноволосый и темноглазый, в туго облегающей черной одежде. Ему не было нужды называть себя — это был лорд Вориакс, последний корональ, брат лорда Валентина, погибший два года назад из-за глупой случайности на охоте. Он правил всего восемь лет. Изображение поклонилось, протянуло руки и воскликнуло:

— Оплакивайте меня, братья и сестры, потому что я погиб раньше времени, и мое падение было тем сильнее, что я упал с такой высоты. Я был лордом Вориаксом. Задумайтесь о моей судьбе!

Карабелла вздрогнула.

— Мрачное место и мрачный конец. Уйдем отсюда!

Она снова повела его по праздничным улицам через игорные залы и ярко освещенные павильоны, мимо обеденных столов и домов радости, нигде не останавливаясь, перелетая, как птица, с места на место, пока наконец они не свернули за угол и не оказались в темноте, за пределами всеобщего веселья. Они пошли дальше — в тишину деревьев, в аромат цветов. Это был парк.

— Идем, — прошептала Карабелла и взяла Валентина за руку.

Они оказались на залитой лунным светом поляне, над которой сомкнулись вершинами деревья. Рука Валентина мягко скользнула вокруг тонкой талии Карабеллы. Дневное тепло задержалось под этими сплетенными кронами, от влажной земли поднимался сладкий аромат громадных, больше головы скандара, цветов. Фестиваль и все его хаотическое возбуждение, казалось, отодвинулись на десять тысяч миль.

— Здесь мы и останемся, — сказала Карабелла.

Подчеркнуто рыцарски Валентин расстелил свой плащ. Она села, потянула к себе Валентина и оказалась в его объятиях. Они лежали в укрытии между двумя густыми кустами с серо-зелеными, как будто приклеенными ветками. Где-то неподалеку бежал ручей. Проблески света слабо пробивались сверху.

На бедре Карабеллы висела маленькая карманная арфа искусной работы. Она сняла ее, сыграла короткое мелодичное вступление и запела чистым высоким голосом:

Моя любовь прекрасна, как весна.

Моя любовь сладка, как плод запретный,

Как ночь благоуханная, нежна,

Чиста, как день, омытый солнца светом.

Она – как сердца радостный полет!

Она дороже мне сокровищ мира

И даже Замка Горного красот.

О ней поет, не умолкая, лира.

— Красивая песня, — задохнулся Валентин, — и твой голос так прекрасен…

— А ты поешь? — спросила она.

— Ну, наверное.

Она протянула ему арфу:

— Спой что-нибудь твое любимое.

Он растерянно повертел в руках маленький инструмент.

— Я не знаю песен.

— Никаких? Ну хоть несколько ты должен знать!

— Похоже, я все забыл.

Она улыбнулась и взяла арфу.

— Хорошо, я научу тебя, только не сейчас.

— Нет, не сейчас.

Валентин нежно поцеловал ее. Она улыбнулась и крепче прижалась к нему. Глаза его привыкли к темноте, и он довольно ясно видел ее маленькое чистое личико с яркими озорными глазами,

блестящие растрепанные волосы, трепещущие в ожидании ноздри. Он попытался взять себя в руки, избежать того, что должно вот-вот произойти, не желая брать на себя никаких обязательств, но тут же отбросил эти страхи. Была фестивальная ночь, и они хотели друг друга. Руки Валентина скользнули по спине девушки, переместились вперед, сжали грудь. Он вспомнил, как она стояла обнаженная под очистителем: сильная, стройная, полная внутренней энергии. Он чувствовал, как она дрожит, и понимал, что это не от холода, не от ночной сырости, — казалось, она находится во власти какой-то странной, чуть ли не пугающей силы. Он гладил ее руки, лицо, плечи, с трепетом касался маленьких грудей. Рука скользнула по гладкой коже внутренней стороны ее бедра. Карабелла резко выдохнула и привлекла его к себе.

Они без слов понимали друг друга, каждое движение, каждый жест были настолько ясны и знакомы, как будто они давно уже были любовниками. Стройные ноги обхватили его талию, и они все перекатывались и перекатывались, пока не оказались на берегу ручья и своей разгоряченной кожей не почувствовали его прохладную свежесть.

Потом он в полудреме лежал в ее объятиях,

слушая, как бьется ее сердце.

— Мы останемся ночевать здесь, — прошептала Карабелла. — В эту ночь нас никто не потревожит.

Она погладила его лоб, убрала с глаз прядь мягких желтых волос и легонько поцеловала в кончик носа. Она была ласкова и игрива, как котенок, владевшее ею темное возбуждение ушло, сгорело в пламени страсти. Валентин был потрясен, оглушен и растерян. Он пережил внезапный, острый экстаз и в миг этого экстаза будто заглянул через ворота ярчайшего света в таинственную область без цвета, формы и субстанции, едва успел замереть на самом краю этого неведомого — и его резко отбросило назад, в реальный мир.

Он не мог говорить, не было подходящих слов. Карабелла, видимо, чувствовала его состояние и тоже молчала, только обнимала его, нежно покачивала, положив его голову к себе на грудь, и тихонько напевала. В тепле ночи он незаметно для себя заснул. И вновь к нему явились сны-образы, грубые и страшные.

Он опять очутился на знакомой унылой пурпурной равнине. Те же насмешливые лица смотрели на него с багрового неба, но на этот раз он был не один. Перед ним маячило темное лицо, и чье-то

присутствие физически давило на него. В недобром сиянии янтарного солнца Валентин не мог разглядеть черты этого лица, но знал, что это его брат. Где-то звучала печальная, тихая музыка, в которой слышалось рыдание. Значит, сон был опасный, угрожающий, смертельный.

Двое мужчин сошлись в страшной дуэли, из которой только один должен выйти живым.

— Брат! — закричал Валентин в ужасе и смятении. — Нет! — Он дергался и извивался и как бы плыл по поверхности сна. На миг ему даже удалось воспарить над ней. Но то, чему обучали с рождения, засело в нем слишком глубоко: он знал, что никому не позволено спасаться бегством от снов или в испуге отбрасывать их от себя; он должен полностью входить в них и подчиняться их приказам. Во сне он встречается с немыслимым, и уклониться от этого означает противопоставить себя сну и погибнуть наяву.

Усилием воли Валентин вновь вернул себя на зыбкую границу между сном и бодрствованием и опять почувствовал злобное присутствие брата-врага. Оба были вооружены, но не одинаково: Валентин держал в руке плохонькую рапиру, его брат — массивную саблю. Со всей своей ловкостью и проворством Валентин отчаянно пытался

найти рапирой брешь в защите брата, но это было невозможно. Тот все время парировал его уколы медленными, тяжелыми ударами. Слабое лезвие Валентина отскакивало в сторону и неумолимо тянуло его самого назад по грубой, изрытой земле. Над головой кружились стервятники. С неба лилась клекочущая песня смерти. Скоро должна пролиться кровь, и жизнь вернется к Источнику. Шаг за шагом Валентин отступал, зная, что позади овраг и скоро дальше отступать будет некуда. Рука его болела, глаза слезились от напряжения, во рту скрипел песок, силы были на исходе. Назад… назад…

— Брат! — в отчаянии крикнул он. — Во имя Божества…

Ответом на его мольбу были грубый смех и непристойная ругань. Сабля взвилась и опустилась. Валентин выставил свое оружие. Тело его онемело, он задрожал, когда раздался скрежет металла, и его легкая рапира переломилась. В ту же минуту он попал ногой в торчащую из песка корягу и тяжело упал на землю в переплетенные колючие ветки. Гигантский человек с саблей встал над ним, заслонив солнце и закрыв собой небо. Песня смерти зазвучала убийственно визгливо, стервятники устремились вниз.

Спящий Валентин стонал и вздрагивал. Он повернулся и прижался к Карабелле, набираясь от нее тепла, потому что его окутал страшный холод смертельного сна. Так легко было бы проснуться, уйти от ужаса этих образов, выплыть в безопасность на берега сознания. Но нет. Подчиняясь правилу, он снова и снова бросал себя в кошмар. Огромный человек захохотал. Сабля поднялась. Мир вокруг упавшего тела Валентина качался и рушился. Он направил свой дух к Повелительнице Снов и ждал смертельного удара. Но удар сабли оказался неловким и неудачным: оружие его брата с глухим стуком вонзилось глубоко в песок. Сон тут же изменился. Валентин не слышал больше пронзительной песни смерти, все перевернулось. В него неожиданно влились потоки энергии, и он вскочил на ноги. Брат рывками пытался выдернуть саблю, но Валентин каблуком загнал ее еще глубже и бросился на противника с голыми руками. Теперь уже Валентин одерживал победу, а испуганный брат, отступая под градом ударов, упал на колени и, качая окровавленной головой из стороны в сторону, рычал, как раненый медведь. Он принимал удары, не пытаясь защищаться, и только бормотал: «Брат… брат…» — когда Валентин опрокинул его на пе-

сок. Он лежал неподвижно у ног вышедшего победителем в борьбе Валентина. «Пусть скорее настанет утро и освободит меня от сна», — молился он. Было еще темно. Валентин опустил руки и вздрогнул. Безумные образы, разрозненные, но впечатляющие, проплывали в его смятенном мозгу.

Карабелла задумчиво смотрела на него.

— С тобой все в порядке? — спросила она.

— Я видел сон.

— Ты три раза кричал. Я подумала, что тебе надо проснуться. Тяжелый сон?

— Да.

— А как ты сейчас?

— Растерян, ошеломлен.

— Расскажи мне свой сон.

Это была очень интимная просьба. Но разве они не любовники? Разве они не вместе ушли в мир сна, как партнеры в ночных поисках?

— Я видел, что дрался со своим братом, — хрипло ответил он. — Мы сражались на шпагах в жаркой голой пустыне, и он уже готов был убить меня, но в последнюю минуту я поднялся с земли и… и убил его голыми руками.

Ее глаза горели в темноте, как у зверя.

— Ты всегда видишь такие жестокие сны? —

спустя мгновение спросила Карабелла.

— Не думаю. Но…

— Да?

— Дело не только в насилии. Карабелла, у меня нет брата!

Она засмеялась:

— А ты хочешь, чтобы во сне все было, как наяву? Валентин, Валентин, где ты учился? В снах истина всегда спрятана очень глубоко. Брат в твоем сне может быть кем угодно или никем: Залзаном Каволом, Слитом, твоим отцом, лордом Валентином, понтифексом Тиеверасом, Шанамиром или даже мной. Ты же знаешь, что сны, кроме специально посланных, все преобразуют.

— Знаю. Но что означает этот сон, Карабелла? Дуэль с братом… почти убит им… и вдруг убил его…

— Ты хочешь, чтобы я истолковала твой сон за тебя? — удивилась она.

— Он для меня ничего не означает, кроме страха и тайны.

— Да, тебе было очень страшно. Ты обливался потом и несколько раз кричал. Но мучительные сны всегда являются наиболее вещими. Растолкуй его сам.

— У меня нет брата…

— Я же сказала тебе, это неважно.

— Что же, я воюю против самого себя? Не понимаю. И врагов у меня нет.

— Может, твой отец? — намекнула она.

Валентин задумался. Отец? Он попытался представить себе лицо, которое могло бы принадлежать человеку с саблей, но не смог.

— Я не помню его.

— Он умер, когда ты был маленьким?

— Наверное.

Валентин покачал головой и почувствовал, как в висках у него застучало.

— Не помню. Я вижу высокого человека с темной бородой, темноглазого…

— Как его звали? Когда он умер?

Валентин вновь покачал головой.

Карабелла наклонилась, взяла его за руки и тихо спросила:

— Где ты родился?

— На востоке.

— Да, ты говорил. Но где, в каком городе, в какой провинции?

— В Ни-мойе? — вопросительно произнес Валентин.

— Ты спрашиваешь или отвечаешь?

— В Ни-мойе, — повторил он. — Большой дом,

сад, неподалеку река. Да, я вижу себя там, купаюсь в реке, охочусь в герцогском лесу. Может, я видел это во сне? Или читал что-то такое, или мне рассказывали?

— Как зовут твою мать?

Он открыл было рот, но промолчал.

— Она тоже умерла молодой?

— Галиара, — неуверенно сказал он. — Да, Галиара.

— Приятное имя. Расскажи, как она выглядела.

— Она… Она была… — Он запнулся. — Золотые волосы, как у меня, гладкая свежая кожа, глаза… ее голос… Это так трудно, Карабелла.

— Ты дрожишь.

— Да.

— Иди сюда.

Она притянула его к себе. Она была много меньше его, но казалась сейчас гораздо сильнее, и рядом с ней ему было так уютно.

— Ты ничего не помнишь, Валентин? — спросила она мягко.

— Ничего.

— Ты не помнишь, где родился, откуда пришел сюда, как выглядели твои родители, не помнишь даже, где ты был в прошлый Звездный день? Твои сны не могут служить тебе руководством, потому

что ты ничего не можешь объяснить в них.

Ее пальцы осторожно, но твердо начали ощупывать его голову.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Смотрю, нет ли повреждений. Удар по голове может отбить память.

— Есть что-нибудь?

— Ни рубца, ни шишки. Но это еще ничего не значит. Это могло случиться месяц или два назад. Когда взойдет солнце, посмотрю еще раз.

— Мне нравится прикосновение твоих рук.

— А мне нравится касаться тебя.

Валентин спокойно лежал рядом с ней. То, о чем они говорили, растревожило его. «Другие люди, — думал он, — помнят свое детство и юность, знают, где они родились и как зовут их мать и отца, а у меня нет ничего, кроме неопределенных фрагментов, тумана тонких, ненадежных воспоминаний, покрывающего колодец пустоты». Он знал, что там пустота, и не хотел заглядывать в нее. Но Карабелла заставила его это сделать. Он недоумевал, почему так не похож на других, почему его воспоминания столь бессвязны. Может, он и вправду получил удар по голове или просто так глуп, что не в силах удержать в памяти даже отрывки пережитого? И пока он, Валентин, года-

ми бродил по Маджипуру, наступавший новый день стирал воспоминания о прошедшем?

Они так и не уснули больше в эту ночь.

К утру они совершенно неожиданно снова занялись любовью, но уже молча, сосредоточенно, совсем не так, как прошлый раз. Затем они все так же молча поднялись, умылись в маленьком холодном ручье, оделись и направились через город в гостиницу. По улицам все еще шатались гуляки с затуманенными глазами, а над Пидруидом уже высоко поднялся яркий глаз солнца.

Глава 10

По совету Карабеллы Валентин доверительно рассказал Слиту про сон и про последовавший за ним разговор. Маленький седовласый жонглер внимательно слушал, не перебивая, и выглядел невероятно торжественно. Когда Валентин закончил, Слит сказал:

— Тебе надо бы поговорить с толкователем снов. Послание слишком сильно, чтобы им пренебречь.

— Значит, ты думаешь, что это послание?

— Скорее всего.

— От Короля?

Слит вытянул руки и принялся рассматривать кончики пальцев.

— Возможно. Жди и будь осторожен. Король никогда не посылает простых посланий.

— Оно могло быть и от Повелительницы Снов, — вмешалась Карабелла. — Жестокость сна не должна обманывать нас. Когда нужно, Повелительница посылает и такие сны.

— А некоторые сны, — добавил, улыбаясь, Слит, — приходят не от Повелительницы и не от Короля, а из глубин нашего затуманенного мозга.

Но без посторонней помощи здесь не обойтись. Иди к толкователю снов, Валентин.

— А может ли толкователь снов помочь мне обрести память?

— Толкователь или колдун может. Но если сны не основаны на твоем прошлом, это ничего не даст.

— Кроме того, — сказала Карабелла, — такой сильный сон нельзя оставлять без внимания. Тебе надо его обдумать. Если сон требует действия, а ты ничего не предпримешь… — Она пожала плечами. — Твой дух ответит за это, и очень скоро. Ищи толкователя, Валентин.

— Я надеялся, — обратился Валентин к Слиту, — что ты хоть немного разбираешься в этом.

— Я жонглер, а не толкователь.

— А можешь ты порекомендовать мне кого-нибудь в Пидруиде?

— Мы скоро уйдем отсюда. Подожди несколько дней. У тебя будут еще сны, и ты все расскажешь толкователю.

— Хотел бы я знать, послание ли это? — задумался Валентин. — И от Короля ли? Какое дело Королю Снов до такого бродяги, как я? Не думаю, что это от Короля. На Маджипуре двадцать миллиардов жителей — разве может Король найти

время для всех, если только это не очень важно?

— В Субраэле, — ответил Слит, — во дворце Короля Снов есть громадные машины, которые следят за всем миром и каждую ночь направляют послания в мозг миллионов людей. Кто знает, как выбираются эти миллионы? Когда мы были детьми, нам говорили: прежде чем мы покинем этот мир, мы почувствуем прикосновение Короля Снов к нашим душам, ко всем и к каждому по отдельности. И я знаю теперь, что это правда. Знаю, потому что со мной это было.

— С тобой?

— И не один раз. — Слит коснулся своих прямых нечесаных седых волос. — Ты думаешь, я так и родился седым? Однажды я спал в гамаке в джунглях за Нарабалем. Тогда я еще не был жонглером. Король пришел ко мне во сне и отдал приказ моей душе, а когда я проснулся, волосы мои побелели. Мне было тогда двадцать три года.

— Приказ? — выдавил из себя Валентин. — Какой приказ?

— Чтобы черные волосы за одну ночь стали седыми, — сказал Слит, явно не желая продолжать разговор. Он встал и взглянул на утреннее небо, как бы проверяя, насколько высоко поднялось солнце. — Я думаю, мы достаточно поговорили,

друг. На фестивале мы еще успеем пополнить свои карманы кронами. Хочешь, я научу тебя нескольким новым трюкам, пока Залзан Кавол не послал нас работать?

Валентин кивнул. Слит взял мячи и дубинки, и они вышли во двор.

— Смотри, — велел Слит.

Он прижался к спине Карабеллы. Она держала два мяча в правой руке, а он — один в левой, и они начали перебрасывать их друг другу.

— Это полужонглирование, — пояснил Слит, — вещь простая даже для новичка, но выглядит чрезвычайно сложной.

Они сразу же вошли в ритм, легко перекидывая мячи вперед и назад, как одно существо с четырьмя ногами, двумя мозгами и двумя жонглирующими руками.

«Да, это действительно кажется трудным», — подумал Валентин.

— Подай-ка нам дубинки, — попросил Слит.

Валентин быстрыми, резкими бросками по одной перекинул дубинки в правую руку Карабеллы, и она одну за другой посылала их дальше, до тех пор пока мячи и дубинки не стали летать от нее к Слиту и от Слита к ней с головокружительной скоростью.

Валентин знал по собственному опыту, как трудно работать с несколькими разными предметами. Он надеялся, что за следующие несколько недель научится жонглировать пятью мячами. Четыре дубинки можно освоить достаточно быстро, но управлять тремя мячами и тремя дубинками одновременно и так здорово согласовывать все движения в этом полужонглировании — это подвиг, который поражал и восхищал его. К удивлению Валентина, тут примешивалась еще ревность: Слит стоял вплотную к Карабелле и составлял с ней как бы единый организм, а ведь всего несколько часов назад она лежала с Валентином около ручья в парке Пидруида.

— Попробуй, — предложил Слит и отошел в сторону.

Карабелла повернулась лицом к Валентину. Они работали только тремя мячами. Сначала Валентину было трудно рассчитать высоту и силу броска, и он иной раз бросал мяч так, что Карабелла не могла поймать его, но через десять минут он освоился, а через пятнадцать они действовали так четко, словно делали это не один год. Слит подбадривал их аплодисментами.

Появился скандар — не Залзан Кавол, а его брат Ерфон, казавшийся чересчур суровым и холод-

ным даже для скандара.

— Вы готовы? — проворчал он.

После обеда труппа должна была выступать в частном парке одного богатого торговца, который принимал у себя герцога провинции.

Карабелла и Валентин показали свою новую работу. Скандары продемонстрировали нечто яркое и сверкающее из тарелок, хрустальных стаканчиков и кухонных мисок, а в заключение Слит вышел жонглировать с завязанными глазами.

— Разве такое возможно? — потрясенно спросил Валентин.

— Смотри! — сказала Карабелла.

Валентин смотрел, но кроме него смотрели очень немногие, потому что после безумного Звездного дня настал День солнца, и господа, заказавшие представление, устали и пресытились. Им уже надоело мастерство музыкантов, акробатов и жонглеров, которых они наняли.

Слит выступил вперед с тремя дубинками, встал твердо и уверенно, помедлил с минуту, слегка склонив голову набок, словно прислушиваясь к ветру, который дул со стороны океана, затем глубоко вздохнул и начал работать.

Залзан Кавол громыхнул:

— Двадцать лет практики, лорды и леди Пид-

руида! Тут нужен острейший слух! Он слышит шелест дубинок в воздухе, когда они летят из одной руки в другую!

Валентин недоумевал, как даже самый тонкий слух может уловить что-то в гуле разговоров, звоне тарелок и громогласном рекламировании Залзана Кавола, но Слит не сделал ни одной ошибки. Заметно было, что номер был трудным даже для него: обычно он был спокоен и неутомим, как машина, но сейчас его руки двигались необычно резко и с отчаянной торопливостью хватали кружившуюся почти вне пределов досягаемости дубинку. И все-таки жонглировал он замечательно.

Казалось, перед его мысленным взором была разложена карта с изображением местонахождения каждой летевшей дубинки, и рука протягивалась как раз туда, куда та могла упасть, и находила ее именно там или по крайней мере очень близко. Он сделал десять, пятнадцать, двадцать обменов, затем прижал все три дубинки к груди, сорвал повязку с глаз и низко поклонился. Раздались жидкие аплодисменты. Слит стоял неподвижно. Карабелла подошла и обняла его, Валентин шлепнул его по плечу, и труппа покинула сцену.

В комнате для переодевания Слит все еще дрожал от пережитого напряжения, и по лицу его текли блестящие струйки пота. Глоток за глотком поглощая огненное вино, как если бы это была простая вода, он спросил Карабеллу:

— Они обратили внимание? Они хоть что-нибудь видели?

— Некоторые, — мягко ответила она.

Слит плюнул.

— Свиньи! Блавы! Сами не могут даже комнату пересечь, а сидят и болтают, когда артист… когда…

Валентин никогда еще не видел Слита таким. «Судя по всему, жонглирование вслепую плохо сказывается на нервах», — подумал он и обнял Слита за плечи.

— Важно мастерство, а не манеры зрителей, — сказал он серьезно. — Ты был превосходен.

— Не совсем, — угрюмо буркнул Слит. — Синхронность…

— Отличная, — настаивал Валентин. — Ты выступил великолепно! Ты был величествен. Какое тебе дело, что говорят или делают пьяные торговцы? Ты овладел этим искусством ради себя или ради них?

Слит слабо улыбнулся:

— Жонглирование вслепую захватывает тебя до глубины души.

— Мне грустно видеть тебя таким.

— Пройдет. Мне уже лучше.

— Ты сам себе придумал эту боль. Глупо так расстраивать себя. Повторяю: ты был великолепен, а все остальное не имеет значения. — Он повернулся к Шанамиру: — Сбегай на кухню, нет ли там для нас мяса и хлеба. Слит очень устал, ему надо подкрепиться. Одного огненного вина недостаточно.

Напряжение и злость Слита уже ушли, осталась только усталость. Он протянул руку Валентину.

— У тебя теплая и добрая душа, Валентин, светлая и нежная.

— Твоя боль ранила меня.

— Впредь постараюсь сдерживать свои эмоции, — пообещал Слит. — Но ты прав: мы жонглируем для себя, а все эти не стоят нашего внимания. Я не должен забывать об этом.

В Пидруиде Валентин видел жонглирование вслепую еще дважды, и каждый раз Слит сходил с подмостков напряженным и обессиленным. Он понимал, что усталость Слита не зависела от внимания зрителей: это была адски тяжелая работа, вот и все. И цена, которую платил ма-

ленький человек за свое умение, была слишком большой. Валентин старался как мог облегчить его состояние, успокоить и сам получал от этого удовлетворение.

Еще дважды Валентин видел темные сны. Один раз к нему явился понтифекс и позвал его в Лабиринт. Он вошел туда и увидел множество проходов и непонятных улиц. Изображение тощего старого Тиевераса плыло перед ним, ведя его к центру. Наконец он зашел довольно далеко вглубь громадного Лабиринта. Понтифекс вдруг исчез, и Валентин остался один в зеленовато-холодной пустоте. Все опоры исчезли, и он начал падать к центру Маджипура.

В другом сне проезжавший на своей колеснице через Пидруид корональ поманил его к себе и предложил сыграть в игорной палатке. Они метали диск, сбивали фишки и выиграли связку белых пальцевых суставов, а когда Валентин спросил, чьи это кости, лорд Валентин засмеялся, дернул себя за густую черную бороду, устремил на Валентина свой горящий взор и сказал:

— Посмотри на свои руки.

И Валентин увидел вместо пальцев розовые шрамы.

Валентин рассказал об этих снах Слиту и Ка-

рабелле, и они опять не смогли истолковать их, а лишь посоветовали, как только они покинут Пидруид, обратиться к какой-нибудь жрице мира снов. Отъезд был неминуем. Фестиваль закончился, корабли короналя ушли из гавани, дороги были забиты, так как люди из провинции возвращались по домам. Залзан Кавол торопил свою труппу закончить все дела в Пидруиде, чтобы двинуться в путь в День моря после полудня.

Это известие почему-то опечалило Шанамира, и Валентин заметил, как изменилось настроение мальчика.

— Я думал, ты будешь рад отправиться в путь. Тебе не хочется покидать город?

Шанамир покачал головой.

— Я ушел бы отсюда хоть сейчас.

— Тогда в чем дело?

— Прошлой ночью я видел во сне отца и братьев.

Валентин улыбнулся:

— Еще не выехал из своей провинции, а уже тоскуешь по дому?

— Это не тоска по дому, — мрачно возразил мальчик. — Они лежали на дороге связанные, а я вел животных. Отец и братья кричали мне, чтобы я помог им, а я ехал прямо на них. Тут и без

толкователя снов ясно, что это означает.

— Значит, на тебе вина, что ты бросил свои обязанности и дом?

— Вина? Да. Деньги! — ответил Шанамир.

В его голосе слышалось раздражение мужчины, объясняющего что-то тупому ребенку. Он похлопал себя по поясу:

— Деньги, Валентин. У меня тут около ста шестидесяти реалов от продажи животных. Разве ты забыл? Это целое состояние. Их хватит моей семье, чтобы прожить весь этот год и часть следующего! Они ждут моего благополучного возвращения в Фалкинкип с этими деньгами.

— А разве ты собирался не отдавать им эти деньги?

— Но меня же нанял Залзан Кавол! А вдруг он направляется в другую сторону? Если я повезу деньги домой, то потом не найду вас, когда вы будете странствовать по Зимроэлю. А если я пойду с жонглерами, я украду деньги моего отца, на которые он рассчитывает и в которых нуждается. Понял?

— Это решается довольно просто, — сказал Валентин. — Фалкинкип далеко отсюда?

— Дня два, если ехать быстро, три — если не торопиться.

— Это близко. Я уверен, что Залзан Кавол еще не определил наш маршрут окончательно. Я поговорю с ним прямо сейчас. Ему все равно, в какой город ехать. Я попрошу его отправиться отсюда по фалкинкипской дороге. Когда мы окажемся поблизости от фермы твоего отца, ты удерешь ночью, отдашь деньги кому-нибудь из братьев и до рассвета вернешься. Тогда на тебе не будет вины, и ты будешь свободен.

Глаза Шанамира округлились.

— Ты думаешь, что сможешь уговорить этого скандара? Как?

— Посмотрим.

— Он разозлится и побьет тебя, если ты его о чем-нибудь попросишь. Он не любит, когда вмешиваются в его планы, как и ты не позволил бы стаду блавов решать твои дела.

— Я поговорю с ним, — повторил Валентин, — и увидим. У меня есть основания считать, что Залзан Кавол вовсе не так груб, как хочет казаться. Где он?

— Осматривает свой фургон, готовит его для поездки. Ты знаешь, где стоит фургон?

— Где-то на берегу. Да. Знаю.

Жонглеры путешествовали в отличном фургоне, который сейчас стоял за несколько квар-

талов от гостиницы, поскольку был слишком широк, чтобы на нем можно было проехать по узким улицам. Это был внушительный, дорогой экипаж, благородный и величественный, отлично сработанный мастерами одной из внутренних провинций. Его основу составляла длинная рама из легких, упругих деревянных крыльев, которые были искусно разрезаны на широкие, выгнутые дугой полосы, склеенные бесцветным душистым клеем и переплетенные гибкими лозами с южных болот. Эту элегантную арматуру покрывали туго натянутые и прошитые толстыми желтыми нитками из хрящеватых жил пластины выдубленной кожи стиков.

Подойдя к фургону, Валентин увидел Ерфона Кавола и другого скандара, Гибора Хаэрна. Они старательно смазывали механизмы фургона, а изнутри доносились яростные крики, такие громкие, что фургон, казалось, качался.

— Где ваш брат? — спросил Валентин.

Гибор Хаэрн угрюмо мотнул головой в сторону фургона.

— Неподходящее время, чтобы впереться туда.

— У меня дело.

— А у него свое дело, — сказал Ерфон Кавол, — с вороватым маленьким колдуном, которому мы

платили, чтобы он указывал нам путь по провинциям, и который отказался от работы как раз сейчас, когда мы собираемся уехать из Пидруида. Войди, если хочешь, но ты пожалеешь об этом.

Злобные крики в фургоне перешли в вопли. Дверь неожиданно распахнулась, и оттуда выскочил крошечный ссохшийся старый вруун, маленькое, как кукла, существо в легких перьях, с клейкими щупальцами, тускло-зеленой кожей и громадными золотыми глазами, в которых сейчас горел страх. На щеке возле клюва-рта виднелось пятно желтой крови.

Через секунду в дверях показался Залзан Кавол. От гнева шерсть у него стояла дыбом. Беспорядочно размахивая широкими, похожими на корзины руками, он крикнул братьям:

— Хватайте его! Не давайте ему уйти!

Ерфон и Гибор тяжело поднялись и загородили дорогу врууну. Маленькое существо, пойманное в ловушку, в ужасе остановилось, резко развернулось и ткнулось в колени Валентину.

— Лорд, — бормотал он, вцепившись слабыми щупальцами в Валентина, — защити! Он обезумел и в своей злобе убьет меня!

— Держи его, Валентин, — приказал Залзан Кавол и шагнул вперед.

Валентин толкнул испуганного врууна за спину и твердо взглянул в лицо Залзана Кавола.

— Умерь свой пыл, если можешь. Если ты убьешь этого врууна, мы все застрянем в Пидруиде навеки.

— Я не собираюсь его убивать, — рявкнул Залзан Кавол. — Мне совершенно ни к чему многолетние отвратительные послания.

— Он не хочет меня убивать, он хочет только ударить меня со всей силы об стену, — дрожащим голосом выдавил из себя врууп.

— Из-за чего ссора? Может, я могу стать посредником?

Залзан Кавол нахмурился:

— Этот спор тебя не касается, Валентин. Убирайся отсюда.

— Мне лучше остаться и подождать, пока ты успокоишься.

Глаза Залзана Кавола вспыхнули. Он подошел к Валентину настолько близко, что тот почувствовал усиленный злобой запах грубой шерсти скандара. «Он запросто может швырнуть об стену нас обоих», — подумал Валентин.

Ерфон и Гибор держались в стороне. Судя по всему, они никогда еще не видели, чтобы их брату выказывалось такое неповиновение. Некоторое

время все молчали. Кулаки Залзана Кавола конвульсивно сжимались, но он не двигался с места. Наконец он заговорил:

— Этот вруун — колдун Аутифон Делиамбер. Я нанял его, чтобы он показывал мне внутренние дороги и охранял нас от происков меняющих форму. Всю эту неделю он праздновал в Пидруиде за мой счет, а теперь, когда нам пора ехать, говорит, чтобы я искал другого проводника, что он потерял интерес к странствиям. Так-то ты выполняешь контракт, колдун?

— Я стар и слаб, — ответил вруун, — мое колдовство утрачивает силу, и, мне кажется, я иной раз забываю дорогу. Но, если ты все еще хочешь, я буду сопровождать тебя, как обещал прежде, Залзан Кавол.

Скандар был ошеломлен:

— Что?!

— Я передумал, — вежливо сказал Аутифон Делиамбер.

Он отцепился от ног Валентина, вышел вперед и уставился на огромного скандара, сгибая и разгибая щупальца, как будто стряхивал с них страшное напряжение.

— Я буду выполнять свой контракт.

Залзан Кавол растерянно проговорил:

— Всего полтора часа назад ты клялся, что останешься в Пидруиде, отвергал все мои просьбы, не обращая внимания даже на угрозы, и привел меня в такую ярость, что я готов был стереть тебя в порошок — на свою беду, потому что мертвые колдуны приносят несчастье и Король Снов страшно покарал бы меня за это. Ты упрямо отказывался от контракта и говорил, чтобы я искал другого проводника, а теперь ты вдруг все переиграл!

— Да.

— Не будешь ли ты так любезен объяснить мне почему?

— Причины нет, — ответил вруун, — кроме разве того, что этот молодой человек мне понравился, я восхищен его мужеством, добротой и теплом его души, и, раз он едет с тобой, я тоже поеду. Только из-за него. Все дело только в этом. Твое любопытство удовлетворено, Залзан Кавол?

Скандар заворчал, плюнул в раздражении и яростно зажестикулировал внешней парой рук. На миг показалось, что он сейчас снова взорвется приступом неуправляемой злобы и что он удерживается от этого с величайшим трудом. Наконец он рявкнул:

— Уходи с глаз моих, колдун, пока я все-таки не размазал тебя по стене. И да хранит Божество

твою жизнь, если ты не будешь здесь сегодня после обеда, чтобы ехать с нами.

— В два часа пополудни, — уточнил Аутифон Делиамбер. — Я буду вовремя, Залзан Кавол. — И, обращаясь к Валентину, добавил: — Я полагаю, ты мой защитник. Я в долгу перед тобой и расплачусь скорее, чем ты думаешь. — С этими словами вруун быстро исчез.

Помолчав, Залзан Кавол произнес:

— С твоей стороны глупо было вставать между нами, Валентин. Это могло плохо кончиться.

— Я знаю.

— А если бы я изувечил вас обоих?

— Я чувствовал, что ты сумеешь обуздать свой гнев. Я был прав?

Залзан Кавол изобразил скандарский вариант улыбки.

— Я сдержал свою злость, это верно, но потому только, что ты поразил меня своим нахальством. Только мое удивление остановило меня. Еще минута, и если бы Делиамбер продолжал перечить мне…

— Но он согласился выполнить условия контракта, — перебил его Валентин.

— Это верно. Полагаю, я тоже у тебя в долгу. Поиски нового проводника могли задержать нас на

несколько дней. Так что я благодарю тебя, — закончил Залзан Кавол с неуклюжей любезностью.

— Значит, ты мой должник?

Скандар внезапно выпрямился и с подозрением спросил:

— Так что?

— Мне нужна небольшая милость от тебя. Если я оказал тебе услугу, нельзя ли попросить об ответной?

— Продолжай, — ледяным голосом откликнулся Залзан Кавол.

Валентин сделал глубокий вдох.

— Мальчик Шанамир из Фалкинкипа. Прежде чем идти с нами, он должен выполнить важное поручение. Это дело семейной чести.

— Пусть едет в Фалкинкип, а потом догоняет труппу.

— Он боится, что не найдет нас.

— О чем же ты просишь, Валентин?

— Устрой так, чтобы наш путь прошел в нескольких часах езды от дома мальчика.

Скандар злобно взглянул на Валентина и прорычал:

— Сначала я услышал от своего проводника, что мой контракт ничего не стоит, потом ученик жонглера остановил меня, а теперь меня просят

планировать мое путешествие в угоду семейной чести грума! На что это похоже?

— Если у тебя нет где-то важного ангажемента, — с надеждой сказал Валентин, — то Фалкинкип всего в двух-трех днях пути на север, а мальчик…

— Хватит! — заорал Залзан Кавол. — Наша дорога — на Фалкинкип. И больше никаких поблажек! Теперь убирайся. Ерфон, Хаэрн, фургон готов?

Глава 11

Фургон труппы Залзана Кавола был так же роскошен внутри, как и снаружи. Пол был из темных досок ночного дерева, отполированных до блеска и идеально подогнанных друг к другу. В задней части, предназначенной для пассажиров, со сводчатого потолка свисали изящные нити из сухих семян, украшенные кисточками, стены были покрыты замысловатой резьбой, пластинами из меха и полотнищами тонкой ткани. Здесь, хотя и не слишком свободно, могли разместиться пять или шесть скандаров.

Среднюю часть фургона занимал склад личных вещей, чемоданов, тюков и жонглерского оборудования, а в передней части на высокой открытой площадке находилось сиденье для того, кто управлял фургоном, достаточно широкое, чтобы на нем поместились два скандара или трое людей.

Хотя фургон был громадный и роскошный, вполне достойный герцога и даже короналя, он был достаточно легок, чтобы плыть на воздушной подушке, воздух для которой генерировался магнитными роторами, которые крутились в его

чреве. Когда они работали, фургон поднимался примерно на фут над землей и легко двигался с помощью упряжных животных.

К полудню все вещи погрузили в фургон, и труппа отправилась в гостиницу обедать. Валентин опешил, увидев, что рядом с Залзаном Каволом усаживается хьорт Виноркис с намазанными оранжевой краской усами. Скандар стукнул по столу, требуя внимания, и объявил:

— Познакомьтесь с нашим новым управляющим. Это Виноркис. Он будет помогать мне вести книги, присматривать за нашим имуществом и управлять всеми хозяйственными делами, которые доселе были на мне.

— О нет! — прошептала Карабелла. — Он нанял хьорта! Этого страшилу, который всю неделю пялился на нас!

Виноркис улыбнулся призрачной хьортской улыбкой, показав при этом тройной ряд жевательных хрящей, и оглядел всех выпученными глазами.

— Значит, ты всерьез решил присоединиться к нам? — обратился к нему Валентин. — А я думал, ты шутишь насчет жонглирования цифрами.

— Всем известно, что хьорты никогда не шутят, — серьезно ответил Виноркис и мерзко

захохотал.

— А что будет с твоей торговлей шкурами хайгу?

— Я продал весь товар на рынке. Вспомнив о тебе, не знающем, где ты будешь завтра, и не заботящемся об этом, я позавидовал такой жизни и подумал: «Неужели я так и буду до конца дней своих торговать шкурами хайгу или, может, попробовать какое-нибудь новое дело, например отправиться в путешествие?» И предложил свои услуги Залзану Каволу, когда услышал, что ему нужен помощник. И вот я здесь!

— Ты здесь, — мрачно сказала Карабелла. — Добро пожаловать!

После плотной еды стали готовиться к отъезду. Шанамир вывел из стойла четырех животных и ласково разговаривал с ними, пока скандары запрягали. Залзан Кавол взял вожжи, его брат Хейтраг сел рядом с ним, а Аутифон Делиамбер пристроился с краю. Шанамир ехал на собственном верховом животном. Валентин вместе с Карабеллой, Слитом, Виноркисом и четырьмя скандарами забрался в пассажирскую часть фургона. Все долго возились, пока не устроились так, что никто никому не мешал.

— Гей! — крикнул Залзан Кавол.

Фургон двинулся через врата Фалкинкипа к главному тракту, по которому неделю назад, в День луны, Валентин вошел в Пидруид.

Дневная жара еще не спала, и воздух был плотным и влажным.

Прекрасные цветы огненных пальм уже начали увядать, и дорога, как малиновым снегом, была усыпана опавшими лепестками. В фургоне было несколько окон — прочных пластин из кожи стика отличного качества, тщательно подогнанных и абсолютно прозрачных. В удивительно торжественной тишине Валентин смотрел, как исчезает Пидруид — громадный город с одиннадцатью миллионами жителей, где он жонглировал перед короналем, пил незнакомое вино, ел пряную пищу и провел фестивальную ночь в объятиях черноволосой Карабеллы.

Сейчас перед ним лежала открытая дорога, и кто знает, что ждет путешественников, какие приключения?

У него не было планов. Он жаждал снова жонглировать, освоить новое искусство, перестать считаться учеником и вместе с Карабеллой и Слитом исполнять самые сложные трюки, может быть, даже жонглировать со скандарами. Слит говорил ему, что такое по силам только масте-

ру, потому что четыре руки скандаров дают им неоспоримое преимущество перед человеком. Но Валентин видел, как Слит и Карабелла перебрасывались со скандарами, и когда-нибудь, возможно, то же самое сделает и он. «Высокая цель!» — подумал он. А чего еще мог он желать, кроме как стать мастером и завоевать право жонглировать с Зализаном Каволом и его братьями?

— Ты вдруг стал выглядеть таким счастливым, Валентин, — заметила Карабелла.

— Я?

— Как солнце. Просто сияешь. От тебя исходят потоки света.

— Это все из-за желтых волос, — усмехнулся он добродушно.

— Нет-нет. Внезапная улыбка…

Он положил ладонь на ее руку.

— Я думал о дороге впереди, о свободной, приятной жизни. Странствовать по Зимроэлю, останавливаться, чтобы дать представление, разучивать новые трюки. Я хочу стать самым лучшим жонглером-человеком на Маджипуре.

— У тебя для этого есть все возможности, — вмешался Слит, — огромные природные способности. Тебе нужна только тренировка.

— В этом я рассчитываю на тебя и Карабеллу.

— А пока ты думал о жонглировании, я думала о тебе, — тихо шепнула Карабелла.

— И я думал о тебе, — наклонившись к ней поближе, так же шепотом ответил он, — но стеснялся говорить об этом вслух.

Дорога пошла вверх, на большое плато. Фургон поднимался медленно. Иногда повороты были настолько крутыми, что он запросто мог перевернуться, но Залзан Кавол был таким же искусным возницей, как и жонглером.

Скоро они достигли вершины гребня. Пидруид был виден отсюда как на ладони — плоский, похожий на нарисованную карту, он упирался прямо в берег. Воздух наверху был суше, но значительно холоднее, несмотря на то что послеполуденное солнце испускало горячие лучи.

На эту ночь они остановились в пыльной деревушке на фалкинкипской дороге.

Едва Валентин улегся на соломенный матрас, пришел тревожный сон. Валентин снова находился среди властителей Маджипура. В одном конце громадного холла с каменным полом сидел на троне понтифекс, а в другом конце — корональ. С потолка, словно маленькое солнце, испускавшее безжалостное белое сияние, взирал на происходящее страшный глаз света. Вален-

тин нес какое-то послание от Хозяйки Острова Сна, но не знал, кому его отдать — понтифексу или короналю, и к кому бы из властителей он ни приближался, тот отступал в бесконечность. Всю ночь он ходил взад и вперед по холодному скользкому полу, умоляюще протягивая руки то к понтифексу, то к короналю, но они уплывали.

На следующую ночь в городке неподалеку от Фалкинкипа он снова увидел во сне понтифекса и короналя. Сон был очень сложным и запутанным, и Валентин сохранил в памяти только впечатление грозных королевских персонажей, громадных помпезных собраний и тишину. Он проснулся с ощущением глубокого и болезненного недовольства. Сны явно имели великое значение, но он не находил им объяснения.

— Властители преследуют тебя и не оставят в покое, — сказала утром Карабелла. — Похоже, ты связан с ними неразрывными нитями. Это ненормально — все время видеть во сне таких могущественных особ. Уверена, что это послания.

Валентин кивнул.

— В жаркий день мне кажется, что я ощущаю, как холодные руки Короля Снов сжимают мне виски, а когда закрываю глаза, его пальцы вонзаются в мою душу.

В глазах Карабеллы вспыхнула тревога:

— Ты уверен, что это его послания?

— Нет, не уверен, но думаю…

— Может быть, Хозяйка…

— Мне всегда казалось, что Хозяйка посылает добрые, мягкие сны, — возразил Валентин. — Боюсь, эти — от Короля. Но что он от меня хочет? Какое преступление я совершил?

Она нахмурилась.

— Ты обещал сходить в Фалкинкипе к толкователю.

— Да, я повидаюсь с кем-нибудь.

В разговор неожиданно вмешался Аутифон Делиамбер:

— Могу ли я дать совет?

Валентин не заметил, как подошел маленький колдун-вруун, и с удивлением посмотрел вниз.

— Извини, — не смущаясь, сказал колдун, — я подслушал случайно. Ты думаешь, тебя тревожили послания?

— Эти сны не могут быть ничем иным.

— Ты уверен?

— Я ни в чем не уверен, даже в собственном имени или в том, какой сегодня день недели.

— Послания редко бывают двусмысленными. Когда говорит Король или Повелительница Снов,

сомневаться не приходится, — ответил Делиамбер.

Валентин покачал головой.

— Все эти дни моя голова как в тумане. Я ни в чем не уверен. Но эти сны раздражают меня. Мне нужен ответ, хотя я даже не знаю, как сформулировать вопрос.

Вруун потянулся вверх и одним из своих тонких, хитро переплетенных щупалец взял Валентина за руку.

— Доверься мне. Твой мозг, может быть, и затуманен, но мой — нет, и я отчетливо вижу тебя. Мое имя Делиамбер, твое — Валентин, сегодня пятый день девятой недели лета, и в Фалкинкипе есть толковательница снов Тизана — она мой друг и союзница. Она поможет тебе найти правильный путь. Иди к ней и скажи, что я шлю ей приветствия и любовь. Настало время начать освобождаться от вреда, причиненного тебе, Валентин.

— Вреда? Какого вреда?

— Иди к Тизане, — твердо повторил Делиамбер.

Валентин нашел Залзана Кавола, который разговаривал с кем-то из городка. Он как раз закончил беседу и повернулся к Валентину.

— Я прошу разрешения, — сказал Валентин, — провести ночь Звездного дня не с труппой, а в Фалкинкипе.

— Это тоже дело семейной чести? — язвительно спросил Залзан Кавол.

— Личное. Можно?

Скандар пожал всеми четырьмя плечами.

— В тебе есть что-то странное, и это беспокоит меня. Делай как хочешь. Завтра мы даем представление на ярмарке. Спи где хочешь, но рано утром в День солнца будь готов. Ладно?

Глава 12

По сравнению с громадным Пидруидом Фалкинкип оказался довольно заурядным, но в то же время отнюдь не незначительным местным центром. Он был метрополией обширного и достаточно важного сельскохозяйственного района.

Население Фалкинкипа насчитывало около трех четвертей миллиона, и впятеро больше людей жили в прилегающих пригородах. Но ритм его жизни, как заметил Валентин, отличался от того, который был свойствен Пидруиду. Жители Фалкинкипа двигались неторопливо и казались более осмотрительными и флегматичными. Возможно, причина состояла в том, что город располагался на сухом высоком плато, а не вдоль влажного побережья с мягким климатом.

В Звездный день мальчик Шанамир скрывался от всех. Он и в самом деле побывал ночью на ферме своего отца, расположенной в нескольких часах ходьбы от города. Утром он рассказал Валентину, что оставил деньги, заработанные в Пидруиде, и записку, сообщавшую, что уходит искать приключений и мудрости, и ухитрился

удрать так, что его никто не заметил. Но он боялся, что отец вряд ли легко отнесется к потере пары ловких и столь необходимых рабочих рук и будет его искать. Поэтому Шанамир решил прятаться в фургоне до тех пор, пока они не покинут Фалкинкип. Валентин объяснил это Залзану Каволу, и тот со своим обычным хмурым видом согласился.

После полудня жонглеры появились на городской ярмарке. Впереди шли Слит и Карабелла. Он бил в барабан, она звенела тамбурином и весело пела:

Не жалейте реала, не жалейте и кроны,

Приходите, смотрите, добрые люди.

Невесомость и радость – жонглера законы,

Ловкость рук вам сегодня показывать будем!

Не жалейте ни дюйма, не жалейте ни мили,

Посмотрите, как весело публика входит,

Как танцуют над нами мячи и бутыли,

Как ножи и дубинки мелькают в полете.

Не жалейте минуты, не жалейте и часа,

Мы прогоним от вас ваши беды, заботы!

Последите за ловкостью нашего паса,

Отдохните-ка с нами от трудной работы!

Но Валентину в этот день не было ни легко, ни радостно, и он жонглировал слабо. Его извели бесконечные тревожные сны. К тому же его подвела самонадеянность, и он допустил промах — дважды ронял дубинки. Но Слит научил его делать вид, что так и должно быть, и публика, похоже, простила. Но простить самого себя было трудно. Мрачный, он пошел в винную палатку, а подмостки заняли скандары.

Валентин издали смотрел на их работу. Шесть огромных косматых созданий сплетали свои двадцать четыре руки в точном, без изъянов, рисунке. Каждый жонглировал семью ножами. Это производило неизгладимое впечатление — зрители замирали, следя за непрерывным обменом острым оружием. Мирные горожане Фалкинкипа

были очарованы.

Наблюдая за скандарами, Валентин все сильнее переживал из-за собственного неудачного выступления. После Пидруида он мечтал снова выйти на публику, руки его тянулись к мячам и дубинкам, а когда настал его час, он работал так неуклюже. Ну ладно, что уж теперь об этом…

Будут другие рыночные площади, другие ярмарки. Год за годом труппа будет странствовать по Зимроэлю, и он, Валентин, еще блеснет, ослепит зрителей, они станут вызывать Валентина-жонглера, будут требовать еще и еще, и сам Залзан Кавол почернеет от зависти. Король жонглеров, да, монарх, корональ бродячих артистов! А почему бы и нет? У него талант.

Валентин улыбнулся. Благодаря то ли ли вину, то ли приятным мыслям дурное настроение покинуло его. Он занялся этим искусством всего неделю назад, а посмотрите, чего уже достиг! Кто знает, какие чудеса ловкости он покажет через год-два?

К нему подошел Аутифон Делиамбер.

— Тизану найдешь на улице Продавцов Воды, — сказал маленький колдун. — Она ждет тебя.

— Значит, ты говорил ей обо мне?

— Нет.

— Но раз она ждет меня… Или здесь замешано колдовство?

— Вроде того. — Вруун подергал щупальцами, что означало пожатие плеч. — Иди к ней скорее.

Валентин кивнул. Скандары закончили свое выступление, и теперь Слит с Карабеллой демонстрировали жонглирование одной рукой.

«Как они элегантно двигаются вместе, — подумал Валентин, — как они спокойны, уверены друг в друге… и как она красива».

Валентин и Карабелла не были близки с той фестивальной ночи, хотя иногда и спали бок о бок. Вот уже неделя, как он избегал ее, хотя с ее стороны видел только тепло и поддержку. Сны отнимали все силы и не позволяли думать о чем-либо другом. Сейчас — к Тизане за толкованием, а завтра, может быть, он снова обнимет Карабеллу…

— Улица Продавцов Воды? — переспросил он Делиамбера. — Отлично. На ее жилище есть какой-нибудь знак?

— Спросишь, — ответил Делиамбер.

Вечером, едва Валентин вышел, из-за фургона появился Виноркис.

— На ночь глядя в город?

— По делу.

— Компания не нужна? — Хьорт хрипло засмеялся. — Можем вместе пошляться по тавернам. Я бы не прочь удрать на несколько часов от всего этого жонглерства.

— Есть дела, которые каждый должен делать в одиночку, — неохотно ответил Валентин.

Виноркис внимательно посмотрел на него:

— Не очень-то ты любезен.

— Извини, но у меня дело именно такое: я должен сделать его один. И, будь уверен, я не пойду шляться по тавернам.

Хьорт пожал плечами.

— Ладно. Пусть так. Мне все равно. Я просто хотел помочь тебе повеселиться, показать город, сводить в мои любимые места…

— В другой раз, — быстро сказал Валентин и зашагал к Фалкинкипу.

Найти улицу Продавцов Воды оказалось несложно: город строился по плану, в нем не было средневековой путаницы переулков, как в Пидруиде, и на всех основных перекрестках висели ясные и понятные карты города, но найти дом толковательницы снов Тизаны оказалось труднее, потому что улица была длинной, а прохожие, к которым обращался Валентин, просто указывали через плечо на север.

Он долго шел и наконец добрался до маленького серого, крытого дранкой дома в жилом квартале далеко от рыночной площади. На его старой двери были изображены два символа власти: Скрещенные молнии Короля Снов и Треугольник в треугольнике — эмблема Хозяйки Острова Сна.

Тизана была крепкой немолодой женщиной, необычайно высокой и тяжеловесной, с широким строгим лицом и внимательными глазами. Густые распущенные волосы, черные с белыми прядями, закрывали спину. На ней был серый комбинезон, оставлявший открытыми крепкие мускулистые руки. Она производила впечатление очень сильной и мудрой личности.

Тизана приветствовала Валентина, назвав его по имени, и пригласила в дом.

— Я принес тебе, как ты уже, вероятно, знаешь, привет и любовь от Аутифона Делиамбера, — сказал он.

Толковательница снов серьезно кивнула.

— Да, он послал известие заранее, такой шельмец! Но я ценю его любовь, несмотря на все его фокусы. Передай ему от меня то же самое.

Она прошла по маленькой темной комнате, задернула шторы и зажгла три толстые красные свечи и какую-то курильницу. Обстановки в

комнате почти не было, только очень ворсистый тканый ковер в серых и черных тонах, массивный деревянный стол, на котором горели свечи, и высокий гардероб в античном стиле. Делая приготовления, Тизана рассказывала:

— Я знаю Делиамбера почти сорок лет — можешь ты себе такое представить? Мы встретились в начале правления Тиевераса на фестивале в Пилиплоке, когда в город приехал новый корональ — лорд Малибор, который потом утонул, охотясь на морских драконов. Маленький вруун и тогда уже был хитрецом. Мы стояли на улице, приветствуя лорда Малибора, и Делиамбер вдруг произнес: «Ты знаешь, он умрет раньше понтифекса» — да так уверенно, как будто предсказал дождь, когда подул южный ветер. Страшное дело — говорить так, и я сказала ему об этом. И вот удивительно: корональ умер, а понтифекс живет и живет. Сколько же ему теперь лет? Сто? Сто двадцать?

— Не имею представления, — ответил Валентин.

— Он очень стар. Прежде чем войти в Лабиринт, он долгое время был короналем. И после него правили уже три короналя, представляешь? Интересно, переживет ли он и лорда Валентина? — Ее

взгляд остановился на Валентине. — Полагаю, Делиамбер знает и это. Выпьешь вина со мной?

— Да, — кивнул Валентин.

Он чувствовал себя неловко от ее непонятного обхождения и от ощущения, что ей известно о нем больше, чем ему самому.

Тизана достала резной каменный графин и щедро налила в два стаканчика, но не огненного вина Пидруида, а более темного, густого, сладкого, с привкусом мяты, имбиря и еще чего-то. Он быстро сделал глоток, затем другой, а через секунду она небрежно сказала:

— Кстати, в нем наркотик.

— Наркотик? Зачем?

— Для толкования.

— А… Ну да.

Собственная неосведомленность приводила его в замешательство. Он нахмурился и уставился в свой стаканчик. Вино было темно-красным, почти пурпурным, и в нем отражалось его искаженное светом свечей лицо. Интересно знать, что это за процедура? Попросит ли его Тизана рассказать о своих снах? Посмотрим. Он быстрыми глотками допил вино, и женщина тут же вылила в его стакан свое, которого едва коснулась.

— Сколько времени прошло с последнего тол-

кования? — спросила она.

— Боюсь, очень много.

— Судя по всему, да. А теперь отдай мой гонорар. Цена теперь несколько выше той, которую ты помнишь.

Валентин потянулся за кошельком.

— Это было так давно…

— …что ты забыл. Сейчас я прошу десять крон. Знаешь, новые налоги и прочие неприятности. Во времена лорда Вориакса цена была пять крон, а когда я только начинала толковать сны, при лорде Малиборе, я брала две или две с половиной. Десять крон для тебя слишком дорого?

Это было его недельное жалованье у Залзана Кавола, не считая стола и ночлега. Но он пришел в Пидруид с полным кошельком, сам не зная, откуда взялись эти деньги. Там было около шестидесяти реалов, и осталось еще много. Он дал толковательнице реал, и она небрежно бросила его в зеленую фарфоровую чашку на столе. Он зевнул. Тизана не сводила с него пристального взгляда. Валентин выпил еще, она сделала то же и снова наполнила стаканчики. Мозг Валентина все больше затуманивался. Хотя ночь еще только начиналась, он почти засыпал.

— А теперь иди к сонному ковру, — велела она

и погасила две свечи из трех.

Тизана сняла с себя комбинезон и осталась совершенно обнаженной. Этого он не ожидал. Неужели толкование снов включает в себя какой-то сексуальный контакт? С этой старухой? Правда, сейчас она не казалась старой: ее тело выглядело лет на двадцать моложе лица — конечно, не девичье, но еще крепкое, пышное, без складок, с упругой грудью и крепкими гладкими бедрами. «Может, эти толковательницы что-то вроде священных проституток?» — подумал Валентин.

Тизана сделала ему знак раздеться, и он выполнил ее приказание. Они легли в полумраке на толстый, мягкий ковер, и она обняла Валентина, но в этом не было абсолютно ничего эротического: ее объятия были материнскими, всепоглощающими. Валентин расслабился, положив голову на мягкую, теплую грудь, и ему очень хотелось спать. От нее исходил сильный и острый приятный аромат сучковатых игольчатых деревьев, которые растут на высоких пиках севера как раз ниже линии снега. Это был чистый и живительный запах.

— В королевстве снов существует только язык правды. Не бойся, потому что мы отплывем туда вместе, — тихо произнесла Тизана.

Валентин закрыл глаза.

Высокие пики как раз ниже линии снега. Свежий ветер обдувает скалы, но Валентину совершенно не холодно, хотя он идет босиком по сухой каменистой почве. Перед ним дорога — наклонная тропа с уступами, с широкими серыми плитами, составляющими лестницу. Она ведет в покрытую туманом долину. Валентин без колебаний начинает спускаться. Он знает, что это еще не сон, а только прелюдия, что он только приступает к своему ночному путешествию и пока еще находится на пороге сна. Он проходит мимо поднимающихся навстречу ему по лестнице фигур, знакомых по недавним снам. Понтифекс Тиеверас с пергаментной кожей и высохшим лицом слегка пошатывается на дрожащих ногах, лорд Валентин, корональ, идет размеренным, широким шагом, покойный лорд Вориакс безмятежно плывет прямо над ступенями, великий воин-корональ лорд Стиамот из восьмитысячелетнего прошлого размахивает мощным посохом, на конце которого крутятся яростные молнии. А это, кажется, понтифекс Ариок, который отказался от Лабиринта, объявил себя женщиной и стал Хозяйкой Острова Сна. Вот великий правитель лорд Конфалюм и столь же

великий лорд Престимион, его наследник, во время правления которых Маджипур достиг вершин богатства и силы. Следом идут Залзан Кавол и позади него колдун Делиамбер, Карабелла, нагая, орехово-коричневая, брызжущая неиссякаемой энергией, и задыхающийся Виноркис, и Слит, жонглирующий на ходу огненными шарами, и Шанамир, и лиимен, торговец сосисками, и нежная Хозяйка Острова Сна, и снова старый понтифекс, и корональ, и музыканты, и двадцать хьортов несут на золотых носилках Короля Снов, страшного Симонана Барджазида. Чем ниже, тем гуще становится туман, и дыхание Валентина становится прерывистым и болезненным, словно он не спускается с высоты, а, наоборот, все время поднимается, со страшным трудом прокладывая себе путь над линией игольчатых деревьев среди гранитных щитов высоких гор, босиком по обжигающим полосам снега, закутанный в серое одеяло тумана, который закрывает от него весь Маджипур.

В небе слышна теперь благородная строгая музыка. Ансамбли духовых инструментов играют торжественные и печальные мелодии, полагающиеся при церемонии одевания короналя. И в самом деле, Валентина одевают: десяток со-

гнувшихся слуг возлагает на него официальную мантию и звездную корону, но он качает головой, отталкивает слуг, своими руками снимает корону и протягивает ее своему брату, тому, у которого была страшная сабля, срывает с себя нарядную одежду и раздает лоскуты от нее беднякам, которые обматывают ими ноги. По всем провинциям Маджипура разносится весть, что он отказывается от своего высокого назначения и от какой-либо власти. И снова он на каменных ступенях, спускается с горы и в недостижимой дали ищет долину туманов.

— Почему ты идешь вниз? — спрашивает Карабелла.

Она загораживает ему дорогу. Но он не знает, что ей ответить, а когда маленький Делиамбер указывает вверх, он смиренно пожимает плечами и начинает новый подъем по полям блестящих красных и голубых цветов, по золотой траве между высокими зелеными кедрами. Валентин чувствует, что поднимается, спускается и вновь поднимается не на обычный пик, а к самому Горному замку, который уходит на тридцать миль в небо. Его цель — это приводящее в смятение, превосходящее все когда-либо существовавшие, сооружение на вершине горы, место, где живет

корональ, Замок, который называется Замком лорда Валентина, а раньше назывался Замком лорда Вориакса, а еще раньше — Замком лорда Малибора, а до этого носил имена других великих лордов, которые правили оттуда. Каждый вносил свой вклад в строительство Замка и давал ему свое имя, пока жил в нем, каждый, начиная с лорда Стиамота, завоевателя метаморфов, первого обитателя Горного замка: он построил скромную башню, положившую начало всему остальному. «Я снова завладею Замком, — говорит себе Валентин, — и буду жить в нем».

Но что это? Тысячи работников разбирают огромное сооружение. Работы идут полным ходом. Все внешние крылья уже отделены, опоры и арки, построенные лордом Вориаксом, зал трофеев лорда Малибора и огромная библиотека, которую построил Тиеверас, пока был короналем, и многое другое превратилось в груды камня и кирпича, аккуратно уложенные на склонах Горы. А рабочие уже пробиваются внутрь, к более древним постройкам, к садам лорда Конфалюма, к оружейной лорда Деккерета, к сводчатому помещению архива лорда Престимиона, уничтожая все на своем пути, как саранча на полях.

— Подождите! — кричит Валентин. — Не де-

лайте этого! Я вернулся, я снова надену мантию и корону!

Но разрушение продолжается, и кажется, что замок сделан из песка и прибой ворвался в него.

Нежный голос произносит:

— Поздно, слишком поздно, чрезмерно поздно!

Дозорной башни лорда Ариока больше не существует, и парапеты лорда Тимина исчезли, и обсерватория лорда Кинникена со всей аппаратурой пропала, и вся Замковая гора дрожит и качается, поскольку снос Замка нарушил ее равновесие, и рабочие теперь отчаянно бегают с кирпичами в руках в поисках мест, где их можно сложить, и настала страшная вечная ночь, и зловещие звезды корчатся в небе, и механизмы, отводившие космический холод от вершины Горного замка, сломались, и теплый воздух ушел к лунам, и из глубин планеты раздается рыдание… Валентин стоит среди этого разрушения и начинающегося хаоса, протягивая в темноту руки…

Следующее, что он увидел, был утренний свет. Валентин заморгал и сел, гадая, в какой это гостинице он оказался и чем он занимался всю прошедшую ночь. Почему он лежит голый на толстом ковре в теплой незнакомой комнате и кто эта старая женщина, которая ходит тут и,

похоже, готовит чай?

Да это толковательница снов Тизана! И это улица Продавцов Воды в Фалкинкипе!..

Нагота смущала его. Он встал и быстро оделся.

— Выпей это, — сказала Тизана, — а я приготовлю что-нибудь на завтрак, раз ты окончательно проснулся.

Он с подозрением взглянул на кружку, которую она ему протягивала.

— Это только чай, — успокоила она его, — и ничего больше. Сейчас не время для сновидений.

Пока она хлопотала в маленькой кухне, Валентин выпил чай. В голове у него творилось что-то странное, словно он напился до беспамятства и теперь расплачивался за это. Он помнил, что всю ночь ему снились невероятные сны, но не ощущал боли и тяжести, с которыми пробуждался в предыдущие дни, а только оцепенение, удивительное внутреннее спокойствие, почти пустоту. Быть может, именно за этим ему и следовало прийти к толковательнице? Он так мало знал, что чувствовал себя ребенком, потерявшимся в огромном и сложном мире.

Они ели молча. С противоположного конца стола Тизана бросала на Валентина проницательные взгляды.

Ночью, до того как наркотик начал действовать, она была куда более разговорчива, а теперь выглядела подавленной, задумчивой, почти отсутствующей, как будто ей необходимо было отстраниться от него, пока она готовилась истолковать его сон.

Вымыв посуду, Тизана спросила:

— Как ты себя чувствуешь?

— Внутренне спокоен.

— Хорошо. Это очень важно. Уходить от толкователя снов в тревоге — напрасная трата денег. Но я не сомневаюсь: у тебя сильный дух.

— Да?

— Сильнее, чем ты думаешь. Превратности судьбы, которые раздавили бы обычного человека, на тебя не повлияли. Ты не обращаешь внимания на бедствия и спокойно смотришь в лицо опасности.

— Твои слова слишком туманны.

— Я оракул, а оракулы никогда не говорят совершенно ясно.

— Мои сны — это послания? Хоть это ты можешь мне сказать?

Она задумалась.

— Я не вполне уверена.

— Но ты же разделила их со мной! Разве ты не

можешь сразу понять, от кого они — от Повелительницы Снов или от Короля?

— Тихо, тихо. Все не так просто, — замахала на него руками Тизана. — Твои сны не от Повелительницы, это точно.

— Но если это послания, то, значит, они от Короля?

— Трудно сказать. В какой-то мере аура Короля присутствует, верно, но не аура посланий. Я знаю, тебе это трудно понять, да и мне тоже. Я уверена, Король Снов следит за твоими действиями и связан с тобой, но, по-моему, он не входил в твой сон. Это сбивает меня с толку.

— Ты когда-нибудь встречалась с чем-то похожим?

Она покачала головой.

— Нет, никогда.

— Вот, значит, какое толкование ты мне приготовила. Еще больше таинственности и вопросов без ответов.

— Это еще не толкование.

— Прости, что я так нетерпелив.

— Не извиняйся. Дай мне руку — и получишь толкование.

Она потянулась к нему через стол, крепко взяла за руки и после долгого молчания проговорила:

— Ты упал с высокого места и теперь должен взбираться туда снова.

— С высокого места? — Валентин ухмыльнулся.

— С высочайшего.

— Высочайшее место на Маджипуре — вершина Замковой горы, — шутливо сказал он. — Не туда ли мне взбираться?

— Туда.

— Уж очень высокий подъем ты мне предлагаешь. Я потрачу всю жизнь, чтобы добраться до Горы и подняться наверх.

— Тем не менее, лорд Валентин, этот подъем ждет тебя, и не я тебе его предлагаю.

Он опешил, когда она произнесла его имя с королевским титулом, а потом зашелся от смеха в ответ на ее грубую и неуместную шутку:

— Лорд Валентин? Не слишком ли много чести для меня, мадам Тизана? Не лорд Валентин, а просто Валентин — Валентин-жонглер, и только. Новичок в труппе Залзана Кавола, скандара.

— Прошу прощения. Я не хотела обидеть тебя, — по-прежнему пристально глядя на него, спокойно произнесла Тизана.

— Как это может обидеть меня? Но, пожалуйста, не награждай меня королевскими титулами.

Меня вполне устраивает жонглерская жизнь, даже если сны иногда уносят меня гораздо выше.

Тизана сохраняла полнейшую невозмутимость.

— Хочешь еще чаю?

— Я обещал скандару вернуться рано утром, так что мне скоро пора идти. Что еще ты можешь мне сказать?

— Толкование закончено.

Это было неожиданностью для Валентина. Он ждал разъяснений, подробного разбора, советов, а получил только…

— Я упал с высоты и должен подняться обратно. И это все, что ты поведаешь мне за реал?

— В наше время все дорожает, — сказала она беззлобно. — Ты считаешь себя обманутым?

— Отнюдь нет. Определенную пользу я из этого извлек.

— Сказано вежливо, но не от души. Однако ты и в самом деле получил кое-что ценное. Со временем ты это поймешь.

Она встала, Валентин тоже. Ее окутывала аура доверия и силы.

— Я желаю тебе счастливого пути и безопасного подъема.

Глава 13

Когда он вернулся от толковательницы снов, первым его приветствовал Аутифон Делиамбер. Тихим ранним утром маленький вруун занимался возле фургона чем-то вроде жонглирования какими-то кристаллами с ледяным блеском, но это было колдовское жонглирование, потому что Делиамбер лишь делал вид, что бросает и ловит, а на самом деле кристаллы двигались, повинуясь его мысли. Он стоял под блестящим вихрем, а сверкающие кусочки летали над ним по кругу, как венок яркого света, и оставались наверху, хотя Делиамбер не касался их.

При приближении Валентина вруун махнул кончиком щупальца, и прозрачные осколки тут же собрались в плотный ком.

Делиамбер ловко выхватил его из воздуха и показал Валентину:

— Фрагменты храмового здания из Дюлорна, города гэйрогов, который расположен в нескольких днях пути отсюда к востоку. Это город магической красоты. Ты бывал там?

Загадки ночи, проведенной у толковательницы снов, еще мучили Валентина, он был совершенно

не расположен к разговорам с раннего утра и поэтому лишь пожал плечами:

— Не помню.

— Запомнил бы, если бы видел его. Это город света, город застывшей поэзии! — Вруун щелкнул клювом, что означало улыбку. — А возможно, ты просто не помнишь. Я полагаю, у тебя слишком многое утеряно. Но ты довольно скоро снова попадешь туда.

— Как снова? Я никогда там не был.

— Если ты когда-то бывал там, то будешь снова, когда мы туда приедем. Если же нет — нет. Но как бы то ни было, следующая остановка — Дюлорн, как сказал наш любимый скандар. — Озорные глаза Делиамбера пронизывали Валентина. — Я вижу, ты многое узнал от Тизаны.

— Пропусти меня, Делиамбер.

— Она замечательная, не так ли?

Валентин попытался пройти мимо.

— Ничего я не узнал, только зря потратил вечер.

— О нет, нет, нет! Время никогда не тратится зря. Дай руку, Валентин. — Сухое упругое щупальце обвилось вокруг пальцев Валентина. — Я хорошо знаю: время никогда не тратится зря. Куда бы мы ни пошли, что бы мы ни делали, все

это чему-нибудь учит нас, даже если мы не сразу познаем урок.

— Тизана сказала мне примерно то же самое, когда я уходил, — угрюмо пробормотал Валентин. — Но что я узнал? Я снова видел во сне короналей и понтифексов, поднимался и спускался по горным тропам. Толковательница снов отпустила глупую шутку по поводу моего имени. Лучше бы этот реал я потратил на вино и лакомства. Нет, я ничего не достиг.

Он попытался освободить руку, но вруун удержал ее с неожиданной силой. У Валентина возникло странное ощущение, что через его мозг прокатываются аккорды печальной музыки, и где-то в глубине его сознания промелькнуло и исчезло какое-то видение, нечто, напоминающее морского дракона. Но он не смог разглядеть его как следует, и смысл этого видения ускользнул от него. Ну и пусть: он боялся узнать, что именно шевельнулось в его воображении. Темная непонятная тревога захлестнула его душу. На минуту ему показалось, что дракон поднялся из глубин его существа и поплыл вверх через мрак его затуманенной памяти к уровню сознания. Это испугало Валентина. Знание, страшное, угрожающее знание скрывалось в нем и теперь грозило

вырваться. Он сопротивлялся этому, боролся с ним. Он заметил, что маленький Делиамбер уставился на него с пугающей напряженностью, словно пытаясь дать ему необходимую силу, чтобы он смог принять это темное знание, но Валентин не хотел этого. Он грубо вырвал руку и, спотыкаясь, пошел к фургону скандаров. Сердце яростно колотилось, в висках стучало, голова кружилась. Сделав несколько неуверенных шагов, Валентин обернулся и сердито спросил:

— Что ты со мной сделал?

— Я просто дотронулся до твоей руки.

— И причинил мне сильную боль!

— Я открыл тебе доступ к твоей собственной боли, — спокойно ответил Делиамбер, — больше ничего. Ты несешь в себе боль, но до сих пор ты ее не чувствовал, а она старается проснуться в тебе, и предотвратить это нельзя.

— А я не хочу, чтобы она просыпалась.

— У тебя нет выбора, ты можешь только прислушиваться к голосам изнутри. Борьба уже началась.

Валентин покачал головой.

— Я не хочу ни боли, ни борьбы. Еще несколько дней назад я был счастлив.

— Даже когда видел сны?

— Этим снам скоро придет конец. Они, видимо, предназначались для кого-то другого.

— Ты действительно так думаешь?

— Не мешайте мне быть тем, кем мне хочется, — после некоторого молчания ответил Валентин.

— А именно?

— Странствующим жонглером, свободным человеком. Зачем ты мучаешь меня, Делиамбер?

— Я был бы рад, если б ты стал жонглером, — мягко сказал вруун. — Не хочу огорчать тебя, но желания человека часто не совпадают с тем, что ему предначертано на великом свитке.

— Я буду выдающимся жонглером, ни больше и ни меньше.

— Желаю тебе этого, — любезно произнес Делиамбер и ушел.

Валентин медленно выдохнул. Он ощущал напряжение и скованность во всем теле. Стараясь избавиться от этих странных ощущений, он присел на корточки, опустил голову, вытянул руки, затем ноги. Постепенно он немного расслабился, но какой-то осадок остался, и тревога не оставляла его: мучительные сны, корчащиеся в глубинах души драконы, знаки и предзнаменования…

Из фургона вышла Карабелла и остановилась перед Валентином.

— Дай я помогу, — предложила она, наклоняясь ближе. Сильные пальцы вонзились в застывшие мышцы шеи и спины. Благодаря Карабелле напряжение немного спало, но Валентин по-прежнему оставался мрачным.

— Толкование не принесло тебе пользы? — тихо спросила она.

— Нет.

— Ты можешь рассказать мне о нем?

— Пожалуй, нет.

— Как хочешь. — Но она явно ждала. В ее глазах одновременно светились тревога, тепло и сочувствие.

— Я мало понял из того, что говорила мне та женщина, — сказал он, — а то, что понял, не хочу принять и не хочу рассказывать об этом.

— Если захочешь, Валентин, я здесь. Когда почувствуешь необходимость сказать кому-то…

— Не сейчас. А может, никогда.

Валентин видел, что она тянется к нему, желая облегчить боль его души, как сняла напряжение с его тела. Он почувствовал, что ее захлестывает любовь к нему, и проговорил, запинаясь:

— Толковательница снов сказала мне…

— Да?

Нет, говорить о таких вещах означало признать

их реальность, а они нереальны, абсурдны, фантастичны.

— Все, что она сказала, — вздор. Не стоит и вспоминать эти глупые фантазии. — Их глаза встретились, и он отвел взгляд. — Можешь ты это понять? — Валентин почти кричал. — Чокнутая старуха наговорила мне какой-то ерунды, и я не хочу обсуждать это ни с тобой, ни с кем-либо другим. Толкование предназначалось для меня, и нет необходимости делиться им. Я…

Он увидел смятение на ее лице. В другое время он проболтался бы, но сейчас сказал уже совсем другим тоном:

— Принеси мячи, Карабелла.

— Сейчас?

— Да.

— Но…

— Я хочу, чтобы ты научила меня обмену между жонглерами. Прошу тебя…

— Мы же через полчаса уезжаем!

— Пожалуйста, — повторил он настойчиво.

Она кивнула, взлетела по ступенькам фургона и тут же вернулась с мячами. Они отошли в сторону на открытое место. Карабелла бросила ему три мяча и нахмурилась.

— В чем дело? — спросил он.

— Нельзя осваивать новый трюк в таком состоянии.

— Это меня успокоит. Давай попробуем.

— Ну что ж…

Она начала жонглировать своими тремя мячами для разминки.

Валентин попытался делать то же, но руки были холодными, пальцы не слушались, у него не получались даже самые простые упражнения, и он то и дело ронял мячи. Карабелла молча продолжала жонглировать, в то время как он делал одну ошибку за другой и чувствовал все большее раздражение. Она уже не настаивала, что сейчас неподходящее время для работы, но ее молчание, ее взгляд и даже ее поза говорили лучше слов. Валентин безнадежно пытался уловить ритм. «Ты упал с высокого места, — слышал он слова толковательницы, — и теперь должен взбираться туда снова». Он прикусил губу. Как можно сосредоточиться, когда его мучают такие мысли? «Рука и глаз, — твердил он себе. — Рука и глаз, все остальное забудь. Рука и глаз». — «Тем не менее, лорд Валентин, этот подъем ждет тебя, и не я тебе его предлагаю». Нет! Нет! Нет! Нет! Руки его тряслись, ледяные пальцы отказывались повиноваться. Неверное движение — и мячи

разлетелись в стороны.

— Пожалуйста, Валентин, — ласково сказала Карабелла.

— Принеси дубинки.

— Это будет еще хуже. Ты хочешь сломать палец?

— Дай дубинки.

Пожав плечами, она собрала мячи и скрылась в фургоне.

Начиналось утро. Появился Слит, зевнул и кивком поздоровался с Валентином. Вышел один из скандаров и полез под фургон исправлять что-то. Наконец показалась Карабелла с шестью дубинками. За ней — Шанамир. Он на ходу поздоровался с Валентином и побежал кормить животных.

Валентин взял дубинки. Чувствуя на себе спокойный взгляд Слита, он встал в позу жонглера, подбросил одну дубинку и промахнулся в захвате. Никто не произнес ни слова. Валентин попробовал снова. Ему удалось довольно успешно поработать с тремя дубинками, но это длилось не более тридцати секунд, а затем они упали, и одна больно ударила его по ноге. Перехватив взгляд Аутифона Делиамбера, наблюдавшего издали, он снова поднял дубинки. Стоявшая напротив

Карабелла сосредоточенно жонглировала и намеренно не смотрела в его сторону. Подобрав дубинки, он начал снова, уронил одну, предпринял еще одну попытку, уронил две, еще раз начал, сделал неверный захват и тут же повредил большой палец на левой руке. Он попытался сделать вид, что все в порядке, снова поднял дубинки, но подошел Слит и мягко взял Валентина за оба запястья.

— Не нужно, — сказал он. — Отдай мне дубинки.

— Я хочу тренироваться.

— Жонглирование — не панацея от бед. Ты чем-то расстроен и потому не можешь точно рассчитать время. Если ты не остановишься, то потеряешь ритм и на несколько недель выйдешь из строя.

Валентин попытался вырвать руки, но Слит держал их на удивление крепко. Карабелла спокойно жонглировала в нескольких шагах от них. Через минуту Валентин сдался. Пожав плечами, он отдал дубинки Слиту, и тот унес их обратно в фургон.

Вскоре появился Залзан Кавол, всеми четырьмя руками тщательно перебирая свою шкуру спереди и сзади, как будто искал в ней блох, и

прогудел:

— Все в фургон! Поехали!

Глава 14

Дорога к гэйрогскому городу Дюлорну вела на восток, через мирную сельскую местность, зеленую и плодородную. Как и большинство мест на Маджипуре, она была плотно населена, но разумно распланирована: обширные сельскохозяйственные зоны окаймляли полоски городов, так что фургон весь день ехал попеременно то через фермы, то через город, и опять — через фермы и через город.

Здесь, в ущелье Дюлорн, широкой низине к востоку от Фалкинкипа, климат был удивительно благоприятен для земледелия, потому что северный конец ущелья был открыт полярным грозам с ливнями, которые постоянно заливали умеренную арктическую область Маджипура, а субтропическую жару смягчали легкие прогнозируемые осадки. Все росло круглый год. Сейчас, например, было время уборки сладких желтых клубней стаджи, из которой делали хлеб, и посадки таких фруктовых деревьев, как найк и глейн.

Красота природы рассеяла сумрачное настроение Валентина. Он постепенно перестал думать о том, что его мучило, и увлекся созерцанием

бесконечных чудес планеты Маджипур. Черные тонкие стволы деревьев найк, посаженных строгим и сложным геометрическим узором, покачивались на горизонте. Бригады фермеров — хьортов и людей в деревенской одежде — подобно армии захватчиков двигались через поля стаджи, выкапывая тяжелые клубни. Фургон спокойно двигался то мимо озер и ручьев, то мимо странных глыб белого гранита, похожих на зубы, выступающие из ровного травяного ковра.

В середине дня они прибыли в особенно красивое и необычное место — в один из многочисленных лесных заповедников. На воротах светилась зеленая табличка с надписью:

ЗАПОВЕДНИК ПУЗЫРЧАТЫХ ДЕРЕВЬЕВ

Здесь находится выдающийся девственный парк дюлорнских пузырчатых деревьев. Эти деревья выделяют газ легче воздуха, и он поддерживает их верхние ветки. Достигнув зрелости, стволы и корневая система отмирают, а ветви продолжают жить на пустых стволах и почти целиком зависят от питающей их атмосферы. Иногда очень старые деревья отрываются от почвы и летят в поисках новой колонии. Пузырчатые деревья есть и в Зимроэле, и в Алханроэле, но в

последнее время их число сократилось. Эта роща посажена для народа Маджипура по официальному декрету двенадцатого понтифекса Конфалюма короналем лордом Престимионом.

Жонглеры молча шли пешком по лесной дороге уже несколько минут, но не видели ничего необычного. Затем опередившая всех Карабелла нырнула в заросли густого сине-черного кустарника и вскрикнула от изумления. Валентин подбежал к ней. Их глазам открылось настоящее чудо.

Всюду стояли пузырчатые деревья разного возраста. Молодые, не выше Делиамбера или Карабеллы, выглядели на редкость неуклюжими кустами с толстыми раздутыми ветвями необычного серебряного оттенка, которые узлами росли из коротких толстых стволов. У деревьев высотой в пятнадцать-двадцать футов стволы начинали утончаться, а у более старых деревьев они совсем съеживались и выглядели веревками-оттяжками, крепившими плавучие кроны к грунту. Кроны плавали высоко, покачиваясь на легком ветру, безлистные, распухшие, с похожими на воздушные шарики ветвями. Серебряный цвет молодых деревьев с возрастом исчезал, переходя в прозрачность, так что старые деревья каза-

лись стеклянными копьями и ярко сверкали в солнечных лучах. Даже Залзана Кавола, похоже, поразили красота деревьев и их необычность. Он подошел к самому высокому, чья светящаяся разбухшая крона, казалось, парила, и осторожно, почти благоговейно обхватил пальцами узкий ствол. Валентин подумал, что скандар хочет сломать его и пустить полое дерево лететь, как воздушного змея, но нет, Залзан Кавол просто измерил толщину ствола и тут же отошел, бормоча что-то себе под нос.

Они довольно долго бродили среди пузырчатых деревьев, разглядывали молодую поросль, старались уловить все стадии роста, смотрели, как постепенно сужаются стволы и утолщаются ветки. Деревья не имели листьев и, наверное, цветов. Трудно было поверить, что это вообще растения. Поистине магическое место. Дурное настроение Валентина как рукой сняло. Среди такой красоты не может быть места грустным мыслям.

— Эй! — позвала Карабелла. — Лови!

Она заметила перемену в его настроении, сбегала к фургону за мячиками и теперь кинула ему все три мяча, и он легко вошел в рабочий ритм.

Карабелла стояла в нескольких шагах от него.

Три-четыре минуты они жонглировали независимо друг от друга, но потом начали работать синхронно. Теперь они жонглировали, зеркально отражая друг друга, и Валентин почувствовал, как с каждым циклом бросков на него нисходит все более глубокое спокойствие. Он чувствовал себя уравновешенным, настроившимся на какой-то нужный лад. Пузырчатые деревья, слегка покачиваясь на ветру, вспыхивали фейерверком отраженного света. Мир был тих и ясен.

— По моей команде, — заговорила Карабелла, — бросай мяч из правой руки мне в левую — точно на такую же высоту, как бросаешь себе. Раз, два, три, четыре, пять… пас!

Валентин бросил мяч ей, а она — ему. Он сумел достаточно точно поймать его, не сбиваясь с ритма, продолжая свой каскад и отсчитывая время, чтобы бросить снова.

Назад — вперед — назад — вперед — пас…

Сначала это было трудно, труднее всего, что он делал до сих пор, однако после нескольких пасов страх исчез, и обмен пошел так гладко, будто они практиковались несколько месяцев. Валентин понимал, что в этом есть нечто необычное, что никто не овладевает таким сложным маневром с первой попытки, но, как и прежде, он сумел

отбросить от себя все посторонние мысли, и для него перестало существовать все, кроме руки, глаза и летающих мячей, — и промах стал не только невозможным, но и немыслимым.

— Эй! — крикнул Слит. — Идите сюда!

Он тоже жонглировал. Валентин был недоволен, что приходится усложнять задачу, но заставил себя сохранить необходимый ритм: бросать, когда возникает необходимость, ловить то, что летит в руки, и все время держать оставшиеся у него мячи в движении.

Так что, когда Слит и Карабелла начали обмен мячами, Валентин смог включиться и поймал мяч от Слита.

— Раз-два, раз-два, — отсчитывал Слит.

Он встал между Валентином и Карабеллой и взял на себя роль ведущего. Он поочередно бросал им мячи, и долгое время ритм оставался неизменным, но затем ускорился до такой степени, что Валентин уже не мог успеть за ними. В воздух вдруг взлетели десятки мячей — по крайней мере так казалось, — и Валентин поспешно хватал их, ронял и наконец со смехом повалился в теплую траву.

— Значит, есть все-таки пределы твоей ловкости? — шутливо спросил Слит. — Хорошо! А то я

уж начал думать, что ты вообще не из смертных.

Валентин засмеялся:

— Боюсь, что я очень даже смертный.

— Обедать! — крикнул Делиамбер.

Он приглядывал за котелком с тушеным мясом, подвешенным на треноге над огнем.

Скандары, репетировавшие в другой части рощи, появились как из-под земли и тут же принялись накладывать себе еду. Виноркис тоже поторопился наполнить свою тарелку. Валентин и Карабелла были последними, но это их не огорчило. Валентин устал и взмок от напряженной работы, кровь стучала в висках, и долгая ночь с так и не объясненными снами казалась далеко позади, как что-то, оставленное в Фалкинкипе.

Весь день фургон спешил на восток. Теперь было очевидно, что это страна гэйрогов, населенная почти исключительно похожими на рептилий гладкоголовыми существами. Когда наступила ночь, труппа была все еще на полпути от Дюлорна, где Залзан Кавол добился какого-то театрального ангажемента. Делиамбер сообщил, что неподалеку есть гостиница, и они поехали туда.

— Проведи эту ночь со мной, — предложила Валентину Карабелла.

В коридоре они встретили Делиамбера, который остановился, коснулся их рук кончиком щупальца и пробормотал:

— Приятных снов.

— Приятных снов, — машинально ответила Карабелла.

Валентин не ответил колдуну — прикосновение врууна разбудило дракона в его душе и сделало его таким же тревожным и мрачным, как и до посещения чудесной рощи. Можно было подумать, что Делиамбер стал врагом его спокойствия, вызывал в нем необъяснимый страх и неуверенность, против которых у Валентина не было защиты.

— Пошли, — хрипло сказал он Карабелле.

— Спешишь? — Она засмеялась легким звенящим смехом, но, едва взглянув в лицо Валентина, тут же посерьезнела. — Валентин, что с тобой? В чем дело?

— Ни в чем.

— Ни в чем?

— Разве я не могу поддаться настроению, как и всякий человек?

— Когда твое лицо вот так меняется, кажется, будто тень заслоняет солнце. И так неожиданно…

— Что-то в Делиамбере, — объяснил Валентин, — озадачивает и тревожит меня. Когда он прикоснулся ко мне…

— Делиамбер безвредный. Он лукав, как все колдуны, особенно вруунские, да еще и маленькие. В очень маленьких существах всегда сильно темное лукавство. Но тебе не стоит опасаться Делиамбера.

— Это правда?

Он закрыл дверь и обнял Карабеллу.

— Правда, — ответила она. — Тебе не нужно бояться никого, Валентин. Ты с первого взгляда нравишься всем. В мире нет никого, кто повредил бы тебе.

— Хотел бы я этому верить, — вздохнул он.

Она потянула его на постель.

Он поцеловал ее, сначала нежно, потом более страстно, и скоро их тела сплелись. Он не был близок с ней больше недели и ждал этой минуты с упоением и нетерпением. Но то, что произошло в коридоре, уничтожило его желание и привело в состояние какого-то странного оцепенения. Это удивляло и расстраивало его.

Карабелла, вероятно, чувствовала его холодность, но не обращала внимания, потому что ее энергичное тело жаждало его страсти. Он заста-

вил себя ответить, и скоро пыл его разгорелся, но он как бы стоял в стороне от собственных ощущений, был только зрителем их любви.

Все закончилось быстро, и наступила темнота, хотя лунный свет проникал в окно и бросал холодный свет на их лица.

— Приятных снов, — прошептала она.

— Приятных снов, — ответил он.

Карабелла уснула почти сразу, а он лежал рядом с ее горячим телом, и спать ему не хотелось. Через некоторое время он отодвинулся, принял любимую позу для сна — на спине, сложив руки на груди, — но сон не приходил. Ему удалось лишь слегка задремать. Валентин считал блавов, представлял себя жонглирующим со Слитом и Карабеллой, пытался расслабиться — все бесполезно. Приподнявшись на локте, он любовался отчетливо вырисовывавшимся в лунном свете прекрасным телом Карабеллы.

Ей что-то снилось. Ее щека подрагивала, под закрытыми веками двигались глазные яблоки, грудь резко поднималась и опускалась. Прижав пальцы к губам, она бормотала что-то несвязное. Легкое, худенькое тело девушки казалось таким красивым, что Валентину захотелось придвинуться, погладить прохладное бедро, слегка

прикоснуться губами к маленьким твердым соскам… Но вторжение в чей-либо сон было недопустимым, непростительным нарушением приличий. И ему ничего не оставалось делать, кроме как смотреть на нее и любить издали, в одиночку справляясь с вновь пробудившимся желанием.

Карабелла в ужасе вскрикнула. Глаза ее открылись, но взгляд их был невидящим. Это служило знаком послания. По телу девушки пробегала дрожь. Еще не освободившись от сна, она со стоном и всхлипами повернулась к Валентину. И он обнял ее, чтобы дать ей сон-помощь, сон-покой, защитить ее от тьмы духа… Наконец тело ее расслабилось, обмякло. Она еще некоторое время лежала тихо, и Валентин подумал, что она спит обычным мирным сном. Нет. Она проснулась, но не шевелилась, как будто изучала свой сон, боролась с ним и пыталась вынести его в область яви. Вдруг она села и прижала пальцы к губам. Взгляд ее остекленевших глаз был диким.

— Милорд! — прошептала она.

Она отодвинулась от Валентина, отползла, как краб, на край постели, одной рукой прикрывая грудь, а другой — лицо. Губы ее дрожали. Валентин потянулся к ней, но она в ужасе отпрянула

и скатилась на пол, где испуганно съежилась, пытаясь скрыть свою наготу.

— Карабелла, — растерянно позвал Валентин.

Она подняла на него глаза:

— Лорд… лорд… пожалуйста, оставь меня, лорд…

Она снова опустила голову и пальцами обеих рук изобразила знак Горящей Звезды — жест повиновения, который делают только в присутствии короналя.

Глава 15

Думая, что, может быть, это не ей, а ему приснился сон, который все еще длится, Валентин встал и увидел брошенную поверх его вещей одежду Карабеллы. Она скорчилась в стороне, ошеломленная и дрожащая. Он хотел успокоить ее, но она отпрянула и съежилась еще больше.

— В чем дело? — спросил он. — Что случилось?

— Я видела во сне, что ты… — Она запнулась. — Так реально, так страшно…

— Расскажи. Я растолкую твой сон, если смогу.

— Его нет нужды толковать. Он говорит сам за себя.

Она снова сделала ему знак Горящей Звезды и продолжила тихо, спокойно, без интонаций:

— Я видела во сне, что ты истинный корональ — лорд Валентин, что у тебя похитили власть и память, дали тебе другое тело и оставили на произвол судьбы неподалеку от Пидруида, чтобы ты скитался и жил в праздности, в то время как кто-то другой правит вместо тебя.

Валентин почувствовал себя на самом краю бездны, где земля осыпается под ногами.

— Это было послание? — спросил он.

— Да, послание. Я не знаю, от кого — от Повелительницы Снов или от Короля, но это не мой сон. Каким-то образом он проник в мой мозг со стороны. Я видела тебя, лорд…

— Перестань называть меня так.

— …стоявшего на вершине Замковой горы лицом к лицу с другим лордом Валентином, с тем черноволосым, перед которым мы жонглировали, а потом ты спустился с Горы, чтобы ехать во главе великой процессии по всем провинциям. Когда ты был на юге, в моем родном городе Тил-омоне, тебе дали наркотик, усыпили, пересадили в это тело и бросили одного. Не было никого мудрее тебя, но у тебя колдовством отняли королевскую власть. А я касалась тебя, лорд, я делила с тобой ложе и столько раз была фамильярна с тобой. Как теперь мне получить прощение, лорд?

— Карабелла!

Она дрожала от страха.

— Взгляни на меня, Карабелла. Взгляни!

Она покачала головой. Он встал перед ней на колени и коснулся рукой ее подбородка. Она вздрогнула, как от ожога, и застыла в напряжении. Он снова дотронулся до нее.

— Подними голову, — голос его звучал ласково, — и посмотри на меня.

Она медленно и робко взглянула на него, как смотрят на солнце, боясь ослепнуть.

— Я Валентин-жонглер и больше никто.

— Нет, лорд.

— Корональ черноволосый, а у меня золотистые волосы.

— Умоляю тебя, лорд, оставь меня в покое. Я боюсь тебя.

— Ты боишься странствующего жонглера?

— Того, кто ты сейчас, я не боюсь. Ты мой друг, и я тебя люблю. Я боюсь того, кем ты был, лорд. Ты был рядом с понтифексом и пил королевское вино. Ты ходил по громадным залам Горного замка, ты имел полнейшую власть над миром. Это был правдивый сон, лорд, отчетливый и ясный, как наяву, и не может быть никаких сомнений, что это послание. Ты настоящий корональ, а я касалась твоего тела, и ты касался моего. Это святотатство. Такая простая женщина, как я, не должна приближаться к короналю. За это я умру.

Валентин улыбнулся:

— Даже если я и был когда-то короналем, милая, то в другом теле, а в том, которое ты обнимала ночью, ничего святого нет. Но я никогда не был короналем.

Она продолжала пристально смотреть на него, но, когда заговорила, голос ее дрожал меньше:

— Ты ничего не помнишь о своей жизни до Пидруида. Ты не мог назвать мне имени своего отца, а когда рассказывал о своем детстве в Ни-мойе, сам не верил тому, что говорил, и имя матери ты придумал. Скажешь, неправда?

Валентин кивнул.

— Шанамир говорил мне, что в кошельке у тебя было много денег, но ты не имел представления об их ценности и хотел расплатиться с продавцом сосисок монетой в пятьдесят реалов. Правильно?

Валентин опять кивнул.

— Как будто ты до этого жил, не пользуясь деньгами. Ты так мало знаешь, Валентин, тебя надо учить, как ребенка.

— Да, с моей памятью что-то случилось. Но это еще не делает меня короналем.

— Все говорит о том, что ты рожден для власти: то, как ты жонглируешь, — так естественно, словно ты способен ко всему, чего захочешь, то, как ты ходишь, как держишься, свет, который исходит от тебя. Когда ты у нас появился, мы думали, что ты изгнанный принц или герцог. Но мой сон не оставляет сомнений, лорд…

Карабелла побледнела. На мгновение она пре-

одолела свой страх, но только на мгновение, а теперь снова задрожала. А страх, похоже, заразителен, потому что Валентин тоже вдруг испугался. Мороз прошел по его коже. Правда ли это? Неужели он был помазанным короналем и касался Тиевераса в сердце Лабиринта и на вершине Замковой горы? Он снова услышал голос толковательницы снов Тизаны: «Ты упал с высокого места и теперь должен взбираться туда снова». Это невозможно, немыслимо. «Тем не менее, лорд Валентин, этот подъем ждет тебя, и не я тебе его предлагаю». Это нереально, невозможно.

Да еще эти сны, этот брат, который хотел убить его и которого он сам убил, и коронали, и понтифексы, тревожащие его душу, и все прочее.

Могло ли это быть? Нет, невероятно.

— Ты не должна бояться меня, Карабелла, — сказал он.

Она вздрогнула. Он потянулся к ней, но она с криком отшатнулась.

— Нет, не прикасайся ко мне, милорд!

— Пусть я был когда-то короналем, хоть это звучит странно и глупо, но теперь-то я не корональ и не в помазанном теле, так что все, что между нами произошло, не святотатство. Кем бы я ни

был в прошлом, теперь я — Валентин-жонглер.

— Ты не понимаешь, лорд.

— Я понимаю, что корональ такой же человек, как и все прочие, только ответственность у него больше, но ничего магического в нем нет, и бояться можно только его власти, а у меня власти нет, даже если она и была когда-то.

— Нет, — возразила она, — короналя коснулась высшая благодать, и она никогда не покинет его.

— Короналем может быть любой, если его соответственно воспитать и правильно обучить. Короналем не рождаются. Коронали были выходцами из всех провинций Маджипура, из всех слоев общества.

— Лорд, ты не понимаешь. Быть короналем — значит коснуться благодати. Ты правил, ты жил в Горном замке, ты стоял в одном ряду с лордом Стиамотом, лордом Деккеретом и лордом Престимионом, ты — брат лорда Вориакса, сын Хозяйки Острова Сна. Как я могу считать тебя обыкновенным человеком? Как я могу не бояться тебя?

Валентин растерянно уставился на нее.

Он вспомнил, какие мысли приходили ему в голову, когда он стоял на улице, смотрел на лорда Валентина, короналя, чувствовал рядом с собой благодать и мощь и понял, что быть короналем

— значит быть вдали от всех, быть загадочной личностью, обладающей аурой, личностью, властвующей над двенадцатью миллиардами, унаследовавшей тысячелетнюю энергию знаменитых властителей, быть тем, кому предназначено в свое время уйти в Лабиринт и принять власть понтифекса. Все это было выше его понимания. Захлестнувшие его тогда ощущения ошеломляли и переполняли душу. И тем не менее это просто абсурдно. Бояться самого себя? Опуститься в ужасе на колени перед собственным воображаемым величеством? Он — Валентин-жонглер, и только.

Карабелла всхлипывала. Еще немного — и у нее начнется истерика. Вруун наверняка найдет способ помочь.

— Подожди, — сказал Валентин, — я сейчас вернусь. Я попрошу у Делиамбера успокаивающее лекарство для тебя.

Он вышел в коридор, гадая, где комната колдуна. Все двери были закрыты. Он хотел было стучать наугад, надеясь, что не напорется на Залзана Кавола, но услышал сухой голос из темноты откуда-то снизу, на уровне локтя:

— Тебе не спится?

— Делиамбер?

— Я здесь, рядом с тобой.

Валентин, щурясь, вгляделся. Вруун, скрестив щупальца, сидел в коридоре в позе медитации. Делиамбер поднялся.

— Мне подумалось, что ты скоро станешь искать меня, — объяснил он.

— У Карабеллы был сон-послание. У тебя есть лекарство, чтобы ее успокоить?

— Лекарств нет. Впрочем, это можно сделать прикосновением. Пойдем. — Маленький вруун быстро прошел по коридору в комнату. Карабелла не двигалась. Она, по-прежнему скорчившись, сидела у постели, кое-как прикрывшись одеждой. Делиамбер осторожно обвил щупальцем плечи девушки, и ее напряжение слегка ослабло. В комнате слышалось ее тяжелое дыхание. Через минуту Карабелла подняла уже более спокойный, но все еще полный смятения взгляд и жестом указала на Валентина:

— Я видела во сне, что он был… Он…

— Я знаю, — кивнул Делиамбер.

— Это неправда, — быстро проговорил Валентин, — я только жонглер.

— Сейчас ты только жонглер, — мягко сказал Делиамбер.

— Ты тоже веришь в этот вздор?

— Это было ясно с самого начала, когда ты защитил меня от гнева скандара. «Это королевский поступок», — подумал я. К тому же я читал в твоей душе…

— Что?!

— Профессиональный трюк. Я читал в твоей душе и видел, что с тобой сделали.

— Но это невозможно! — запротестовал Валентин. — Взять из человеческого тела разум, пересадить его в другое тело, а другой разум поместить в это тело…

— Почему невозможно? — возразил Делиамбер. — Я думаю, можно. Из Сувраэля дошли слухи, что при дворе Короля Снов изучают это искусство. Поговаривают, что уже несколько лет проводятся странные эксперименты.

Валентин угрюмо уставился на свои пальцы:

— Не может этого быть.

— Я тоже так думал, когда впервые услышал, но потом, после некоторых размышлений… Я и сам знаю множество секретов почти столь же высокого колдовства, а ведь я всего лишь младший колдун. Семена этого искусства существовали очень давно. Может, какой-нибудь волшебник Сувраэля и сумел наконец прорастить их. На твоем месте, Валентин, я бы не стал исключать

такую возможность.

— Обмен телами? — растерянно спросил Валентин. — Значит, это не мое тело? Чье же оно?

— Кто знает? Какой-нибудь неудачник погиб от несчастного случая. Может, утонул, или подавился куском мяса, или по глупости съел ядовитый гриб. В любом случае он умер, но тело его осталось целым, и его сразу же унесли в какое-то потайное место, где в пустой каркас пересадили душу короналя, а кто-то другой, простившись с собственным телом, забрался в пустую оболочку короналя, при этом, вероятно, удержав там многое из его личной памяти и объединив со своей, и теперь правит, словно он истинный монарх.

— Не могу поверить, — упрямо твердил Валентин.

— Однако же когда я заглянул в твою душу, то увидел, что все было именно так, как я тебе только что описал. Мне стало очень страшно — в моей работе нечасто можно встретить короналей или наткнуться на такое явное великое предательство, и я некоторое время размышлял, не лучше ли забыть о том, что видел… Но потом понял, что не смогу, что до самой смерти меня будут преследовать чудовищные сны, если я скрою то, что узнал, и не придам этому значения. Я сказал

себе, что очень многое в мире нужно исправить и согласно божественной воле я должен делать это. Теперь время пришло.

— Ничего подобного не было.

— Предположим на минуту, что было, — настаивал Делиамбер. — Допустим, на тебя напали в Тил-омоне, выкинули тебя из твоего тела, а на трон посадили узурпатора. Предположим, что это так. Что ты должен делать?

— Ничего.

— Как это?!

— Абсолютно ничего, — убежденно повторил Валентин. — Пусть тот, кто хочет быть короналем, будет им. Я думаю, власть — это болезнь, а желание править — безумие. Пусть я когда-то жил в Горном замке, но теперь меня там нет, и никто не заставляет меня вернуться. Я — жонглер, от добра добра не ищут, и я счастлив. А кораль счастлив? А понтифекс? Если меня лишили власти, то, я считаю, мне повезло. У меня нет желания снова взваливать на себя этот груз.

— Но тебе было предназначено его нести.

— Предназначено? — Валентин рассмеялся. — С тем же успехом можно сказать, что мне было предназначено быть короналем лишь недолгое время, а затем уступить место более достойному.

К власти рвется только чокнутый, а я в здравом уме. Правление — это груз и тяжелая работа. Я не принимаю его.

— Примешь, — сказал Делиамбер. — Тебя изменили, ты перестал быть самим собой. Но тот, кто однажды был короналем, остается им навсегда. Ты исцелишься и вновь станешь лордом Валентином!

— Не употребляй этот титул!

— Он вернется к тебе, — предрек Делиамбер.

Валентин сердито отверг это предположение. Взглянув на Карабеллу, он увидел, что она спит на полу. Валентин осторожно поднял ее, положил на постель и прикрыл одеялом, а затем повернулся к Делиамберу.

— Уже поздно, и сегодня было сказано много всяких глупостей. У меня от этих разговоров трещит голова. Сделай для меня то, что ты сделал для Карабеллы, колдун, — помоги мне уснуть. И не говори мне больше об ответственности, которая никогда не лежала на мне и которую я на себя не возьму. Завтра у нас выступление, и я хочу отдохнуть перед ним.

— Прекрасно. Ложись в постель.

Валентин лег рядом с Карабеллой.

Вруун коснулся его сначала слегка, потом с

большей силой, и мозг Валентина заволокло туманом. Сон опустился на него легко, как плотное белое облако. Ему было хорошо, и он охотно отпустил свое сознание. Сон, который пришел к нему ночью, сопровождался ярким светом, что безошибочно указывало на послание, и был чрезвычайно явственным.

Как это часто бывало в прошлых сновидениях, Валентин шел по суровой и страшной пурпурной равнине. Но теперь знал, что эта открытая потокам обжигающих лучей солнца равнина находится на далеком континенте, называемом Сувраэль, а трещины в почве — шрамы лета, когда высыхает всякая влага. Безобразно скрученные растения с вздутыми сероватыми листьями вяло лежали на земле, а другие, колючие, со страшными угловатыми сочленениями, тянулись вверх. Валентин быстро шел, невзирая на жару и безжалостный ветер. От сухости трескалась кожа. Он торопился во дворец Короля Снов — его наняли для представления. Дворец был уже близко: зловещее, тускло-черное, все в ажурных башенках и зубчатых портиках здание, такое же колючее и отталкивающее, как растения в пустыне. Оно куда более походило на тюрьму, чем на дворец — по крайней мере снаружи. Внутри же оно было

совсем другим: уютное, богатое, даже роскошное, с фонтанами во внутренних двориках, с мягкими драпировками, с витающим в воздухе ароматом цветов. Слуги поклонились, проводили Валентина внутрь, сняли с него пропыленную одежду, вымыли его, обтерли мягкими полотенцами, одели в чистый и элегантный костюм и драгоценный плащ, подали холодный шербет, ледяное вино в серебряной чаше, кусочки незнакомого, очень вкусного мяса и наконец отвели в огромный сводчатый тронный зал Короля Снов.

Валентин издали увидел его на троне. Симонан Барджазид — злобная и непредсказуемая сила, посылавшая из своей продуваемой ветрами пустыни страшные послания по всему Маджипуру, — был тяжеловесным мужчиной с двойным, лишенным растительности подбородком и глубоко посаженными, обведенными темными кругами глазами. Его коротко остриженную голову венчала золотая диадема власти — усиливающий мысли аппарат, изобретенный Барджазидом тысячу лет назад. Слева от Симонана сидел его сын Кристоф, такой же упитанный, как отец, а справа — другой сын, Минакс, наследник, — отталкивающе тощий, темнокожий и остролицый, как будто обточенный ветрами

пустыни. Король Снов небрежным жестом приказал Валентину начинать.

Валентин жонглировал ножами — пятнадцатью тонкими блестящими стилетами, которые, упади они неправильно, могли проткнуть руки насквозь, но он, демонстрируя виртуозную ловкость, легко управлял ими и жонглировал так, как могли бы делать это только Слит или Залзан Кавол. Он стоял неподвижно, чуть заметно шевеля ладонями и запястьями, и ножи стремительно взлетали, сверкая, как бриллиантовые, пролетали по дуге и падали точно в его ожидавшие пальцы, снова взлетали и падали, и дуга, которую они описывали, обрела форму. Это был уже не каскад, а Горящая Звезда — эмблема короналя. Острия, летавшие в воздухе, указывали в разные стороны. Вдруг, когда Валентин приближался к вершине своего представления, ножи замерли — как раз над его пальцами, не опустившись в них. Из-за трона вышел хмурый, с жестоким взглядом Доминин Барджазид, третий сын Короля Снов. Шагнув к Валентину, он легким небрежным движением смахнул Горящую Звезду из ножей в полу своей мантии. Король Снов насмешливо улыбнулся.

— Ты отличный жонглер, лорд Валентин. Нако-

нец-то ты нашел себе подходящее занятие.

— Я корональ Маджипура, — ответил Валентин.

— Был. Теперь ты бродяга и больше ни на что не годен.

— Ленивый, — добавил Минакс Барджазид.

— Трусливый, — подхватил Кристоф Барджазид.

— Увиливающий от обязанностей, — закончил Доминин Барджазид.

— Ты утратил свое звание, — сказал Король Снов, — твоя должность свободна. Уходи. Уходи, иди жонглируй, Валентин-жонглер. Уходи, лодырь. Проваливай, бродяга.

— Я корональ Маджипура, — твердо повторил Валентин.

— Ты больше не корональ, — возразил Король Снов.

Он коснулся руками диадемы на лбу, и Валентин пошатнулся, будто земля разверзлась под ним, и упал. Когда он поднял глаза, то увидел, что Доминин Барджазид одет в зеленый камзол и горностаевую мантию короналя, лицо его стало лицом лорда Валентина, тело — телом лорда Валентина. Из жонглерских ножей, отобранных у Валентина, Доминин сделал корону короналя

— Горящую Звезду, и его отец, Симонан Барджазид, возложил ее на его голову.

— Видишь! — крикнул Король Снов. — Власть переходит к более достойному. Уходи, жонглер, убирайся!

Валентин вновь оказался в пурпурной пустыне и увидел злобные песчаные смерчи, наступавшие на него с юга. Он пытался убежать от них, но они подступали со всех сторон.

— Я лорд Валентин, корональ! — кричал он. Но его голос терялся в шуме ветра, и на зубах скрипел песок. — Это измена, захват власти! — не унимался Валентин. Но его крика никто не слышал. Обернувшись к дворцу Короля Снов, он увидел, что дворец исчез, и его переполнило душераздирающее ощущение потери.

Валентин проснулся.

Карабелла спокойно лежала рядом. В комнату вползал первый бледный свет зари. Хотя сон был чудовищным, а послание — самым что ни на есть зловещим, Валентин был абсолютно спокоен. Еще совсем недавно он пытался отрицать истину, но теперь ее нельзя было не признать, какой бы невероятной она ни казалась. В другом облике он был когда-то короналем Маджипура, но у него каким-то образом украли тело и личность. Могло

ли это случиться? Едва ли допустимо не обратить внимания на столь значимый сон. Он рылся в глубинах своей памяти, пытаясь отыскать воспоминания о власти, о церемониях на Горе, о блеске королевских торжеств, об ощущении ответственности, и ничего не находил. Ничего. Он жонглер, и только. В памяти не осталось ни единого свидетельства о жизни до Пидруида, словно он родился на холме за минуту до встречи с погонщиком Шанамиром — с деньгами в кошельке, фляжкой красного вина на бедре и обрывками фальшивых воспоминаний в голове.

А если это правда и он был короналем? Что ж, тогда он должен ради блага Маджипура сбросить узурпатора и потребовать возвращения своих законных прав. Это его обязанность.

Но сама идея абсурдна, она давит на грудь и сушит горло. Лишить власти черноволосого человека, который так торжественно ехал по Пидруиду? Как это возможно? Как можно даже приблизиться к короналю, не говоря уже о том, чтобы столкнуть его с трона? Если нечто подобное и случалось когда-то, то это не значит, что удастся еще раз. Да кому? Бродячему жонглеру, легкомысленному молодому человеку, который вовсе не желает совершать невозможное.

Кроме того, Валентин не находил в себе склонности к правлению. Если он действительно был короналем, его должны были много лет обучать на Замковой горе искусству пользоваться властью, но теперь в нем не осталось и следа этих знаний. Какой же из него монарх, если он ничего не помнит и ничего не умеет?

И все же… И все же…

Он взглянул на Карабеллу. Она не спала. Глаза ее были открыты и следили за ним. Благоговейный страх в ней все еще оставался, но ужаса больше не было.

— Что ты будешь делать, лорд?

— Раз и навсегда — зови меня Валентином.

— Если ты приказываешь…

— Приказываю.

— Скажи, Валентин, что ты будешь делать?

— Продолжать работать со скандарами, — ответил он, — жонглировать, совершенствовать мастерство, внимательно следить за снами, выжидать, стараться понять. Что еще я могу сделать, Карабелла?

Он легко дотронулся до ее руки.

Карабелла на секунду сжалась, но затем накрыла его руку своей.

Валентин улыбнулся.

— Что еще я могу сделать, Карабелла?

Часть II
Книга метаморфов

Глава 1

Гэйрогский город Дюлорн был поистине чудом архитектуры, городом застывшего блеска. Он тянулся на двести миль вверх и вниз по ущелью Дюлорн. Хотя протяженность города была столь велика, в нем преобладали вертикали: громадные сияющие башни фантастических конструкций поднимались, как острые клыки, из мягкой, богатой гипсом почвы. Единственным строительным материалом в Дюлорне был местный камень — легкий, воздушный кальцит, который благодаря высокой отражательной способности сверкал, как бриллиант. Из него жители Дюлорна строили свои высокие островерхие здания, украшали их балконами, парапетами, массивными вычурными опорами, консолями, сталактитами и сталагмитами, кружевными мостами, перекинутыми высоко над улицами, колоннадами и навесами.

Жонглерская труппа Залзана Кавола вошла в город с запада ровно в полдень, когда солнце стояло над головой и заливало своим сиянием стены гигантских башен, по которым словно танцевали потоки белого пламени. У Валентина захватило

дух, он с изумлением взирал на идеальное сочетание света и формы.

Дюлорн насчитывал четырнадцать миллионов жителей и относился к числу крупных городов на Маджипуре, но не был крупнейшим. На континенте Алханроэль, как говорили Валентину, города таких размеров не были редкостью. Даже здесь, на Зимроэле, в краю землевладельцев, встречались города еще больших размеров. Но Валентин был уверен, что ни один из них не сравнится с Дюлорном по красоте. Дюлорн выглядел и холодным и огненным одновременно. Его сверкающие шпили обладали каким-то неизъяснимым очарованием, они приковывали к себе внимание, как холодная неотразимая музыка, как пронизывающие звуки мощного органа, прокатывающиеся через мрак космоса.

— Сельской гостиницы здесь нет! — радостно воскликнула Карабелла. — Мы будем жить в отеле с тонкими простынями и мягкими подушками!

— Неужели Залзан Кавол так расщедрится? — спросил Валентин.

— Расщедрится? — рассмеялась Карабелла. — А что ему остается делать? В Дюлорне предлагают только роскошное жилье. Если мы ночуем здесь,

то либо спим на улице, либо — как герцоги. Середины нет.

— Как герцоги, — задумчиво повторил Валентин. — Спать, как герцоги. Почему бы и нет?

Утром перед уходом из гостиницы он взял с Карабеллы клятву никому не говорить о ночных событиях — ни Слиту, ни скандарам, ни даже толкователю снов, если Карабелле вдруг понадобится встреча с ним. Он потребовал, чтобы она поклялась именами Повелительницы Снов, понтифекса и короналя. Он настоял также, чтобы она обращалась с ним только как со странствующим жонглером Валентином. Требуя клятвы, Валентин говорил с силой и достоинством короналя, и несчастная Карабелла, стоя на коленях и дрожа, так же боялась его, как если бы на нем была звездная корона. Он же чувствовал себя в какой-то степени обманщиком, поскольку отнюдь не был убежден, что странные сны прошлой ночи как-то изменили его. Но все же этими снами нельзя было пренебречь, и приходилось соблюдать осторожность: хранить тайну, идти на обман. Валентин решил так поступить неожиданно для самого себя. Он взял клятву даже с Делиамбера, хотя сомневался, можно ли верить врууну-колдуну. Но Делиамбер, похоже, поклялся совершенно

искренне.

— Кто еще знает об этом? — спросил Делиамбер.

— Только Карабелла, но я связал ее такой же клятвой.

— Ты ничего не говорил хьорту?

— Виноркису? Ни слова. Почему ты спрашиваешь?

— Уж очень он внимательно следит за тобой и задает слишком много вопросов. Не нравится он мне.

Валентин пожал плечами.

— Хьорты мало кому нравятся. Но чего ты опасаешься?

— Он хорошо скрывает свои мысли, и аура у него темная. Держись от него подальше, Валентин, иначе он принесет тебе беду.

Жонглеры проехали по широким сверкающим улицам до отеля. Их вел Делиамбер, в голове у которого, похоже, имелась карта любого уголка Маджипура. Фургон остановился перед башней громадной высоты и поразительно фантастической архитектуры — с минаретами и сводчатыми арками, с сияющими восьмиугольными окнами. Выйдя из фургона, Валентин остановился и, раскрыв рот от изумления, огляделся.

— Ты выглядишь так, словно тебя огрели по голове, — проворчал Залзан Кавол. — Никогда не видел Дюлорна?

Валентин сделал уклончивый жест.

Его поврежденная память не сохранила воспоминаний о Дюлорне. Но кто хоть раз видел этот город, не смог бы его забыть. Он спросил:

— Есть ли что-нибудь более замечательное во всем Маджипуре?

— Да, — ответил скандар. — Миска горячего супа, кружка крепкого вина, шипящее на открытом огне жаркое. Ты не можешь есть прекрасную архитектуру. Даже сам Горный замок не представляет никакой ценности для голодного. — Залзан Кавол фыркнул, довольный собой, и, подняв свой багаж, направился в отель.

— Я ведь говорил только о красоте городов! — смущенно сказал ему вслед Валентин.

Телкар, обычно самый молчаливый из скандаров, заметил:

— Залзан Кавол восхищается Дюлорном куда больше, чем ты думаешь, но никогда в этом не признается.

— Он признает достойным восхищения только Пилиплок, где мы родились, — вставил Гибор Хаэрн. — Добрые слова о любом другом месте

кажутся ему предательством.

— Ш-ш-ш! — предостерег Ерфон Кавол. — Вот он!

Их старший брат появился в дверях.

— Ну? Долго вы будете стоять? Через полчаса репетиция! — Желтые глаза Залзана Кавола горели, как у хищника. Он заворчал, угрожающе сжал четыре кулака и исчез.

«Странный хозяин, — подумал Валентин. — Где-то глубоко под косматой шкурой прячется вполне культурная и даже — кто знает? — добрая личность. Но Залзан Кавол изо всех сил старается выглядеть грубым».

Жонглеров пригласили выступить в Непрерывном цирке Дюлорна, городском увеселительном заведении, которое работало ежедневно и круглосуточно. Преимущественно населявшие этот город и его окрестности гэйроги спали не ночами, а по сезонам, по два-три месяца кряду, в основном зимой. А когда бодрствовали, непрерывно жаждали развлечений. По словам Делиамбера, они хорошо платили, а в этой части Маджипура странствующих артистов всегда было мало. Когда труппа собралась на послеобеденную репетицию, Залзан Кавол объявил, что они выступают после полуночи, с четырех до шести.

Валентин расстроился. После тяжелых открытий последнего времени он с особым нетерпением ждал в эту ночь руководства, которое мог дать ему сон. Но можно ли надеяться на полезные сны, если самые подходящие для этого часы он проведет на подмостках?

— Мы можем лечь спать пораньше, — заметила Карабелла. — Сны приходят в любой час. Или, может, тебе назначено время для послания?

Слова прозвучали достаточно дерзко для той, что еще так недавно трепетала перед Валентином. Он улыбнулся, показывая, что не обижен, ибо уловил скрытую за насмешливым тоном неуверенность.

— Я вообще могу не уснуть, зная, что придется вставать так рано.

— Пусть Делиамбер коснется тебя, как в прошлую ночь, — посоветовала Карабелла.

— Я предпочитаю засыпать сам, — ответил он.

Так он и сделал после дневных занятий и сытного ужина из вяленого мяса и холодного голубого вина. Валентин занял отдельную комнату и перед тем, как лечь в постель на прохладные тонкие простыни, годные, как говорила Карабелла, для герцога, поручил свой дух Хозяйке Острова Сна и молил ее о послании. Такое разрешалось и

часто делалось, но не всегда приносило плоды. Теперь ему больше всего нужна была помощь Повелительницы Снов. Если он и в самом деле свергнутый корональ, тогда она — его мать по плоти и по духу и может подтвердить его личность и указать ему путь.

Засыпая, он старался вызвать зрительный образ Хозяйки и ее Острова, дотянуться через тысячи миль до нее и воздвигнуть мост над необъятной пропастью, чтобы хоть искра сознания достигла Хозяйки и помогла ей установить контакт с ним. Ему мешали пробелы в памяти. Считалось, что черты лица Повелительницы Снов и география Острова известны каждому взрослому маджипурцу так же хорошо, как лицо кровной матери и предместья родного города. Но в искалеченном мозгу Валентина по большей части была пустота, которую приходилось заполнять с помощью воображения.

Как она выглядела в ту ночь в фейерверке над Пидруидом? Круглое улыбающееся лицо, длинные густые волосы. Очень хорошо. А дальше? Предположим, волосы черные и блестящие, как и у ее сыновей — лорда Валентина и покойного лорда Вориакса. Глаза карие, теплые, живые, губы полные, щеки слегка впалые, возле глаз тонкая

сетка морщин. Величавая, крепкая женщина. Она прогуливается по саду среди пышных цветущих кустов, желтых тонигалей, камелий, эльдеронов, пурпурных рухлей — всего богатства тропической жизни. Останавливается, чтобы сорвать цветок и воткнуть его в волосы, идет дальше по белым мраморным плитам, петляющим между кустами, появляется на широком каменном патио на склоне того холма, на котором живет, и смотрит вниз на террасы, спускающиеся широкими изгибами к морю. Смотрит на запад, на далекий Зимроэль, закрывает глаза и думает о своем потерянном, изгнанном сыне, который сейчас ждет ее помощи в городе гэйрогов. Собравшись с силами, она отправляет Валентину нежное послание надежды и поддержки…

Валентин погрузился в глубокий сон, и Повелительница пришла. Он встретился с ней не на склоне холма возле ее сада, а в каком-то мертвом городе пустынной страны, в развалинах среди изрытых непогодой колонн из песчаника и разрушенных алтарей. Под призрачным светом луны они вышли с противоположных сторон на старую площадь. Лицо Повелительницы Снов скрывала вуаль. Он узнал ее по тяжелым кольцам черных волос и по аромату воткнутого в них кремового

цветка эльдерона. Он знал, что это Хозяйка Острова Сна, но хотел видеть ее ласковые глаза, ее улыбку, чтобы согреться душой в этом унылом месте. Однако глазам его предстали только вуаль, плечи и часть головы.

— Мама? — спросил он неуверенно. — Мама, я Валентин! Разве ты не узнаешь меня? Посмотри на меня, мама!

Она, как призрак, проплыла мимо него и исчезла между двумя разбитыми колоннами, на которых были изображены сцены деяний великих короналей.

— Мама! — позвал он.

Сон прошел. Валентин старался вернуть его, но не мог. Он проснулся и уставился в темноту, желая воскресить в памяти это скрытое вуалью лицо и постичь значение этого сна. Она не признала его. Разве он настолько изменился, что даже родная мать не может узнать его в этом облике? А может, он никогда и не был ее сыном и потому она и не должна узнать его? Если дух черноволосого лорда Валентина переселили в тело Валентина-блондина, Хозяйка Острова Сна не подала и виду, что знает об этом. Он не находил ответов. «Что за глупости приходят мне в голову, — подумал он. — Какие невероятные

предположения, какие сумасшедшие мысли!» Валентин снова уснул. Почти тотчас же на его плечо легла рука и трясла его, пока он не пробудился. Это была Карабелла.

— Два часа пополуночи, — сказала она. — Залзан Кавол хочет, чтобы через полчаса мы все собрались в фургоне. Сон был?

— Незавершенный. А у тебя?

— Я не спала. По-моему, это разумнее. В некоторые ночи лучше не спать. — Пока он одевался, она застенчиво спросила: — Я снова буду делить с тобой комнату, Валентин?

— Ты хочешь этого?

— Я поклялась обращаться с тобой как раньше, до того как я узнала… Ох, Валентин, я так испугалась! Но мы снова будем товарищами и завтра же ночью — любовниками!

— А если я корональ?

— Прошу тебя, не задавай таких вопросов.

— А все же?

— Ты приказал мне звать тебя Валентином и смотреть на тебя как на Валентина. Так я и буду делать, если ты мне позволишь.

— Ты веришь, что я корональ?

— Да, — прошептала она.

— И больше не боишься?

— Совсем немного. Ты все еще кажешься мне обыкновенным человеком.

— Хорошо.

— У меня был целый день, чтобы привыкнуть. И я дала клятву. Я должна думать о тебе как о Валентине. Я клялась в этом властителями. — Она нервно засмеялась. — Я клялась именем короналя, что притворюсь, будто ты не корональ, и я должна быть верной своей клятве, не бояться тебя и вести себя так, словно ничего не изменилось. Значит, я могу прийти ночью в твою постель?

— Да.

— Я люблю тебя, Валентин.

Он слегка притянул ее к себе:

— Спасибо, что ты преодолела свой страх. Я тоже люблю тебя, Карабелла.

— Залзан Кавол будет в ярости, если мы опоздаем.

Глава 2

Непрерывный цирк помещался на восточной окраине города в здании, совершенно не похожем на большинство домов Дюлорна, — это был громадный, плоский, без всяких украшений барабан, абсолютно круглый, не более девяноста футов высотой. Внутри центральное место занимала просторная площадка, вокруг нее шли ряды сидений, ярус за ярусом поднимавшиеся концентрическими окружностями к потолку.

Там могли разместиться тысячи, а может, и сотни тысяч зрителей. Валентина поразило, что в столь поздний час цирк почти полон. Разглядеть кого-либо было трудно, поскольку свет на сцене бил в глаза, но все-таки он заметил огромное число зрителей, сидевших или полулежавших на скамьях. Почти все были гэйрогами, хотя кое-где Валентин различил хьортов, вруунов и людей.

На Маджипуре не было мест, целиком заселенных одной расой: древние указы правительства, восходившие к самому началу непростого процесса расселения нечеловеческих рас, запрещали это. Исключением были лишь резервации метаморфов. Но гэйрогов, особенно склонных к

общинной жизни, собралось в Дюлорне и его округе намного больше, чем это было разрешено законом.

Гэйроги были теплокровными млекопитающими, но кое-какие черты рептилий вызывали неприязнь у большинства других рас: быстро мелькавшие красные языки, плотная блестящая серая чешуйчатая кожа, холодные немигающие зеленые глаза. Волосы их походили на медуз: черные маслянистые пряди не лежали на месте, а изгибались и свивались в кольца. Кисло-сладкий запах, исходивший от них, был еще одной причиной, по которой остальные расы их сторонились.

Валентин в подавленном настроении взошел с труппой на подмостки. Час был совсем неподходящий: естественный режим был нарушен и, хотя он спал достаточно, вынужденное бодрствование в неурочный час угнетало его. Непонятный сон камнем лежал на душе. Хозяйка Острова Сна его отвергла, он не сумел добиться от нее ответа. Что все это означало? Когда он был только Валентином-жонглером, смысл сна не был для него так важен: дни шли своим чередом и Валентин заботился лишь об оттачивании своего мастерства. Но теперь эти неясные и тревожащие откровения настигли его, и он был вынужден размышлять о

темных делах, дальних целях, судьбах и дорогах, с которыми теперь связан. Ему это очень не нравилось. Он уже начал испытывать ностальгию по тем безумным, счастливым и беззаботным дням, когда он пришел в Пидруид.

Предстоящее выступление быстро вывело его из задумчивости. Здесь, под ярким светом, нельзя думать ни о чем, кроме работы.

Площадка была огромной, и на ней одновременно показывали свое искусство многие актеры. Вруунские маги работали в плывущих разноцветных потоках света и клубах зеленого и красного дыма. В отдалении дрессировщик управлялся с дюжиной стоявших на хвостах толстых змей. Одетые в сверкающие костюмы невероятно тощие танцоры рассыпались по площадке серебристыми блестками и демонстрировали прыжки и поддержки. Несколько маленьких оркестров в разных местах площадки исполняли оглушающе громкую музыку, столь любимую гэйрогами. Были здесь и акробат с одним пальцем, и ходившая по проволоке женщина, и левитатор, и трое стеклодувов, создававших вокруг себя клетку, и глотатель живых угрей, и толпа неистовых клоунов, и многие другие, которых Валентин уже не мог видеть. Публика, удобно устроившаяся в

полутьме, имела возможность следить за выступлениями всех участников, потому что громадная сцена медленно вращалась, делая полный оборот за час или два, так что каждая группа артистов поочередно проходила перед всеми зрителями.

— Все это плавает на озере ртути, — прошептал Слит. — За этот металл можно купить три провинции.

При такой сильной конкуренции на глазах многочисленной публики жонглеры выступали с самыми искусными трюками, а это означало, что новичок Валентин остался в стороне. Он бросал свои дубинки и лишь изредка получал от других нож или факел. Карабелла танцевала на серебряном шаре диаметром в два фута, который описывал неправильные круги, а она в это время жонглировала пятью ослепительно яркими зелеными шарами. Слит встал на ходули, поднялся выше скандаров — крошечная фигурка где-то наверху — и спокойно перекидывал из руки в руку три огромных красных с черными крапинками яйца моликана, купленных вечером на рынке. Если бы он уронил яйцо с такой высоты, брызги разлетелись бы очень далеко, и зрители обязательно заметили бы это. Стоит ли говорить, что такой промах означал бы провал. Но Слит,

как всегда, был великолепен. Что касается шести скандаров, то они выстроились спинами друг к другу, образовав своими телами Звезду, и жонглировали горящими факелами. В тщательно рассчитанное время каждый бросал через плечо факел своему брату на противоположную сторону звезды. Обмен шел с поразительной точностью. Траектории летевших факелов были безупречно рассчитаны, так что получались замечательные перекрещивающиеся световые узоры, и ни один волосок на шкуре скандаров не опалился, когда они вслепую выхватывали из воздуха горящий факел, брошенный невидимым партнером.

Они прошли два оборота сцены, выступая по полчаса с пятью минутами отдыха в центральной шахте прямо под подмостками, где собрались сотни отдыхающих артистов. Валентину хотелось бы показать что-нибудь более интересное, чем элементарное жонглирование, но Залзан Кавол запретил.

— Ты еще не готов, — сказал он, — хотя для новичка работаешь отлично.

Настало утро, когда труппе наконец позволили покинуть сцену. Оплата была почасовой, а продолжительность выступления определялась по счетчикам реакции, помещенным под скамьями

для зрителей. За счетчиками наблюдали гэйроги, сидевшие в будке под сценической площадкой. Некоторые выступавшие оставались на подмостках лишь несколько минут, после чего общая скука или презрение изгоняли их. Но Залзан Кавол и его труппа, которым было гарантировано два часа работы, пробыли на площадке четыре часа. Им предложили поработать еще час, однако после краткого, но бурного обсуждения братья Залзана Кавола отговорили его.

— Жадность доведет его до беды, — сказала Карабелла. — Он что, думает, что эти факелы можно бросать бесконечно, пока кто-нибудь не промахнется? Даже скандары иногда устают.

— Только не Залзан Кавол, — ответил Валентин.

— Он, может быть, и машина для жонглирования, но его братья — простые смертные. Роворн уже начинал сбиваться. Счастье, что у них хватило духу остановить Залзана Кавола. — Она улыбнулась. — Я тоже чертовски устала.

Жонглеры так понравились жителям Дюлорна, что их наняли еще на четыре дня. Залзан Кавол ликовал — гэйроги хорошо платили — и выдал всем по пять крон премии. Валентин был согласен, что все это хорошо, но ему не хотелось

надолго оставаться у гэйрогов. На третий день его охватило нетерпение.

— Ты хочешь ехать дальше, — заметил Делиамбер, утверждая, а не спрашивая.

Валентин кивнул.

— Мне видится призрак дороги.

— На Остров?

— Зачем тебе разговаривать с людьми, — пошутил Валентин, — если ты читаешь их мысли?

— На этот раз я не проникал в твой разум. И без того ясно, каким будет твой следующий шаг.

— Да, надо идти к Хозяйке Острова. Кто, кроме нее, скажет мне правду обо мне?

— Ты все еще сомневаешься?

— У меня нет доказательств, кроме снов.

— Которые говорят истинную правду.

— Да, — кивнул Валентин, — но сны могут быть притчами, метафорами или фантазиями. Глупо воспринимать их буквально без подтверждения. А Хозяйка, я надеюсь, может их подтвердить. Далеко этот Остров, колдун?

Делиамбер прикрыл золотистые глаза.

— В тысячах миль. Примерно пятую часть пути мы пройдем через Зимроэль, на восток через Кинтор или Велатис, вокруг территории метаморфов, затем, возможно, на речном судне через Ни-мойю

до Пилиплока, а оттуда до Острова ходят корабли пилигримов.

— Сколько времени это займет?

— Добраться до Пилиплока? Нашими темпами около пятидесяти лет. Идти с жонглерами, останавливаться то тут, то там на неделю…

— А если я пойду один?

— Вероятно, месяцев шесть. Путешествие по реке быстрее, по суше много дольше. Будь у нас воздушные корабли, как в других мирах, потребовалось бы не больше одного-двух дней, но у нас на Маджипуре нет многого, чем пользуются другие народы.

— Шесть месяцев? — Валентин нахмурился. — А если нанять экипаж и проводника? Сколько это будет стоить?

— Примерно двадцать реалов. Тебе придется очень долго жонглировать, чтобы заработать столько.

— Хорошо, вот я в Пилиплоке. Что дальше?

— Ты оплатишь проезд до Острова и через несколько недель будешь на месте. Затем ты остановишься на самой нижней террасе и начнешь подъем.

— Какой подъем?

— Молитвы, очищение, посвящение. Ты будешь

переходить с одной террасы на другую, пока не достигнешь террасы Поклонения — порога Внутреннего храма. Ты ничего об этом не знаешь?

— Делиамбер, в мой разум кто-то вмешивался.

— Да, верно.

— Внутренний храм. Потом?

— Теперь ты посвящен. Ты служишь Хозяйке как прислужник. Если хочешь получить аудиенцию, проходишь особые ритуалы и ждешь приглашающего сна.

— Сколько же времени займет все это: террасы, посвящение, служба, ожидание сна? — обеспокоенно спросил Валентин.

— По-разному бывает. Иногда пять лет, десять, а может быть, и вечность. У Хозяйки Острова нет времени для каждого пилигрима.

— А нет более прямого пути, чтобы получить аудиенцию?

Делиамбер издал кашляющий звук, который должен был означать смех.

— Какой? Стучать в дверь Храма и кричать, что ты, сын Хозяйки, но в другом обличье, требуешь, чтобы тебя впустили?

— А почему бы и нет?

— Потому что террасы Острова служат своего рода фильтрами, не позволяющими совершить

что-либо подобное. Легких путей доступа к Хозяйке Острова Сна не существует. Именно так и задумано. Так что ты можешь потратить много лет.

— Я найду путь. — Валентин внимательно посмотрел на маленького колдуна. — Если я попаду на Остров, то найду возможность достичь ее мысленно. Я сумею докричаться до ее разума и, возможно, смогу убедить ее призвать меня к себе.

— Возможно.

— С твоей помощью, конечно.

— Я так и думал, что ты к этому придешь, — сухо произнес Делиамбер.

— У тебя есть способности к передаче посланий. Мы могли бы если не добраться до самой Хозяйки, то достаточно приблизиться к ней. Мы будем продвигаться шаг за шагом, сокращая проведенное на террасах время…

— Возможно, это удастся, — согласился Делиамбер. — А ты уверен, что я захочу совершить с тобой это паломничество?

Валентин некоторое время молча смотрел на врууна.

— Уверен, — ответил он наконец. — Ты прикидываешься, будто не хочешь, но ты сам прилагал

все усилия, чтобы я в конце концов отправился к Острову Сна и взял тебя с собой. Ведь я прав, Делиамбер? Ты хочешь этого гораздо больше, чем я.

— Ах, вот оно как?

— Я прав?

— Если ты решил ехать на Остров, Валентин, то я с тобой. Но твердо ли ты решил?

— Почти.

— Сомневающийся не достигнет цели.

— Тысячи миль. Годы ожидания. Тяжкий труд и интриги. Почему же я все-таки стремлюсь сделать это, Делиамбер?

— Потому что ты корональ и должен быть им.

— Первое, может, и правда, хотя я сильно сомневаюсь в этом. А второе… Зачем мне это?

Делиамбер хитро взглянул на Валентина.

— Ты предпочитаешь смириться с правлением узурпатора?

— Что мне корональ и его правление? Он на другом конце мира, в Горном замке, а я — странствующий жонглер.

Валентин вытянул пальцы и разглядывал их, словно впервые увидел.

— Я избавлю себя от многих трудностей, если останусь с Зализаном Каволом и позволю другому, кто бы он ни был, сидеть на троне. Может, он

мудр и отнял власть справедливо? Какая польза Маджипуру, если я ввяжусь во все это только для того, чтобы самому сесть на трон? Ох, Делиамбер, разве подобные речи звучат по-королевски? Стремлюсь ли я к власти? Как я могу быть правителем, если совершенно очевидно, что я к этому не стремлюсь?

— Мы с тобой уже говорили об этом. С тобой что-то сделали, мой лорд. Изменили не только твое тело, но и душу.

— Пусть так. Но моя королевская сущность, если она была когда-то, покинула меня. Это стремление к власти…

— Ты уже дважды употребил эту фразу, — возразил Делиамбер. — Стремление тут ни при чем. Истинный король вовсе не стремится к власти. Ответственность стремится к нему, захватывает его и владеет им. Этот корональ правит совсем недавно, он мало что успел сделать, если не считать великих процессий, а народ уже ворчит по поводу его декретов. А ты еще спрашиваешь, мудр ли он и справедлив. Как может узурпатор быть справедливым? Он преступник, Валентин. Он правит, испытывая чувство вины, постоянный страх грызет его во сне, и настанет время, когда этот страх отравит его и превратит в тирана.

Можешь ли ты сомневаться в этом? Он отстранит всех, кто угрожает ему, он будет даже убивать, если понадобится. Яд, текущий в его жилах, отравит жизнь планеты, поразит всех жителей. И ты, сидящий здесь и разглядывающий свои пальцы, не будешь считать себя ответственным? Как ты можешь даже заикаться о том, что хочешь остаться в стороне? Как будто тебе наплевать, кто у нас король. Очень важно, мой лорд, кто стоит у власти, а ты был избран для этого и соответственно обучен. Или ты думаешь, что короналем может быть любой?

— Думаю, да. Судьба выбирает наугад.

Делиамбер резко засмеялся.

— Возможно, девять тысяч лет назад так оно и было. Но теперь, мой лорд, речь идет о династии.

— Династии?

— Именно. Со времен лорда Ариока, если не раньше, короналей выбирали из небольшой группы семей, не более чем из сотни кланов, живших на Замковой горе и являвшихся членами правительства. Следующего короналя обучали заранее, но кто он — знали только он сам и немногие советники. Выбирали также двоих или троих на замену. Но теперь этот порядок нарушен, теперь туда вторгся чужак. Ничего, кроме зла, от этого

не будет.

— А может, узурпатор просто один из наследников, которому надоело ждать?

— Нет, — возразил Делиамбер, — это невозможно. Никто из обучавшихся, чтобы стать короналем, не смог бы свергнуть законно посвященного принца. К тому же зачем ему рядиться под лорда Валентина?

— Согласен.

— Согласись также и вот с чем: тот тип в Горном замке не имеет ни права, ни необходимых знаний для пребывания там, и его надо скинуть, а сделать это можешь только ты.

Валентин вздохнул:

— Ты требуешь от меня слишком многого.

— Этого требует история, — сказал Делиамбер. — В тысячах миров на протяжении многих тысячелетий история требовала, чтобы разумные существа сделали выбор между порядком и анархией, созиданием и разрушением, разумным и неразумным. И силы порядка, созидания и разума всегда воплощались в одном лидере: короле, президенте, председателе, первом министре, генералиссимусе — одним словом, монархе. Здесь, у нас, — корональ, или, более точно, корональ правит от имени понтифекса, который ранее был

короналем. И очень важно, мой лорд, кому быть короналем, а кому — нет.

— Да, — произнес Валентин, — возможно.

— Ты слишком долго мечешься между «да» и «возможно». Но в конце концов ты будешь правителем. Ты совершишь паломничество на Остров, получишь благословение его Хозяйки, отправишься на Замковую гору и займешь свое законное место.

— Твои слова наполняют меня ужасом. Если я когда-то правил, если я когда-то обучался для этого, то в голове моей не осталось и следа от всего этого.

— Ужас исчезнет, со временем твой мозг восстановится.

— Время идет, а мы торчим в Дюлорне и развлекаем гэйрогов.

— Это ненадолго. Мы пойдем на восток, мой лорд, поверь.

В убежденности Делиамбера было что-то заразительное. Сомнения и неуверенность, казалось, оставили Валентина. Но как только Делиамбер ушел, Валентин погрузился в нерадостные размышления о суровой реальности. Может ли он нанять пару верховых животных и завтра же уехать с Делиамбером в Пилиплок? А как же

Карабелла, которая стала вдруг так дорога ему? Бросить ее в Дюлорне? А Шанамир? Мальчик привязан к нему, а не к скандарам. Разве можно его оставить? А расходы? Вчетвером пересечь почти весь Зимроэль. Пища, ночлег, транспорт, корабль пилигримов до Острова и жизнь на Острове, пока он не придумает, как получить доступ к Хозяйке… Делиамбер считал, что Валентину одному понадобится двадцать реалов на дорогу до Пилиплока, а четверым, а то и пятерым, если добавится Слит… Набегает сотня реалов, если не больше. А до нижней террасы — сто пятьдесят.

Он заглянул в свой кошелек. Из тех денег, которые он имел при себе, когда появился в Пидруиде, осталось чуть больше шестидесяти реалов плюс один-два реала, заработанные в труппе. Этого никак не хватит. Он знал, что Карабелла почти без денег, Шанамир вернул семье сто шестьдесят реалов, вырученных за животных, а Делиамбер, будь у него хоть какие-то ценности, не стал бы на старости лет заключать контракт с неотесанными скандарами и таскаться по стране.

Так что же? Остается строить планы и надеяться, что Залзан Кавол решил двигаться в основном на восток. А пока следует беречь деньги, набраться терпения и ждать, когда настанет время идти

к Хозяйке Острова Сна.

Глава 3

Через несколько дней после того, как жонглеры уехали из Дюлорна с распухшими благодаря щедрости гэйрогов кошельками, Валентин отвел Залзана Кавола в сторону и спросил, куда они направляются. Был прекрасный день позднего лета, а здесь, на восточном склоне ущелья, где они остановились на обед, все заволокло пурпурным туманом, потому что севернее находились отложения скувва-песка, и ветер все время поднимал его вверх.

Залзан Кавол был недоволен и раздражен такой погодой. Его серая шерсть, покрасневшая в каплях тумана, свалялась, и он дергал ее, стараясь пригладить. Валентин понял, что сейчас не самое удачное время для разговора, но было уже поздно.

— Кто из нас хозяин труппы, Валентин? — спросил Залзан Кавол.

— Ты, конечно.

— Тогда с какой стати ты пытаешься управлять мной?

— Я?

— В Пидруиде ты просил меня отправиться

сначала в Фалкинкип, чтобы не пострадала фамильная честь нашего погонщика, а я, кстати, помню, как ты заставил меня нанять этого мальчишку, хотя он не жонглер и никогда им не будет. Я согласился, сам не знаю почему. Потом ты вмешался в мою ссору с врууном…

— Мое вмешательство оказалось полезным, — уточнил Валентин, — как ты сам потом признал.

— Правильно. Но мне не нравится то, что ты вмешиваешься в мои дела. Ты понимаешь, что я полный хозяин этой труппы?

Валентин слегка пожал плечами:

— Никто с этим не спорит.

— Но ты-то понимаешь это? Мои братья понимают. Они знают, что у тела может быть только одна голова, за исключением разве что тел су-сухирисов, но мы говорим не о них. Здесь голова — это я, от меня исходят все планы и распоряжения, от меня одного. — Залзан Кавол улыбнулся. — Тирания? Нет, просто необходимость. Жонглеры не могут быть демократами, Валентин. Управлять должен только один, иначе наступит хаос. Так чего ты от меня хочешь?

— Знать, куда мы направляемся, и только.

Залзан Кавол ответил с едва сдерживаемой злостью:

— Зачем? Ты работаешь у нас. И идешь туда, куда идем мы. Твое любопытство неуместно.

— Мне так не кажется. Одна дорога для меня более полезна, чем другая.

— Полезна? Для тебя? У тебя свои планы? Ты мне об этом не говорил!

— Я говорю сейчас.

— Каковы же они?

Валентин сделал глубокий вздох:

— В конечном счете — совершить паломничество на Остров и посвятить себя Повелительнице Снов. Поскольку корабли паломников отплывают из Пилиплока, а между нами и Пилиплоком лежит весь Зимроэль, мне важно знать, не собираешься ли ты идти в другую сторону, скажем, в Велатис, или, может, обратно в Тил-омон, или в Нарабаль вместо…

— Ты уволен, — ледяным тоном произнес Залзан Кавол.

Валентин остолбенел:

— Что?

— Хватит! Мой брат Ерфон даст тебе десять крон в качестве окончательного расчета. Я хочу, чтобы через час тебя не было.

У Валентина запылали щеки:

— Это совершенно неожиданно! Я же только

спросил…

— Ты только спросил. И в Пидруиде ты только просил, и в Фалкинкипе ты только просил, и через неделю в Мазадоне ты будешь только просить. Ты нарушаешь мое спокойствие, Валентин, а это важнее для меня, чем твой талант жонглера. Кроме того, ты не лоялен.

— Я?! По отношению к кому?

— Ты нанялся к нам, но тайно решил воспользоваться нами как транспортным средством, которое доставит тебя в Пилиплок. Твои обязательства по отношению к нам неискренни. Я называю это предательством.

— Когда я нанимался к тебе, у меня была одна цель: путешествовать с твоей труппой, куда бы вы ни пошли. Но все изменилось, и теперь у меня есть причины совершить паломничество.

— А почему ты допустил, чтобы все изменилось? Где твое чувство долга по отношению к твоим нанимателям и учителям?

— Разве я нанялся к тебе на всю жизнь? — спросил Валентин. — Разве это предательство — обнаружить, что есть более важная цель, чем завтрашнее представление?

— Ты разбрасываешься, потому я хочу избавиться от тебя. Мне надо, чтобы ты каждый день

и каждый час думал о жонглировании, а не о дне, когда ты отправишься с пирса Шкунибор в паломничество.

— Никакого разбрасывания не будет. Когда я жонглирую, я жонглирую. Когда мы дойдем до Пилиплока, я уйду из труппы, но до тех пор…

— Хватит, — прервал его Залзан Кавол. — Складывай свои пожитки и уходи. Иди сам в Пилиплок и плыви на Остров. Счастливого пути. Мне ты больше не нужен.

Скандар выглядел вполне серьезным. Нахмурившись и похлопывая себя по влажной шкуре, он тяжело повернулся и пошел прочь. Валентин задрожал от напряжения и тревоги. Мысль о том, чтобы уйти сейчас и идти в Пилиплок одному, приводила его в ужас. Кроме того, он сжился с труппой даже больше, чем сам предполагал, чувствовал себя членом сплоченной команды, от которой его теперь отрывают силой. Он не мог вот так просто расстаться с Карабеллой, со Слитом, даже со скандарами, которых он не любил, но уважал. Он хотел по-прежнему тренировать глаза и руки и одновременно двигаться на восток, навстречу неведомой судьбе, судя по всему уготованной для него Делиамбером.

— Подожди! — окликнул он скандара. — А как

же закон?

Залзан Кавол оглянулся через плечо.

— Какой закон?

— Который требует, чтобы ты держал трех жонглеров-людей в своей труппе.

— Я найму на твое место погонщика, — ответил Залзан Кавол. — И научу его тому, чему он сможет научиться. — Он двинулся дальше.

Валентин был ошарашен. Этот разговор происходил в рощице невысоких растений с золотистыми листьями. Видимо, они были психосенситивами, потому что Валентин заметил, что во время ссоры они свернули свои замысловато разрезанные листья, а теперь на десять футов вокруг все сморщились и почернели. Он дотронулся до листка, безжизненного и как бы опаленного, и очень расстроился, что стал виновником гибели такой красоты.

— Что случилось? — спросил Шанамир. Он появился совершенно неожиданно и теперь с изумлением рассматривал увядшие листья. — Я слышал крики. Скандар…

— Он уволил меня, — растерянно произнес Валентин. — За то, что я спросил его, куда мы отправимся дальше, ибо со временем я собираюсь совершить паломничество на Остров Сна и хотел

бы знать, как далеко еще могу идти с труппой.

Шанамир разинул рот:

— Ты хочешь совершить паломничество? Никогда не думал!

— Я недавно решил.

— Тогда мы пойдем вместе! — вскричал мальчик. — Верно? Давай упакуем вещи, украдем пару животных у этих скандаров и сбежим.

— Ты это твердо решил?

— Конечно!

— До Пилиплока тысячи миль. Ни ты, ни я не знаем дороги, и…

— Почему не знаем? Вот, смотри, мы идем в Кинтор, там садимся на речное судно до Ни-мойи, оттуда вниз по Зимру до побережья, а в Пилиплоке покупаем место на корабле пилигримов и… Что не так, Валентин?

— Но я не могу оставить вот так труппу. Они учили меня ремеслу. Я… Я…

Валентин запнулся в смущении. Кто он: ученик жонглера или ссыльный корональ? Какова его цель — таскаться с этими грубыми скандарами… ну и с Карабеллой, и со Слитом тоже, или воспользоваться ими, чтобы скорее попасть на Остров, а затем с помощью Хозяйки в Горный замок? Он сам запутался.

— Деньги? — спросил Шанамир. — Это тебя беспокоит? У тебя было больше пятидесяти реалов в Пидруиде. Сколько-то, наверное, осталось? У меня есть несколько крон. Если понадобится еще, ты сможешь подработать жонглером на речном судне, а я могу ухаживать за животными или…

— Куда это ты собираешься ехать? — поинтересовалась неожиданно появившаяся из леса Карабелла. — Что случилось с этими сенситивами? Здесь была ссора?

Валентин коротко рассказал ей о своем разговоре с Залзаном Каволом.

Она молча слушала, прижав руку к губам. Когда он закончил, она, так и не сказав ни слова, стрелой бросилась вслед за Залзаном Каволом.

— Карабелла! — позвал Валентин, но она уже исчезла.

— Пусть бежит, — пожал плечами Шанамир. — Мы можем уйти через полчаса, а к ночи будем уже далеко. Иди складывай наши вещи, а я возьму двух животных и отведу их через лес к маленькому озерку, мимо которого мы ехали. Встретимся в роще капустных деревьев. — Шанамир нетерпеливо замахал руками. — Поторапливайся! Я пойду за животными, пока скандаров нет, а они могут вернуться в любую минуту. — Он исчез

в лесу.

Валентин стоял неподвижно. Уйти вот так, сразу, даже не подготовившись? А Карабелла? Как можно не проститься с ней? А Делиамбер? А Слит? Валентин пошел к фургону собирать свои скромные пожитки, но остановился в нерешительности и начал обрывать мертвые листья бедных растений-сенситивов — как будто надеясь, что на месте сломанных увядших стеблей тут же вырастут новые. Постепенно он заставил себя смотреть на все случившееся не столь мрачно. Останься он с жонглерами, столкновение с реальностью, так явно ожидавшей его, отсрочилось бы на месяцы, а то и на годы. Если во всем, что он узнал, есть хоть крупица истины, то Карабелла в любом случае не может быть частью этой реальности. Значит, он должен отбросить все опасения и страхи, идти в Пилиплок, на корабль паломников. «Иди, — понукал он себя, — шевелись, собирай пожитки. Шанамир с животными ждет под капустными деревьями». Но он не мог сдвинуться с места.

Прибежала раскрасневшаяся Карабелла.

— Все в порядке, — выдохнула она. — Я натравила на него Делиамбера. Ты знаешь разные его штучки: то, другое, прикосновение щупальца и

тому подобное обычное колдовство. Ну, в общем, Залзан Кавол передумал. Или мы передумали за него.

Валентин даже испугался силы вспыхнувших в нем чувств.

— Я могу остаться?

— Да, если попросишь у него прощения.

— За что?

— Это неважно. — Она усмехнулась. — Он считает себя обиженным, но почему — одному Божеству известно! Шерсть у него мокрая, нос холодный. Кто его знает? Он же скандар, Валентин, у него довольно дикие представления, что правильно, а что нет, и от него нельзя требовать, чтобы он думал по-человечески. Ты разозлил его, вот он тебя и выгнал. Попроси его вежливо взять тебя обратно, и он возьмет. Иди. Давай, давай!

— Но… Но…

— Что но? Теперь ты будешь проявлять свою гордость? Ты хочешь, чтобы тебя приняли снова, или нет?

— Конечно, хочу.

— Ну, так иди.

Он продолжал стоять в нерешительности, и Карабелла потянула его за руку, но, видимо вспомнив, чьей руки касается, выпустила ее и

отступила, как бы готовая преклонить колени и сделать знак Горящей Звезды.

— Пожалуйста, — тихо сказала она, — пойди к нему, Валентин. Вдруг он опять передумает? Если ты уйдешь из труппы, я тоже уйду, а мне этого не хочется. Иди, прошу тебя.

— Ладно, — согласился Валентин.

Она повела его по мокрой от росы земле к фургону. Залзан Кавол угрюмо сидел на ступеньках, завернувшись в плащ.

Валентин подошел ближе.

— Я не хотел рассердить тебя. Прости.

Залзан Кавол издал низкий, почти за гранью восприятия, рычащий звук.

— От тебя одни только неприятности. Почему я должен прощать тебя? Отныне будешь говорить со мной только тогда, когда я это позволю. Понял?

— Понял.

— И даже не пытайся указывать мне, куда ехать.

— Понял.

— Если ты снова разозлишь меня, вылетишь без выходного пособия и исчезнешь с глаз моих через десять минут, где бы мы ни находились, даже в резервации метаморфов, и хоть среди

ночи. Понял?

— Понял, — кивнул Валентин.

Он ждал, думая, не придется ли ему наклониться и поцеловать волосатые пальцы скандара в знак повиновения. Карабелла, стоя рядом, затаила дыхание, как будто ожидала какого-то взрыва со стороны властителя Маджипура, выпрашивающего прощение у странствующего жонглера-скандара. Залзан Кавол презрительно оглядел Валентина, как посмотрел бы на поданную ему рыбу сомнительной свежести, и кисло добавил:

— Я не обязан сообщать своим работникам сведения, которые их не касаются, но все же скажу тебе, что Пилиплок — мой родной город, я возвращаюсь в него время от времени и намерен по возможности сделать это и теперь. Скоро ли — зависит от наших ангажементов, каких я смогу добиться по пути. Но знай, наша дорога лежит в основном на восток, хотя возможны отклонения, поскольку нам надо зарабатывать на жизнь. Надеюсь, ты удовлетворен. Когда мы дойдем до Пилиплока, можешь уйти из труппы, если все еще не передумаешь совершить паломничество. Но если ты попытаешься уговаривать кого-нибудь из труппы, кроме мальчишки-погонщика,

сопровождать тебя, я обращусь в суд при дворе короналя и буду преследовать тебя судебным порядком. Понятно?

— Понятно, — опять кивнул Валентин. Он знал, что откровенничать сейчас со скандаром нельзя.

— И последнее: помни, что за выступления в этой труппе ты каждую неделю получаешь приличные деньги, не считая расходов на жизнь и премий. Если я замечу, что ты забиваешь себе голову мыслями о паломничестве, о Хозяйке Острова Сна и ее слугах или еще о чем-то там еще, вместо того чтобы сосредоточиться исключительно на жонглировании, я тебя выгоню. В последние несколько дней твое настроение мешает работе, Валентин. Измени его. Мне нужны в труппе три жонглера-человека, но не обязательно те, которые у меня есть. Понял?

— Понял.

— Ну, ступай.

Когда они отошли, Карабелла спросила:

— Тебе было очень неприятно?

— Скорее, это было очень приятно Залзану Каволу.

— Он просто волосатое животное!

— Нет, — возразил Валентин серьезно. — Он существо чувствующее, равное нам, и никогда не

говори о нем иначе. Он только кажется животным. — Валентин вдруг засмеялся, и Карабелла подхватила его смех. Он продолжал: — Когда общаешься с существами, крайне чувствительными в вопросах чести и гордости, наверное, самое разумное — приспосабливаться к ним, особенно когда эти существа восьми футов ростом и к тому же платят жалованье. В этом смысле Залзан Кавол нужен мне больше, чем я ему.

— А паломничество? Ты в самом деле хочешь его совершить? Когда ты решил это?

— В Дюлорне, после разговора с Делиамбером. Мне еще многое неясно, сам я не могу ответить на множество вопросов, и помочь мне в этом может только Хозяйка Острова. Я пойду к ней, по крайней мере попытаюсь. Но это дело далекого будущего, и я обещал Залзану Каволу не думать об этом. — Он взял ее за руку. — Спасибо тебе, Карабелла, что ты нас помирила. Я вовсе не был готов уйти из труппы и расстаться с тобой, ведь я так недавно нашел тебя.

— А почему ты думаешь, что потерял бы меня, если б Залзан Кавол не согласился оставить тебя?

Он улыбнулся.

— Спасибо тебе и за это тоже. А теперь мне

надо пойти в рощу капустных деревьев и сказать Шанамиру, чтобы он вернул животных, которых украл для нас.

Глава 4

Через несколько дней труппа оказалась в совершенно незнакомых местах, и Валентин еще раз порадовался, что они с Шанамиром не поехали одни. Местность между Дюлорном и следующим крупным городом, Мазадоном, была относительно малонаселенной. Большую часть округи, как пояснил всеведущий Делиамбер, занимал королевский лесной заповедник. Залзана Кавола это вовсе не радовало, ибо ни в лесных заповедниках, ни, что более важно, на низинной болотистой фермерской земле, занятой в основном посевами риса и плантациями лусавендра, работы у жонглеров не бывает. Но им приходилось ехать по главному лесному тракту, так как выбора у них все равно не было. Почти все время они ехали под моросящим дождем то через деревни и фермы, то через посадки забавных толстоствольных капустных деревьев, низких и приземистых, с массивными белыми плодами, растущими прямо из коры. Но ближе к Мазадонскому лесному заповеднику капустные деревья уступили место густым зарослям поющих папоротников, издававших, когда к ним приближались, пронзительные

нестройные звуки. Это было бы еще не так скверно, поскольку в немелодичной песне Валентин находил даже какое-то очарование, но в гуще папоротников жили надоедливые существа, куда более неприятные, чем растения, — маленькие зубчатокрылые грызуны дхиимы, взлетавшие всякий раз, когда фургон задевал за поющий папоротник. Дхиимы, покрытые красивым золотистым мехом, были размером с мизинец. Они взлетали в огромном количестве и вились роем, а кроме того, кусались крошечными, но острыми зубками. Сидевшие впереди толстокожие и косматые скандары не обращали на них внимания, только отмахивались, когда те подбирались слишком близко, но обычно спокойные животные нервничали и несколько раз сбивались с шага. Шанамир, посланный успокоить их, получил с полдюжины болезненных укусов, а когда возвращался обратно в фургон, следом за ним влетело множество дхиимов. Слита укусили в щеку, под левым глазом, а Валентину, сразу же атакованному разъяренными тварями, искусали обе руки. Карабелла, демонстрируя жонглерское искусство, методично уничтожала дхиимов стилетом. Она действовала целеустремленно и ловко, но прошло по крайней мере полчаса, пока

удалось справиться с последним дхиимом.

Миновав территорию дхиимов и поющих папоротников, путешественники попали в весьма любопытное место: перед ними простирались широкие открытые луга, на которых торчали сотни сотворенных природой в незапамятные времена черных гранитных игл в несколько футов шириной и высотой футов в восемьдесят. Валентин увидел в них просто тихую красоту, Залзан Кавол торопился уйти отсюда, чтобы попасть на следующий фестиваль, где могли нанять жонглеров, а Делиамбер чувствовал в этих камнях скрытую угрозу. Вруун выглянул из окна фургона и, наклонившись, внимательно рассматривал черные иглы.

— Остановись, — обратился он наконец к Залзану Каволу.

— В чем дело?

— Хочу кое-что проверить. Выпусти меня.

Залзан Кавол, нетерпеливо ворча, натянул поводья. Делиамбер выбрался из фургона, направился скользящей вруунской походкой к странным камням и исчез среди них, время от времени появляясь, когда зигзагами переходил от одной иглы к другой.

Он вернулся хмурым и озабоченным.

— Посмотрите, — сказал он и указал вперед. — Видите лианы, протянутые от одной скалы к другой, от другой к третьей и так далее? По ним ползают какие-то маленькие существа.

Валентин различил только сетку из тонких блестящих красных линий высоко на вершинах, футах в сорока или пятидесяти над землей. Да, верно, с полдюжины обезьяноподобных тварей перебирались, как акробаты, от иглы к игле, свободно вися на руках и ногах.

— Это похоже на сеть птицеядной лианы, — в недоумении проговорил Залзан Кавол.

— Это она и есть, — согласился Делиамбер.

— А почему эти не прилипли к ней? Что это за животные?

— Это лесные братья, — ответил вруун. — Ты знаешь о них?

— Расскажи.

— Они доставляют много беспокойства. Дикое племя, родом из центрального Зимроэля, их редко встретишь так далеко к западу. Метаморфы охотятся на них — то ли для еды, то ли ради спорта, точно не знаю. У них есть разум, но низшего порядка, несколько выше, чем у собак и дролей, но ниже, чем у цивилизованного народа. Их боги — двикка-деревья. Живут лесные братья

группами, чем-то вроде племен, умеют делать отравленные стрелы и причиняют неприятности путникам. Их пот содержит ферменты, которые позволяют им не прилипать к птицеядной лиане, и они пользуются этой лианой для самых разных целей.

— Если они станут надоедать нам, — буркнул Залзан Кавол, — мы уничтожим их. Вперед!

Миновав территорию каменных игл, путешественники в тот день больше не встретили следов лесных братьев. На следующий день Делиамбер один раз видел ленты птицеядной лианы на верхушках деревьев, а день спустя, углубившись в лесной заповедник, они дошли до рощи поистине колоссальных деревьев. Вруунский колдун сказал, что это и есть священные для лесных братьев двикка.

— Видимо, потому лесные братья и появились так близко от территории метаморфов, — предположил Делиамбер. — Наверное, это мигрирующая группа, идущая, чтобы поклониться этому лесу.

Двикка-деревья производили потрясающее впечатление. Их было пять, и они стояли далеко в стороне от других деревьев. Диаметр стволов с ярко-красной корой был больше, чем продольные оси фургона Залзана Кавола.

Хотя деревья были не особенно высокими — не более ста футов, — их мощные ветви, каждая толщиной в ствол обычного дерева, тянулись так далеко, что под ними могли укрыться целые армии. На побегах толщиной с бедро скандара росли листья, черные, кожистые, размером не уступавшие целому дому. Они тяжело свисали вниз, отбрасывая непроницаемую тень. На каждой ветви росли по два-три гигантских желтоватых плода в виде неправильных шаров двенадцати-пятнадцати футов в диаметре. Один плод, похоже, недавно упал, вероятно в дождливый день, когда земля была мягкой, и своим весом продавил ее, так что лежал теперь в неглубокой яме. Он треснул, и можно было видеть множество крупных многогранных черных семян, торчащих из алой мякоти. Валентин понимал, почему лесные братья поклонялись этим деревьям: они были величественными монархами растительного царства, господствующими в нем. Он и сам готов был опуститься перед ними на колени.

— Плод очень вкусный, — сказал Делиамбер. — Он безвреден как для человека, так и для других.

— А для скандаров? — спросил Залзан Кавол.

— И для скандаров.

Залзан Кавол засмеялся.

— Попробуем. Ерфон, Телкар, соберите-ка нам этих фруктов.

Делиамбер заволновался:

— Талисманы лесных братьев лежат в земле перед каждым деревом. Лесные братья были здесь недавно и могут вернуться. Обнаружив, что мы оскверняем рощу, они нападут на нас, а их стрелы смертельны.

— Слит, Карабелла, встаньте слева на страже, Валентин, Шанамир, Виноркис — с другой стороны. Крикните, если увидите одну из этих обезьян, — приказал Залзан Кавол и махнул своим братьям: — Соберите нам плодов. Хаэрн, мы с тобой будем сторожить здесь. Колдун, останься с нами. — Скандар взял со стойки пару энергометов и дал один Хаэрну.

Делиамбер неодобрительно пробормотал:

— Они приходят как призраки, появляются ниоткуда…

— Заткнись! — рявкнул Залзан Кавол.

Валентин занял наблюдательный пост в пятидесяти ярдах от фургона и внимательно вглядывался в темный таинственный лес. В любую минуту в него могла впиться стрела, несущая смерть. Ощущение было не из приятных. Ерфон и Телкар с большой плетеной корзиной шли к

упавшему плоду, останавливаясь через каждые несколько шагов и оглядываясь по сторонам. Дойдя до плода, они осторожно обошли его кругом.

— А если лесные братья уже сидят позади этой штуковины? — спросил Шанамир. — Вдруг Телкар наткнется на них…

Неожиданно где-то возле плода раздалось гневное восклицание и вслед за ним — рев, похожий на рев оскорбленного бидлака, которому помешали спариваться. Скандары, перепугавшись до смерти, отскочили назад и бросились к фургону.

— Скоты! — яростно вопил голос. — Свиньи и отцы свиней! Вы хотели изнасиловать спокойно обедающую женщину?! Я научу вас, как нападать! Я вас так отмечу, что вы никогда больше не сможете никого изнасиловать! Оставайтесь на месте, волосатые звери! Стойте, говорю!

Из-за плода двикка появилась самая громадная женщина, какую Валентин когда-либо видел. Ростом не менее семи футов, она была под стать этим деревьям: гора плоти на крепких, как столбы, ногах. Одета она была в плотную блузу и серые кожаные брюки. Блуза, расстегнутая почти до талии, обнажала огромные шары грудей размером с голову человека. Ярко-оранжевые кудри были растрепаны, пронзительно голу-

бые глаза сверкали. Великанша держала в руке внушительных размеров вибрационный меч и размахивала им с такой силой, что Валентин, стоя в сотне футов, чувствовал ветер. Ее щеки и грудь были испачканы алым соком плода двикка. Она широченными шагами шла к фургону, вопя о насилии и требуя мести.

— Кто это? — спросил Залзан Кавол и при этом выглядел таким растерянным, каким Валентин еще ни разу его не видел. Он глянул на братьев. — Что вы ей сделали?

— Мы не коснулись ее, — ответил Ерфон. — Мы оглянулись назад, нет ли лесных братьев, а Телкар, неожиданно наткнувшись на нее, споткнулся и схватился за ее руку, чтобы удержаться на ногах.

— Ты же сказал, что вы не коснулись ее! — рявкнул Залзан Кавол.

— Не в том смысле. Это была просто случайность. Он споткнулся.

— Сделай что-нибудь, — быстро проговорил Залзан Кавол, обращаясь к Делиамберу, потому что великанша уже почти настигла их.

Вруун, выглядевший бледным и угрюмым, встал перед фургоном и протянул щупальца к возвышавшейся над ним громаде.

— Мир, — спокойно сказал он нападавшей великанше. — Мы не хотим повредить тебе. — Говоря, он делал магические жесты, накладывая чары, и в воздухе перед ним разливалось слабое синеватое свечение.

Великанша, видимо, восприняла их, потому что замедлила ход и остановилась в нескольких футах от фургона. Она неохотно опустила вибрационный меч и покачивала им, затем запахнула блузу и кое-как застегнула ее. Оглядев скандаров, она указала на Ерфона и Телкара и произнесла громовым голосом:

— Что те двое хотели сделать со мной?

— Они просто хотели собрать немного плодов двикка-дерева, — ответил Делиамбер. — Видишь, у них была корзина.

— Мы же не знали, что ты там, — промямлил Телкар. — Мы обходили плод, чтобы проверить, не спрятались ли за ним лесные братья, вот и все.

— И навалились на меня, как придурки, и изнасиловали бы, будь я безоружной, так?

— Я оступился, — настаивал Телкар. — Я вовсе не намеревался приставать к тебе. Я боялся лесных братьев, а когда встретился с особой таких размеров…

— Что? Снова оскорбления?

Телкар глубоко вздохнул.

— Я хочу сказать… Я не ожидал… Когда я… когда ты…

— Мы не думали, — добавил Ерфон.

Валентин, с интересом наблюдавший за этой сценой, вышел вперед.

— Если бы они задумали изнасиловать тебя, разве стали бы они делать это при нас? Мы одной с тобой расы и не потерпели бы этого. — Он указал на Карабеллу: — Эта женщина умеет постоять за себя не хуже, чем ты. Будь уверена, что, если бы эти скандары попытались оскорбить тебя, она даже в одиночку справилась бы с ними. Это было просто недоразумение, только и всего. Опусти свое оружие и чувствуй себя в безопасности среди нас, мы не причиним тебе зла.

Великаншу, видимо, смягчили вежливость и обаяние речи Валентина. Она неторопливо укрепила оружие на бедре.

— Кто ты? — проворчала она. — И зачем вы пришли сюда?

— Меня зовут Валентин, мы странствующие жонглеры, а этот скандар — Залзан Кавол, хозяин нашей труппы.

— А я Лизамон Халтин, — отрекомендовалась

великанша. — Я нанимаюсь телохранителем и воином, хотя в последнее время это редко случается.

— Мы тратим время, — напомнил Залзан Кавол. — Если ты простила нас за то, что мы помешали твоему отдыху, то нам пора ехать дальше.

Лизамон Халтин энергично закивала.

— Да, продолжайте свой путь. Но вы знаете, что здесь опасно?

— Лесные братья? — спросил Валентин.

— Да. Они повсюду. Леса кишат ими.

— А ты не боишься их? — поинтересовался Делиамбер.

— Я говорю на их языке. И у меня с ними честный договор. Не думаешь ли ты, что иначе я рискнула бы есть плоды двикка? Может, я и жирная, но не дура, маленький колдун. — Она уставилась на Залзана Кавола. — Куда вы едете?

— В Мазадон.

— В Мазадон? Зачем?

— Мы надеемся получить там работу.

— Ничего там для вас нет. Я только что из Мазадона. Герцог недавно умер, и по всей провинции объявлен трехнедельный траур. Может, вы будете жонглировать на похоронах?

Лицо Залзана Кавола потемнело:

— Нет работы в Мазадоне? Нет во всей провинции? А мы-то торопились! Мы и так без заработка от самого Дюлорна. Что будем делать?

Лизамон выплюнула кусок мякоти плода.

— Это уж не моя печаль. Но вы все равно не попадете в Мазадон.

— Это почему?

— Лесные братья перекрыли дорогу в пяти милях отсюда. Они требуют с проезжающих дань или еще что-то такое же нелепое. Они не пропустят вас. Хорошо, если сразу не застрелят.

— Пропустят! — воскликнул Залзан Кавол.

Женщина-воин пожала плечами:

— Без меня не пропустят.

— А ты здесь при чем?

— Я же тебе сказала, что говорю на их языке. Я могу торговаться с ними. Интересуешься? Пяти реалов, наверное, хватит.

— А зачем лесным братьям деньги? — спросил скандар.

— Не им, — беззаботно ответила она. — Пять реалов для меня. А я им предложу кое-что другое. Договорились?

— Безумие! Пять реалов — это целое состояние.

— Я не торгуюсь, — твердо произнесла она. — Честь моей профессии не позволяет этого. Счаст-

ливого пути! — Она холодно оглядела Ерфона и Телкара. — Если хотите, можете взять с собой немного плодов двикка. Но лучше не жуйте их, когда встретитесь с лесными братьями.

Лизамон повернулась с большим достоинством и пошла к большому плоду под деревом. Подняв меч, она отрубила три больших куска и с презрением толкнула их к двум скандарам, которые смущенно положили их в корзину.

— Все в фургон! — крикнул Залзан Кавол. — До Мазадона долгий путь.

— Далеко не уедешь, — пообещала Лизамон и захохотала. — Ты скоро вернешься сюда, если, конечно, останешься жив!

Глава 5

На протяжении следующих нескольких миль Валентин напряженно думал об отравленных стрелах лесных братьев. Неожиданная и страшная смерть не привлекала его, а лес был темным и таинственным, полным какой-то первобытной растительности: папоротниковых деревьев с серебряными споровыми оболочками, конских хвостов в дюжину футов высотой, похожих на стекло и усаженных кучами бледных грибов с коричневыми впадинами. В таком странном месте могло случиться что угодно, и, скорее всего, случится.

Но сок плода двикка помог снять общее напряжение. Виноркис разрезал громадный кусок на ломтики и передавал их по кругу. Плод был исключительно сладким и зернистым, таял во рту, а содержащиеся в нем неизвестные алкалоиды проникали через кровь в мозг быстрее самого крепкого вина. Валентин почувствовал, как по телу разлилось тепло, расслабился и развеселился. Он вернулся в пассажирскую часть фургона, одной рукой опираясь на плечо Карабеллы, а другой — на плечо Шанамира. Залзан Кавол отведал

плода явно больше, чем следовало, потому что шел рядом с фургоном веселым шагом, отбросив свою обычную суровую осторожность. Всегда замкнутый Слит, отрезав еще плода двикки, начал напевать хулиганистую песню:

Однажды к старому Гарнипу С короной, цепью и ведром Явился лорд Бархольд избитый, Чтоб тот мог съесть его…

Фургон неожиданно остановился, и Слита резко бросило вперед, а кусок мягкого сочного плода двикки шлепнулся Валентину в лицо. Смеясь и моргая, Валентин вытер лицо и увидел, что все собрались в передней части фургона и что-то разглядывают, попеременно высовываясь между сидевшими на козлах скандарами.

— Что там? — спросил он.

— Птицеядная лиана перегораживает дорогу, — печально ответил Виноркис. — Великанша сказала правду.

Действительно, толстая, крепкая красная лиана под разными углами тянулась от одного папоротникового дерева к другому, образуя широкую, прочную и упругую сетку. Лес по краям дороги был здесь совершенно непроходимым. Фургону там не проехать.

— А разрезать ее можно? — поинтересовался

Валентин.

— Мы сделали бы это энергометами за пять минут, — отозвался Залзан Кавол. — Но посмотри туда.

— Лесные братья, — шепнула Карабелла.

Они были повсюду: толпились в лесу, свисали с каждого дерева — хотя и держались на расстоянии почти ста ярдов от фургона. Вблизи они казались менее похожими на обезьян, а больше напоминали дикарей разумной расы. Это были маленькие голые существа с гладкой голубовато-серой кожей и тонкими конечностями. Узкие вытянутые головы не имели волос, лбы скошены, шеи — длинные, тонкие и хрупкие, тела — худые и костлявые, с впалой грудью. У всех — у мужчин и у женщин — с бедер свисали тростниковые трубочки для метания стрел. Лесные братья указывали на фургон и переговаривались, издавая слегка шипящие и свистящие звуки.

— Что будем делать? — обратился Залзан Кавол к Делиамберу.

— Наймем женщину-воина.

— Никогда!

— В таком случае будем сидеть в фургоне до конца дней или вернемся в Дюлорн и поищем другую дорогу.

— Мы могли бы договориться, — сказал скандар. — Иди туда, колдун. Поговори с ними хоть телепатически, хоть на обезьяньем языке, хоть на вруунском, на любом — лишь бы сработало. Скажи им, что у нас важное дело в Мазадоне, что мы должны дать представление на похоронах герцога, что если они нас задержат, то будут строго наказаны.

— Скажи им сам, — спокойно ответил Делиамбер.

— Я?

— Любой из нас, выйдя из фургона, рискует получить стрелу. Я уступаю эту честь тебе. Может, их пленят твои размеры, и они будут приветствовать тебя как своего короля, а может, и нет.

Залзан Кавол сверкнул глазами.

— Ты отказываешься?

— Мертвый колдун, — сказал Делиамбер, — вряд ли будет тебе полезен. Я кое-что знаю об этих созданиях. Они непредсказуемы и весьма опасны. Найди другого посыльного. В нашем контракте не сказано, что ради тебя я должен рисковать жизнью.

Залзан Кавол негодующе фыркнул, но дверцу фургона закрыл.

Положение было безвыходным. Лесные братья

начали спускаться с деревьев, но все еще держались на почтительном расстоянии от фургона. Некоторые прыгали и плясали на дороге, хрипло напевая что-то без слов и без мотива. Их пение походило на жужжание громадных насекомых.

Ерфон Кавол предложил:

— Дать по ним из энергомета и разбросать их. Сеть сжечь недолго, а затем…

— А затем они будут гнаться за нами по всему лесу и забросают нас стрелами, как только мы высунем нос, — продолжил Залзан Кавол. — Нет. Их тут, наверное, тысячи. Они нас видят, а мы их нет. Силой мы ничего не добьемся. — Скандар угрюмо доел последний кусок плода. Несколько минут он сидел молча, хмурился, время от времени грозил кулаками маленьким существам, перекрывшим дорогу, и наконец с горечью проговорил: — До Мазадона еще несколько дней пути, а та женщина сказала, что работы для нас там нет. Может, поедем в Бургакс или даже в Тагобар, Делиамбер? Пройдут недели, прежде чем мы заработаем пару крон, а здесь мы сидим, пойманные в ловушку маленькими обезьянами с отравленными стрелами. Валентин!

— Да? — вздрогнув, отозвался Валентин.

— Я хочу, чтобы ты выскользнул из фургона

через заднее окно и вернулся к той женщине-воину. Предложи ей три реала, чтобы она вывела нас отсюда.

— Ты это серьезно? — спросил Валентин.

Карабелла, чуть задыхаясь, возразила:

— Нет! Вместо него пойду я!

— Это еще что? — рассердился Залзан Кавол.

— Валентин… он… он легко заблудится, он рассеян, он… он не найдет…

— Вздор, — отрезал скандар и нетерпеливо взмахнул рукой. — Дорога прямая. Валентин силен и проворен. И это опасно. Твой талант слишком ценен, чтобы рисковать им, Карабелла. Придется пойти Валентину.

— Не ходи, — прошептал Шанамир.

Валентин заколебался. Ему не слишком нравилась идея покинуть относительно безопасный фургон и оказаться одному в лесу, кишащем опасными существами. Но кто-то должен был это сделать — и не медлительные, тяжеловесные скандары, не косолапый хьорт. Для Залзана Кавола Валентин был наименее ценным членом труппы. Да и сам он невысоко ценил свою жизнь.

— Женщина-воин назвала нам цену в пять реалов, — сказал он наконец.

— Предложи ей три.

— А если она откажется? Она же сказала, что торговаться ниже ее достоинства.

— Три, — повторил Залзан Кавол. — Пять реалов — огромная сумма. И три-то платить глупо.

— Ты хочешь, чтобы я непонятно ради чего бежал несколько миль по опасному лесу?

— Ты отказываешься?

— Обращаю твое внимание на безрассудность такого поступка, — усмехнулся Валентин. — Если уж рисковать жизнью, то ради какой-то цели. Дай мне пять реалов для этой женщины.

— Приведи ее сюда, — ответил скандар, — а я с ней поторгуюсь.

— Приведи ее сам.

Залзан Кавол задумался. Карабелла, напряженная и бледная, качала головой. Слит взглядом советовал Валентину держаться своей позиции. Шанамир, раскрасневшийся и дрожащий, казалось, был готов взорваться от злости. Валентин понял, что в этот раз он слишком сильно задел вспыльчивого скандара.

Шерсть Залзана Кавола топорщилась, спазмы ярости сжимали могучие мышцы. Он, похоже, с великим трудом сдерживал гнев. Без сомнения, поведение Валентина довело скандара почти до

точки кипения, но в его глазах была искра расчета — он словно бы взвешивал открытый вызов Валентина и его необходимость в труппе. Может быть, он даже спрашивал себя, не глупо ли сейчас экономить. После долгого тяжелого молчания Залзан Кавол с шипением вздохнул, хмуро полез за кошельком и мрачно отсчитал пять блестящих монет по одному реалу.

— Вот, — проворчал он. — И поторопись.

— Так быстро, как смогу.

— Бежать трудно, — задумался скандар. — Может, выйдешь на дорогу и спросишь лесных братьев, нельзя ли выпрячь одного из наших животных? Тогда поедешь с комфортом.

— Лучше я побегу, — ответил Валентин и начал открывать заднее окно. Плечи его напряглись в ожидании удара стрелы. Но ничего не произошло, и скоро он уже легко бежал по дороге. Лес, который выглядел так зловеще из фургона, вблизи казался менее страшным. Растительность была незнакомой, но вроде не угрожающей. Его длинные ноги двигались размеренно, сердце работало без перебоев. Бег расслаблял, почти гипнотизировал и успокаивал, как жонглирование.

Валентин бежал долго, не замечая времени и расстояния, пока не подумал, что оказался уже

достаточно далеко. Но не пробежал ли он ненароком мимо двикка-деревьев? Не свернул ли неосторожно с дороги? Нет, вряд ли. Он снова бросился вперед и бежал, пока не увидел гигантские деревья с лежащими у самых стволов плодами.

Великанши нигде не было. Он окликал ее, заглядывал за плоды двикка, обошел всю рощу. Пусто. В отчаянии он решил бежать дальше, в сторону Дюлорна, и попытаться найти ее там, но вдруг почувствовал, как гудят и дрожат ноги, как недовольно стучит сердце. Нет, прямо сейчас он не в состоянии сдвинуться с места. Тут он увидел неподалеку, в нескольких сотнях ярдов, возвышение — что-то крупное, с широкой спиной и толстыми ногами. Вполне подходящий холм, чтобы назвать его Лизамон Халтин. Он пошел в том направлении и вскоре заметил крупные следы и услышал журчание воды.

Земля резко обрывалась, образуя зазубренный утес. Валентин заглянул за его край. Из леса бежал ручей и, стекая по поверхности утеса, впадал в каменный бассейн футах в сорока ниже. Рядом с бассейном лежала вниз лицом, греясь после купания, Лизамон Халтин. Ее меч покоился рядом. Валентин с почтением рассматривал ее широкие мускулистые плечи, мощные руки, массивные

колонны ног, обширные полушария ягодиц. Наконец он окликнул ее. Она тут же перевернулась и села, оглядываясь по сторонам.

— Я наверху, — помог ей Валентин.

Лизамон взглянула вверх, и он скромно отвернулся, но она только хмыкнула, встала и неторопливо оделась.

— Это ты, — сказала она, — вежливо говорящий Валентин. Можешь спуститься сюда. Я тебя не боюсь.

— Я знаю, ты не любишь, когда тебе мешают отдыхать, — мягко проговорил Валентин, спускаясь по каменным ступеням. Когда он добрался до нее, она уже надела брюки и натягивала блузу на мощный бюст. — Мы попали в засаду.

— Ясное дело.

— Нам нужно в Мазадон. Скандар велел мне нанять тебя.

Он протянул пять реалов Залзана Кавола.

— Ты поможешь нам?

Она посмотрела на блестящие монеты:

— Цена семь с половиной.

— Ты же говорила — пять.

— То было раньше.

— Скандар дал мне только пять реалов, чтобы заплатить тебе.

Она пожала плечами и начала расстегивать блузу.

— В таком случае я лучше буду загорать. Можешь остаться или уйти — как хочешь, но держись на расстоянии.

— Когда скандар пытался сбить цену, ты отказалась торговаться, сказав, что честь твоей профессии не позволяет этого, — спокойно возразил Валентин. — Мои понятия о чести требуют, чтобы я держался цены, которую запросили.

Она поднесла руки к губам и захохотала так оглушительно, что он испугался, как бы его не сдуло. Рядом с ней он чувствовал себя игрушечным: она была тяжелее его более чем на сто фунтов, а ростом по крайней мере на голову выше.

— Ты такой храбрый или такой глупый? Я могу уничтожить тебя одним шлепком, а ты стоишь тут и распространяешься насчет чести!

— Я не думаю, что ты причинишь мне зло.

Она с большим интересом взглянула на него:

— Может, и нет. Но ты рискуешь, парень. Я обидчива и иногда, если дам волю своему гневу, приношу гораздо больше вреда, чем намеревалась.

— Давай сделаем так. Нам надо в Мазадон, а отозвать лесных братьев можешь только ты.

Скандар заплатит пять реалов, но не больше. — Валентин наклонился и положил пять монет на камень у бассейна. — У меня есть немного своих денег, и я добавлю их к твоему гонорару.

Он достал кошелек, вынул из него один реал, второй, полреала, положил их рядом с пятью и с надеждой поднял глаза на Лизамон.

— Пяти будет достаточно, — ответила она.

Она взяла деньги Залзана Кавола, оставив деньги Валентина, и стала подниматься по тропе.

— Где твое животное? — спросила она, отвязывая свое.

— Я пришел пешком.

— Пешком? Ты бежал всю дорогу? — Она с изумлением уставилась на него. — Ну и честный же ты работник! Видно, он хорошо платит тебе, если ты соглашаешься на такое дело и так рискуешь?

— Нет, не слишком.

— Конечно, так я и думала. Ну ладно, садись позади меня. Эта скотина даже и не заметит твоего веса.

Она взгромоздилась на животное. Оно, хоть и было рослым для своей породы, сразу же показалось карликовым и хрупким. Валентин после некоторого колебания устроился позади Лизамон и обхватил ее талию. При всей ее громадности в

великанше не было ни грамма жира, зато мышцы были выпуклыми и крепкими.

Животное легким галопом выскочило из рощи и побежало по дороге. Фургон, когда они доехали до него, был все еще плотно закрыт, а лесные братья плясали и щебетали вокруг деревьев позади сетки.

Они спешились. Лизамон спокойно подошла к фургону и высоким дребезжащим голосом окликнула кого-то из лесных братьев. С дерева донесся такой же ответ. Она произнесла что-то еще. Ей снова ответили. Затем последовало лихорадочное совещание с короткими увещеваниями и возражениями. Наконец она повернулась к Валентину:

— Они откроют вам ворота, но за плату.

— Сколько?

— Не деньгами, услугой.

— Какую услугу мы можем оказать лесным братьям?

— Я сказала им, что вы жонглеры, и объяснила, что это значит. Вы дадите представление, а они вас пропустят. В противном случае они убьют вас и будут играть вашими костями, но не сегодня, потому что сегодня у лесных братьев священный день, а в такой день они не убивают. Лично я сове-

тую вам выступить, но это уж как хотите. — Затем она добавила: — Яд, которым они пользуются, действует не очень быстро.

Глава 6

Залзан Кавол пришел в ярость: выступать перед обезьянами, да еще бесплатно? Но Делиамбер напомнил ему, что по уровню развития лесные братья все-таки выше обезьян. Слит заметил, что они сегодня не репетировали и тренировка пойдет только на пользу, а Ерфон Кавол решил вопрос, сказав, что это не просто представление, а плата за проход через ту часть леса, которой владеют эти существа. В любом случае выбора у них не было. Так что они вышли из фургона с дубинками, мячами и серпами, но без факелов, поскольку Делиамбер предупредил, что факелы могут напугать лесных братьев и тогда их действия будут непредсказуемы. Они нашли хорошо расчищенное место и начали жонглировать.

Лесные братья жадно следили за жонглерами. Сотни и сотни их выходили из леса, усаживались на корточки вдоль дороги, кусали пальцы и тонкие хвосты и переговаривались. Скандары обменивались серпами, ножами, дубинками и топориками, Валентин поодаль крутил дубинки, Слит и Карабелла выступали слаженно и элегантно. Прошел час, другой, солнце начало

клониться в сторону Пидруида, а лесные братья все смотрели, и жонглеры работали, и никто даже не пытался убрать с дороги сеть.

— Мы будем расплачиваться с ними всю ночь? — спросил Залзан Кавол.

— Молчи, — велел Делиамбер. — Не оскорбляй их. Наши жизни в их руках.

Жонглеры воспользовались случаем, чтобы отрепетировать новые трюки. Скандары увеличивали число перехватов, отнимая броски друг у друга, и это выглядело комично из-за их размеров и силы. Валентин обменивался дубинками со Слитом и Карабеллой. Затем Слит стал быстро перебрасываться с Валентином, в то время как сначала Карабелла, а потом Шанамир бесстрашно кувыркались между ними. Пошел уже третий час выступления.

— Эти лесные братья получили от нас пятиреаловое представление, — ворчал Залзан Кавол. — Когда этому будет конец?

— Вы очень ловко жонглируете, — заметила Лизамон. — Им очень нравится ваше выступление. И мне тоже.

— Как мило с вашей стороны… — язвительно заметил Залзан Кавол.

Наступили сумерки. Видимо, темнота изме-

нила настроение лесных братьев, потому что они вдруг потеряли интерес к представлению. Пятеро из них вышли вперед и стали обрывать сеть. Их маленькие с острыми пальцами руки легко справлялись с лианами, хотя любой другой безнадежно запутался бы в них. Не прошло и нескольких минут, как путь был свободен, а лесные братья исчезли в лесу.

— У вас вино есть? — спросила Лизамон. Жонглеры к этому времени собрали свой инвентарь и уже готовы были ехать. — Ваше представление вызвало у меня страшную жажду.

Залзан Кавол начал было жаловаться, что запасов останется мало, но опоздал: Карабелла, бросив острый взгляд на хозяина, достала флягу. Женщина-воин запрокинула ее и осушила одним хорошим глотком. Затем вытерла губы рукавом и рыгнула.

— Неплохое, — похвалила она. — Дюлорнское?

Карабелла кивнула.

— Эти гэйроги, даром что змеи, а в выпивке понимают толк. В Мазадоне вы такого не найдете.

— Ты говорила — траур три недели? — спросил Залзан Кавол.

— Не меньше. Все общественные развлечения запрещены. Желтые траурные полотнища на

всех дверях.

— От чего умер герцог? — осведомился Слит.

Великанша пожала плечами.

— Одни говорят, что его напугало до смерти послание от Короля, другие — что он подавился полупрожаренным мясом, а третьи — что он перетрудился с тремя наложницами. Да и какое кому дело? Он умер, и сомневаться в этом не приходится, а все остальное — мелочи.

— И работы там не будет? — мрачно поинтересовался Залзан Кавол.

— Нет, ничего до самого Тагобара, а может, и дальше.

— Столько времени без заработка, — пробормотал скандар.

— Да, тебе не повезло, — кивнула Лизамон. — Но я знаю, где вы найдете хороший заработок, — как раз за Тагобаром.

— Да, — откликнулся Залзан Кавол. — В Кинторе, я полагаю.

— В Кинторе? Нет, там сейчас голодное время. Этим летом у них был плохой урожай, торговцы прижали кредит, и вряд ли там есть деньги, чтобы тратить их на представления. Нет, я говорю об Илиривойне.

— Что? — вскричал Слит, как будто его пора-

зила стрела.

Валентин порылся в памяти, ничего не вспомнил и шепнул Карабелле:

— Где это?

— Юго-восточнее Кинтора.

— Но к юго-востоку от Кинтора — территория метаморфов.

— Именно.

Тяжелые черты лица Залзана Кавола оживились:

— Что за работа для нас в Илиривойне?

— В следующем месяце у меняющих форму фестиваль, — ответила Лизамон Халтин. — Там будут танцы в честь урожая, всяческие состязания и празднества. Я слышала, что иногда труппы из имперских провинций приходят в резервацию и во время фестиваля зарабатывают большие деньги. Меняющие форму без всякого уважения относятся к имперским деньгам и легко тратят их.

— В самом деле, — согласился Залзан Кавол. Холодный свет жадности заиграл на его лице. — Я тоже слышал об этом, только очень давно. Но мне никогда не выпадал случай проверить, правда ли это.

— Проверяйте без меня! — вдруг закричал

Слит.

Скандар бросил взгляд в его сторону.

— Что?

Слит выглядел страшно напряженным, как будто весь вечер жонглировал вслепую. Губы его побледнели, глаза неестественно светились.

— Если ты пойдешь в Илиривойн, — твердо сказал он, — я с тобой не пойду.

— А контракт? — спросил Залзан Кавол.

— Это не имеет значения. Ничто не заставит меня идти с тобой к метаморфам. Имперский закон там не имеет силы, и наш контракт аннулируется, как только мы войдем в резервацию. Я не люблю меняющих форму и отказываюсь рисковать жизнью и душой на их территории.

— Мы поговорим об этом позднее, Слит.

— Мой ответ и позднее будет таким же.

Скандар окинул взглядом всех.

— Хватит. Мы и так здесь слишком задержались. Спасибо тебе за помощь, — холодно обратился он к Лизамон.

— Желаю тебе выгодной поездки, — усмехнулась она и направилась в лес.

Поскольку они потеряли много времени из-за заблокированной дороги, Залзан Кавол решил ехать ночью, чего прежде они никогда не делали.

Валентин, безумно уставший после быстрого бега и жонглирования и слегка опьяневший от плода двикка, уснул, сидя в задней части фургона, и проспал до самого утра. Последнее, что он слышал, был ожесточенный спор о путешествии на территорию метаморфов. Делиамбер уверял, что слухи об опасности Илиривойна сильно преувеличены. Карабелла говорила, что Залзан Кавол предъявит иск Слиту, если тот нарушит условия контракта, а Слит с почти истерической убежденностью повторял, что он боится метаморфов и не подойдет к ним ближе чем на тысячу миль. Шанамир и Виноркис тоже опасались меняющих форму и говорили, что те угрюмы, лживы и опасны.

Проснувшись, Валентин обнаружил, что его голова покоится на коленях Карабеллы. В фургон вливался яркий солнечный свет. Они стояли в каком-то большом красивом парке с широкими серо-голубыми лужайками и стреловидными деревьями на высоких холмах.

— Где мы? — спросил Валентин.

— В окрестностях Мазадона. Скандар гнал, как сумасшедший, всю ночь, — ответила Карабелла и рассмеялась. — А ты спал как убитый.

Снаружи в нескольких ярдах от фургона Залзан Кавол и Слит затеяли жаркий спор. Маленький

блондин, казалось, разбух от ярости. Он ходил взад и вперед, бил кулаком по ладони, кричал, топал ногами, один раз чуть не бросился на скандара, который, как ни странно, был спокоен и выдержан. Он стоял, сложив все четыре руки, глядел сверху вниз на Слита и лишь изредка бросал холодную реплику.

Карабелла повернулась к Делиамберу.

— Это продолжается слишком долго. Колдун, ты не мог бы вмешаться, пока Слит не сказал что-нибудь по-настоящему грубое?

Вруун сохранял меланхолическое спокойствие.

— Ужас Слита перед метаморфами переходит всякие границы разумного. Может, это связано с посланием от Короля, которое он когда-то получил в Нарабале, когда его волосы побелели за одну ночь. А может, и нет. В любом случае ему лучше уйти из труппы, каковы бы ни были последствия.

— Но он нам нужен!

— Если он думает, что в Илиривойне его ждет что-то ужасное, можем ли мы требовать от него, чтобы он превозмог свой страх?

— Может быть, я смогу успокоить его? — предложил Валентин.

Он встал, чтобы выйти, но как раз в эту минуту в фургон влетел Слит. Лицо его потемнело и застыло. Не говоря ни слова, маленький жонглер начал кидать в мешок свои вещи, а затем выскочил из фургона и, по-прежнему разъяренный, не обращая внимания на Залзана Кавола, зашагал к видневшимся на севере пологим холмам. Все растерянно провожали его глазами, но никто не попытался догнать, пока он не скрылся из виду. Лишь тогда Карабелла сказала:

— Я пойду за ним. Я уговорю его.

Она побежала к холмам. Залзан Кавол окликнул ее, но она не ответила. Скандар, покачав головой, вызвал всех из фургона.

— Куда она пошла? — спросил он.

— Она попытается привести Слита обратно, — ответил Валентин.

— Безнадежно. Слит решил уйти из труппы. Я постараюсь, чтобы он пожалел об этом. Валентин, теперь на тебя падает больше ответственности, и я добавляю к твоему жалованью пять крон в неделю. Согласен?

Валентин кивнул. Он подумал о спокойном, доброжелательном, терпеливом Слите и ощутил горечь потери.

Скандар продолжал:

— Делиамбер, я, как ты уже, наверное, догадался, решил поискать для нас работу у метаморфов. Ты знаешь дорогу до Илиривойна?

— Я никогда там не был, — ответил вруун. — Но я знаю, где он.

— Какой путь самый близкий?

— Отсюда до Кинтора, я думаю, затем на восток миль четыреста на речном судне и от Верфа на юг — в резервацию. Дорога неважная, но достаточно широкая для фургона, как мне кажется. Я разузнаю о ней.

— Сколько времени займет весь путь?

— Вероятно, месяц, если не будет задержек.

— Как раз к фестивалю метаморфов, — кивнул Залзан Кавол. — Прекрасно! А какие задержки ты имеешь в виду?

— Обычные, — сказал Делиамбер. — Стихийные бедствия, поломки фургона, местные неприятности, преступники. В центре континента далеко не такой порядок, как на побережье. Путешествие в этих местах всегда связано с риском.

— Уж будь уверен! — раздался знакомый голос. — Тебе нужна защита!

Неожиданно появилась Лизамон Халтин. Она выглядела отдохнувшей и свежей, словно бы и не ехала верхом всю ночь, да и животное ее не

казалось особенно усталым.

— Как ты очутилась здесь так быстро? — удивился Залзан Кавол.

— Лесными тропами. Я хоть и велика размером, но все же не такая, как твой фургон, и могу проехать окольными путями. Ты едешь в Илиривойн?

— Да.

— Хорошо. Я так и знала. Я отправилась за тобой, чтобы предложить свои услуги. У меня нет работы, а ты едешь в опасные места — мы нужны друг другу. Могу обещать тебе благополучное прибытие в Илиривойн.

— Твои гонорары слишком высоки для нас.

Она усмехнулась:

— Ты думаешь, я всегда беру пять реалов за мелкую работу вроде той? Я запросила много, потому что вы меня разозлили, помешав мне обедать. Я проведу тебя в Илиривойн за пять реалов, независимо от того, сколько уйдет на это времени.

— Три, — сухо возразил Залзан Кавол.

— Ты ничему не научился? — Великанша плюнула под ноги скандару. — Я не торгуюсь. Иди в Илиривойн сам, без меня, и удачи тебе. Только я в ней сомневаюсь. — Она подмигнула Валентину. — А где еще двое?

— Слит отказался идти в Илиривойн. Он со скандалом ушел отсюда десять минут назад.

— Я его не осуждаю. А женщина?

— Она пошла за ним, чтобы уговорить его вернуться. Туда. — Валентин указал на тропу, петлявшую между холмами.

— Туда?!

— Да, между теми двумя холмами.

— В рощу плотоядных растений? — В голосе Лизамон звучало недоверие.

— В какую рощу? — переспросил Валентин.

— Плотоядные? Здесь? — воскликнул Дели-амбер.

— Для них отведен парк, — ответила Лизамон. — Но у подножия холмов висят предупреждающие знаки. Они пошли вверх по этой тропе пешком? Да защитит их Божество!

— Его пусть хоть дважды съедят, — раздраженно буркнул Залзан Кавол. — Но женщина мне нужна!

— И мне тоже, — сказал Валентин. Он обернулся к женщине-воину: — Может быть, если мы сразу поедем за ними, то сможем догнать их до того, как они попадут в рощу?

— Твой хозяин не хочет принять мои услуги.

— Пять реалов? — спросил Залзан Кавол. — От-

сюда до Илиривойна?

— Шесть, — холодно поправила она.

— Ладно, шесть. Только приведи их обратно! Хотя бы ее!

— Да, — с отвращением проговорила Лизамон, — вы народ бесчувственный, а я без работы, так что мы стоим друг друга. Возьми одно из этих животных, — велела она Валентину, — и следуй за мной.

— Ты хочешь взять его? — завыл скандар. — Тогда в моей труппе вообще не останется людей!

— Я приведу его обратно, — заверила она, — а если повезет, то и тех двоих тоже.

Она взгромоздилась на свое животное:

— Поехали!

Глава 7

Тропа к холмам шла слегка под углом. Голубовато-серая трава казалась бархатной. Трудно было поверить, что в этом прекрасном парке обитает что-то смертельно опасное. Когда они доехали до места, где тропа начала круто подниматься вверх, Лизамон Халтин хмыкнула и указала на деревянный столбик, воткнутый в землю. Рядом с ним, полускрытый травой, лежал упавший знак. Валентин увидел надпись на нем крупными красными буквами:

ОПАСНОСТЬ! ПЕШИЙ ПРОХОД ВОСПРЕЩЕН!

Слит, ослепленный своей яростью, не обратил внимания на знак, а Карабелла, видимо, очень спешила и тоже не заметила надпись или пренебрегла ею. Тропа круто поднималась, и за холмами уже не было травы, а только густой лес. Лизамон, ехавшая впереди, направила животное в таинственный влажный подлесок, где деревья со стройными, сильно ребристыми стволами росли далеко друг от друга и, подобно стеблям бобов, вздымались вверх и высоко над головой создавали густо переплетенный балдахин.

— Смотри, вот они, плотоядные растения, — показала великанша. — Отвратительная штука! Будь я хранителем этой планеты, я выжгла бы их все, но наши коронали считают себя любителями природы и сохраняют эти растения в королевских парках. Молись, чтобы у твоих друзей хватило ума держаться от них подальше.

Валентин увидел на открытых местах между деревьями колоссальные растения без стеблей. Листья четырех-пяти дюймов шириной и восьми-девяти футов длиной, зазубренные по краям, с металлическим блеском, образовывали свободные розетки. В центре каждой зияла глубокая чаша в фут диаметром, наполовину наполненная зеленоватой жидкостью, из которой в сложном порядке торчали какие-то органы, похожие на лезвия ножей, которые могли смыкаться со страшной силой, и что-то еще, частично затопленное, — возможно, мелкие цветы.

— Это плотоядные растения, — объяснила Лизамон. — Земля здесь пронизана их охотничьими усами, которые реагируют на мелких животных, захватывают их и несут ко рту. Вот смотри.

Она направила свое животное к ближайшему растению. Они были еще футах в двадцати, а из земли уже показалось что-то вроде живого кнута.

Оно выскочило со страшным щелканьем и мгновенно обвилось вокруг задней ноги животного как раз над копытом. Животное, спокойное, как всегда, обнюхало ус, усиливающий давление и пытающийся тянуть жертву к раскрытой пасти в центре розетки. Женщина-воин достала свой вибрационный меч, наклонилась и быстро перерубила ус. Он отлетел в сторону, но тут же из земли со всех сторон вылезла дюжина других.

— Им не хватает силы сразу затащить крупное животное в свои челюсти, но оно не может освободиться, слабеет и умирает, и тогда растение по частям подтягивает его. Одному растению такого количества мяса хватит на год.

Валентин вздрогнул. Карабелла в этом страшном лесу! Это ужасное растение навеки заглушит ее нежный голос! Ее быстрые руки, ее блестящие глаза… Нет! Страшно было даже представить, что ее не станет.

— Как мы найдем их? — спросил он. — Может быть, уже поздно…

— Как их зовут? — спросила Лизамон. — Кричи, зови их. Они должны быть недалеко.

— Карабелла! — отчаянно закричал Валентин. — Слит! Карабелла!

Через секунду он услышал слабый ответный

крик, но Лизамон среагировала раньше и немедленно двинулась вперед. Валентин увидел вдали Слита. Тот стоял на одном колене, которое глубоко погрузилось в землю и удерживало его на месте, хотя усы пытались его тащить за другую ногу. Позади него, пригнувшись, стояла Карабелла и отчаянно старалась оттащить его. Повсюду вокруг них щелкали и свивались в кольца усы соседних плотоядных растений. Слит тщетно пилил ножом вцепившийся в него мощный ус. На мягкой почве остался след, свидетельствовавший, что Слита уже проволокли на четыре или пять футов к ожидающей пасти. В борьбе за жизнь он уступал дюйм за дюймом.

— Помогите! — кричала Карабелла.

Ударом меча Лизамон разрубила ус, державший Слита. Его резко швырнуло вперед, он развернулся и заметил, что ус другого растения готовится схватить его за горло. С ловкостью акробата Слит откатился в сторону и встал на ноги. Женщина-воин схватила его поперек груди, подняла и быстро посадила позади себя. Валентин подъехал к Карабелле, которая, дрожа, стояла в безопасном месте между двумя рядами хлеставших в воздухе усов, и втащил ее на спину своего животного. Она вцепилась в Валентина так крепко, что у него

затрещали ребра.

Он обернулся и обнял ее, нежно поглаживая и испытывая при этом безумную радость. Он до сих пор не сознавал, как много она значила для него, а теперь не мог думать ни о чем ином, кроме того, что с ней все в порядке. Ужас постепенно оставил ее, но она все еще дрожала.

— Еще минута, — прошептала Карабелла, — и Слит погиб бы. Я чувствовала, как он скользит к этому растению. А как здесь оказалась Лизамон?

— Она проехала через лес каким-то коротким путем. Залзан Кавол нанял ее, чтобы она защищала нас на пути в Илиривойн.

— Она уже отработала свой гонорар, — сказала Карабелла.

— За мной! — приказала Лизамон.

Она выбрала безопасную дорогу из этой рощи, но тем не менее плотоядные растения дважды ловили за ногу ее животное, и один раз — животное Валентина. Великанша расправилась с усами, и скоро роща оказалась позади. Скандары громко приветствовали их возвращение.

Залзан Кавол холодно оглядел Слита.

— Ты выбрал неудачный путь для своего ухода, — заметил он.

— Не более неудачный, чем тот, который вы-

брал ты, — ответил Слит. — Прошу извинить меня. Я пойду пешком в Мазадон и поищу какой-нибудь работы.

— Подожди, — остановил его Валентин.

Слит вопросительно взглянул на него.

— Давай поговорим. Пройдемся.

Валентин обнял за плечи маленького жонглера и отвел его в сторону, пока скандар не вызвал у Слита новый приступ гнева. Слит был напряжен и насторожен.

— В чем дело, Валентин?

— Без моего участия Залзан Кавол вряд ли нанял бы великаншу, и тобой уже лакомилось бы плотоядное растение.

— Спасибо тебе.

— Я хочу от тебя большего, чем спасибо. Ты мне, можно сказать, в какой-то мере обязан жизнью.

— Пожалуй.

— В ответ я прошу, чтобы ты вернулся в труппу.

Глаза Слита вспыхнули.

— Ты не знаешь, о чем просишь!

— Метаморфы чуждые и несимпатичные существа, это верно. Но Делиамбер говорит, что они вовсе не так опасны, как все думают. Останься в труппе, Слит.

— Ты считаешь меня капризным?

— Отнюдь. Но ты ведешь себя странно.

Слит покачал головой:

— Однажды мне было послание от Короля, поведавшее о том, что метаморфы приготовили мне страшную участь. Человек должен прислушиваться к таким посланиям. Я не хочу и близко подходить к месту, где живут эти создания.

— Послания не всегда надо понимать буквально.

— Согласен. Но часто бывает и так. Я видел во сне, что у меня есть жена, которую я люблю даже больше, чем свое искусство. Она жонглировала со мной, как Карабелла, только в гораздо более тесном контакте, настолько созвучно со мной, что мы как бы составляли единое целое. — На исцарапанном лице Слита выступил пот, он запнулся, как бы не в силах продолжать, но через минуту заговорил снова: — Я увидел во сне, как метаморфы пришли и украли мою жену, а мне подсунули женщину из своих, подделанную так ловко, что я не заметил разницы. Дальше я видел, как мы выступали перед короналем, лордом Малибором, который правил тогда и который вскоре утонул, и наше жонглирование было великолепным. Мы достигли такой гармонии, равной которой я не

встречал в жизни, и корональ угостил нас хорошим мясом и вином, предоставил нам спальню, обитую шелком. Я обнял свою жену и стал ласкать ее, а она преобразилась в моих объятиях. В моей постели лежала женщина-метаморф, страшное существо с шершавой серой кожей, хрящами вместо зубов и грязными лужами вместо глаз. И это существо целовало меня и прижималось ко мне. С тех пор я не касался тела женщины, боясь, что такое существо может попасть в мои объятия и наяву. Я никому об этом не рассказывал, и мне невыносима мысль о том, чтобы ехать в Илириволн и оказаться в окружении этих созданий с изменяющимися лицами и телами.

Душа Валентина наполнилась состраданием. Не говоря ни слова, он обнял Слита, как будто мог одной только силой своих рук уничтожить воспоминание о кошмаре, изувечившем душу жонглера. Затем отпустил его и сказал:

— Это поистине ужасный сон. Но нас учили использовать наши сны в своих интересах, а не позволять им уничтожать нас.

— Друг мой, я не могу использовать этот сон. Он только лишь предупреждает меня, чтобы я не приближался к метаморфам.

— Ты понимаешь его слишком буквально. Нет

ли в нем чего-то скрытого? Ты не говорил с толкователем снов, Слит?

— По-моему, это ни к чему.

— А меня ты заставлял искать толкователя, когда в Пидруиде я видел странные сны! Я отлично помню твои слова: «Король никогда не посылает простых посланий!»

Слит иронически улыбнулся:

— Все мы мастера давать советы другим. Во всяком случае, теперь поздно говорить о сне пятнадцатилетней давности — я его пленник.

— Освободись!

— Как?

— Когда ребенок видит во сне, как падает, и в страхе просыпается, что говорят ему родители? Что такой сон не надо принимать всерьез, потому что во сне никто еще не ушибся на самом деле. Или скажут, что ребенок должен быть рад падению во сне, потому что такой сон — к добру, говорит о мощи и силе, что ребенок не падал, а летел к тому месту, где он чему-то мог научиться, если бы не испугался и не стряхнул с себя грезы сна. Верно?

— Ребенок должен быть благодарен за такой сон, — сказал Слит.

— Вот именно. И так со всеми «страшными»

снами: «Вы не должны бояться, — говорят они нам, — а быть благодарными за мудрость сна и действовать согласно ему».

— Так говорят детям. Хотя они часто даже лучше справляются с такими снами, чем взрослые. Я помню, как ты кричал и всхлипывал во сне, Валентин.

— Я пытаюсь узнать что-то из моих снов, как бы темны они ни были.

— Чего ты хочешь от меня, Валентин?

— Чтобы ты поехал с нами в Илиривойн.

— Почему это тебе так важно?

— Ты великолепный жонглер. Все держится на тебе, а без тебя труппа развалится.

— Скандары — отличные мастера. Едва ли имеет значение, что делают люди-жонглеры. Карабелла и я в труппе по той же причине, что и ты, — чтобы соблюсти дурацкий закон. Вы будете получать свою плату, останусь я или уйду.

— Но я учусь у тебя.

— Будешь учиться у Карабеллы. Она так же ловка, как и я, к тому же вы любите друг друга, и кто знает, может, ты будешь работать лучше меня. И дай тебе Бог не потерять Карабеллу в Илиривойне!

— Этого я не боюсь, — ответил Валентин. Он

протянул руку Слиту. — Ты очень нужен мне.

— Почему?

— Ты мне дорог.

— И ты мне дорог, Валентин. Но мне очень тяжело идти туда, куда ведет нас Залзан Кавол. Почему ты так хочешь усилить мои страдания?

— Ты можешь излечиться от этих страданий, если поедешь в Илиривойн и увидишь, что метаморфы всего лишь безвредные дикари.

— Моя боль не мешает мне жить, — возразил Слит. — А цена за излечение, по-моему, слишком высока.

— Мы можем жить с самыми страшными ранами. Но почему не попытаться вылечить их?

— Ты чего-то недоговариваешь, Валентин.

Валентин медленно перевел дух.

— Верно.

— Чего же?

После некоторого колебания Валентин спросил:

— Слит, ты видел меня в своих снах после нашей встречи в Пидруиде?

— Да.

— Как именно?

— Разве это имеет значение?

— Не видел ли ты во сне, что я не совсем такой,

как остальные обитатели Маджипура, более силен и властен, чем даже сам предполагаю?

— С первой же нашей встречи мне сказали об этом твоя осанка и манера держать себя. Об этом же говорили и твоя феноменальная ловкость, с какой ты учился нашему искусству, и содержание твоих снов, о которых ты мне рассказывал.

— Кем я был в твоих снах, Слит?

— Личностью властной и благородной, обманом скинутой со своего высокого места. Может быть, принцем, герцогом…

— А не выше?

Слит облизал пересохшие губы:

— Да, выше, возможно. Чего ты добиваешься от меня, Валентин?

— Чтобы ты сопровождал меня в Илиривойн и дальше.

— Ты хочешь сказать, что виденное мной во сне — правда?

— Это я еще должен узнать, — ответил Валентин. — Но думаю, это правда. Должно быть правдой. Послания говорили мне, что все это правда.

— Мой лорд, — прошептал Слит.

— Возможно.

Слит ошеломленно посмотрел на него и опу-

стился на колени. Валентин быстро поднял жонглера.

— Не надо. Могут увидеть. Я не хочу никого посвящать в это. Кроме того, у меня еще много сомнений. Ты не должен вставать передо мной на колени, изображать символ Горящей Звезды или что-нибудь подобное, поскольку я сам еще не вполне уверен в истине.

— Мой лорд…

— Я остаюсь Валентином-жонглером.

— Мне очень страшно, мой лорд. Сегодня я был в двух шагах от ужасной смерти, но сейчас мне страшнее стоять здесь и вот так разговаривать с тобой.

— Зови меня Валентином.

— Как я смею?

— Ты звал меня Валентином всего пять минут назад.

— То было раньше.

— Ничего не изменилось, Слит.

— Все изменилось, мой лорд.

Валентин тяжело вздохнул. Он чувствовал себя самозванцем, мошенником, обманывающим Слита, но другого выхода, похоже, не было.

— Если все изменилось, значит, по моему приказу ты должен следовать за мной даже в

Илиривойн?

— Если я должен, — растерянно проговорил Слит.

— Никакого вреда метаморфы тебе не причинят. Ты уйдешь от них, излечившись от той боли, которая гложет тебя. Можешь ты поверить этому, Слит?

— Я боюсь туда идти.

— Ты нужен мне в пути, — настаивал Валентин. — И не по своей воле я отправляюсь в Илиривойн. Я прошу тебя идти со мной.

Слит склонил голову.

— Я обязан, мой лорд.

— Прошу тебя, Слит, зови меня Валентином и, как и прежде, не оказывай мне почестей в присутствии других.

— Как пожелаешь… — ответил Слит.

— Валентин.

— Валентин, — с трудом повторил Слит. — Как пожелаешь, Валентин.

— Пошли.

Он повел Слита к труппе. Залзан Кавол, как обычно, нетерпеливо расхаживал взад и вперед. Его братья готовили фургон к отъезду. Валентин обратился к скандару:

— Я уговорил Слита. Он поедет с нами в Или-

ривойн.

Залзан Кавол недоверчиво взглянул на него.

— Как тебе это удалось?

— Да, — заинтересовался Виноркис, — что ты ему сказал?

— Это долго объяснять, — весело улыбнулся Валентин.

Глава 8

Теперь они продвигались быстрее. Фургон мчался по тракту весь день, а иной раз захватывал и вечер. Лизамон Халтин ехала рядом. Ее животное, несмотря на свою выносливость, больше нуждалось в отдыхе, чем те, которые тянули фургон: нести такое огромное тело было нелегко любому. Так что иногда Лизамон отставала. От города к городу они пересекали довольно унылую местность. Очень скромные полоски зелени присутствовали там только ради соблюдения буквы закона. Миллионы жителей этой провинции занимались торговлей, поскольку Мазадон был воротами всего северо-западного Зимроэля для восточных товаров и главным перевалочным пунктом сухопутной перевозки товаров из Пидруида и Тил-омона на восток. Они быстро проехали через вереницу похожих друг на друга и ничем не примечательных городов: Кинтион, Аиуртель и Дойректин, сам Мазадон, Бургакс и Тагобар, тихие и печальные по случаю траура. Повсюду были развешаны желтые ленты — знак скорби. Валентин считал, что это очень тяжело для народа — закрыть всю провинцию из-за смер-

ти герцога. «Что они будут делать, — подумал он, — когда умрет понтифекс? Как они реагировали на преждевременную смерть короналя лорда Вориакса два года назад?» Возможно, конечно, что смерть местного герцога на самом деле очень опечалила их, ведь он был фигурой осязаемой, реальной. Он жил среди них. В то время как для народа Зимроэля, отделенного тысячами миль от Горного замка и Лабиринта, властители Маджипура в значительной мере были фигурами мифическими, легендарными, абстрактными. На такой громадной планете никакое централизованное правление не могло быть по-настоящему эффективным. Валентин подозревал, что стабильность Маджипура в основном зависит от общественного договора, по которому местные правители — провинциальные герцоги и муниципальные мэры — соглашались поддерживать и проводить в жизнь эдикты имперского правительства, при условии, что могут действовать на местах по своему усмотрению. «Как же такой договор может соблюдаться, если корональ не посвященный и помазанный принц, а неведомый узурпатор, лишенный милости Божества, благодаря которой держится столь хрупкая социальная конструкция?» — спрашивал он себя.

В долгие, спокойные, монотонные часы путешествия Валентин все больше задумывался над такими вопросами. Серьезность этих размышлений удивляла его, ибо ему более привычна была бездумная жизнь первых дней в Пидруиде, а теперь он чувствовал, как постепенно обогащается и усложняется его мыслительный процесс, как будто чары, наложенные на него, рассеивались и сквозь них пробивался его истинный интеллект.

Если это так, значит, он на самом деле подвергся воздействию магии, в чем постепенно уверялся все больше и больше.

Его сомнения таяли с каждым днем, но все-таки они еще оставались.

Во сне он теперь часто видел себя у власти. В одну ночь он, а не Залзан Кавол, руководил труппой жонглеров, а в другую он в одежде принца возглавлял какой-то высокий совет метаморфов, казавшихся ему странными туманными призраками, которые не могли удержать определенную форму дольше минуты. В следующую ночь он увидел себя на рыночной площади в Тагобаре в роли судьи, разбирающего мелкие, но шумные споры торговцев одеждой и продавцов браслетов.

— Вот видишь, — сказала Карабелла, — все сны говорят о власти и величии.

— Власть? Величие? Сидеть на рынке и разбирать дела продавцов льна и хлопка?

— Во снах многое изменяется. Эти видения — метафоры высшего порядка.

Валентин улыбнулся.

Однажды ночью, когда они были неподалеку от Кинтора, к нему пришло наиболее ясное видение его предполагаемой прошлой жизни. Он находился в комнате, отделанной панелями из самых красивых и редких пород дерева: сверкающими полосами симотана, банникопа и темного болотного красного дерева. Он сидел за остроугольным палисандровым столом и подписывал документы. Справа висел герб Горящей Звезды, рядом замерли в ожидании приказа послушные секретари. За расположенным напротив громадным закругленным окном открывалось безбрежное море воздуха, внизу просматривался титанический склон Замковой горы. Что это было? Фантазия? Или мелькнувший на мгновение фрагмент глубоко запрятанного прошлого, которое пытается вырваться на свободу и всплывает во время сна, чтобы приблизиться к поверхности его сознания? Он подробно описал все увиденное Карабелле и Делиамберу, надеясь, что те знают, как в действительности выглядит каби-

нет короналя, но они имели об этом не больше представления, чем о том, что подают на завтрак понтифексу. Вруун спросил Валентина, каким он виделся себе, когда сидел за палисандровым столом: золотоволосым, как Валентин из жонглерского фургона, или брюнетом, как корональ, который совершал торжественное шествие через Пидруид и западные провинции.

— Темноволосым, — тут же ответил Валентин и вдруг нахмурился. — Но так ли? Ведь я сидел за столом и не видел себя. Однако же…

— В мире сна мы часто видим себя как бы со стороны, — заметила Карабелла.

— Может, я был и блондином, и брюнетом — сначала одним, потом другим? Переход ускользает от меня. Сначала один, потом другой, да?

— Да, — кивнул Делиамбер.

После многодневного утомительного пути они добрались почти до Кинтора — главного города северной части центрального Зимроэля. Вокруг него было множество озер, высоких холмов и темных непроходимых лесов. По дороге, выбранной Делиамбером, фургон шел через юго-западные предместья города, называемые Горячим Кинтором, потому что здесь встречались и шипящие гейзеры, и широкое розовое озеро, зловеще буль-

кавшее и пузырившееся, и разломы, из которых каждые пять минут вылетали облака зеленоватого газа, сопровождаемые рыгающим звуком и глубоким подземным стоном. Небо здесь отяжелело от густых облаков цвета потускневшего жемчуга, и, хотя в этой части страны лето еще не кончилось, с севера дул резкий, пронзительный, по-осеннему холодный ветер.

Собственно от города Горячий Кинтор отделяла река Зимр, самая большая в Зимроэле. Когда путешественники, уже привыкшие пробираться по старинным узким улочкам, вышли к ней, они внезапно оказались на широкой улице с аллеей посередине, ведущей к мосту Кинтора. Валентин разинул рот от удивления.

— В чем дело? — спросила Карабелла.

— Река… Я никогда не думал, что есть такие большие.

— Ты не видел рек?

— Я могу сравнивать лишь с Пидруидом, а до него ничего не помню.

— В мире нет реки, сравнимой с Зимром, — заметил Слит. — Не мешай ему удивляться, Карабелла.

Направо и налево, насколько хватало глаз, темные воды Зимра уходили за горизонт. Река была

в этом месте так широка, что больше походила на залив. Валентин едва мог разглядеть квадратные башни Кинтора на другом берегу. Над водой висели восемь или десять мощных мостов. Они были так велики, что осталось загадкой, как их вообще удалось построить. Тот, что находился прямо перед ними, мост Кинтора, был шириной в четыре тракта. От берега до берега, сплетаясь между собой, громадными скачками поднимались, опускались и снова поднимались широкие арки. Чуть ниже по реке стоял мост совершенно иной конструкции: тяжелое кирпичное ложе покоилось на поразительно высоких мостовых быках. Вверх по течению искрился и переливался мост, сделанный как будто из стекла.

Делиамбер пояснил:

— Это мост Короналя, справа — мост Понтифекса, а дальше, вниз по течению, — мост Снов. Все они древние и знаменитые.

— Но зачем строить мосты там, где река такая широкая? — недоумевающе спросил Валентин.

— Здесь одно из самых узких мест, — ответил Делиамбер.

Длина Зимра, по словам врууна, достигала семи тысяч миль. Он начинался северо-западнее Дюлорна, в самом конце Ущелья, и шел на

юго-восток через весь верхний Зимроэль к прибрежному городу Пилиплоку на Внутреннем море. Эта судоходная по всей длине, быстрая и феноменально широкая река стремительно неслась, извиваясь, как змея. На ее берегах стояли сотни богатых городов, главных внутренних портов, самым западным из которых был Кинтор. Почти вплотную к городу, едва различимые в облачном небе, подходили с северо-востока зазубренные пики Граничий Кинтора — девяти громадных гор, на холодных склонах которых жили племена суровых и мужественных охотников. Этот народ часто бывал в Кинторе, чтобы обменять шкуры и мясо на промышленные товары.

В эту ночь в Кинторе Валентин увидел во сне, что входит в Лабиринт для совещания с понтифексом. Сон был явственным, до боли отчетливым. Валентин стоял под холодным зимним солнцем на голой равнине и видел перед собой храм без крыши, с ровными белыми стенами, которые, как сказал ему Делиамбер, служили воротами в Лабиринт. С ним были вруун, Лизамон и Карабелла, все в защитных очках. Но когда Валентин ступил на голую гладкую платформу между белыми стенами, он оказался один. Дорогу ему преградило зловещее и ужасное существо чуждой формы

жизни. Оно не принадлежало ни к одной из нечеловеческих рас, издавна поселившихся на Маджипуре. В нем было что-то таинственное и тревожащее: мускулистые толстые руки, красная кожа, срезанная под тупым углом голова и сверкающие желтые глаза, горевшие нестерпимой злобой. Низким звучным голосом существо спросило Валентина, какое у него дело к понтифексу.

— Нужно починить мост Кинтора, — ответил Валентин. — Заниматься этим — древняя обязанность понтифекса.

Желтоглазое чудовище засмеялось:

— Ты думаешь, понтифексу есть до этого дело?

— Я обязан просить его о помощи.

— Ладно, иди.

Страж портала поклонился с ядовитой вежливостью и отошел в сторону. Как только Валентин прошел мимо него, существо мрачно рыкнуло и захлопнуло ворота. Назад хода не было. Перед Валентином тянулся узкий винтовой коридор, залитый слепящим белым светом. Много часов Валентин спускался по спиралевидной дороге. Затем стены коридора расширились, и он оказался перед другим белокаменным храмом без крыши, а может быть, перед тем же самым, поскольку краснокожая тварь снова преградила ему путь,

ворча с необъяснимой злобой:

— Вот понтифекс.

Валентин заглянул в темную комнату и увидел на троне имперского правителя Маджипура, одетого в черное и алое, с королевской тиарой на голове. Понтифекс Маджипура был многоруким и многоногим чудовищем с человеческим лицом, но с крыльями дракона. Сидя на троне, он визжал и ревел как сумасшедший. С губ понтифекса слетали страшные свистящие звуки, исходивший от него запах был нестерпимо отвратительным, черные кожистые крылья с силой рассекали воздух, обдавая Валентина холодным ветром.

— Ваше величество, — с поклоном приветствовал его Валентин. — Ваше величество.

— Ваше лордство, — ответил понтифекс.

Он захохотал, потянулся к Валентину и подтащил его к себе. Валентин оказался на троне, а понтифекс с безумным хохотом вылетел в ярко освещенный коридор, громко хлопая крыльями и вереща, пока не исчез из виду.

Валентин проснулся мокрым от пота в объятиях Карабеллы, которая казалась испуганной, словно сама была свидетельницей его ужасного сна. Не говоря ни слова, она продолжала обнимать его, пока он не осознал, что проснулся.

— Ты три раза кричал, — сказала она, нежно гладя его по щекам.

— Иногда, — ответил он, — во сне устаешь больше, чем наяву. — Он выпил вина из фляжки. — Мои сны — тяжелый труд, Карабелла.

— Многое в твоей душе ищет своего выражения, мой лорд.

— И выражает себя весьма энергично, — заметил Валентин, кладя голову ей на грудь. — Если сны — источник мудрости, я молюсь, чтобы до зари не стать еще мудрее.

Глава 9

В Кинторе Залзан Кавол купил места для труппы на речном судне, идущем к Ни-мойе и Пилиплоку. Они должны были спуститься по реке до небольшого города Верфа — ворот на территорию метаморфов.

Валентин сожалел, что приходится сходить с судна в Верфе, когда запросто можно за десять или пятнадцать реалов проделать весь путь до Пилиплока и сесть на корабль, плывущий к Острову Сна. Ведь больше всего он стремился попасть не в резервацию меняющих форму, а на Остров Повелительницы Снов, где он, может быть, найдет объяснение мучивших его видений. Но пока это было невозможно.

«Нельзя торопить судьбу», — подумал Валентин. Все события шли своим чередом и вели к какой-то еще не совсем ясной цели. Он уже не был тем веселым и простодушным бездельником, который однажды явился в Пидруид. Хотя он еще не вполне сознавал, кем был и кем ему предстоит стать, Валентин ощущал в себе серьезные внутренние перемены. Границы перейдены, и обратного пути нет. Он видел себя актером,

участвующим в какой-то длинной и запутанной драме, завершающие сцены которой по-прежнему смутно вырисовывались далеко впереди.

Речное судно было довольно нелепым сооружением, хотя и не лишенным своеобразной красоты. Морские корабли, вроде тех, что стояли в порту Пидруида, были крепкими и изящными, потому что от гавани до гавани им приходилось преодолевать тысячи миль. Речное же судно для недолгого путешествия было приземистым и широким, больше напоминавшим плавучую платформу, чем корабль. Словно стремясь компенсировать отсутствие элегантности, строители соорудили на нем громадный парящий мостик, с тремя фигурами спереди, раскрашенными в красные и желтые тона, оборудовали огромную центральную палубу, напоминающую деревенскую площадь, со статуями, павильонами и игорными помещениями, а на корме поставили предназначенную для пассажиров надстройку в несколько палуб. На нижних палубах размещались грузовые трюмы, обеденные залы, каюты для пассажиров третьего класса и команды, машинное отделение, откуда торчали две гигантские, изогнутые, словно дьявольские рога, дымовые трубы. Весь каркас судна был деревян-

ным: на Маджипуре экономили металл, а камень не годился для постройки кораблей — и плотники изощрялись, украшая чуть ли не каждый квадратный фут поверхности резными панелями, выступами и тому подобным.

В ожидании отплытия Валентин, Карабелла и Делиамбер обошли палубу и увидели на ней жителей множества областей, представлявших все расы Маджипура: горцев с Граничий Кинтора, гэйрогов в пышных нарядах, жителей влажных южных районов в легких белых одеяниях, путешественников в роскошных красных и зеленых одеждах (по мнению Карабеллы — из западного Алханроэля) и многих других.

Вездесущие лиимены продавали неизменные сосиски, навязчивые хьорты в корабельной форме важно расхаживали, давая информацию и советы и тем, кто просил, и тем, кто не просил об этом.

Семья су-сухирисов в прозрачных зеленых одеждах привлекала внимание своими двухголовыми телами и надменными манерами. Они проплывали сквозь толпу, как посланцы мира сна, и все непроизвольно расступались перед ними. Была на палубе и небольшая группа метаморфов.

Первым увидел их Делиамбер. Маленький врун щелкнул клювом и коснулся руки Валентина.

— Смотри. Будем надеяться, что Слит их не видит.

— Которые? — спросил Валентин.

— У поручней. Стоят отдельно от всех, и видно, что встревожены. Они в своей естественной форме.

Валентин вгляделся. Их было пятеро: судя по всему, взрослые мужчина, женщина и трое младших — стройные, угловатые, длинноногие существа с болезненного вида желтовато-зеленой кожей. Взрослые были выше Валентина и выглядели хрупкими и непрочными. Строение их лиц напоминало бы человеческое, если бы не острые, как лезвия, скулы, почти полное отсутствие губ, уменьшенный до бугорка нос и косо поставленные, наклоненные к центру длинные и узкие глаза без зрачков. Валентин не мог решить, как держат себя метаморфы — надменно или застенчиво, но было ясно, что эти представители древней расы, потомки тех, кто владел Маджипуром до прихода четырнадцать тысяч лет назад первых, рожденных на Земле, поселенцев, чувствуют себя на этом корабле среди врагов. Он не мог отвести от них глаз.

— А как они меняют форму?

— Кости у них не соединяются, как у большинства других рас, — ответил Делиамбер. — Усилием мышц они сдвигаются и образуют новый рисунок. Кроме того, их кожа содержит имитирующие клетки, позволяющие менять цвет и текстуру. Есть и многое другое. Взрослый метаморф может измениться почти мгновенно.

— А зачем это им?

— Кто знает? Вполне возможно, что метаморфы не понимают, зачем нужны этому миру расы, не умеющие изменять форму. Вероятно, это для них важно и представляет какую-то ценность.

— Очень малую, — язвительно сказала Карабелла, — если при таких возможностях у них отняли планету.

— Изменения формы недостаточно для защиты, — ответил Делиамбер, — особенно когда сталкиваешься с людьми, которые путешествуют меж звездами.

Метаморфы поразили Валентина. Для него они являлись артефактами далекой истории Маджипура, археологическими реликтами, выжившими с тех времен, когда здесь не было ни людей, ни скандаров, ни вруунов и только один этот хрупкий зеленый народ бродил по колос-

сальной планете. До того, как пришли поселенцы — по существу, завоеватели. Как давно это было! Ему очень хотелось увидеть, как они преображаются, скажем, в скандара или лиимена. Но они оставались в своей естественной форме.

Из толпы внезапно появился возбужденный Шанамир, схватил Валентина за руку и выпалил:

— Ты знаешь, кто с нами на борту? Я слышал разговор грузчиков. Целая семья меняющих…

— Потише, — остановил его Валентин. — Вот они.

Мальчик взглянул на метаморфов и вздрогнул.

— Какие же они отвратительные!

— Где Слит?

— Он на мостике с Зализаном Каволом. Хотят получить разрешение на вечернее представление. Если он увидит их…

— Рано или поздно ему придется с ними встретиться, — прошептал Валентин. Он обратился к Делиамберу: — Они редко появляются вне резервации?

— Они живут повсюду, но всегда небольшими группами и почти никогда в естественной форме. В Пидруиде их, говорят, одиннадцать, в Фалкинкипе — шесть, в Дюлорне — девять…

— В другой форме?

— Да, в виде гэйрогов, хьортов или людей — как где удобнее.

Метаморфы решили уйти с палубы. Они шли с большим достоинством, но в отличие от су-сухирисов без всякой надменности. Наоборот, они, похоже, старались не привлекать излишнего внимания.

— Они живут на своей территории по своей воле или по принуждению? — спросил Валентин.

— И то и другое, я думаю. Когда лорд Стиамот завершил завоевание, он вынудил их уйти из Алханроэля. Но Зимроэль был тогда мало населен, за исключением побережья, и их пустили вглубь страны. Они выбрали территорию между Зимром и южными горами, подступы к которой можно легко контролировать, и поселились там. Теперь уже стало традицией, что метаморфы живут только на этой территории, если не считать немногих обитающих в других городах. Но я не знаю, имеют ли эти традиции силу закона. Наверняка они обращают мало внимания на указы, исходящие из Лабиринта или Горного замка.

— Если имперские законы так мало для них значат, то не слишком ли мы рискуем, направляясь в Илиривойн?

Делиамбер засмеялся:

— Дни, когда метаморфы нападали на пришельцев только из жажды мести, давно прошли, как меня заверили. Это скучный и угрюмый народ, но они не станут вредить нам, и мы, скорее всего, уйдем из их страны нагруженными звонкой монетой, которую так любит Залзан Кавол. А вот и он сам.

Появились сияющий самодовольством скандар и Слит.

— Мы договорились о представлении, — объявил Залзан Кавол. — Пятьдесят крон за час работы сразу после обеда! Покажем им простейшие трюки. Зачем нам лезть из кожи вон, пока мы не в Илиривойне?

— Нет, — возразил Валентин. — Мы должны показать самое лучшее. — Он твердо взглянул на Слита. — На борту этого судна группа метаморфов. Они могут рассказать в Илиривойне о нашем высоком мастерстве.

— Разумно, — кивнул Залзан Кавол.

Слит был испуган и подавлен. Ноздри его дрожали, губы сжались. Он делал левой рукой священные знаки. Валентин повернулся к нему и сказал, понизив голос:

— Начинается лечение. Жонглируй для них

вечером, как для придворных понтифекса.

— Они мои враги! — прохрипел Слит.

— Не эти. Они не из твоего сна. Те причинили тебе такую боль, какую только смогли. И это было давно.

— Мне тяжко быть с ними на одном корабле.

— Ничего не поделаешь, — ответил Валентин. — И их только пятеро. Хорошая репетиция встречи, которая ждет нас в Илиривойне.

— Илиривойн…

— Нам не избежать его. Ты обещал мне, Слит…

Слит некоторое время молча смотрел на Валентина.

— Да, мой лорд, — наконец прошептал он.

Они разыскали спокойное место на нижней палубе и начали репетировать с дубинками. Поначалу они странным образом поменялись ролями: Валентин жонглировал безупречно, а Слит, словно новичок, то и дело ронял дубинки и несколько раз ушиб пальцы. Но через несколько минут опыт и мастерство одержали верх. Дубинки замелькали в воздухе, причем рисунок обмена был таким сложным, что Валентин быстро выдохся и в конце концов попросил Слита остановиться и вернуться к более знакомым каскадам.

В тот же вечер они дали представление на

палубе — первое после импровизированного выступления перед лесными братьями. Залзан Кавол составил программу, которую они еще никогда не показывали публике. Жонглеры разделились на три группы: Слит, Карабелла и Валентин, Залзан Кавол, Телкар и Гибор Хаэрн, Хейтраг Кавол, Роворн и Ерфон Кавол — и начали одновременный тройной обмен в одном и том же ритме. Одна группа скандаров жонглировала ножами, другая — горящими факелами, а люди — серебряными дубинками.

Это был один из самых трудных тестов на ловкость, какие до сих пор выполнял Валентин. Симметрия работы требовала совершенства. Уронить хоть один предмет из девяти значило погубить все зрелище. Валентин был самым слабым звеном, тем не менее успех всего выступления зависел и от него.

Он не уронил ни одной дубинки, и, когда жонглеры закончили представление ливнем высоких бросков и ловких захватов, раздались бурные аплодисменты. Кланяясь, Валентин заметил, что семья метаморфов сидела в первых рядах. Он искоса глянул на Слита, который кланялся снова и снова, с каждым разом все ниже.

Сойдя с подмостков, Слит сказал:

— Я увидел их, когда мы начали, и тут же забыл о них. Забыл, Валентин! — Он засмеялся. — Они ничуть не похожи на то создание, которое я видел во сне.

Глава 10

В эту ночь труппа спала в сыром переполненном трюме. Валентин кое-как примостился на тонкой подстилке между Шанамиром и Лизамон. Близкое соседство женщины-воина, казалось, гарантировало, что уснуть Валентину не удастся, потому что ее храп походил на яростное и назойливое жужжание, а страх, что эта гора может повернуться и раздавить его, еще более отвлекал от сна. Несколько раз она и в самом деле наваливалась на него, и ему едва удавалось освободиться. Но вскоре храп прекратился, и Валентин уснул.

Во сне он увидел себя короналем, лордом Валентином с оливковой кожей и черной бородой. Он снова жил в Горном замке и владел печатями Власти, а затем оказался в южном городе, влажном тропическом месте с гигантскими лианами и яркими красными цветами. Он знал, что это Тил-омон, расположенный почти на окраине Зимроэля, и что он присутствует там на большом пиру в его честь. За столом сидел и другой высокий гость — Доминин Барджазид, третий сын Короля Снов. Доминин Барджазид наливал вино,

произносил тосты, провозглашал здравицы в честь короналя и предсказывал ему достойное и славное правление, которое может встать в один ряд с правлениями лорда Стиамота, лорда Престимиона и лорда Конфалюма. Лорд Валентин пил и смеялся, сам предлагал тосты за хозяина — мэра Тил-омона, и за герцога провинции, и за Симонана Барджазида, Короля Снов, и за понтифекса Тиевераса, и за Хозяйку Острова Сна, свою мать. Его стакан снова и снова наполнялся вином — янтарным, красным и голубым южным. Наконец он уже не в силах был больше пить, отправился в спальню и мгновенно заснул. Подошли люди из окружения Доминина Барджазида, завернули короналя в шелковые простыни и понесли куда-то. Он не мог сопротивляться, казалось, что руки и ноги не повинуются ему, как если бы то был сон во сне. Валентин увидел себя на столе в потайной комнате, и теперь волосы его стали желтыми, кожа — белой, а Доминин Барджазид обрел лицо короналя.

— Увезите его в какой-нибудь город на дальнем севере, — велел мнимый лорд Валентин, — и там отпустите — пусть идет куда хочет.

Сон должен был продолжаться, но Валентин почувствовал, что задыхается, проснулся и обна-

ружил на своем лице мощную руку Лизамон. Не без некоторого усилия ему удалось освободиться. Но сон уже не вернулся.

Утром он никому не сказал о своем сне, решив, что настала пора утаивать получаемую информацию, ибо речь теперь шла о вмешательстве в государственные дела. Ему уже второй раз снилось, что с трона короналя его вытеснил Доминин Барджазид, а Карабелла несколько недель назад видела во сне, что неизвестные враги споили Валентина и украли его личность. Все эти сны, конечно, могли быть и фантазией, но Валентин уже начал сомневаться в этом. Слишком часто повторялись их сюжеты, и действовали в них одни и те же персонажи.

А если звездную корону носит теперь Барджазид, что тогда?

Валентин из Пидруида пожал бы плечами, сказав: «Какое мне дело, кто верховный правитель?» Но Валентин, который плыл сейчас из Кинтора в Верф, смотрел на все иначе. В этом мире существовало равновесие власти, тщательно поддерживаемое в течение многих тысячелетий, со времен лорда Стиамота, а то и раньше, с первых столетий после переселения, когда на Маджипуре властвовали какие-нибудь забытые ныне

правители. По издавна установленному порядку недоступный для простых смертных понтифекс правил через выбранного им самим сильного и деятельного короналя. Тот, кто был известен как Король Снов, выполнял приказы правительства и наказывал нарушителей закона, входя в мозг спящих, а Хозяйка Острова Сна, мать короналя, распространяла вокруг себя любовь и мудрость. Это была сильная и эффективная система, иначе она не сохранялась бы тысячелетиями. Благодаря ей Маджипур был счастливой и процветающей планетой, подвластной, конечно, слабостям плоти и капризам природы, но в основном свободной от конфликтов и страданий. А если Барджазид, сам королевской крови, сверг законного конституционного короналя и тем самым нарушил это предписанное священное равновесие? Какой вред будет нанесен всему обществу, всему содружеству, какое это потрясение общественного спокойствия!

А что можно сказать об изгнанном коронале, который покорился судьбе и оставил узурпатора безнаказанным? Разве это не отречение? И было ли когда-нибудь в истории Маджипура, чтобы кораль отрекся? Не станет ли он, Валентин, таким образом сообщником Доминина Барджазида,

посягнувшего на порядок?

Последние сомнения исчезли. Валентину-жонглеру казались смешными и странными первые намеки на то, что он истинный лорд Валентин, корональ. Тогда они воспринимались как безумие, как нелепая шутка. Теперь — нет. Содержание его снов несло груз достоверности. Совершено чудовищное преступление. И все значение этого лишь сейчас начало открываться ему. И теперь он был обязан без дальнейших колебаний исправить положение.

Но как? Вызвать на поединок нынешнего короналя? Или выйти в костюме жонглера и заявить свои права на Горный замок?

Он спокойно провел утро, даже намеком не поделившись ни с кем своими мыслями. Большую часть времени он стоял у поручней, глядя на далекий берег. У него в голове не укладывалось, как может река быть столь огромной. В некоторых местах она была так широка, что берега не было видно. Иногда то, что казалось Валентину берегом, на самом деле было огромным островом, а между островами и берегом реки простирались целые мили воды. Течение было быстрым, и большое речное судно легко неслось к востоку.

Стоял ясный день, вода рябила и сверкала на

солнце, но после полудня вдруг пошел легкий дождь. Затем дождь усилился, и жонглерам, к великому неудовольствию Залзана Кавола, пришлось отменить второе представление. Все спрятались под навесом.

В эту ночь Валентин постарался лечь рядом с Карабеллой, а Лизамон оставить соревноваться в храпе со скандарами. Он жадно ожидал новых снов-открытий, но то, что он увидел, не представляло интереса: обычные бесформенные и хаотичные обрывки фантазии, безымянные улицы, незнакомые лица, яркий свет и кричащие цвета, бессмысленные споры, бессвязные разговоры, неясные образы…

Утром судно прибыло в порт Верф на южном берегу реки.

Глава 11

— Провинция метаморфов, — рассказывал Аутифон Делиамбер, — называется Пиурифэйн, от имени, которым зовут себя метаморфы на своем языке, — пиуривары. На севере она граничит с предместьями Верфа, на западе — с Откосом Велатиса, на юге — с горной цепью Гонгар, на востоке — с рекой Стейч, главным притоком Зимра. Я хорошо представляю себе эти места, хотя никогда не бывал в самом Пиурифэйне. Попасть туда трудно, потому что Откос Велатиса — стена в милю высотой и в триста миль длиной. Горы Гонгар неприступны, и там часты грозы. Стейч — дикая, неуправляемая река с множеством быстрин и водоворотов. Единственный безопасный путь — через Верф и врата Пиурифэйна.

Жонглеры, поторопившиеся как можно скорее покинуть скучный торговый город Верф, сейчас находились всего в нескольких милях к северу от этого входа. Несильный, но надоедливый дождь продолжался все утро. Местность оказалась довольно унылой — песчаная почва и густые заросли карликовых деревьев с бледно-зеленой корой и узкими дрожащими листьями. В фургоне

почти не разговаривали. Слит, казалось, погрузился в раздумья, Карабелла в центре кабины жонглировала тремя красными мячами. Те из скандаров, кто не управлял фургоном, занялись какой-то хитрой игрой костяными палочками и связками усов дроля. Шанамир дремал. Виноркис уткнулся в свой журнал и что-то записывал. Делиамбер развлекался мелкими чудесами — вроде зажигания крошечных волшебных свечей — и другими колдовскими штучками. Лизамон Халтин, чтобы не мокнуть под дождем, припрягла свое животное к тем, которые тянули фургон, а сама храпела теперь, как морской дракон, время от времени просыпаясь, чтобы глотнуть дешевого серого вина, купленного ею в Верфе.

Валентин сидел в углу у окна и думал о Замковой горе. Интересно, на что она похожа, эта гора в тридцать миль высотой, естественная колоссальная каменная колонна, поднимающаяся в темную ночь космоса? Если Откос Велатиса в милю высотой был, по словам Делиамбера, неприступной стеной, что же тогда представляет собой башня в тридцать раз выше? Какую тень отбрасывает Гора, когда восходит солнце? Темная полоса бежит по всему Алханроэлю? А как же города на ее величественных склонах получают тепло и воз-

дух для дыхания? Валентин слышал, что какие-то древние машины вырабатывают тепло, свет и свежий воздух, чудесные машины давно забытой технологической эры тысячелетней давности, когда древние ремесла, привезенные с Земли, были широко распространены здесь. Но он не понимал, как работают такие машины, не понимал и того, какие силы действуют на элементы памяти его собственного мозга, чтобы сказать ему: эта женщина — Карабелла, а этот мужчина — Слит. Он думал также и о высочайших областях Замковой горы, о здании в сорок тысяч комнат на ее вершине, теперь Замке лорда Валентина, а не так давно — Замке лорда Вориакса. Замок лорда Валентина! Существует ли это место реально или и Замок, и Гора — сказки, выдумка? Замок лорда Валентина! Он представил себе его на вершине: яркий мазок света всего в несколько молекул толщиной — каким он, вероятно, кажется по сравнению с этой немыслимой по величине горой, — мазок неправильной формы. Сотни комнат по одну сторону, сотни — по другую. Грозди громадных комнат находились как бы в коконе, над ними — внутренние дворики и галереи, а в самой глубине — корональ во всем своем величии, чернобородый лорд Валентин. Правда,

сейчас короналя там нет. Он, вероятно, все еще объезжает свое королевство и находится в Ни-мойе или каком-нибудь другом восточном городе. «И я, — думал Валентин, — жил когда-то на этой Горе, жил в Замке? Что я делал, когда был короналем, какие издавал декреты, с кем встречался, каковы были мои обязанности?» Это было непостижимо, и все же в нем крепла убежденность, а призрачные воспоминания, проносившиеся в его мозгу, начали складываться в цельную картину. Он знал теперь, что родился не у реки в Ни-мойе, как подсказывали ему вложенные в него мнимые воспоминания, а в одном из Пятидесяти Городов, расположенных высоко на Горе, почти у границы самого Замка. И что воспитывался он среди тех, из кого выбирали принцев, что его детство и юность были беззаботными и счастливыми. Он все еще не мог вызвать в памяти образ своего отца, который наверняка был принцем королевства, а о матери помнил только, что у нее были черные волосы и смуглая кожа, как когда-то и у него самого, и — воспоминания вдруг пробились ниоткуда — однажды она долго целовала его и плакала, а потом сказала, что вместо утонувшего лорда Малибора выбрали Вориакса и теперь она должна стать Хозяйкой Острова Сна. Правда ли

это, или он вообразил себе это сейчас? Валентин подсчитал, что ему должно было быть двадцать два года, когда к власти пришел Вориакс. Могла ли мать вообще целовать его, могла ли плакать из-за того, что становилась Хозяйкой Острова Сна? Скорее должна была радоваться, что она и ее старший сын избраны правителями Маджипура. Плакала и радовалась одновременно — возможно, и так. Валентин покачал головой. Столь важные, поистине исторические моменты — найдет ли он когда-либо доступ к ним, или все так и останется под запретом, наложенным на него теми, кто украл его прошлое?

Вдалеке раздался страшный взрыв, глухой подземный удар, привлекший внимание всех пассажиров фургона. Грохот продолжался несколько минут, а затем постепенно стих.

— Что это? — вскричал Слит и схватил со стойки энергомет.

— Тихо, — сказал Делиамбер. — Это Пиурифэйнский фонтан. Мы приближаемся к границе.

— Фонтан? — спросил Валентин.

— Подожди и увидишь.

Через несколько минут фургон остановился. Залзан Кавол повернулся на сиденье и крикнул:

— Где вруун? Эй, колдун, дорога перекрыта!

— Мы достигли врат Пиурифэйна, — ответил Делиамбер.

Узкую дорогу перегораживала баррикада из блестящих желтых каменных колод, оплетенных яркой изумрудной веревкой. Слева был сторожевой пост, где находились два хьорта в серо-зеленой форме. Они приказали всем выйти из фургона под дождь, хотя сами укрывались под навесом.

— Куда? — спросил тот, что пожирнее.

— В Илиривойн, участвовать в фестивале меняющих форму. Мы жонглеры, — ответил Залзан Кавол.

— У вас есть разрешение на вход в провинцию Пиурифэйн? — вмешался другой хьорт.

— Такого разрешения не требовалось, — возразил Делиамбер.

— Уж больно ты самоуверен, вруун. По указу лорда Валентина, короналя, изданному больше месяца назад, никто из граждан Маджипура не может входить на территорию метаморфов иначе, как по законному делу.

— У нас законное дело, — настаивал Залзан Кавол.

— Тогда вы должны иметь разрешение.

— Но мы не знали, что оно нужно, — запроте-

стовал скандар.

Хьортам это было безразлично. Они, похоже, готовы были заняться другими делами.

Залзан Кавол взглянул на Виноркиса, как бы надеясь, что тот сможет повлиять на своих собратьев, но хьорт только пожал плечами. Скандар посмотрел на Делиамбера:

— Колдун, в твои обязанности входит предупреждать меня о таких вещах.

Вруун ответил:

— Даже колдуны не могут знать об изменениях в законе, особенно когда путешествуют по заповедным лесам и прочим далеким местам.

— Что же нам делать? Вернуться в Верф?

Эта идея, казалось, вызвала вспышку радости в глазах Слита. Отсрочка этой метаморфской авантюры! Но Залзан Кавол начал злиться. Лизамон Халтин потянулась к своему вибрационному мечу. Увидев это, Валентин замер и быстро сказал Залзану Каволу:

— Хьорты не всегда неподкупны.

— Хорошая мысль, — пробормотал скандар.

Он вытащил кошелек. Хьорты тут же оживились. Валентин уверился, что это и в самом деле правильная тактика.

— Может, я найду необходимый документ, —

проговорил Залзан Кавол.

Достав из кошелька две монеты по кроне, он схватил хьортов за жирные руки и, самодовольно улыбаясь, прижал к их ладоням по монете. Хьорты обменялись взглядами и бросили деньги в грязь.

— Крона? — прошептала Карабелла. — Неужели он думает купить их за крону?

— Подкуп офицера имперского правительства — серьезное преступление, — оскорбился жирный хьорт. — Вы будете арестованы и предстанете перед судом в Верфе. Оставайтесь в своем фургоне до прихода конвоя.

Залзан Кавол повернулся, начал что-то говорить Валентину, задохнулся, сердито махнул Делиамберу и тихо заговорил по-скандарски с братьями. Лизамон снова взялась за рукоятку меча. Валентин пришел в отчаяние: через минуту здесь будет два мертвых хьорта, а жонглеры превратятся в беглых преступников у самого входа в Пиурифэйн. Это явно не ускорит его путь к Хозяйке Острова.

— Сделай что-нибудь поскорее, — шепнул он Делиамберу.

Вруунский колдун уже двинулся вперед. Он поднял деньги и снова протянул их хьортам.

— Простите, но вы, кажется, уронили эти монеты.

Он сунул их в руки хьортам и одновременно на секунду слегка обвил концами щупалец их запястья. Едва он выпустил их, худощавый хьорт сказал:

— Ваша виза действительна только на три недели. Уйдете из Пиурифэйна через эти же ворота. Другие выходы для вас закрыты.

— И к тому же очень опасны, — добавил другой.

Он махнул невидимым стражам, и те растащили баррикаду в стороны, освободив таким образом дорогу для фургона.

Когда все вошли в фургон, Залзан Кавол яростно рявкнул на Валентина:

— Не давай мне больше неправильных советов! А ты, Делиамбер, должен знать, как улаживать такие дела! Это могло сильно задержать нас и лишить дохода.

— Если бы ты подкупал их реалами, а не кронами, — тихо, чтобы скандар не слышал, произнесла Карабелла, — все было бы гораздо проще.

— Неважно, — ответил Делиамбер. — Нас пропустили, верно? Всего лишь немного колдовства… Это дешевле, чем подкуп.

— Ох уж эти новые законы! — проворчал Слит. — Такое множество указов!

— Новый кораль, — сказала Лизамон, — хочет показать свою власть. Все они такие. То такой указ, то этакий, а старый понтифекс со всем соглашается. Один такой указ лишил меня работы. Вы знаете это?

— Вот как? — удивился Валентин.

— Я была телохранителем одного мазадонского торговца, который очень боялся завистливых конкурентов. Лорд Валентин ввел новый налог на личных телохранителей для всех, кто не имеет благородного ранга. И размер его был как раз равен моему годовому жалованью. Так мой хозяин, отсохни его уши, через неделю уволил меня. Два года работала — и прощай, Лизамон, спасибо тебе, получи бутылку моего лучшего бренди на память! Сегодня я защищаю его презренную жизнь, а завтра я — непозволительная роскошь, и все благодаря лорду Валентину! Ох, бедный Вориакс! Как вы думаете, не брат ли убил его?

— Придержи язык! — рявкнул Слит. — Такие дела в Маджипуре не делаются!

Но она упорствовала:

— Несчастный случай на охоте, как же! А старый Малибор утонул на рыбалке? С чего бы

нашим короналям так неожиданно и странно умирать? Раньше никогда не случалось ничего подобного, верно? Они становились понтифексами, уходили в Лабиринт и жили чуть ли не вечно, а теперь Малибора съели морские драконы, а Вориакса нечаянно прихлопнули в лесу! Я вот думаю: наверное, там, на Замковой горе, все уж больно рвутся к власти!

— Хватит! — прервал ее Слит, очень недовольный таким разговором.

— Как только выбирают нового короналя, для всех остальных принцев не остается надежды на выдвижение. Вот если корональ умрет, они снова соберутся на выборы. Когда лорд Вориакс умер и стал править этот самый Валентин, я сказала…

— Заткнись! — рявкнул Слит.

Он встал в полный рост, едва достигая груди женщины-воина, глаза его горели. Она держалась спокойно, но руку положила на рукоятку меча. Тут вмешался Валентин.

— Она вовсе не хотела оскорбить короналя, — спокойно сказал он. — Просто она слегка перебрала вина, и оно развязало ей язык. — Он повернулся к Лизамон. — Прости его, ладно? Мой друг слишком нервничает, ты же знаешь.

Второй взрыв, во много раз громче и сильнее

того, что был полчаса назад, прервал спор. Животные лягались и визжали, фургон дернулся. С сиденья возницы раздавались яростные проклятия Залзана Кавола.

— Фонтан Пиурифэйна, — объявил Делиамбер, — одно из величайших зрелищ Маджипура. Стоит посмотреть, как он выбрасывает воду.

Валентин и Карабелла выскочили из фургона, за ними все остальные. Они оказались на открытом месте, где множество мелких деревьев с зелеными стволами образовали нечто вроде естественного амфитеатра, тянувшегося на полмили вдоль тракта. В дальнем его конце взрывался гейзер, но такой, что по сравнению с ним гейзеры Горячего Кинтора, выглядели как мелкие рыбешки рядом с морским драконом. Колонна пенившейся воды превосходила самые высокие башни Дюлорна, белый столб высотой в пятьсот-шестьсот футов, если не больше, вырывался из-под земли с непостижимой силой. В верхней части, где он разделялся на множество потоков, разлетавшихся во все стороны, сиял таинственный свет всех цветов радуги, окружая колонну как бы разноцветной бахромой. Теплые брызги наполняли воздух.

Извержение продолжалось — невероятный

объем воды под столь же невероятным напором устремлялся в небо. Валентин чувствовал, как все его тело пронизывают действующие здесь подземные силы. Он смотрел с благоговейным ужасом и ощутил нечто вроде шока, когда колонна стала уменьшаться и наконец исчезла совсем, оставив после себя лишь капельки теплой влаги.

— Каждые тридцать минут, — сообщил Делиамбер. — Говорят, с тех пор как метаморфы живут в Маджипуре, этот гейзер ни разу не опоздал ни на минуту. Это их священное место. Понятно? Вот пришли паломники.

Слит перевел дух и изобразил священные знаки. Валентин положил руку на его плечо. В самом деле, неподалеку, у придорожной гробницы собралось с десяток метаморфов. Они смотрели на путешественников, как показалось Валентину, не слишком дружелюбно. Некоторые аборигены, стоявшие впереди, поспешно спрятались за других, а когда появились снова, то выглядели на удивление расплывчато и неопределенно. Но это было еще не все. Они начали изменяться: у одного выросли пушечные ядра грудей, как у Лизамон, у другого — четыре косматые скандарские руки, третий имитировал белые волосы Слита. Они издали странный высокий звук — возможно,

так звучал их смех, а затем вся группа скрылась в лесу.

Валентин не выпускал плечо Слита, пока не почувствовал, что тело маленького жонглера утратило напряжение. Тогда он со смехом проговорил:

— Хороший трюк! Вот бы нам делать такое. Скажем, вырастить дополнительные руки во время представления. Ты хотел бы?

— Я хотел бы быть в Нарабале, — ответил Слит, — или в Пилиплоке, или еще где-нибудь, только подальше отсюда.

— А я — в Фалкинкипе. Кормил бы моих животных, — пробормотал бледный и трясущийся Шанамир.

— Они не собирались вредить нам, — сказал Валентин. — Для нас это просто интересное зрелище, и мы его никогда не забудем.

Он широко улыбнулся, но никто не подхватил его улыбку, даже всегда такая жизнерадостная Карабелла. Сам Залзан Кавол выглядел необычно смущенным, словно задумался, разумно ли было отправляться за своими любимыми реалами в провинцию метаморфов. Оптимизм Валентина не успокоил его спутников. Он взглянул на Делиамбера.

— Далеко еще до Илиривойна?

— Он где-то впереди, — ответил вруун. — Не представляю, далеко ли. Когда приедем, тогда и приедем.

Ответ отнюдь не ободрил путешественников.

Глава 12

Это была первобытная страна, существовавшая вне времени и не испорченная цивилизацией, — отдаленная территория, сохранившая черты древнего Маджипура.

Меняющие форму жили в дождливой лесной местности, где ежедневные ливни очищали воздух и обеспечивали бурный рост зелени. С севера через природную трубу, образованную Откосом Велатиса и Гонгаром, приходили частые грозы, а когда влажный воздух поднимался к предгорьям Гонгара, шли мелкие дожди, пропитывавшие легкую губчатую почву. Деревья были высокими, со стройными стволами, и их кроны с опутанными сетью лиан вершинами образовывали густые навесы. Темная листва блестела, отполированная дождем. Через просветы в лесу Валентин видел вдалеке зеленые, окутанные туманом горы. Животный мир здесь был небогатым — так, по крайней мере, казалось. Иногда проползала красно-желтая змея. Изредка они видели зеленую с алым птицу или пролетавшего над головой зубастого брауна с паутинными крыльями, а один раз испуганный белантун осторожно прошмыгнул

перед фургоном и скрылся в лесу, стуча острыми копытцами и в панике размахивая задранным кверху пушистым хвостом. Вероятно, где-то здесь прятались и лесные братья, поскольку по пути попалось несколько рощиц двикка-деревьев. Не было сомнений, что ручьи полны рыбой и рептилиями, а почва — норками насекомых и грызунов фантастических форм и окраски. В каждом из бесчисленных маленьких озер обитало, как говорили, собственное чудовище, которое по ночам выплывало — шея, зубы и бусинки глаз — для охоты на любую дичь, имевшую неосторожность оказаться поблизости от его массивного тела. Но ни одно из этих существ не появлялось, пока фургон быстро двигался к югу по узкой неровной лесной дороге.

Не видно было и самих пиуриваров, хотя время от времени путешественники видели хорошо протоптанный след, ведущий в заросли, или несколько грубо сплетенных хижин в стороне от дороги, а иногда маленькую группу пилигримов, направлявшихся к гробнице у фонтана.

Делиамбер объяснил, что этот народ здесь живет охотой и рыболовством, сбором диких плодов и орехов и частично земледелием. Возможно, когда-то их цивилизация была более развитой,

если судить по развалинам, обнаруженным главным образом в Алханроэле, — остаткам больших каменных городов, построенных задолго до прибытия сюда звездных кораблей. Правда, по словам Делиамбера, некоторые историки считали, что это развалины древних человеческих поселений, основанных и уничтоженных в бурный период до начала правления понтифексов — двенадцать или тринадцать тысяч лет назад. Во всяком случае, метаморфы, если и жили когда-то более цивилизованно, теперь предпочли переселиться в лес. Регресс это или прогресс — Валентин сказать не мог.

К полудню грохот Пиурифэйнского фонтана уже не был слышен, и лес стал более редким и обитаемым. На дороге не было никаких дорожных знаков, но она вдруг разветвилась. Залзан Кавол посмотрел на Делиамбера, а тот — на Лизамон.

— Лопни моя печенка, если я знаю, — прогудела великанша. — Езжайте наугад. Пятьдесят на пятьдесят, что мы попадем в Илиривойн.

У Делиамбера возникла идея получше. Чтобы узнать дорогу с помощью чар, он опустился на колени прямо в грязь, достал из своего мешка пару кубиков колдовских курений и, прикрыв их

от дождя плащом, поджег. Появился светло-коричневый дымок. Делиамбер вдыхал его, делая щупальцами замысловатые движения.

— Все это обман! — крикнула женщина-воин. — Повертит руками какое-то время и скажет наобум. Пятьдесят на пятьдесят за Илиривойн.

— Налево, — сказал Делиамбер.

Может, колдовство было хорошим, может, догадка — удачной, но очень скоро путешественники увидели первые признаки обитания метаморфов.

Это были уже не разбросанные одиночные домики, а скопления плетеных жилищ, примерно по десятку через каждую сотню ярдов, а затем даже чаще. Пиуриваров тоже было много, в основном местных ребятишек, которые несли легкий груз в свисавших с головы перевязях. Многие останавливались, смотрели на проезжавший мимо фургон, указывали на него пальцами и что-то говорили сквозь зубы.

Судя по всему, они приближались к большому поселению. На дороге было полно детей и взрослых метаморфов, и вокруг стояло множество жилищ. Дети выглядели совершенно невероятно. Видимо, они практиковались в трансформации и принимали самые разнообразные формы, в

основном очень странные: один выпустил ноги, похожие на ходули, у другого были щупальца, как у врууна, но свисавшие почти до земли, третий превратил свое тело в шарообразную массу на крошечных отростках.

— Кто устраивает цирк, мы или они? — спросил Слит. — Меня тошнит от одного их вида.

— Успокойся, — мягко сказал Валентин.

— Я думаю, — угрюмо заметила Карабелла, — у них немало мрачных развлечений. Смотрите!

Прямо перед ними на краю дороги стояла дюжина клеток. Группа носильщиков, видимо, только что поставила их и отдыхала. Сквозь прутья клеток просовывались маленькие руки с длинными пальцами. Мучительно скрутились приспособленные для захвата хвосты. Когда фургон проходил мимо, Валентин увидел, что клетки забиты лесными братьями — по трое-четверо в каждой. Их несли в Илиривойн. Зачем? Для того чтобы съесть или чтобы замучить на фестивале? Валентин содрогнулся.

— Постойте! — закричал Шанамир, когда они ехали мимо последней клетки. — А в этой кто?

Последняя клетка была больше других, и в ней сидел не лесной брат, а какой-то другой пленник, существо явно разумное, высокое и странное, с

темно-синей кожей, отчаянными пурпурными глазами необыкновенного размера и яркости и широким тонкогубым ртом. Его одежда из прекрасной зеленой ткани была измята, разорвана и покрыта темными пятнами — вероятно, кровью. Существо со страшной силой вцепилось в решетку и с незнакомым акцентом хрипло звало жонглеров на помощь.

Фургон проехал дальше. Похолодев, Валентин обратился к Делиамберу:

— Это существо не с Маджипура.

— Верно, — согласился колдун. — Я таких никогда не встречал.

— Я однажды видела, — сказала Лизамон. — Он с какой-то звезды рядом с нашей. Я забыла ее название.

— Но что здесь делают инопланетяне? — спросила Карабелла. — Межзвездные полеты редки в наше время, и лишь очень немногие корабли залетают на Маджипур.

— Кто-то все-таки посещает нас, — ответил Делиамбер. — Мы не полностью отрезаны от звездных путей, хотя и считаемся задворками в межпланетной торговле. И…

— Спятили вы, что ли? — взорвался Слит. — Сидят себе, беседуют о межпланетной торговле,

а цивилизованное существо в клетке зовет на помощь, потому что его, вероятно, зажарят и съедят на метаморфском фестивале! А мы даже внимания не обращаем на его крики и едем себе в их город!

Он бросился к скандарам-возницам. Валентин, боясь скандала, побежал за ним.

Слит схватил Залзана Кавола за плащ.

— Ты видел это? Ты слышал? Инопланетянин в клетке!

— Ну? — буркнул Залзан Кавол, не оборачиваясь.

— Тебе плевать на его крики?

— Это не наше дело, — спокойно ответил скандар. — Как мы можем освобождать пленников независимого народа? У них, несомненно, были причины арестовать это существо.

— Причины? Да, конечно: приготовить из него обед. Мы попадем в следующий горшок. Я прошу тебя вернуться и освободить…

— Это невозможно.

— По крайней мере хоть узнай, за что его посадили. Залзан Кавол, мы, возможно, прямиком направляемся к своей смерти, а ты так стремишься в Илиривойн, что едешь мимо того, кто, вероятно, мог бы рассказать о здешних услови-

ях… И он в такой беде!

— Слит говорит мудро, — заметил Валентин.

— Прекрасно! — Залзан Кавол фыркнул и остановил фургон. — Иди, Валентин, узнай, но побыстрее.

— Я пойду с ним, — вызвался Слит.

— Оставайся здесь. Если ему нужен телохранитель, пусть возьмет великаншу.

Предложение имело смысл. Валентин подозвал Лизамон, и они вернулись к клеткам. Лесные братья тут же подняли страшный крик и затрясли решетки. Носильщики, вооруженные, как заметил Валентин, короткими, внушительно выглядевшими копьями то ли из рога, то ли из полированного дерева, неторопливо выстроились в ряд на дороге, не давая Валентину и Лизамон подойти ближе к большой клетке. Один метаморф, явный лидер, выступил вперед и с угрожающим спокойствием ждал вопросов.

— Он говорит на нашем языке? — спросил великаншу Валентин.

— Вероятно. Попробуй.

— Мы странствующие жонглеры, — громко и отчетливо проговорил Валентин. — Мы едем выступать на вашем фестивале в Илиривойне. Далеко ли мы от Илиривойна?

Метаморф, на голову выше Валентина, но куда более хилый, казалось, развеселился, но, сдерживаясь, ответил:

— Вы в Илиривойне.

От метаморфа исходил слабый запах, кислый, но не противный. Его странно скошенные глаза были пугающе невыразительны. Валентин спросил:

— С кем мы должны договориться о выступлении?

— Всех иностранцев, появляющихся в Илиривойне, встречает Данипиур. Вы найдете ее в Служебном доме.

Холодные манеры метаморфа смущали. Но Валентин продолжил:

— Еще одно. Мы видим в этой большой клетке необычное существо. Могу я спросить, почему оно там?

— Это наказание.

— Преступник?

— Так сказано, — спокойно ответил метаморф. — Разве это вас касается?

— Мы чужие в вашей стране. Если здесь иностранцев сажают в клетку, мы, пожалуй, предпочтем искать работу в другом месте.

Вокруг рта и ноздрей метаморфа мелькнула

искра какой-то эмоции — не то презрения, не то насмешки.

— Чего вам бояться? Разве вы преступники?

— Едва ли.

— Тогда вас не посадят в клетку. Выразите почтение Данипиур и с дальнейшими вопросами обращайтесь к ней, а у меня есть более важные дела.

Валентин посмотрел на Лизамон Халтин. Та пожала плечами. Ничего не оставалось, как вернуться к фургону.

Носильщики подняли клетки и укрепили их на шестах, положенных на плечи. Из большой клетки донесся крик ярости и отчаяния.

Глава 13

Илиривойн представлял собой нечто среднее между городом и деревней: унылое скопление множества низких, словно бы временных строений из легкого дерева, стоявших вдоль кривых немощеных улиц, которые, казалось, уходили далеко в лес. Все выглядело так, будто Илиривойн возник здесь всего год-два назад, а через несколько лет исчезнет и появится в каком-нибудь другом округе.

Палки-фетиши с привязанными к ним яркими лоскутками и кусочками меха, воткнутые почти перед каждым домом, видимо, объявляли о фестивале. Кроме того, на улицах были устроены помосты для представлений или, как с дрожью подумал Валентин, для каких-то мрачных племенных ритуалов.

Найти Служебный дом и Данипиур оказалось просто. Главная улица выходила на широкую площадь, ограниченную с трех сторон маленькими куполообразными строениями с узорными плетеными крышами. С четвертой стороны стояло одно большое трехэтажное здание, перед которым был ухоженный садик с толстостебель-

ным серо-белым кустарником. Залзан Кавол остановил фургон на свободном месте рядом с площадью.

— Пойдем со мной, — позвал он Делиамбера. — Посмотрим, о чем сумеем договориться.

В Служебном доме они пробыли долго, а когда наконец появились, с ними вышла величественная женщина-метаморф — несомненно, Данипиур.

Все трое остановились у садика, оживленно разговаривая. Данипиур что-то уточняла, Залзан Кавол то кивал, то отрицательно качал головой. Делиамбер, такой крошечный между этими высокими существами, делал изящные дипломатические жесты примирения. Наконец Залзан Кавол и колдун вернулись в фургон. Настроение скандара заметно улучшилось.

— Мы приехали как раз вовремя, — сказал он. — Фестиваль только что начался. Завтрашней ночью состоится один из главных праздников. Но они не обеспечат нас ни пищей, ни жильем, потому что в Илиривойне нет гостиниц. Кроме того, есть некоторые зоны, куда нам нельзя входить. В других местах меня встречали более радушно. Но иной раз, я полагаю, может случиться и наоборот.

— Они нам заплатят? — спросил Слит.

— Похоже, что так, — ответил Залзан Кавол.

Фургон, сопровождаемый толпами молчаливых ребятишек-метаморфов, двинулся к отведенному для стоянки месту за площадью. Вечером жонглеры провели репетицию. Несмотря на все усилия Лизамон отогнать юных метаморфов, они пролезали между деревьями и кустами, чтобы поглазеть на актеров. Валентину это действовало на нервы, и не только ему: Слит был напряжен и необычайно неловок, и даже Залзан Кавол, мастер из мастеров, впервые на памяти Валентина уронил дубинку.

Смущало молчание детей. Они стояли как белоглазые статуи — зрители, вытягивающие энергию и ничего не дающие взамен. Но еще больше раздражали их метаморфические фокусы — они переходили из одной формы в другую так же естественно и непреднамеренно, как человеческий ребенок сует палец в рот. Видимо, их метаморфозы преследовали определенную цель, потому что принимаемые ими формы грубо копировали жонглеров, как это делали взрослые метаморфы у Пиурифэйнского фонтана.

Дети очень недолго держали форму — у них еще не хватало умения. Однако во время пере-

рывов Валентин краем глаза наблюдал, как они создавали себе золотистые волосы, как у него, белые, как у Слита, черные, как у Карабеллы, становились похожими на многоруких медведей, как скандары, пытались имитировать лица, индивидуальное выражение. Все изображения были искаженными и отнюдь не лестными.

Все путешественники втиснулись на ночлег в фургон и спали практически вплотную друг к другу. Всю ночь шел дождь. Валентин почти не сомкнул глаз. Лишь время от времени он впадал в легкую дремоту, но быстро просыпался и лежал, слушая богатырский храп Лизамон Халтин и еще более мощные раскаты, издаваемые скандарами. Где-то среди ночи он, видимо, все-таки уснул по-настоящему, потому что ему приснилось что-то смутное и несвязное: метаморфы вели пленников — лесных братьев и синекожего чужака — по дороге к Пиурифэйнскому фонтану, который колоссальной белой горой возвышался над всем миром. Удалось ему ненадолго заснуть и на исходе ночи, но незадолго до восхода солнца Слит потряс его за плечо и разбудил. Валентин сел, протирая глаза:

— В чем дело?

— Выйдем. Надо поговорить.

— Но еще совсем темно!

— Ничего. Пойдем.

Валентин зевнул, потянулся и встал. Они осторожно перешагнули через Карабеллу и Шанамира, обошли одного из скандаров и вышли из фургона. Дождь прекратился, но было темно и холодно, от земли поднимался противный туман.

— Мне было послание, — сказал Слит. — Думаю, что оно от Повелительницы.

— Какое?

— Насчет синекожего в клетке, которого они назвали наказанным преступником. Во сне он пришел ко мне и сказал, что он вовсе не преступник, а путешественник, по ошибке попавший на территорию метаморфов, и его схватили, потому что у них есть обычай во время фестиваля приносить иностранцев в жертву Пиурифэйнскому фонтану. Я видел, как это делается. Жертву связывают по рукам и ногам и бросают в бассейн фонтана, а когда происходит взрыв, она взлетает в небо.

Валентина пробрала дрожь, но виной тому был не холодный туман.

— Мне привиделось нечто похожее.

— В своем сне я услышал, — продолжал Слит, — что и нам грозит опасность. Возможно, это и не

жертвоприношение, но все равно опасность. А если мы освободим чужака, он поможет нам. Если же он умрет, нам тоже не уйти отсюда живыми. Ты знаешь, Валентин, я боюсь этих меняющих форму, но в этом сне было что-то особенное. Он был отчетлив и ясен, как и положено посланию. От него нельзя отмахнуться, посчитав страхами глупого Слита.

— Что ты хочешь делать?

— Освободить чужака.

— А если он и вправду преступник? — с тревогой спросил Валентин. — Какое право мы имеем вмешиваться в правосудие пиуриваров?

— Право дано нам посланием. А те лесные братья тоже преступники? Я видел во сне, что их бросили в фонтан. Мы среди дикарей, Валентин.

— Нет, они не дикари, просто чуждая раса, и ее пути не похожи на пути Маджипура.

— Я твердо решил спасти синекожего. Если ты не поможешь мне, я сделаю это один.

— Сейчас?

— А когда же? Сейчас темно и тихо. Я открою клетку, и он убежит в лес.

— Ты думаешь, клетку не охраняют? Нет, Слит, подожди. Сейчас это неразумно. Ты поставишь под удар всех нас. Я попытаюсь разузнать об этом

пленнике — за что его посадили и что его ждет. Если они намереваются принести его в жертву, то сделают это в разгар фестиваля. У нас еще есть время.

— Но послание было сейчас, — возразил Слит.

— Я видел во сне нечто подобное.

— Но не послание?

— Нет. Но этого достаточно, чтобы считать твой сон истиной. Я помогу тебе, Слит, но не сейчас. Пока не время.

Слит явно нервничал. Он уже мысленно бежал к клеткам и воспринимал возражения Валентина как нежелательную помеху.

— Слит!

— Да?

— Послушай меня. Сейчас не время. Подожди. — Валентин пристально смотрел на жонглера. Тот взглянул было на него с такой же твердостью, но быстро уступил и отвел глаза.

— Слушаюсь, мой лорд, — спокойно ответил он.

В течение дня Валентин пытался хоть что-нибудь узнать о пленнике, но все безуспешно. Одиннадцать клеток с лесными братьями стояли на площади напротив Служебного дома в три яруса, а клетка с чужаком — отдельно, на самом

верху — высоко над землей. Клетки охраняли пиуривары с копьями.

Валентин хотел было подойти, но уже на середине площади его остановили.

— Вам запрещено подходить сюда, — сказал ему метаморф.

Лесные братья яростно колотили по решетке. Синекожий выкрикивал слова с таким акцентом, что Валентин с трудом понимал его. Чужак кричал:

— Беги, дурак, пока они не убили и тебя!

Но, может быть, Валентину это только показалось? Стражники надежно охраняли клетки. Валентин повернул обратно. Он попробовал расспросить детей, но те смотрели на него холодными пустыми глазами, упорно молчали, имитировали его золотистые волосы и затем разбегались, как от демона.

Все утро в Илиривойн прибывали метаморфы из далеких лесных поселков. Они несли с собой всевозможные декоративные предметы: плетенье, флаги, драпировки, украшенные зеркалами стойки, шесты, на которых были вырезаны мистические письмена. Все, казалось, знали, что им надлежит делать, и были очень заняты. Дождя не было. «Интересно, — подумал Валентин, — каким

колдовством пиуривары обеспечили себе для праздника редкий сухой день? Или это просто совпадение?»

Часа в три дня началось празднество. Небольшие группы музыкантов исполняли отрывистые, резкие мелодии, а метаморфы, как во сне, двигались в каком-то медленном, величественном, сложном танце. На некоторых улицах проводились состязания по бегу. Судьи стояли вдоль улиц и затевали споры, когда бегуны проносились мимо них. В палатках, видимо выстроенных ночью, торговали супом, тушеным и жареным мясом, напитками.

Валентин чувствовал себя незваным гостем. Ему даже хотелось извиниться перед метаморфами за свое неуместное присутствие здесь в их праздничные дни. Но никто, кроме детей, не обращал на него внимания, а дети явно воспринимали его как диковинку, привезенную сюда для их развлечения. Пугливые малыши выглядывали отовсюду, старались имитировать членов труппы, но близко не подходили.

Залзан Кавол назначил на вечер репетицию возле фургона. Валентин пришел одним из первых, радуясь возможности уйти с переполненных улиц, но увидел там только Слита и двух скан-

даров.

Ему показалось, что Залзан Кавол как-то странно смотрит на него, и во взгляде скандара сквозило что-то новое и тревожившее. Через несколько минут Валентин не выдержал и спросил:

— Что-нибудь неладно?

— Что может быть неладно?

— Ты выглядишь недовольным.

— Я? Ничего подобного. Просто этой ночью я видел странный сон и теперь думаю о нем.

— Ты видел синекожего пленника?

Залзан Кавол, казалось, растерялся:

— Почему ты так решил?

— Потому что Слит и я тоже его видели.

— Мой сон не имел ничего общего с синекожим, — ответил скандар, — и я не желаю говорить об этом. Все это глупости, больше ничего. — Залзан Кавол отошел, взял полную охапку ножей и начал жонглировать ими.

Валентин пожал плечами. Он никогда не задумывался, видят ли скандары сны, в особенности тревожащие. Хотя, конечно, они граждане Маджипура и их жизнь не может в корне отличаться от жизни других, так что и их, равно как и хьортов, вруунов и лиименов, должны посещать яркие сны с посланиями от Короля и Хозяйки

Острова Сна и случайными вторжениями в мозг существ меньшего ранга — сны, расширяющие их собственный кругозор. И все-таки странно… Залзан Кавол всегда так умело управлял своими эмоциями, так неохотно раскрывал перед кем бы то ни было свою истинную сущность, демонстрируя лишь жадность, нетерпение и раздражение, а тут вдруг откровенно признался, что его взволновал сон.

Интересно, а бывают ли у метаморфов сны со значением, послания и прочее?

Репетиция прошла хорошо. Затем жонглеры быстро и не очень сытно пообедали фруктами и ягодами, собранными Лизамон в лесу, и запили их остатками вина, привезенного ими из Кинтора. На многих улицах Илиривойна уже вспыхнули фейерверки, отовсюду лилась нестройная музыка.

Валентин думал, что представление состоится на площади, но нет: метаморфы в костюмах, похожих на одеяния жрецов, проводили жонглеров в совершенно другую часть города, на большую овальную площадку, уже окруженную сотнями, а то и тысячами ожидавших зрителей. Залзан Кавол и его братья тщательно осмотрели все вокруг, проверяя, нет ли ям или неровностей,

которые могли бы помешать им в работе. Обычно в этом участвовал и Слит, но, как вдруг заметил Валентин, он исчез после репетиции. Неужели его терпение лопнуло и он решился на отчаянный поступок?

Валентин собрался было отправиться на поиски, но в это время появился слегка запыхавшийся Слит.

— Я был на площади, — шепнул он. — Клетки еще там, но большая часть стражников, видимо, сбежала на танцы. Я сумел перекинуться парой слов с пленником, прежде чем меня отогнали.

— И что?

— Он сказал, что в полночь его принесут в жертву фонтану — совсем как в моем сне. А завтра ночью точно так же поступят с нами.

— Неужели?!

— Клянусь именем Хозяйки! — воскликнул Слит. Его глаза сверлили Валентина. — Я пришел сюда, мой лорд, только по твоему приказу. Ты уверял, что никакого вреда нам не причинят.

— Твои опасения казались напрасными.

— А теперь?

— Я начинаю думать, что ты был прав, — ответил Валентин. — Но обещаю тебе: мы уйдем из Илиривойна живыми и невредимыми. После

представления я поговорю с Зализаном Каволом, а потом посоветуюсь с Делиамбером.

— Мне хочется уехать отсюда как можно скорее.

— Метаморфы в этот вечер празднуют и пьют. Чем позже мы уедем, тем больше надежды, что они не заметят этого и вряд ли смогут догнать нас, даже если захотят. К тому же разве Зализан Кавол согласится отменить представление только из-за слухов об опасности? Мы выполним свою работу, а потом займемся другими делами. Что ты на это скажешь?

— Я в твоем распоряжении, мой лорд, — ответил Слит.

Глава 14

Представление получилось замечательным, и лучшим среди всех был Слит. Он показывал слепое жонглирование и делал это безупречно. Скандары перекидывались факелами, Карабелла работала на катающемся шаре, Валентин жонглировал, одновременно танцуя, прыгая и приседая. Сидевшие вокруг площадки метаморфы говорили мало, совсем не аплодировали, но смотрели с неослабевающим вниманием.

Выступать перед такой аудиторией было очень тяжело. Актеры чувствовали себя даже хуже, чем на репетиции, потому что теперь за ними наблюдали тысячи зрителей, а отдачи от них не было никакой. Они сидели как статуи (так же, как и дети во время репетиции), не выказывая ни одобрения, ни осуждения.

Затем метаморфы вдруг стали воспроизводить действия жонглеров, но в странной, искаженной форме.

По двое, по трое они выходили вперед, вставали в центр круга всего в нескольких ярдах от жонглеров и быстро меняли формы: шестеро стали похожими на скандаров, один — на Карабеллу,

один — на Слита, а еще один принял вид высокого золотоволосого Валентина. Эти превращения вовсе не были игрой. Валентин чувствовал таящуюся в них насмешку и явную угрозу. Бросив взгляд в сторону не принимавших участия в выступлении членов труппы, он заметил, что Делиамбер делает тревожные жесты щупальцами, Виноркис хмурится, а Лизамон переступает с ноги на ногу, как бы готовясь к бою.

Залзан Кавол тоже выглядел расстроенным.

— Продолжайте, — бросил он отрывисто. — Мы здесь для того, чтобы выступать для них.

— По-моему, — сказал Валентин, — мы здесь для того, чтобы развлекать их, но не обязательно представлением.

— Не важно. Мы артисты и будем продолжать.

Он дал сигнал и начал с братьями головокружительный обмен множеством острых и опасных предметов. Слит, помедлив, схватил несколько дубинок и стал бросать их каскадом. Карабелла последовала его примеру. Руки Валентина похолодели и явно отказывались работать.

Девять метаморфов неподалеку от них тоже начали жонглировать.

Метаморфы делали все словно как во сне, без малой толики настоящего искусства или ловко-

сти — это была насмешливая пародия, не более. Они держали в руках черные плоды с толстой скорлупой, куски дерева и другие обычные предметы и перебрасывали их из руки в руку, по-детски передразнивая жонглеров, все время роняя предметы даже в этих простых движениях, и быстро наклонялись, чтобы поднять их. Это представление заинтересовало зрителей куда больше, чем все, что показывали настоящие жонглеры. Теперь зрители гудели (может, это были их аплодисменты?), ритмично покачивались и хлопали руками по коленям, а некоторые беспорядочно трансформировались, странным образом чередуя формы то человека, то хьорта, то су-сухириса, то жонглеров. В одном месте Валентин увидел сразу шесть или семь грубых копий самого себя.

Выступать в таком ужасном окружении стало невозможно, но жонглеры угрюмо работали еще несколько минут, ошибаясь, роняя дубинки, нарушая давно отлаженные комбинации. Гудение метаморфов становилось все сильнее.

— Ой, смотрите! Смотрите! — вдруг закричала Карабелла.

Она указала на одного из псевдожонглеров, который изображал Валентина.

Валентин тоже взглянул на него и задохнулся от изумления.

Действие метаморфа не поддавалось никакому пониманию, ошеломляло и приводило в ужас. Он словно колебался между двумя формами. Одна воспроизводила Валентина-жонглера — высокого, широкоплечего, большерукого, золотоволосого молодого человека, а вторая была образом лорда Валентина, короналя.

Метаморфозы происходили почти мгновенно, как вспышки света. Какую-то секунду Валентин видел перед собой своего двойника, а в следующий миг — чернобородого короналя с жестким взглядом и властным лицом, который тут же исчезал, снова сменяясь простым жонглером. Гудение толпы стало еще громче: метаморфы одобряли шоу. Валентин… лорд Валентин… Валентин… лорд Валентин…

Глядя на это, Валентин чувствовал, что спина его леденеет, волосы шевелятся, колени дрожат. В смысле этой странной пантомимы нельзя было ошибиться. Если Валентин хотел получить подтверждение всему тому, что прошло через его разум за последнее время, начиная с Пидруида, то теперь он его получил здесь, в этом лесном городе, среди первобытного народа.

Он смотрел в собственное лицо.

Он смотрел в лицо короналя.

Остальные восемь «жонглеров» корчились в каком-то ужасном танце — высоко задирая ноги, размахивая фальшивыми скандарскими руками и хлопая себя по бедрам. Волосы лже-Слита и лже-Карабеллы развевались на ночном ветру, и только фигура лже-Валентина оставалась неподвижной, хотя лицо непрерывно изменялось. Наконец все это закончилось: девять метаморфов стояли в центре круга, протягивая руки к публике, которая вскочила на ноги и принялась изображать тот же дикий танец.

Представление завершилось. Метаморфы, продолжая танцевать, уходили в ночь, к ларькам и развлечениям своего фестиваля.

Ошеломленный Валентин медленно повернулся и увидел застывшие лица своих товарищей. Челюсть Залзана Кавола отвисла, руки вяло болтались. Его братья сгрудились за ним в безмерном ужасе. Слит был страшно бледен, лицо Карабеллы, наоборот, пылало лихорадочным румянцем. Валентин протянул к ним руки. Залзан растерянно подался вперед, но остановился в нескольких футах от Валентина. Он моргал, облизывая губы, и ему, казалось, трудно было

заставить себя заговорить.

Наконец слабым, не своим голосом он произнес:

— Мой лорд…

Он и его братья неуверенно и неловко опустились на колени. Залзан Кавол трясущимися руками изобразил знак Горящей Звезды, его братья сделали то же. Слит, Карабелла, Виноркис, Делиамбер тоже встали на колени. Испуганный Шанамир, застыв от изумления и разинув рот, смотрел на Валентина, а затем медленно склонился к земле.

— Вы что, спятили все? — закричала Лизамон.

— На колени! — хрипло приказал Слит. — Ты видела это, женщина! Он — корональ. На колени!

— Корональ? — смущенно пробормотала она.

Валентин протянул к ним руки успокаивающим и благословляющим жестом. Они боялись его, и то, что сейчас произошло, вселяло в них ужас.

Он и сам испугался, но страх быстро прошел, сменившись силой, убежденностью, уверенностью. Само небо, казалось, крикнуло ему: «Ты — лорд Валентин, который был короналем на Замковой горе, и ты вернешься в Замок, если

будешь сражаться за это». Даже здесь, в этой дождливой, далекой охотничьей стране, в ее обветшалом древнем городе, еще потный после жонглирования Валентин, одетый в простой грубый наряд, чувствовал себя тем, кем когда-то был. Хотя он еще не осознал, что же с ним произошло, реальность полученных во сне посланий больше не вызывала сомнений. Принимая знаки почтения от своих прежних товарищей, он уже не чувствовал ни вины, ни стыда.

— Встаньте, — произнес он мягко. — Все встаньте. Нам надо уезжать отсюда. Шанамир! Запрягай животных. Залзан Кавол! Готовь фургон. — Сейчас его наполняла сила его прежнего имперского положения. — Всем вооружиться! Энергометами — тем, кто умеет с ними обращаться, остальным — жонглерскими ножами. Присмотри за этим, Слит.

Залзан Кавол с трудом выговорил:

— Мой лорд, мне кажется, я сплю. Подумать только, все это время я путешествовал с… Подумать только, я грубо разговаривал… я ссорился с…

— Потом, — прервал его Валентин, — сейчас нет времени обсуждать это. — Он повернулся к Лизамон, которая разговаривала сама с собой:

шевелила губами, жестикулировала, что-то себе объясняла и обсуждала эти невероятные события. Спокойным и в то же время исполненным силы голосом Валентин обратился к великанше: — Ты нанималась только привести нас в Илиривойн. Мне понадобится твоя сила, когда мы убежим. Ты останешься с нами до Ни-мойи и дальше?

— Они сделали тебе знак Горящей Звезды… — забормотала она. — Они все встали на колени, а метаморфы… Они…

— Когда-то я был лордом Валентином из Горного замка. Поверь, это действительно так. Королевство попало в злые руки. Останься рядом со мной, Лизамон. Я отправляюсь на восток, чтобы восстановить справедливость.

Прижав громадную ладонь ко рту, великанша ошеломленно смотрела на Валентина, а затем начала сгибаться в почтительном поклоне. Однако он покачал головой, взял ее за локоть и не дал встать на колени.

— Нет-нет. Не нужно сейчас этого. Пора убираться отсюда!

Собрав свой инвентарь, жонглеры поспешили на другой конец города к фургону. Шанамир и Карабелла ушли раньше и теперь были уже далеко. Скандары двигались одной шеренгой,

и земля под ними дрожала. Валентин ни разу не видел, чтобы они ходили так быстро. Им со Слитом приходилось буквально бежать за ними. Кривоногий и медлительный Виноркис изо всех сил старался не отставать. Позади всех шагала Лизамон Халтин. Она подхватила Делиамбера и несла его на сгибе левой руки, в правой держа обнаженный вибромеч.

Приближаясь к фургону, Слит спросил Валентина:

— Мы освободим пленника?

— Да.

Валентин поманил к себе Лизамон. Она опустила Делиамбера на землю и пошла за Валентином. Под предводительством Слита они побежали к площади. К облегчению Валентина, там практически никого не было, кроме горстки стражников, стоявших на посту. Двенадцать клеток все еще оставались на месте, поставленные в три яруса, на самом верху — клетка с синекожим. Не дав стражникам опомниться, Лизамон схватила сразу двоих и швырнула чуть ли не на середину площади.

— Не отнимай жизнь, — предупредил ее Валентин.

Слит с ловкостью обезьяны взобрался наверх

и начал резать толстые прутья, удерживавшие дверь клетки. Валентин натягивал прут, а Слит пилил его ножом. Через минуту лопнули последние волокна, и Валентин открыл дверь.

Разминая затекшие ноги, чужак выбрался на волю и вопросительно взглянул на своих освободителей.

— Пойдем с нами, — позвал Валентин. — Наш фургон недалеко, за площадью. Ты понимаешь?

— Понимаю, — кивнув головой, отозвался чужак. Голос его был глубоким, звучным, с резким щелканьем при каждом слове. Не говоря больше ни слова, он спрыгнул на землю, где Лизамон уже разобралась с метаморфскими стражниками и аккуратно укладывала их рядком.

Повинуясь порыву, Валентин разрезал перевязи на ближайшей к нему клетке лесных братьев. Маленькие ручки потянулись между прутьями решетки, вытащили запор, и лесные братья высыпали наружу.

Валентин перешел к следующей клетке. Слит уже спустился вниз.

— Минутку! — окликнул его Валентин. — Работа еще не закончена.

Слит вытащил свой нож и принялся за дело. Через минуту-другую все клетки были открыты,

и десятки лесных братьев скрылись в ночи.

На пути к фургону Слит спросил:

— Зачем ты это сделал?

— А почему бы и нет? — ответил Валентин. — Они тоже хотят жить.

Шанамир и скандары подготовили фургон, животные были запряжены, роторы крутились. Последней пришла Лизамон. Она захлопнула за собой дверь, что-то крикнула Залзану Каволу, и они тронулись.

И как раз вовремя: появились метаморфы и с криками бросились вдогонку, жестикулируя на ходу. Залзан Кавол прибавил скорости. Преследователи постепенно отстали и, когда фургон въехал в темные заросли, скрылись из виду.

Слит беспокойно оглядывался.

— Как вы думаете, они все еще преследуют нас?

— Не догонят, — заверила его Лизамон. — Они передвигаются только пешком. Мы в безопасности.

— Ты уверена? — спросил Слит. — А если они пройдут какой-нибудь боковой тропой и перехватят нас?

— Не тревожься заранее, — вмешалась в разговор Карабелла. — Мы едем достаточно быстро. —

Она вздрогнула. — И, надеюсь, мы еще очень не скоро вновь увидим Илиривойн!

Все замолчали. Фургон несся вперед.

Валентин сидел чуть поодаль от остальных. Это было неизбежно, но огорчало его, потому что он все еще ощущал себя больше Валентином, чем лордом Валентином, и ему было странно и неприятно ставить себя выше друзей. Но ничего не поделаешь. Карабелла и Слит, узнавшие о нем правду во сне, согласились хранить тайну. Делиамбер, знавший все раньше самого Валентина, никогда даже не показывал вида, но остальных, быть может, и подозревавших, что Валентин не просто странник, ошеломило открытое признание его ранга в гротескном выступлении метаморфов. Они смотрели на него молча, застыв в неестественных позах, как бы боясь шевельнуться в присутствии короналя. Никто не знал, как полагается вести себя перед лицом правителя Маджипура. Нельзя же все время делать перед ним знак Горящей Звезды! Валентину этот жест вообще казался абсурдным: растопыренные пальцы, и только. Его растущее чувство собственной значимости, судя по всему, отнюдь не породило в нем чрезмерного самомнения.

Чужак назвал себя Кхуном с Кианимота, отно-

сительно близкой к Маджипуру звезды. Он был сумрачен и задумчив, а в глубине его души кипели гнев и отчаяние, что, по мнению Валентина, выражалось в форме его рта, тоне голоса и главным образом в пристальном взгляде необычных пурпурных глаз. Конечно, он, Валентин, судил об этом чуждом существе со своей человеческой точки зрения, и, вполне возможно, жители Кианимота считали Кхуна веселым и приятным. Но что-то заставляло Валентина сомневаться в этом.

Кхун прибыл на Маджипур два года назад по делу, суть которого не объяснил. Это была, как он с горечью сказал, величайшая ошибка в его жизни, потому что он растратил на маджипурские развлечения все свои деньги и по глупости отправился на Зимроэль, не зная, что на этом континенте нет космопорта, откуда он мог бы вернуться на родную планету. Еще большую глупость он совершил, зайдя на территорию метаморфов. Здесь он предполагал поправить свои денежные дела какой-нибудь торговлей, а метаморфы схватили его, посадили в клетку и держали в ней много недель, чтобы в главную ночь фестиваля принести в жертву фонтану.

— Может, оно бы и к лучшему, — вздохнул

он. — Один быстрый удар воды — и всем моим странствиям конец. Я устал от Маджипура. Если мне суждено умереть здесь, я предпочел бы сделать это поскорее.

— Прости, что мы освободили тебя, — ядовито произнесла Карабелла.

— Нет, я не хочу быть неблагодарным, только… — Кхун помолчал. — Мне тяжело здесь и на Кианимоте тоже. Есть ли во Вселенной место, где жизнь не означает страдание?

— А чем плоха жизнь? — спросила Карабелла. — Мы находим ее вполне терпимой. Даже самая плохая и то лучше, чем смерть. — Она засмеялась. — Ты всегда такой угрюмый?

Чужак пожал плечами:

— Если ты счастлива, я рад и могу только позавидовать. Я считаю существование тяжким и жизнь бессмысленной. Но это слишком мрачные мысли для того, кто только что обрел свободу. Я благодарен вам за помощь. Кто вы, как попали в Пиурифэйн и куда теперь едете?

— Мы жонглеры, — ответил Валентин и бросил многозначительный взгляд на остальных. — Мы приехали в эту провинцию, думая, что сможем здесь заработать. Если нам удастся удрать отсюда, мы отправимся в Ни-мойю, а потом вниз по реке

— в Пилиплок.

— А оттуда?

Валентин сделал неопределенный жест.

— Кое-кто из нас хочет совершить паломничество на Остров Сна. Ты знаешь о нем? Куда хотят ехать другие — не могу сказать.

— Мне надо добраться до Алханроэля, — сказал Кхун. — Это моя единственная надежда вернуться домой, поскольку с этого континента попасть туда невозможно. Может быть, из Пилиплока я сумею как-то перебраться через море. Можно мне поехать с вами?

— Конечно.

— Но у меня нет денег.

— Понятно, — кивнул Валентин. — Но это неважно.

Фургон быстро ехал во тьме. Никто не спал, разве что иногда ненадолго задремывал. Снова пошел дождь. В гуще леса опасности могли подстерегать со всех сторон, но, как ни странно, невозможность увидеть что-либо в темноте, наоборот, действовала успокаивающе. Фургон продолжал двигаться беспрепятственно.

По прошествии примерно часа пути Валентин увидел перед собой дрожащего с ног до головы Виноркиса.

— Мой лорд, — дыша, как пойманная рыба, прошептал он.

Валентин кивнул хьорту.

— Да ты весь дрожишь, Виноркис.

— Мой лорд, могу ли я сказать… я должен сделать страшное признание…

Слит открыл глаза и сурово посмотрел на Виноркиса. Валентин сделал Слиту знак молчать.

— Мой лорд, — повторил Виноркис, замолчал и начал снова: — Мой лорд, в Пидруиде ко мне подошел человек и сказал: «В такой-то гостинице есть высокий блондин, иностранец, и мы считаем, что он совершил страшные преступления». Этот человек предложил мне целый кошелек крон, чтобы я держался поближе к светловолосому иностранцу, куда бы тот ни пошел, и сообщал о его действиях имперским службам каждые несколько дней.

— Шпион? — рявкнул Слит и схватился за кинжал на бедре.

— Кто этот человек, который нанял тебя? — спокойно спросил Валентин.

Хьорт покачал головой.

— Судя по одежде, кто-то из службы короналя. Имени его я не знаю.

— И ты делал это? — поинтересовался Вален-

тин.

— Да, мой лорд, — глядя в пол, прошептал Виноркис. — В каждом городе. Прошло какое-то время, и я уже начал сомневаться, что ты, как мне сказали, преступник, потому что ты вежливый, ласковый, у тебя добрая душа, но я взял их деньги, и за каждый рапорт мне давали еще…

— Позволь мне убить его на месте! — вскричал Слит.

— Нет, — возразил Валентин, — ни сейчас, ни позже.

— Он опасен, мой лорд.

— Нет, теперь уже не опасен.

— Я никогда не доверял ему, — добавил Слит, — и Карабелла, и Делиамбер. Не потому, что он хьорт. Он вечно хитрил, делал какие-то намеки, следил за всеми, задавал множество вопросов, все время что-то вынюхивал.

— Умоляю вас простить меня, — взмолился Виноркис. — Я же не знал, кого предаю, мой лорд.

— Ты веришь ему? — спросил Слит.

— Да, — ответил Валентин. — Почему бы и нет? Он не знал, кто я. Впрочем, я и сам не знал этого. Ему велели следить за блондином и сообщать обо всем правительству. Что плохого он сделал? Он думал, что служит короналю. За его лояльность

нельзя платить кинжалом, Слит.

— Мой лорд, ты иной раз бываешь чересчур наивным, — не успокаивался Слит.

— Наверное, да, но не сейчас. Мы много выиграем, простив его, и ничего не выиграем, убив. — Валентин обернулся к хьорту: — Я прощаю тебя, Виноркис. Прошу только, чтобы ты был так же предан истинному короналю, как был предан фальшивому.

— Клянусь, мой лорд.

— Хорошо. Теперь иди спать и не бойся.

Виноркис сделал знак Горящей Звезды, попятился и сел в средней части кабины рядом с двумя скандарами.

— Все-таки это неразумно, мой лорд. А если он не прекратит шпионить за тобой? — волновался Слит.

— Кому доносить в этой глуши?

— А когда мы выйдем отсюда?

— Я думаю, ему следует поверить, — сказал Валентин. — Хотя понимаю, что это признание могло быть двойной хитростью, усыпляющей любые наши подозрения. Я не так наивен, как ты думаешь, Слит. Поручаю тебе приглядывать за ним, когда мы снова попадем в цивилизованные места. Но думаю, ты сам поймешь, что он раска-

ялся искренне. Я сделаю его полезным для нас.

— Как, мой лорд?

— Шпион может привести нас к другим шпионам. Пусть Виноркис поддерживает контакты с имперскими агентами.

Слит широко улыбнулся и подмигнул.

— Я понял тебя, мой лорд.

Валентин улыбнулся в ответ, и они замолчали.

Валентин думал, что ужас и раскаяние Виноркиса были искренними и помогли многое узнать. Ведь если кораль платит большие деньги за слежку за каким-то бродягой от Пидруида до Илиривойна, так ли незначителен этот бродяга? Но самое главное, исповедь Виноркиса подтверждает все, что Валентин узнал о себе. Вполне понятно, что, если для пересадки его из одного тела в другое использовали новые и недостаточно проверенные методы, заговорщики не знали, насколько постоянным будет опустошение мозга, и вряд ли рискнули бы позволить кораль бродить по стране без присмотра. Значит, рядом постоянно находился шпион, и, вероятно, не один. А если до узурпатора дойдут сведения, что к Валентину возвращается память, тот начнет немедленно действовать. Интересно бы знать, насколько тщательно имперские силы выслежи-

вают его и где именно на его пути в Алханроэль они вмешаются.

За окнами фургона стоял ночной мрак. Делиамбер и Лизамон все время обсуждали маршрут с Зализаном Каволом. Второе большое поселение метаморфов, Авендройн, находилось где-то к юго-востоку от Илиривойна, в ущелье между двумя большими горами, и дорога, по которой они ехали, похоже, вела туда. Конечно, вряд ли было разумно лезть в другой метаморфский город. Туда наверняка уже дошел слух об освобождении пленников и бегстве жонглеров. Еще опаснее было ехать назад, к Пиурифэйнскому фонтану.

Валентин не спал, сотни раз возобновляя в памяти пантомиму метаморфов. Она походила на сон, но не была им. Валентин стоял достаточно близко, чтобы дотронуться до своего двойника, и отчетливо видел мгновенную смену лица. Метаморфы знали истину лучше, чем он сам. А что, если они, как и Делиамбер, способны читать в душах? Какие чувства они испытывали, зная, что к ним пожаловал свергнутый корональ? Конечно, не страх и благоговение. Коронали для них ничего не значили и были всего лишь символом их поражения тысячи лет назад. Наверное, им было даже смешно, что наследник лорда Стиамо-

та бросает дубинки на их фестивале и забавляет их всякими трюками. Корональ не в роскошном Горном замке, а в их собственном грязном лесном поселке! «Как странно, — думал Валентин. — Как похоже на сон».

Глава 15

К утру показались громадные пологие горы с широким перевалом между ними. Авендройн, видимо, был недалеко. Залзан Кавол с уважением, какого никогда не выказывал раньше, подошел посоветоваться с Валентином: остаться ли в лесу на весь день, а ночью попытаться миновать Авендройн или рискнуть пройти днем?

Валентин не привык к лидерству. Он задумался, пытаясь выглядеть дальновидным и рассудительным:

— Если мы поедем днем, то нас непременно заметят. Если же мы будем отсиживаться тут и потеряем целый день, у них будет время подготовиться к нападению.

— Ночью, — вмешался Слит, — в Илиривойне снова фестиваль, и здесь, наверное, тоже. Пока они развлекаются, мы можем проскользнуть мимо них, а днем у нас не будет такой возможности.

— Я согласна, — сказала Лизамон.

Валентин окинул взглядом всех.

— Карабелла?

— Если мы будем ждать, то позволим метамор-

фам захватить нас. Я за то, чтобы ехать сейчас.

— Делиамбер?

Вруун деликатно сложил вместе кончики щупалец.

— Ехать. Вокруг Авендройна и назад, к Верфу. Там, конечно, есть вторая дорога из Авендройна к фонтану.

— Да, — кивнул Валентин. — Я согласен с Карабеллой и Делиамбером. А как ты?

Залзан Кавол нахмурился.

— Я бы сказал, пусть колдун сделает так, чтобы наш фургон полетел и к ночи доставил нас в Ни-мойю. В противном случае я за то, чтобы продолжать путь без промедления.

— Да будет так, — произнес Валентин, словно это было его единоличным решением. — Когда дойдем до Авендройна, пошлем разведчиков на поиски обходной дороги.

Они тронулись в путь. Дождь на некоторое время прекратился, а когда пошел снова, то превратился сразу в тропический ливень. Тяжелые капли со злобной силой стучали по крыше фургона. Но Валентина это даже радовало. Может, метаморфы укроются от дождя в домах и не заметят их.

Наконец показались окраины поселения — раз-

бросанные там и сям плетеные хижины. Дорога часто разветвлялась. Каждый раз Делиамберу приходилось угадывать, куда свернуть, и в конце концов они поняли, что уже приблизились к Авендройну. Лизамон и Слит отправились на разведку и через час вернулись с хорошими вестями: одна из двух дорог ведет прямо к центру Авендройна, где полным ходом идут приготовления к фестивалю, а другая уходит на север, огибает весь город и идет через какое-то подобие фермерского округа на дальние склоны гор.

Выбрав северную дорогу, путешественники довольно легко миновали Авендройн.

Ближе к вечеру они преодолели перевал и въехали на широкую, густо заросшую лесом, темную, побитую дождем равнину, которая ограничивала территорию метаморфов с востока. Залзан Кавол гнал фургон вперед, останавливаясь лишь по настойчивому требованию Шанамира, утверждавшего, что животным абсолютно необходимы отдых и корм. Хоть они и были искусственно выведены и практически не уставали, все же они были живыми существами и хотя бы иногда нуждались в передышке. Скандар соглашался неохотно. Им, казалось, овладела навязчивая идея поскорее оказаться как можно дальше от

Пиурифэйна.

Беда пришла внезапно — в сумерках, когда они ехали под дождем по неровной, ухабистой дороге.

Валентин вместе с Делиамбером и Карабеллой сидел в средней части фургона, Хейтраг Кавол и Гибор Хаэрн правили, а остальные спали. Впереди раздались грохот и треск, и фургон резко остановился.

— Дерево упало, — крикнул Хейтраг. — Дорога перегорожена.

Залзан Кавол пробормотал проклятие и тычком разбудил Лизамон. Валентин ничего не видел впереди, кроме зелени. Крона какого-то лесного гиганта полностью перекрыла дорогу. На ее расчистку теперь потребуется много часов, а то и дней. Скандары с энергометами на плечах вышли проверить. Валентин пошел за ними. Быстро темнело. Дул порывистый ветер, и струи дождя почти горизонтально неслись им в лицо.

— Примемся за работу, — проворчал Залзан Кавол, с досадой покачивая головой. — Телкар, начинай рубить отсюда. Роворн, руби большие боковые ветви. Ерфон…

— Можно сделать быстрее, — посоветовал Валентин. — Вернемся и поищем другое ответв-

ление дороги.

Идея удивила Залзана Кавола, словно скандар в жизни не додумался бы до такого решения. Он помялся.

— Да, — признал он наконец, — это имеет смысл. Если мы…

Второе дерево, еще больше первого, упало на землю в сотне ярдов позади них. Фургон оказался в западне. Валентин первый сообразил, что сейчас случится.

— Все в фургон! Засада! — крикнул он и бросился к открытой двери.

Но было уже поздно. Из темноты леса выскочила толпа метаморфов и молча врезалась в них. Залзан Кавол испустил яростный вопль и открыл огонь из энергомета.

Два метаморфа упали, страшно обгоревшие. В то же время, приглушенно вскрикнув, рухнул Хейтраг Кавол: боевое копье пронзило его шею.

Телкар, пораженный в грудь, упал тоже.

Задняя часть фургона внезапно вспыхнула. Те, кто был внутри, поспешно выскочили. Впереди с поднятым вибромечом неслась Лизамон. На Валентина напал метаморф с его лицом. Валентин пинком отшвырнул метаморфа, повернулся и ударил другого единственным своим оружием

— ножом. Как это было странно — нанести рану! Он с какой-то жуткой зачарованностью смотрел, как льется бронзового оттенка жидкость.

Метаморф-Валентин напал снова, нацелившись когтями в глаза Валентина. Валентин увернулся, изогнулся и ударил. Лезвие вошло глубоко, и метаморф качнулся назад, хватаясь за грудь. Валентина пробрала дрожь, но это длилось только миг — и он тут же повернулся к следующему метаморфу.

Сражаться и убивать было для него новым делом, и он выполнял его скрепя сердце. Но проявление слабости сейчас означало мгновенную смерть. Он бил и резал, бил и резал.

— Как ты? — раздался позади голос Карабеллы.

— Держусь пока, — буркнул он.

Залзан Кавол увидел свой великолепный фургон в огне, зарычал, схватил поперек тела одного из метаморфов и швырнул в пламя. На него бросились еще двое, но другой скандар схватил их и двумя парами рук сломал, как прутья. В яростной схватке Валентин мельком увидел Карабеллу, боровшуюся с метаморфом. Сильными тренированными руками она прижала врага к земле. Неподалеку от нее с дикой яростью и каким-то радостным наслаждением бил метаморфа сапога-

ми Слит. Фургон был охвачен пламенем! Лес был полон метаморфов, ночь быстро надвигалась, грохотал дождь… А фургон все горел!

Когда жар усилился, центр битвы переместился с обочины дороги к лесу, и обстановка тут же усложнилась, ибо в темноте трудно было отличить друзей от врагов. Метаморфские хитрости усугубляли положение, хотя, к счастью, в ярости сражения они не могли долго удерживать измененную форму, и те, кто казался Шанамиром, Слитом или Залзаном Каволом, быстро возвращались к своему природному виду.

Валентин сражался отчаянно. Он был мокрым от собственного пота и крови метаморфов. Сердце стучало как бешеное. Задыхаясь и пыхтя, не останавливаясь ни на миг, он пробивался сквозь гущу врагов с азартом, удивлявшим его самого. Удар ножом… еще удар… еще…

Метаморфы имели лишь простейшее оружие, и, хотя их было очень много, вскоре их численность стала уменьшаться. Лизамон своим вибромечом производила страшные опустошения. Она держала его обеими руками и рубила без разбору — будь то ветви деревьев или метаморфы. Уцелевшие скандары, посылая вокруг энергозаряды, сожгли с полдюжины деревьев и усыпали землю трупами

врагов. Слит калечил и убивал, как бы мстя за всю ту боль, которую, как он думал, причинили ему метаморфы. Кхун и Виноркис тоже яростно сражались.

Битва закончилась так же внезапно, как и началась.

При свете пожарища Валентин повсюду видел мертвых метаморфов. Между ними лежали два убитых скандара. На бедре Лизамон кровоточила неглубокая рана. Слит потерял половину своего камзола и заработал несколько мелких порезов. У Шанамира были царапины на щеке. Валентин тоже получил незначительные царапины и ссадины, и руки его болели от усталости, но серьезных повреждений не было. А где же Делиамбер? Колдун пропал.

Встревоженный Валентин повернулся к Карабелле.

— Вруун не остался в фургоне?

— По-моему, мы все выскочили, когда он загорелся.

Валентин нахмурился. В лесной тишине слышались только шипение и треск пожарища и насмешливо-спокойный шум дождя.

— Делиамбер! — закричал Валентин. — Делиамбер, где ты?

— Я здесь, — ответил высокий голос сверху.

Валентин поднял голову и футах в пятнадцати над землей увидел крепко уцепившегося за сук колдуна.

— Я, к сожалению, никак не мог повлиять на ход сражения, — вежливо объяснил Делиамбер.

Он раскачался и упал прямо в руки Лизамон.

— Что нам теперь делать? — спросила Карабелла.

Валентин понял, что она обращается к нему. Стоявший на коленях возле мертвых братьев Залзан Кавол был так потрясен их гибелью и потерей своего драгоценного фургона, что не видел и не слышал ничего вокруг и, уж конечно, не мог руководить труппой.

Валентину пришлось взять инициативу в свои руки.

— У нас нет выбора, надо пробиваться через лес. Если мы пойдем по главной дороге, то опять столкнемся с метаморфами. Шанамир, что с животными?

— Они мертвы. — Мальчик всхлипнул. — Все до единого. Метаморфы…

— Значит, пешком. В долгое путешествие под дождем. Делиамбер, как ты думаешь, далеко ли до реки Стейч?

— По-моему, несколько дней пути. Но мы не знаем точного направления.

— Пойдем по склону, — предложил Слит. — Реки не могут течь в гору. Направимся на восток, и нам обязательно повезет.

— Если на нашем пути не встанут горы, — заметил Делиамбер.

— Мы найдем реку, — твердо сказал Валентин. — Стейч впадает в Зимр у Ни-мойи, правильно?

— Да, — согласился Делиамбер, — но течение у нее бурное.

— Придется рискнуть. Лучше всего, я думаю, построить плот. Пошли. Если мы задержимся здесь, на нас снова нападут.

Из фургона ничего не удалось спасти — ни одежду, ни еду, ни жонглерский инвентарь. Пропало все, кроме того, что было при них, когда они выскочили навстречу засаде. Для Валентина это была небольшая потеря, но для других, особенно для скандаров, — бедствие. Фургон долгое время служил им домом.

Труднее всего оказалось увести от этого места Залзана Кавола. Он как бы застыл, не в силах покинуть тела братьев и остатки фургона. Валентин ласково уговаривал его встать, объясняя,

что несколько метаморфов могли удрать и скоро вернутся с подкреплением, а потому оставаться здесь опасно. Они быстро вырыли в мягкой почве неглубокие могилы и похоронили Телкара и Хейтрага, а затем в сгустившейся тьме, под непрерывным дождем пошли в восточном, как они надеялись, направлении.

Так они шли больше часа, пока не стало так темно, что ничего нельзя было разглядеть. Пришлось остановиться и, тесно прижавшись друг к другу, отдыхать до восхода солнца. С первыми лучами они встали, озябшие и неотдохнувшие, и побрели дальше через лес. Дождь наконец прекратился. Лес поредел, и идти стало немного легче, но иногда встречались быстрые ручьи, которые приходилось переходить, соблюдая крайнюю осторожность. В одном из таких ручьев Карабелла оступилась и упала. К счастью, ее успела выловить Лизамон Халтин. В другом Шанамира понесло течением, но Кхун сумел подхватить мальчика. Около полудня путники остановились на час-два, поели корней и ягод, а затем двигались вперед до самой темноты.

Так прошли еще два дня.

На третий они нашли рощу двикка-деревьев — восемь толстых гигантов с висевшими на них

громадными плодами.

— Еда! — завопил Залзан Кавол.

— Священная для лесных братьев, — напомнила Лизамон. — Будь осторожен!

Изголодавшийся скандар тем не менее уже собирался свалить своим энергометом один из громадных плодов, но Валентин резко остановил его:

— Нет! Я запрещаю!

Залзан Кавол недоверчиво уставился на него. На миг взыграла его старая привычка командовать, и он взглянул так свирепо, словно собирался ударить Валентина… Однако сумел взять себя в руки.

— Смотри, — сказал Валентин.

Из-за каждого дерева показались лесные братья, вооруженные духовыми трубками.

Валентин так устал, что, увидев, как обезьяноподобные существа окружают их, даже обрадовался скорой неминуемой смерти. Но слабость мгновенно прошла. Он снова воспрянул духом и обратился к Лизамон:

— Спроси их, не могут ли они дать нам еды и проводить нас. Если они потребуют платы, я думаю, мы можем жонглировать для них камешками или кусочками плода.

Женщина-воин, вдвое выше лесных братьев, подошла к ним и долгое время разговаривала. Вернулась она с улыбкой.

— Они знают, что мы освободили их братьев в Илиривойне.

— Значит, мы спасены! — вскричал Шанамир.

— Быстро же распространяются новости в этом лесу! — удивился Валентин.

— Мы их гости, — продолжала Лизамон. — Они накормят нас и проводят.

В эту ночь путники досыта наелись двикка-плодами и другими лесными деликатесами и впервые после битвы искренне веселились. Лесные братья исполнили для гостей что-то вроде танца с обезьяньими прыжками, а Слит, Карабелла и Валентин жонглировали, используя те предметы, которые удалось отыскать в лесу.

Потом Валентин крепко и спокойно заснул. Ему снилось, что он умеет летать и парит над вершиной Замковой горы.

Утром отряд лесных братьев повел своих гостей в трехчасовое путешествие к реке Стейч и там распрощался с ними щебечущими криками.

Река выглядела угрюмой. Широкая, хоть и не такая, как могучий Зимр, она бежала на север так стремительно и энергично, что во многих

местах разрушала собственное каменное ложе. В нескольких местах над водой устрашающе вздымались камни, а вдали виднелись пороги.

Сооружение плотов заняло полтора дня. Путешественники рубили молодые деревья, которые росли на берегу, обтесывали их ножами и острыми камнями, связывали лианами. Плоты получились неказистые, но прочные. Их было три: один для четверых скандаров, другой для Кхуна, Виноркиса, Лизамон и Слита, а третий заняли Валентин, Шанамир, Делиамбер и Карабелла.

— Мы можем потерять друг друга из виду, когда поплывем вниз по реке, — сказал Слит. — Давайте договоримся, где нам встретиться в Ни-мойе.

— Стейч и Зимр, — ответил Делиамбер, — сходятся в месте, которое называется Ниссиморн. Там есть широкая песчаная отмель. Давайте встретимся на отмели Ниссиморн.

— Ладно, — согласился Валентин.

Он обрезал лиану, удерживавшую плот у берега, и они понеслись по реке.

Первый день прошел без приключений. Плоты благополучно миновали встречавшиеся на пути невысокие пороги. Карабелла ловко управляла плотом и умело обходила случайные каменные

выступы.

Через некоторое время плоты стали отдаляться друг от друга. Тот, на котором плыл Валентин, попал в быстрину и обогнал два других. Утром Валентин поджидал своих спутников, но они не появлялись, и он решил плыть дальше по самому быстрому участку, где время от времени на порогах возникали белые гребни.

К концу второго дня плавание стало труднее. По мере приближения к Зимру местность, похоже, шла под уклон, и река, следуя линии спуска, еще больше ускоряла свое течение. Валентин начал беспокоиться, нет ли впереди водопада. У них не было ни карт, ни сведений об опасных местах — они мчались наугад. Оставалось лишь верить в удачу, в то, что эта бурная вода донесет их до Ни-мойи живыми.

А потом? На речном судне до Пилиплока… на корабле паломников на Остров Сна… а там всеми правдами и неправдами добиться встречи с Хозяйкой… А дальше что? Как человек может претендовать на трон короналя, если внешне он не имеет ничего общего с лордом Валентином, законным правителем? Как доказать обоснованность своих требований? Вряд ли такое возможно. Наверное, лучше остаться в лесу и управлять

своим маленьким отрядом. Они достаточно легко приняли его за того, кем он себя считал, но в этом мире миллиарды жителей, обширная империя включает в себя гигантские города и простирается далеко за горизонт. Как он сможет убедить тех, кто не верит, что он, Валентин-жонглер, был…

Нет, это глупые мысли. Никогда с тех пор, как он появился возле Пидруида, лишенный памяти и прошлого, он не испытывал потребности править другими. Если он стал управлять этой маленькой группой, то больше по природному дару и упущению Залзана Кавола, чем по собственному желанию. Однако пусть мягко и неуверенно, но он правил. Так будет и когда он пойдет по всему Маджипуру. Он будет действовать осторожно и делать то, что покажется правильным и нужным. Возможно, Хозяйка Острова Сна станет направлять его, и, если Божество того пожелает, в один прекрасный день он снова взойдет на Замковую гору.

Бояться нечего. Будущее должно ясно раскрыться перед ним, обозначив истинный путь, как это делалось начиная с Пидруида. И…

— Валентин!!! — закричала Карабелла.

Река как бы выпустила гигантские каменные зубы. Повсюду торчали камни и виднелись чудо-

вищные пенные водовороты, а впереди — резкий спуск, где воды Стейч с ревом падали и по ступеням неслись в едва различимую внизу долину. Валентин схватился за шест, но тот оказался бесполезным: застрял между двумя камнями и вырвался из рук. Тут же послышался скрежет, плот ударился о камни, развернулся и рассыпался. Валентина швырнуло в холодный поток и понесло как щепку. Он схватил Карабеллу за руку, но течение тут же оторвало от него девушку, а его накрыло волной. Задыхаясь, Валентин старался поднять голову над водой. Когда это ему наконец удалось, он увидел, что течение отнесло его далеко вниз. Обломков плота нигде не было видно.

— Карабелла! — звал он. — Шанамир! Делиамбер! Э-э-эй!

Он кричал до хрипоты, но грохот воды на порогах заглушал голос — он и сам себя почти не слышал. Страшное ощущение потери сковало мозг. Неужели пропали все его друзья: возлюбленная, хитрый маленький вруун, умный дерзкий мальчик Шанамир, — всех в один миг взяла смерть? Нет! Не может быть! Потрясение было гораздо большим, чем в тот момент, когда ему открылось, что он — корональ, изгнанный из Замка. Тут дорогие ему существа из плоти и

крови, а там — лишь титул и власть. Он звал и звал их, а река продолжала тащить его вниз.

— Карабелла! Шанамир!

Валентин цеплялся за камни, пытаясь остановиться, но его затянуло в середину порогов, о которые билось течение, выворачивая камни с речного дна. Измученный, полупарализованный скорбью, Валентин перестал бороться, и его понесло по гигантской речной лестнице как игрушку. Он прижал колени к груди, а руками прикрывал голову, пытаясь таким образом защититься от нещадно избивавших его камней. Мощь реки потрясала. «Итак, — думал Валентин, — вот и закончились приключения Валентина с Маджипура, бывшего короналя, а затем странствующего жонглера. Его разнесут на куски равнодушные силы природы». Набрав в грудь побольше воздуха, он воззвал к милости Хозяйки Острова Сна, которую считал своей матерью, и кувырком покатился вниз, больно ударяясь обо что-то и каждый раз думая, что это конец. Но конец все не наступал, и он продолжал свой стремительный спуск… В какой-то момент получив сильнейший удар под ребра, от которого перехватило дыхание, он, видимо, на некоторое время потерял сознание, потому что больше не

испытывал боли.

Затем он обнаружил, что лежит на усыпанной галькой отмели в спокойной части реки. Ему казалось, что его несколько часов трясли в гигантском стаканчике для игральных костей, а потом бросили куда попало, как что-то ненужное и бесполезное. Тело болело в тысяче мест, легкие были словно пропитаны водой, он дрожал и покрылся гусиной кожей. Валентин был один под безоблачным небом, на краю неведомой дикой местности, вдали от цивилизации, а его друзья, возможно, навеки остались лежать среди камней.

Но он жив. Избитый, беспомощный, скорбящий, потерянный… И все-таки живой. Значит, это еще не конец. Медленно, с неимоверными усилиями Валентин поднялся с отмели и поплелся к берегу. Там он с трудом взобрался на широкую плоскую скалу, онемевшими пальцами снял с себя одежду и растянулся под теплым ласковым солнцем, пристально вглядываясь в воду в надежде увидеть плывущую Карабеллу или Шанамира с колдуном на плече. Никого. Но это не значит, что их нет в живых, уверял он себя. Их тоже могло где-то выбросить на берег. Надо остаться здесь на некоторое время, отдохнуть,

а потом идти на поиски остальных. Если же он их не найдет, то отправится дальше один — к Ни-мойе, к Пилиплоку, к Острову Сна, вперед, к Замковой горе или куда там еще понадобится.

Вперед, вперед, вперед…

Часть III
Книга острова сна

Глава 1

Валентину казалось, что он уже целые месяцы, а может, и годы лежит голый на теплом плоском каменистом пляже, куда выбросила его своенравная река Стейч. Солнечные лучи ласкали его избитое тело, и он убеждал себя, что они подлечат его синяки, ушибы и ссадины, если он проведет здесь побольше времени. Грохот бушующей реки странным образом действовал на него успокаивающе. Он смутно сознавал, что надо бы встать, позаботиться о крове, начать поиски пропавших спутников, но у него едва хватило сил повернуться с одного бока на другой. Валентин понимал, что такое поведение недостойно короналя Маджипура. Так потакать своим слабостям простительно купцу, хозяину таверны или даже жонглеру, но не тому, кто претендует на управление страной, ибо на нем лежит высокая ответственность и он должен уметь держать себя в руках. «Сейчас ты встанешь, оденешься, — убеждал себя он, — и пойдешь вдоль берега на север, пока не разыщешь тех, кто в силах помочь тебе вернуть утраченное положение. Вот так. Вставай, Валентин!» Однако он не трогался с

места. Кораль он или нет, но он окончательно выбился из сил, пока летел кувырком через пороги. И сейчас, лежа здесь, он осознавал, как велик Маджипур. Он словно видел многие тысячи миль этой планеты, на которой не было тесно двадцати миллиардам жителей, планеты с громадными городами и удивительными парками, лесными заповедниками, священными районами и сельскохозяйственными территориями… И казалось, что, если он сумеет превозмочь себя и встанет, ему придется покрыть все это колоссальное расстояние пешком, шаг за шагом. Не проще ли остаться здесь?

Что-то легко, но настойчиво пощекотало его спину, однако он не обратил на это внимания.

— Валентин!

На отклик он тоже не отозвался.

Снова это щекочущее ощущение… И только тогда в отупевшем от усталости мозгу шевельнулась мысль, что кто-то зовет его. Значит, кто-то из потерявшихся спутников все-таки жив! Его захлестнула радость. Собрав остатки сил, Валентин поднял голову и увидел крошечную фигурку стоявшего перед ним Делиамбера. Вруунский колдун собирался коснуться его в третий раз.

— Ты жив? — вскричал Валентин.

— Очевидно, да. Ты, как я вижу, тоже.

— А Карабелла? Шанамир?

— Не знаю. Я их не видел.

— Этого я и боялся, — тупо пробормотал Валентин.

Он закрыл глаза, и его вновь охватило отчаяние.

— Пойдем, — позвал Делиамбер. — Нам предстоит большое путешествие.

— Я знаю, потому и не хочу вставать.

— Ты ранен?

— Не думаю. Но мне необходим отдых, Делиамбер, я хочу отдыхать сто лет.

Щупальца колдуна пробежались по телу Валентина.

— Серьезных повреждений нет, — пробормотал вруун. — Ты практически здоров.

— Мне кажется, что у меня все переломано, — невнятно прошептал Валентин. — А как ты?

— Врууны хорошие пловцы, даже такие старики, как я. Я жив и здоров. Мы пойдем дальше, Валентин?

— Позднее.

— Вот, значит, как корональ Мадж…

— Нет, — возразил Валентин, — корональ Маджипура не поплыл бы по порогам Стейч на

связанном лианами плоту. Корональ Маджипура не шлялся бы по диким местам много дней, не спал бы под дождем и не питался бы одними ягодами да орехами. Корональ…

— Корональ Маджипура не позволил бы своим подданным видеть себя в столь плачевном состоянии, — резко оборвал его Делиамбер. — А один из подданных уже приближается.

Валентин заморгал и сел. К ним широкими шагами направлялась Лизамон Халтин. Ее одежда превратилась в лохмотья, гигантское тело во многих местах было покрыто синяками, но шагала она уверенно, и голос ее, когда она окликнула их, звучал, как всегда, громоподобно:

— Эй! Вы живы?

— Думаю, да, — ответил Валентин. — Ты видела кого-нибудь из наших?

— В полумиле отсюда Карабелла и мальчик.

Валентин воспрянул духом.

— С ними все в порядке?

— С ней, во всяком случае.

— А Шанамир?

— Он не хочет просыпаться. Она послала меня искать колдуна. Это оказалось проще, чем я предполагала. Фу, ну и река! Этот плот развалился так быстро, что прямо смех!

Валентин потянулся за своей одеждой. Она еще не высохла, и он снова бросил ее на камни.

— Мы сейчас же пойдем к Шанамиру. Ты ничего не знаешь о Кхуне, Слите и Виноркисе?

— Ничего. Я упала в воду, а когда выплыла, никого рядом не было.

— А скандары?

— Вообще никаких признаков. Колдун, как по-твоему, где мы?

— Далеко отовсюду, — ответил вруун. — Во всяком случае, от метаморфов мы спасены. Давай веди меня к мальчику.

Лизамон посадила Делиамбера на плечо и зашагала по берегу, а Валентин, перекинув все еще влажную одежду через руку, вяло заковылял сзади. Скоро они увидели Карабеллу и Шанамира, которые устроились в маленькой бухте с ослепительно белым песком среди толстых ярко-красных стеблей речного тростника. Карабелла, избитая и усталая, в одной кожаной юбке, похоже, чувствовала себя не так уж плохо. Шанамир же был без сознания, дышал слабо и медленно, и его кожа приобрела какой-то странный темный оттенок.

— О, Валентин! — вскрикнула Карабелла и бросилась к нему. — Я видела, как тебя закружил

поток, а затем… Ох, я думала, никогда больше не увижу тебя!

Он прижал ее к себе.

— Я тоже так думал, любимая.

— Ты ранен?

— Ничего серьезного. А ты?

— Меня бросало, трясло и крутило, так что я даже имени своего не помнила. А потом я вдруг очутилась в спокойной воде и поплыла к берегу. Там и нашла Шанамира, только он не хотел просыпаться. Затем из-под тростника выползла Лизамон и сказала, что пойдет искать Делиамбера и… Он придет в себя, колдун?

— Сейчас, — сказал Делиамбер.

Он прикладывал кончики щупалец к груди и ко лбу мальчика, как бы передавая ему энергию. Шанамир пробурчал что-то и пошевелился, то открывая, то закрывая глаза. Потом начал что-то хрипло бормотать, но Делиамбер велел ему замолчать и лежать спокойно, чтобы восстановить силы.

О продолжении путешествия в этот день нечего было и думать. Валентин и Карабелла соорудили шалаш из тростника, Лизамон собрала скудный обед из фруктов и молодых побегов пининны. После обеда они молча сидели у реки, глядя на

прекрасный закат, на переливы фиолетового и золотого цветов на огромном небосводе, на их оранжево-пурпурное отражение в темной воде; бледно-зеленые, светло-красные полутона сменились первыми тенями серого и черного оттенков, и быстро наступила ночь.

Утром они почувствовали, что в состоянии двинуться дальше. Глядя на Шанамира, нельзя было даже представить, что еще вчера он был так плох. Лечение Делиамбера и природное здоровье мальчика вернули ему жизненные силы.

Приведя, насколько это было возможно, в порядок свою порванную одежду, они пошли на север, сначала по берегу, а затем через примыкавший к реке лес. Воздух здесь был мягкий, а солнце, пробивавшееся сквозь кроны деревьев, согревало путников.

Прошло примерно два часа, и вдруг Валентин уловил запах жареной рыбы. Он поспешил туда, глотая слюну, готовый купить, выпросить, а при необходимости даже украсть хоть кусочек, поскольку уже забыл, когда в последний раз нормально ел. Скатившись по откосу, он увидел костер и три фигуры возле него. Заслонив глаза от яркого солнца, Валентин разглядел мускулистого человека с бледной кожей и белыми волосами,

синекожее существо и хьорта.

— Слит! — закричал Валентин. — Кхун! Виноркис!

Спотыкаясь и поскальзываясь, он бросился к ним. Они спокойно ждали, а когда он наконец подбежал к ним, Слит небрежно протянул ему прут с насаженным на него куском речной рыбы и любезно сказал:

— На, перекуси.

Валентин был изумлен.

— Как вы очутились столь далеко от нас? Как вы поймали эту рыбу? Как вы разожгли костер? Что вы…

— Рыба остынет, — перебил его Кхун. — Сначала ешь. Вопросы потом.

Валентин поспешно откусил, и ему показалось, что он никогда не ел ничего вкуснее: нежная сочная мякоть, прекрасно поджаренная, была, похоже, не менее изысканной, чем те блюда, которые подавались в Горном замке. Обернувшись, он крикнул своим спутникам, чтобы те поторопились. Но они уже бежали сюда — Шанамир, гикая и подскакивая на бегу, за ним — Карабелла, а следом топала Лизамон с Делиамбером на плече.

— Еды хватит на всех! — объявил Слит.

Они поймали по крайней мере дюжину рыб,

которые теперь плескались в глубокой каменной выемке с водой. Кхун вытаскивал их и потрошил, Слит быстро жарил на костре и передавал друзьям, а те жадно ели.

Слит рассказал, что, когда плот развалился, они все вцепились в один обломок и ухитрились удержаться на нем, пока их несло по порогам и крутило в водопаде. Они смутно помнили, что видели отмель, куда выбросило Валентина, но самого его там не заметили, пронеслись по реке еще несколько миль, пока наконец смогли оставить обломок плота и подплыть к берегу. Слит добавил, что Кхун ловил рыбу голыми руками, что он в жизни не видел таких проворных рук и думает, что из Кхуна вышел бы первоклассный жонглер. При этих словах Кхун усмехнулся, и Валентин впервые увидел улыбку на его угрюмом лице.

— А костер? — спросила Карабелла. — Вы зажгли его, щелкнув пальцами?

— Пробовали, — спокойно ответил Слит, — но это тяжело, так что мы пошли в рыбацкую деревню за поворотом и попросили огня.

— Рыбаки? — удивился Валентин.

— Окраинное поселение лииименов, — объяснил Слит. — Судя по всему, им неизвестно, что главное предназначение их расы — торговать

сосисками в западных городах. Они приютили нас на ночь и согласились довезти до Ни-мойи, чтобы мы могли подождать своих друзей на отмели Ниссиморн.

Он улыбнулся.

— Я полагаю, теперь нам нужно нанять две лодки.

— Мы недалеко от Ни-мойи? — спросил Делиамбер.

— Две ночи на лодке, как мне сказали, до места, где сливаются реки.

Мир вдруг показался Валентину не столь уж огромным, а стоящая перед ним задача — не совсем невыполнимой. Он вкусно и сытно поел, узнал, что поблизости есть поселок, где живут друзья, и что скоро он покинет эти места. Весьма ободряющая информация. Теперь его беспокоило только одно: судьба Залзана Кавола и трех его оставшихся братьев.

Деревня лииименов была совсем небольшой: примерно пятьсот душ невысоких, плоскоголовых, темнокожих рыбаков, не отличавшихся особым любопытством. Они жили в скромных тростниковых хижинах у реки, выращивали в маленьких садиках злаки, которые вместе с добываемой ими рыбой составляли основу их

довольно однообразного питания. Диалект их был трудным, но Слит, похоже, вполне освоил его и сумел не только нанять вторую лодку, но и купить за пару крон одежду для Карабеллы и Лизамон.

Еще до полудня они с командой из четырех молчаливых лииименов отплыли в Ни-мойю.

Течение было столь же сильным, но порогов мало, и обе лодки быстро скользили между двумя берегами, становившимися все более ухоженными и заселенными. Крутые откосы постепенно уступили место ровным и открытым низинам с наносами тяжелого черного ила, а вскоре перешли в почти непрерывную вереницу фермерских деревень. Русло расширилось, течение успокоилось, вода приобрела глубокий синий цвет. Поселения на берегах переросли в города, население которых несомненно насчитывало многие тысячи. С виду, однако, они казались столь же простыми, как и деревеньки выше по реке, — настолько все это было незначительным по сравнению с монументальностью окружающей их природы. Впереди лежало устье реки, безмерное, словно открытое море.

— Река Зимр, — объявил лиимен, рулевой на лодке Валентина. — Стейч здесь кончается. Нале-

во — отмель Ниссиморн.

Глазам Валентина открылся громадный полумесяц берега, ограниченный густой рощей каких-то необычных перекошенных пальм. Когда лодка подплыла ближе, Валентин с изумлением увидел на берегу плот из грубо обтесанных бревен, а рядом — четырех скандаров, дожидавшихся своих спутников.

Глава 2

Залзан Кавол считал, что путешествие было самым обыкновенным. Его плот успешно миновал все пороги. Скандары отталкивались от них шестами, ударялись, конечно, но не серьезно, и быстро добрались до отмели Ниссиморн, где и остановились, гадая, что же задержало всех остальных.

Скандару не приходило в голову, что другие плоты могли разбиться, тем более что он по пути не видел никаких обломков.

— У вас были затруднения? — искренне удивился он.

— Пустяшные, — коротко ответил Валентин. — Раз уж мы все собрались, хорошо бы в эту ночь поспать в настоящем жилище.

Они продолжили путь и доплыли до великого слияния Стейч и Зимра. Водное пространство было настолько широким, что Валентину не верилось: неужели это всего лишь место встречи двух рек? В городке Ниссиморн они расстались с лиименами и пересели на паром, который доставил их на другую сторону Стейч, в Ни-мойю — самый крупный город в Зимроэле с тридцатью

миллионами жителей.

Здесь, где река Зимр резко поворачивала с востока на юго-восток, и образовался мегаполис. Он тянулся на сотни миль по берегам реки и нескольких притоков, впадавших в Зимр с севера. Валентин и его спутники сначала увидели южные предместья, жилые районы, переходившие южнее в сельскохозяйственную территорию, которая тянулась до долины Стейч. Основная городская зона располагалась на северном берегу Зимра, и отсюда виднелись только спускавшиеся к реке ярусы башен с плоскими крышами. Паромы ходили по всем направлениям, связывая бесчисленное множество прибрежных городков. Переправа через Зимр заняла несколько часов, и уже начало смеркаться, когда показалась собственно Ни-мойя.

Город завораживал. Безупречной белизны здания, казалось, светились на фоне заросших лесом зеленых холмов. Гигантские пальцы пирсов вонзались в реку, а вдоль гавани тянулся бесконечный шлейф больших и малых судов. Пидруид, поразивший Валентина в первые дни его странствий своей мощью, по сравнению с этим городом был действительно незначительным.

Только скандары, Кхун и Делиамбер видели

Ни-мойю раньше. Делиамбер рассказывал о ее чудесах: Паутинной галерее — торговой аркаде в милю длиной, поднятой над землей на почти невидимых тросах; о Парке сказочных зверей, где редчайшие животные Маджипура, практически исчезнувшие с развитием цивилизации, обитали в почти естественных для них условиях; о Хрустальном бульваре — сверкающей улице с вращающимися отражателями; о Большом базаре — пятнадцатимильных проходах, похожих на лабиринт, где размещалось неисчислимое множество крошечных лавок под длинными навесами из ядовито-желтой искрящейся ткани; о Музее миров, Палате колдовства, о Герцогском дворце, про который говорили, что великолепнее его только Горный замок, и о многом другом. Валентину казалось, что подобные чудеса могут существовать лишь в мифах и сказках, но никак не в реальном городе. Но сейчас им не суждено увидеть все это. Городской оркестр в тысячи инструментов, плавучие рестораны, искусственные птицы с драгоценными камнями вместо глаз и прочие редкости подождут до того дня — если он вообще настанет, — когда Валентин вернется в Ни-мойю в одежде короналя.

Когда паром начал приближаться к городу,

Валентин созвал своих спутников и сказал:

— Пора нам выяснить, кто куда намерен направиться. Я собираюсь ехать в Пилиплок, а оттуда на Остров. Я очень ценю нашу дружбу и хотел бы сохранить ее, но не могу предложить вам ничего, кроме чрезвычайно опасного путешествия и даже возможной гибели. Моя надежда на успех слаба, а препятствия огромны. Хочет ли кто-нибудь пойти со мной?

— Хоть на край света! — вскричал Шанамир.

— И я, — в один голос ответили Слит и Винорккис.

— Неужели ты сомневался во мне? — спросила Карабелла.

Валентин улыбнулся и посмотрел на Делиамбера. Тот произнес:

— Некто посмел посягнуть на святость королевства. Как я могу не пойти за истинным короналем, куда бы он ни приказал?

— Для меня это загадка, — пожала плечами Лизамон. — Я не понимаю, как короналя могли вытряхнуть из его же собственного тела. Но у меня нет другой работы, Валентин, и я пойду с тобой.

— Благодарю вас всех, — слегка поклонился Валентин, — и еще раз поблагодарю в пирше-

ственном зале Горного замка.

— А скандары не могут быть тебе полезны, мой лорд? — подал голос Залзан Кавол.

Валентин не ожидал этого.

— Вы хотите идти?

— Наш фургон сгорел, наше братство разбила смерть, мы лишились жонглерского оборудования. На паломничество меня не тянет, но я и мои братья пойдем за тобой на Остров и дальше, если на то будет твоя воля.

— Я не хочу расставаться с вами, Залзан Кавол. Есть ли при дворце должность королевского жонглера? Я обещаю ее тебе.

— Спасибо, мой лорд, — серьезно ответил скандар.

— Есть еще один доброволец, — вмешался Кхун.

— Ты тоже?! — изумился Валентин.

Суровый чужак ответил:

— Мне мало дела до того, кто корональ на планете, где я заблудился, но честь и достоинство для меня превыше всего. Только благодаря тебе я не умер в Пиурифэйне. Я обязан тебе жизнью и буду помогать тебе чем смогу.

Валентин покачал головой.

— Мы сделали для тебя только то, что любое ци-

вилизованное существо сделало бы для другого. Ты ничего нам не должен.

— Я смотрю на это иначе, — возразил Кхун. — Кроме того, моя жизнь до сих пор была скучной и никчемной. Я покинул свой родной Кианимот и прилетел сюда без какой-либо важной цели, жил здесь глупо и чуть не погиб, так почему бы мне не рисковать жизнью и дальше? Я присоединяюсь к тебе, буду считать твое дело своим и, может быть, со временем поверю в него, а если умру, помогая тебе вернуть власть, это будет всего лишь уплата долга. Своей смертью я расплачусь с Вселенной за плохо проведенную жизнь. Ты принимаешь меня?

— От всего сердца, — ответил Валентин.

Паром громко загудел и причалил.

Они остановились на ночь в самом дешевом портовом отеле, довольно чистом, с голыми, тщательно вымытыми каменными стенами и общими ваннами, а затем скромно, но сытно пообедали в гостинице неподалеку. Валентин предложил объединить все имеющиеся средства и назначил Залзана Кавола и Шанамира казначеями, поскольку они знали цену деньгам и лучше всех остальных умели их расходовать. У самого Валентина оставалось еще много из того, с чем

он пришел в Пидруид, а Залзан Кавол извлек из потайного кармана кучу десятиреаловых монет. Собранных денег должно было хватить на дорогу до Острова Сна.

Утром они сели на речное судно, похожее на то, которое доставило их из Кинтора в Верф, и отправились в Пилиплок, большой порт в устье Зимра.

Несмотря на то что они давно уже путешествовали по Зимроэлю, от восточного побережья их все еще отделяло несколько тысяч миль, но по широкой водной глади Зимра корабли скользили величественно и быстро. Конечно, судно то и дело останавливалось в бесчисленных городах и городках: Ларнимискулусе, Белке и Кларисканзе, Флегите, Хискурете, Центриуме, Облиорн-Вейле, Салвамоте, Гоуркэйне, Семироде и Цериноре, Хаунфорте, Маджоре, Импемонде, Оргелиузе, Дамбемуире и нескончаемой череде многих, многих других, почти не отличавшихся друг от друга: каждый — со своим пирсом, набережными, садами пальм и алабандин, весело раскрашенными складами и внушительными базарами. Всюду на борт поднимались пассажиры с билетами, жаждавшие немедленно отправиться в путь.

Из выпрошенных у команды кусков дерева

Слит выстрогал жонглерские дубинки, Карабелла где-то разыскала мячи, а скандары, пообедав, преспокойно зажали в ладонях пустые тарелки и улизнули с ними, так что труппа постепенно обзаводилась всем необходимым инвентарем, и уже на третий день они выступили на палубе и заработали несколько лишних крон. К Залзану Каволу понемногу возвращалась прежняя грубоватость и самоуверенность, поскольку он снова выступал, но все-таки характер его сильно изменился. Он стал удивительно покладистым и научился сдерживать себя в ситуациях, которые раньше вызвали бы взрыв ярости.

Четверо скандаров чувствовали себя здесь дома. Они родились в Пилиплоке и начали свою карьеру, обходя города обширной провинции, раскинувшейся как вверх по реке, так и вглубь страны на тысячи миль от побережья. Им приятно было видеть знакомые места, рыжеватые холмы, шумные городки с деревянными зданиями. Залзан Кавол рассказывал о своей прежней работе в этих краях, об успехах и неудачах, ибо они тоже бывали, правда, редко, о споре с импрессарио, из-за которого жонглеру пришлось отправиться искать счастья на другой конец Зимроэля. Валентин подозревал, что все тут было

не так-то просто и, возможно, Залзан Кавол даже не поладил с законом, но спрашивать не стал.

Однажды ночью, подвыпив, скандары даже затянули — впервые на памяти Валентина — мрачную и унылую песню:

В сердце моем тьма,
Темный на сердце страх.
Это не Смерть ли сама
Стоит у меня в глазах?

Смерть и горе
Идут по пятам:
Смерть – драконам,
Смерть – нам.

Как далеко земля,
Давшая жизни свет,
Милые сердцу поля,
В которых встречал рассвет!

Смерть и горе
Идут по пятам:
Смерть – драконам,
Смерть – нам.

Вперед! За драконом вслед!
Ревет за кормой вода.
Дома родного, нет,
Не видеть мне никогда.

Смерть и горе
Идут по пятам:
Смерть – драконам,
Смерть – нам.

Песня была невероятно печальной, но огромные скандары выглядели так нелепо, когда пели, покачиваясь, что Валентин и Карабелла сначала чуть не фыркнули, однако, прислушавшись, Валентин почувствовал, что песня трогает его, потому что в ней было живое чувство. Скандары и в самом деле встретились со смертью и горем, и, хотя сейчас их дом совсем близко, большую часть жизни они провели вдали от него. «Возможно, — подумал Валентин, — скандарам вообще нелегко на Маджипуре: таким неуклюжим лохматым созданиям трудно жить в теплом климате среди более мелких гладкокожих существ».

Лето закончилось, и в восточном Зимроэле начинался сухой сезон: под южными ветрами вся растительность засыхала до весенних дождей,

и, как утверждал Залзан Кавол, обитатели этих мест становились более вспыльчивыми, а потому резко возрастало число преступлений. Валентину этот район показался менее интересным, чем джунгли средней части континента или субтропики на дальнем западе, изобиловавшие красками, но через несколько дней, присмотревшись, он решил, что и здесь присутствует своеобразная красота — сдержанная и строгая, совсем не походившая на яркую, пышную красоту запада. Тем не менее он обрадовался, когда после многих дней, проведенных на однообразной и, казалось, бесконечной реке, Залзан Кавол объявил, что уже видны окраины Пилиплока.

Глава 3

Пилиплок был почти так же стар и почти так же велик, как и его двойник Пидруид, расположившийся на другом краю континента, но на этом их сходство заканчивалось. Пидруид рос стихийно, как попало накручивая улицы и бульвары, а Пилиплок с незапамятных времен строился по плану, которому следовали с жесткой, почти маниакальной точностью.

Город раскинулся на большом мысе, образованном южным берегом Зимра в том месте, где река впадала во Внутреннее море. Ширина ее здесь была около шестидесяти или семидесяти миль. Быстрое течение несло сюда весь мусор, собранный на протяжении семи тысяч миль — от самых истоков на дальнем северо-западе, и это придавало зелено-голубым водам темный оттенок, след которого тянулся в море, как говорили, на сотни миль. Северный мыс устья реки представлял собой длинный меловой утес в милю высотой. В ясную погоду ослепительно блестевшая белая стена была видна даже из Пилиплока. Этот мыс никак нельзя было использовать для гавани, на нем никогда не было поселений, и его считали

священным заповедником. Там жили в полной изоляции отшельники, поклонявшиеся Хозяйке Острова Сна, и никто посторонний не вторгался туда в течение сотен лет. Пилиплок — другое дело. Город с одиннадцатью миллионами жителей радиусами расходился от великолепной природной гавани. Радиусы пересекались изогнутыми поясами: на внутренних линиях располагались торговые и промышленные зоны, а также зоны отдыха, на внешних — жилые кварталы, резко разграниченные по достатку и в меньшей степени — по расовым признакам. В Пилиплоке жило очень много скандаров. Валентину казалось, что каждый третий в районе порта — соплеменник Залзана Кавола, и было несколько странно видеть сразу так много четырехруких гигантов. Здесь обитало также множество надменных аристократических двухголовых су-сухирисов, торговцев предметами роскоши, дорогими тканями, драгоценностями и редчайшими изделиями ручной работы, мастеров со всей провинции. Воздух был свежий и сухой. Почувствовав на лице горячий южный ветер, Валентин понял, что имел в виду Залзан Кавол, говоря, что этот ветер ухудшает настроение.

— Он когда-нибудь прекращается? — спросил

Валентин.

— С наступлением весны, — ответил Залзан Кавол.

К тому времени Валентин надеялся быть где-нибудь далеко отсюда. Но возникли сложности. Вместе с Залзаном Каволом и Делиамбером он отправился на пирс Шкунибор на восточной окраине гавани Пилиплока, чтобы договориться о переезде на Остров. Много месяцев Валентин мечтал очутиться в этом городе, на этом пирсе, представляя себе нечто волшебное: широкие перспективы, поразительную архитектуру, — и был немало разочарован, обнаружив, что место, откуда отплывают корабли паломников, это всего лишь обшарпанная, обветшалая постройка с облупившейся зеленой краской и хлопавшими на ветру рваными флагами.

Дальше — хуже. На пирсе не оказалось ни души. После долгих поисков Залзан Кавол нашел расписание, висевшее в темном углу билетной кассы. Корабли паломников отплывали на Остров раз в месяц, кроме осени, когда дули неблагоприятные ветры. Последний в этом сезоне корабль ушел неделю назад, а следующий будет через три месяца.

— Три месяца! — воскликнул Валентин. — Что

мы будем делать в Пилиплоке так долго? Жонглировать на улицах? Побираться? Воровать? Прочти-ка расписание еще раз, Залзан Кавол!

— Ничего нового оно не сообщит, — ответил скандар и сморщился. — Уж если где-то надо задержаться, то я, конечно, за Пилиплок, но только не в этот сезон. Вот не повезло!

— В ближайшие три месяца вообще нет никаких кораблей? — спросил Валентин.

— Только драконские.

— То есть?

— Рыбачьи суда. Они охотятся на морских драконов, которые в это время года идут косяком для спаривания, и поэтому их легко ловить. Драконских судов сейчас полно, но что нам от них толку?

— А далеко они выходят в море?

— Как пойдет лов. Иногда, если драконы собираются к востоку, доходят до самого архипелага Родамаунт.

— Где это?

— Это длинная цепь островов, — пояснил Делиамбер, — далеко во Внутреннем море, примерно на полпути отсюда до Острова Сна.

— Они обитаемые?

— Густонаселенные.

— Хорошо. Значит, между островами есть торговля. Что, если нанять такой драконский корабль и добраться до архипелага, а там договориться с местным капитаном о доставке нас на Остров?

— Можно попробовать, — сказал Делиамбер.

— Существует ли такое правило, что все паломники должны прибывать только на определенных кораблях?

— Насколько я знаю, нет.

— Рыбачьи суда никогда не берут пассажиров, — возразил Залзан Кавол.

— Может, несколько реалов соблазнят их?

— Понятия не имею, — в голосе скандара слышалось сомнение. — Но ремесло у них прибыльное, пассажиры для них — помеха, да еще и дурная примета. И они не согласятся тащиться ради нас на архипелаг, если им нужно в другую сторону. Да и нельзя быть уверенным, что кто-нибудь с архипелага захочет везти нас дальше.

— Кто знает, — пожал плечами Валентин, — может, все легко устроится. Деньги у нас есть, и я лучше заплачу их морским капитанам, чем проживу за три месяца в Пилиплоке. Где можно найти этих охотников за драконами?

Целая секция порта, тянувшаяся на три или

четыре мили, располагалась особняком, пирс за пирсом, возле которых стояли десятки больших деревянных кораблей, готовых к только что начавшемуся охотничьему сезону. Все эти корабли были одной конструкции и выглядели, как показалось Валентину, угрюмыми и зловещими: непомерно широкие, с причудливыми трехзубцовыми мачтами, нос каждого вырезан в форме устрашающе зубастой головы дракона, а корма — в форме длинного зазубренного хвоста. По бортам суда украшали нарисованные красным и желтым глаза и ряды хищных белых зубов. Высокие верхние палубы щетинились надстройками для гарпунеров и громадными лебедками с сетями. Платформы, где разделывали добычу, были покрыты пятнами крови. В другой ситуации Валентин счел бы невозможным отправиться на мирный, священный Остров Сна на таком корабле-убийце, но выбора не было.

Но и это оказалось не так-то просто. Они шли от корабля к кораблю, от причала к причалу, капитаны равнодушно выслушивали их и тут же отказывали. Говорил в основном Залзан Кавол, потому что капитаны по большей части были скандарами и к своему могли отнестись любезнее. Но и его доводы на них не действовали.

— Вы мне только команду будете отвлекать, — сказал первый капитан. — То вы путаетесь между снастями, то у вас морская болезнь, то вам нужны особые услуги…

— Мы не возим пассажиров, — ответил второй. — Это не по правилам…

— Архипелаг не в той стороне, куда мы направляемся, — отрезал третий.

— Я верю, — буркнул четвертый, — что если драконское судно выходит в море с чужаками на борту, то оно не вернется в Пилиплок. И вовсе не желаю проверять эту примету.

— Мне нет никакого дела до пилигримов! — рявкнул пятый. — Пусть Хозяйка, если хочет, переносит вас на Остров, а на моем корабле вам не место.

Шестой тоже ответил отказом и добавил, что ни один капитан не согласится взять их на борт. Его слова повторил и седьмой. Восьмой, услышав, что группа сухопутных шляется по докам, вообще отказался разговаривать.

Девятый капитан, старая седая женщина-скандар с потускневшей шерстью и почти беззубая, оказалась более любезной, хотя и не пожелала предоставить им место на своем корабле. Но зато она дала совет:

— На пирсе Престимион найдите капитана Горзвала с «Брангалина». У него было несколько неудачных рейсов, и всем известно, что ему нужны деньги. Я слышала на днях в таверне, что он пытался занять денег на ремонт своей посудины. Может, он и возьмет сейчас пассажиров.

— А где этот пирс Престимион? — спросил Залзан Кавол.

— Самый последний в ряду, за Деккеретом и Кинникеном, как раз к западу от склада утиля.

«Склад утиля, похоже, самое подходящее место для «Брангалина», — подумал Валентин, когда через час увидел судно капитана Горзвала. Оно было меньше и старше других судов и выглядело так, будто не сегодня-завтра его разберут на дрова. Когда-то проломленный корпус залатали кое-как, и пропорции судна были полностью нарушены. Нарисованные на ватерлинии глаза и зубы потеряли свой блеск, носовая часть перекосилась, хвостовые зубцы были отломаны футов на десять сильным ударом какого-нибудь разозленного дракона, мачты тоже заметно укоротились. Команда, равнодушно поглядывая на посетителей, лениво смолила и сворачивала веревки, штопала паруса.

Капитан Горзвал выглядел столь же потре-

панным и изношенным, как и его судно. Он был скандаром-карликом — почти одного роста с Лизамон, с одним глазом и с обрубком вместо левой внешней руки. Шерсть его потускнела и стала грубой, плечи сгорбились, весь его вид говорил об усталости и постигших его бедах. Но, когда Залзан Кавол заговорил о плавании до архипелага, капитан тут же взбодрился.

— Сколько вас?

— Двенадцать. Четыре скандара, хьорт, вруун, пятеро людей и один чужак.

— Все пилигримы?

— Да.

Горзвал быстро изобразил пальцами знак Хозяйки Острова Сна и сказал:

— Ты знаешь, на драконском корабле перевозить пассажиров не полагается. Но я обязан отплатить Хозяйке за ее милости в прошлом и для вас нарушу правила. Плата вперед?

— Конечно, — кивнул Залзан Кавол.

Валентин вздохнул с облегчением. Судно выглядит жалким и ободранным, а Горзвал, наверное, третьесортный капитан, страдающий от немилости судьбы или от собственного неумения, но он берет пассажиров, в то время как все другие от них отказались.

Горзвал назвал цену и ждал с явным напряжением. Он запросил меньше половины того, что они безуспешно предлагали другим капитанам, но Залзан Кавол, торговавшийся по привычке или из гордости, предложил на три реала меньше. Горзвал, заметно приунывший, скинул полтора реала. Залзан Кавол, похоже, намеревался выторговать еще несколько крон, но Валентин, пожалев несчастного капитана, быстро прервал торг:

— Договорились. Когда отплываем?

— Через три дня, — ответил Горзвал.

Ждать пришлось четыре. Горзвал неопределенно говорил о каких-то мелких починках, под которыми, как выяснил Валентин, подразумевалось залатывание наиболее серьезных дыр. Он не мог себе этого позволить, пока его не наняли пассажиры. По слухам, которые Лизамон собрала в портовых тавернах, Горзвал пытался заложить часть будущего улова, чтобы нанять плотников, но желающих не нашел. Лизамон сказала, что у него сомнительная репутация: недальновидный, невезучий, с плохо оплачиваемой, часто сменяемой командой. Однажды он упустил целый косяк морских драконов и вернулся в Пилиплок с пустыми трюмами, в другой раз потерял руку, по-

тому что принял еще живого маленького дракона за мертвого, а в последнем плавании «Брангалин» получил от разъяренного дракона удар прямо в середину корпуса и чуть не пошел ко дну.

— Наверное, лучше бы нам вплавь добираться до Острова, — размышляла Лизамон.

— А может, мы принесем нашему капитану удачу, которой у него до сих пор не было, — возразил Валентин.

Слит засмеялся.

— Если бы человек мог попасть на трон только благодаря оптимизму, мой лорд, то к Дню зимы ты был бы уже в Замке.

Валентин рассмеялся вместе с ним. После несчастий, произошедших с ними в Пиурифэйне, он надеялся, что не приведет своих людей к новой катастрофе на борту этого злосчастного корабля. Ведь их вели за ним только вера, свидетельства снов, колдовство и загадочное представление метаморфов. Ему будет бесконечно больно и стыдно, если, спеша на Остров, он принесет им новую беду! Однако Валентин испытывал большую симпатию к всеми оплеванному трехрукому Горзвалу. Такой неудачливый моряк, наверное, как раз подходящий кормчий для еще более неудачливого короналя, который ухитрился за одну

ночь потерять трон, память и собственное «я»!

Накануне отплытия Виноркис отвел Валентина в сторону и встревоженно сообщил:

— Мой лорд, за нами следят.

— Откуда ты знаешь?

Хьорт улыбнулся и расправил оранжевые усы.

— Когда человек уже сам побывал в шкуре шпиона, ему легко заметить похожие черты у других. Я обратил внимание на седоватого скандара, слоняющегося возле доков в последние дни, и поговорил с ребятами Горзвала. Один из корабельных плотников сказал мне, что тот скандар интересовался пассажирами Горзвала: кто такие и куда направляются.

Валентин расстроился.

— А я надеялся, что мы сбили их со следа в джунглях!

— Они, очевидно, снова обнаружили нас в Нимойе, мой лорд.

— Тогда постараемся еще раз отделаться от них на архипелаге и будем осторожными, чтобы на нашем пути не встретились другие шпионы. Спасибо, Виноркис.

— Не стоит благодарности, мой лорд. Это мой долг.

Ранним утром, когда корабль двинулся в путь,

дул сильный южный ветер. Во время посадки Виноркис искал глазами любопытного скандара, но того нигде не было видно. «Он сделал свою работу, — предположил Валентин, — а дальнейшие сведения будет поставлять узурпатору какой-нибудь другой информатор».

Их путь лежал на юго-восток: добираясь до районов промысла, драконские корабли привыкли идти против вечно враждебного ветра. Такая охота была крайне тяжела, но морских драконов можно было ловить только в это время года. На «Брангалине» имелся дополнительный двигатель, но из-за нехватки на Маджипуре горючего он был бесполезен. Неуклюже, но величественно «Брангалин» повернулся бортом к ветру и двинулся из гавани Пилиплока в открытое море.

Это было самое маленькое море Маджипура — Внутреннее море, отделявшее восточный Зимроэль от западного Алханроэля. Пять тысяч миль от берега до берега — не пустяк, однако Внутреннее море казалось просто лужей по сравнению с Великим океаном, который занимал большую часть другого полушария и был недоступен для навигации — бессчетные тысячи миль открытой воды. В центре Внутреннего моря, между континентами, находился Остров Сна, достаточно

обширный, чтобы на планете меньших размеров его сочли континентом. Рядом с ним протянулись несколько крупных архипелагов.

Морские драконы постоянно мигрировали между Внутренним морем и Великим океаном. Они двигались вокруг планеты годами, даже десятилетиями. Наверное, около дюжины больших стад обитало в океане, постоянно путешествуя с запада на восток. Каждое лето одно из этих стад шло через Великий океан мимо Нарабаля и вдоль южного побережья Зимроэля к Пилиплоку. В это время охота на них запрещалась, поскольку в стаде имелось множество стельных самок.

К осени малыши появлялись на свет, и стадо приходило в продуваемые ветром воды между Пилиплоком и Островом Сна. Именно тогда начиналась ежегодная охота. Из Пилиплока выходило громадное количество драконских судов. Стада теряли как старых, так и молодых, а оставшиеся в живых возвращались в тропики, обходя с юга Остров Сна, огибали длинный выступ материка Алханроэль — полуостров Стойензар и направлялись на восток к Великому океану, где могли плавать без помех, пока не наступало время снова идти к Пилиплоку.

Из всех животных Маджипура морские дра-

коны были самыми крупными. Рождались они крошечными, не более пяти-шести футов длиной, но росли на протяжении всей жизни, которая была долгой, хотя точной ее продолжительности никто не знал.

Горзвал, позволивший пассажирам питаться за одним с ним столом, оказался весьма разговорчивым. Теперь, когда его тревоги остались позади, он с удовольствием рассказывал легенды о размерах некоторых морских драконов. Один, пойманный в царствование лорда Малибора, имел в длину сто девяносто футов, а другой — во времена Конфалюма — двести сорок футов. Во времена же, когда понтифексом был Престимион, а короналем — лорд Деккерет, поймали морского дракона на тридцать футов длиннее, но чемпионом, как говорил Горзвал, был дракон, нахально появившийся почти у входа в гавань Пилиплока в правление Тимина и лорда Кинникена: тот, по уверению надежных свидетелей, был триста пятнадцать футов длиной. Этот монстр, известный как дракон лорда Кинникена, ушел невредимым, потому что весь флот в это время находился далеко в море. По свидетельствам охотников, в более поздние века его видели еще несколько раз, последний — в тот год, когда лорд Вориакс

стал короналем. Но никто никогда не осмелился бросить в него гарпун, и среди охотников он пользовался зловещей репутацией.

— Теперь он, наверное, достиг пятисот футов, — закончил Горзвал, — и, если этот дракон вернется в наши воды, я молюсь, чтобы честь встретить его выпала какому-нибудь другому капитану.

Валентин видел маленьких драконов, выпотрошенных и высушенных, — их продавали на рынках по всему Зимроэлю. А однажды даже пробовал их мясо — темное, жесткое, с резким привкусом. Так приготовляли драконов меньше десяти футов длиной. Мясо более крупных — до пятидесяти футов — разрубали и продавали свежим на восточном побережье Зимроэля, но из-за трудностей транспортировки на удаленные от моря рынки оно не поступало. Драконы свыше пятидесяти футов были слишком стары, их мясо никто не ел, но вытопленный из них жир использовали для многих целей, ибо нефтью и другими ископаемыми гидрокарбонатами Маджипур был не особенно богат. Кости морских драконов всех размеров применяли в строительстве, ибо они были крепкими, как сталь, а добывать их было куда легче. Яйца драконов, сотни фунтов которых находили в брюхе взрослых самок, использовали

в медицине. Драконья кожа, драконьи плавники… в общем, все части дракона шли в дело, ничего не выбрасывалось. Предлагая гостям фляжку голубоватой жидкости, Горзвал говорил:

— Это, например, драконье молоко. В Ни-мойе или Кинторе за такую фляжку дают десять крон. Попробуйте-ка.

Лизамон недоверчиво потянула жидкость и тут же выплюнула на пол. Ее передернуло.

— Что это? Драконье молоко или драконья моча?

Капитан холодно улыбнулся.

— То, что ты выплюнула, в Дюлорне стоило бы не меньше кроны, и ты еще считала бы, что тебе повезло.

Он протянул фляжку Слиту, а после того, как тот отказался, — Валентину. После минутного колебания Валентин смочил в ней губы.

— Горькое, — сказал он, — и привкус затхлый, но не очень гадкое. Как оно действует?

Скандар хлопнул себя по бедрам.

— Афродизиак! — прогудел он. — Разгоняет соки! Разогревает кровь! Удлиняет жизнь!

Он весело указал на Залзана Кавола, который, не спрашивая, сделал большой глоток.

— Видите? Скандары знают! Мужчину из Пи-

липлока не нужно уговаривать выпить это!

— Драконье молоко? — спросила Карабелла. — Разве они млекопитающие?

— Да. Яйца созревают внутри, и детеныши рождаются живыми, по десять-двенадцать в помете. На брюхе самки есть ряды сосков. Тебе это кажется удивительным?

— Я думала, драконы — рептилии. А рептилии не дают молока.

— Лучше думай, что драконы — это драконы. Хочешь попробовать?

— Нет, спасибо, — отказалась Карабелла. — Мои соки не нужно разгонять.

Обеды в капитанской каюте были, по мнению Валентина, лучшей частью путешествия. Горзвал оказался добродушным в большей мере, чем это свойственно скандарам вообще, и держал хороший стол с вином, мясом и рыбой разных сортов, включая и драконье мясо. Но корабль его, неумело построенный и плохо обихоженный, скрипел и трещал, а команда, состоявшая из дюжины скандаров и небольшой группы хьортов и людей, была необщительной и часто откровенно враждебной. Эти охотники за драконами даже на таком нищенском судне, как «Брангалин», отличались гордостью и замкнутостью, а потому

не испытывали симпатии к чужакам. Только один Горзвал казался олицетворением гостеприимства, явно благодарный пассажирам за то, что именно они дали ему возможность подготовить корабль к выходу в море.

Теперь они находились далеко от земли, там, где бледно-голубое море сливалось с бледно-голубым небом, стирая всякое ощущение пространства. Курс лежал на юго-юго-восток, и чем дальше они отходили от Пилиплока, тем теплее становился ветер. Теперь он был жарким и сухим.

— Мы называем ветер нашим посланием, — сказал Горзвал, — потому что он идет прямо из Суврaэля. Это маленький подарок Короля Снов, такой же замечательный, как и все его дары.

Море было пустынным: ни островов, ни дрейфующих обломков, никаких признаков чего-либо, даже драконов. В этом году драконы шли далеко от побережья, как это иногда случалось, и грелись в тропических водах ближе к Архипелагу.

Иногда высоко над ними пролетала птица гихорн, следуя путем своей обычной осенней миграции с островов в болота Зимра, которые располагались неподалеку от самой реки, на побережье, примерно в пятистах милях к югу от Пилиплока. Эти длинноногие создания представ-

ляли собой весьма хорошие мишени, но никто в них даже не прицеливался. Судя по всему, это еще одна морская традиция.

Первые драконы показались на второй неделе плавания. Горзвал предсказал их появление накануне, увидев во сне, что они рядом.

— Все капитаны видят во сне драконов, — объяснил он. — Наши мозги настроены на них, и мы чувствуем, когда приближаются души драконов. Есть одна женщина-капитан, у которой не хватает зубов. Ее зовут Гуидраг. Она видит драконов во сне за неделю, а иногда и раньше. Идет прямо на них, и они всегда там оказываются. Я не такой способный, я чувствую самое большее за день. Но таких, как Гуидраг, вообще больше нет. Я делаю что могу. Мы увидим драконов через десять-двенадцать часов, обещаю.

Валентин с недоверием отнесся к заверениям капитана. Но утром дозорный на мачте завопил:

— Эй! Драконы идут!

Великое множество драконов — сорок, пятьдесят, а то и больше — появилось прямо перед носом «Брангалина»: толстобрюхие, неграциозные животные, широкие, как само судно, с длинными толстыми шеями, тяжелыми треугольными головами, короткими хвостами, заканчивавшимися

яркими плавниками, и выступавшими костными гребнями во всю длину сильно выгнутой спины. Самой странной их особенностью были крылья — по сути, плавники, потому что такое громадное существо просто не могло подняться в воздух. Однако они казались настоящими крыльями — темными, кожистыми, как у летучей мыши. Они выходили из массивных наростов под шеей дракона и простирались до половины длины его тела. Почти у всех драконов крылья были сложены, но некоторые полностью развернули их и, помахивая ими, двигались с поразительной скоростью. В основном тут были молодые драконы, от двенадцати до пятидесяти футов длиной, много новорожденных, шестифутовых, свободно плескавшихся или державшихся за соски матерей. Но среди этой мелочи выделялись несколько чудовищ, чьи спинные гребни поднимались над водой, как холмы на плавучем острове. Сонные, наполовину скрытые под водой, они казались необыкновенно массивными. Задняя часть их туловищ была глубоко погружена в воду, что не позволяло определить истинные размеры драконов, но выглядели они по крайней мере не меньше корабля.

— Нет ли среди них дракона лорда Киннике-

на? — спросил Валентин у проходящего мимо капитана.

Он в ответ лишь снисходительно усмехнулся.

— Ну, дракон Кинникена по крайней мере втрое крупнее этих. Нет, больше чем втрое! Эти едва достигают ста пятидесяти футов. Я видел куда огромнее. То же предстоит и тебе, друг, причем скоро.

Валентин пытался представить себе дракона втрое больше самого крупного из этих, но разум его взбунтовался. Это все равно что представить себе всю Замковую гору. Человек просто не может это сделать.

Корабль двинулся вперед. Вся операция была четко организована и отработана. На носу каждой спущенной лодки стоял скандар с острогой. Лодки тихо двигались меж кормящихся драконов, и гарпунеры пронзали одного там, другого здесь, распределяя убой так, чтобы ни одна из самок не пришла в ярость из-за потери своих детенышей. Убитых молодых драконов привязывали за хвосты к лодкам.

Когда лодки вернулись к кораблю, спустили сети, чтобы поднять добычу. Только взяв с дюжину молодых драконов, охотники принялись за большую игру. Лодки подняли наверх, а гарпу-

нер, громадный скандар с синей полосой поперек груди, где мех был содран много лет назад, занял свое место, не спеша выбрал оружие и закрепил на катапульте. Горзвал в это время маневрировал кораблем, чтобы дать гарпунеру возможность точно ударить по выбранной жертве. Гарпунер прицелился. Драконы беззаботно плыли. Валентин затаил дыхание и импульсивно сжал руку Карабеллы. Блеснуло древко выпущенного гарпуна, он до половины вонзился в выпуклое плечо девяностофутового дракона, и море сразу ожило.

Раненый дракон с неистовой яростью хлестал по поверхности воды хвостом и развернутыми крыльями, как бы желая взлететь и утащить за собой «Брангалин». При первом его крике боли матери-драконы распустили крылья, собрали под них малышей и стали удирать, мощно колотя хвостами, а крупнейшие в стаде, настоящие чудовища, просто скрылись из виду, уйдя на глубину. Осталось с дюжину средних драконов, которые поняли, что происходит что-то тревожное, но не знали, что им делать. Они плавали широкими кругами возле раненого собрата, полуразвернув крылья и слегка хлопая ими по воде. Тем временем гарпунер, сохраняя полное спокойствие, выбрал оружие и вонзил в жертву второй, а затем

третий гарпун, поблизости от первого.

— Лодки! — закричал Горзвал. — Сети!

Началось что-то непонятное. Снова спустили лодки, и охотники строем двинулись к кольцу встревоженных драконов, бросая в воду гранаты, которые взрывались с глухим буханьем, распространяя толстый слой ярко-желтой краски. Взрывы и, видимо, краска привели оставшихся драконов в неописуемый ужас. Дико хлопая хвостами и крыльями, они быстро скрылись из виду. Осталась только жертва, живая, но надежно загарпуненная. Дракон тоже поплыл в северном направлении, но ему пришлось тянуть за собой «Брангалин», и поэтому силы его быстро таяли. Лодочники продолжали швырять гранаты, стараясь с их помощью направить дракона к кораблю. В то же время спустили громадную сеть, которая с помощью какого-то внутреннего механизма раскрылась, растянулась на воде и снова сомкнулась, как только дракон в ней запутался.

— Лебедки! — заорал Горзвал.

Сеть подняли из воды.

Дракон бился. Его непомерный вес заставил корабль опасно накрениться. Высоко над ними гарпунер встал, чтобы нанести последний удар. Яростно рыча, он выстрелил, и секундой позже

все услышали хриплый вой агонизирующего дракона. Гарпун вонзился в голову зверя как раз позади громадных, как тарелки, зеленых глаз. Мощные крылья в последней страшной конвульсии ударили воздух.

Остальное уже было делом мясников. С помощью лебедок дракона опустили на платформу, и началась разделка.

Валентин некоторое время наблюдал кровавое зрелище: добывание ворвани, извлечение различных внутренних органов, отсечение крыльев и тому подобное. Не в силах больше на это смотреть, он ушел вниз, а когда через несколько часов вернулся, охотники уже разбирали лежавший на палубе чистый, как музейный экспонат, скелет дракона.

— Ты что-то хмурый, — сказала ему Карабелла.

— Едва ли я могу по достоинству оценить это искусство, — ответил Валентин.

Ему казалось, что Горзвал мог бы целиком набить большой трюм своего корабля уловом из одного этого стада драконов. Однако капитан взял только несколько малышей и одного взрослого, и то не самого крупного, а остальным дал уйти. Зализан Кавол объяснил, что по указу короналей прошлых столетий существуют строгие

квоты на отлов. Нельзя истреблять целые стада, можно только несколько снижать их поголовье, и если корабль вернется из плавания слишком скоро, его проверят и строго накажут команду. Кроме того, очень важно быстро поднять на борт пойманных драконов, пока не появились хищники, и как можно скорее разделать. Если же команда нарушает правила и убивает слишком много животных сразу, она не может управиться с добычей так, чтобы ничего не пропало.

Первая удача в этом охотничьем сезоне несколько смягчила команду Горзвала. Они кивали пассажирам, даже иногда улыбались, а свою работу выполняли почти радостно. Угрюмое молчание сменилось смехом, шутками и песнями.

Лорд Малибор был красив и смел
И бурное море любил.
Он спустился с Горы, ушел от дел,
Охоте себя посвятил.

Драконы владели его душой.
И он построил корабль —
Нарядный и крепкий – и шел хорошо —
Красавец, как корональ.

Валентин и Карабелла услышали певцов —

это была группа моряков, заливавших в бочки ворвань, — и направились к корме корабля. Карабелла быстро подхватила несложную веселую мелодию и стала тихо наигрывать ее на своей маленькой арфе.

Лорд Малибор у руля без слова
Стоял и в пучину смотрел:
Дерзкого самого, самого злого
Дракона встретить хотел.

И вот однажды он бросил клич,
И звук задрожал тугой:
«Король драконов, морская дичь,
Эй, выходи на бой!»

«Я слышу, мой лорд!» – крикнул дракон,
Взбаламутив всю глубину.
Он был двенадцати миль длиной
И трех достигал в ширину.

— Смотри-ка, — сказала Карабелла, — вон Залзан Кавол.

Валентин обернулся. Действительно, у поручней, сложив все руки, стоял хмурый скандар.

— Похоже, песня ему не нравится. Что это с

ним?

На палубе бился лорд Малибор,
И кровь ручьями текла.
А сколько народу тогда полегло —
Память не сберегла.

Но драконий король коварнее был,
Хитрее – молва гласит.
И лорд Малибор, хоть и полный сил,
В конце концов был убит.

Любой охотник, идущий на лов,
Эту быль не забудь.
Моли судьбу, не жалея слов,
Благословить твой путь.

Валентин со смехом зааплодировал. Залзан Кавол, полный негодования, немедленно подошел к нему.

— Мой лорд, — воскликнул он, — как ты терпишь такое непочтительное…

— Не называй меня так во всеуслышание. А что тут непочтительного? О чем ты говоришь?

— Неуважение к страшной трагедии! Неуважение к покойному короналю! Неуважение к…

— Залзан Кавол! — мягко остановил его Валентин. — С каких это пор ты стал поборником приличий?

— Я знаю, что правильно и что неправильно, мой лорд. Насмехаться над смертью лорда Малибора — это…

— Полегче, дружище! — Валентин положил руку на локоть скандара. — Лорд Малибор давно умер, и ему все равно, с почтением или нет относятся к его персоне. А я с удовольствием послушал песню. Если я не оскорблен, почему же это так задело тебя?

Но Залзан Кавол продолжал ворчать:

— Позволь мне сказать, мой лорд, ты еще не вполне усвоил порядок вещей. На твоем месте я запретил бы этим рыбакам петь такое в твоем присутствии.

— В моем присутствии? — Валентин широко улыбнулся. — А какое им дело до моего присутствия? Я всего лишь пассажир, которого едва терпят. Если бы я высказал что-либо подобное, меня тут же выкинули бы за борт, и я тоже стал бы добычей дракона. Подумай об этом, Залзан Кавол! И успокойся, друг. Глупая матросская песня, только и всего.

— Все-таки… — прошептал Залзан Кавол и ото-

шел в сторону.

— Он все принимает всерьез, — засмеялась Карабелла.

Валентин начал негромко насвистывать, а затем напевать:

Любой охотник, идущий на лов,
Эту быль не забудь.
Моли судьбу, не жалея слов,
Благословить твой путь.

— Да, вот что, — обратился Валентин к Карабелле. — Милая, окажи мне услугу: когда моряки закончат работу, отведи в сторону одного — вон хоть того, рыжебородого, я думаю, у него хороший бас — и разучи с ним эту песню. А потом ты научишь меня. Может, Зализан Кавол улыбнется, если я сам запою ее? Давай-ка…

«Я слышу, мой лорд!»– крикнул дракон,
Взбаламутив всю глубину.
Он был двенадцати миль длиной
И трех достигал в ширину.

Прошла неделя, прежде чем они снова увидели драконов. За это время песенку выучили не только Валентин и Карабелла, но и Лизамон

Халтин, которая с удовольствием распевала ее своим хриплым баритоном. Но Залзан Кавол по-прежнему хмурился и недовольно фыркал, как только слышал ее.

Второе стадо драконов было гораздо больше первого, и Горзвал разрешил взять примерно две дюжины маленьких, одного среднего и одного большого, по крайней мере в сто тридцать футов. Так что следующие несколько дней все были по горло загружены работой. Палуба стала пурпурной от драконьей крови, а кости и крылья лежали по всему кораблю, пока команда рассортировывала их по размерам и оттаскивала вниз. На капитанский стол подали деликатесы из самых таинственных внутренних частей дракона, и Горзвал выставил бочонки отличного вина, чего совсем никак нельзя было ожидать от капитана, находившегося на грани банкротства.

— Пилиплокское золотое, — пояснил он, наливая щедрой рукой. — Я хранил это вино для какого-нибудь особого случая, а сейчас, без сомнения, он и есть. Вы принесли мне большую удачу.

— Твои товарищи-капитаны не обрадуются, услышав это, — ответил Валентин. — Мы легко могли бы отправиться с ними, знай они, что мы приносим удачу.

— Их потеря — наш выигрыш. За ваше паломничество, друзья! — воскликнул капитан-скандар.

Теперь они шли в более спокойных водах глубокого зеленого оттенка. Здесь, вблизи тропиков, жаркий ветер с Сувраэля затих и подул более приятный, более влажный — с юго-запада, с далекого полуострова Стойензар на Алханроэле. Вода стала изумрудно-зеленого цвета, появилось множество морских птиц, под самой поверхностью воды мелькали ярко окрашенные рыбы — пища драконов. Архипелаг Родамаунт был уже недалеко. Горзвал предполагал закончить лов здесь: «Брангалин» мог вместить еще несколько больших драконов, пару средних и штук сорок маленьких. Затем капитан высадит пассажиров и вернется в Пилиплок, где продаст добычу.

— Драконы! — закричал дозорный.

Это было громаднейшее стадо, в несколько сотен драконов. Повсюду из воды высовывались горбатые спины. Два дня «Брангалин» шел среди них и поработал на славу. На горизонте виднелись другие корабли, но они держались в отдалении, ибо правила запрещали вторгаться на чужую промысловую территорию.

Горзвал прямо сиял от счастья, что плавание оказалось столь успешным. Он сам часто ходил с

командой лодочников, и Валентину это казалось необычным. А однажды Горзвал даже отправился на верхнюю палубу, чтобы выстрелить гарпуном. Корабль под грузом драконьего мяса осел ниже ватерлинии.

На третий день драконы все еще находились рядом: охота их не тревожила, и они не спешили уходить.

— Еще одного большого, — пообещал Горзвал, — и идем к островам.

В качестве последней мишени он выбрал восьмидесятифутового дракона. Валентину эта резня уже порядком наскучила. Когда гарпунер послал третий гарпун в свою жертву, он отвернулся и пошел в дальний конец палубы. Там он нашел Слита. Они встали у поручней и устремили взгляд на восток.

— Как ты думаешь, можно отсюда увидеть архипелаг? — спросил Валентин. — Я уже соскучился по твердой земле, и мне опротивел запах драконьей крови.

— У меня хорошие глаза, мой лорд, но до островов еще два дня пути. Даже мое зрение имеет границы… — Он вдруг задохнулся. — Мой лорд!

— Что случилось?

— К нам плывет остров, мой лорд!

Валентин вгляделся, но сначала ничего не разобрал: утреннее солнце, отсвечивая от поверхности воды, слепило глаза. Но Слит, взяв его за руку, указал направление, и Валентин увидел, как из воды высунулась зубчатая драконья спина, а под ней смутно виднелось нечто невероятного объема.

— Дракон лорда Кинникена! — срывающимся голосом прохрипел Валентин. — И он идет прямо на нас!

Глава 4

Может, это и был дракон Кинникена, а может, другой, не столь громадный, но он был достаточно велик, длиннее «Брангалина». Он шел прямо на них, спокойно и неотвратимо: то ли ангел мести, то ли просто тупая сила — неизвестно, но масса его была, бесспорно, чудовищной.

— Где Горзвал?!! — заорал Слит. — К оружию!.. Пушки!

Валентин засмеялся:

— Это то же, что остановить камнепад гарпуном, Слит. Ты хорошо плаваешь?

Большая часть охотников была занята своим уловом, но кое-кто все же оглянулся, и на палубе закипела бешеная деятельность. Гарпунер развернулся и стоял с оружием в каждой руке. Другие бросились к соседним катапультам. Валентин, ища взглядом Карабеллу и других, увидел бросившегося к рулю Горзвала. Лицо скандара было мертвенно-бледным, глаза — безумными, словно он увидел послание смерти.

— Спустить лодки! — раздалась чья-то команда.

Лебедки завертелись. Все словно обезумели

от страха и беспорядочно метались по палубе. Один хьорт с почерневшими от ужаса щеками погрозил Валентину кулаком и грубо схватил его за руку.

— Ты навел его на нас! Ни одного из вас нельзя было пускать на борт!

Откуда-то возникла Лизамон и отшвырнула хьорта словно тростинку, а затем обвила Валентина могучими руками, как бы защищая его от любого нападения.

— Знаешь, а ведь хьорт прав, — спокойно сказал Валентин. — Мы приносим несчастье. Сначала Залзан Кавол потерял свой фургон, теперь этот несчастный Горзвал теряет… теряет…

Раздался страшный удар — дракон врезался в борт «Брангалина». Корабль накренился, словно его толкнула чья-то гигантская рука, и тут же качнулся в другую сторону. Страшная дрожь сотрясла его обшивку. Второй удар крыльями по корпусу, третий — и… «Брангалин» выпрыгнул из воды, как пробка из бутылки.

— Пробоина! — отчаянно завопил кто-то.

Все вещи свободно катались по палубе. Громадный котел сорвался с креплений и сбил трех матросов, ящик с топорами для разделки туш перевернулся. Корабль продолжал раскачиваться.

За дальним бортом, возле которого по-прежнему висел недавний улов, Валентин мельком увидел громадного дракона. Чудовище разворачивалось, готовясь к новой атаке. В том, что он действует целенаправленно, уже не приходилось сомневаться.

Дракон ударил. «Брангалин» страшно закачался. Валентин крякнул — руки Лизамон чуть не раздавили его. Он не имел ни малейшего представления, где остальные и останутся ли они в живых. Совершенно очевидно, что корабль был обречен. Слышно было, как в трюм хлещет вода. Хвост дракона поднялся над палубой и снова ударил. Все растворилось в хаосе. Валентин почувствовал, что летит. Он пронесся по воздуху, затем ударился о воду и погрузился в глубину. Он попал во что-то весьма похожее на водоворот, и его неистово закрутило и потащило вниз. В голове звенели слова песни о лорде Малиборе. Это правда, что корональ, увлекшийся охотой на драконов, десять лет назад вышел в море на самом красивом в Пилиплоке охотничьем корабле и не вернулся. Корабль пропал со всей командой. Никто не знал, что произошло, но, по обрывочным воспоминаниям Валентина, правительство говорило о неожиданном шторме. «Вероятнее

всего, — подумал он, — корабль встретился с этим самым зверем-убийцей, мстителем за драконов.

Он был двенадцати миль длиной
И трех достигал в ширину».

И вот теперь второго короналя, наследника Малибора, постигнет та же участь. Но Валентина это, как ни странно, совершенно не трогало. Он ждал смерти в быстринах Стейч, но уцелел. Здесь же, в сотнях миль от любого спокойного места, рядом с разъяренным чудовищем ему грозит куда большая опасность, но плакать бесполезно. Божество явно отвернулось от него. Валентина тяготило лишь, что те, кого он любил, умрут вместе с ним потому только, что были преданными, что поклялись сопровождать его на Остров, что связали себя с неудачником-короналем и неудачником-капитаном и теперь должны разделить их несчастную судьбу.

Его затягивало в глубину, и он перестал рассуждать о превратностях судьбы. Он боролся за каждый вздох, кашлял, выплевывал воду и снова глотал ее. «Карабелла», — успел подумать он, прежде чем его поглотила тьма.

С тех пор как Валентин утратил свое прошлое и оказался возле Пидруида, он никогда не размыш-

лял о философии смерти. Жизненных проблем хватало и без того. Он смутно вспоминал, чему его учили в детстве: в тот последний миг, когда высвобождается жизненная энергия, все души возвращаются к Божественному Источнику и идут по мосту Прощания, мосту Понтифекса. Но правда это или нет, существует ли мир по ту сторону жизни и каков он, Валентин не давал себе труда задуматься. Однако теперь он очнулся в таком странном месте, которое не могли себе представить даже самые плодовитые мыслители с ярчайшим воображением.

Это и есть послежизнь? Гигантское помещение с толстыми влажными розовыми стенами, потолок местами высокий, сводчатый, поддерживаемый мощными колоннами, а местами понижающийся почти до пола. В этом потолке имелись огромные полусферы, испускавшие слабый, как бы фосфоресцирующий голубой свет. Воздух был скверный, насыщенный паром с крайне неприятным, резким горьким привкусом. Валентин лежал на чем-то мокром и скользком, поверхность была грубой, изрезанной глубокими складками и все время вздрагивала. Он положил на нее ладонь и глубоко внутри ощущал непонятные конвульсии. Пол был сделан из неизвестного

Валентину материала. Слабое, но заметное движение под его поверхностью наводило на мысль, что место, куда попал Валентин, не мир после смерти, а какая-то абсурдная галлюцинация.

Валентин, пошатываясь, встал. Одежда промокла насквозь, один сапог он где-то потерял, на губах остался вкус соли. Стоять на этом беспрерывно дрожащем полу было трудно. Оглядевшись, он увидел какую-то туманную, слабо светящуюся растительность, толстую, мясистую, безлистную, поднимавшуюся прямо из пола. Она все время изгибалась от внутреннего движения. Пройдя между двумя колоннами и через участок, где пол почти сходился с потолком, он увидел нечто вроде пруда с зеленоватой жидкостью. За ним ничего нельзя было различить из-за тумана.

Валентин подошел к пруду. Но что это? Он увидел сотни ярких рыб, таких же, каких он видел в море накануне охоты, но они не плавали, они были мертвы и разлагались — мякоть отваливалась от костей. А под водой расстилался толстый, в несколько футов, ковер из таких же костей.

Позади вдруг послышался рев. Валентин оглянулся. Стены комнаты зашевелились, подались назад, в понижавшейся части потолка появилось большое отверстие, и в него хлынул поток во-

ды, затопив Валентина до бедер. Он едва успел добраться до колонны и обвить ее руками, как вода забурлила вокруг с потрясающей силой. Он держался. Казалось, мимо него неслась чуть ли не половина вод Внутреннего моря, и на мгновение ему показалось, что его смоет. Затем поток прекратился, вода всосалась в щели, неожиданно появившиеся в полу, оставив после себя множество рыбы. Пол начал содрогаться, отчаянно бившиеся рыбы покатились к зеленоватому пруду. Попав туда, они тут же перестали двигаться.

Неожиданно Валентин понял. Он не умер, и это место — не обитель послежизни. Он в брюхе дракона.

Валентина разобрал смех.

Откинув голову назад, он хохотал до слез. Что еще оставалось делать? Кричать? Ругаться? Громадное животное одним глотком, как мелкую рыбешку, втянуло в себя короналя Маджипура. Но он оказался слишком велик, чтобы его отправили в переваривающий пруд, поэтому он сидит на дне драконьего желудка. А дальше? Вершить суд в рыбьем королевстве? Следить за соблюдением справедливости и закона среди них, по мере их поступления в желудок дракона? Поселиться здесь и до конца дней питаться сырой рыбой из

улова чудовища?

«Комедия», — подумал Валентин.

Но одновременно и трагедия, потому что при крушении «Брангалина» погибли Слит, Карабелла, юный Шанамир и все остальные. Валентин скорбел теперь только о них. Навеки умолк звонкий голос Карабеллы, пропала навсегда удивительная ловкость рук и острота глаз Слита, скандары больше не наполнят воздух множеством ножей, серпов и факелов, оборвалась, едва начавшись, жизнь Шанамира…

Мысль об этом была невыносима. Усилием воли Валентин заставил себя забыть о скорби, боли и избавиться от чувства утраты и снова захохотал, протягивая руки к стенам этой странной комнаты.

— Вот Замок лорда Валентина! — крикнул он. — Тронный зал! Я приглашаю всех вас отобедать со мной в большом пиршественном зале!

Из темной дали послышался голос:

— Клянусь своими кишками, я принимаю это приглашение!

Валентин застыл от изумления.

— Лизамон?! Ты?!!

— Нет, понтифекс Тиеверас и его косоглазый дядя! Это ты, Валентин?

— Да. Ты где?

— В глотке этого вонючего дракона! А ты?

— Недалеко от тебя! Но я тебя не вижу!

— Пой, — предложила она. — Стой на месте и пой, а я постараюсь дойти до тебя.

Валентин запел как можно громче:

Лорд Малибор был красив и смел
И бурное море любил…

Снова раздался рев, гигантская глотка животного вновь открылась, чтобы впустить морскую воду и тучу рыбы. Когда поток захлестнул Валентина, он опять ухватился за колонну.

— Ох, во имя пальцев Божества, держись, Валентин, держись! — кричала Лизамон.

Он изо всех сил цеплялся, пока поток не иссяк, и затем, обессиленный, промокший насквозь, тяжело дыша, привалился к колонне. Откуда-то издалека его снова позвала великанша, и он откликнулся. Затем ее голос послышался ближе… Она потребовала, чтобы он продолжал петь. Валентин повиновался.

Лорд Малибор у руля без слова
Стоял и в пучину смотрел:
Дерзкого самого, самого злого…

Он слышал, как она подхватила песню, пробираясь через замысловатые драконьи внутренности, и наконец в слабом свете увидел ее саму. Они улыбнулись друг другу, а затем со смехом обнялись.

Чудесное спасение Лизамон заставило Валентина вновь вспомнить тех, кого наверняка не было в живых, и в нем опять проснулись боль и стыд. Он закусил губу и отвернулся.

— Мой лорд? — растерянно спросила она.

— Остались только мы с тобой, Лизамон.

— Да, хвала Божеству за это!

— Но остальные были бы живы, если б не сделали глупость и не побежали на другой конец мира…

Она схватила его за руку:

— Мой лорд, ведь скорбь не вернет их к жизни, если они умерли?

— Я знаю, но…

— Мы спасены. Если мы потеряли друзей, это действительно повод для печали, но не для чувства вины. Они пошли за тобой по своей воле, верно? И если пришло их время, то оно пришло, и с этим ничего не поделаешь. Горюй о них, мой лорд, но радуйся, что мы спасены.

— Да, скорбь не вернет их к жизни. Но что это

за спасение? Долго ли мы просуществуем тут, Лизамон?

— Достаточно для того, чтобы вырваться на свободу.

Она вытянула из ножен вибромеч.

— Ты думаешь, мы сможем прорубить путь наружу? — ошеломленно спросил он.

— А почему нет? Я пробивалась и через худшее.

— Как только ты дотронешься этой штукой до драконьей плоти, он нырнет на дно. Здесь мы в большей безопасности, чем при попытке всплыть с глубины в пять миль.

— Когда нам приходилось туго, все говорили, что ты оптимист, — возразила она. — Куда же делся сейчас этот твой оптимизм? Дракон живет на поверхности. Он будет метаться, но не нырять. А если мы и очутимся на пятимильной глубине, нас, по крайней мере, ждет быстрая смерть. Ты сможешь дышать этой гадостью вечно? Сколь долго ты сможешь продержаться внутри этой гигантской рыбы?

Лизамон коснулась мечом боковой стенки. Толстая влажная плоть слегка вздрогнула, но не отпрянула.

— Видишь? У него здесь нет нервов, — сказала

Лизамон.

Она ввела оружие чуть глубже и повернула, чтобы вырезать отверстие. Плоть запульсировала и задрожала. Лизамон воткнула меч еще глубже.

— Как ты думаешь, он никого больше не проглотил, кроме нас? — спросила она.

— Я слышал только твой голос.

— И я слышала только твой. Фу, ну и чудище! Я пыталась удержать тебя, когда нас перекинуло через борт, но потом мы обо что-то ударились, и я выпустила тебя. Но мы все-таки попали в одно и то же место.

Она уже вырезала в боку драконьего желудка дыру в фут глубиной и в два шириной. Дракон, казалось, вовсе не заметил этой хирургической операции. «Мы словно паразиты, прогрызающие себе путь изнутри», — подумал Валентин.

— Пока я режу, сходи посмотри, нет ли кого-нибудь еще. Только не уходи далеко, слышишь?

— Я буду осторожен.

Он пошел вдоль стенок желудка, пробираясь во тьме, дважды или трижды останавливаясь, чтобы удержаться в потоках несущейся воды, и постоянно крича в надежде на то, что кто-нибудь откликнется, но ответа не получил. Тем временем Лизамон уже глубоко врубилась в тело

дракона. Повсюду были навалены куски мяса, а сама она была забрызгана густой пурпурной кровью. Продолжая резать плоть, великанша весело напевала:

На палубе бился лорд Малибор,
И кровь ручьями текла.
А сколько народу тогда полегло —
Память не сберегла…

— Как по-твоему, далеко до конца? — спросил он.

— С полмили или около того.

— Ты серьезно?

Она засмеялась.

— Думаю, десять-пятнадцать футов. Давай очищай отверстие за мной. Эта мясная куча растет быстро, я не успеваю ее откидывать.

Чувствуя себя мясником и не испытывая при этой мысли никакой радости, Валентин принялся хватать куски и отбрасывать их подальше. Он вздрогнул от ужаса, когда увидел, что сокращения желудка отправили куски в пищеварительный пруд. Похоже, здесь с удовольствием поглощается любой белок…

Они все глубже проникали в брюшную стенку дракона. Валентин попытался прикинуть

возможную ее толщину, учитывая, что длина животного никак не менее трехсот футов, но арифметика оказалась бесполезной. Теперь они работали в тесноте, в душном, вонючем воздухе. Кровь, свежее мясо, пот, узкое пространство отверстия — казалось, места отвратительнее нет. Валентин оглянулся.

— Отверстие за нами закрывается!

— Зверь, живущий вечно, должен уметь залечивать раны, — пробормотала Лизамон, не прекращая резать и отсекать части драконьей плоти.

Валентин с беспокойством наблюдал поразительную скорость заживления раны. Новая плоть возникала как по волшебству. Что, если они окажутся замурованными в этой нише?

Лизамон старалась выглядеть спокойной, но Валентин заметил, что она, широко расставив ноги и напрягая мышцы, заработала с еще большим напряжением и быстротой, рыча и постанывая от усилий. Прорубленное отверстие уже сомкнулось позади них, дыру закрыла розовая молодая плоть, и теперь она нарастала со всех сторон. Лизамон рубила и колола с яростной настойчивостью, а Валентин продолжал исполнять свою задачу — уборку отсеченного мяса. Однако теперь было

совершенно очевидно, что женщина начала уставать, ее гигантская сила уже не была прежней, и нора закрывалась почти с той же скоростью, с какой Лизамон рубила.

— Не знаю, смогу ли… — прошептала она.

— Дай мне меч.

— Ты с ним не справишься! — Она рассмеялась и с утроенной силой заработала мечом, изрыгая проклятия в адрес драконьей плоти. Теперь было невозможно определить, где они находятся, — приходилось пробиваться без каких-либо ориентиров. Ворчание Лизамон с каждым ударом становилось все слабее и короче.

— Может быть, стоит попробовать вернуться назад, в желудок, — предложил Валентин, — пока мы не попались окончательно в ловушку и…

— Нет! — прогремела она. — Думаю, мы почти у цели! Здесь мясо другое, более плотное. Может, это слой мышц под шкурой…

И тут на них хлынула морская вода.

— Пробились! — закричала Лизамон.

Она повернулась, схватила Валентина, как куклу, и, продолжая крепко держать его за бедра, сильно толкнула вперед, в отверстие в боку дракона. Он едва успел набрать в легкие воздух, прежде чем очутился в зеленых объятиях моря.

Лизамон выскочила сразу за ним, теперь ухватив его за лодыжку, а потом за руку, — и они метнулись вверх.

Казалось, что прошли целые часы, прежде чем они оказались на поверхности. Голова Валентина раскалывалась, в груди горело. «Мы поднимаемся с самого морского дна, — безучастно подумал он, — и мы захлебнемся раньше, чем достигнем поверхности, или наша кровь вскипит, как это случается с ныряльщиками Тил-омона, которые слишком глубоко заплывают в поисках глаз-камней, или нас раздавит давление, или…» И почти в то же мгновение он выскочил из воды, взлетев над ней чуть ли не на всю длину своего тела, и затем с всплеском рухнул обратно. Глотнув чистого свежего воздуха, он вяло поплыл — усталый, дрожащий, лихорадочно стараясь отдышаться. Лизамон плыла рядом. Их согревали прекрасные лучи яркого солнца.

Он цел и невредим! Он вырвался из чрева дракона!

И теперь он плывет по поверхности Внутреннего моря в сотнях миль от ближайшего берега.

Глава 5

Немного придя в себя, Валентин поднял голову и огляделся. Дракон еще был виден в нескольких сотнях ярдов, но казался спокойным и медленно удалялся. От «Брангалина» не осталось ничего, кроме нескольких обломков на широкой глади моря. Вокруг — ни одной живой души.

Валентин и Лизамон подплыли к ближайшему обломку и легли поперек него. Долгое время они молчали. Наконец Валентин спросил:

— Плывем к архипелагу или прямо к Острову Сна?

— Плыть — тяжелая работа, мой лорд. Неплохо бы устроиться на спине дракона.

— А как им управлять?

— Дергать за крылья, — предположила Лизамон.

— Сомневаюсь.

Они снова помолчали. Затем Валентин сказал:

— В драконьем брюхе нам, во всяком случае, каждые несколько минут подавали свежую рыбу.

— И гостиница большая, — поддержала Лизамон, — только плохо проветривалась. По-моему,

здесь все же лучше.

— Но долго ли мы вот так продержимся?

Она бросила на него странный взгляд.

— Ты сомневаешься в том, что нас спасут, мой лорд?

— Конечно, сомневаюсь.

— Однажды я получила во сне послание от Повелительницы, — сказала Лизамон. — Смерть придет ко мне там, где будет сухо, и тогда, когда я буду очень старой. А я еще молода, и это место наименее сухое во всем Маджипуре, за исключением, может быть, середины Великого океана. Таким образом, бояться нечего. Раз не погибну я, не погибнешь и ты.

— Успокаивающее заявление, — отозвался Валентин. — Что будем делать?

— Ты умеешь составлять послания, мой лорд?

— Я корональ, а не Король Снов.

— Любой разум способен достичь другого, если им правильно управлять. Ты думаешь, такими способностями обладают только Король Снов и Повелительница? Маленький колдун Делиамбер телепатически беседует по ночам, и Горзвал говорил, что он во сне разговаривал с драконами, и ты…

— Но я еще не восстановил свои силы, Лизамон,

и то, что осталось от моего мозга, не сможет отправить послание.

— Попробуй. Направь послание по воде Хозяйке Острова Сна, своей матери, или ее людям на Острове, или обитателям архипелага. У тебя есть сила. Я глупая, я умею только размахивать мечом, а твой мозг, мой лорд, высоко ценился в Замке, и теперь, когда нам необходимо… — Казалось, великаншу просто распирает от желания помочь. — Сделай это, лорд Валентин! Зови на помощь, и помощь придет!

Валентин был настроен скептически. Он мало знал о сети общения во сне, которая, похоже, связывала воедино всю планету. Да, часто бывало, что мозг призывал мозг, и, конечно, существовали Силы Острова Сна и Субраэля, предположительно посылавшие прямые сообщения с помощью каких-то усиливающих приборов. Но сейчас, когда он плавает здесь, в открытом море, на куске дерева, и его тело и одежда запачканы плотью и кровью недавно проглотившего его гигантского чудовища, а дух так истощен обрушившимися на него бедствиями, что даже его пресловутая вера в удачу и чудо пошатнулась, как может он надеяться вызвать помощь через такую бездну?

Он закрыл глаза и попытался сконцентриро-

вать всю энергию мозга в одной точке в глубине черепа. Он представил себе яркую искру света, скрытый луч, к которому можно подключиться и который можно направить вдаль. Но все напрасно. Он вдруг обнаружил, что думает о том, какое зубастое создание, возможно, вскоре начнет хватать его за болтающиеся в воде ноги.

Валентин со страхом подумал, что если и сможет послать сообщение, то не дальше, чем в мозг дракона, разрушившего «Брангалин» и погубившего всех, кто на нем плыл, и тогда дракон вернется и закончит свою работу. Но он все-таки решил попытаться. Несмотря на все свои сомнения, он обязан сделать это для Лизамон Халтин. Он напрягся и затаил дыхание, стараясь настроить себя на передачу послания.

Попытки призвать помощь продолжались до самого вечера. Быстро наступила темнота, и вода засветилась призрачным зеленоватым светом. Чтобы не уснуть одновременно, не соскользнуть с обломка и не потеряться, пришлось установить дежурство. Когда настала очередь Валентина, он с трудом заставлял себя бодрствовать и боялся, что вот-вот потеряет сознание. Время от времени он пытался передать послание, но ничего не получалось. «Мы пропали», — обреченно сказал он

себе. К утру Валентин забылся, и ему приснился странный сон, в котором на поверхности воды танцевали угри. Он попробовал во сне добраться до чьих-то далеких сознаний, но безрезультатно, а затем впал в слишком глубокий сон, чтобы пытаться проделать это вновь.

Валентин проснулся от прикосновения руки Лизамон к его плечу.

— Мой лорд!

Он открыл глаза и удивленно посмотрел на нее.

— Не надо больше звать на помощь. Мы спасены!

— Что?

— Лодка, мой лорд. Видишь, на востоке?

Он тяжело поднял голову. Да, к ним плыла маленькая лодка. Весла блестели на солнце. Галлюцинация или мираж? Мираж…

Но лодка все приближалась… Вот она уже рядом. Чьи-то руки подняли его и осторожно положили, кто-то поднес к его губам фляжку с холодным питьем, вино это или вода — он не понял. Его освободили от мокрой и грязной одежды и завернули во что-то сухое и чистое. Незнакомые люди — двое мужчин и женщина, все с гривами рыжеватых волос и в непривычной

взгляду одежде — возились с ним. Он слышал, как Лизамон разговаривала с ними, но слова расплывались, и он не вникал в их смысл. Неужели он вызвал этих спасителей силой своей мысли? Кто они? Ангелы, духи? Валентин лежал не шевелясь. Силы покинули его, он полностью выдохся. Не сказать ли потихоньку Лизамон, чтобы она даже не упоминала о том, кто он? Но язык отказывался повиноваться ему. Оставалось надеяться на ее здравый смысл. Не станет она городить одну нелепость на другую: «Он корональ Маджипура инкогнито, и нас проглотил дракон, но мы прорубили себе выход». Да, конечно, для этих людей подобное заявление показалось бы верхом невероятного. Валентин слабо улыбнулся и погрузился в сон без сновидений.

Он проснулся в веселой солнечной комнате с окнами на широкий золотой пляж. На него серьезно и озабоченно смотрела Карабелла.

— Мой лорд, — тихо позвала она, — ты меня слышишь?

— Это сон?

— Это остров Мардижил в архипелаге, — пояснила она. — Вас подобрали вчера в море, тебя и Лизамон. Местные рыбаки искали тех, кто сумел спастись после того, как корабль затонул.

— Кто еще жив? — быстро спросил Валентин.

— Делиамбер и Залзан Кавол здесь, со мной. Здешние жители сказали, что Кхуна, Шанамира, Виноркиса и каких-то скандаров — не знаю, наших или нет — подобрали рыбаки с соседнего острова. Некоторые охотники на драконов спаслись на своих лодках и тоже добрались до островов.

— А Слит? Что с ним?

На мгновение во взгляде Карабеллы мелькнул страх, но тут же исчез.

— О нем я ничего не знаю, но поиски продолжаются. Может быть, он на другом острове и в безопасности. Островов здесь много. Божество до сих пор хранило нас, наверное, и теперь не разлучит. — Она слегка улыбнулась: — Лизамон рассказала невероятную историю, как вас обоих проглотил громадный дракон и вы прорубили себе выход вибромечом. Островитянам очень понравилось. Они считают, что это самая замечательная сказка после легенды о лорде Стиамоте…

— Так оно и случилось.

— Что, мой лорд?

— Дракон проглотил нас. Она сказала правду.

Карабелла засмеялась:

— Когда я впервые услышала во сне, кто ты есть на самом деле, я поверила сразу. Но когда ты говоришь…

— Внутри дракона, — начал рассказывать Валентин, — были колонны, поддерживавшие свод желудка, и в одном конце — отверстие, через которое каждые несколько минут вливалась морская вода, приносившая с собой рыбу. Рыба постепенно сползала к зеленоватому пруду, где и переваривалась. Дракон и нас мог переварить, но нам повезло. Так она рассказывала? Ты думаешь, мы все это придумали, чтобы позабавить вас?

С расширившимися от удивления глазами Карабелла произнесла:

— Да, она рассказывала то же самое. Но мы думали…

— Это правда, Карабелла.

— Стало быть, это Божественное чудо, и ты будешь прославлен на все времена!

— Я уже прославился, — кисло сказал Валентин, — как корональ, потерявший трон и за недостатком королевских дел занявшийся жонглированием. Это обеспечит мне место в истории рядом с понтифексом Ариоком, который объявил себя Хозяйкой Острова. А теперь легенду, которую я сотворил для себя, украсит еще и дракон. — Вы-

ражение его лица вдруг изменилось. — Надеюсь, вы никому из здешних не говорили, кто я?

— Ни слова, мой лорд.

— Хорошо. Помалкивайте. Им и так во многое из того, что касается нас, трудно поверить.

Островитянин, худощавый, загорелый, со светлыми волосами, завязанными пучком, как, видимо, было здесь принято, принес Валентину поднос с едой: немного бульона, кусок жареной рыбы, треугольные ломти плода с темно-синей мякотью и крошечными алыми семенами. Валентин вдруг почувствовал зверский голод.

Позднее они с Карабеллой гуляли по берегу.

— Я опять думал, что навеки потерял тебя, — тихо сказал он.

— Разве я так много для тебя значу, мой лорд?

— Больше, чем можно выразить словами!

Она грустно улыбнулась.

— Как рада я это слышать, Валентин! Я зову тебя Валентином, а не лордом Валентином. А сколько очаровательных женщин ожидают лорда Валентина в Горном замке?

Он и сам иногда задумывался об этом. Была ли у него там любовница? Может, и не одна? Может быть, даже невеста? Многое из прошлого все еще оставалось скрытым. А если в Замке его встретит

женщина, которая все это время его ждала?

— Нет, — твердо произнес он. — Ты моя, Карабелла, и я твой, а что бы там ни было в прошлом, если и было, это в прошлом и останется. Теперь у меня другое лицо и другая душа.

Она недоверчиво взглянула на него, но промолчала, и он прикоснулся губами к ее нахмуренному лбу.

— Спой мне ту песню, которую ты пела в Пидруиде в фестивальную ночь. Там еще были такие слова:

Любовь дороже мне сокровищ мира
И даже Замка горного красот…

— Я знаю другую, похожую, — сказала Карабелла и тронула струны своей крошечной арфы.

Моя любовь в одеждах пилигрима
За море, ах, далекое плывет…
Плыви, любовь, – тебя неумолимо
На Остров Сна судьба твоя влечет.

Плыви, любовь, сквозь сны и расстоянья,
За море, ах, далекое спеши,
Ведомая единственным желаньем —

Снять путы с очарованной души.

О Леди Снов, живущая за морем,

За морем, ах, далёко от меня,

Пошли мне сон, где встретимся мы вскоре —

Я и любимый – в ярком свете дня.

— Нет, это совсем иная песня, — сказал Валентин. — Грустная. Спой мне ту, фестивальную, любовь моя.

— В другой раз.

— Пожалуйста, Карабелла. Ведь сейчас время радости, воссоединения. Пожалуйста.

Она улыбнулась, вздохнула и снова взяла в руки арфу.

Моя любовь прекрасна, как весна,

Моя любовь сладка, как плод запретный,

Как ночь благоуханная, нежна…

«Да, — подумал он. — Да, эта песня лучше». Он обнял девушку за плечи, и они пошли вдоль берега. Здесь было изумительно хорошо, тепло и спокойно. Разноцветные птицы сидели на изогнутых ветвях невысоких деревьев, а кристально

чистое, прозрачное море лизало песок. Воздух наполнял аромат незнакомых цветов. Вдали слышались смех и негромкая музыка. «Велико искушение, — подумал Валентин, — забыть все фантазии относительно Горного замка и навсегда остаться на Мардижиле… на рассвете выходить на рыбачьей лодке, а все остальное время валяться на песке под жарким солнцем».

Но его ждал единственный, предначертанный судьбой путь. Залзан Кавол и Делиамбер, здоровые и хорошо отдохнувшие после морских испытаний, явились к нему днем и тут же заговорили, что пора продолжать путешествие.

Залзан Кавол, со свойственной ему бережливостью, всегда держал деньги при себе, так что после гибели «Брангалина» по крайней мере половина их богатства была спасена, даже если Шанамир потерял остальное. Скандар выложил блестящие монеты.

— С этим, — сказал он, — мы можем нанять рыбачью лодку до Острова Сна. Я говорил с нашими хозяевами. Архипелаг растянулся на девятьсот миль. В нем три тысячи островов, из них больше восьмисот обитаемы. Здесь никто не берется пройти весь путь до Острова, но за несколько реалов мы можем нанять большой тримаран

до Родамаунт-Грауна, находящегося примерно в середине цепи островов, а там, вероятно, сумеем договориться еще с кем-нибудь.

— Когда отплываем? — спросил Валентин.

— Как только все соберемся, — ответил Делиамбер. — Мне сказали, что кое-кто из наших уже едет сюда с ближайшего острова.

— Кто?

— Кхун, Виноркис и Шанамир, — сказал Залзан Кавол, — и мои братья Ерфон и Роворн. С ними капитан Горзвал. Гибор Хаэрн утонул, я видел, как он погиб: его ударило балкой. А о Слите ничего не известно.

Валентин коснулся руки скандара.

— Я скорблю о твоей последней утрате.

Залзан Кавол хорошо владел собой.

— Давай лучше порадуемся за тех, кто остался жив, мой лорд, — тихо произнес он.

Ближе к полудню лодка с Бермонта привезла уцелевших. Встреча была радостной, все бросились обнимать друг друга. Валентин повернулся к Горзвалу, стоявшему отдельно от всех, выглядевшему потрясенным и растерянным. Капитан, казалось, был в шоке и молча потирал культю своей отрезанной руки. Валентин хотел обнять растерявшегося скандара, но едва лишь он успел

к нему приблизиться, как Горзвал упал на колени, коснулся лбом песка и дрожащими руками сделал знак Горящей Звезды.

— Мой лорд, — хрипло прошептал он, — мой лорд…

Валентин недовольно оглянулся.

— Кто проболтался?

Все молчали. Потом Шанамир испуганно признался:

— Я, мой лорд. Я не хотел ничего плохого. Скандар так переживал потерю своего корабля… Я хотел утешить его и сказал, кто был среди его пассажиров, а еще добавил, что благодаря этому капитан войдет в историю Маджипура. Мы тогда еще не знали, что ты жив. — Губы мальчика дрожали. — Мой лорд, я не хотел ничего плохого!

Валентин кивнул:

— Ничего плохого и не случилось. Я прощаю тебя, Шанамир.

Испуганный капитан сжался в комок у ног Валентина.

— Встань, Горзвал, иначе я не могу с тобой разговаривать.

— Мой лорд…

— Ну, пожалуйста, Горзвал, встань!

Скандар ошалело посмотрел на Валентина:

— Пожалуйста? Ты сказал — пожалуйста?

Валентин засмеялся.

— Я, видно, забыл привычки власти. Ладно. Встань! Я приказываю! — Горзвал, дрожа, поднялся. Маленький трехрукий скандар с потускневшим, запачканным песком мехом и удрученным выражением лица выглядел весьма плачевно. Валентин продолжал: — Я принес тебе несчастье, а тебе и без того досталось в этой жизни! Прими мои извинения. Если судьба снова улыбнется мне, я исправлю беду, постигшую тебя. Обещаю тебе это. Что ты думаешь делать сейчас? Соберешь свою команду и вернешься в Пилиплок?

Горзвал с несчастным видом покачал головой:

— Я не могу вернуться. У меня нет корабля, нет репутации, нет денег. Я потерял все и никогда не восстановлю потерю. Мои люди свободны от контракта с тех пор, как «Брангалин» затонул. Теперь я один и разорен.

— Тогда пойдем с нами на Остров Повелительницы Снов, Горзвал.

— Мой лорд?

— Мы не можем оставаться здесь. Я думаю, островитяне не слишком жалуют чужаков, да и здешний климат не годится для скандаров. К тому же охотник на драконов едва ли сможет

стать рыбаком. Всякий раз, забрасывая сеть, он будет страдать. Поедем с нами. Если мы не уйдем дальше Острова, ты, возможно, найдешь успокоение, служа Хозяйке. Если же мы продолжим путь, тебе будет оказан почет, когда мы поднимемся на Замковую гору. Что скажешь, Горзвал?

— Мне страшно быть рядом с тобой, мой лорд.

— Разве я такой страшный? Разве у меня драконья пасть? Посмотри на других. Разве их лица позеленели от страха? — Валентин хлопнул капитана по плечу и обернулся к Залзану Каволу. — Никто не заменит погибших братьев, но я даю тебе хотя бы компаньона твоей расы. А теперь не пора ли нам готовиться к отъезду? До Острова еще много дней пути.

Менее чем через час Залзан Кавол нанял судно и договорился, что утром они отправятся на восток. В этот вечер гостеприимные островитяне устроили роскошный прощальный пир с холодным зеленым вином, сладкими сочными фруктами и изысканным свежим мясом морского дракона. От последнего блюда Валентина стало тошнить, и он хотел уже было отодвинуть его в сторону, но увидел, что Лизамон жует так, словно она последний раз в жизни ест мясо. Он решил испытать свою силу воли, зажмурился и

проглотил кусок… Вкус оказался великолепным, и Валентин сразу же забыл все неприятные мысли, связанные с морскими драконами. Пока они пировали, солнце зашло и, как всегда в тропиках, стало быстро темнеть. Небо окрасилось в зыбкие янтарные, фиолетовые, красные и золотые тона. «Да, благословенные острова, — подумал Валентин, — и исключительно радостные даже для этой планеты, где так много счастливых и полных жизни мест». Население, кажется, в основном состояло из красивых длинноногих людей с густыми золотистыми волосами и гладкой кожей медового цвета. Попадались, правда, врууны и даже гэйроги, а по словам Делиамбера, на островах архипелага можно встретить и многие другие расы. Он уже свободно общался с островитянами и рассказал, что они не бывают на континентах, живут совершенно обособленно и почти ничего не знают о делах большого мира. Когда Валентин спросил одну из хозяек, проезжал ли мимо них лорд Валентин, корональ, возвращаясь из своего шествия по Зимроэлю, она взглянула на него и простодушно спросила:

— А разве корональ не лорд Вориакс?

— Нет. Я слышал, что он умер года два назад, — сказал кто-то из островитян. Большинством

собравшихся за столом это было воспринято как новость.

Эту ночь Карабелла провела в доме, где остановился Валентин. Они долго стояли на веранде, глядя на сверкающую лунную дорожку, бегущую через море к далекому Пилиплоку. Валентин думал о морских драконах, обитающих в этом море, о чудовище, в брюхе которого он побывал, и с болью вспоминал двух своих пропавших товарищей — Гибора Хаэрна и Слита. Он вспоминал Пидруид, Дюлорн, Мазадон, Илиривойн, Ни-мойю, бегство через лес, пороги Стейч, суровость пилиплокских драконских капитанов, гигантского дракона, несущегося на судно бедняги Горзвала… Какое долгое и какое великое путешествие, многие тысячи миль… А сколько их еще осталось пройти, прежде чем он получит ответы на терзающие душу вопросы?

Карабелла молча прижалась к Валентину. Ее отношение к нему все время менялось, и теперь это была смесь страха и любви, уважения и непочтительности, потому что она принимала и почитала его как короналя, но не забывала о его простоте, наивности, неведении — качествах, которые он все еще не утратил. Она, конечно же, боялась, что в тот день, когда Валентин вернет се-

бе прежнее положение, он будет навсегда для нее потерян. В повседневных отношениях с миром она была куда более сведущей и опытной, и это, несомненно, влияло на ее отношение к Валентину: он вызывал у нее страх, и одновременно было в нем что-то совершенно детское. Валентин понимал это, но ничего не мог изменить. Хотя фрагменты его прежнего «я» и полученного при дворе воспитания постепенно восстанавливались и с каждым днем он все больше привыкал к повелительному тону, большая часть его прежней личности все еще оставалась для него за семью печатями, поэтому в нем все еще жил Валентин-простодушный, Валентин-скиталец, Валентин-жонглер. Неясный образ лорда Валентина, которым он был когда-то и, может быть, станет снова, скрывался очень глубоко, редко проявляя себя, но никогда не позволяя забыть о себе. Он подумал, что Карабелла старалась с честью выйти из трудного положения.

— О чем ты думаешь, Валентин? — спросила она наконец.

— О Слите. Мне очень не хватает его.

— Он найдется. Мы встретим его на каком-нибудь острове.

— Хотел бы надеяться. — Валентин обнял ее

за плечи. — Я думаю обо всем, что произошло, и о том, что еще случится. Я как бы блуждаю в мире снов.

— Кто скажет, что, в сущности, есть сон, а что нет? Мы повинуемся воле Божества и не задаем вопросов, потому что на них нет ответов. Ты понимаешь, что я имею в виду? Конечно, есть вопросы и есть ответы: я могу ответить тебе, какой сегодня день или что было у нас на обед, но ведь это не те вопросы и не те ответы.

— Я тоже так думаю, — согласился Валентин.

Глава 6

Залзан Кавол нанял самое большое рыбачье судно на острове — чудесный бирюзовый тримаран под названием «Гордость Мардижила». Это был пятидесятифутовый корабль, гордо покоящийся на трех своих стремительных корпусах, а его безупречной белизны паруса были расцвечены ярко-красной окантовкой, что придавало им веселый и праздничный вид. Его капитан, Гриджитор, был пожилым человеком, одним из самых процветающих рыбаков острова, высоким и крепким, с волосами до пояса и кожей столь загорелой, что она казалась пропитанной оливковым маслом. Он был среди тех, кто спас Залзана Кавола и Делиамбера, когда до острова дошли первые известия о тонущем корабле. В его команде было пять человек — все его сыновья и дочери, такие же крепкие и красивые, как и он.

Их путь лежал сначала на Бурбонт, всего в получасе плавания, а затем в неглубокий пролив, связывавший два внешних острова с остальными. Морское дно здесь было из чистого белого песка, и солнечный свет, легко проникавший сквозь зеленоватую прозрачную воду, освещал подводных

жителей: быстрых крабов, большеногих омаров, всевозможных рыб и зловещих песчаных угрей. Один раз даже пронесся маленький морской дракон, слишком близко подплывший к земле и явно смущенный этим. Одна из дочерей капитана уговаривала отца погнаться за ним, но капитан отмахнулся, сказав, что их дело — побыстрее доставить пассажиров на Родамаунт-Граун.

Они плыли все утро, миновали еще три острова: Ричемур, Гриалон и Вомэйр — так назвал их капитан, — и в полдень встали на якорь, чтобы позавтракать. Двое сыновей капитана отправились поохотиться. Нагие, в прозрачной воде они походили на чудесных животных и быстро, почти без промаха, набили острогами рыбы и крабов. Гриджитор сам приготовил мясо, замариновал в пряном соусе кубики сырой рыбы и щедро налил пряного зеленого вина. Делиамбер почти ничего не ел. Он устроился на самом верху одного из внешних корпусов и устремил напряженный взор на север. Валентин заметил это и хотел подойти, но Карабелла удержала его за руку:

— Он в трансе. Не мешай ему.

После завтрака они на несколько минут задержались с отплытием, дожидаясь, пока маленький вруун спустится со своего наблюдательного пунк-

та. Колдун выглядел довольным.

— Я послал свою мысль вперед, — сообщил он, — и несу вам хорошую новость: Слит жив!

— Вот это и вправду хорошая новость! — вскричал Валентин. — Где он?

— На одном из островов, — ответил Делиамбер и неопределенно махнул щупальцами. — С ним еще несколько членов команды Горзвала — им удалось спастись на лодке.

— Назови остров, и мы пойдем туда, — сказал Гриджитор.

— Он имеет форму кольца, открытого с одной стороны, а в середине его — вода. Люди там темнокожие, с длинными курчавыми волосами, в ушах серьги.

— Кангрисорн, — тут же догадалась дочь Гриджитора.

Отец кивнул:

— Верно. Поднять якорь!

До Кангрисорна, маленького атолла, был час пути при попутном ветре. Он лежал несколько в стороне от обозначенного Гриджитором на карте курса. Это был один из полудюжины маленьких песчаных атоллов, всего лишь краешек выступающих над поверхностью воды рифов, окружавших небольшие лагуны. Видимо, его

редко посещали люди с Мардижила, потому что еще до того, как тримаран вошел в гавань, его окружили лодки с местными ребятишками, которым не терпелось поглазеть на чужаков. Они были темнокожие, красивые, с иссиня-черными волосами и белоснежными зубами. Смеясь и размахивая руками, дети проводили тримаран до входа в лагуну, а там все увидели сидящего у воды Слита, обгоревшего на солнце, в лохмотьях, но невредимого. Он жонглировал пятью или шестью шариками из белого коралла, развлекая публику, состоявшую из нескольких десятков островитян и пяти членов команды Горзвала — четверых людей и одного хьорта.

Горзвал, похоже, боялся встречаться со своей бывшей командой. С утра он вроде бы воспрянул духом, но теперь, когда тримаран входил в лагуну, он как-то напрягся и замолчал. Карабелла первой бросилась бежать по мелководью, чтобы обнять Слита, Валентин шел следом. Горзвал брел позади, не поднимая глаз.

— Как вы нашли нас? — спросил Слит.

Валентин показал на Делиамбера.

— Колдовство. Что же еще? С тобой все в порядке?

— Я думал, что сдохну от морской болезни, пока

доберусь сюда, но дня через два поправился. — Поежившись, он спросил: — А ты? Я видел, как тебя утянуло под воду, и решил, что все кончено.

— Произошла странная история. Потом расскажу. Главное, что мы опять все вместе, Слит. — Немного помолчав, Валентин печально добавил: — Все, кроме Гибора Хаэрна. Он погиб. Но мы взяли в спутники Горзвала. Иди сюда, Горзвал. Разве ты не рад снова встретиться со своими ребятами?

Горзвал невнятно пробормотал что-то, глядя в пространство и стараясь не встретиться взглядом ни с кем. Валентин понял, в чем дело, обернулся к бывшим членам команды, собираясь просить их не держать зла на капитана за бедствие, неподвластное воле смертного, и отшатнулся, увидев, что все пятеро упали к его ногам.

Слит удрученно сказал:

— Я думал, что ты погиб, мой лорд, а потому не удержался и все им рассказал.

— Понятно, — кивнул Валентин. — Несмотря на все ваши клятвенные заверения, новости распространяются быстрее, чем мне хотелось бы. Что ж, это простительно, Слит. — Он снова обернулся к морякам: — Встаньте. Встаньте! Это ползанье в песке никому не нужно.

Бывшие подчиненные Горзвала встали. Они не могли скрыть своего недовольства капитаном, но изумление, вызванное тем, что они оказались в присутствии короналя, было сильнее. Валентин быстро выяснил, что двое — один человек и хьорт — хотят остаться на острове и со временем попытаться вернуться в Пилиплок. Остальные трое просили разрешения сопровождать его в паломничестве. В числе этих троих были две женщины, Панделон и Кордеин, — плотник и парусный мастер, и мужчина, Тесме, — лебедочник. Валентин согласился взять их с собой, а они дали клятву верности. Церемония эта будила в нем смутное недовольство, однако приходилось привыкать к неизбежным атрибутам власти.

Гриджитор и его дети не обратили внимания на все эти коленопреклонения и целования руки. Оно и к лучшему: Валентин не хотел, чтобы до его встречи с Хозяйкой Острова Сна всюду стало известно о том, что память к нему вернулась. Он все еще не был уверен в своих силах. К тому же, если он объявит о себе во всеуслышание, это привлечет внимание теперешнего короналя, который вряд ли будет спокойно наблюдать, как претендент на трон движется к Замковой горе.

Тримаран вновь отправился в путь: от одного

золотого острова к другому, держась вблизи берегов и только изредка выходя в более глубокие, темные воды. Мимо Лорманара и Климидола, Секундэйла и Блэйхер-Стрэнда, Гэрхувена и Висвис-Кипа, мимо Куила и Фруила, мимо Дайнбрика, Ниссемхолда и Тиакуила, мимо Роазена и Пиплината, мимо огромного крестообразного песчаного острова, известного как Дэмозел. Они остановились на острове Санграйв заправиться свежей питьевой водой, на Мюзорне — флягами с молодым вином местного приготовления. После многих дней путешествия мимо этих благословенных, пронизанных солнцем островов тримаран вошел в обширную гавань Родамаунт-Грауна. Это был большой и живописный остров вулканического происхождения, окруженный прекрасными пляжами. Весь его южный берег представлял собой прекрасный природный волнолом. Родамаунт-Граун был самым большим островом в архипелаге, его населяли пять с половиной миллионов душ. По обе стороны гавани раскинулись, как крылья, два города-двойника. Склоны центрального пика острова тоже были густо населены. Деревянные дома поднимались ярусами почти до середины пика. За последней линией домов начинались густые леса, а над

вершиной пика вилась в небо тонкая струйка белого дыма: Родамаунт-Граун был действующим вулканом. Последнее извержение, как сообщил Гриджитор, произошло лет пятьдесят назад. Но при взгляде на безупречно построенные дома и прекрасный лес в это трудно было поверить.

Отсюда «Гордость Мардижила» собиралась вернуться домой, и Гриджитор устроил своих пассажиров на еще более элегантный тримаран под названием «Королева Родамаунта», который должен был отвезти их на Остров Сна. Шкипером тримарана была некая Намуринта — женщина с царственной осанкой, длинными прямыми волосами, белыми, как у Слита, и молодым, без единой морщинки, лицом. Манеры ее были утонченными, и в них сквозила какая-то скрытая ирония. Она пристально рассматривала пассажиров, словно стараясь понять, что могло толкнуть этих столь не похожих между собой людей на внесезонное паломничество, но сказала только:

— Если на Острове вас не примут, я привезу всех обратно на Родамаунт-Граун, но за это придется доплатить.

— А на Острове часто отказывают пилигримам? — спросил Валентин.

— В положенное время — нет. Но, как вы, на-

верное, знаете, корабли пилигримов осенью не ходят. И может случиться, что там не готовы принять вас.

— Мы пришли издалека и без особых затруднений, — небрежно бросил Валентин и услышал, как фыркнула Карабелла и кашлянул Слит. — Я уверен, мы не встретим препятствий больших, чем те, которые уже преодолели.

— Я восхищена вашей решимостью, — сказала Намуринта и подала команде сигнал готовиться к отплытию.

Архипелаг в своей восточной части несколько изгибался к северу, и острова здесь совсем не походили на Мардижил и соседние с ним острова. В основном это были вершины подводной цепи гор, а не плоские платформы на коралловом основании. Изучая карты Намуринты, Валентин пришел к выводу, что когда-то эта часть архипелага представляла собой длинный мыс — окончание полуострова, отходившего от юго-западной оконечности Острова Сна, но в давние времена поглощенного Внутренним морем. Над водой поднимались только наиболее высокие пики, а между самым восточным островом архипелага и берегом Острова Сна лежали сотни миль открытого моря — непростое путешествие

для тримарана, даже и столь хорошо оснащенного, как судно Намуринты. Однако обошлось без происшествий.

Они останавливались в четырех портах: Хеллрэйге, Семпифиоре, Диммиде и Гуаделуме — пополнить запасы воды и пищи, спокойно проплыли мимо Родамаунт-Оунза — последнего острова архипелага — и вошли в канал Унгехойер, отделявший архипелаг от Острова Сна. Это был широкий, но мелководный пролив, кишевший разнообразной морской живностью, отлавливаемой рыбаками всюду, кроме последней сотни миль на самом востоке, считавшихся священной границей Острова. Здесь обитали безвредные чудища — громадные шаровидные создания, которые назывались вольвантами. Они прикреплялись к камням на дне и питались планктоном, процеживая его через жабры. Они постоянно выделяли некое вещество, благодаря которому вокруг них существовала питательная среда, поддерживавшая огромное разнообразие форм жизни. За несколько последующих дней Валентин увидел дюжины вольвантов: сморщенные шарообразные мешки пятидесяти-семидесяти футов в поперечнике, карминного цвета, покачивавшиеся на глубине нескольких футов. На их

коже виднелись полукруглые отметины, которые представлялись Валентину глазами, носами и губами вольвантов, и ему казалось, что он видит лица, с грустью смотрящие на него из-под воды. И вольванты виделись ему существами, пребывающими в глубокой меланхолии, философами, чьи мысли оказывали влияние на приливы и отливы.

— Они наводят на меня грусть, — сказал он Карабелле. — Вечно парящие там, привязанные своими хвостами к скрытым в глубине камням, медленно поворачивающиеся по воле течений. Как они задумчивы!

— Задумчивы?! Примитивные газовые мешки, ничуть не разумнее мха!

— Но, Карабелла, взгляни-ка на них повнимательнее. Они хотят летать, парить, они смотрят в небо, на весь воздушный мир и жаждут выйти в него, но все, что им позволено, — это висеть под волнующейся поверхностью и качаться, наполняя себя невидимыми организмами. Рядом, совсем неподалеку от их лиц, лежит совершенно другой мир, грозящий им смертью, попытайся они войти в него. И тебя это не трогает?

— Глупости все это, — ответила Карабелла.

На второй день «Королева Родамаунта» подо-

шла к пяти лодкам рыбаков, которые отсекли вольванта от его якоря-корня, вынули на поверхность, разделали и сняли с него кожу, которую затем нарезали мелкими кусочками и разложили на палубе. Валентин ужаснулся. «Когда я снова буду короналем, — подумал он, — я запрещу убивать этих безвредных тварей». Однако, поймав себя на этой мысли, он вдруг задумался: а имеет ли он право издавать законы, основываясь только на личных симпатиях и не изучив все факты? Он решил узнать у Намуринты, что делают с кожей вольвантов.

— Лекарство для стариков, кровь которых вяло течет в жилах, — ответила она. — Одного вольванта хватит на лекарство для всех островов на год, а то и больше. То, что ты сейчас видел, — редкое событие.

«Когда я снова буду короналем, — подумал Валентин, — я воздержусь от суждений, пока не узнаю истины, если такое вообще возможно».

Тем не менее вольванты вызывали в нем странные эмоции, и он вздохнул с облегчением, когда тримаран вышел в холодные голубые воды, окружавшие Остров Сна.

Глава 7

Остров уже отчетливо вырисовывался на востоке и с каждым часом заметно увеличивался в размерах. Валентин видел его только во сне и в своем воображении. Эти видения ни на чем не основывались, однако придуманные и частично сохранившиеся в воспоминаниях образы еще жили в его памяти, и он вовсе не был готов к действительности.

Остров был огромен, да это и неудивительно для столь великой планеты. Однако Валентин, сбитый с толку тем, что это все-таки остров, предполагал, что он, вероятно, раза в два-три больше Родамаунт-Грауна. Теперь же он видел, что Остров Сна занимает весь горизонт, насколько хватает глаз. Примерно таким же виделось ему побережье Зимроэля, когда они находились в двух днях пути от Пилиплока. Это был остров, сравнимый по величине с Зимроэлем, Алханроэлем и Субраэлем, и он не назывался континентом только потому, что те были огромными, а он просто очень большим. Ослепительно чистые меловые утесы ярко сияли на солнце и сливались в стену в сотни футов высотой,

которая, вероятно, тянулась на сотни миль по западной стороне Острова.

Над этой стеной виднелась темно-зеленая полоса леса. Создавалось впечатление, что за ней возвышалась вторая меловая стена, еще дальше от моря — третья, так что Остров, казалось, представлял собой череду сверкающих ярусов, поднимавшихся к какой-то неизвестной и, возможно, недоступной центральной цитадели. Валентин слышал о террасах Острова, но представлял их себе древними искусственными сооружениями, символическими этапами подъема к посвящению. Однако, похоже, Остров сформирован природными террасами, что еще более усугубляло его таинственность. Стоит ли удивляться, что это место стало священным на Маджипуре?

— Эта выемка в утесе — Талеис, куда причаливают корабли пилигримов, — пояснила Намуринта, указывая рукой. — Это одна из двух гаваней Острова, вторая — Нуминор — на другой стороне, со стороны Алханроэля. Но вы, наверное, и сами это знаете, раз вы пилигримы.

— У нас было мало времени на подготовку, — отозвался Валентин. — Мы неожиданно решились на паломничество.

— И вы проведете остаток своей жизни здесь, на службе у Хозяйки Острова? — спросила она.

— На службе у Хозяйки, да, — ответил Валентин, — но, думаю, не здесь. Для некоторых из нас Остров — только остановка на очень длинном пути.

Намуринта казалась озадаченной, но больше ни о чем не спрашивала.

Юго-западный ветер быстро и легко донес «Королеву Родамаунта» к Талеису. Скоро перед ними выросла громадная меловая стена, а то, что они приняли за выемку, оказалось очень большой гаванью. Тримаран вошел под полными парусами. Валентин, склонившись, стоял на носу, и волосы его развевались на ветру. Открывшаяся его взгляду картина вызвала в душе благоговейный страх: в углу V-образной гавани утесы спускались в воду почти отвесно с высоты в милю или больше, а в их основании лежала плоская полоса земли, ограниченная широким белым пляжем. На одной стороне располагались верфи, пирсы и доки, казавшиеся карликовыми по сравнению с этим гигантским амфитеатром. Трудно было представить, каким образом из порта у подножия утесов кто-то мог проникнуть в глубь Острова: это была природная крепость.

Паломников встретила тишина. В гавани не было ни одного судна, кругом царило странное спокойствие, лишь изредка нарушаемое завыванием ветра да криком случайно пролетевшей чайки.

— Есть там кто-нибудь? — спросил Слит. — Кто нас встретит?

Карабелла закрыла глаза.

— Обходить Остров и идти до Нуминора или вернуться на Архипелаг…

— Нет, — возразил Делиамбер. — Нас встретят. Бояться нечего.

Тримаран встал у свободного пирса, с него спустили лодку, и они поплыли к берегу. Уверенность Делиамбера казалась совершенно необоснованной. Вокруг ни души. Стояла такая тишина, что Валентину захотелось заткнуть уши, только бы ее не слышать. Все ждали, неуверенно переглядываясь.

— Давайте искать, — предложил наконец Валентин. — Лизамон, Кхун, Залзан Кавол, осмотрите здания слева. Слит, Делиамбер, Виноркис, Шанамир — справа, Панделон, Тесме, Роворн, обогните пляж и посмотрите, что там. Горзвал, Ерфон…

Сам Валентин, Карабелла и парусный мастер

Кордеин пошли вперед, к подножию громадного утеса. Здесь начиналось нечто вроде тропы, которая почти вертикально уходила к самой макушке утеса и исчезала между двумя белыми шпилями. Чтобы подняться по этой тропе, нужно обладать ловкостью лесных братьев и нахальством горного козла, решил Валентин. Однако другой возможности покинуть берег, по-видимому, не было. Он заглянул в будочку у начала тропы, но нашел только парящие сани, видимо служившие для подъема. Он вытащил одни, установил в подъемное устройство, сел в них, но привести их в движение не сумел.

Разочарованный, он вернулся к пирсу. Почти все уже были там.

— Все пусто, — доложил Слит.

Валентин посмотрел на Намуринту.

— Сколько тебе нужно времени, чтобы отвезти нас на ту сторону?

— В Нуминор? Несколько недель. Но я туда не поеду.

— Мы заплатим, — сказал Залзан Кавол.

Она равнодушно взглянула на него.

— Мое дело — рыболовство. Начинается лов рыбы-колючки. Если я повезу вас в Нуминор, я пропущу и этот лов, и половину сезонного лова

гиссуна. У вас денег не хватит, чтобы возместить мне убытки.

Скандар достал монету в пять реалов, словно надеясь, что ее блеск заставит капитана изменить решение. Но та лишь отрицательно качнула головой.

— Вы заплатили мне, чтобы я привезла вас с Родамаунт-Грауна сюда. За половину той платы я отвезу вас обратно. Это лучшее, что я могу сделать. Через несколько месяцев снова пойдут корабли пилигримов, гавань оживет, и тогда, если вы захотите, я опять доставлю вас сюда за те же полцены. Как бы вы ни решили, я к вашим услугам. Я отчалю отсюда до наступления темноты, и не в Нуминор.

Валентин обдумал сложившуюся ситуацию. Это еще хуже, чем быть проглоченным драконом, потому что тогда ему удалось освободиться довольно быстро, а это неожиданное препятствие сулило отсрочку на всю зиму, если не больше. Все это время Доминин Барджазид будет править в замке, рассылать новые законы, изменять историю и укреплять свое положение. Что же делать? Он взглянул на Делиамбера, но колдун, казавшийся совершенно спокойным, не дал никакого совета. На эту стену им не вскарабкаться.

Летать они не умеют. Связывающие их путы тяготения не позволят запрыгнуть наверх, к этим недостижимым, безгранично желанным лесным рощам, укрывающим стены. Значит, назад, на Родамаунт-Граун?

— Ты согласна подождать всего один день? — спросил он Намуринту. — За дополнительную плату. Может, утром мы найдем кого-нибудь…

— Я далеко от Родамаунт-Грауна, — ответила она, — и хочу как можно скорее вновь увидеть его берега. Лишний час ожидания вам не даст ничего, а мне и того меньше. Не тот сезон: люди Повелительницы не ждут никого и не придут сюда.

Шанамир слегка дернул Валентина за рукав.

— Ты — корональ Маджипура, — прошептал он. — Прикажи ей ждать! Назови себя и заставь ее встать на колени!

Валентин улыбнулся и тихо ответил:

— Я думаю, этот номер не пройдет. Я где-то оставил свою корону.

— Так пусть Делиамбер заколдует ее и сделает уступчивой.

Это было возможно, но Валентин не хотел пользоваться чарами. Намуринта была честна с ними и теперь имела право уйти. И к тому же,

наверное, она права: ждать можно и день, и два, и три, а толку не будет. А заставить ее уступить с помощью колдовства Делиамбера казалось ему отвратительным. Но, с другой стороны…

— Лорд Валентин! — позвал издали женский голос. — Иди сюда!

Он посмотрел в дальний конец гавани. Кричала Панделон, плотник Горзвала. Она махала руками и звала. Валентин рванулся к ней, остальные бросились следом. Когда он подбежал, она повела его по мелководью вокруг каменного выступа, скрывавшего пляж поменьше. Там он увидел одноэтажное здание из розового песчаника с эмблемой Хозяйки Острова Сна — треугольник в треугольнике, — видимо, символом какой-то гробницы. Перед зданием был сад с расположенными симметричным узором кустами, на которых распустились красные, голубые, оранжевые и желтые цветы.

За садом ухаживали два садовника, мужчина и женщина. Они равнодушно взирали на приближавшегося Валентина. Он неуклюже сделал им знак Хозяйки Острова Сна, они ответили тем же, но более умело.

— Мы пилигримы, — обратился к ним Валентин, — и хотим узнать дорогу к террасам.

— Вы приехали не вовремя, — ответила женщина с широким, бледным, морщинистым лицом. В ее голосе не было и тени дружелюбия.

— Виной тому наше стремление служить Хозяйке.

Женщина пожала плечами и вернулась к своей работе.

— В это время года надо ехать в Нуминор, — вступил в разговор мужчина, крепкий, невысокий, с редкими седыми волосами.

— Мы из Зимроэля.

В его взгляде появилась слабая заинтересованность.

— Сквозь драконьи ветры? Вам, верно, нелегко пришлось?

— Были кое-какие трудные минуты, — ответил Валентин, — но теперь они позади. Мы рады, что наконец добрались до Острова.

— Повелительница позаботится о вас, — снова равнодушно произнес мужчина и взялся за лопату.

После минутного, но напряженного молчания Валентин спросил:

— Где дорога на террасы?

— Вы не сможете воспользоваться ею, — отозвалась женщина.

— Вы не поможете нам?

Снова последовало молчание.

— Это же недолго, — настаивал Валентин. — Покажите нам дорогу, и мы больше не будем беспокоить вас.

— Мы заняты делом, — возразил мужчина.

Валентин облизнул губы. Выхода не было. Насколько ему известно, Намуринта минут пять назад покинула Остров и возвращается в Родамаунт-Граун, бросив их здесь. Он посмотрел на Делиамбера, надеясь на его колдовские прикосновения. Вруун не воспринял намек. Валентин подошел к нему и шепнул:

— Коснись их щупальцем и заставь помочь нам.

— Думаю, — ответил Делиамбер, — на этом священном острове мое колдовство мало чего стоит. Пользуйся своими чарами.

— Но я ими не обладаю!

— Попробуй, — предложил вруун.

Валентин вернулся к садовникам.

Сказать садовникам что-либо вроде: «Я — корональ Маджипура, я — сын Хозяйки Острова Сна, которой вы оба служите» — немыслимо, но он, возможно, сумеет передать это лишь силой духа. Он выпрямился, внутренне сосредоточил-

ся, как делал это, готовясь жонглировать перед взыскательной аудиторией, и улыбнулся такой теплой улыбкой, от которой могли бы раскрыться почки на ветвях засохших кустов. Через минуту садовники оторвались от своей работы и бросили взгляд на Валентина. Реакция превзошла все ожидания: при виде его улыбки на их лицах отразились удивление, растерянность и… покорность.

Всем своим видом Валентин излучал искреннее дружелюбие.

— Мы преодолели тысячи миль, — ласково начал он, — чтобы отдаться на милость Хозяйки Острова, и мы просим вас во имя Божества, которому вы служите, помочь нам на нашем пути. Нужда наша велика, и мы устали от странствий.

Они заморгали, словно из-за серых облаков вышло солнце.

— Но мы заняты, — неуверенно ответила женщина.

— Мы не можем уйти, пока сад не ухожен, — промямлил мужчина.

— Сад цветет, — возразил Валентин, — и не погибнет без вас за несколько часов. Помогите нам, пока не стемнело. Мы просим только показать дорогу, и Хозяйка вознаградит вас за это.

Садовникам было явно не по себе. Они посмотрели друг на друга, потом на небо, как бы прикидывая, не поздно ли. Наконец оба, нахмурившись, поднялись, отряхнули песок с коленей и пошли к краю воды в мелкий прибой вокруг выступа большого пляжа, а затем вниз к подножию утеса, где начиналась вертикальная тропа.

Намуринта была еще там, но уже готовилась к отплытию. Валентин подошел к ней:

— Мы глубоко признательны тебе за помощь.

— Вы остаетесь?

— Мы нашли путь на террасы.

Она улыбнулась с искренней радостью:

— Не хочется бросать вас, но Родамаунт-Граун зовет меня. Удачи вам в вашем паломничестве.

— А я желаю тебе безопасного путешествия домой.

Валентин уже повернулся было, чтобы уйти, но она остановила его:

— Еще одно. Та женщина назвала тебя лордом Валентином. Что это значит?

— Просто шутка, — ответил Валентин.

— Я слышала, так зовут нового короналя. Он начал править год или два назад.

— Да, — кивнул Валентин, — но он черноволосый. Это была просто шутка, потому что я тоже

Валентин. Счастливого плавания, Намуринта.

— Плодотворного паломничества, Валентин.

Он пошел к утесу. Садовники вытащили из будки несколько парящих саней, установили их как нужно и жестом пригласили путешественников. Валентин сел в первые сани с Карабеллой, Делиамбером, Шанамиром и Кхуном. Садовница вошла в будку, откуда, видимо, управляли подъемом.

Сани тут же поднялись на воздушной подушке и поплыли. Начался страшный головокружительный подъем на белый утес.

Глава 8

— Вы прибыли, — сказал служитель Талинот Исульд, — на террасу Оценки. Здесь оценят баланс ваших личностей. Когда настанет время идти дальше, дорога приведет вас на террасу Вступления, затем на террасу Зеркал, где вы встретитесь с собой. Если увиденное удовлетворит вас и ваших наставников, вы отправитесь на Второй утес, где вас ждет другая группа террас. Так вы доберетесь до террасы Поклонения. Затем, если над вами будет милость Хозяйки, вас вызовут во Внутренний храм. Но на вашем месте я бы не надеялся, что это случится скоро. Я бы даже не надеялся, что это вообще произойдет. Но те, кто стремится встретиться с Хозяйкой Острова, в конце концов, вполне вероятно, доходят до нее.

Настроение Валентина испортилось. Он не просто надеялся дойти до Хозяйки, ему это было жизненно необходимо. Однако он понимал, что имел в виду служитель. В этом священном месте паломник ничего не требовал — он подчинялся. Он должен был отказаться от требований, нужд и желаний и уступить, если искал покоя и утешения у Хозяйки Острова. Здесь не место для

короналя. Главное в жизни короналя — пользоваться властью: мудро, если он мудр, но в любом случае твердо. Главное в жизни пилигрима — подчиняться. Это противоречие могло с легкостью погубить Валентина, но иного выбора не было.

Во всяком случае, он заметно приблизился к Повелительнице Снов. На вершине утеса служители встретили их без всякого удивления. Видимо, они знали, что к ним поднимаются пришедшие не в сезон паломники. Теперь их, выглядевших благочестиво и несколько глупо в мягкой белой одежде пилигримов, собрали в длинном низком здании из гладкого розового камня, стоявшем у гребня утеса. Плиты из того же камня устилали широкую дорожку для прогулок, тянувшуюся, видимо, довольно далеко вдоль кромки леса, венчавшего утес. Это была терраса Оценки. Дальше шел лес. Другие террасы располагались далеко за ним.

В глубине, невидимый отсюда, поднимался Второй утес. Третий утес, насколько Валентин знал, был выше Второго и находился в сотнях миль отсюда, где-то в глубине Острова. Это была священнейшая территория, где стоял Внутренний храм и где жила сама Повелительница Снов. Несмотря на то что Валентин проделал такой огромный путь, казалось немыслимым, что он

когда-нибудь одолеет эти последние несколько сотен миль.

Быстро наступала ночь. Бросив взгляд в круглое окно за спиной, он увидел темневшее небо и широкую темную полосу моря. На гладкой поверхности воды Валентин заметил пятнышко — наверное, это возвращается домой тримаран «Королева Родамаунта»… А чуть дальше вольванты видят свои бесконечные сны, и морские драконы плывут к Великому океану… А еще дальше — Зимроэль с его городами, заповедниками и парками, фестивалями и миллиардами жителей… Многое осталось позади, но теперь он должен смотреть вперед.

Валентин внимательно смотрел на Талинота Исульда, их первого здешнего сопровождающего, высокое, худощавое существо неопределенного пола, с молочно-белой кожей и лысой головой. По росту и ширине плеч можно было предположить, что это мужчина, но тонкие черты лица, особенно хрупкий изгиб легкого выступа над странными синими глазами, позволяли допустить и иное.

Талинот Исульд объяснил все: ежедневный порядок молитв, работы и медитации, систему толкования сна, устройство жилых помещений, пищевые ограничения, исключавшие все вина и

некоторые пряности, и многое другое. Валентин пытался запомнить все это, но правил, требований, обязанностей и обрядов было так много, что они перепутались в голове, и через некоторое время он оставил всякие усилия, надеясь, что ежедневная практика вобьет в него все необходимое.

Когда стемнело, Талинот Исульд повел их из зала обучения в обеденный зал. Они миновали каменный бассейн, заполняемый из минерального источника, где чуть раньше мылись, прежде чем надеть данную им одежду, и где должны были мыться дважды в день, пока находились на этой террасе. В обеденном зале им подали простую пищу: суп и рыбу — безвкусные и непривлекательные на вид даже для зверски голодных паломников. Здесь работали новички вроде них, но в светло-зеленой одежде. Большой зал был занят лишь частично: время обеда уже почти прошло, как объяснил Талинот Исульд. Валентин оглядел других пилигримов. Они принадлежали к разным расам: примерно половина — люди, но были и врууны, гэйроги, скандары, несколько лииименов, хьорты, а в дальнем конце зала разместилась маленькая группа су-сухирисов. Хозяйке Острова Сна поклонялись все расы Маджипура,

кроме одной.

— Метаморфы когда-нибудь искали Хозяйку? — спросил Валентин.

Талинот Исульд ангельски улыбнулся.

— Если пиуривар придет к нам, мы должны принять его. Но они не участвуют в наших ритуалах. Они живут сами по себе, словно на Маджипуре нет никого, кроме них.

— Может, кто-нибудь из них приходил сюда в другом обличье? — предположил Валентин.

— Мы знали бы об этом, — спокойно ответил Талинот Исульд.

После обеда их развели по отдельным комнатам размером едва ли больше стенного шкафа. Обставлены они были более чем скромно: постель, раковина, место для одежды — и ничего больше.

Лизамон сердитым взглядом окинула свое жилище.

— Вина нет, меч отобрали, а теперь еще и спать в этом ящике? Похоже, я промахнулась, став пилигримом, Валентин.

— Успокойся, возьми себя в руки, потерпи. Мы пройдем весь Остров как можно быстрее.

Валентин вошел в свою комнату, находившуюся между комнатами Лизамон и Карабеллы. Свет

тут же начал гаснуть. Он лег на койку и неожиданно для себя понял, что засыпает, хотя было еще рано. Когда сознание покинуло его, он увидел Хозяйку Острова. Сомнений и ошибки быть не могло — это была Повелительница Снов. После Пидруида Валентин много раз видел ее во сне: ее ласковые глаза, черные волосы, цветок за ухом, оливковую кожу, — но сейчас образ был четким, с множеством деталей. Он разглядел мелкие морщинки в уголках глаз, крошечные зеленые камни в серьгах, узкую серебряную полоску над бровями.

— Мама, я здесь, позови меня к себе! — молил он, протягивая к ней руки.

Она улыбнулась ему, но не ответила.

Они были в саду, и вокруг цвели алабандины. Маленьким золотым инструментом она отщипывала цветочные бутоны, чтобы оставшиеся цвели лучше и пышнее.

Он стоял рядом и ждал, когда Хозяйка обернется к нему, но она, казалось, была поглощена своим занятием. Наконец, не глядя на него, она произнесла:

— Нужно быть очень внимательным к своему делу, чтобы хорошо его выполнить.

— Мама, я твой сын Валентин!

— Видишь, на каждой ветке пять бутонов. Оставь их, и они все раскроются, но я уберу два там, один здесь, еще один вот тут — и цветение будет великолепным.

Пока она говорила, бутоны раскрылись, и запах алабандинов наполнил воздух, а громадные, как тарелки, желтые лепестки развернулись, открыв черные тычинки и пестик. Хозяйка слегка коснулась их, и пурпурная пыльца разлетелась во все стороны.

— Ты тот, кто ты есть, и всегда им будешь, — произнесла Повелительница.

Сон сменился. Хозяйка Осторова исчезла, и только колючие кусты махали ему жесткими ветвями, а над ним летали огромные птицы.

Затем все смешалось.

Проснувшись, он должен был сразу же доложить своему толкователю снов — не Талиноту Исульду, а другому служителю, тоже лысому и тоже неопределенного пола, но, более вероятно, все-таки женщине, Стоминоп. Эти служители были среднего уровня посвящения, как вчера узнал Валентин. Они вернулись со Второго утеса, чтобы обслуживать новичков.

Толкование снов на Острове ничуть не напоминало действий Тизаны в Фалкинкипе. Не было

ни наркотических средств, ни возлежания бок о бок. Валентин просто пришел к толковательнице снов и описал все, что видел. Стоминоп спокойно слушала. Валентин заподозрил, что толковательница имела доступ к его сну и теперь просто хочет сравнить рассказ Валентина с собственным восприятием и проверить, нет ли провалов и противоречий. Поэтому Валентин как можно точнее передал сон, а приводя свои слова «Мама, я твой сын Валентин», внимательно посмотрел на Стоминоп. С тем же успехом он мог смотреть на меловой утес.

Когда он замолчал, толковательница спросила:

— Какого цвета были лепестки алабандинов?

— Желтые с черной серединкой.

— Хороший цвет. В Зимроэле алабандины алые с желтой серединой. Какие тебе больше нравятся?

— Одинаково.

Стоминоп улыбнулась.

— В Алханроэле алабандины желтые с черной серединкой. Можешь идти.

И так каждый день: загадочное замечание, а если не загадочное, то такое, что его можно было истолковать по-разному, — но никаких пояснений. Стоминоп была как бы хранилищем снов

Валентина, она впитывала их, однако не давала советов. Валентин начал привыкать к этому.

Он втянулся и в ежедневную работу. Каждое утро он два часа трудился в саду: полол, подрезал, окапывал. После обеда работал каменщиком, изучая искусство обтесывания плит. Затем шли долгие часы медитации. Тут им никто не руководил — просто посылали смотреть на стены. Своих спутников он почти не видел, разве что в минуты совместного купания утром и перед ужином. Разговаривали они мало. Легко было войти в такой ритм жизни и отбросить все заботы. Тропический воздух, аромат множества цветов, благородный дух всего, что было здесь, успокаивали и размягчали, как теплая ванна.

Но Алханроэль лежал в тысячах миль к востоку, а Валентин ни на дюйм не приблизился к своей цели, поскольку оставался на террасе Оценки. Прошла уже неделя. Во время медитации Валентин предавался мечтам: он соберет своих людей, удерет ночью, тайком пройдет через террасы Второго и Третьего утесов и появится на пороге Храма Повелительницы Снов. Однако он подозревал, что в таком месте, где сон — открытая книга, им далеко не уйти.

Это его раздражало. Он понимал, что раздра-

жение мешает ему, и учился расслабляться, отрешаться от своих неотложных задач, очищать мозг от всех желаний, принуждений и отвлечений, пытаясь таким образом открыть путь сну, которым Хозяйка позовет его к себе.

Но и это не дало результата. Он выдергивал сорняки, обрабатывал теплую плодородную почву, носил ведра со строительным раствором к дальним концам террасы, целыми часами во время медитации сидел, скрестив ноги и совершенно ни о чем не думая, каждую ночь молился, чтобы Повелительница позвала его, но ничего не происходило.

— Долго ли это будет продолжаться? — однажды в бассейне спросил он Делиамбера. — Пятая неделя идет, а может, и шестая — я уже сбился со счета. Сколько я должен быть здесь? Год? Два? Три?

— Некоторые пилигримы ждут и дольше, — ответил вруун. — Я разговаривал с одной женщиной-хьортом, которая служила в патруле при лорде Вориаксе. Она провела здесь четыре года и, кажется, вполне примирилась с тем, что останется тут навсегда.

— Ей не надо никуда идти. А жить здесь достаточно приятно. Но у меня…

— …важные дела на востоке, — закончил за него Делиамбер. — Однако ты обречен оставаться здесь. В твоей дилемме есть парадокс, Валентин: ты отрекаешься от цели, но твое отречение само по себе цель. Разве ты этого не понимаешь? Твоя толковательница наверняка понимает.

— Конечно, понимаю. Но что мне делать? Как я могу уверять, что меня не беспокоит, останусь ли я здесь навсегда?

— Уверять нельзя. Но ты двинешься вперед, как только по-настоящему перестанешь беспокоиться, не раньше.

Валентин покачал головой.

— Это все равно как если бы мое спасение зависело от того, буду я вспоминать о гихорн-птицах или нет. Как бы я ни старался не думать о них, они все время будут лезть мне в голову. Что мне делать, Делиамбер?

Других советов у колдуна не было.

На другой день Валентин узнал, что Шанамир и Виноркис продвинулись на террасу Вступления.

Прошло два дня, прежде чем Валентин и Делиамбер встретились снова. Вруун заметил, что Валентин плохо выглядит. Тот с нескрываемым раздражением ответил:

— А как я, по-твоему, должен выглядеть? Ты

знаешь, сколько сорняков я выдрал, сколько плит обтесал, а Барджазид сидит себе в Горном замке в Алханроэле и…

— Успокойся, — мягко остановил его Делиамбер. — Ты сам на себя не похож.

— Успокоиться? Сколько я могу быть спокойным?

— Возможно, таким образом испытывают твое терпение. В этом случае, мой лорд, ты провалишь испытание.

Валентин задумался, а затем произнес:

— Наверное, ты прав. А если испытывают мою изобретательность? Делиамбер, пошли в мою голову призывный сон в эту ночь.

— Я же говорил, мое колдовство мало чего стоит на Острове.

— Сделай это. Попробуй. Составь послание от Повелительницы Снов и направь его в мой мозг, а там видно будет.

Колдун пожал плечами и, чтобы передать мысль, коснулся щупальцами руки Валентина. Тот почувствовал слабый внутренний толчок.

— Твое колдовство работает, — сказал он.

В эту ночь он увидел во сне, что плавает, как вольвант, в бассейне, прикрепленный к камням какой-то пленкой, растущей из его ног, и пыта-

ется освободиться. В это время в ночном небе появляется улыбающееся лицо Повелительницы. Она зовет:

— Иди ко мне, Валентин.

Пленка исчезает, он всплывает на поверхность, и ветер относит его к Внутреннему храму.

Валентин изложил этот сон Стоминоп. Та выслушала равнодушно. На следующий день Валентин сказал, что видел тот же сон, и Стоминоп опять промолчала. В третий раз Валентин повторил то же и попросил толкования. Стоминоп ответила:

— Толкование твоего сна таково: на чужих крыльях птица не летает.

Валентин покраснел и вышел.

Через пять дней Талинот Исульд сообщил, что Валентину даровано разрешение перейти на террасу Вступления.

— Но почему? — спросил Валентин Делиамбера.

— Почему? — переспросил вруун. — Когда речь идет о духовном совершенствовании, это пустой вопрос. В тебе явно что-то изменилось.

— Но мой сон был незаконным!

— Может, и законным, — пожал плечами колдун.

Один из служителей повел Валентина по лесной тропинке к следующей террасе. Дорога была запутанной, извилистой, иногда требовалось повернуть, казалось бы, совершенно не в том направлении. Валентин полностью потерял счет времени. Через несколько часов они вдруг оказались на обширном свободном пространстве. На розовых каменных плитах террасы через равные промежутки поднимались пирамиды из темно-голубого камня в десять футов высотой.

Жизнь тут была в основном такой же: черная работа, медитация, встречи с толковательницей снов, скромное жилье, скудная пища. Но здесь началось священное обучение. Ежедневно в течение часа посредством эллиптических сравнений и круговых диалогов объяснялись принципы благоволения Хозяйки Острова.

Сначала Валентин слушал невнимательно. Все казалось ему неопределенным и абстрактным. Ему трудно было сосредоточиться на столь отвлеченных понятиях, поскольку им владела конкретная политическая страсть — добраться до Замка и устроить допрос правительству Маджипура. Но на третий день он вдруг с удивлением осознал, что все рассказы служителя о Хозяйке Острова Сна тесно связаны с ее политической

ролью. Именно она, как понял Валентин, была регулирующей силой, скрепляющей любовью и верой центры власти на этой планете. Кроме того, она разработала свою магию снов-посланий.

Конечно, распространенному в народе мифу, что она каждую ночь прикасается к сознанию миллиардов жителей, верить было нельзя, но сомневаться в том, что ее спокойный дух делает жизнь легче, не приходилось. Король Снов посылает прямые и специальные сны, бичующие виновных и предупреждающие неуверенных, его послания могут быть жестокими. Но как тепло моря умеряет климат страны, так Повелительница Снов смягчает грубые формы контроля над Маджипуром, и теология считает ее воплощением Божественной Матери. Теперь Валентин понял метафору о разделении власти, которую использовали древние правители Маджипура.

Теперь он слушал с неослабевающим интересом. Он отказался от неуемного стремления поскорее преодолеть все террасы и решил научиться здесь всему, что только будет возможно.

На этой террасе Валентин был совсем одинок. Это было непривычно. Шанамира и Виноркиса он не встречал (может, их уже послали на террасу Зеркал), а остальные, насколько ему было извест-

но, остались позади. Больше всего ему не хватало кипучей энергии Карабеллы и язвительной мудрости Делиамбера, но другие за время долгого и тяжелого путешествия через Зимроэль тоже стали частью его души, и ему было неуютно от того, что их нет рядом. Его жизнь жонглера, казалось, давно окончена и никогда не вернется. Иногда в свободные минуты он срывал плоды с деревьев и жонглировал ими, чтобы развлечь новичков и служителей. Один широкоплечий чернобородый мужчина по имени Фарссал особенно внимательно следил за выступлениями Валентина.

— Где ты научился этому искусству? — поинтересовался он.

— В Пидруиде, — ответил Валентин. — Я был в труппе жонглеров.

— Хорошая, верно, была жизнь?

— Да, — кивнул Валентин.

Он вспомнил те чувства, которые испытывал во время выступлений перед смуглолицым лордом Валентином на арене в Пидруиде, на широких подмостках Постоянного цирка в Дюлорне, и вновь воскресил в памяти незабываемые сцены прошлого.

— Этому можно научиться? — спросил Фарссал. — Или это врожденный дар?

— Любой научится, если у него быстрый глаз и он умеет сосредоточиться. Я учился всего две недели в прошлом году в Пидруиде.

— Ну нет! Наверняка всю жизнь жонглировал!

— До прошлого года — нет.

— Тогда зачем ты взялся за это?

Валентин улыбнулся.

— Нужно было зарабатывать на жизнь, а в Пидруид на фестиваль короналя приехали странствующие жонглеры, и им нужны были лишние руки. Они меня быстро научили. Я мог бы научить тебя.

— Думаешь, получится?

— Лови, — сказал Валентин.

Он бросил чернобородому один из крепких зеленых плодов, которыми жонглировал.

— Перебрасывай его из руки в руку. Пальцы держи свободно. Тебе надо усвоить несколько основных положений и приемов, попрактиковаться в них, а потом…

— А чем ты занимался до жонглирования? — поинтересовался Фарссал, перебрасывая плод.

— Бродяжничал, — коротко ответил Валентин. — Держи руки вот так…

Он с полчаса тренировал Фарссала, как Карабелла и Слит тренировали его самого в Пидруиде.

У Фарссала оказались ловкие руки и хорошие глаза, и учился он быстро, хотя и не так, как в свое время Валентин. Через несколько дней он усвоил большую часть элементарных приемов и мог жонглировать, хотя еще и не очень изящно. Он был весьма разговорчивым и, перебрасывая из руки в руку бишавары, не закрывал рта. Родился он, по его словам, в Ни-мойе, много лет был торговцем в Пилиплоке, недавно пережил душевный кризис, который привел его в смятение и чуть позже заставил отправиться в паломничество на Остров. Он рассказывал о своей женитьбе, о ненадежных сыновьях, о том, как выигрывал и проигрывал за игорными столами целые состояния. Но Фарссал, в свою очередь, хотел знать все и о Валентине — о его семье, о склонностях, о том, что привело его к Повелительнице Снов. Валентин отвечал на вопросы достаточно правдоподобно, наиболее неприятные обходил, быстро переключаясь на советы по искусству жонглирования.

В конце второй недели настойчивых и постоянных занятий: работы, учебы, медитации, периодов свободного времени, проводимого в жонглировании с Фарссалом, — Валентин вновь почувствовал неудержимое желание двинуться

дальше.

Он не имел представления, сколько здесь террас — девять? девяносто? Но если он будет тратить столько времени на каждую, он и за много лет не дойдет до Хозяйки. Как-то надо было ускорить подъем.

Поддельные сны-вызовы, похоже, не срабатывали. Валентин попробовал изложить свой сон о бассейне Силимейн, здешней толковательнице, однако тот не произвел на нее впечатления. Во время медитации и ночного сна он пытался достичь разума Хозяйки и умолять ее о вызове, но из этого тоже ничего не вышло.

Он спросил тех, кто сидел рядом с ним за обедом, давно ли они на этой террасе. Один сказал — два года, другой — восемь месяцев. Их это, казалось, не тревожило.

— А ты? — спросил он Фарссала.

Фарссал ответил, что пришел за несколько дней до Валентина. Он, похоже, также не испытывал нетерпения.

— Куда спешить? Мы везде служим Повелительнице, верно? Чем одна терраса хуже другой?

Валентин кивнул. Он не осмеливался проявлять недовольство. В конце третьей недели ему показалось, что он увидел Виноркиса, шедшего

через поле стаджи, на котором работал Валентин. Но тот был далеко, и Валентин не был уверен, Виноркис ли это, а окликать его было бесполезно: он не расслышал бы. На следующий день, жонглируя с Фарссалом возле бассейна, он вновь увидел Виноркиса, на этот раз точно Виноркиса, на другой стороне площадки. Валентин извинился и бросил жонглировать. После стольких недель пребывания вдали от своих спутников он рад был увидеть хотя бы хьорта.

— Значит, это ты проходил по полю стаджи? — спросил Валентин.

Виноркис кивнул.

— В последние дни я несколько раз видел тебя, мой лорд. Но терраса так велика, я никак не мог подойти ближе. Когда ты прибыл?

— Через неделю после тебя. Кто еще из наших здесь?

— Вроде бы никого, — ответил хьорт. — Был Шанамир, но ушел дальше. Как вижу, ты не утратил своего умения жонглировать, мой лорд. Кто твой партнер?

— Человек из Пилиплока. Быстрые руки.

— И язык тоже?

Валентин нахмурился.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты говорил ему что-нибудь о своем прошлом или будущем, мой лорд?

— Конечно нет! — Валентин уставился на хьорта. — Нет, Виноркис! Как могут оказаться шпионы короналя на Острове Повелительницы Снов?

— А почему нет? Разве так трудно сюда проникнуть?

— Но почему ты подозреваешь…

— Прошлой ночью, после того как я мельком увидел тебя на поле, я пришел сюда и поспрашивал о тебе. Один из тех, с кем я разговаривал, был твой новый знакомый, мой лорд. Я спросил его, знает ли он тебя, и он тут же начал допрашивать меня: друзья ли мы с тобой, знал ли я тебя в Пидруиде, почему мы пришли на Остров и так далее. Я не люблю, мой лорд, когда чужаки задают вопросы, особенно здесь, где учат держаться в стороне от других.

— Быть может, ты излишне подозрителен, Виноркис?

— Может быть. Но в любом случае остерегайся, мой лорд.

— Я так и сделаю. Он не узнает от меня ничего, кроме того, что уже узнал. А знает он лишь то, что я жонглер.

— Может, он уже слишком много знает о тебе, —

угрюмо пробурчал хьорт. — Но мы последим за ним, как он следит за тобой.

Известие, что даже здесь он, возможно, находится под наблюдением, расстроило Валентина. Неужели и здесь нет убежища? Ах, если бы рядом были Слит или Делиамбер! Ведь когда Валентин приблизится к Хозяйке Острова и, таким образом, станет угрозой для узурпатора, шпион может превратиться в убийцу.

Но Валентину казалось, что он никогда не окажется рядом с ней. Прошла еще одна точно такая же, как все другие, неделя. Когда Валентин уже готов был поверить, что останется на террасе Вступления до конца своих дней, и, надо сказать, в общем-то это уже его не волновало, его вызвали с поля и велели приготовиться к переходу на террасу Зеркал.

Глава 9

Третья терраса была головокружительно прекрасна. Блеск ее напомнил Валентину Дюлорн. Она прилепилась к основанию Второго утеса — неприступной вертикальной стены белого камня, казавшейся незыблемым барьером для дальнейшего продвижения внутрь, а когда солнце освещало западную сторону утеса, от отраженного света слепило глаза и захватывало дух. Террасу окружали зеркала — громадные, грубо вырезанные плиты из полированного черного камня, укрепленные в грунте. Они были установлены повсюду, так что куда бы любой из обитателей террасы ни бросил взгляд, он немедленно встречался глазами с собственным отражением, озаренным таинственным, исходящим изнутри камня светом.

Валентин оценивающе оглядел себя, пытаясь найти перемены, произведенные долгим путешествием: какие-нибудь следы усталости, потрясений или того теплого излучения, которое исходило от него начиная с Пидруида. Но ничего подобного не обнаружил. Из зеркала на него смотрел все тот же золотоволосый улыба-

ющийся мужчина. Он приветственно махнул своему отражению и дружески подмигнул ему, а через неделю вообще перестал его замечать. Если бы ему приказали не обращать внимания на зеркала, он, вероятно, жил бы в постоянном напряжении, невольно бросая на них взгляд и тут же отводя его. Но никто не объяснил ему, зачем здесь столько зеркал и как он должен вести себя, и поэтому он вскоре просто забыл о них. Как он понял много позднее, именно в этом и состоял ключ к движению вперед на Острове: совершенствование духа, развитие способности отличать и отбрасывать второстепенное.

Здесь он был совсем одинок: ни Шанамира, ни Виноркиса, ни Фарссала. Валентин внимательно следил, не появится ли чернобородый мужчина: если бы Фарссал и в самом деле был шпионом, он, без сомнения, нашел бы возможность следовать за Валентином с террасы на террасу. Но он здесь не появился.

Валентин пробыл на террасе Зеркал одиннадцать дней, а затем вместе с пятью другими новичками отправился на парящих санях дальше, к краю Второго утеса, — на террасу Посвящения.

Отсюда поверх первых трех террас, находившихся глубоко внизу, открывался великолепный

вид на далекое море. Терраса Оценки казалась лишь узкой розовой линией на фоне темной зелени леса; большая терраса Вступления внушительно развертывалась на середине нижнего плато; терраса Зеркал прямо внизу сверкала, как миллион ярких костров в полуденном свете. Теперь ему уже стало безразлично, как быстро он сможет продвигаться. Время утратило всякое значение. Он полностью вошел в здешний ритм жизни: работал на полях, слушал неторопливые лекции духовных наставников, проводил много времени в темном каменном здании — месте поклонения Хозяйке — и спрашивал, будет ли ему дарован свет. Иногда он вспоминал, что намеревался быстро пройти к сердцу Острова — к женщине, которая живет там, но теперь это было для него уже не так важно. Он стал истинным пилигримом.

За террасой Посвящения располагалась терраса Цветов, далее — терраса Преданности, а затем терраса Отрешения. Все они располагались на Втором утесе, так же как и терраса Восхождения — последняя ступень, с которой поднимались на плато, где жила Хозяйка. Каждая из террас, как понял Валентин, шла вокруг Острова, так что на них в любое время мог бы находиться миллион

паломников, если не больше, но каждый пилигрим на пути к центру знал только крошечный участок целого. Сколько труда было положено, чтобы выстроить все это! Сколько жизней целиком отдано служению Повелительнице Снов! И каждый паломник двигался в атмосфере молчания. Здесь не заводили дружеских отношений, не были откровенны друг с другом, не обнимали любимых. Фарссал служил загадочным исключением из этого обычая. Вообще это место существовало как бы вне времени и в стороне от обычного течения жизни.

На этом среднем уровне Острова меньше времени уделяли обучению, зато гораздо больше трудились, причем работа была тяжелой. Валентин знал, что, достигнув Третьего утеса, он присоединится к тем, кто фактически выполняет работу Хозяйки Острова Сна. Теперь он понимал, что большую часть посланий излучает не сама Повелительница Снов, а миллионы ее лучших служителей с Третьего утеса, сознание и дух которых наполнены ее благоволением. Но отнюдь не все достигают Третьего утеса, очень многие старые служители десятилетиями остаются на Втором, выполняя административную работу, не надеясь и не желая продвигаться дальше и брать

на себя такую ответственность, какая лежит на служителях внутренней иерархии.

В третью неделю пребывания на террасе Преданности Валентин получил настоящий, не вызывающий сомнений сон-вызов.

Он видел, что идет по опаленной пурпурной равнине, которую так часто видел в своих снах в Пидруиде. Солнце висит низко над горизонтом, небо тяжелое и унылое, вдали виднеются две широкие горы, поднимающиеся как гигантские кулаки. По усеянной камнями долине между горами пробегает последний красный отблеск заходящего солнца, необычный, маслянистый, зловещий. Из этой странно освещенной долины дует холодный сухой ветер и несет с собой тихую и нежную, меланхолическую мелодию. Валентин идет и идет, но горы не приближаются, пески пустыни тянутся бесконечно, а он все идет, и все не угасает последняя искра света. Силы его иссякают. Перед ним быстрой чередой сменяются таящие угрозу миражи. Он видит Симонана Барджазида, Короля Снов, и его трех сыновей. Он видит призрачного дряхлого понтифекса, хохочущего на своем подземном троне. Он видит чудовищ, медленно ползающих по дюнам, и морды массивных дункаров, высунувшиеся из песка

и принюхивающиеся в надежде учуять добычу. Кто-то шипит, шепчет. Насекомые собираются в мерзкие тучи. Начинается дождь из сухого песка, забивающего глаза и ноздри. Валентин устал и готов остановиться, упасть и лежать, пока песчаные дюны не накроют его, и только одно тянет его вперед: в долине он видит улыбающуюся женщину, Хозяйку Острова, его мать, — и он стремится к ней. Он ощущает тепло ее присутствия, притяжение ее любви.

— Иди ко мне, Валентин! — шепчет она.

Ее руки тянутся к нему через пустыню, поверх чудовищ. Но плечи его сгибаются, ноги подкашиваются. Он не может идти, но знает, что должен.

— Повелительница, — шепчет он в ответ, — я не могу больше. Я должен отдохнуть, уснуть!

И при этих словах свет между горами становится теплее и ярче.

— Валентин, — зовет она, — сын мой!

Он с трудом удерживается, чтобы не закрыть глаза. Так заманчиво лечь в теплый песок.

— Ты — мой сын, — звучит голос Повелительницы с невообразимо далекого расстояния. — Ты нужен мне.

Когда она произносит эти слова, он обретает новые силы и идет быстрее, а затем вдруг легко

бежит широкими шагами. Теперь расстояние между ними быстро сокращается. Валентин уже ясно видит ее на террасе из лилового камня. Она ждет его, протягивает к нему руки, называет его имя, и голос ее звенит, как колокольчики в Ни-мойе.

Валентин проснулся. Голос женщины все еще звенел в его ушах.

Наступил рассвет. Душу Валентина наполнила удивительная энергия. Он встал, спустился к большому аметистовому бассейну и нырнул в холодную родниковую воду. Затем он побежал в комнату Менесипты, здешней его толковательницы снов, плотной, тонкокостной особы с горящими черными глазами и худощавым лицом, и торопливо рассказал ей свой сон.

Менесипта молчала. Ее холодность остудила пыл Валентина. Он вспомнил, как пошел к Стоминоп на террасе Оценки с фальшивым сномвызовом, и о том, как быстро Стоминоп отвергла этот сон. Но ведь этот-то не фальшивый, Делиамбера с его колдовством здесь нет.

Валентин медленно спросил:

— Могу я просить о толковании?

— У сна знакомые обертоны, — спокойно ответила Менесипта.

— Это все, что ты можешь сказать?

— А что бы ты хотел услышать?

Валентин сжал кулаки:

— Если бы кто-нибудь пришел ко мне за толкованием такого сна, я бы сказал, что это сон-вызов.

— Прекрасно.

— Ты согласна? Ты назвала бы его сном-вызовом?

— Если хочешь.

— Мое желание тут ни при чем, — раздраженно заметил Валентин. — Либо это сон-вызов, либо нет. Ты как считаешь?

Криво усмехнувшись, толковательница изрекла:

— Я назову твой сон сном-вызовом.

— И что дальше?

— Дальше? У тебя есть свои утренние обязанности.

— Сон-вызов, как я понимаю, требует явиться к Хозяйке.

— Да.

— Разве я не должен теперь идти во Внутренний храм?

Менесипта покачала головой:

— Никто со Второго утеса не попадает во Внут-

ренний храм. Вот когда ты достигнешь террасы Поклонения, сна-вызова будет достаточно. А сейчас… Твой сон интересен и важен, но он ничего не меняет. Приступай к своим обязанностям, Валентин.

Когда Валентин выходил из комнаты, в нем клокотала злоба. Он понимал, что был глуп, что простого сна недостаточно, чтобы перенестись через барьеры, отделявшие его от Хозяйки Острова, и все же… он так надеялся… Он воображал, как Менесипта всплеснет руками, радостно вскрикнет и тут же направит его во Внутренний храм, но ничего этого не случилось — его просто выставили из комнаты. Он страдал и злился.

Дальше было еще хуже. Через два часа, когда он возвращался с поля, его остановил служитель и сообщил:

— Тебе приказано немедленно отправиться в гавань Талеис, где новые пилигримы ждут твоего руководства.

Валентин остолбенел. Меньше всего он хотел возвращаться к исходной точке. Но он тут же взял себя в руки и решил отправиться пешком один, чтобы как можно скорее оказаться на террасе Оценки. Ему выдали запас пищи, достаточный, чтобы добраться до террасы Цветов, и прибор,

указывавший направление, — наручный амулет, издававший тихий высокий звук. В середине дня он оставил террасу Преданности, но пошел не к побережью, а вглубь, к террасе Отрешения.

Мысль об этом пришла ему в голову неожиданно. Казалось, Валентина влекла какая-то непреодолимая сила. Он просто не мог позволить, чтобы его отдалили от Хозяйки. Направляясь по запрещенному пути на этом требующем строжайшей дисциплины Острове, он сильно рисковал, но иначе поступить не мог.

Валентин обогнул край террасы, нашел травянистую тропинку и прошел наискосок через поле к главной дороге. Здесь он предполагал свернуть налево к внешним террасам, но, опасаясь вызвать подозрения, повернул направо. Вскоре он миновал населенную часть террасы, а дорога из широкого мощеного тракта превратилась в узкую лесную тропу. Через полчаса он дошел до развилки, свернул наудачу налево, но тихий свист указывавшего дорогу прибора смолк. Валентин вернулся и пошел направо — свист возобновился. «Полезный аппарат», — подумал Валентин.

Он шел ровным шагом до темноты и только тогда остановился в приятной рощице возле ручья, позволил себе поесть немного сыра и

нарезанного ломтиками мяса. Подкрепившись, Валентин уснул на влажной земле между двумя деревьями.

Его разбудили первые проблески зари. Он потянулся, открыл глаза, быстро умылся в ручье, собрался слегка перекусить и…

…услышал позади себя треск: кто-то шел через кусты. Валентин бесшумно откатился за толстое дерево, осторожно выглянул и увидел крепко скроенного чернобородого человека. Тот вылез из кустов и остановился, оглядываясь вокруг.

Фарссал!

В одежде пилигрима, но с кинжалом, закрепленным у левого предплечья.

Мужчин разделяли каких-то двадцать пять футов. Валентин нахмурился, прикидывая свои возможности и обдумывая возможные действия. Где Фарссал нашел кинжал на этом мирном острове? Зачем он шел за Валентином через лес, как не для того, чтобы убить?

Насилие было чуждо Валентину, но единственным выходом было захватить Фарссала врасплох. Валентин качнулся взад-вперед на носках, собираясь в пружину и концентрируясь, как перед жонглированием, и выпрыгнул из укрытия.

Фарссал развернулся и успел выхватить

кинжал из ножен как раз в тот момент, когда Валентин врезался в него. Внезапным резким движением Валентин ударил его по руке ребром ладони. Кинжал выпал из онемевших пальцев, но в следующий миг могучие руки сгребли Валентина в охапку.

Они стояли, сцепившись, лицом к лицу. Фарссал был на голову ниже Валентина, но шире в груди и в плечах, торсом напоминая быка. Он пытался повалить противника, но тот отбивался. Вены на лбах обоих набухли, лица покраснели от напряжения.

— Это безумие, — пробормотал Валентин. — Уходи, я не причиню тебе вреда.

Фарссал только крепче сжал Валентина.

— Кто тебя послал? — спросил Валентин. — Что тебе от меня надо?

Молчание. Мощные, как у скандара, руки неумолимо сдавливали ребра, и Валентин начал задыхаться. От боли темнело в глазах. Он пытался раздвинуть локти и разорвать захват, но безрезультатно. Лицо Фарссала безобразно исказилось от напряжения, губы плотно сжались. Он медленно, но верно валил Валентина на землю.

Сопротивляться такому захвату было немыслимо, и Валентин резко расслабился, как тряпичная

кукла. Удивленный Фарссал дернул его в сторону. Валентин согнул ноги в коленях и позволил Фарссалу швырнуть его о землю. Он легко упал на спину, подняв вверх согнутые ноги, а когда противник яростно бросился на него, резко распрямил их и изо всей силы ударил Фарссала в живот так, что тот задохнулся и ошеломленно отпрянул. Валентин вскочил, обхватил Фарссала сильными, тренированными многомесячным жонглированием руками, повалил на траву и прижал руками и коленями к земле. «Как странно, — успел подумать Валентин, — деремся врукопашную, словно дети». Все происходящее больше походило на сон.

Фарссал смотрел на него с нескрываемой злобой и колотил ногами по земле, тщетно пытаясь освободиться.

— Теперь говори, — приказал Валентин, — что все это значит? Ты пришел убить меня?

— Ничего я не скажу.

— Ты, однако, был очень разговорчив, когда мы с тобой жонглировали.

— То было прежде.

— Что мне с тобой делать? — спросил Валентин. — Если я тебя отпущу, ты снова нападешь на меня, если же буду держать тебя, то потеряю

много времени.

— Долго ты меня не продержишь.

Фарссал снова попытался подняться. Он был очень силен, но Валентин держал его крепко. Лицо Фарссала побагровело, жилы на шее вздулись, глаза горели злобой и отчаянием побежденного. Некоторое время он лежал тихо, затем собрал все силы и рванулся вверх. Валентин не смог противостоять этому рывку. Настал тот момент, когда ни один из них не управлял ситуацией. Валентин наполовину скатился с Фарссала, а тот изворачивался, пытаясь опрокинуть противника на спину. Валентин схватил Фарссала за мощные плечи и попытался прижать к земле. Фарссал стряхнул его и пальцами нацелился прямо в глаза. Валентин увернулся и, не раздумывая, схватил Фарссала за жесткую черную бороду, дернул в сторону и ударил головой о камень, выступавший из влажной почвы.

Фарссал издал глухой горловой звук и затих.

Валентин вскочил, поднял валявшийся рядом кинжал и встал над врагом. Он дрожал, но не от страха: так дрожит тетива лука, отпустившая стрелу. Ребра болели после жестоких объятий, мышцы рук и плеч все еще гудели от непомерного напряжения.

— Фарссал? — окликнул он, толкнув поверженного противника ногой.

Ответа не было. Мертв? Нет. Широкая грудная клетка медленно поднималась и опускалась, и было слышно хриплое, прерывистое дыхание.

Валентин оглядел кинжал. Что теперь? Слит сказал бы: покончить с поверженным, пока тот не встал. Нет, невозможно. Убить можно только защищаясь и уж, конечно, не человека в бессознательном состоянии, пусть даже и злодея. Убить разумное существо — значит всю жизнь видеть страшные сны. Но если оставить его так, он придет в себя и бросится в погоню. Вот когда пригодилась бы птицеядная лиана! И тут Валентину действительно попалась на глаза лиана, хотя и другого вида, с ветвями в палец толщиной, взобравшаяся высоко на дерево. Несколькими сильными ударами кинжала он отрезал пять больших ветвей и крепко связал ими Фарссала, который шевелился и стонал, но в себя не приходил. За десять минут Валентин спеленал его, как мумию, от груди до лодыжек. Затем проверил — лиана держала крепко.

Наскоро собрав свои немногочисленные пожитки, он поспешил уйти.

Яростное столкновение в лесу потрясло Вален-

тина. Дело было не в драке как таковой, хотя она была достаточно жестокой и надолго выбила его из колеи, но в том, что его врагу уже недостаточно шпионажа — он послал убийцу. «Раз так, — думал он, — могу ли я еще сомневаться в том, что я лорд Валентин?»

Валентин не понимал, как можно сознательно убить разумное существо. Никто не вправе отнимать жизнь у другого. В мире, известном ему, это было одним из основных принципов. Даже узурпатор, столкнувший его с трона, не посмел убить его, боясь черных снов, которые обязательно придут. Но сейчас он, видимо, согласился пойти на этот страшный шаг. Разве только Фарссал, увидев, что Валентин направляется к внутренней зоне Острова и может ускользнуть от преследователей, сам не решился на убийство, надеясь таким ужасным способом снискать большее расположение своих нанимателей.

Как это отвратительно! При одной только мысли о такой подлости Валентина передернуло. Идя широкими шагами по лесным тропам, он не раз напряженно оглядывался, опасаясь снова увидеть преследующего его чернобородого.

Но погони не было. К концу дня Валентин увидел вдали террасу Отрешения, а за ней — плоский

белый пик Третьего утеса.

Никто вроде бы не обращал внимания на спокойно идущего паломника, и он вошел на террасу Отрешения с таким видом, словно имел на это полное право. Обширная терраса выглядела пышно. На восточной ее стороне стояли величественные здания из синего камня, а на западной раскинулась роща фруктовых деревьев. Валентин положил в мешок с полдюжины спелых басса-плодов и направился к бассейну, где смыл с себя дорожную пыль. Набравшись нахальства, он вошел в столовую и пообедал супом и тушеным мясом, затем так же спокойно вышел и направился в дальний конец террасы. День уже клонился к вечеру.

Ночь Валентин вновь провел в лесу, на импровизированной постели, часто просыпаясь с думой о Фарссале, а когда достаточно рассвело, встал и пошел дальше. Впереди высоко над лесом поднималась ошеломляюще величественная белая стена Третьего утеса.

Валентин шел весь день и весь следующий, но, казалось, ни на шаг не приблизился к цели. Пешком через эти леса он вряд ли мог пройти больше пятнадцати или двадцати миль в день, а кто знает, сколько их до Третьего утеса. Пятьдесят?

Восемьдесят? А сколько оттуда до Внутреннего храма? Путешествие может занять не одну неделю. Но он шел вперед и даже ускорял шаг. Похоже, лесная жизнь была ему только на пользу.

На четвертый день Валентин достиг террасы Восхождения. Он ненадолго остановился, вымылся, выспался в тихой роще и утром двинулся дальше, пока наконец не оказался у подножия Третьего утеса.

Отсюда ему был виден маленький поселок-станция. Несколько служителей работали в поле. Парящие сани стояли у подножия утеса, но Валентин ничего не понимал в механизмах, перемещавших сани вверх. Он подумал было, не подождать ли темноты и не попытаться ли все же воспользоваться санями, но решил, что не стоит: подниматься на головокружительную высоту без чьего-либо содействия, приводить в действие неизвестное оборудование слишком опасно. Мысль о том, чтобы силой заставить служителей оказать необходимую помощь, нравилась ему еще меньше.

Оставалась еще одна возможность. Валентин привел в порядок свою запыленную одежду, принял самый что ни на есть важный вид и степенно пошел к станции.

Трое служителей холодно взглянули в его сторону.

— Сани готовы к работе? — спросил он.

— У тебя дело на Третьем утесе?

— Да.

Валентин улыбнулся самой ослепительной улыбкой, на какую только был способен, в то же время демонстрируя стоящую за ней силу и абсолютную уверенность в себе.

— Я Валентин из Алханроэля, по особому вызову Хозяйки. Меня ждут, чтобы проводить во Внутренний храм.

— Почему нас об этом не предупредили?

Валентин пожал плечами:

— Откуда я знаю? Это чья-то ошибка. Что же, мне ждать здесь, пока вам принесут бумаги? И Хозяйка тоже должна ждать? Давайте ваши парящие сани.

Валентин из Алханроэля… особый вызов Хозяйки… Служители задумались, покачали головами и переглянулись.

— Все это как-то странно. Кто, ты сказал, должен тебя проводить?

Валентин сделал глубокий вдох.

— Встретить меня должна сама главная толковательница Тизана из Фалкинкипа! — решитель-

но объявил он. — Она что, тоже должна ждать, пока вы тут возитесь? Вам придется отвечать перед ней за опоздание! А вы знаете, какой характер у главной толковательницы!

— Верно, — испуганно согласились служители.

Они энергично закивали, словно действительно знали такую особу и слышали, что гнев ее очень страшен.

Валентин понял, что выиграл. Быстрыми нетерпеливыми жестами он понукал служителей и уже через минуту торжественно возносился в санях на самый высокий и самый священный из трех утесов Острова Сна.

Глава 10

Воздух на вершине Третьего утеса был чистым и холодным. Здесь, в жилище Хозяйки Острова, на высоте тысячи футов над уровнем моря, все было совершенно иным, чем на двух нижних уровнях. Высокие, стройные деревья с игловидными листьями и симметрично расходившимися сучьями росли в окружении кустов и субтропических растений с толстыми глянцевитыми листьями и крепкими стеблями. Оглянувшись, Валентин не увидел моря — только заросший лесом Второй утес и далеко внизу — неясные очертания Первого.

Дорога из красиво уложенных каменных плит шла от края Третьего утеса к лесу. Валентин без колебаний пошел по ней. Он не представлял себе топографию этого уровня, знал только, что здесь много террас и последняя из них — терраса Поклонения, где ждут вызова Хозяйки. Валентин не надеялся незамеченным пройти весь путь до порога Внутреннего храма, но собирался пройти сколько сможет, а когда его схватят как правонарушителя, назвать свое имя и попросить, чтобы о нем доложили Хозяйке. Остальное будет зависеть

от ее милости и благорасположения.

Его остановили еще до того, как он достиг внешнего края тер-расы.

Пять служителей в одеждах внутренней иерархии — золотых с красной отделкой — вышли из леса и сурово преградили путь Валентину. Трое мужчин, две женщины — все немолодые, и никто из них не проявил и намека на страх.

К нему обратилась седая женщина с тонкими губами и темными внимательными глазами:

— Я, Лоривейд с террасы Теней, от имени Хозяйки Острова Сна спрашиваю тебя: как ты сюда попал?

— Мое имя Валентин из Алханроэля, — спокойно ответил он. — Я плоть от плоти Повелительницы Снов, и вы должны отвести меня к ней.

Это наглое утверждение не вызвало на лицах иерархов даже улыбки.

Лоривейд переспросила:

— Ты заявляешь, что ты родственник Хозяйки?

— Я ее сын.

— Ее сына зовут Валентин, и он корональ на Замковой горе. В своем ли ты уме?

— Передайте Хозяйке, что ее сын Валентин пришел к ней через Внутреннее море, через весь Зимроэль и что у него золотистые волосы. Больше

я ничего у вас не прошу.

Мужчина, стоявший рядом с Лоривейд, заметил:

— На тебе одежда Второго утеса. Тебе не позволено подниматься сюда.

— Знаю, — вздохнул Валентин. — Я поднялся без разрешения, поступил незаконно и дерзко. Но дело мое — государственной важности. И если мое сообщение не сразу дойдет до Хозяйки, вы за это ответите.

— Мы здесь не привыкли к угрозам, — произнесла Лоривейд.

— Это не угроза, я только говорю о неизбежных последствиях.

Женщина справа от Лоривейд сказала:

— Он сумасшедший. Нам придется запереть его и заботиться о нем.

— И высказать порицание служителям внизу, — добавил другой мужчина.

— Надо узнать, с какой он террасы и как ему позволили уйти оттуда, — вмешался третий.

— Я прошу только, чтобы вы передали мое сообщение Хозяйке, — спокойно повторил Валентин.

Они окружили его и быстро повели по лесной тропе к тому месту, где стояли парящие сани и ожидало множество более молодых служителей.

Видимо, они готовились к серьезным неприятностям. Лоривейд махнула одному служителю и отдала короткий приказ. Затем пять иерархов сели в сани и уплыли.

Служители подошли к Валентину и не слишком вежливо стали подталкивать его к саням. Он улыбнулся и показал, что не будет сопротивляться, но его крепко держали и в конце концов грубо втолкнули в сани. Сани резко поднялись, и запряженные в них животные по сигналу побежали к ближайшей террасе.

На террасе Теней Валентин увидел множество широких низких зданий и больших каменных площадок. Тени, давшие ей название, были здесь чернильно-черными, таинственными всепоглощающими озерами мрака. Они тянулись над абстрактными каменными изваяниями, образовывая странный и загадочный узор. Но Валентин шел по террасе недолго: его стражники остановились у приземистого здания без окон. Искусно сделанная дверь беззвучно открылась от легкого прикосновения. Валентина втолкнули внутрь.

Дверь закрылась, не оставив в стене никакого следа.

Он стал пленником.

Квадратная комната с низким потолком была

почти пустой: очиститель, раковина, комод, матрац — и больше ничего. Единственный тусклый светильник окрашивал все в зеленовато-желтые тона.

Передадут ли они Хозяйке его сообщение?

А что, если ему придется сидеть здесь, пока они проверяют, как он попал на Третий утес, и островная бюрократия затянет дело на несколько недель?

Прошел час, другой, третий. Валентин был согласен на любой допрос, только бы не эти тишина, скука, одиночество. Он начал считать шаги. Нет, комната не точно квадратная: две стены на полтора шага длиннее других двух. Он попытался отыскать хотя бы очертания двери, но не нашел. Она была подогнана с такой изумительной точностью, что Валентин не мог не восхититься. От нечего делать он вел воображаемые беседы то с Делиамбером, то с Хозяйкой Острова, то с Карабеллой, то с лордом Валентином, но и это развлечение скоро ему наскучило.

Услышав вдруг слабый жужжащий звук, Валентин обернулся и увидел открывшееся в стене отверстие, в которое скользнул поднос. Ему дали печеной рыбы, горсть ягод цвета слоновой кости и чашу холодного красного сока.

— Сердечно благодарю за еду, — громко произнес он, ощупывая пальцами стену в поисках места, откуда появился поднос. Ни единого следа.

Во время еды он снова придумывал диалоги, мысленно разговаривал со Слитом, со старой толковательницей снов Тизаной, с Залзаном Каволом, с капитаном Горзвалом. Он расспрашивал их о детстве, о мечтах и надеждах, о политических взглядах, о том, что они любят есть, пить, как одеваться. Через какое-то время он устал от этой игры и лег спать.

Спал Валентин плохо. Он то ненадолго впадал в забытье, то вдруг просыпался будто от резкого толчка. Сны были отрывочные. В них чередой проходили Хозяйка Острова, Фарссал, Король Снов, вождь метаморфов, женщина-иерарх Лоривейд… Но они только произносили непонятные, неразборчивые слова. Едва Валентин окончательно очнулся от сна, появился поднос с завтраком.

Прошел долгий, показавшийся бесконечным день. Делать было совсем нечего. Валентин мог бы жонглировать тарелками, но они оказались настолько тонкими и легкими, что это было бы равносильно жонглированию перьями. Он попытался жонглировать ботинками, но их было

только два, и это занятие быстро ему наскучило. Вместо ботинок он стал жонглировать воспоминаниями, оживляя в памяти все, что произошло с ним, начиная с Пидруида, но, представив, что ему придется делать это часами, пришел в ужас. Тогда он начал медитировать и занимался этим до тех пор, пока от усталости не зазвенело в ушах. Сидя на корточках в центре комнаты, Валентин старался предугадать момент, когда прибудет следующий обед, но напряжение, вызываемое таким ожиданием, оказалось слабым развлечением.

На вторую ночь Валентин предпринял попытку войти в контакт с Хозяйкой Острова. Он подготовил себя ко сну и, когда его сознание начало затуманиваться, постарался впасть в транс, как бы проскользнуть в узкий промежуток между сном и бодрствованием. Задача была не из легких, потому что если он слишком сильно сосредоточится, то проснется, а если слишком расслабится — уснет. Он долгое время балансировал в точке равновесия, жалея, что во время путешествия по Зимроэлю не выбрал случая поучиться этому у Делиамбера.

Наконец он послал свой призыв:

— Мама!

Он представил себе, как его дух парит высоко

над террасой Теней и постепенно проникает вглубь, к сердцу Третьего утеса, к Внутреннему храму, туда, где отдыхает Хозяйка Острова.

— Мама, это Валентин, твой сын. Мне многое нужно сказать тебе и о многом спросить. Помоги мне добраться до тебя.

Валентин лежал неподвижно и был совершенно спокоен. Казалось, что в голове у него разливается чистое белое сияние.

— Мама, я на Третьем утесе, в тюремной камере террасы Теней. Я шел так долго, но теперь меня остановили. Пошли за мной, мама!

— Мама…

— Повелительница…

— Мама…

Он заснул. Сияние все еще длилось. Валентин услышал первые звуки музыки сна, увертюру… Появилось первое ощущение контакта… Пришли видения… Он больше не был заперт. Он лежал под холодными белыми звездами на громадной круглой платформе из полированного камня, как бы на алтаре. Женщина в белом платье, с блестящими черными волосами, подошла и встала рядом с ним на колени, затем слегка коснулась его и произнесла нежным голосом:

— Ты мой сын Валентин, я признаю тебя своим

сыном перед всем Маджипуром и призываю к себе.

И все. Проснувшись, он помнил из всего сна только это.

В это утро подноса с завтраком не было. Но, может, утро еще не наступило и он проснулся среди ночи? Проходили часы. Поднос не появлялся. Не забыли ли о пленнике? Может, они хотят уморить его голодом? Валентин испытал приступ ужаса. Стоит ли расценивать его как лекарство от скуки? Он и сам не мог решить, что для него предпочтительнее. Сознавая всю бесполезность затеи, он все же позвал своих стражей. Он заперт здесь как в могиле.

Валентин угрюмо посмотрел на старые подносы и отшвырнул их к дальней стене. Он вспоминал всевозможную еду: сосиски лиимена, рыбу, которую Кхун и Слит жарили на берегу Стейч, вкус плодов двикка, прекрасный букет огненного вина в Пидруиде. Голод становился сильнее. Валентин уже не скучал, а боялся. А что, если они там посовещались и осудили его на смерть за недопустимое безрассудство?

Шли минуты, часы… Прошло уже полдня.

Безумием было думать, что он прикоснется во сне к разуму Хозяйки Острова. Глупо было

надеяться, что он беспрепятственно войдет во Внутренний храм и добьется от нее помощи. Безумием было думать, что он вернется в Горный замок, если он вообще когда-нибудь был там. Только по причине собственного безумия он прошел полмира и теперь получит награду за свою самонадеянность и глупость.

Послышался уже знакомый слабый звук, но открылось не отверстие для подноса, а дверь.

С угрюмым и мрачным выражением на лицах в помещение вошли два седовласых иерарха.

— Вы принесли мне завтрак? — спросил Валентин.

— Мы пришли, — ответил более высокий, — чтобы проводить тебя во Внутренний храм.

Глава 11

Валентин настоял на том, чтобы его сначала накормили, — и это было мудрое решение, поскольку путешествие должно было растянуться на весь остаток дня. Затем его усадили в парящие сани, запряженные быстрыми животными, иерархи сели по обе стороны от Валентина и всю дорогу холодно молчали. Когда он задавал вопрос — например, каково название террасы, мимо которой они проезжали, — они отвечали односложно, не проявляя ни малейшего желания поддерживать беседу.

На Третьем утесе было множество террас — Валентин сбился со счета после седьмой. Разделенные лишь полосками леса, они располагались много ближе друг к другу, чем террасы на других утесах. Похоже, центральная часть острова была деловым и густо населенным местом.

В сумерках они прибыли на террасу Поклонения, в область уютных садов и низких зданий из белого камня. Как и все остальные террасы, она располагалась по кругу, но была много меньше других, поскольку находилась во внутренней части острова. Все кольцо, вероятно, можно было

обойти за час или два, в то время как на совершение полного круга по террасам Первого утеса потребовались бы многие месяцы. Вдоль ее края через равные промежутки стояли древние деревья с овальными розовыми листьями. Между зданиями, образуя беседки, вились пышно цветущие лианы. В каждом доме имелись внутренние дворы, украшенные стройными колоннами из полированного черного камня и цветущими кустами. Среди всего этого мирного великолепия по двое и по трое неторопливо ходили служители Хозяйки Острова.

Валентина проводили в гораздо более уютную по сравнению с предыдущей комнату, с широкой и глубокой ванной, с постелью, на которую тут же хотелось лечь, с окнами в сад и с корзинками фруктов на столе. Иерархи оставили его одного. Он вымылся, поел немного фруктов и ждал, что будет дальше. Через час или чуть больше раздался стук в дверь, и тихий голос поинтересовался, желает ли он ужинать. В комнату вкатилась тележка с самой изысканной едой за все время, проведенное Валентином на Острове: жареным мясом, синими тыквами, фаршированными рыбой, чашей с чем-то холодным, напоминавшим вино. Валентин поел с удовольствием. Потом

он долго стоял у окна, вглядываясь в темноту и прислушиваясь, но ничего не видел и не слышал. Проверил дверь. Она была заперта. Значит, он все еще пленник, хотя его новая тюрьма была гораздо приятнее, чем предыдущая.

Он спал крепко, без сновидений. Разбудил его лившийся в комнату поток солнечного света. Валентин умылся. Тот же молчаливый служитель принес на завтрак сосиски и запеченные розовые фрукты. Вскоре явились два хмурых иерарха и сообщили:

— Хозяйка вызвала тебя сегодня утром.

Они провели его через изумительной красоты сад, потом по изящному мосту из чистого белого камня, висящему над темным прудом, где плавали золотые рыбы. Наконец перед ним открылась удивительно ухоженная лужайка. В центре ее стояло одноэтажное здание, на редкость изящное, с длинными узкими крыльями, которые выходили, как звездные лучи, из круглого центра. «Это может быть только он, Внутренний храм», — подумал Валентин.

Его охватила дрожь. Он шел уже и не вспомнить сколько долгих месяцев сюда, к порогу Храма, где царила таинственная женщина, и воображал, что это его мать. И вот он наконец здесь. Но что,

если все его мечты окажутся вздором, фантазией или ужасным заблуждением? Что, если на самом деле он вообще никто — желтоволосый бродяга из Зимроэля, по какой-нибудь дурацкой случайности потерявший память, в ком шутники пробудили нелепое самомнение? Эта мысль была непереносимой. Если Хозяйка Острова оттолкнет его, если не признает…

Он вошел в Храм.

По-прежнему сопровождаемый иерархами, Валентин долго шел по бесконечно длинному холлу, где через каждые двадцать футов стояли мрачные воины, пока не оказался во внутренней комнате — восьмиугольной, со стенами из прекраснейшего белого камня и с восьмиугольным же бассейном в середине. Через восьмигранную стеклянную крышу комнату заливал утренний свет. В каждом углу стояли молчаливые фигуры в одеяниях иерархов. Валентин растерянно оглядел их по очереди, но лица были неприветливы и суровы, губы поджаты.

Раздался тихий мелодичный звук. Когда он смолк, в комнату вошла Хозяйка Острова Сна.

Она была очень похожа на ту, которую Валентин так часто видел во сне: женщина средних лет, невысокая, со смуглой кожей, блестящими

черными волосами, теплым взглядом, с полными губами, улыбкой приподнятыми в уголках, с серебряной полосой на лбу и цветком, состоявшим из множества сочных зеленых лепестков, за ухом. Ее, казалось, окружала аура, нимб, она излучала силу, уверенность и величие, как и подобает властительнице Маджипура. Валентин не был готов к этому: он надеялся найти лишь материнское тепло женщины, забыв, что она королева, жрица, почти богиня. Он стоял молча. Она же, устремив на него с дальней стороны бассейна ясный, добрый и в то же время проницательный взгляд, некоторое время изучала его. Затем сделала резкий знак выйти. Но не ему, а иерархам. Это сломало их ледяное спокойствие. Они переглянулись, явно растерянные. Повелительница Снов повторила жест — легкий поворот запястья, и в ее глазах вспыхнуло что-то властное, почти устрашающей силы. Трое или четверо иерархов вышли из комнаты, остальные остались, как бы не в силах поверить, что Хозяйка Острова желает остаться наедине с пленником. На секунду показалось, что ей придется в третий раз повторить приказание. Самый старый и самый важный из иерархов, явно протестуя, протянул к ней дрожащую руку, но под взглядом Хозяйки его рука

опустилась. Наконец последний из них медленно покинул комнату.

Подавив сильное желание упасть на колени, Валентин чуть слышно произнес:

— Я не имею понятия, как полагается демонстрировать повиновение, и не знаю, как должен обращаться к тебе, чтобы не оскорбить.

— Вполне достаточно, Валентин, если ты назовешь меня матерью, — спокойно ответила она.

Ошеломленный такими словами, он сделал несколько робких шагов в ее сторону и в испуге остановился.

— Это правда? — прошептал он.

— Нет никакого сомнения.

Кровь бросилась Валентину в лицо. Такая благосклонность, казалось, лишила его способности двигаться и говорить. Хозяйка поманила его легким движением пальца, и он качнулся, как под сильным порывом ветра.

— Подойди, — позвала она. — Разве ты боишься? Подойди ко мне, Валентин!

Он пересек комнату, обошел бассейн и встал рядом с женщиной. Она взяла его за руки, и он ощутил мгновенный удар энергии, ощутимую, осязаемую пульсацию, сходную с той, которую чувствовал, когда его касался щупальцами Де-

лиамбер, но неизмеримо более мощную, даже пугающую. Он хотел было освободить руки, но Повелительница Снов не отпускала их и пристально вглядывалась в его глаза, как бы читая все его тайны.

— Да, — произнесла она наконец. — Клянусь Божеством — да! Тело у тебя чужое, но дух твой создан мною. О Валентин, что они сделали с тобой?! Что они сделали с Маджипуром?!

Она еще сильнее сжала его руки, притянула к себе, и он оказался в ее объятиях. Теперь он чувствовал, как она дрожит, — не богиня, а только женщина-мать, прижимающая к себе испуганного сына. Рядом с нею он обрел такое спокойствие и умиротворенность, каких не знал с момента своего пробуждения в Пидруиде, и он прильнул к ней, молясь, чтобы этот миг продлился как можно дольше.

Затем она отступила и, улыбаясь, оглядела его с ног до головы.

— Во всяком случае, тебе дали красивое тело, ничуть не похожее на прежнее, но приятное взгляду, сильное и здоровое. Могло быть много хуже. Они могли сделать тебя старым, больным, калекой, но, я думаю, у них не хватило смелости. Они знали, что когда-нибудь сторицей заплатят

за все свои преступления.

— Кто, мама?

Она, казалось, удивилась этому вопросу.

— Как кто? Барджазид и его выводок!

— Я ничего не знаю, мама, кроме того, что видел во сне, но даже и это было туманным и неопределенным.

— Что именно тебе известно?

— То, что у меня отняли тело, что каким-то колдовством Короля Снов меня оставили возле Пидруида таким, каким ты меня видишь, что кто-то другой, вероятно Доминин Барджазид, правит теперь из Горного замка. Но все мои знания — из самых недостоверных источников.

— Все это правда, — ответила Хозяйка Острова.

— Когда это случилось?

— В начале лета, едва ты отправился в великий поход по Зимроэлю. Я не знаю, как это было сделано. Однажды ночью, во сне, я почувствовала какой-то толчок, как будто сердце планеты дало трещину. Я проснулась с сознанием, что случилось нечто чудовищное, свершилось невероятное зло, послала свой дух к тебе, но не смогла тебя достичь. Там, где ты был прежде, остались только тишина и пустота. Однако эта тишина была не такой, какая ударила меня в момент

гибели Вориакса. Я чувствовала, что ты где-то есть, но не могла к тебе пробиться, как будто ты находился за толстым стеклом. Я немедленно спросила о коронале. Мои люди сообщили, что он в Тил-омоне. «Здоров ли он?» — поинтересовалась я. «Да, — ответили они, — здоров и сегодня направляется к Пидруиду». Но мне не удавалось войти в контакт с тобой. Я послала свой дух во все концы мира, чего не делала много лет, но тебя нигде не было, и одновременно ты где-то был. Я растерялась и испугалась, но оказалась бессильна что-либо сделать — оставалось только искать и ждать. До меня дошли известия, что лорд Валентин в Пидруиде, и я видела его сквозь расстояние: лицо было лицом моего сына, но мозг был другим, закрытым для меня. Я пыталась направить послание, но безрезультатно. Только тогда я наконец начала понимать…

— И ты узнала, где я?

— Не сразу. Они переключили твой мозг так, что он полностью изменился. Каждую ночь я посылала свой дух искать тебя в Зимроэле, пренебрегая всеми остальными делами. Но ведь подмена короналя — дело нешуточное, и мне показалось, что я уловила проблеск твоей истинной сущности, какую-то часть ее. Спустя какое-то

время я смогла определить, что ты жив и находишься на северо-западе Зимроэля, но связаться с тобой по-прежнему не удавалось. Оставалось ждать, пока ты начнешь приходить в себя, пока их колдовство хоть чуть-чуть утратит свою силу и твой истинный разум начнет исцеляться.

— Он и сейчас еще не восстановился, мама.

— Я знаю. Но уверена, это излечимо.

— Когда ты наконец достигла меня?

Она на секунду задумалась.

— Кажется, возле гэйрогского города Дюлорна. И сначала я увидела тебя через сознание других, которые во сне узнали правду о тебе. Я коснулась их мозга, очистила и прояснила то, что там содержалось, и поняла: твой дух оставил на них свой отпечаток, и они лучше тебя знают о твоей участи. Так я очертила возле тебя круг и смогла войти в твой мозг. С этой минуты ты получал знание о своем прежнем «я», и я старалась через разделявшие нас тысячи миль вылечить тебя и привести ко мне. Поверь, это было нелегко. Мир снов неустойчив, это сложная область — даже для меня, — и пытаться управлять ею все равно что писать на песке у самой кромки воды: прибой возвращается и смывает все, и приходится писать снова и снова… Но наконец-то ты здесь.

— Ты знала, когда я достиг Острова?

— Да, я чувствовала твое приближение.

— И ты заставила меня перебираться с одной террасы на другую несколько месяцев?

Она засмеялась.

— На внешних террасах миллионы пилигримов. Почувствовать тебя — одно, а точно определить — другое, и это гораздо труднее. Кроме того, и ты не был готов прийти ко мне, а я — принять тебя. Я проверяла тебя, Валентин, следила за тобой издали, изучала, какая часть твоей души выжила, осталось ли в тебе что-нибудь от короналя. Я должна была знать это до того, как увижу тебя.

— И много ли во мне осталось от лорда Валентина?

— Немалая часть, значительно большая, чем предполагали наши враги. Их планы не осуществились. Они считали, что навсегда избавились от тебя, а на самом деле лишь одурманили и сбили с толку.

— Не разумнее ли им было убить меня сразу, а не пересаживать мой дух в другое тело?

— Разумнее, — согласилась Хозяйка. — Но они не отважились. Твоя душа — душа помазанника, Валентин. Эти Барджазиды — суеверные скоты.

Они посмели свергнуть короналя, но не осмелились убить его, потому что боятся мести его духа. Их трусливая неуверенность теперь принесет им гибель.

— Ты думаешь, я когда-нибудь смогу вновь занять принадлежащее мне по праву место? — тихо спросил Валентин.

— Ты в этом сомневаешься?

— У Барджазида лицо лорда Валентина, народ принимает его за короналя. В его распоряжении вся мощь Горного замка, а у меня всего с дюжину приверженцев, и я никому не известен. Кто мне поверит, если я объявлю себя истинным короналем? Много ли времени пройдет, прежде чем Доминин вновь сотворит со мной то же, что уже раз проделал в Тил-омоне?

— У тебя есть поддержка Хозяйки Острова Сна, твоей матери.

— У тебя есть армия, мама?

Хозяйка ласково улыбнулась.

— Нет, армии у меня нет, но я принадлежу к числу властителей Маджипура, а это не так уж мало. Я распространяю любовь и справедливость. И у меня есть вот это. — Она коснулась серебряного обруча на голове.

— Через него ты посылаешь послания?

— Да. С его помощью я могу входить в мозг любого обитателя Маджипура. В отличие от Барджазида я не имею возможности контролировать и управлять, как это делают его приборы, но могу сообщать, могу сопровождать, могу влиять. Прежде чем ты покинешь Остров, такой обруч будет и у тебя.

— И я спокойно пройду по всему Алханроэлю, неся его гражданам послания любви, пока Доминин Барджазид не спустится с Горы и не вернет мне трон?

В глазах Хозяйки сверкнуло нечто вроде того гнева, какой видел Валентин, когда она отсылала иерархов из комнаты.

— Что это за речи? — резко спросила она.

— Мама…

— Да, они действительно изменили тебя! Тот Валентин, которого я родила и вырастила, не смирился бы с мыслью о поражении!

— И я не мирюсь, мама. Но задача кажется мне поистине грандиозной, а я так устал. Вести войну против народа Маджипура, даже против узурпатора… Мама, с самых ранних времен на Маджипуре не было войн. И именно я нарушу мир?

Взгляд ее был безжалостен.

— Мир уже нарушен, Валентин. Ты обязан восстановить порядок в королевстве. Фальшивый кораль правит почти год, ежедневно издавая жестокие и глупые законы. Невинный наказан, виновный торжествует. Узурпатор посягнул на тысячелетиями сохранявшееся равновесие. Когда четырнадцать тысяч лет назад наш народ пришел сюда со Старой Земли, было совершено много ошибок. Много страданий претерпели люди, прежде чем был найден верный путь к устройству власти. Начиная с правления первого понтифекса мы стали жить без больших потрясений, а со времени лорда Стиамота на планете царил мир. Теперь мир покачнулся, и ты должен привести все в порядок.

— А если я соглашусь с тем, что сделал Доминин Барджазид? И если я откажусь ввергнуть Маджипур в гражданскую войну? Будут ли последствия столь зловещи?

— Ты и сам отлично знаешь ответы на эти вопросы.

— Я хотел бы услышать их от тебя, потому что все еще колеблюсь.

— Мне стыдно слышать от тебя такие слова.

— Мама, я столько испытал в этом путешествии! И это отняло у меня много сил. Разве я не

имею права устать?

— Ты — корональ, Валентин.

— Возможно, я был им и, возможно, стану им снова. Но многое из моей королевской сущности было украдено у меня в Тил-омоне. Теперь я обычный человек. Но даже коронали устают и падают духом, мама.

Хозяйка заговорила более мягко:

— Барджазид не правит пока как настоящий тиран, ибо это может восстановить против него народ. Он все еще не уверен в своей власти — пока ты жив. Но он правит в интересах себя и своей семьи, а не ради блага Маджипура. У него нет чувства справедливости, и то, что он делает, только кажется полезным и целесообразным. Но с ростом его самоуверенности будут умножаться и его преступления — и тогда Маджипур застонет под кнутом чудовища.

Валентин кивнул.

— Когда усталость отступает, я тоже понимаю это.

— Подумай также, что произойдет, когда умрет Тиеверас, понтифекс, — а это рано или поздно случится и, вполне вероятно, случится скоро.

— Барджазид войдет в Лабиринт и превратится в лишенного власти затворника. Ты это имеешь

в виду?

— Понтифекс отнюдь не лишен власти, и ему не обязательно жить затворником. Ты знаешь только Тиевераса, который год от года стареет и стареет, становясь все более странным. Но понтифекс в полной силе — совсем другое дело. Что, если Барджазид станет понтифексом через пять лет? Ты думаешь, он удовлетворится пребыванием в этой подземной дыре, как это сейчас делает Тиеверас? Он будет править, Валентин, и применит для этого силу. — Она пристально взглянула на него. — А кто тогда, по-твоему, станет короналем? — Валентин пожал плечами. — У Короля Снов три сына, — объяснила Хозяйка. — Минакс, старший, на днях получит трон в Сувраэле. Доминин сейчас корональ и, если ты позволишь ему, станет понтифексом. Кого он выберет новым короналем, как не своего младшего брата Кристофа?

— Но это ненормально, чтобы понтифекс отдал Горный замок собственному брату!

— А чтобы Король Снов свергал законного короналя? — спросила Хозяйка, и глаза ее снова сверкнули. — Подумай вот еще о чем: когда сменяются коронали, сменяется и Хозяйка Острова. Я буду доживать свои дни во дворце для отставных

Хозяек на террасе Теней. А кто придет во Внутренний храм? Мать Барджазидов! Как видишь, они захватят все и будут безраздельно править Маджипуром!

— Этого не должно быть, — сказал Валентин.

— Этого не должно быть.

— Что я должен сделать?

— Вместе со своими людьми и с теми, кого я дам тебе, ты сядешь на корабль в моем порту Нуминор и отправишься в Алханроэль. Высадишься на полуострове Стойензар и пойдешь в Лабиринт за благословением Тиевераса.

— Но если Тиеверас сумасшедший…

— Он не совсем безумен. Он живет в странном непрерывном сне, но я недавно коснулась его. Где-то глубоко в нем еще жив прежний Тиеверас. Он уже сорок лет понтифекс, а до этого долгое время был короналем, и он знает, как надо править нашим королевством. Если ты сможешь добраться до него, если сумеешь доказать ему, что ты настоящий лорд Валентин, он поможет тебе. Затем ты должен идти к Горному замку. Тебя пугает эта задача?

— Меня пугает только то, что я принесу хаос на Маджипур.

— Хаос уже есть. Ты принесешь порядок и

справедливость. — Она придвинулась ближе, так что Валентин ощутил всю силу ее личности, прикоснулась к нему рукой и заговорила низким, страстным голосом: — Я родила двух сыновей, и каждый, кто видел их в колыбелях, не сомневался, что они предназначены быть короналями. Старшим был Вориакс. Ты помнишь его? Думаю, нет… пока. Он был великолепным, замечательным мужчиной, героем, полубогом. О нем еще в детстве говорили на Замковой горе: «Именно он должен стать короналем, когда лорд Малибор станет понтифексом». Вориакс был чудесен. Но был и второй сын, Валентин, такой же сильный и великолепный, как Вориакс, но он не так сильно любил подвиги и спорт, как старший. Он был теплее душой и мудрее, он без слов понимал, что правильно и что нет, в его душе не было жестокости, характер его был ровным и жизнерадостным. Его все любили и уважали. Говорили, что он мог бы стать даже лучшим короналем, чем Вориакс, но Вориакс старший, и выбрать должны его, а Валентину суждена лишь должность первого министра. Малибор не стал понтифексом, он погиб, охотясь на драконов, и посланники Тиевераса пришли к Вориаксу и сказали: «Ты — корональ Маджипура». Первым, кто упал перед ним на

колени и сделал знак Горящей Звезды, был его брат Валентин. И вот лорд Вориакс правил на Замковой горе, и правил хорошо, а я, как полагалось, пришла на Остров Сна, и восемь лет на Маджипуре все было спокойно. А затем произошло то, чего никто не мог предугадать: как и лорд Малибор, лорд Вориакс безвременно погиб, убитый случайной стрелой во время охоты. Но оставался еще Валентин, и хотя редко бывало, чтобы брат короналя становился короналем после него, почти никто не возражал, ибо все признавали его высокие качества. Таким образом, в замок вошел лорд Валентин, а я, мать двух короналей, осталась во Внутреннем храме, радуясь, что отдала Маджипуру двух сыновей, и не сомневаясь, что правление лорда Валентина послужит славе Маджипура. Неужели ты думаешь, что я позволю Барджазидам долго сидеть там, где раньше сидел мой сын? Неужели ты думаешь, я могу смотреть на лицо лорда Валентина и знать, что у него подлая душа Барджазида? О Валентин, Валентин, от тебя осталась лишь половина того, кем ты был раньше, даже меньше, чем половина. Но ты вновь станешь самим собой, и Горный замок снова будет твоим, и судьба Маджипура не изменится к худшему. И не говори больше, что

боишься принести на планету хаос. Хаос царит над нами. Ты — избавитель. Понимаешь?

— Понимаю, мама.

— Тогда пойдем со мной, и я излечу тебя.

Глава 12

Она провела его из восьмиугольной комнаты вниз по лестнице Внутреннего храма, мимо застывших стражей и хмурых, недоумевающих иерархов в маленькую светлую комнату, украшенную яркими цветами. Здесь стояли письменный стол и несколько мелких предметов меблировки. Судя по всему, это был рабочий кабинет Хозяйки Острова. Знаком пригласив Валентина сесть, она достала из стола две маленькие фляжки.

— Выпей это вино залпом, — велела она и протянула ему одну фляжку.

— Вино, мама? На Острове?

— Мы с тобой не паломники. Выпей.

Он откупорил фляжку и поднес к губам. Пряный и сладкий вкус темного вина был ему знаком: таким вином поила его толковательница снов Тизана, добавляя в него наркотик, чтобы разум открылся разуму. Хозяйка выпила содержимое второй фляжки.

— Значит, будет толкование? — спросил Валентин.

— Нет. Мы будем бодрствовать. Я долго думала,

как это устроить. — Она вынула из стола сияющий серебряный обруч, такой же, как у нее, и подала Валентину. — Надень его на лоб и носи его постоянно, пока не поднимешься на Замковую гору, потому что в нем будет сосредоточена твоя сила.

Валентин осторожно надел обруч на голову. Тот плотно лег на виски, и у Валентина возникло какое-то странное ощущение, хотя металлическая полоска была так тонка, что он удивился, что вообще чувствует ее. Мать придвинулась ближе и погладила его густые длинные волосы.

— Золотые, — весело улыбнулась она. — Никогда не думала, что у моего сына будут золотые волосы. Какие ощущения вызывает у тебя обруч?

— Немножко давит.

— Больше ничего?

— Ничего.

— Как только ты привыкнешь к нему, давить перестанет. Ты еще чувствуешь действие наркотика?

— Только легкий туман в голове. Будь это возможно, я бы, наверное, уснул.

— Скоро тебе будет не до сна, — сказала Хозяйка, протягивая к нему руки. — Ты хороший жонглер, сынок? — неожиданно спросила она.

— Говорят, да.

— Прекрасно. Завтра ты покажешь мне свое умение. Думаю, мне будет интересно. А сейчас встань и дай мне обе руки. Вот так.

Она на мгновение накрыла его руки своими тонкими, но сильными на вид руками. Затем быстрым решительным жестом переплела его пальцы со своими. Валентин ощутил толчок, словно щелкнули переключателем и замкнули цепь. И почувствовал, что обруч сжался. Он покачнулся и чуть не упал, но мать держала его крепко. Ощущение было такое, словно в голову вонзилось толстое копье. Все вокруг завертелось, он не мог управлять своим зрением, сфокусировать его и видел только отдельные расплывчатые образы: лицо матери, сверкавшую поверхность стола, яркие оттенки цветов… И все это пульсировало, билось, кружилось…

Сердце его колотилось, в горле пересохло, а легким не хватало воздуха. Это было еще страшнее, чем оказаться в брюхе морского дракона. Ноги полностью отказались повиноваться, он больше не мог стоять и опустился на колени, смутно сознавая, что Хозяйка тоже стоит на коленях перед ним, а их пальцы все еще переплетены. Он видел ее лицо совсем близко. Внушающий ужас

опаляющий контакт их душ не прервался.

Валентина захлестнули воспоминания. Он видел гигантскую и величественную Замковую гору и невероятную громаду Замка короналей на ее вершине. Его память со скоростью молнии проносилась по парадным комнатам с золочеными стенами и высокими сводчатыми потолками, по банкетным залам и совещательным палатам, по широким, как площади, коридорам. Яркий свет слепил глаза. Он ощущал рядом с собой мужчину — высокого, могущественного, уверенного в себе, сильного, который держал его за руку, и женщину, тоже сильную и уверенную, державшую его за другую руку, и знал, что это его родители. Он видел впереди мальчика — своего брата Вориакса.

— Что это за комната, отец?

— Это тронный зал Конфалюма.

— А кто этот человек с длинными рыжими волосами, который сидит в большом кресле?

— Это корональ лорд Малибор.

— А что такое корональ?

— Глупышка Валентин! Он не знает, что такое корональ!

— Тихо, Вориакс! Корональ — это король, Валентин, младший из двух королей. А второй — понтифекс, который прежде сам был короналем.

— Который?

— Вон тот, высокий, худой, с черной бородой.

— Его зовут понтифекс?

— Его зовут Тиеверас. Понтифексом он зовется как наш король. Он живет недалеко от Стойензара, но сегодня приехал сюда, потому что лорд Малибор женится.

— А дети лорда Малибора тоже будут короналями?

— Нет, Валентин.

— А кто будет?

— Пока этого никто не знает, сынок.

— А я буду? Или Вориакс?

— Вполне возможно, если вы вырастете мудрыми и сильными.

— О, я обязательно буду, отец!

Комната растаяла. Валентин увидел себя в другой — такой же великолепной, но не столь большой — и сам он был теперь уже не мальчиком, а молодым человеком. Здесь сидел Вориакс со звездной короной на голове и словно одурманенным взглядом.

— Лорд Вориакс!

Валентин опустился на колени и поднял руки с растопыренными пальцами. Вориакс улыбнулся и махнул ему:

— Встань, брат. Тебе не пристало ползать передо мной на коленях.

— Ты будешь самым замечательным короналем за всю историю Маджипура, лорд Вориакс.

— Зови меня братом, Валентин. Я корональ, но по-прежнему твой брат.

— Долгой жизни тебе, брат! Да здравствует корональ!

И все вокруг закричали:

— Да здравствует корональ! Да здравствует корональ!

Что-то изменилось. Комната была та же, но лорда Вориакса не было, а странная корона украшала теперь голову Валентина. Все вставали перед ним на колени, махали в воздухе пальцами и выкрикивали его имя. Он с удивлением взирал на происходящее.

— Да здравствует лорд Валентин!

— Благодарю вас, друзья мои. Я постараюсь быть достойным памяти моего брата.

— Да здравствует лорд Валентин!

— Да здравствует лорд Валентин! — тихо произнесла Хозяйка.

Валентин заморгал, жадно хватая ртом воздух. С минуту он не понимал, где он, почему стоит на коленях и кто эта женщина, чье лицо почти

касается его лица. Затем сознание прояснилось.

Он встал, чувствуя себя полностью преображенным. Перед его мысленным взором проходили воспоминания: годы на Замковой горе, учеба, сухие факты истории, перечень короналей и понтифексов, целые тома конституционных знаний, экономический обзор провинций Маджипура, долгие занятия с учителями, постоянные проверки со стороны отца и матери… И другие, более легкие минуты: игры, путешествия по реке, турниры, другие игры, в которых принимали участие друзья Элидат, Стазилейн и Тонигорн, весело льющееся вино, охота, счастливое время с Вориаксом, когда они оба, принцы из принцев, были в центре всеобщего внимания. И страшная весть о смерти лорда Малибора в море, испуганный и радостный взгляд Вориакса, когда его нарекли короналем… А затем, через восемь лет, делегация высоких принцев пришла к Валентину и предложила ему корону брата…

Он вспомнил. Валентин вспомнил все — до той ночи в Тил-омоне, когда прекратились все воспоминания. И после этого он помнил только залитый солнцем Пидруид, камешки, летящие мимо него с обрыва, мальчика Шанамира, стоявшего со своими животными рядом с ним.

Он мысленно видел самого себя, и ему казалось, что он отбрасывает две тени: светлую и темную. Сквозь иллюзорный туман мнимых воспоминаний, вложенных в него в Тил-омоне, он оглядывался назад, поверх непроницаемой темноты, на то время, когда был короналем, и теперь знал, что его мозг излечился и стал таким, каким был раньше.

— Да здравствует лорд Валентин! — повторила Хозяйка.

— Да, — согласился он, — я лорд Валентин и буду им снова. Мама, дай мне корабли. Барджазид слишком надолго задержался на троне.

— Корабли ждут в Нуминоре, и преданные мне люди будут служить тебе.

— Хорошо. Надо собрать и моих. Я не знаю, на каких они террасах, но их нужно найти быстро: маленького врууна, нескольких скандаров, хьорта, синекожего инопланетянина и нескольких людей. Я дам тебе список имен.

— Мы найдем их, — пообещала Хозяйка.

— Спасибо тебе, мама, что ты вернула мне меня самого.

— Спасибо? За что? Я дала тебе это изначально. За это не благодарят. Теперь ты родился вторично, Валентин, и, если понадобится, я сделаю это

и в третий раз. Но будем надеяться, что не придется. Теперь судьба благоволит к тебе. — Глаза ее весело блеснули. — Покажешь мне вечером, как ты жонглируешь? Сколько мячей ты можешь держать в воздухе одновременно?

— Двенадцать.

— И блавы могут танцевать… Говори правду!

— Меньше двенадцати, — признался он, — но больше двух. После обеда я устрою представление. И… знаешь что, мама?

— Да?

— Когда я вернусь в Горный замок, устрою большой фестиваль. Ты приедешь с Острова и еще раз посмотришь, как я жонглирую на ступенях трона Конфалюма. Обещаю тебе это, мама. На ступенях трона.

Часть IV
Книга лабиринта

Глава 1

Из порта Нуминор под командой хьорта Эйзенхарта, главного из адмиралов Хозяйки Острова Сна, отплыли семь ее кораблей с широкими парусами и высокими стройными мачтами. Они везли пассажиров: лорда Валентина, короналя, его первого министра Аутифона Делиамбера, врууна, адъютантов Карабеллу из Тил-омона и Слита из Нарабаля, военного адъютанта Лизамон Халтин, полномочных министров Залзана Кавола, скандара, и Шанамира из Фалкинкипа, а также других. Флот направлялся в гавань Стойен, расположенную в Алханроэле на полуострове Стойензар в дальней части Внутреннего моря. Корабли плыли уже не одну неделю, подгоняемые западным ветром, который дул в этих водах поздней весной, но берег все еще не показывался, и его не будет видно много дней.

Валентина вполне устраивало долгое путешествие. Он не боялся задач, стоявших перед ним, но и не торопился их решать: необходимо было время, чтобы рассортировать свои только что восстановленные воспоминания и обдумать, кем он был и кем надеется стать. Где же лучше

всего заняться этим, как не на великих морских просторах, где ничто, кроме узора облаков, не меняется и время кажется застывшим? Валентин часами стоял у поручней флагманского судна «Леди Тиин» в стороне от своих друзей, беседуя сам с собой.

Личность, которую вернула ему Хозяйка Острова Сна, нравилась Валентину: сильнее и тверже характером, чем Валентин-жонглер, но без отталкивающих качеств души, которые иной раз встречаются у правителей. Бывшее «я» Валентина казалось ему рассудительным, здравомыслящим и умеренным. Это был человек серьезный, но любящий шутку, понимающий, что такое ответственность, и верный своему слову. Как и подобает тому, кого с самого рождения готовят к высокому положению, он был хорошо воспитан, основательно изучал историю, законодательство, принципы управления и экономику, чуть меньше — литературу и философию и, насколько представлял Валентин, лишь поверхностно — математические и физические науки, которые были не в почете на Маджипуре.

Обретение бывшего «я» было равно для Валентина неожиданному подарку, кладу. Но он еще не объединился с другим «я» и по-прежнему думал

или «он» и «я», или «мы», все еще не осознавая цельность своей личности. Слишком велик был вред, нанесенный мозгу короналя в Тил-омоне, чтобы теперь быстро исчез разрыв между лордом Валентином и Валентином-жонглером. Но брешь эта с каждым днем уменьшалась. Возможно, несмотря на старания матери, на месте этой трещины навсегда останется рубец, но Валентин мог по желанию преодолеть разрыв и заглянуть в любую точку своей прежней жизни, в детские годы или в короткое время своего царствования. И куда бы он ни взглянул, он видел такое богатство знаний, опыта, зрелости, о каком и не мечтал во время своих странствий. Он входил в эти воспоминания как в энциклопедию, в библиотеку и был уверен, что обязательно сольется со своим прежним «я».

На девятую неделю путешествия на горизонте показалась тонкая зеленая линия суши.

— Стойензар, — сказал адмирал Эйзенхарт. — Видишь сбоку темное пятно? Это гавань Стойен.

Валентин изучал берег приближавшегося континента как бы двойным зрением. Валентин-жонглер ничего не знал об Алханроэле, кроме того, что это самый большой континент на Маджипуре, куда высадились первые люди, очень

густо населенный, славящийся невиданными и потрясающими чудесами природы, что здесь пребывает правительство Маджипура, здесь дом короналя и понтифекса. Лорд Валентин знал много больше. Для него Алханроэль означал Замковую гору, саму по себе являющую почти целый мир, на склонах которой можно было провести всю жизнь и не успеть насытиться всеми чудесами Пятидесяти Городов. Алханроэль — это Замок лорда Малибора, венчающий Гору, Валентин называл его так, когда был мальчиком, и сохранил эту привычку даже во время своего правления. Теперь он мысленно видел этот Замок, охватывавший вершину Горы и походивший на многорукое существо, протянувшее свои руки во все стороны над скалами, пиками и альпийскими лугами, а ниже — в громадные долины и складки. В Замке были многие тысячи комнат, он как бы жил собственной жизнью и выращивал каждый год все новые флигели и пристройки. Алханроэль — это и бугор над Лабиринтом понтифекса, и сам подземный Лабиринт — полная противоположность Острову Повелительницы Снов. Хозяйка Острова жила во Внутреннем храме на согретой солнцем и омытой ветром вершине, окруженной кольцом открытых террас, а понтифекс, как крот,

зарылся глубоко под землю, в самую нижнюю часть своего королевства, окруженную кольцами Лабиринта. Валентин только однажды, много лет назад, был в Лабиринте по поручению лорда Вориакса, но воспоминание об извилистых пещерах все еще было свежо.

Алханроэль также означал Шесть Рек, сбегавших со склонов Замковой горы, и животные-растения Стойензара, которые он скоро увидит, и дома-деревья Треймоуна, и каменные руины Велализиерской равнины, существовавшие, как говорят, еще до появления на Маджипуре людей.

Тонкая линия на востоке стала шире, но все еще была едва заметна. Валентин ощутил всю громадность Алханроэля, развертывавшегося перед ним, как титанический свиток, и спокойствие, царившее в его душе в течение всего путешествия, сразу растаяло. Он жаждал как можно скорее высадиться на берег и отправиться к Лабиринту.

— Когда мы причалим? — обратился он к Эйзенхарту.

— Завтра вечером, мой лорд.

— Тогда сейчас устроим праздник. Лучшее вино для всех, и после этого представление на палубе! Небольшой фестиваль.

Эйзенхарт бросил на него серьезный взгляд. Адмирал был аристократом среди хьортов, более стройным, чем большинство его соплеменников, и обладал на удивление сдержанными манерами, что Валентин находил несколько неприятным, однако Хозяйка Острова весьма высоко ценила адмирала.

— Какое представление, мой лорд?

— Немножко жонглирования. Мои друзья чувствуют ностальгическое желание снова заняться своим ремеслом. Вот как раз подходящий случай — отпраздновать таким образом благополучное окончание нашего путешествия.

— Да, конечно, — кивнул Эйзенхарт. Он церемонно поклонился, но ему явно не нравились такие штучки на борту его флагмана.

Валентин предложил это из-за Залзана Кавола. Скандару было неуютно на корабле, и часто замечали, как он ритмично двигает своими четырьмя руками, будто жонглирует, хотя никаких предметов нет. Ему пришлось более чем кому-либо иному потрудиться, чтобы адаптироваться к обстоятельствам за время похода через Маджипур. Год назад Залзан Кавол был королем в своей профессии, непревзойденным мастером жонглирования, с триумфом переезжавшим из города в

город в своем удивительном фургоне. Теперь же у него не осталось ничего. Фургон сгорел в лесах Пиурифэйна, два брата из пяти погибли там же, а третий покоится на дне моря. Он больше не отдавал приказаний своим работникам и не видел их повиновения, а вместо вечернего представления перед изумленной публикой, наполнявшей его карманы кронами, он идет теперь вслед за Валентином. В Залзане Каволе копились неиспользованные сила и энергия. Это было видно по его лицу и поведению — по тому, что прежде грубый, необузданный его характер, которому он всегда давал волю, теперь стал, можно сказать, почти мягким, Валентин понимал, что скандар переживает тяжелый душевный кризис. Служители Хозяйки Острова нашли Залзана Кавола на террасе Оценки, где он неуклюже и сонно выполнял черную работу и, как видно, смирился с тем, что будет заниматься ею до конца жизни.

— Хочешь поработать с факелами и ножами? — спросил его Валентин.

— Еще бы! — немедленно просиял Залзан Кавол. — А ты видел эти щепки? — Он указал на несколько здоровенных дубин фута в четыре длиной, лежавших кучей возле мачты. — Прошлой ночью, когда все спали, мы с Ерфоном

попрактиковались с ними. Если твой адмирал не возражает, мы возьмем их вечером.

— Эти? Разве такими длинными можно жонглировать?

— Ты только получи разрешение адмирала, мой лорд, а вечером сам увидишь!

Все послеобеденное время труппа репетировала в просторном пустом трюме. Это было впервые после Илиривойна, а с тех пор, казалось, прошла вечность. Однако, пользуясь импровизированным набором предметов, собранным скандарами, все быстро вошли в ритм.

Валентин с восторгом смотрел на жонглеров. Слит и Карабелла яростно обменивались дубинками, Залзан Кавол, Роворн и Ерфон придумали замысловатый новый обмен вместо того, от которого пришлось отказаться из-за смерти братьев. На минуту показалось, что вернулись старые добрые времена Фалкинкипа или Дюлорна, когда важнее всего было выступать на фестивале или в цирке, а самое главное — держать координацию руки и глаза. Но возврата в те дни уже не будет. Теперь труппа ввязалась в политическую интригу, связанную со сменой власти, и никто из них уже не станет прежним. Эти пятеро обедали с Хозяйкой Острова Сна, делили кров с корона-

лем, плыли на свидание с понтифексом. Они уже стали частью истории, даже если кампания Валентина окончится неудачей. Но все-таки они снова жонглировали, как если бы жонглирование было всем в их жизни.

Потребовалось много дней, чтобы собрать их всех во Внутреннем храме. Валентин думал, что Хозяйке и ее иерархам достаточно закрыть глаза, чтобы добраться до любого мозга на Маджипуре, но все оказалось не так просто: связь была неточной и ограниченной. Первым делом на внешней террасе обнаружили скандаров. Шанамир оказался на Втором утесе и по своей юношеской бесхитростности быстро продвигался. Уже не юный и не бесхитростный Слит тем не менее тоже сумел попасть на Второй утес, как и Виноркис. Карабелла была как раз перед ними на террасе Зеркал, но ее по ошибке искали сначала в другом месте. Найти Кхуна и Лизамон оказалось просто, поскольку они внешне сильно отличались от остальных пилигримов, но трое бывших подчиненных Горзвала: Панделон, Кордеин и Тесме — прямо-таки растворились в населении Острова, как невидимки, так что Валентину пришлось бы оставить их там, не объявись они сами в последнюю минуту. Труднее всего оказалось

выследить Делиамбера. На Острове находилось много вруунов, некоторые из них тоже были мелкими колдунами, поэтому иерархи Хозяйки много раз ошибались.

Флот готовился к отплытию, а Делиамбера все еще не нашли. Валентин в отчаянии разрывался между необходимостью двигаться дальше и нежеланием уехать без своего самого полезного советника, но тут вруун сам появился в Нуминоре, никак не объяснив, где был и как прошел незамеченным через весь Остров. Итак, все собрались вместе — все, кто пережил долгий путь от Пидруида.

На Замковой горе лорд Валентин имел свой круг приближенных, чьи лица и имена восстановились теперь в памяти Валентина, — принцев и придворных, близких ему с детства. Элидат, Стазилейн, Тонигорн были самыми близкими друзьями. Однако, хотя он и чувствовал, что по-прежнему дорожит этими людьми, все они очень отдалились от него духовно. Ему гораздо ближе стала эта случайно собранная во время странствий компания, и он часто задумывался, как примирить эти две группы, когда он вернется в Замок.

Восстановившаяся память успокоила его по

крайней мере в одном: в Замке его не ждала ни жена, ни невеста, ни даже сколько-нибудь заметная любовница, которая могла бы оспаривать место Карабеллы рядом с ним. Как принц и как молодой корональ, он жил, благодарение Божеству, свободным от забот и привязанностей. И так нелегко будет сообщить двору, что возлюбленная короналя — простая женщина, родом из равнинного города, странствующий жонглер, а если бы он отдал свое сердце кому-то раньше, было бы совсем немыслимо заявить, что отныне оно принадлежит другой.

— Валентин! — окликнула его Карабелла.

Голос девушки вывел его из задумчивости, и он оглянулся. Она засмеялась и бросила ему дубинку. Он поймал ее в ладонь, как учили: чтобы головная часть дубинки оказалась между большим и указательным пальцами. Тут же прилетела вторая дубинка — от Слита и третья — снова от Карабеллы. Он засмеялся и заставил дубинки кружиться над головой по старой, знакомой схеме. Он бросал и ловил, а Карабелла хлопала в ладоши и тоже бросала и ловила. Как хорошо было снова жонглировать! Лорд Валентин — великолепный атлет, обладающий острым зрением, ловкий во многих играх, но слегка прихрамывающий

после давнего неудачного падения с лошади — не умел жонглировать. Жонглирование было искусством Валентина-простолюдина. На борту этого корабля он был окружен аурой власти, окутавшей его после того, как мать вылечила его мозг, и чувствовал, что компаньоны держатся от него на расстоянии вытянутой руки, но тем не менее пытаются по возможности видеть в нем прежнего Валентина из Зимроэля. Поэтому было особенно приятно, что Карабелла так непочтительно швырнула ему дубинку.

Жонглирование тоже доставляло ему удовольствие, не омраченное даже тем, что, пока он поднимал оброненную дубинку, вторая стукнула его по голове, и это вызвало презрительное фырканье Залзана Кавола.

— Сделай так вечером, — пригрозил скандар, — и быть тебе неделю без вина!

— Не бойся, — ответил Валентин, — я уронил ее только для того, чтобы попрактиковаться в подъеме. Вечером ты таких ошибок не увидишь.

Ошибок и в самом деле не было. Когда зашло солнце, все, кто находился на корабле, собрались на палубе. Эйзенхарт со своими офицерами расположился в надстройке, откуда было лучше всего видно. Он предложил Валентину занять

почетное кресло, но тот с улыбкой отказался. Эйзенхарт бросил на него растерянный взгляд. Стоило, однако, видеть, каким стало его лицо через несколько минут, когда Шанамир, Винор-кис и Лизамон ударили в барабаны, затрубили в трубы и из люка показались артисты, а среди них — лорд Валентин, корональ, который словно самый обыкновенный жонглер начал весело швырять дубинки, блюда и плоды.

Глава 2

Если бы адмирал Эйзенхарт действовал по своему усмотрению, Валентина ждала бы в Стойене пышная встреча вроде фестиваля в Пидруиде во время визита фальшивого короналя. Но Валентин, узнав о планах Эйзенхарта, категорически запретил ему устраивать торжества. Он еще не был готов требовать трон, публично обвинить в самозванстве того, кто называл себя лордом Валентином, или ждать каких-то почестей от горожан.

— Пока я не получу поддержки понтифекса, — твердо сказал он адмиралу, — я намерен действовать тихо и собирать силы, не привлекая внимания. Так что никаких фестивалей в мою честь в Стойене не будет.

Вот почему «Леди Тиин», не привлекая к себе внимания, бросила якорь в этом большом порту на юго-западе Алханроэля. Хотя флот состоял из семи кораблей, а корабли Хозяйки Острова Сна, достаточно известные в гавани Стойена, обычно не прибывали в таком количестве, все они вошли спокойно, без развевающихся на ветру разноцветных флагов.

Портовая администрация почти не задавала вопросов: было очевидно, что корабли прибыли по делам Хозяйки, а ее дела находились вне компетенции обычных чиновников. Чтобы поддержать такое мнение, адмирал в первый же день разослал людей по району верфей покупать материал для парусов, пряности, инструменты и тому подобное. Тем временем Валентин и его компаньоны поселились в скромном торговом отеле.

Стойен был похож на любой приморский город: экспорт-импорт, склады, судостроение. Город с населением около пятнадцати миллионов тянулся на сотни миль вдоль громадного полуострова, отделявшего залив Стойен от основной части Внутреннего моря. Ближайшим к Острову портом был не Стойен, а Алаизор, в тысячах миль к северу, но из-за господствовавших в этот сезон противодействующих ветров и течений быстрее и легче было добраться до дальнего Стойена, чем совершить более короткий, но более трудный и рискованный переход на восток, к Алаизору.

Пополнив запасы воды и продовольствия, они должны были плыть по спокойному заливу вдоль северного берега огромного полуострова в тропический Кирсиден, а затем в Треймоун

— прибрежный город, расположенный недалеко от Лабиринта.

Стойен показался Валентину поразительно красивым. Местность была равнинной и в самых высоких точках поднималась не больше чем на двадцать футов над уровнем моря, но жители города построили удивительные сооружения из облицованного белым камнем кирпича, чтобы создать иллюзию холмов. Среди этих «холмов» не было двух одинаковых по высоте: одни едва достигали десяти, а другие поднимались на сотни футов. Окрестности города поднимались вверх гигантскими ступенями в несколько десятков футов высотой и более четверти мили шириной. Некоторые важные здания были построены на фундаментах особой конструкции и возвышались над окружающими домами. Чередование высоких и низких зданий создавало потрясающий эффект.

Все, что могло быть воспринято как явное архитектурное излишество и даже иногда вызвать раздражение, смягчалось тропической растительностью, равной которой Валентин еще не видел. В основании каждого «холма» росло множество деревьев с широкими кронами. Их ветви, переплетаясь, создавали непроницаемое

покрывало. По стенам сооружений спускались каскады лиан. По краям широких скатов в бетонных ящиках росли кусты с узкими листьями разнообразнейших расцветок и оттенков: бордо и темно-красного, кобальтовой сини, индиго и кроваво-красного, сапфира и янтаря, зеленого нефрита, багряного — все они смешивались друг с другом, создавая причудливые узоры.

В больших общественных парках города были собраны все наиболее удивительные растения. Там были сады знаменитых животных-растений, которые в естественной среде росли в нескольких сотнях миль к югу от города, на знойном побережье, обращенном к далекому пустынному континенту Субраэль. По сути своей они были растениями, поскольку жили, укоренившись на одном месте, и питались с помощью фотосинтеза, но казались животными, ибо обладали подвижными и гибкими трубчатыми телами, тянущимися в различных направлениях руками и пристально смотревшими на мир глазами. Хотя питания от солнечного света и воды им было достаточно, они всегда были не прочь проглотить какое-нибудь мелкое живое существо, если удавалось его поймать. Живописно рассаженные группы этих растений, окруженные низкой ка-

менной стеной — как с декоративной целью, так и из соображений безопасности, — встречались в Стойене повсюду. Некоторые из них походили на небольшие деревца, другие, наоборот, раздавались вширь, а некоторые были пушистыми и угловатыми. И все они находились в постоянном движении, реагируя на дуновение ветра, запахи, случайные крики, голоса садовников и многое другое. Валентин находил в них какое-то зловещее очарование. Он подумал даже о доставке такой коллекции в Горный замок.

— Почему бы и нет? — сказала Карабелла. — Их можно держать в качестве фона для разных выставок. Должна быть возможность сохранить их в добром здравии в Замке лорда Валентина.

Валентин кивнул.

— Мы наймем группу садовников из Стойена. Узнаем, чем они питаются, и будем постоянно получать это на Горе.

Слит содрогнулся.

— У меня от них мурашки по коже. А тебе они нравятся, мой лорд?

— Не то чтобы нравятся… Они интересные.

— Может, ты и тех, людоедских, привезешь?

— Конечно! — воскликнул Валентин. — Непременно! — Его лицо даже вспыхнуло от восторга.

Слит тихо застонал. Но Валентин не обратил на это внимания. Взяв за руки Слита и Карабеллу, он пояснил: — Каждый корональ что-то добавлял к Замку: библиотеку, обсерваторию, парапет, оружейную палату, пиршественный зал, палату трофеев, и с каждым правлением Замок рос, изменялся, становился богаче. Я так недолго был короналем, что не успел даже обдумать, что вложу в него. Но скажите: какой корональ видел Маджипур так, как я? Кто путешествовал так далеко и пережил столько приключений? Чтобы увековечить память о них, я соберу все необыкновенные растения, какие только встречал: и плотоядные, и эти, одушевленные, и полые деревья, и пару двикка-деревьев, и рощу огненных пальм, и сенситивы, и поющий папоротник — все чудеса, виденные нами. В Замке нет ничего подобного, лишь маленькая оранжерея, устроенная лордом Конфалюмом. А я увеличу ее. Сад лорда Валентина! Звучит? Как по-вашему?

— Это будет чудо, мой лорд, — согласилась Карабелла.

Слит кисло заметил:

— Я не хотел бы гулять среди плотоядных растений ни в саду лорда Валентина, ни в герцогствах Ни-мойи и Пилиплока.

— А мы и не заставим тебя гулять по саду, — со смехом пообещал Валентин.

Но пока Валентин не поселится снова в Замке лорда Валентина, не будет никаких прогулок и никаких садов. А он целую неделю бездельничает в Стойене, ожидая, пока Эйзенхарт пополнит свои запасы.

Три корабля, груженные необходимыми товарами, вернутся на Остров, остальные пойдут следом за Валентином как скрытый эскорт. Хозяйка Острова предоставила в его распоряжение более сотни своих самых крепких телохранителей под командой грозной Лоривейд. Они не были воинами в буквальном смысле этого слова, потому что Остров жил мирно со времени последнего вторжения на него метаморфов несколько тысяч лет назад, но это были компетентные и бесстрашные мужчины и женщины, преданные Повелительнице и готовые в случае необходимости отдать жизнь за восстановление порядка в королевстве. Они были ядром частной армии — первой такой военной силы, насколько было известно Валентину, организованной на Маджипуре, если не считать древних времен.

Наконец флот был готов сняться с якоря. Первыми ушли корабли, возвращавшиеся на Остров.

Они отплыли на северо-запад ранним утром второго дня. Остальные ждали до полудня Дня моря и двинулись в том же направлении, но с наступлением темноты свернули на восток, в залив.

Длинный и узкий Стойензар выступал из центрального массива Алханроэля, как колоссальный палец. На его южной, обращенной к морю стороне было нестерпимо жарко. На этом побережье, покрытом джунглями, где было полно насекомых, почти никто не жил. Основная часть населения сконцентрировалась на берегу залива. Через каждую сотню миль там встречались большие города, а между ними — непрерывная линия рыбачьих деревушек, мелких городков и фермерских округов. Сейчас здесь было начало лета, и на почти неподвижной воде залива лежала плотная дымка жары. Флот остановился на день в Кирсидене, где берег сворачивал к северу, а затем направился к Треймоуну.

Валентин проводил много времени в своей каюте, практикуясь в обращении с обручем, подаренным ему матерью. Через неделю он овладел искусством впадать в легкий дремотный транс, научился отключать мозг, сохраняя готовность включать его снова и одновременно сознавать, что происходит вокруг. В таком состоянии транса

он мог, пусть ненадолго и без большой силы, входить в контакт, мысленно пройти по кораблю и различить ауру спящих, поскольку спящий мозг более уязвим для такого проникновения, чем бодрствующий. Он мог слегка коснуться мозга Карабеллы, Слита, Шанамира, передать им свое изображение или доброе пожелание. Проникнуть в малознакомый разум, например плотника Панделон или иерарха Лоривейд, было пока еще трудно, разве что короткими вспышками, а вот коснуться мозга нечеловеческого происхождения вообще не удавалось — даже если речь шла о близких знакомых вроде Залзана Кавола, Кхуна или Делиамбера. Но Валентин продолжал учиться и чувствовал, что его умение растет с каждым днем, как было когда-то с жонглированием, потому что он так же отключался от всего, что происходило вокруг, не отвлекаясь на посторонние мысли, и полностью сосредоточивался на контакте. К тому времени, когда «Леди Тиин» подходила к Треймоуну, Валентин уже мог поместить в чей-нибудь мозг начало сна с событиями и образами.

Он послал Шанамиру сон о Фалкинкипе, о пасущихся на лугах животных и кружащих в ясном небе громадных гихорн-птицах, которые посте-

пенно снижаются, взмахивая своими огромными крыльями. Утром за столом мальчик в деталях описал свой сон, но сказал, что птицы были милуфты, пожиратели падали, с оранжевым клювом и мерзкими синими когтями.

— Что означает такой сон, когда спускаются милуфты? — спросил он.

— Может, ты плохо запомнил сон? — поинтересовался Валентин. — Может, это были, скажем, гихорн-птицы? Они служат добрым предзнаменованием.

Шанамир простодушно покачал головой.

— Если я не умею отличить гихорна от милуфты, мой лорд, то мне лучше вернуться в Фалкинкип и чистить стойла.

Валентин отвернулся, чтобы скрыть улыбку, и решил тщательнее отрабатывать технику и посылать более точные образы.

Карабелле он послал сон о жонглировании хрустальными стаканами с золотым вином. Она рассказала об этом, описав форму стаканчиков.

Слит увидел во сне сад лорда Валентина, чудесную страну сверкающих перьеобразных белых кустов, грустных круглых и колючих деревьев и маленьких трехлепестковых растений с подмигивающими игривыми глазками на кончиках

стеблей. Все они были воображаемыми, но хищных среди них не было. Слит с восторгом описал сон и добавил, что, будь у короналя в Замке такой сад, он, Слит, был бы счастлив погулять в нем.

Сны приходили и к Валентину. Почти каждую ночь Повелительница Снов, его мать, издалека касалась его духа. Ее сияющее присутствие успокаивало и ободряло его спящий мозг, как холодный лунный свет. Он видел также былые дни в Замке, юношеские игры, Тонигорна, Элидата, Стазилейна, брата Вориакса, учившего его обращаться с мечом и луком, и лорда Малибора, короналя, который путешествовал по городам, расположенным на Горе, как некий великий сияющий полубог, и многое другое, поднимавшееся из глубин его памяти.

Но не все сны были приятными. Накануне подхода «Леди Тиин» к Треймоуну Валентин увидел себя на берегу какой-то странной и мрачной уединенной бухты, поросшей низким кривым кустарником. День клонился к вечеру. Он направился к Замковой горе, перекрученным и острым шпилем высившейся вдали, но на его пути оказалась стена выше белых утесов Острова Сна, и была она железной — такого количества металла нет на всем Маджипуре: темное, страшное желез-

ное кольцо, казалось опоясывавшее весь мир от полюса до полюса. Валентин был по одну сторону, а Замковая гора — по другую. Подойдя ближе, он заметил, что стена потрескивает, как будто по ней пробегает ток, и от нее исходит низкое гудение. Когда же он оказался почти рядом со стеной, то увидел в блестящем металле свое отражение, но лицо, смотревшее на него из этого страшного зеркала, было лицом сына Короля Снов.

Глава 3

Треймоун был городом прославленных по всему Маджипуру деревьев-домов. На второй день после прибытия Валентин пошел посмотреть на них в прибрежный район к югу от устья реки Трей. Деревья-дома не приживались нигде, кроме как на наносной равнине Трея. У них были короткие стволы, несколько напоминавшие стволы двикка-деревьев, но не такие толстые, с красивой, блестящей бледно-зеленой корой. Из их бочкообразных тел выходили короткие ветви, загибавшиеся вверх и наружу, а по ним вились лианы, закрепляясь во многих местах и образуя уютные укрытия, формой похожие на чаши.

Обитатели Треймоуна устраивали жилища по своему вкусу, вытягивая гибкие ветви в форме комнат и коридоров и закрепляя их, пока кора не срасталась в нужных местах. Из листьев готовили вкусный салат, пыльца душистых кремовых цветов была слабым наркотиком, синеватые плоды использовались по-разному, а легко выжимавшийся сладкий сок пили вместо вина. Каждое дерево жило тысячу лет, а то и больше. Семьи ревностно следили за ними. На равнине

росло десять тысяч деревьев, все зрелые и все обитаемые. На окраине района Валентин увидел несколько молодых саженцев.

— Они недавно посажены, — объяснили ему, — чтобы заменить погибшие в последние годы.

— А что делает семья, когда ее дерево умирает?

— Отправляется в город, в так называемые траурные дома, пока не вырастет новое дерево. На это уходит лет двадцать. Мы очень боимся смерти деревьев, но такой ужас переживает только одно из десяти поколений.

— А нельзя вырастить эти деревья где-нибудь в другом месте?

— Ни на один дюйм дальше того места, где ты их видишь. Они растут только в нашем климате и только на этой почве. В любом другом месте они проживут год-два и зачахнут.

Валентин тихо обратился к Карабелле:

— А мы все-таки проведем эксперимент. Интересно, уделят ли они немного этой драгоценной почвы для сада лорда Валентина?

Она улыбнулась:

— Даже маленькое дерево-дом — прекрасное место, куда ты сможешь уходить, когда устанешь от государственных дел. Будешь сидеть среди листвы, вдыхать аромат цветов, срывать плоды…

Ох, хорошо бы тебе иметь такой дом!

— Когда-нибудь он у меня будет, — сказал Валентин, — и ты будешь сидеть там рядом со мной.

Взгляд Карабеллы стал испуганным.

— Я, мой лорд?

— Конечно. Кто же еще? Доминин Барджазид? — Он слегка коснулся ее руки. — Ты думаешь, наши дороги разойдутся, когда мы достигнем Замковой горы?

— Не будем сейчас говорить об этом, — ответила она строго и, обращаясь к гиду, громко спросила: — А эти молодые деревья — как вы за ними ухаживаете? Их часто необходимо поливать?

От Треймоуна до Лабиринта, находившегося в центре южного Алханроэля, было несколько недель пути на скоростной парящей повозке. Местность была в основном низинная, с плодородной красной почвой в речной долине и бедной — песчаной серой — вне ее, а по мере продвижения Валентина и его отряда поселений становилось все меньше. Время от времени шел дождь, но пористая земля, казалось, мгновенно впитывала воду. Климат был жаркий, и иногда зной был поистине нестерпимым. В монотонном движении проходил день за днем. Теперь путеше-

ствие было для Валентина начисто лишено магии и таинственности. Он с грустью вспоминал, как месяцами скитался по Зимроэлю в замечательном фургоне Залзана Кавола. Тогда каждый день казался путешествием в неизвестное, со свежими впечатлениями на каждом повороте, остановками в удивительных городах и с чувством возбуждения от выступлений. А теперь? Все для него делали адъютанты и помощники. Он снова становился принцем, хотя и всего лишь с сотней приверженцев, и вовсе не был уверен, что это ему нравится.

На вторую неделю пути ландшафт резко изменился: из сухой, глубоко изрезанной земли поднимались холмы с плоскими черными вершинами. Здесь росли только чахлые кусты, темные, искривленные, с мелкими восковыми листьями, а на более высоких склонах — колючие заросли призрачно-белых лунных кактусов, вдвое превышавших рост человека.

Маленькие длинноногие животные с рыжим мехом и короткими пушистыми желтыми хвостиками, испуганные приближающимся караваном, молниеносно пробегали мимо и исчезали в горах.

— Это начало пустыни Лабиринта, — объяснил

Делиамбер. — Скоро мы увидим каменные города древних.

В своей прошлой жизни Валентин подходил к Лабиринту с другой стороны, с северо-запада. Там тоже была пустыня. И громадные руины города Велализиер. Но он спускался с Замковой горы на речном судне и быстро миновал все мертвые земли, окружающие Лабиринт. Вот почему эта унылая, непривлекательная местность была совершенно незнакома ему. Сначала он находил ее захватывающе странной, особенно при заходе солнца, когда безоблачное небо прочерчивалось причудливыми яркими полосами, а сухая почва казалась металлической. Но через несколько дней все это перестало ему нравиться, стало казаться тревожным, угрожающим. Было что-то в резком воздухе пустыни, что давило на него, вызывая глухую тоску. Он никогда не бывал в пустынях, потому что их не было в Зимроэле, да и в хорошо обеспеченном водой Алханроэле тоже — кроме этого сухого участка. Мысленно Валентин отождествлял пустыню с Субраэлем, который достаточно часто посещал во сне, и он не мог отогнать от себя непонятное и неизъяснимое ощущение, что едет на свидание с Королем Снов.

— Вот и развалины, — сказал Делиамбер.

Сначала их трудно было отличить от скал пустыни. Валентин видел только небольшие скопления темных монолитов, как бы раскиданных гигантской рукой на расстоянии одной-двух миль друг от друга. Но постепенно он начал различать формы: вот кусок стены, вот основание какого-то исполинского дворца, а это, возможно, алтарь. Все было огромным, хотя отдельные группы развалин, наполовину занесенные песком, были всего лишь обычными, невыразительными сторожевыми заставами.

Валентин велел каравану остановиться возле особенно широко разбросанных обломков и с несколькими спутниками осмотрел их. Он осторожно притрагивался к камням, опасаясь, не совершает ли какого-нибудь святотатства. Камни были холодными, гладкими на ощупь, как бы инкрустированными наросшим желтым лишайником.

— Это работа метаморфов? — спросил он.

Делиамбер пожал плечами:

— Мы думаем, что да, но точно никто не знает.

— Я слышал, — заметил адмирал Эйзенхарт, — что эти города построены первыми поселенцами со Старой Земли вскоре после их высадки на планету и разрушены в гражданскую войну до того,

как понтифекс Дворн создал правительство.

— Записей, конечно, с тех времен не сохранилось, — добавил колдун.

Эйзенхарт искоса взглянул на врууна.

— Значит, ты другого мнения?

— Я? Я вообще не имею мнения о событиях, происходивших четырнадцать тысяч лет назад. Я не так стар, как вы полагаете, адмирал.

Иерарх Лоривейд сухо сказала:

— Мне кажется невероятным, что первые поселенцы строились так далеко от моря и что они могли найти поблизости такие громадные каменные плиты.

— Значит, ты думаешь, что это города метаморфов? — спросил Валентин.

— Метаморфы — дикари, они живут в джунглях и пляшут, чтобы вызвать дождь, — вмешался Эйзенхарт.

Лоривейд, недовольная вмешательством адмирала, ответила Валентину с явным раздражением:

— Я думаю, это вполне возможно. — Затем, обращаясь к адмиралу, добавила: — Не дикари, адмирал, а изгнанники. За такой срок они вполне могли опуститься с более высокого уровня развития.

— Вернее сказать, их скинули, — заметила Карабелла.

— Правительство должно бы организовать изучение этих руин, а может, это уже сделано? — вмешался Валентин. — Нам нужно узнать как можно больше о дочеловеческих цивилизациях Маджипура, и, если это места метаморфов, их следует взять под охрану. Мы…

— Развалины не нуждаются в другой охране, кроме той, которая у них уже есть, — внезапно раздался новый голос.

Валентин, вздрогнув, обернулся. Из-за монолита появилась странная фигура: тощий, почти бесплотный человек лет шестидесяти-семидесяти, с горящими злобой глазами и тонким, широким, беззубым ртом, искривленным в насмешливой ухмылке. Он был вооружен длинным узким мечом, а одежда его целиком состояла из рыжих шкур животных пустыни. На голове его была шапка из толстого желтого меха. Он снял ее широким жестом и низко поклонился. Когда незнакомец выпрямился, рука его уверенно легла на рукоять меча.

— И мы видим одного из таких охранников? — вежливо поинтересовался Валентин.

— Не одного.

Из-за камней вышло еще около десятка таких же фантастических типов, столь же костлявых, также одетых в меховые куртки и штаны и с такими же немыслимыми шапками. Все с мечами, и все, казалось, готовы были пустить их в ход. Затем появилась вторая группа, как бы материализовавшись из воздуха, а затем третья, большая — человек в тридцать-сорок.

В отряде Валентина было одиннадцать душ, в основном безоружных. Все остальные остались в парящих повозках в двухстах ярдах отсюда на дороге. Пока они стояли тут, рассуждая о древней истории, их окружили.

— По какому праву вы вторглись сюда? — спросил предводитель.

Услышав легкое покашливание Лизамон и увидев напряженную позу Эйзенхарта, Валентин дал им знак успокоиться и в свою очередь тоже задал вопрос:

— Могу я узнать, кто ко мне обращается?

— Я герцог Насимонт из Ворнек Крэга, верховный лорд Западного Граничья. Вокруг меня ты видишь знатных людей моего герцогства, которые верно служат мне.

Валентин не помнил провинции под таким названием и такого герцога. Может, он позабыл

географию? Нет, не настолько же. Однако он решил не шутить с герцогом Насимонтом, а торжественно произнес:

— Ваша милость, у нас не было намерения вторгаться в ваши владения. Мы путешественники, едем в Лабиринт, у нас дело к понтифексу, а здесь, кажется, наиболее прямая дорога от Треймоуна.

— Верно. Но для вас лучше было бы ехать к понтифексу менее прямой дорогой.

— Не докучай нам! — внезапно рявкнула Лизамон. — Знаешь ли ты, кто перед тобой?

Валентин с досадой щелкнул пальцами, чтобы великанша замолчала.

Насимонт мягко сказал:

— Это не имеет значения. Будь он хоть сам лорд Валентин, ему не удастся легко пройти здесь. В сущности, для любого этот путь легче, чем для лорда Валентина.

— Ты в ссоре с лордом Валентином? — поинтересовался Валентин.

Бандит грубо захохотал.

— Корональ — мой самый ненавистный враг.

— Ну, тогда ты восстаешь против всей цивилизации, потому что все обязаны повиноваться короналю и во имя порядка противостоять его врагам. Как ты можешь быть герцогом и не при-

знавать авторитета короналя?

— Только этого короналя, — уточнил Насимонт. Он медленно приблизился к Валентину и остановился перед ним, не снимая руки с меча. — На тебе хорошая одежда, от тебя пахнет городским комфортом. Ты, наверное, богат, живешь в большом доме где-нибудь на Горе, и слуги исполняют каждое твое желание. Что бы ты сказал, если бы в один прекрасный день все это у тебя отняли и по чьему-то капризу ты был бы ввергнут в нищету?

— Я прошел через это, — сказал Валентин.

— А теперь у тебя целая кавалькада парящих повозок и свита. Кто же ты?

— Лорд Валентин, корональ, — без колебаний ответил Валентин.

Глаза Насимонта сверкнули яростью. Казалось, он вот-вот вытащит свой меч, но затем, словно сочтя эту шутку весьма соответствующей его собственному злобному юмору, расслабился.

— Ну да, ты такой же корональ, как я герцог. Ну, лорд Валентин, твоя светлость возместит мне прошлые потери. За то, что ты вторгся в зону развалин, с тебя тысяча реалов.

— У нас нет такой суммы, — спокойно возразил Валентин.

— Тогда ты останешься с нами, пока твои ла-

кеи не достанут денег. — Он сделал знак своим людям: — Хватайте их и вяжите. Одного отпустим — врууна. Он будет посланником. Эй, врууп, скажешь там, в повозках, что мы задержим этих, пока не уплатят тысячу реалов. Будем ждать месяц. Если ты вернешься с ополчением вместо денег, то имей в виду, что мы знаем эти холмы, а офицеры — нет. И вы не увидите своих друзей живыми.

— Подожди, — остановил Валентин Насимонта, когда его люди шагнули вперед. — Расскажи мне о своей ссоре с короналем.

Насимонт нахмурился:

— Он прошел через эту часть Алханроэля в прошлом году, возвращаясь из Зимроэля. Я тогда жил у подножия горы Эберсинул, возле озера Айвори, выращивал рикку, туйол и милайл, и мои плантации были лучшими в провинции, потому что шестнадцать поколений моей семьи занимались этим. Корональ и его свита остановились у меня, ибо во всей округе только я был способен принять их достойно. Он явился в самый разгар сбора урожая туйола со всеми его сотнями прихлебателей и слуг, со множеством придворных. Ртов было столько, что они могли объесть половину континента. За время от одно-

го Звездного дня до следующего они опустошили мои винные погреба, устроили фестиваль в полях и вытоптали все посевы, спьяну подожгли мой дом, разрушили плотину на озере и затопили поля. Они, развлекаясь, полностью разорили меня, а затем уехали, даже не зная, что сделали со мной. Да и едва ли их это интересовало. Все оставшееся перекочевало к ростовщикам, а я благодаря лорду Валентину и его друзьям живу в скалах Ворнек Крэг. Это справедливо? Если ты хочешь уйти из этих древних развалин, чужеземец, это будет стоить тебе тысячу реалов. Хотя я задержал тебя не по злобе, я перережу тебе глотку так же спокойно, как лорд Валентин сломал мою плотину, если мне не принесут денег. — Он обернулся и снова приказал: — Вяжите их!

Валентин глубоко вздохнул, закрыл глаза и, как учила его Повелительница Снов, ввел себя в сон-бодрствование, в транс, приводивший в действие его обруч. Он направил послание в темную, желчную душу верховного лорда Западного Граничья и затопил ее любовью.

Это потребовало всех его сил. Он закачался и положил руку на плечо Карабеллы, черпая ее энергию и жизненную силу и посылая их Насимонту. Теперь он понял, какую цену платит Слит

за слепое жонглирование: оно вытягивает из него все жизненные силы.

Насимонт застыл на месте, полуобернувшись, глаза его встретились со взглядом Валентина. Валентин, не ослабляя напряжения, держал его душу и омывал ее состраданием, пока сердце Насимонта не смягчилось и злость не слетела с него, как шелуха. И тогда Валентин влил в душу внезапно ставшего уязвимым человека видение всего того, что произошло с ним с момента свержения в Тил-омоне, спрессовав все знание в одну головокружительную точку света.

Наконец он разорвал контакт и, пошатнувшись, ухватился за поддерживавшую его Карабеллу.

Насимонт уставился на Валентина, как человек, которого коснулось Божество, а затем упал на колени и сделал знак Горящей Звезды.

— Мой лорд… — прохрипел он едва слышно. — Мой лорд, прости меня… Прости…

Глава 4

То, что в пустыне обитает столько разбойников, удивило и испугало Валентина, потому что в истории благополучного Маджипура до сих пор не бывало подобной анархии. Страшен был и тот факт, что эти бандиты были ранее преуспевавшими фермерами, а теперь грубым вмешательством короналя доведены до нищеты. На Маджипуре не было принято, чтобы правители так беззастенчиво пользовались своим положением. Если Доминин Барджазид считает, что может вести себя так и удержаться на троне, то он не только негодяй, но и дурак.

— Ты скинешь узурпатора? — спросил Насимонт.

— Со временем, — ответил Валентин. — До этого еще многое надо сделать.

— Я в твоем распоряжении, если могу пригодиться.

— Много еще разбойников между этими развалинами и входом в Лабиринт?

Насимонт кивнул.

— Много. Бегство в холмы становится обычаем в этой провинции.

— Ты имеешь на них влияние или твой титул герцога лишь ирония?

— Они повинуются мне.

— Хорошо. Я попрошу тебя проводить нас до Лабиринта и оградить от твоих мародерствующих друзей.

— Будет исполнено, мой лорд.

— Но никому ни слова о том, что я показал тебе. Относись ко мне просто как к служителю Хозяйки Острова, посланному ею к понтифексу.

В глазах Насимонта мелькнула слабая тень подозрения.

— Почему я не могу объявить тебя истинным короналем? В чем дело? — недовольно поинтересовался он.

Валентин улыбнулся.

— На этих нескольких парящих повозках вся моя армия. Я не могу объявить войну узурпатору, пока не соберу большие силы. Именно поэтому и надо хранить тайну, и именно за этим я направляюсь в Лабиринт. Чем скорее я получу поддержку понтифекса, тем скорее начнется кампания. Как скоро ты будешь готов ехать?

— Через час, мой лорд.

Насимонт и кое-кто из его людей сели в первую повозку вместе с Валентином. Ландшафт стано-

вился все более голым. Теперь это была темная, почти безжизненная пустыня, где сильные горячие ветры поднимали пыльные смерчи. Иногда в стороне от главной дороги группами по трое-четверо появлялись люди в грубой одежде. Они останавливались поглазеть на путешественников, но и только: никаких столкновений не происходило. На третий день Насимонт предложил срезать путь к Лабиринту и тем сэкономить несколько дней. Валентин согласился без колебаний. Караван свернул к огромному высохшему озеру, а затем поплыл над скверной, изрезанной оврагами дорогой, мимо пологих гор из красного песчаника и, наконец, по широкому плоскогорью, которое оказалось на редкость однообразным: крупный песок и гравий до самого горизонта. Валентин видел, как тревожно переглянулись Слит и Залзан Кавол, когда повозки оказались в этом унылом месте, и подумал, что они, наверное, шепчутся об измене и предательстве, но его собственная вера в Насимонта оставалась непоколебимой. С помощью обруча Повелительницы Снов он мог заглянуть в душу предводителя бандитов и чувствовал, что тот сдержит слово.

Прошел еще день, и еще, и еще один день этого долгого путешествия в никуда, и Карабелла по-

мрачнела, иерарх Лоривейд стала еще угрюмее, а Лизамон Халтин наконец оттянула Валентина в сторону и сказала спокойно, как если бы речь шла о пустяках:

— А что, если этот тип Насимонт нанят мнимым короналем и получил плату за то, чтобы завести тебя в такое место, где тебя никогда не найдут?

— Тогда мы погибнем, и наши кости навеки останутся здесь, — ответил Валентин. — Но я думаю, твои опасения напрасны.

Все-таки в нем росло определенное беспокойство. Вспоминая искренность Насимонта, он не мог поверить, что тот хочет таким странным способом избавиться от него, — ведь для этого было достаточно одного удара мечом в развалинах города метаморфов. Однако он начал сомневаться, что Насимонт знает, куда ехать. Здесь не было воды, и даже животные, способные питаться любой органической материей, худели, по словам Шанамира, и слабели, с трудом находя тощие кустики травы. Если здесь произойдет что-нибудь плохое, надежды на спасение не будет никакой. Но главным ориентиром для Валентина был Делиамбер: колдун умел беречь себя и всегда чувствовал опасность, а сейчас выглядел спокойным.

Наконец Насимонт остановил караван в том

месте, где две линии голых холмов сходились, образуя узкий, с высокими стенами каньон, и сказал Валентину:

— Ты думал, мой лорд, мы сбились с пути? Пойдем, я покажу тебе кое-что.

Валентин с несколькими сопровождающими пошел за ним к началу каньона — на расстояние пятидесяти шагов. Насимонт показал на расстилавшуюся за каньоном огромную долину.

— Смотри.

Долина была пустынна: необъятное веерообразное пространство серого песка тянулось к северу и к югу по крайней мере на сто миль. В самом центре долины Валентин увидел колоссальных размеров темный круг, слегка приподнятый над плоской поверхностью. Эту огромную насыпь Валентин узнал по воспоминаниям прошлого, когда видел ее издалека: гигантская гора коричневой земли, покрывавшая Лабиринт понтифекса.

— Послезавтра мы будем у врат Лезвий, — пообещал Насимонт.

Валентин вспомнил, что у Лабиринта было семь входов, устроенных на равных расстояниях вокруг громадного сооружения. Когда он был там с поручением от Вориакса, он вошел через врата Вод, с противоположной стороны, где с Замковой

горы через плодородные северо-восточные провинции спускалась река Глэйдж. Это был самый легкий путь к Лабиринту, и им пользовались высокие чиновники, прибывавшие по делам к министрам понтифекса. Со всех других сторон Лабиринт окружал куда менее приятный ландшафт, но все-таки более привлекательный, чем тот, по которому только что проехал Валентин. Его утешало только сознание, что если ему и приходится добираться до Лабиринта через эту пустынную и насыщенную смертью землю, то выйдет он оттуда в лучшую сторону.

Лабиринт занимал очень большую территорию и, спускаясь вниз по спирали, состоял из многих уровней. Население его было неисчислимым. Сам понтифекс жил во внутреннем секторе, куда почти никто не имел доступа. Внутренний сектор был окружен сектором правительственных министров, несметного числа преданных душ, всю жизнь остававшихся под землей и занимавшихся делами, которых Валентин не понимал: ведением архивов, изданием налоговых законов, переписью населения и прочим. Вокруг правительственного сектора много тысячелетий развивалась внешняя оболочка Лабиринта, запутанная сеть круговых проходов, населенных

миллионами непонятных личностей — конторщиками и бог знаем кем еще, — мир в себе, куда никогда не проникали ни солнечное тепло, ни холодный свет луны и где всю красоту и чудеса Маджипура заменили бледные радости подземной жизни.

После примерно часового объезда вокруг возвышения парящие повозки наконец добрались до врат Лезвий. Через небольшое крытое отверстие можно было попасть в уходивший под землю туннель. Впереди вздымался ряд вделанных в бетон древних ржавых мечей — барьер более символический, чем реальный, поскольку мечи были расставлены редко. «Сколько же времени, — думал Валентин, — понадобилось, чтобы мечи заржавели в этом сухом климате?»

Стражи Лабиринта ждали прямо за входом. Их было семь: два хьорта, гэйрог, скандар, лиимен и два человека. Лица всех стражей скрывались под масками, как это было принято у официальных лиц Лабиринта. Маски были в основном символическими: закрывающий нос лоскут блестящей желтой ткани с прорезями для глаз, — но выглядели необычно, а большего и не требовалось.

Стражи молча и невозмутимо преградили путь Валентину и его отряду.

— Они попросят плату за вход, — объяснил Делиамбер. — Такова традиция. Подойди к ним и изложи свое дело.

Валентин обратился к стражам:

— Я, Валентин, брат покойного Вориакса, сын Хозяйки Острова Сна, пришел просить аудиенции у понтифекса.

Даже такое странное и вызывающее заявление не поколебало невозмутимости стражей. Гэйрог сказал только:

— Понтифекс допускает к себе далеко не каждого.

— Тогда я буду просить аудиенции у его главных министров, которые могут передать мое послание понтифексу.

— Их ты тоже не увидишь, — ответил один из хьортов.

— В таком случае я обращусь к заместителям министров или, если понадобится, к заместителям заместителей министров. Единственное, о чем я вас прошу: разрешите мне и моим спутникам пройти в Лабиринт.

Стражники посовещались, тихо жужжа, — видимо, с помощью какого-то прибора. Это явно был не более чем ритуал, поскольку они вряд ли слушали друг друга. Затем гэйрог снова повер-

нулся к Валентину.

— Каково твое приношение?

— Какое приношение?

— Входная плата.

— Назови, я уплачу.

Валентин сделал знак Шанамиру, и тот достал кошелек, но стражники недовольно покачали головами, а некоторые даже отвернулись.

— Не деньги, — презрительно сказал гэйрог. — Приношение.

Валентин опешил и растерянно обернулся к Делиамберу. Тот ритмично покачал щупальцами, как бы подбрасывая что-то.

Валентин нахмурился. И тут до него дошло: жонглирование!

— Слит, Залзан Кавол!..

Из повозки достали дубинки и мячи. Слит, Карабелла и Залзан Кавол встали перед стражниками и по сигналу скандара начали жонглировать. Те смотрели, неподвижные как статуи. Все это казалось Валентину таким нелепым, что он с трудом удерживался от смеха, но три жонглера выполняли свою работу четко и с большим достоинством, словно это был религиозный обряд. Они показали три полных рисунка обмена, разом остановились и поклонились стражам.

Гэйрог чуть заметно кивнул — единственное одобрение представления.

— Можете войти, — разрешил он.

Глава 5

Они провели повозки между Лезвиями и попали в своеобразный вестибюль, темный и затхлый, из которого открывалась дорога, ведущая вниз. Не успели они пройти нескольких десятков метров, как путь им пересек дугообразный туннель — первое из колец Лабиринта.

Туннель был с высоким потолком, ярко освещенный и вполне мог сойти за торговую улицу в обычном городе: тут были палатки, магазины, пешеходное движение и парящие экипажи всех видов и размеров. Но, внимательно присмотревшись, путешественники поняли, что это отнюдь не Пилиплок, не Пидруид или Ни-мойя. Люди на улицах были удивительно бледными, как привидения, — ведь они никогда не бывали на солнце; все одеты старомодно и в тусклых, темных тонах. Встречалось много людей в масках — их носили слуги чиновников понтифекса. Они совсем не бросались в глаза, и никто в толпе не обращал внимания на маски.

Валентин обратил внимание на искаженные напряжением лица обитателей Лабиринта, на испуганное выражение глаз и опущенные уголки

губ. Снаружи, на свежем воздухе, под благодатными лучами солнца народ Маджипура улыбался легко и свободно, не только губами, но и глазами, и щеками — всем лицом, всей душой. А в этих катакомбах души как будто были другими.

— Ты знаешь дорогу? — спросил Валентин Делиамбера.

— Нет. Но провожатых найти легко.

— Как?

— Останови повозки, выйди и оглянись словно в растерянности, — посоветовал вруун. — Через минуту отбоя не будет от желающих показать дорогу.

Это заняло куда меньше минуты. Валентин, Слит и Карабелла вышли из повозки, и к ним тут же подбежал мальчишка лет десяти.

— Показать вам Лабиринт? Одна крона за весь путь.

— У тебя есть старший брат? — спросил Слит.

Мальчик посмотрел на него:

— Ты считаешь меня слишком маленьким? Тогда поезжайте одни! Через пять минут вы заблудитесь!

Валентин засмеялся:

— Как тебя зовут?

— Хиссун.

— Скажи, Хиссун, сколько уровней придется нам проехать, прежде чем мы доберемся до правительственного центра?

— Вы хотите ехать туда?

— А почему нет?

— Они там все чокнутые, — сказал мальчик и усмехнулся. — Работают, весь день перебирают бумаги, бормочут что-то и все жаждут продвинуться еще глубже. Заговори с ними — они даже не ответят. От такой работы у них и мозги-то не ворочаются. До них семь уровней: двор Колонн, потом зал Ветров, площадь Масок, двор Пирамид, двор Шаров, Арена, а затем выходите к Дому Записей. Я провожу вас туда, но не за крону.

— А за сколько?

— Полреала.

Валентин присвистнул.

— Зачем тебе столько денег?

— Я куплю матери плащ, зажгу пять свечей Повелительнице Снов и отведу сестру к врачу. — Мальчик подмигнул. — А может, останется и на угощение для меня.

Пока они разговаривали, собралась толпа ребятишек не старше Хиссуна, несколько юношей и несколько взрослых. Все они стояли плотным полукругом и напряженно следили, получит ли

Хиссун работу. Все молчали, но Валентин краем глаза видел, как они старались привлечь его внимание, а маленькие вставали на цыпочки, чтобы казаться взрослее и солиднее. Если он откажет мальчику, тут же поднимется дикий хор голосов и лес машущих рук.

Но Хиссун, похоже, знал свое дело, и его откровенный, хладнокровный и циничный подход по-своему привлекал.

— Ладно, — согласился Валентин, — веди нас к Дому Записей.

— Все эти повозки — твои?

— Вот эта, эта и эта. Ну да, в общем, все.

Хиссун почесал затылок.

— Ты, стало быть, важный? Откуда ты?

— С Замковой горы.

— Я так и подумал, что ты важный. Но если ты едешь с Замковой горы, как ты попал со стороны Лезвий?

Мальчик был явно неглуп. Валентин пояснил:

— Мы путешествовали. Мы только что с Острова Сна.

— Ух ты! — Глаза мальчика округлились. Это была первая брешь в его небрежной, по-уличному мудрой холодности. Без сомнения, Остров казался ему поистине сказочным местом, далеким, как

звезды, и он помимо своей воли почувствовал благоговение перед теми, кто действительно там побывал. Он облизнул губы. — Как мне тебя называть?

— Валентин.

— Валентин, — повторил мальчик. — Валентин с Замковой горы. Приятное имя. — Он взобрался в первую повозку и, когда Валентин сел рядом, переспросил: — Ты в самом деле Валентин?

— В самом деле.

— Очень приятное имя, — снова сказал мальчик. — Ну, плати мне полреала, Валентин, и я покажу тебе Лабиринт.

Валентин знал, что полреала — это непомерно высокая оплата нескольких дней работы искусного ремесленника, но спорить не стал. Ему казалось, что человеку его положения не пристало торговаться с ребенком. Возможно, Хиссун именно на это и рассчитывал. Во всяком случае, деньги были потрачены не зря: мальчик как свои пять пальцев знал изгибы и повороты Лабиринта и с поразительной скоростью вел гостей к нижним и внутренним кольцам. Они спускались вниз, делая неожиданные повороты, срезая путь узкими, едва проходимыми переулками или по скрытым скатам, которые, казалось, уносили их

в немыслимые глубины.

Чем ниже, тем мрачнее и запутаннее становился Лабиринт. Хорошо освещался только внешний уровень, а те, что лежали ниже, были таинственными и зловещими, с полутемными боковыми коридорами, которые отходили от главных во всех направлениях, со странными, едва различимыми в черных сырых углах статуями и архитектурным орнаментом. Это место, по мнению Валентина, смущало дух, здесь пахло заплесневелой историей, повсюду царила холодная влажность невообразимой древности — без солнца, без воздуха и без радости. Гигантская пещера страшного мрака забвения, где хмурые фигуры с жестким взглядом занимались делами такими же таинственными, как и они сами.

Все ниже, ниже, ниже…

Мальчишка болтал без умолку. Это был на удивление живой, смышленый, смешной человечек, совсем почему-то не похожий на порождение этого угрюмого места. Он рассказал о туристах из Ни-мойи, потерявшихся между залом Ветров и площадью Масок и целый месяц живших за счет объедков, которыми снабжали их жители низших уровней, но слишком гордых, чтобы признать, что самостоятельно им дороги назад не

найти. Он рассказал об архитекторе двора Шаров, который так настроил каждую из сфер в этом сложном зале, что система их в целом соотносилась с какой-то сложной системой мышления, и вдруг обнаружил, что рабочие, не разобравшись в его чертежах, изобрели свою собственную систему и расставили все по-другому. Он разорился, пытаясь перестроить все строение, чтобы восстановить его в должном виде, за свой собственный счет. В конце концов он понял, что его вычисления были неверными и задуманное им решение неосуществимо.

— Они похоронили его прямо там же, на месте, — рассказывал Хиссун.

Затем мальчишка рассказал историю о понтифексе Ариоке, который, узнав о том, что место Хозяйки Острова Сна вакантно, отрекся от своего трона, объявил себя женщиной и отправился на Остров. Босоногий, одетый в просторные одежды Ариок на глазах у всех явился из глубин Лабиринта, сопровождаемый скопищем его приближенных министров, которые отчаянно пытались отговорить его от задуманного.

— На этом самом месте, — говорил Хиссун, — он созвал своих людей и объявил, что теперь он — Повелительница Снов, а потом приказал до-

ставить себя в Стойен на колеснице. И министры ничего не могли поделать. Ничего! Хотелось бы мне увидеть их лица в тот момент…

Караван спускался весь день. Они миновали двор Колонн, где тысячи громадных серых столбов поднимались, как поганые грибы, и болота почти неподвижной маслянистой черной воды покрывали каменный пол на три-четыре фута. Проехали зал Ветров — жуткое место, где порывы холодного ветра непонятным образом проникали сквозь изящно вырезанные каменные решетки в стенах. Видели площадь Масок — извилистый коридор, где на мраморных постаментах стояли изваяния — одни только лица с пустыми глазницами. Видели двор Пирамид — целый лес многогранных остроконечных белых монолитов, стоящих так близко друг к другу, что между ними невозможно было пройти. Некоторые представляли собой правильные четырехгранники, но большинство были странно вытянутыми, скрученными и выглядели зловеще. Ниже, на следующем уровне, находился прославленный двор Шаров — сложное строение в полторы мили длиной, где помещались сферические предметы, одни размером с кулак, другие — с гигантского морского дракона. Они висели в воздухе и осве-

щались снизу. Хиссун указал на самый большой шар: под ним была могила архитектора — плита из черного камня без надписи.

Ниже, ниже…

Во время своего первого визита Валентин ничего этого не видел. От врат Вод он быстро спустился по проходам, предназначенным лишь для короналя и понтифекса, в имперское логово — в сердце Лабиринта.

«Если я снова стану короналем, — думал Валентин, — когда-нибудь мне придется стать преемником Тиевераса — понтифексом. И если этот день настанет, я объявлю народу, что не хочу жить в Лабиринте, и построю себе дворец в более приятном месте».

Он сам улыбнулся таким мыслям. Интересно, сколько короналей до него, увидев ужасную громаду Лабиринта, давали себе такие же обещания? Однако же все они рано или поздно уходили от мира и навсегда оставались здесь. Конечно, пока он молод и полон жизни, ему легко принимать такие решения, легко думать, что можно перевести понтифексат из Алханроэля в какое-нибудь подходящее место на более молодом континенте — в Ни-мойю, например, или в Дюлорн — и жить в атмосфере красоты и радости. Ему трудно было

представить себе, что он добровольно заточит себя в столь фантастическом и отталкивающем подземелье. Но все до него поступали именно так — когда наступало время, уходили из Замка в эту темную нору. Может, это и в самом деле не так страшно, как кажется. Вполне возможно, что человек, достаточно долго пробывший короналем, с радостью покидает Замковую гору. «Ладно, — сказал себе Валентин, — я успею обдумать это в более подходящее время».

Караван парящих повозок сделал резкий поворот и спустился на уровень ниже.

— Арена, — торжественно объявил Хиссун.

Валентина изумило помещение, настолько громадное, что не было видно стен, только далекий свет мерцал в затемненных углах. Никаких подпор для потолка он не заметил. Казалось невероятным — если вспомнить о чудовищном весе верхних уровней с бесконечными улицами и переходами, с миллионами жителей, зданиями, статуями и прочим, — что ничем не укрепленный потолок Арены выдерживает столь колоссальное давление.

— Слушай, — сказал Хиссун.

Он вылез из повозки, сложил руки рупором и пронзительно крикнул. Эхо вернуло крик рез-

кими скачущими звуками — они отражались от стен сначала громко, а потом постепенно затихали. Мальчик крикнул еще раз, а затем с самодовольной усмешкой вернулся в повозку.

— Для чего служит это помещение? — спросил Валентин.

— Ни для чего.

— Совсем?

— Просто пустота. Понтифекс Дизимаул хотел, чтобы здесь оставалось большое пустое пространство. Тут никогда ничего не происходит. Строить здесь не разрешается, даже если бы кто-то и захотел. Это всего лишь пустое место. Хорошее эхо, ты не находишь? Единственная польза. Ну-ка, Валентин, вызови эхо!

— В другой раз. — Валентин с улыбкой покачал головой.

Чтобы пересечь Арену, казалось, понадобится целый день. Они ехали и ехали, но не видели ни стен, ни колонн, словно путешествовали по открытой равнине, если не считать едва различимого потолка наверху.

Валентин даже не заметил, когда они покинули Арену. Он просто вдруг осознал, что пол каким-то образом превратился в скат и они постепенно опускаются на нижний уровень по уже

знакомым кольцам Лабиринта. По мере продвижения по этому новому полукруглому коридору становилось все светлее, пока наконец не появилось такое же яркое освещение, как на верхнем уровне, где располагались торговые ряды.

Вдали прямо перед ними возник высоченный экран с яркими цветными надписями.

— Мы приближаемся к Дому Записей, — объявил Хиссун. — Дальше я не могу идти с вами.

И в самом деле, дорога заканчивалась пятиугольной площадью прямо перед громадным экраном. Теперь Валентин видел, что на нем находится нечто вроде летописи Маджипура. На левой его стороне записаны имена короналей — и список такой длинный, что Валентин едва мог разобрать верхние имена. На правой стороне — соответствующий список понтифексов. Возле каждого имени проставлены годы правления.

Валентин быстро пробежал глазами список. Сотни имен. Некоторые из них ему знакомы — великие имена в истории планеты: Стиамот, Тимин, Конфалюм, Деккерет, Престимион… Другие — просто набор букв, ничего не значащий для Валентина. Еще мальчиком он видел эти имена в книгах, но они не вызывали никакого отклика в его душе: Пранкипин, Гунзимар, Мейк, Струин,

Скоул, Спурифон — люди, властвовавшие в Горном замке и потом в Лабиринте тысячу лет назад, три тысячи, пять, являвшиеся центром всех бесед, объектами поклонения. Они выступали на имперской сцене и, завершив свои маленькие шоу, исчезали в анналах истории. «Лорд Спурифон, лорд Скоул… кто они? — размышлял Валентин. — Какого цвета были их волосы, в какие игры они играли, какие законы издавали, сколь храбро и хладнокровно встретили свою смерть? Повлияли ли они хоть как-то на жизнь миллиардов обитателей Маджипура или нет?» Некоторые, как узнавал Валентин, были короналями всего несколько лет, а затем быстро уходили в Лабиринт на смену умершему понтифексу, другие правили в Замке в течение целого поколения.

Вот лорд Мейк был тридцать лет короналем, а потом — Валентин сверился с бесконечными списками — еще двадцать лет — понтифексом. Пятьдесят лет высшей власти! А кто помнит теперь о лорде Мейке и понтифексе Мейке?

Он посмотрел в конец списка: лорд Тиеверас, лорд Малибор, лорд Вориакс, лорд Валентин…

Этим именем, естественно, завершался левый список. Лорд Валентин, правление в течение трех лет, неоконченное…

Лорда Валентина, во всяком случае, должны бы запомнить. И через много поколений на Маджипуре будут рассказывать о черноволосом молодом коронале, коварно брошенном в тело блондина, и о захвате его трона сыном Короля Снов. Но что скажут о нем? Что он бесхитростный дурень, вроде Ариока, назначившего самого себя Хозяйкой Острова Сна? Что он был слаб и не умел противостоять злу? Что он пережил головокружительное падение и мужественно вернул себе корону? Как будут рассказывать историю лорда Валентина через тысячу лет?

Стоя перед огромным списком Дома Записей, Валентин молился только об одном: чтобы о лорде Валентине не говорили, будто он героически отвоевал свой трон, а потом пятьдесят лет правил слабо и беспомощно. Лучше уж уступить Замок Барджазиду, чем оставить о себе такую память.

Хиссун потянул его за руку.

— Валентин!

Валентин, вздрогнув, обернулся.

— Я оставлю тебя здесь, — сказал мальчик. — Люди понтифекса скоро придут за тобой.

— Спасибо тебе, Хиссун, за все, что ты сделал. Но как ты вернешься обратно?

— Да уж не пешком. — Хиссун подмигнул. — В

этом я тебе ручаюсь!

Он помолчал.

— Валентин…

— Да?

— У тебя случайно не было черных волос и бороды?

Валентин засмеялся.

— Ты думаешь, я кораль?

— О, в этом я уверен! Это написано на твоем лице. Только лицо у тебя не то.

— А что? Лицо неплохое, — ответил Валентин и снова рассмеялся. — Чуточку более добродушное, чем мое прежнее, может, более красивое. Думаю, я его оставлю себе. Полагаю, что тот, кому оно раньше принадлежало, теперь в нем не нуждается.

Мальчик широко раскрыл глаза:

— Значит, ты в другом облике?

— Вроде того.

— Я так и подумал.

Он вложил свою маленькую руку в руку Валентина.

— Ну что ж, удачи тебе, Валентин. Если ты когда-нибудь вернешься в Лабиринт, позови меня, и я снова буду твоим проводником, и бесплатно. Запомни мое имя: Хиссун.

— До свидания, Хиссун.

Мальчик снова подмигнул и исчез.

Валентин опять обернулся к экрану истории. «Лорд Тиеверас, лорд Малибор, лорд Вориакс, лорд Валентин… А может, когда-нибудь — лорд Хиссун? — подумал он. — Почему бы и нет? Мальчик, кажется, знает не меньше иных правителей, и у него, надо думать, хватило бы ума не пить одурманивающее вино Барджазида. Я должен запомнить его, — сказал он себе. — Я обязан его запомнить».

Глава 6

Из ворот в дальней стороне площади Дома Записей появились три фигуры: хьорт и двое людей в официально принятых в Лабиринте масках. Они неторопливо подошли к тому месту, где стояли Валентин, Слит, Карабелла и еще некоторые из его спутников. Женщина-хьорт внимательно оглядела Валентина.

— Зачем ты пришел сюда? — спросила она.

— Мне необходимо получить аудиенцию у понтифекса.

— Аудиенцию у понтифекса? — повторила женщина с таким изумлением, словно Валентин просил пару крыльев или разрешения выпить море, и засмеялась: — Понтифекс не дает аудиенций.

— Ты его главный министр?

Она засмеялась громче.

— Здесь Дом Записей, а не Тронный двор. Здесь нет министров.

Три чиновника развернулись и направились обратно к воротам.

— Подождите! — крикнул Валентин.

Он впал в транс и послал им необходимое ви-

дение, общий смысл которого заключался в том, что стабильность мира в опасности, что над самим чиновничьим аппаратом нависла страшная угроза и что только он с друзьями может предотвратить хаос. Чиновники не останавливались, и Валентин удвоил интенсивность сообщения, пока не вспотел от усилий. Чиновники замерли. Женщина-хьорт оглянулась.

— Чего ты хочешь? — спросила она.

— Допусти нас к министрам понтифекса.

Они стали шепотом совещаться.

— Что мы должны делать? — спросил Валентин у Делиамбера. — Жонглировать для них?

— Имей терпение, — прошептал вруун.

Валентин подумал, что именно это как раз труднее всего, но промолчал. Через некоторое время чиновники вернулись и сказали, что он и пять его спутников могут войти, а остальные должны ночевать на верхнем уровне.

Валентин нахмурился, но спорить с лицами в масках явно не имело смысла. Он выбрал Делиамбера, Карабеллу, Слита, Эйзенхарта и Залзана Кавола.

— А как остальные найдут себе ночлег? — спросил он.

Хьорт пожала плечами. Это ее не касалось.

Откуда-то сбоку донесся чистый высокий голос:

— Не нужно ли кого-нибудь проводить на верхний уровень?

Валентин усмехнулся:

— Хиссун? Ты все еще здесь?

— Я подумал, что могу понадобиться.

— Так оно и есть. Найди приличное место на внешнем уровне, возле Врат Вод, где мои люди могут остановиться и подождать, пока я закончу дела здесь.

Хиссун кивнул:

— Я попрошу только три кроны.

— Вот как? Тебе же все равно нужно подниматься наверх! И всего пять минут назад ты сказал, что в следующий раз, когда ты будешь моим проводником, ты не возьмешь ничего!

— Так то в следующий раз, — серьезно ответил мальчик, — а сейчас пока еще первый. Неужели ты лишишь бедного мальчишку его куска хлеба?

— Дай ему три кроны, — со вздохом повернулся Валентин к Залзану Каволу.

Мальчик прыгнул в головную повозку, и скоро весь караван развернулся и отправился в обратный путь. Валентин и пятеро его спутников вошли в ворота Дома Записей.

Коридоры разветвлялись во всех направлениях. В скудно освещенных маленьких комнатках служащие низко склонялись над горами документов. Воздух здесь был сухой и затхлый. Общее впечатление было еще более отталкивающим, чем на предыдущих уровнях. Валентин понял, что здесь располагался административный центр Маджипура, где велась реальная работа по управлению двадцатью миллиардами жителей планеты. Сознание, что этим суетившимся гномам, этим подземным жителям принадлежит истинная власть над миром, вызвало у него неприятную дрожь.

Он думал, что истинным правителем является корональ, а понтифекс — всего лишь номинальный глава. Ведь именно корональ командует силами порядка, если где-то возникает хаос, активный, энергичный корональ, в то время как понтифекс остается замурованным внизу и выходит из Лабиринта лишь в исключительных случаях, когда того требуют дела величайшей государственной важности.

Теперь он уже не был в этом так уверен.

Сам понтифекс, возможно, и был всего лишь свихнувшимся стариком, но ставленники понтифекса, тысячи и тысячи серых чиновников

в странных маленьких масках, в действительности могли иметь куда большую власть на Маджипуре, чем энергичный корональ со своими помощниками. Здесь составляли списки налогов, налаживали торговые отношения между провинциями, координировали контроль провинций над проезжими дорогами, парками, учебными и воспитательными заведениями и прочим. Валентин не был убежден, что на такой громадной планете, как Маджипур, возможно настоящее централизованное управление, но, во всяком случае, основные формы этого управления существовали. Здесь, во внутренней части Лабиринта, он понял, что управление Маджипуром состоит отнюдь не в торжественных процессиях и мысленных посланиях. Большую часть работы делает скрытая здесь бюрократия. И он оказался в ее лапах.

Несколькими уровнями ниже Дома Записей находились помещения для официальных лиц из провинций, посещавших Лабиринт по правительственным делам. Там Валентину предоставили скромную квартиру, где он и провел следующие несколько дней. Чиновники словно забыли о его существовании. Казалось, отсюда невозможно продвинуться ни на шаг. Как коро-

наль, он, конечно, имел право требовать, чтобы его немедленно допустили к понтифексу, но он не кораль в настоящем смысле этого слова и такое требование, вероятно, вообще лишило бы его возможности действовать.

Порывшись в памяти, он вспомнил имена первых министров понтифекса. Если с тех пор ничего не изменилось, у понтифекса было пять полномочных официальных лиц, наиболее приближенных к нему: Хорнкэст — главный спикер, Дилифон — личный секретарь, Шинаам, гэйрог, — министр внешних сношений, Сепултроув — министр по делам науки и личный врач понтифекса и Наррамир — толковательница снов, которая, как говорили, обладала гораздо большей властью, чем все остальные, советница, выбравшая в коронали Вориакса, а затем Валентина.

Добраться до любого из этих пятерых было так же трудно, как и до самого понтифекса. Они, как и Тиеверас, находились в самой глубине Лабиринта, далекие, недоступные. Возможности обруча, данного Валентину матерью, не распространялись на установление контакта с незнакомым мозгом на неизвестном расстоянии.

Он скоро узнал, что два меньших по рангу, но все-таки значительных чиновника служат сторо-

жами на центральных уровнях Лабиринта. Это имперские мажордомы Дондак-Саямир, су-сухирис, и Титаморн Суул, человек.

— Но, — сказал Слит, поболтавший с управляющим дома для гостей, — эти двое уже год как поссорились и ненавидят друг друга. А чтобы попасть к министрам, требуется согласие обоих.

Карабелла недовольно фыркнула.

— Нам что, всю жизнь теперь здесь в пыли околачиваться? Валентин, зачем мы вообще связались с этим Лабиринтом? Может, уйдем отсюда и отправимся прямо на Замковую гору?

— Точно. Я тоже так думаю, — согласился Слит.

Валентин покачал головой.

— Главное — поддержка понтифекса. Так сказала Хозяйка Острова, и я с ней согласен.

— Для чего главное? — спросил Слит. — Понтифекс спит себе под землей и знать ничего не знает. Он что, даст тебе армию? Да и существует ли он на самом деле, этот понтифекс?

— У понтифекса есть армия служащих и чиновников, — мягко пояснил Делиамбер. — Для нас они могут быть исключительно полезны. Они, а не воины контролируют равновесие власти в нашем мире.

Слита такие доводы не убедили.

— А по-моему, ты должен поднять знамя Горящей Звезды и под звуки труб и барабанный бой идти через весь Алханроэль, во всеуслышание объявляя себя короналем и рассказывая о кознях Доминина Барджазида. В каждом городе на своем пути теплом и искренностью и, может быть, немножко с помощью обруча Повелительницы Снов ты завоюешь поддержку народа. И пока ты будешь подниматься на Замковую гору, десять миллионов пойдут за тобой, и Барджазид сдастся без боя.

— Приятная картина, — сказал Валентин, — но я думаю, что нам все же следует заручиться поддежкой и содействием понтифекса, прежде чем мы бросим открытый вызов. Я повидаюсь с этими двумя мажордомами.

В этот же день его проводили в штаб-квартиру Дондак-Саямира — на удивление унылую маленькую конторку в глубине запутанного скопления крошечных служебных каморок. Валентин больше часа ожидал в тесном и шумном вестибюле, прежде чем его допустили к мажордому.

Валентин плохо представлял себе, как обращаться к су-сухирису. Может, одна голова — Дондак, а другая — Саямир? Обращаться к обеим или только к той голове, которая раз-

говаривает с тобой в данный момент? Может, полагается переводить взгляд с одной головы на другую, пока говоришь?

Дондак-Саямир оглядел Валентина как бы с высоты своего величия. Пока четыре холодных глаза рассматривали посетителя, в кабинете висела напряженная тишина. Су-сухирис был стройным удлиненным существом, безволосым и гладкокожим, трубообразным по форме, с палкой-шеей, поднимавшейся на десять-двенадцать дюймов и имевшей на конце развилку для поддержки двух узких, похожих на веретено голов. Он излучал такое сознание собственного превосходства, словно должность мажордома понтифекса была важнее должности самого понтифекса. Валентин знал, что холодное высокомерие просто свойственно этой расе; су-сухирисы всегда выглядели величественными и надменными.

Наконец левая голова Дондак-Саямира заговорила:

— Зачем ты пришел сюда?

— Просить аудиенции у первых министров понтифекса.

— Так написано в твоем письме. Какое дело у тебя к ним?

— Дело величайшей важности, государствен-

ное дело.

— Да?

— Вряд ли ты можешь рассчитывать, что я буду обсуждать это с кем-то ниже самого высокого уровня власти.

Дондак-Саямир бесконечно долго обдумывал сказанное. Он снова заговорил — уже правая голова. Второй голос был много ниже первого.

— Если я зря потревожу верховных министров, мне не поздоровится.

— Если ты помешаешь моему свиданию с ними, тебе будет еще хуже.

— Угрожаешь?

— Отнюдь нет. Скажу тебе только, что, если они не получат моей информации, последствия будут весьма серьезными для всех нас. Министры, без сомнения, рассердятся, узнав, что помешал мне ты.

— Я не один, — сказал су-сухирис. — Есть второй мажордом, и такое прошение мы должны одобрить оба. Ты еще не разговаривал с моим коллегой?

— Нет.

— Она сумасшедшая. Она злонамеренно отказывается сотрудничать со мной уже много месяцев. — Теперь в разговор включились сра-

зу обе головы Дондак-Саямира, и эффект этого жуткого диссонанса был крайне неприятным. — Даже если я дам тебе свое согласие, она откажет, а значит, ты никогда не увидишь верховных министров.

— Но так не должно быть! Нельзя ли как-нибудь обойти ее?

— Это незаконно.

— Если она нарушает закон, то…

— Ответственность за это несет она, — равнодушно ответил су-сухирис.

— Нет, — возразил Валентин, — ответственность лежит на вас обоих! Ты не можешь просто сказать, что из-за ее нежелания сотрудничать с тобой я не двинусь вперед, когда на карту поставлено само существование правительства!

— Ты действительно так думаешь? — спросил Дондак-Саямир.

Вопрос поставил Валентина в тупик. То ли он относился к идее угрозы королевству, то ли к замечанию, что су-сухирис несет равную ответственность, препятствуя Валентину. После паузы он спросил:

— Что же ты мне посоветуешь?

— Возвращайся домой, живи счастливо и плодотворно и оставь проблемы управления тем, кто

призван распутывать их.

Глава 7

Примерно такой же разговор состоялся у Валентина и с Титаморн Суул. Женщина-мажордом была менее надменной, но вряд ли более сговорчивой.

Высокая брюнетка, лет на десять-двенадцать старше Валентина, она производила впечатление деловой, знающей женщины. На ее столе в кабинете, более веселом и привлекательном, хотя столь же маленьком, как и у су-сухириса, лежало прошение Валентина. Титаморн Суул несколько раз постучала по нему.

— Ты не можешь увидеться с ними.

— Позволь узнать почему?

— Потому что их никто не видит.

— Никто?

— Никто с внешней стороны. Теперь это не делается.

— Из-за разрыва между тобой и Дондак-Саямиром?

Титаморн Суул поджала губы.

— Он идиот! Но даже если бы он как следует выполнял свою работу, тебе все равно не добраться до министров. На них лежит великая ответствен-

ность. Как тебе, наверное, известно, понтифекс стар, он мало занимается делами управления, поэтому на тех, кто его окружает, ложится тяжелое бремя. Ты понимаешь это?

— Но я должен их увидеть.

— Я не могу тебе помочь. Их нельзя тревожить даже по самым важным причинам.

— А предположим, — медленно проговорил Валентин, — что корональ был свергнут и в Замке сидит незаконный правитель?

Титаморн Суул подняла маску и ошеломленно посмотрела на Валентина.

— Что ты хочешь этим сказать? Ну вот что: твое прошение отклонено. — Она встала и указала рукой на дверь. — У нас в Лабиринте и так хватает сумасшедших, а тут еще приходят из…

— Подожди, — сказал Валентин.

Он вошел в состояние транса и, призвав на помощь силу обруча, потянулся к душе Титаморн, коснулся ее и окутал своей душой. Он не собирался раскрывать тайну мелким служащим, но, похоже, другого выбора нет, приходится брать ее в поверенные. Он держал контакт, пока не почувствовал слабость и головокружение. Тогда он прервал его и быстро вернулся к полному сознанию.

Титаморн Суул растерянно смотрела на него, щеки ее горели, глаза блуждали, грудь тяжело вздымалась. Наконец она спросила:

— Что это за фокус?

— Это не фокус. Я сын Повелительницы Снов, и она лично научила меня искусству посланий.

— Лорд Валентин брюнет.

— Был. А теперь — нет.

— Ты хочешь, чтобы я поверила…

— Пожалуйста, — произнес Валентин, вкладывая в это слово всю силу своего духа, — поверь мне. Все зависит от моего доклада понтифексу о случившемся.

Но ее подозрения были слишком глубоки. Она не преклонила колени, не сделала знака Горящей Звезды, в ней появилась лишь угрюмая растерянность. Ей явно хотелось, чтобы Валентин навязал этот рассказ какому-нибудь другому чиновнику.

— Су-сухирис запретит все, что я разрешу, — сказала она наконец.

— Даже если я покажу ему то, что показал тебе?

Она пожала плечами.

— Его упрямство просто легендарно. Даже для спасения жизни понтифекса он не согласится ни с одним из моих предложений.

— Но это безумие!

— Именно так. Ты говорил с ним?

— Да. Он показался мне недружелюбным и распухшим от гордости. Но не сумасшедшим.

— Пообщайся с ним побольше, — посоветовала Титаморн Суул, — прежде чем сформировать окончательное мнение.

— А если подделать его подпись и пройти так, чтобы он не знал?

Она была шокирована.

— Ты толкаешь меня на преступление?

Валентин пытался сохранять спокойствие.

— Преступление уже совершено, и немалое. Я, корональ Маджипура, коварно смещен с трона. Твоя помощь жизненно необходима для восстановления справедливости. Неужели ради этого нельзя нарушить какие-то пустяковые правила? Неужели ты не понимаешь, что в моей власти простить тебе любое нарушение? — Он наклонился к ней. — Время не ждет. Замок стал домом узурпатора. А я, вместо того чтобы вести через Алханроэль армию освобождения, бегаю от одного подчиненного понтифекса к другому. Поставь свою подпись, и ты будешь вознаграждена, когда на Маджипуре вновь воцарится порядок.

Титаморн Суул смотрела на него по-прежнему

холодно.

— Твой рассказ столь необычен, что требует от меня слишком большой веры. Что, если ты лжешь? Что, если ты подкуплен Дондак-Саямиром?

— Клянусь, — простонал Валентин.

— Не надо. Такое вполне возможно. Наверняка это ловушка. Ты и твоя фантастическая история вместе с каким-то видом гипноза имеют целью погубить меня и дать су-сухирису полную власть, которой он давно жаждет…

— Клянусь Хозяйкой Острова, моей матерью, что я не солгал тебе.

— Всякий преступник клянется чьей-нибудь матерью, но что толку?

Валентин заколебался, но затем взял Титаморн Суул за руки и пристально взглянул ей в глаза. То, что он собирался сделать, было ему неприятно, но все эти мелкие чиновники, чинившие ему бесконечные препятствия, сами толкали его на такой поступок, вынуждая пойти на небольшой обман, чтобы не застрять тут навек.

Наклонившись ниже, он произнес:

— Даже если бы Дондак-Саямир подкупил меня, я никогда бы не предал такую красивую женщину, как ты.

Она бросила на него презрительный взгляд, но щеки ее окрасились румянцем.

— Поверь мне, — продолжал он. — Я — лорд Валентин, и ты будешь одной из героинь в борьбе за мое возвращение. Я знаю, чего ты хочешь больше всего на свете, и ты получишь это, когда я вернусь в Замок.

— Ты знаешь?

— Да, — шепнул он и ласково похлопал по ее рукам, теперь вяло лежавшим в его ладонях. — Ты хочешь обладать единоличной властью во внутреннем Лабиринте, верно? Ты хочешь быть единственным мажордомом?

Она кивнула, как бы во сне.

— Так и будет, — пообещал он. — Стань моей союзницей, и Дондак-Саямир будет лишен своего ранга за то, что преграждал мне дорогу. Ты поможешь мне добраться до главных министров?

— Это трудно.

— Но возможно! Все возможно! Когда я снова стану короналем, су-сухирис потеряет свой пост! Это я тебе обещаю!

— Поклянись!

— Клянусь! — горячо воскликнул Валентин, чувствуя себя так, словно только что вывалялся в грязи. — Клянусь всем, что для меня свято. Этого

достаточно?

— Достаточно, — ответила она тихим, запинающимся голосом. — Но как это сделать? На пропуске должны стоять обе подписи, а если я подпишусь, он непременно откажется сделать это.

— Подпиши пропуск и дай его мне. Я вернусь к су-сухирису и уговорю его.

— Он ни за что не согласится.

— Я поговорю с ним. Я сумею его убедить. Получив его подпись, я войду во внутренний Лабиринт и добьюсь того, что мне нужно. А вернувшись с полномочиями короналя, смещу с поста Дондак-Саямира, это я тебе обещаю.

— Но как ты получишь его подпись? Он уже сколько месяцев ничего не подписывает!

— Положись на меня.

Титаморн Суул достала из стола темно-зеленый кубик из какого-то гладкого блестящего материала и поместила его на короткое время в машину, которая опалила его желтым пламенем. Когда она снова достала кубик, поверхность его засияла новым блеском.

— Вот, это твой пропуск. Но предупреждаю тебя: без второй подписи он недействителен.

— Я получу ее, — заверил Валентин.

Он вернулся к Дондак-Саямиру. Су-сухирис неохотно принял его, но Валентин был настойчив.

— Теперь я понимаю твое отвращение к Титаморн Суул, — сказал он.

Дондак-Саямир холодно улыбнулся.

— Разве она не противна? Полагаю, она отказала тебе в просьбе.

— Нет, — возразил Валентин, достал кубик и положил его перед мажордомом. — Она дала мне его довольно охотно, зная, что ты мне откажешь и ее разрешение будет недействительным. А вот другой ее отказ меня сильно задел.

— Какой?

— Тебе это покажется глупостью, — объяснил Валентин, — может быть, даже отталкивающей, но меня прямо очаровала ее красота. Должен сказать, для человеческих глаз эта женщина исключительно привлекательна физически, она излучает эротическую силу, и это... Ну, ладно, не важно. Я потянулся к ней в наивном смятении и, таким образом, стал открытым и уязвимым, а она жестоко посмеялась надо мной. Она презрительно оттолкнула меня, а для меня это как нож в сердце. Как она могла быть такой безжалостной, такой надменной по отношению к мужчине,

который только тем и виноват, что она всколыхнула в нем горячие, глубокие и страстные чувства?

— Насчет красоты не знаю, — ответил су-сухирис, — но ее холодность и высокомерие мне хорошо известны.

— Теперь я разделяю твою неприязнь к ней, — сказал Валентин. — Если хочешь, я помогу тебе, и мы вместе устроим такое, что погубит ее.

Дондак-Саямир задумался.

— Да, возможно, это подходящий момент, чтобы скинуть ее. Но как?

Валентин постучал по кубику, лежавшему на столе.

— Поставь свою подпись на этот пропуск, и я смогу войти во внутренний Лабиринт. Пока я буду там, ты начнешь официальное расследование обстоятельств, при которых меня пропустили, и заявишь, что ты не давал такого разрешения. Когда я вернусь, закончив свое дело с понтифексом, ты позовешь меня как свидетеля. Я скажу, что ты отказал в моей просьбе, но я получил полностью оформленный пропуск от Титаморн Суул, не подозревая, что он может быть подделан кем-нибудь, действующим тебе наперекор. Твое обвинение в подделке вкупе с моим свидетель-

ством, что ты отказался подписать мой пропуск, обеспечит ее падение. Ну, что скажешь?

— Чудесный план, — ответил Дондак-Саямир. — Я бы сам не смог придумать лучше!

Су-сухирис сунул кубик в машину, и сверкающий розовый жар перекрыл желтое пламя Титаморн Суул. Теперь пропуск был оформлен по всем правилам. Валентин подумал, что вся эта интрига напоминала сам Лабиринт: такая же темная и запутанная. Но она сработала, и сработала удачно. Пусть теперь эти двое замышляют и строят друг другу козни, а он беспрепятственно встретится с министрами понтифекса. Вероятно, мажордомы будут разочарованы тем, как он выполнит свои обещания, поскольку он намеревался, если удастся, отстранить от власти обоих соперников. Однако он не считал нужным требовать от себя безгрешного поведения по отношению к тем, чья роль в управлении, видимо, состояла в том, чтобы препятствовать и возражать.

Он взял кубик у Дондак-Саямира и благодарно склонил голову.

— Да будет тебе вся власть и престиж, каких ты заслуживаешь, — произнес он елейно и вышел.

Глава 8

Стражи внутреннего Лабиринта были явно ошеломлены тем фактом, что кто-то ухитрился получить разрешение на вход в их царство. Они подвергли кубик сканированию, с большой неохотой признали его законным и пропустили Валентина и его спутников дальше.

Узкая тупоносая повозка быстро и бесшумно несла их по проходам внутреннего мира. Сопровождавшие их чиновники в масках, казалось, даже не управляли повозкой, да это было бы и непросто, поскольку на этих уровнях Лабиринт без конца разветвлялся. Любой проникший сюда незаконно мгновенно и безнадежно затерялся бы в тысячах изгибов, поворотов и переплетенных коридоров. Но повозка, судя по всему, плыла под каким-то тайным управлением по кратчайшей, хотя отнюдь не прямой дороге вглубь и вглубь, в кольца скрытых проулков.

На каждом контрольно-пропускном пункте Валентина допрашивали недоверчивые чиновники. Создавалось впечатление, что они практически не способны понять, как это пришедший извне направляется к министрам понтифекса. Их

бесконечные колкости быстро надоедали, но не задевали. Валентин размахивал своим кубиком-пропуском, как волшебным жезлом.

— У меня поручение высочайшей важности, — повторял он снова и снова, — и я буду говорить только с высшими чинами двора понтифекса. — Вооружившись всем своим достоинством и правом командовать, он отметал все возражения, все увертки: — Вы ответите за то, что задерживаете меня!

И вот наконец — хотя Валентину казалось, что с тех пор, как он вошел в Лабиринт через врата Лезвий, прошло сто лет, — он очутился перед Шинаамом, Дилифоном и Наррамир — тремя из пяти главных министров понтифекса.

Они приняли его в темной холодной комнате со стенами из громадных блоков черного камня, с высоченным потолком и остроконечными арками. Это непривлекательное помещение более походило на подземную тюрьму, чем на комнату для совещаний. Войдя туда, Валентин почувствовал себя так, словно на него давит вес всего Лабиринта, уровень за уровнем: Арена, Дом Записей и двор Шаров, зал Ветров и все остальное — темные коридоры, тесные каморки, множество работающих клерков. Где-то далеко, наверху, си-

яло солнце, воздух был свеж и чудесен, с моря дул бриз, несший запахи алабандинов, елдиронов и танигалей. А он был здесь, придавленный гигантской земляной насыпью и многими милями извилистых туннелей, в королевстве вечной ночи. Это путешествие в глубь Лабиринта измучило его, как если бы он не спал несколько недель.

Валентин коснулся рукой Делиамбера и получил от него сильный заряд энергии, поддержавший его почти иссякшие силы. Он взглянул на Карабеллу — и та послала ему воздушный поцелуй; посмотрел на Слита — и тот с ухмылкой кивнул в ответ; бросил взгляд на Залзана Кавола — и гордый седой скандар сделал быстрое жонглирующее движение рукой, чтобы подбодрить Валентина… его спутники, его друзья, его оплот во всем этом долгом и удивительном путешествии.

Он взглянул на министров. Они были без масок и сидели рядом в креслах, величественных, как троны. Шинаам — министр внешних сношений, гэйрог, змееподобный, с холодными глазами и мелькавшим раздвоенным красным языком — располагался в центре. Справа от него находился Дилифон — личный секретарь Тиевераса, хрупкая, призрачная фигура с белыми, как у Слита, волосами, увядшей пергаментной кожей и го-

ревшими, как угли, глазами на древнем лице. По левую руку от гэйрога сидела Наррамир — имперская толковательница снов, стройная, элегантная женщина явно преклонного возраста, поскольку ее сотрудничество с Тиеверасом восходило к тем временам, когда тот был короналем. У нее была гладкая, без морщин кожа и темно-рыжие волосы, пышные, блестящие. Только отстраненное, загадочное выражение глаз выдавало присущие ей мудрость, опыт и накопленную за много десятилетий силу.

Валентин решил, что здесь не обошлось без колдовства.

— Мы прочитали твою петицию, — низким, скрипучим голосом с едва заметным шипением произнес Шинаам. — Нам трудно поверить в твою историю.

— Вы говорили с Хозяйкой Острова Сна, моей матерью?

— Мы говорили с Хозяйкой, — холодно ответил гэйрог. — Она признает тебя своим сыном.

— Она требует, чтобы мы сотрудничали с тобой, — добавил Дилифон дребезжащим голосом.

— Она являлась к нам в посланиях, — мягко и слегка нараспев заговорила Наррамир. — Она поручает тебя нам и просит, чтобы мы оказали

тебе всю помощь, которую ты потребуешь.

— И что дальше? — спросил Валентин.

— Не исключена возможность, — сказал Шинаам, — что Хозяйка Острова была обманута.

— Вы думаете, я самозванец?

— Ты хочешь, чтобы мы поверили, — продолжил гэйрог, — будто младший сын Короля Снов, приведя короналя Маджипура в бессознательное состояние, извлек его из собственного тела, частично лишил его памяти, а оставшиеся фрагменты его личности поместил в совершенно иное тело, удачно оказавшееся под рукой, после чего сам вошел в тело короналя, сохранив при этом собственное сознание. Мы находим, что поверить в это весьма трудно.

— Существует искусство переносить дух из одного тела в другое, — объяснил Валентин. — Вот вам прецедент.

— Нет прецедента, — возразил Шинаам, — чтобы такое проделывали с короналем.

— Однако это случилось. Я, лорд Валентин, вновь обретший свою память лишь благодаря доброте Повелительницы Снов, прошу поддержки понтифекса в восстановлении моих прав и обязанностей, возложенных им на меня после смерти моего брата. Прошу помочь вернуть при-

надлежащую мне корону.

— Да, — кивнул Шинаам, — если ты тот, за кого себя выдаешь, тебе, вероятно, необходимо вернуться в Горный замок. Но как мы можем быть в этом уверены? Это очень серьезное дело. Возможна гражданская война. Как можем мы советовать понтифексу ввергнуть мир в хаос только на основании утверждения неизвестного нам молодого чужака, который почему-то…

— Моя мать уже знает, что я не чужак, — сказал Валентин. — Мой разум открылся ей на Острове, и она видела, кто я. — Он коснулся серебряного обруча на лбу. — Как вы думаете, откуда я взял этот прибор? Это ее дар. Я получил его из ее собственных рук, когда мы с ней были во Внутреннем храме.

— В том, что Хозяйка Острова Сна признает тебя и поддерживает, нет никаких сомнений, — спокойно заметил Шинаам.

— Но вы сомневаетесь в ее свидетельстве?

— Мы требуем более веских доказательств, — вмешалась Наррамир.

— Тогда позвольте мне немедленно передать вам послание — и вы убедитесь в справедливости моих слов.

— Как желаешь, — пожал плечами Дилифон.

Валентин закрыл глаза, вошел в транс, и из самых глубин его существа хлынул наружу страстный, сияющий поток — точно как тогда, когда в мрачной, усеянной каменными обломками пустыне за Треймоуном ему надо было заручиться поддержкой Насимонта, когда ему удалось воздействовать на трех официальных лиц у врат Дома Записей и когда он открыл себя мажордому Титаморн Суул. С различной степенью успеха ему тогда удалось добиться цели. А теперь предстояло получить желаемое здесь. Однако сейчас он чувствовал, что не может преодолеть непоколебимый скептицизм министров понтифекса.

Мозг гэйрога был полностью закрыт для Валентина — стена, такая же недоступная, как высокие белые утесы Острова Сна. За мысленным щитом Шинаама Валентин ощущал лишь туманные проблески сознания и не мог пробить этот щит, хотя изливал на него всю свою силу. Мозга дрожавшего старого Дилифона он тоже не мог достичь, но не потому, что тот был экранирован, — наоборот, он был открытым, пористым, как соты, и Валентин проходил через него, как сквозь воздух, не встречая ничего, за что можно было бы зацепиться. Валентину удалось войти в контакт, да и то неудовлетворительный, только

с мозгом Наррамир. Казалось, она пила его душу, впитывала то, что он давал, но все это пропадало в бездонных недрах ее существа, и он так и не добрался до центра ее духа.

Но он не отступал. С яростной силой он направлял всю полноту своего духа, объявляя себя лордом Валентином из Горного замка и требуя от них доказательств, что он кто-то другой. Он дошел до глубины воспоминаний о матери, о королебрате, о своем воспитании, о своем свержении в Тил-омоне, о странствиях по Зимроэлю — обо всем, что сформировало человека, пробившегося в недра Лабиринта за помощью. Он полностью отдавал себя, пока, совершенно обессиленный, не повис на руках у Слита и Карабеллы, как ненужная одежда, сброшенная владельцем.

Валентин вышел из транса, боясь провала и дрожа от слабости, — пот покрыл его тело, перед глазами все плыло, и дико болели виски. Он старался восстановить силы, закрыл глаза и глубоко дышал и лишь какое-то время спустя взглянул на трех министров.

Их лица были жесткими и сумрачными, глаза — холодными и неподвижными. Они выглядели надменными, презрительными и даже враждебными. Валентин вдруг испугался: может, эти трое

— ставленники самого Доминина Барджазида? Неужели он умоляет своих собственных врагов? Он отчаянно уверял себя, что это невозможно, немыслимо, что это порождение усталого мозга. Нельзя поверить, что заговор против него достиг самого Лабиринта.

— Ну? — хрипло спросил он. — Что вы теперь скажете?

— Я ничего не почувствовал, — ответил Шинаам.

— Я не убежден, — сказал Дилифон. — Такие послания может направить любой колдун. А искренность и страстность бывают и притворными.

— Я согласна, — кивнула Наррамир, — послание может быть как настоящим, так и лживым.

— Нет! — закричал Валентин. — Я открылся перед тобой полностью. Ты не могла не видеть.

— Недостаточно, — возразила Наррамир.

— Что ты имеешь в виду?

— Давай проведем толкование сна вдвоем здесь, в этой комнате, при этих свидетелях. Пусть наши души сольются. Тогда я смогу оценить правдивость твоей истории. Согласен? Выпьешь со мной наркотик?

Валентин обеспокоенно взглянул на своих

спутников и увидел на их лицах отражение своей тревоги — у всех, кроме Делиамбера, лицо которого не выражало ничего, словно колдун находился где-то далеко отсюда. Рискнуть? Осмелится ли он? Наркотик может лишить его сознания, сделать абсолютно прозрачным, полностью уязвимым. Если эти трое связаны с Барджазидом и хотят сделать Валентина беспомощным, это, видимо, опасно. Предложение войти в его мозг исходит не от какой-нибудь деревенской толковательницы, а от министра двора понтифекса, женщины по крайней мере столетнего возраста, хитрой и могущественной, считающейся настоящей повелительницей Лабиринта, контролирующей всех, включая самого старого Тиевераса.

Делиамбер намеренно не подал ему знака. Валентин должен решать сам.

— Да, — сказал он, глядя ей в глаза. — Если ничто другое не подходит, пусть будет толкование. Здесь. Сейчас.

Глава 9

Они, похоже, ожидали этого. Прислужники по сигналу принесли все необходимое: толстый ковер яркой расцветки с темно-золотой каймой, высокий графин из белого полированного камня и две изящные фарфоровые чаши. Наррамир сошла со своего кресла, самолично налила в чаши сонного вина и одну предложила Валентину.

Он взял чашу, но выпил не сразу. Однажды он так же принял вино из рук Доминина Барджазида, и после одного-единственного глотка изменилась вся его жизнь. Может ли он выпить сейчас, не опасаясь последствий? Кто знает, какое новое колдовство приготовлено для него? Где он проснется и в каком обличье?

Наррамир молча наблюдала за ним. Глаза толковательницы снов оставались непроницаемыми и таинственными, а взгляд их словно пронзал насквозь. Она улыбалась непонятной улыбкой — то ли ободряющей, то ли торжествующей. Он поднял чашу в коротком салюте и поднес к губам.

Эффект действия вина оказался мгновенным и неожиданно мощным. Валентин покачнулся.

Туман и паутина окутали его мозг. Может, этот наркотик был много крепче того, что давала ему Тизана в Фалкинкипе? Какое-то дьявольское снадобье Наррамир? Или усталость и истощение сделали сейчас его самого более чувствительным? Затуманенным взором он увидел, что Наррамир выпила свое вино, бросила пустую чашу прислужнику и быстро сняла платье.

Ее нагое тело было по-девичьи гибким и гладким: плоский живот, стройные бедра, высокая, округлой формы грудь. Валентин подумал, что это, конечно же, колдовство. Кожа ее имела коричневый оттенок. Почти черные соски уставились на Валентина, словно слепые глаза. Он был уже слишком опьянен наркотиком, чтобы раздеться самостоятельно, — за него это сделали руки друзей. Он почувствовал холод и понял, что остался обнаженным. Наррамир поманила его к ковру. На подгибавшихся ногах Валентин подошел ближе, и она уложила его. Он закрыл глаза, представляя, что рядом с ним Карабелла, но Наррамир ничуть не походила на нее. Ее объятия были сухими и холодными, тело — твердым, неэластичным. В ней не было ни тепла, ни трепета. Ее юный вид был всего лишь обманом. Лежать в ее объятиях было все равно, что на ложе из

гладкого холодного камня.

Его окружило всепоглощающее озеро тьмы, которое становилось все глубже, и Валентин легко погружался в густую теплую маслянистую жидкость, чувствуя, как она приятно скользит по его ногам, животу, груди. Он чувствовал, что его засасывает водоворот, — совсем как в тот раз, когда его проглотил морской дракон. Так приятно отказаться от сопротивления… Да, это куда лучше, чем бороться… Так привлекательно, так маняще — отречься от всякой воли, расслабиться, принять все, что может случиться, позволить себе спускаться все ниже и ниже… Он устал… Он так долго боролся… Теперь он может отдохнуть и позволить черному прибою сомкнуться над ним. Пусть другие храбро сражаются за честь, за власть, за аплодисменты. Пусть другие…

Нет!!!

Так вот чего они хотели! Поймать его в ловушку собственных слабостей. Он слишком доверчив, слишком бесхитростен. Он ужинал с врагом, не зная этого, и почти погиб. Он погибнет окончательно, если откажется сейчас от усилий. Не время погружаться в теплые черные воды озера!

Он поплыл. Сначала с трудом, потому что озеро было глубоким, а черная жидкость, липкая

и тяжелая, обволакивала его руки. Но после нескольких взмахов Валентин сумел сделать так, чтобы его тело, как острое лезвие, разрезало плотную жидкость. Он двигался все быстрее, руки и ноги работали согласованно. Озеро, которое искушало его забвением, теперь поддерживало его и твердо держало на плаву, пока он быстро плыл к далекому берегу. Солнце, яркое, безмерное, пурпурно-желтое, пускало ослепительные лучи по воде, как огненные дорожки.

— Валентин!

Голос был низкий, раскатистый, как гром. Валентин не узнал его.

— Валентин, почему ты так упорно плывешь?

— Чтобы достичь берега.

— А зачем?

Валентин продолжал плыть. Он видел остров, широкий белый пляж, заросли высоких деревьев, лианы, плотно опутавшие их вершины. Он плыл и плыл, но до берега было еще далеко.

— Вот видишь, — вновь раздался тот же громовой голос. — Нет смысла пытаться!

— Кто ты? — спросил Валентин.

— Я лорд Спурифон.

— Кто?

— Лорд Спурифон, корональ, преемник лорда

Скоула, ныне понтифекса. Я советую тебе отказаться от этой глупости. Чего ты надеешься достичь?

— Горного замка, — ответил Валентин и поплыл быстрее.

— Но корональ — я!

— Я… никогда… не слышал… о тебе.

Лорд Спурифон издал резкий визгливый звук. Гладкая маслянистая поверхность озера зарябила и пошла складками, словно миллионы иголок втыкались в нее снизу.

Валентин заставил себя двигаться вперед, но опять изменил свое тело. Оно уже не напоминало лезвие, а стало чем-то тупым и упрямым — бревном с руками, пробивавшимся через водовороты.

Берег был уже близко. Валентин опустил ноги и нащупал внизу песок, горячий, зыбкий, убегавший из-под ног, но не настолько быстро, чтобы помешать Валентину выбраться на берег. Он выполз на пляж и на секунду встал на колени. Подняв глаза, он увидел бледного, худого человека, смотревшего на него печальными голубыми глазами.

— Я лорд Гунзимар, — тихо произнес человек, — корональ из короналей, которого никогда

не забудут, а это мои бессмертные спутники. — Он сделал знак, и берег заполнился мужчинами, очень похожими на него, — ничем не примечательными, неинтересными, незначительными. — Это лорд Струин, это лорд Пранкипин, лорд Мейк, лорд Скоул, лорд Спурифон, великие и могущественные коронали. Падай ниц перед ними!

Валентин засмеялся:

— О вас уже никто не вспоминает!

— Нет! Нет!

— Сколько писка!

Валентин указал на последнего в ряду.

— Ты, Спурифон! Все о тебе давно забыли!

— Будь так любезен — лорд Спурифон.

— А ты, лорд Скоул. Три тысячи лет начисто стерли воспоминания о твоей славе.

— Ты ошибаешься. Мое имя занесено в список властителей.

Валентин пожал плечами.

— Верно. Ну и что из того? Все вы — лорд Пранкипин, лорд Мейк, лорд Гунзимар — всего лишь имена, и ничего больше. Только имена…

— Только имена… — как эхо отозвались они тонкими, жалобными голосами и стали уменьшаться, сжиматься, пока наконец не превратились в крошечные существа, суматошно бегающие по

берегу и выкрикивающие свои имена резкими, визгливыми голосами. Затем они исчезли, и на их месте оказались маленькие, не крупнее жонглерских мячей, белые шары. Валентин наклонился, чтобы получше рассмотреть их, и увидел, что это черепа. Он подобрал их и стал подбрасывать в воздух, ловить и снова бросать, а они летали сверкающим каскадом. Их челюсти щелкали и дребезжали. Валентин усмехался. Сколькими он может жонглировать одновременно? Спурифон, Струин, Гунзимар, Мейк, Пранкипин и Скоул — всего шесть. Но за все прошлые тысячелетия существовали сотни короналей — по одному на каждые десять, двадцать, тридцать лет на протяжении почти ста десяти столетий. Он мог бы жонглировать всеми. В воздухе возникли самые великие — Конфалюм, Престимион, Стиамот, Деккерет, Пинитор, еще дюжина, сотня, — и всех он бросал и ловил. Никогда еще на Маджипуре не было такого искусного жонглера! Но теперь в его руках были уже не черепа: они превратились в сверкающие многогранные диадемы, в шары — тысячу имперских шаров, рассыпавших искрившийся свет во всех направлениях. Он безошибочно жонглировал ими, зная, какого правителя представлял каждый шар, — вот

лорд Конфалюм, вот лорд Спурифон, вот лорд Деккерет, — и бросал их вверх, так что они составили громадную перевернутую пирамиду света. Над головой золотоволосого улыбавшегося человека, крепко стоявшего на горячем песке сверкающего пляжа, танцевали все королевские особы Маджипура, и все возвращались к нему. Он поддерживал их всех. Вся история планеты находилась в его руках.

Ослепительные диадемы составили в вышине громадную Горящую Звезду.

Не переставая жонглировать, Валентин направился с пляжа по дюнам к плотной стене зарослей. Деревья расступались перед ним, освобождая путь и открывая взору ярко-красную мощеную дорогу, ведущую вглубь. Вдали он увидел низкие серые холмы предгорья, переходившие в гранитные уступы, за которыми вырастали зубчатые пики гигантской горной цепи, тянувшейся до середины континента. На самом высоком пике, на высоте столь величественной, что воздух вокруг него светился бледным переливающимся сиянием, возникающим лишь во снах, раскинулись мощные стены Замка. Валентин шел к нему, по-прежнему не переставая жонглировать. Мимо него по тропе проходили фигуры, уступали ему

дорогу, махали, улыбались и кланялись. Лорд Вориакс, Повелительница Снов, высокая мрачная фигура понтифекса Тиевераса — все они сердечно приветствовали его, и он тоже помахал им, не уронив ни одной диадемы, не нарушив четкого рисунка жонглирования. Вот он уже в предгорье и без усилий поднимается вверх. Вокруг него собирается толпа — все его друзья и множество других: хьорты, гэйроги, врууны, лиимены, торговцы, фермеры, рыбаки, акробаты, герцог Насимонт — предводитель разбойников, Тизана, Титаморн Суул и Дондак-Саямир, держащиеся за руки, толпа пляшущих метаморфов, шеренга драконьих капитанов с гарпунами, лесные братья, раскачивающиеся на деревьях вдоль тропы, — все поют, смеются, провожая его в Замок лорда Малибора, лорда Спурифона, лорда Конфалюма, лорда Стиамота, в Замок лорда Валентина…

Замок лорда Валентина…

Он уже почти достиг его. Хотя горная дорога круто идет вверх и над ней низко стелется густой туман, Валентин ускоряет шаг, подскакивает, бежит, жонглируя сотнями блестящих безделушек. Впереди возникают три громадных огненных столба. Подойдя ближе, он узнает их. Это Шинаам, Дилифон и Наррамир стоят бок о бок на его пути.

— Куда ты идешь? — спрашивают они хором.

— В Замок.

— В чей Замок?

— В Замок лорда Валентина.

— Кто ты?

— Спросите их, — говорит Валентин, показывая на танцующую за его спиной толпу. — Пусть они назовут вам мое имя!

— Лорд Валентин! — кричит Шанамир, первым приветствуя его.

— Он лорд Валентин! — вторят ему Карабелла, Слит и Залзан Кавол.

— Лорд Валентин, корональ! — вопят метаморфы, драконьи капитаны и лесные братья.

— Это правда? — спрашивают министры понтифекса.

— Я лорд Валентин, — мягко отвечает он.

Он высоко подбрасывает тысячу диадем, и они летят вверх, пока не скрываются во мраке, что живет между мирами. Оттуда они медленно плывут вниз, мерцающие и искрящиеся, как снежные хлопья на склонах северных гор, и когда касаются Шинаама, Дилифона и Наррамир, три министра мгновенно исчезают, оставив после себя лишь серебряный блеск, и ворота Замка раскрываются.

Глава 10

Валентин проснулся.

Он ощутил шерсть ковра под своим обнаженным телом, высоко вверху увидел остроконечные арки каменного потолка. Мир сна еще так явственно присутствовал в памяти, что Валентину на миг захотелось вернуться в него, и совершенно не хотелось находиться в этом помещении с затхлым воздухом и темными углами. Затем он сел и огляделся, стряхивая туман со своего разума.

Он увидел своих спутников: Слита, Карабеллу, Делиамбера, Залзана Кавола и Эйзенхарта. Напряженные и обеспокоенные, они столпились у дальней стены.

Он повернулся в другую сторону, рассчитывая увидеть трех министров, снова восседавших на своих тронах. Они и в самом деле были тут, но появилось еще два великолепных кресла, так что теперь перед Валентином сидели пятеро. Нарамир, уже одетая, расположилась слева. Рядом с ней сидел Дилифон. В середине Валентин увидел круглолицого мужчину с широким прямым носом и темными глазами. После секундного раздумья он узнал в нем Хорнкэста, главного

спикера понтифекса. Рядом с ним сидел Шинаам, а крайнее правое кресло занимал незнакомый Валентину человек — тонгогубый, с резкими чертами лица и серой кожей, иноземец. Все пятеро строго смотрели издали на Валентина, словно были членами тайного судилища и запаздывали с вынесением приговора.

Валентин встал, не делая попыток одеться. Почему-то казалось, что перед этим судилищем положено стоять обнаженным.

— Твой мозг ясен? — спросила Наррамир.

— По-моему, да.

— После того как кончился твой сон, ты проспал еще час. Мы ждали, когда ты проснешься. — Она указала на серокожего. — Это Сепултроув, врач понтифекса.

— Я так и подумал, — сказал Валентин.

— А этого человека ты, наверное, знаешь. — Она указала на того, кто сидел в центре.

Валентин кивнул:

— Да, это Хорнкэст. Мы встречались. — Широко улыбнувшись, он добавил: — Только тогда я выглядел по-другому. Вы признаете мои притязания справедливыми?

— Мы признаем твои притязания справедливыми, лорд Валентин, — мелодичным голосом

произнес Хорнкэст. — Великое и немыслимое преступление свершилось в этом мире, но все будет поправлено. Оденься. Тебе не пристало являться обнаженным перед понтифексом.

Хорнкэст возглавил процессию в имперский тронный зал. За ним шли Наррамир и Дилифон с Валентином посредине, Сепултроув с Шинаамом замыкали шествие. Спутникам Валентина не позволили сопровождать его.

Они шли по узкому, с высоким сводом туннелю из сияющего зеленоватого стекла, в глубине которого мелькали странные искаженные отражения. Туннель с легким уклоном уходил в глубину по спирали; через каждые пятьдесят шагов его полностью перегораживали бронзовые двери.

Хорнкэст прикасался пальцем к скрытой панели, и дверь бесшумно открывалась, пропуская их дальше. Наконец они дошли до двери, богато украшенной резным золотым символом Лабиринта и имперской монограммой Тиевераса над ним. Валентин знал, что это самое сердце Лабиринта, самая глубокая и центральная его точка. Когда открывшаяся от прикосновения Хорнкэста последняя дверь пропустила их, они оказались в просторной светлой сферической комнате с круглыми стеклянными стенами, где на роскошном

троне сидел понтифекс Маджипура.

Валентин видел понтифекса Тиевераса пять раз. Первый — когда Валентин был еще ребенком, а понтифекс прибыл в Горный замок на свадьбу лорда Малибора; второй — через несколько лет, на коронации лорда Вориакса; затем через год — на свадьбе Вориакса; четвертый раз — когда Валентин явился в Лабиринт по поручению брата, а последний — всего лишь три года назад, хотя казалось, что прошло тридцать лет, — когда Тиеверас приехал на коронацию Валентина. Понтифекс и при первой встрече с Валентином был уже стар: огромного роста, худой, отталкивающего вида человек с грубым угловатым лицом, с черной как смоль бородой и мрачными, глубоко посаженными глазами. Чем старше он становился, тем резче выделялись его характерные черты и он все больше походил на труп. Этот утративший гибкость, медленно передвигающийся, старый, как будто высохший человек оставался тем не менее внимательным, мудрым и по-прежнему мощным духом, он все еще излучал ауру безмерной власти и величия.

Но теперь… Теперь…

Трон, на котором сидел Тиеверас, был тот же, что и при первом посещении Валентином Ла-

биринта: роскошное золотое сиденье с высокой спинкой, к которому вели три широкие низкие ступени. Но теперь этот трон был заключен в шар из голубоватого стекла, в котором переплеталась сложная сеть поддерживавших жизнь трубок, образовавшая некое подобие кокона. Прозрачные трубки с цветными жидкостями, счетчики и шкалы, измерительные пластинки на щеках и лбу понтифекса, провода, соединения и зажимы — все это выглядело сверхъестественно и пугающе, потому что откровенно указывало: жизнь понтифекса сохранялась не в нем самом, а в приборах, окружавших его.

— И давно он так? — прошептал Валентин.

— Система разрабатывалась в течение двадцати лет, — с явной гордостью ответил Сепултроув, — но только последние два года он находится под ее контролем постоянно.

— Он в сознании?

— О да, определенно в сознании, — ответил врач. — Подойди ближе, посмотри на него.

Валентин неловко подошел и остановился в футе от трона, вглядываясь в удивительного старика в стеклянном пузыре. Да, он видел, что свет еще горит в глазах Тиевераса, бесплотные губы решительно сжаты. Кожа на черепе понтифекса

стала совсем пергаментной, а длинная борода, все еще на удивление черная, сильно поредела.

Валентин глянул на Хорнкэста.

— Он узнает людей? Он говорит?

— Конечно. Дай ему время.

Глаза Валентина встретились с глазами Тиевераса. Повисла страшная тишина. Старик нахмурился, зашевелился и быстро провел языком по губам. Затем он издал дрожащий звук, напоминающий одновременно и хныканье, и стон.

Хорнкэст объяснил:

— Понтифекс приветствует своего возлюбленного сына лорда Валентина, короналя.

Валентин с трудом подавил дрожь.

— Скажи его величеству… скажи ему… скажи, что его сын лорд Валентин, корональ, пришел к нему, как и всегда, с любовью и почтением.

Так было принято: никто никогда не говорил непосредственно с понтифексом, а только через главного спикера, который обязан был повторять все слова, хотя практически этого не делал.

Понтифекс снова пробормотал что-то столь же неразборчивое.

Хорнкэст передал:

— Понтифекс выражает озабоченность положением в королевстве. Он спрашивает, что

планирует предпринять лорд Валентин для восстановления надлежащего порядка вещей.

— Скажи понтифексу, что я собираюсь идти на Замковую гору и призвать на помощь всех граждан. Я прошу его указания заклеймить Доминина Барджазида как узурпатора и осудить всех, кто поддерживает его.

Понтифекс издал более воодушевленные звуки — резкие и высокие, наделенные, казалось, сильнейшей энергией.

— Понтифекс желает быть уверенным, — перевел Хорнкэст, — что ты постараешься по возможности избежать сражений и смертей.

— Скажи ему, я предпочел бы взять Замок, не потеряв даже одной жизни с той или другой стороны, но не знаю, удастся ли это мне.

Раздались странные булькающие звуки.

На лице Хорнкэста появилось озадаченное выражение. Он стоял, наклонив голову, напряженно вслушиваясь.

— Что он сказал? — шепотом спросил Валентин.

Главный спикер покачал головой.

— Не все сказанное его величеством можно истолковать. Иногда он заходит в недоступные для нашего понимания области.

Валентин кивнул. Он с жалостью и даже с любовью смотрел на фантастического старика, запертого в шаре, который поддерживал в нем жизнь, и способного общаться только такими стонами. Прожив более ста лет, в течение многих десятилетий пребывая на троне высшего монарха планеты, он теперь лепечет и булькает, как младенец… Плоть его охвачена разрушением… И все-таки где-то в глубине разлагающегося и размягчающегося мозга все еще живет разум прежнего Тиевераса. Всем своим теперешним видом он словно подтверждал бессмысленность высшего титула: корональ жил в мире обязанностей и моральной ответственности лишь для того, чтобы унаследовать понтифексат и в конце концов исчезнуть в Лабиринте и дожить до старческого слабоумия. Интересно, часто ли понтифексы становятся пленниками своих спикеров, врачей и толковательниц снов и легко ли отказаться от мира ради того, чтобы великое чередование властителей привело на трон более жизнеспособного человека? Теперь Валентин понял, почему система разделила исполнителя и правителя, почему понтифекс со временем скрывается от мира в этот Лабиринт. Придет и его время спуститься сюда, но, возможно, — да будет

на то воля Божества, — это случится не скоро.

Он вновь обратился к спикеру:

— Скажи понтифексу, что лорд Валентин, корональ, его почтительный сын, сделает все, что в его силах, чтобы спасти мир от хаоса. Скажи понтифексу, что лорд Валентин надеется на поддержку его величества, без которой его задача станет намного труднее.

Сначала на троне было молчание, потом полился долгий, болезненный, неразборчивый поток звуков, повышавшихся и понижавшихся, как мелодии гэйрогов. Хорнкэст напряженно вслушивался, то тут, то там улавливая обрывки смысла. Понтифекс замолчал, а смущенный Хорнкэст сжал челюсти и прикусил губу.

— Что все это значит? — спросил Валентин.

— Он думает, что ты лорд Малибор, — удрученно ответил Хорнкэст. — Он предупреждает тебя, чтобы ты не выходил в море охотиться на драконов.

— Мудрый совет, — кивнул Валентин, — но несколько запоздалый.

— Он сказал, что корональ слишком ценная фигура, чтобы рисковать жизнью в таких развлечениях.

— Скажи ему, что я согласен и что если снова

попаду в Замок, то вплотную займусь своими непосредственными делами и буду избегать любых опасных развлечений.

Врач Сепултроув выступил вперед.

— Мы утомили его. Боюсь, что аудиенцию придется закончить.

— Еще минутку, — попросил Валентин.

Сепултроув нахмурился, но Валентин с улыбкой подошел к самому подножию трона, встал на колени, протянул руки к древнему существу в стеклянном пузыре, вошел в транс и послал к Тиеверасу свой дух, источавший импульсы с выражением почтения и любви.

Любил ли кто-нибудь когда-нибудь грозного Тиевераса и был ли привязан к нему? Скорей всего, нет. Но много десятилетий этот человек был центром и душой Маджипура, и теперь, сидящий здесь, затерянный в безвременном сне правления, сознающий лишь иногда свою былую ответственность, он заслужил, чтобы его приемный сын и будущий преемник выказал ему такую любовь. И Валентин отдал ее полностью, насколько позволила мощь обруча.

И Тиеверас как бы окреп, глаза его засияли, щеки чуть заметно порозовели. Неужто эти дрожащие губы улыбнулись? Неужто левая рука

понтифекса слегка приподнялась в благословляющем жесте? Да! Да!! Да!!! Вне всякого сомнения, понтифекс почувствовал исходящую от Валентина волну тепла, обрадовался ей и откликнулся на нее.

Тиеверас коротко сказал что-то почти различимое.

Хорнкэст пояснил:

— Он говорит, что дарует тебе свою полную поддержку, лорд Валентин.

«Живи подольше, старик, — подумал Валентин, вставая и кланяясь. — Вероятно, тебе лучше бы уснуть вечным сном, но я желаю тебе еще более долгой жизни, даже сверх той, что ты уже прожил, потому что у меня еще много работы на Замковой горе».

Он повернулся к пяти министрам:

— Пошли. Я получил то, что мне нужно.

Они тихо вышли из тронного зала. Когда дверь за ними закрылась, Валентин спросил Сепултроува:

— Долго он может прожить так?

Врач пожал плечами:

— Практически неограниченно. Система отлично поддерживает его. Мы можем сохранять ему жизнь, время от времени поправляя кое-что,

еще в течение ста лет.

— Сто не обязательно. Но хорошо бы ему оставаться с нами еще лет двенадцать-пятнадцать. Вы можете это сделать?

— Рассчитывай на нас, — пообещал Сепултроув.

— Ну и хорошо.

Валентин посмотрел на сиявший винтовой проход. Он достаточно долго пробыл в Лабиринте. Пора вернуться в мир солнца, ветра и жизни и завершить дело с Доминином Барджазидом. Он обратился к Хорнкэсту:

— Отведите меня к моим людям и приготовьте все к отъезду. Но прежде я хотел бы детально выяснить, какие именно военные силы и вспомогательный персонал вы можете предоставить в мое распоряжение.

— Слушаюсь, мой лорд, — склонил голову главный спикер.

«Мой лорд». Это было первое подтверждение признания и покорности, которое он получил от министров понтифекса. Главное сражение еще впереди, но Валентин, услышав эти два слова, почувствовал себя так, словно уже обрел Замок.

Часть V
Книга замка

Глава 1

Из глубин Лабиринта Валентин со своими спутниками поднялся значительно быстрее, чем спустился туда, потому что по бесконечной спирали вниз продвигался никому не известный авантюрист, лавировавший между равнодушными чиновниками, а наверх возвращался властитель королевства.

Теперь для него не существовали извилистые переходы с уровня на уровень, с кольца на кольцо, все хитросплетения святая святых понтификата, Дома Записей, Арены и прочего. Лорд Валентин поднимался быстро и без задержек — по проходу, предназначенному только для высших властей.

Уже через несколько часов они достигли внешнего кольца — ярко освещенной, переполненной гостиницы на краю подземного города. Однако новость о том, что здесь, в Лабиринте, находится кораль, таинственным образом измененный, но тем не менее настоящий кораль, достигла внешнего уровня еще быстрее, и когда Валентин появился там, его уже ждала громадная толпа, разглядывавшая его, как невиданного зверя о девяти головах и тридцати ногах.

Толпа молчала. Кто-то сделал знак Горящей Звезды, кто-то выкрикнул его имя, но в основном все только глазели. Лабиринт был владением понтифекса, и Валентин понимал, что преклоняться перед короналем будут где угодно на Маджипуре, но только не здесь. Благоговейный страх — да, почтение — да, но прежде всего — любопытство. Никакого воодушевления и приветственных жестов, какие видел Валентин, когда корональ-узурпатор шествовал по улицам Пидруида. «Вот и хорошо», — подумал он. Он не привык быть объектом поклонения, да и не стремился к этому. Вполне достаточно, даже более чем достаточно, что его признали тем, кем он себя считал.

— Неужели все будет так легко? — спросил он Делиамбера. — Нужно просто ехать по Алханроэлю, объявляя себя настоящим лордом Валентином, и все само упадет мне в руки?

— Очень сомневаюсь. Барджазид носит облик короналя. Он держит печати власти. Здесь, внизу, если министры понтифекса признали, что ты корональ, граждане будут приветствовать тебя как короналя. Назови они тебя Хозяйкой Острова — и здешние жители наверняка будут приветствовать тебя как Хозяйку Острова. Думаю, вне Лабиринта все будет по-другому.

— Я не хочу кровопролития, Делиамбер.

— Никто не хочет. Но кровь прольется, прежде чем ты снова займешь трон Конфалюма. Этого не избежать, Валентин.

Валентин нахмурился:

— Я, кажется, скорее готов оставить власть Барджазиду, чем ввергнуть этот мир в хаос беспорядков. Мир — вот что я люблю, Делиамбер.

— Мир и будет, — сказал маленький колдун. — Но дорога к нему не всегда бывает бескровной. Смотри, твоя армия уже собралась.

Валентин увидел неподалеку толпу людей, частью знакомых, частью — нет. Здесь были все, кто шел с ним в Лабиринт, группа, собранная им во время путешествия по миру: скандары, Лизамон Халтин, Виноркис, Кхун, Шанамир, Лоривейд, телохранители Хозяйки Острова и прочие. Но среди собравшихся несколько сотен человек носили цвета понтифекса. Первое отделение — чего? Войска? У понтифекса не было войска. Гражданского ополчения? В любом случае — армии лорда Валентина.

— Моя армия, — произнес Валентин. Слово имело горький привкус. — Армия… Это откуда-то из времен лорда Стиамота, Делиамбер. Сколько тысяч лет прошло со времени последней войны

на Маджипуре?

— Долгое время все было спокойно, — ответил вруун, — но тем не менее маленькие армии существуют: телохранители Хозяйки Острова, слуги понтифекса… А как насчет рыцарей короналя? Чем ты их назовешь, если не армией? Они носят оружие, тренируются на полях Замковой горы. Кто они, Валентин? Лорды и леди, забавляющиеся играми?

— Я именно так и думал, когда был одним из них.

— Пора думать иначе, мой лорд. Рыцари короналя составляют ядро военной силы, и только глупец может не понимать этого. Ты вспомнишь мои слова, когда подойдешь поближе к Горе.

— Неужели Доминин бросит моих собственных рыцарей в сражение против меня? — ужаснулся Валентин.

Вруун бросил на него холодный взгляд.

— Человек, которого ты называешь Доминином Барджазидом, сейчас лорд Валентин, корональ, и рыцари Замковой горы клялись ему в верности. Или ты забыл об этом? Если тебе повезет, ты, может быть, сумеешь убедить их, что они клялись душе и разуму лорда Валентина, а не его лицу и бороде. Но некоторые все равно останутся верны-

ми тому, кого считают короналем, и его именем поднимут мечи против тебя.

Сама мысль об этом была неприятна. Когда память Валентина восстановилась, он не раз думал о тех благородных мужчинах и женщинах, с которыми вырос и учился, чьи привязанность и дружба были главными в его жизни до того, как узурпатор разбил эту жизнь. Смелый охотник Элидат из Морвола, золотоволосый проворный Стазилейн, Тонигорн — отличный лучник и многие другие — теперь для него только имена, тени из далекого прошлого, однако же эти тени могут обрести и жизнь, и силу. Неужели они выступят против него? Его друзья, его любимые товарищи прошлых дней… Что ж, если ему придется сражаться с ними за Маджипур, пусть будет так, но думать об этом не хотелось. Он покачал головой.

— Может, удастся избежать этого. Пошли. Нам пора уходить отсюда.

Возле входа, называемого вратами Вод, он встретился со своими ликовавшими приверженцами и с офицерами, которых предоставили в его распоряжение министры понтифекса. Похоже, это была способная команда, явно радовавшаяся возможности покинуть мертвые глубины Лабиринта. Их возглавлял невысокий, крепкого

сложения человек по имени Ирманар, с тугими завитками рыжеватых волос и короткой кудрявой остроконечной бородкой. Сложением, ловкостью движений и открытостью он напоминал Слита и мог бы сойти за его брата. Валентину он сразу понравился. Быстрым официальным жестом Ирманар сделал Валентину знак Горящей Звезды и тепло улыбнулся.

— Я буду рядом с тобой, мой лорд, пока ты снова не окажешься в своем Замке.

— Да будет легким наше путешествие на север, — ответил Валентин.

— Ты выбрал дорогу?

— На речном судне по Глэйдж быстрее всего, не правда ли?

Ирманар кивнул.

— В любое время, кроме осени. Осенью идут проливные дожди необычайной силы.

Он достал маленькую карту центрального Алханроэля. На лоскуте темной ткани блестящей красной краской были обозначены округа от Лабиринта до Замковой горы.

— Смотри, мой лорд. Глэйдж спускается с горы и впадает в озеро Рогуаз, а оно разливается до врат Вод. Как раз сейчас река слишком полноводная и бурная, и участок от озера до Пендивэйна

опасен на сотни миль. Я предлагаю идти по суше хотя бы до Пендивэйна, а там мы сможем сесть на корабль и добраться до верховьев Глэйдж.

— Разумно. Ты знаешь дорогу?

— Довольно хорошо, мой лорд. — Он ткнул пальцем в карту. — Многое зависит от того, насколько широко разлилась Глэйдж и так ли сильно затоплена равнина, как о том говорят. Я бы предпочел идти через долину Глэйдж вот так, обогнув озеро Рогуаз с севера и не отходя далеко от реки.

— А если долина залита?

— Тогда пойдем более дальней дорогой. Но земля там сухая, неприятная, почти пустыня. Трудно будет с провиантом. И там мы окажемся слишком близко к этому месту. — Он показал на карте точку к северо-западу от озера.

— Велализиер? — спросил Валентин. — Руины? Почему тебя это смущает, Ирманар?

— Это нездоровое место, мой лорд, дурное. Там заражен воздух, бродят духи, вопиющие о неотмщенных преступлениях. Мне не нравится то, что рассказывают о Велализиере.

— С одной стороны — наводнение, с другой — развалины, населенные призраками. Здорово, а? — Валентин улыбнулся. — А почему бы не

пойти на юг от реки?

— На юг? Нет, мой лорд. Ты помнишь пустыню, через которую ехал от Треймоуна? На юге много хуже: ни капли воды, никакой еды, только песок и камни. Я скорее пойду пешком через Велализиер, чем по южной пустыне.

— Выходит, у нас нет выбора? Остается только долина Глэйдж. Будем надеяться, она не очень сильно залита. Когда выступаем?

— Когда ты желаешь?

— Два часа назад, — сказал Валентин.

Глава 2

Незадолго до полудня армия лорда Валентина вышла из Лабиринта через врата Вод. Как и полагается правительственному входу, они были широкими и пышно украшенными. Жители Лабиринта собирались толпами, чтобы поглядеть, как выезжает лорд Валентин со своими спутниками.

Как хорошо было снова увидеть солнце, вдохнуть настоящий воздух — не сухой, жесткий воздух пустыни, а мягкий, сладкий воздух нижней долины Глэйдж. Валентин, находившийся в первой из длинной процессии парящих повозок, приказал открыть в ней окна.

— Воздух-то, как молодое вино! — воскликнул он. — Ирманар, как ты можешь жить в Лабиринте, зная, как чудесно за его пределами?

— Я родился в Лабиринте, — спокойно ответил офицер. — Мой род служил понтифексу в течение пятидесяти поколений. Мы привыкли к подземным условиям.

— Значит, свежий воздух тебе неприятен?

— Почему неприятен? — Ирманар удивился. — Нет, отнюдь. Я ценю его качества, мой лорд.

Просто он… Как бы это сказать? Я не испытываю в нем необходимости.

— А вот мне он необходим, — сказал Валентин и засмеялся. — Посмотри, как все кругом свежо и зелено!

— Осенние дожди несут жизнь этой долине, — заметил Ирманар.

— Как я понимаю, в этом году слишком много жизни, — вмешалась Карабелла. — Ты не знаешь, насколько сильно наводнение?

— Я послал вперед разведчиков, — ответил Ирманар. — Скоро узнаем.

Караван шел вперед по мирной, спокойной местности, чуть севернее реки. Здесь Глэйдж не выглядела неуправляемой — спокойный, извилистый поток, отливающий серебром в лучах солнца. Правда, это была еще не сама река, а нечто вроде канала, прорытого тысячи лет назад, чтобы связать озеро Рогуаз с Лабиринтом. Сама Глэйдж, как вспоминал Валентин, была куда более впечатляющей — быстрая, широкая, благородная река, но, конечно, едва ли не ручеек по сравнению с могучим Зимром. В первое свое посещение Лабиринта Валентин плыл по Глэйдж летом, причем достаточно засушливым, и река была достаточно спокойной. Но сейчас совсем

другой сезон, и Валентин не испытывал желания снова попасть в разлив — его воспоминания о ревущей Стейч были еще слишком свежи. Подайся они немного на север, и все было бы в порядке, пусть даже пришлось бы проехать через развалины Велализиера. Однако суеверный Ирманар был против.

В эту ночь Валентин впервые ощутил прямое противодействие узурпатора. Едва он уснул, как пришло послание от Короля Снов — зловещее, сильное. Сначала он почувствовал тепло, разливавшееся внутри головы, затем оно усилилось, превращаясь в жар. Жар быстро накапливался и перешел в пламя, яростно бившееся в стенки черепа. Яркая игла света пронзила его душу. За лобной костью ощущалась бешеная пульсация. Вместе с этими жуткими ощущениями пришло нечто еще более болезненное: его разум наполнился чувством стыда, сознанием провала и неудачи, вины за то, что он предал и обманул тех, кто выбрал его в правители.

Валентин принимал послание, пока мог терпеть эту муку. Но в конце концов с криком проснулся, весь в поту, дрожащий, чувствуя себя избитым не во сне, а наяву.

— Мой лорд! — шепотом окликнула его Кара-

белла.

Валентин сел и, не в силах произнести хоть слово, закрыл руками лицо. Карабелла прижала его к себе и погладила по голове.

— Послание, — выговорил он наконец. — От Короля Снов.

— Его уже нет, любимый, все прошло. Теперь уже все хорошо. — Она покачивалась, обняв его, и постепенно ужас и паника отступили. Он поднял глаза.

— Ужасное, — пояснил он, — хуже, чем в нашу первую ночь в Пидруиде.

— Не могу ли я чем-нибудь помочь?

— Не думаю. — Валентин покачал головой. — Король знает, где я, и теперь никогда не оставит меня в покое.

— Это был просто кошмар, Валентин…

— Нет. Это было послание от Короля, первое из многих.

— Я позову Делиамбера, — предложила она. — Может, он знает, что делать.

— Не уходи, Карабелла. Не оставляй меня.

— Но сейчас все в порядке. Пока ты не спишь, посланий не будет.

— Не оставляй меня, — бормотал он.

Но она успокоила его и убедила лечь снова, а

сама пошла за колдуном. Тот выглядел серьезным и расстроенным. Он коснулся Валентина и погрузил его в сон без сновидений.

В следующую ночь Валентин вообще боялся уснуть, но в конце концов сон пришел и снова принес послание, еще более ужасное, чем первое. В его голове кружились образы: пузыри света с отвратительными лицами, цветные шары, которые насмехались над ним и обвиняли его, в него вонзались серебряные копья жарких лучей. Затем появились метаморфы: странные, текучие, они махали ему тонкими длинными пальцами, визгливо хохотали и называли его трусом, слабаком, глупцом и простофилей. Отвратительные масленые голоса пели детскую песенку:

Старый Король Снов
На троне своем сидит —
Он никогда не спит,
Громких не любит слов.

Смех, нестройная музыка, едва различимый шепот… Пляшущие скелеты, мертвые братья скандара, призрачные, изувеченные, окликали его по имени…

Валентин заставил себя проснуться и несколько часов, осунувшийся и измотанный, бродил по

тесной повозке.

В следующую ночь пришло третье послание, хуже двух предыдущих.

«Что же мне — никогда больше не спать?» — спрашивал он себя. Он почти отчаялся, побледнел и измучился. И тогда на помощь к нему пришли Делиамбер и иерарх Лоривейд.

— Я слышала о твоих неприятностях — сказала она. — Разве Повелительница Снов не научила тебя защищаться с помощью обруча?

Валентин тупо взглянул на нее.

— Что ты имеешь в виду?

— Одна сила не имеет права нападать на другую, мой лорд. — Лоривейд коснулась обруча на его голове. — Если ты правильно воспользуешься им, он отразит атаку.

— А как?

— Готовясь ко сну, сплети вокруг себя стену силы, — сказала она. — Проецируй свою личность, заполни воздух вокруг себя своим духом, и тогда никакое послание не причинит тебе беспокойства.

— Ты научишь меня?

— Постараюсь, мой лорд.

Усталый и изможденный, он сумел спроецировать лишь тень силы, а уж о полном могуществе

короналя и речи быть не могло. И хотя Лоривейд добрый час обучала его обращаться с обручем, в эту ночь все-таки пришло четвертое послание. Однако оно было гораздо слабее предыдущих, Валентин смог защититься от него и наконец погрузиться в спокойный сон. Днем он чувствовал себя почти нормально и долго тренировался в обращении с обручем.

Послания приходили и в последующие ночи, но очень слабые, пробные, пытавшиеся отыскать брешь в его защите. Валентин отражал их со все возраставшей уверенностью. Первое время он находился из-за этого в постоянном напряжении, что сильно утомляло его. Было несколько ночей, когда он не чувствовал прикосновения щупалец Короля Снов, пытающихся проникнуть в его сонный разум, но тем не менее поддерживал свою защиту и продолжал оставаться невредимым.

Они ехали по долине Глэйдж еще пять дней, а на шестой вернулись разведчики Ирманара с новостями о том, что ждет их впереди.

— Наводнение не так сильно, как рассказывали, — сообщил Ирманар.

— Прекрасно, — обрадовался Валентин. — Значит, продолжаем двигаться к озеру и там садимся на корабль?

— Между нами и озером стоят вражеские силы, мой лорд.

— Силы короналя?

— По-видимому, мой лорд. Разведчики сообщили только, что поднялись на гребень Луманзар, чтобы взглянуть на озеро и окружающую его равнину, и увидели там расположившиеся лагерем отряды и внушительные силы моллиторов.

— Наконец-то война! — радостно закричала Лизамон.

— Нет, — сумрачно произнес Валентин. — До Замковой горы еще тысячи миль. Вряд ли мы можем начать сражение так далеко на юге. К тому же я надеюсь вообще избежать войны или хотя бы оттягивать ее как можно дальше.

— Что будем делать, мой лорд?

— Пойдем, как шли, на север по долине Глэйдж, но при малейшей попытке этой армии двинуться в нашу сторону свернем на северо-запад. Я надеюсь обойти ее, если возможно, и отплыть по реке, а они пусть себе сидят у озера и ждут, когда мы там появимся.

— Двигаться в обход? — Ирманар заморгал.

— Если я не ошибаюсь, Барджазид послал их охранять подступы к озеру. Они не пойдут за нами слишком далеко вглубь.

— Но там…

— Да, я знаю. — Валентин положил руку на плечо Ирманара и мягко сказал, вкладывая в слова всю теплоту и симпатию: — Прости меня, друг, но я думаю, мы сможем обойти их только через Велализиер.

— Я боюсь этих развалин, мой лорд, и не один я.

— Понятно. Но у нас есть могучий колдун и много храбрецов. Что может пара призраков против Лизамон Халтин, Кхуна с Кианимота, Слита, Карабеллы или Залзана Кавола? Позволим скандару слегка рявкнуть на этих призраков, и они будут бежать без оглядки до самого Стойена!

— Мой лорд, твое слово — закон, но я с детства слышал страшные рассказы о Велализиере.

— Ты когда-нибудь бывал там?

— Нет, конечно.

— А знаешь кого-нибудь, кто был там?

— Нет, мой лорд.

— Можешь ли ты точно знать, насколько опасно это место?

Ирманар поиграл завитками своей бороды.

— Нет, мой лорд.

— Но перед нами армия врагов и орда уродливых боевых моллиторов, верно? Еще неизвестно,

что могут сделать с нами призраки, зато мы отлично знаем, какие бедствия принесут нам боевые действия. Я считаю, лучше уклониться от битвы и встретиться с призраками.

— Я бы предпочел другой путь, — ответил Ирманар, пытаясь улыбнуться. — Но я буду рядом с тобой, мой лорд, даже если ты велишь мне идти пешком через Велализиер безлунной ночью. Можешь быть уверен в этом.

— Не сомневаюсь, — кивнул Валентин. — Уверяю тебя, Ирманар, мы выйдем из Велализиера невредимыми.

Какое-то время они продолжали двигаться по той же дороге, оставляя Глэйдж по правую руку от себя. Чем ближе к северу, тем выше становилась местность. Правда, это был пока еще не крутой подъем, отмечавший, как помнил Валентин, подножие Замковой горы, а всего лишь малозначимый уровень — ступень, внешняя складка гигантской выпуклости на теле планеты. Скоро река осталась уже в ста футах ниже — тонкая светлая нитка, окаймленная густыми зарослями кустарника. А над дорогой навис край длинного гребня.

Ирманар объяснил, что это гребень Луманзар и с его вершины видно очень далеко вокруг.

Вместе со Слитом, Делиамбером и Ирманаром Валентин поднялся по краю гребня, чтобы осмотреть лежавшую впереди местность. Располагавшиеся ниже природные террасы уровень за уровнем спускались от гребня к широкой равнине, в центре которой находилось озеро Рогуаз. Оно казалось огромным, как море. Валентин помнил, что оно большое, да оно и не могло быть иным, ведь Глэйдж собирала воду со всего юго-западного склона Замковой горы и несла ее в озеро, но его действительных размеров Валентин просто не помнил. Теперь ему стало понятно, почему городки по берегам озера строились на высоких сваях. Во время разливов здания оказывались в воде, и нижние этажи, вероятно, затапливало.

— Очень высокая вода, — сказал он Ирманару.

— Да, думаю, почти вдвое выше обычного. Нам, однако, рисовали еще более страшную картину.

— Как весьма часто и бывает. Где твои разведчики видели армию?

Ирманар оглядел горизонт в подзорную трубу. Вполне возможно, подумал Валентин, что воины вернулись на Гору, а может, разведчики ошиблись и никакой армии здесь не было вообще…

— Вон там, мой лорд, — указал Ирманар.

Валентин взял подзорную трубу. Сначала в

поле его зрения попадали только деревья, луга и потоки воды из переполненного озера, но Ирманар направил трубу, и он увидел армию. Невооруженным глазом можно было рассмотреть только скопище крошечных фигурок, похожих на муравьев, копошившихся неподалеку от озера.

Но это были отнюдь не муравьи.

Около тысячи воинов, может, сотен пятнадцать стояли лагерем на берегу. Не гигантская армия, но все же достаточно многочисленная для мира, в котором концепция войны почти полностью забыта. Она в несколько раз превосходила армию Валентина. Здесь же паслось около сотни моллиторов — массивных бронированных животных, искусственно выведенных в древние времена. На Замковой горе моллиторов часто использовали во время рыцарских турниров. На своих толстых коротких ногах они передвигались на удивление быстро и могли вызывать поразительно большие разрушения, когда, высовывая тяжелую голову из-под непробиваемого панциря, кусали, разрывали и топтали. Валентин видел, как они вскапывали поле сильными кривыми когтями, как неуклюже носились взад и вперед, сталкиваясь и в тупой ярости ударяя друг друга головами. Десяток этих животных перекроет дорогу лучше

любой стены.

— Мы могли бы напасть неожиданно, — предложил Слит, — послать один отряд, чтобы отвлечь моллиторов, а остальным обойти с другой стороны, пока…

— Нет, — возразил Валентин, — сражаться было бы ошибкой.

— Если ты думаешь, мой лорд, — настаивал Слит, — что завоюешь Замковую гору, никого пальцем не тронув, то ты…

— Я знаю, кровопролитие будет, — резко прервал его Валентин, — но я не хочу потоков крови. Эти отряды внизу — армия короналя. Помни это, и помни, кто настоящий корональ. Они не враги. Враг только Доминин Барджазид. Мы будем сражаться лишь тогда, когда нас к тому вынудят, Слит.

— Значит, как запланировано, изменим направление? — хмуро спросил Ирманар.

— Да. Мы пойдем на северо-запад, мимо Велализиера, затем обогнем дальнюю сторону озера и пойдем по долине к Пендивэйну, если нас там не ждет еще одна армия. Карты у тебя есть?

— Есть только карты долины и местности до половины пути к Велализиеру. Дальше там пустыня, мой лорд, и карты не понадобятся.

— Что ж, постараемся обойтись без них.

Когда караван направился к дороге, идущей от озера, Валентин подозвал к своей повозке разбойничьего герцога Насимонта.

— Мы движемся к Велализиеру, и, может быть, нам придется идти прямо через него. Тебе знакомы эти места?

— Я был там однажды, мой лорд, еще в молодости.

— Искал призраков?

— Искал сокровища древних, чтобы украсить свой дом в поместье. Нашел очень мало. Видимо, то место уже основательно разграбили, когда город пал.

— Значит, ты не боялся рыскать по городу призраков?

Насимонт пожал плечами:

— Я слышал легенды. Но я был молод и ничего не боялся.

— Поговори с Ирманаром. Скажи ему, что был в Велализиере и остался жив. Ты можешь проводить нас туда?

— Это было сорок лет назад, мой лорд, но я постараюсь.

Изучая заплатанные, неполные карты, данные Ирманаром, Валентин заключил, что един-

ственная дорога, которая позволит им избежать встречи с армией Барджазида, поджидающей их у озера, идет по краю разрушенного города, если не прямо через него. Валентин не жалел об этом. Развалины Велализиера, как бы ни пугали они легковерных, были, по всем сведениям, величественными. Кроме того, едва ли Доминин Барджазид поставит там свои отряды. Ситуация, возможно, даже обернется им на пользу, если узурпатор рассчитывает, что Валентин двинется по дороге вдоль Глэйдж. Если путешествие по пустыне будет не слишком тяжелым, они пройдут достаточно далеко к северу от реки и появятся возле Замковой горы, когда их совсем там не ждут.

«Пусть себе Велализиер выпускает навстречу нам всех духов, какие в нем есть, — думал Валентин. — Лучше обедать с призраками, чем спуститься по гребню Луманзар прямо в зубы моллиторов Барджазида».

Глава 3

Дорога от озера, пролегающая по чрезвычайно сухим местам, стала труднее, уже не была мощеной и постепенно превратилась в неровную тропу, посыпанную гравием, виляющую между невысокими холмами, отделявшими район Рогуаз от пустыни Велализиерской равнины. Темная плодородная почва равнины сменилась легким кирпично-красным песком, среди которого лишь изредка встречалась искривленная, колючая растительность.

Чтобы не приближаться к развалинам, Ирманар послал разведчиков в надежде найти подходящий путь на той стороне холмов, которая была обращена к озеру. Но такового не оказалось — только несколько охотничьих троп, непроходимых для повозок. Волей-неволей приходилось двигаться через холмы и спускаться в район, населенный духами.

Ближе к вечеру они начали спуск. Стали собираться тяжелые тучи, и закат расплылся по западной части неба, как громадное кровавое пятно. Перед наступлением темноты тройной темно-красный луч прорезал тучи, и странное

сияние разлилось по развалинам Велализиера.

Громадные блоки голубого камня устилали землю. Мощная стена, сложенная из монолитов в два, а в некоторых местах и в три ряда, тянулась больше чем на милю к западному краю города и внезапно заканчивалась беспорядочной грядой каменных кубов. Еще видны были контуры далеко друг от друга разбросанных зданий — дворцов, базилик и храмов, наполовину занесенных песком. На востоке устремлялись ввысь шесть колоссальных остроконечных пирамид с узким основанием, поставленных в один ряд, и остаток седьмой, которая, видимо, была разрушена сильным взрывом, потому что обломки лежали широкой дугой. Впереди, возле входа в город, возвышались две гигантские каменные площадки высотой восемь или десять футов, достаточно обширные для маневров солидной армии.

Вдали Валентин увидел громадное овальное здание, возможно, арену, с высокими стенами, с множеством окон и грубым рваным проломом в одном его конце. Масштабы всего, в том числе и пространства, поражали. По сравнению с этим местом безымянные руины с другой стороны Лабиринта, где обитал герцог Насимонт, казались совершенно незначительными.

Просвет в облаках внезапно исчез, и в наступившей темноте разрушенный город производил впечатление хаотического нагромождения бесформенных камней.

— Мой лорд, — обратился Насимонт к Валентину, — дорога идет между теми двумя площадками, затем через строения позади них и дальше вдоль шести пирамид с северо-восточной стороны. В темноте идти трудно, даже при лунном свете.

— Мы и не пойдем в темноте. Разобьем лагерь и будем ждать утра. Раз уж мы здесь, я хочу осмотреть развалины.

Ирманар приглушенно кашлянул. Валентин взглянул на маленького офицера, на его унылое лицо.

— Успокойся, — шепнул он. — Я думаю, духи позволят нам побыть сегодня здесь.

— Мой лорд, я не понимаю шуток по этому поводу.

— А я и не думаю смеяться, Ирманар.

— Ты хочешь идти к развалинам один?

— Один? Нет, не думаю. Делиамбер, пойдешь со мной? Слит? Карабелла? Залзан Кавол? И ты, Насимонт, ты уже бывал здесь и меньше боишься, чем кто-либо из нас, — пойдешь?

Главарь бандитов улыбнулся.

— Я в твоем распоряжении, лорд Валентин.

— Хорошо. А ты, Лизамон?

— Конечно, мой лорд.

— Вот у нас и набралась группа из семи исследователей. После ужина отправимся.

— Из восьми исследователей, мой лорд, — спокойно поправил его Ирманар.

— Едва ли имеется необходимость в… — нахмурился Валентин.

— Мой лорд, я дал клятву быть рядом с тобой, пока Замок вновь не станет твоим. Если ты идешь в мертвый город, я иду с тобой. Если опасность выдумана — бояться нечего, а если реальна — мое место рядом с тобой. Прошу тебя, мой лорд.

Ирманар, похоже, говорил совершенно искренне. Он был очень напряжен, но, как показалось Валентину, больше от опасений, что его не возьмут, чем от страха перед призраками, скрывающимися в развалинах.

— Прекрасно, — согласился Валентин. — Отряд из восьми человек.

В этот вечер луна была почти полной, и ее холодный свет безжалостно обнажал последствия тысячелетней заброшенности, которые не так бросались в глаза при более мягком, фантастическом красном свете заката. У входа они

увидели полустертую табличку с почти неразборчивой надписью, что Велализиер объявлен королевским заповедником по указу короналя лорда Симинэйва и понтифекса Калинтэйна. Но они правили пять тысяч лет назад, и после них, как видно, указа не слишком придерживались. Камни двух громадных площадок растрескались, стали шероховатыми, в щелях между плитами выросла мелкая трава с клейкими стеблями, с неистощимым терпением раздвигавшая громадные блоки. В некоторых местах расстояние между блоками позволяло укорениться даже кустарнику. Еще одно-два столетия — и кустарник захватит площадки, полностью скроет громадные квадратные плиты.

— Надо расчистить развалины, — сказал Валентин, — чтобы все выглядело так, как до появления этой растительности. Как могли допустить такое?

— Об этом месте никто не заботится, — пояснил Ирманар, — никто и пальцем его не касается.

— Из-за духов?

— Из-за метаморфов, — вмешался Насимонт. — Эти развалины вдвойне прокляты.

— Почему вдвойне?

— Разве ты не знаешь легенду, мой лорд?

— Нет. Расскажи.

— На этой легенде я вырос. Когда Маджипуром правили метаморфы, Велализиер был их столицей. Двадцать или двадцать пять тысяч лет назад это был самый крупный город на планете, с двумя или тремя миллионами жителей. Племена со всего Алханроэля платили ему дань. На этих площадках устраивали фестивали, а каждую тысячу лет проходил особый фестиваль, который отмечали постройкой пирамиды, так что городу было по крайней мере семь тысяч лет. Но в нем царило зло. Я не знаю, что именно метаморфы считали злом, но, во всяком случае, здесь оно процветало. Город служил прибежищем всякой мерзости. Метаморфы, жители провинций, испытывали к нему отвращение, потом стали возмущаться и в конце концов однажды выступили против города, сровняли с землей храмы и большую часть городских стен, уничтожили места, где творилось зло, а жителей города или выслали, или обратили в рабство. Точно известно, что никого не убивали. Дело в том, что тут было полно зарытых сокровищ — я говорил тебе, что и сам искал их, — и если б здесь оставались закопанные скелеты, их обнаружили бы. Так что этот город разрушили и покинули задолго до появления на

Маджипуре людей, и на нем лежит проклятие. Реки, питавшие город, были отведены, и вся равнина превратилась в пустыню. Пятнадцать тысяч лет здесь живут только призраки тех, кто умер при разрушении города.

— Рассказывай дальше, — попросил Ирманар.

Насимонт пожал плечами:

— Больше я ничего не знаю, друг.

— О призраках, — пояснил Ирманар. — Знаете ли вы, сколько времени им суждено бродить здесь? До тех пор, пока метаморфы опять не начнут править Маджипуром, а мы не станем их рабами. Тогда Велализиер снова выстроят на старом месте, и он будет больше, чем прежде, и снова станет столицей меняющих форму. И души мертвых наконец освободятся от камней, которые держат их здесь.

— Ну, им еще долго предстоит цепляться за камни, — сказал Слит. — Нас двадцать миллиардов, а метаморфов — горсточка, да и та живет в джунглях. Какая от них угроза?

— Они ждут уже восемь тысяч лет, — пожал плечами Ирманар, — с тех пор как лорд Стиамот сломил их силы, и будут ждать еще столько же, если понадобится. Но они мечтают о возрожденном Велализиере и не откажутся от своей мечты.

Я иногда слышал во сне, как они рассуждают о том дне, когда башни Велализиера поднимутся вновь, и это пугало меня. Вот почему я не хотел идти сюда. Я чувствую, как они следят за этим местом, чувствую вокруг нас их ненависть. Это как бы в воздухе, невидимое, но реальное…

— Значит, этот город для них одновременно и проклят, и свят, — задумалась Карабелла. — Что ж, неудивительно, что нам всегда так трудно их понять.

Валентин сошел с тропы. Город пугал и восхищал его. Он пытался представить себе, каким он был великим и пышным. А что теперь? По камням бегают ящерицы, сорная трава раздвигает плиты широких церемониальных улиц. Двадцать тысяч лет! А на что будет похожа Ни-мойя через двадцать тысяч лет, или Пидруид, или Пятьдесят Городов на склонах Замковой горы? Будет ли цивилизация, создавшая их, существовать вечно, подобно тому, как, если верить рассказам, живет цивилизация старой Матери-Земли, или когда-нибудь по развалинам Замка, Лабиринта, Острова Сна будут толпами ходить туристы и гадать, какое значение имели эти руины для древних обитателей планеты? «Мы поработали достаточно хорошо, — думал Валентин, огляды-

ваясь на тысячелетия мира и стабильности. — Но сейчас равновесие нарушено, привычный порядок вещей тоже, и нельзя предсказать, что может случиться. Побежденные и изгнанные метаморфы, чье несчастье заключалось в том, что они владели этой планетой, а ее облюбовал для себя другой, более сильный народ, — эти метаморфы могут все-таки посмеяться последними».

Он вдруг остановился. Что там за звук? Шаги? Среди камней мелькнула тень. Валентин пристально вгляделся в темноту. Скорее всего, это ночной зверь вышел на охоту. Ведь у призраков нет тени, да и самих призраков здесь нет. Их вообще нет.

Но все-таки…

Он осторожно сделал несколько шагов. Слишком темно, слишком много обломков разрушенных стен и извилистых проходов во все стороны. Он смеялся над Ирманаром, но страхи офицера, видимо, взбудоражили и его воображение. Он думал о суровых таинственных метаморфах, скользящих между развалинами, — привидениях, почти таких же старых, как сама планета, формах без тел, образах без субстанции…

Вдруг он услышал шаги за спиной, вполне явственные шаги…

Валентин резко обернулся. За ним бежал Ирманар, только и всего.

— Подожди, мой лорд!

Валентин остановился. Пальцы его, как ни странно, дрожали. Он спрятал руки за спину.

— Ты не должен ходить один, — сказал Ирманар. — Я знаю, ты несерьезно относишься к воображаемым мною опасностям, однако эти опасности все же могут существовать. Ради всех нас ты обязан беречь себя, мой лорд.

Подошли остальные, и все вместе молча продолжили путь через освещенные луной развалины. Валентин ничего не сказал о том, что видел и слышал. Конечно же, это было какое-то животное. И действительно, очень скоро все увидели каких-то зверьков, похожих на маленьких обезьянок, — может, родственников лесных братьев. Они, видимо, жили в разрушенных строениях. Тут же быстро сновали во мраке ночные животные низшего вида — минтоны или дроли. «Но разве могут дроли и обезьяны, — подумал Валентин, — издавать звуки, похожие на шаги?»

Более часа все восемь человек двигались в глубь руин. Валентин внимательно всматривался в расщелины и проходы, осторожно изучая колодцы тьмы. Когда они проходили возле об-

ломков базилики, Слит, шедший чуть поодаль, вдруг рванулся обратно и сообщил Валентину:

— Я слышал что-то странное вон там, сбоку.

— Привидение, Слит?

— Может быть. Или просто бандит.

— Или обезьянка, — легкомысленно сказал Валентин. — Я слышал всякие шорохи.

— Мой лорд…

— Ты заразился страхами Ирманара?

— Я думаю, мы уже провели тут достаточно времени, мой лорд, — напряженно шепнул Слит.

Валентин покачал головой.

— Будем внимательнее следить за темными углами. Но здесь есть на что посмотреть.

— Не лучше ли нам вернуться обратно, мой лорд?

— Не бойся, Слит.

Жонглер пожал плечами и отошел в сторону. Валентин вглядывался в темноту. Он вполне доверял острому слуху Слита, который жонглировал с завязанными глазами, руководствуясь только звуками, но уйти из этого места, полного чудес, только из-за того, что они слышали странные шаги, — нет, не стоит торопиться.

Валентин ни с кем не поделился собственными опасениями, однако шел с еще большей осторож-

ностью. Пусть призраков и не существует, но в этом таинственном городе необдуманно действовать нельзя.

И когда они исследовали одно из наиболее богато украшенных зданий, выделявшееся среди дворцов и храмов, Залзан Кавол, шедший впереди других, вдруг замер: к самым его ногам откуда-то сверху упал камень. Скандар выругался и пробурчал:

— Эти вонючие обезьяны…

— Нет, я думаю, не обезьяны, — спокойно возразил Делиамбер. — Это был кто-то более крупный.

Ирманар осветил фонариком нависавший край соседнего строения. На мгновение появившийся силуэт, напоминающий человека, быстро исчез. Лизамон рванулась к дальней стороне здания, за ней бросился Залзан Кавол, размахивая энергометом. Слит и Карабелла побежали с другой стороны. Валентин кинулся было за ними, но Ирманар с поразительной силой схватил его за локоть и проговорил при этом, словно извиняясь:

— Я не могу позволить тебе рисковать, мой лорд, если мы не знаем…

— Стой! — прогромыхал вдали голос Лизамон.

Затем послышался шум какой-то возни, кто-то

пробежал по камням отнюдь не легкими шагами призрака. Валентин очень хотел знать, что там происходит, но Ирманар был прав: кораль Маджипура не должен гнаться за неизвестным врагом в темноте среди мрачных развалин.

Он услышал ругань, крики и визгливый крик боли. Почти тут же появилась Лизамон, таща человека с эмблемой Горящей Звезды на плече. Она обхватила его поперек тела, и ноги пленника болтались дюймах в шести от земли.

— Шпион, — доложила она. — Прятался наверху и следил за нами. По-моему, их было двое.

— Где второй? — поинтересовался Валентин.

— Мог удрать. Залзан Кавол погнался за ним.

Лизамон бросила свою добычу на землю перед Валентином и прижала ногой.

— Пусть встанет, — приказал Валентин.

Человек встал. Он выглядел испуганным. Ирманар и Насимонт быстро обыскали его. Оружия не было.

— Кто ты? — спросил Валентин. — Что ты здесь делал?

Ответа не было.

— Говори. Мы не причиним тебе зла. У тебя на плече Горящая Звезда. Ты из армии кораля?

Неизвестный кивнул.

— Ты послан следить за нами?

Незнакомец опять кивнул.

— Ты знаешь, кто я?

Человек молча уставился на Валентина.

— Ты умеешь говорить? Язык у тебя есть? Скажи хоть что-нибудь, все равно — что.

— Я… Если я…

— Прекрасно. Говорить ты можешь. Ну, ты знаешь, кто я?

Пленник ответил шепотом:

— Сказали, что ты хочешь украсть трон у короналя.

— Нет, — возразил Валентин. — Ты ошибаешься, парень. Вор — тот, кто сидит сейчас в Замке. Я — лорд Валентин и требую от тебя преданности.

Человек посмотрел на него растерянно, непонимающе.

— Сколько вас тут?

— Пожалуйста, господин…

— Сколько?

Наступило угрюмое молчание.

— Давай, я ему руку немного покручу, — предложила Лизамон.

— Не надо, — запретил Валентин.

Он приблизился к испуганному человеку и мягко заговорил:

— Ты ничего не понимаешь, но со временем тебе все станет ясно. Я — истинный корональ, ты клялся служить мне, и теперь я требую ответа. Сколько вас здесь было?

На лице пленника отражались противоречивые чувства. Он медленно и неохотно ответил:

— Только двое, господин.

— Могу я тебе верить?

— Клянусь именем Повелительницы Снов, господин!

— Двое? Ладно. Давно вы следите за нами?

— С… с Луманзара.

— Каков был приказ?

Пленник снова заколебался.

— Наблюдать за вашими передвижениями и утром сообщить в лагерь.

Ирманар нахмурился.

— Значит, второй тип уже на полпути к озеру.

— Ты думаешь? — раздался хриплый голос Залзана Кавола.

Скандар шагнул вперед и бросил к ногам Валентина тело второго человека со звездной эмблемой. Энергомет прожег в нем сквозную дыру.

— Я гнался за ним с полмили, милорд. Проворный, дьявол! Он шустрее меня прыгал через кучи камней и уже начал отрываться. Я прика-

зал ему остановиться, но он продолжал бежать. Пришлось…

— Закопай его где-нибудь, — отрывисто приказал Валентин.

— Мой лорд, я плохо сделал, что убил его?

— У тебя не было выбора, — ответил Валентин уже более мягким тоном. — Я хотел, чтобы ты поймал его, но ты не мог, так что ничего другого не оставалось. Все в порядке, Залзан Кавол.

Валентин отвернулся. Убийство потрясло его, но по-иному и быть не могло. Этот человек умер только потому, что был предан короналю. Или тому, кого он считал короналем.

Гражданская война получила свою первую жертву. Кровопролитие началось здесь, в городе мертвых.

Глава 4

Всем сразу же расхотелось продолжать осмотр, и отряд вернулся в лагерь, прихватив с собой пленника. Утром Валентин отдал приказ идти через Велализиер и повернуть на северо-восток.

Днем развалины не казались столь уж таинственными, но все равно впечатляли. Трудно было понять, каким образом хилый народ мог без использования какой-либо техники передвигать эти гигантские плиты, но, возможно, тысячи лет назад метаморфы не отвергали механизмы. Меняющие форму, обитавшие в лесах Пиурифэйна, в тростниковых хижинах и на грязных улицах, были всего лишь жалкими остатками расы, некогда правившей Маджипуром.

Валентин дал себе обещание вернуться сюда, когда расправится с Доминином Барджазидом, затем чтобы детально обследовать древнюю столицу, очистить и реконструировать ее. Он хотел также пригласить метаморфских вождей принять участие в этой работе, хотя сильно сомневался, что они пожелают сотрудничать. Но что-то нужно сделать, чтобы найти общий язык с этой расой.

— Если я снова буду короналем, — сказал он Карабелле, — я намерен…

Они миновали пирамиды и выезжали из Велализиера.

— Когда ты снова будешь короналем, — поправила его Карабелла.

Валентин улыбнулся:

— Да, когда я снова буду короналем, я намерен изучить проблему метаморфов и, если это возможно, приобщить их к жизни всего Маджипура. Я готов даже дать им место в правительстве.

— Если они возьмут его.

— Я поставлю себе целью победить их злобу. И посвящу этому мое правление. Все наше общество, наше удивительное, гармоничное и сердечное королевство было основано на краже и несправедливости, и мы унаследовали привычку не замечать этого.

Слит искоса взглянул на него.

— Меняющие форму не использовали планету полностью. Когда наши предки пришли сюда, на всем этом огромном пространстве было всего двадцать миллионов метаморфов.

— Но эта планета принадлежала им! — вскричала Карабелла. — По какому праву…

— Успокойся, — остановил ее Валентин. — Не

стоит обсуждать поступки первых поселенцев. Что сделано, то сделано, прошлого не вернешь, но в наших силах изменить это, и если я снова стану короналем…

— Когда! — повторила Карабелла.

— Когда, — эхом отозвался Валентин.

Делиамбер заговорил тихо, но так, что привлек внимание всех:

— Возможно, все нынешние события — это начало возмездия за подавление метаморфов.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Валентин. Он был удивлен.

— Только то, что мы прошли долгий путь на Маджипуре, ничего не заплатив за грехи завоевателей. Как тебе известно, счет накапливает проценты. Теперь эта узурпация, зло, творимое новым короналем, предстоящая война, разрушение, хаос… Может быть, прошлое начинает наконец сводить с нами счеты.

— Валентин не причастен к подавлению метаморфов, — возразила Карабелла. — Почему это он должен страдать? Почему именно его сбросили с трона, а не какого-нибудь своевольного короналя прошлого?

Делиамбер пожал плечами:

— Сложно искать во всем этом справедливость.

А с чего ты взяла, что наказан бывает только виновный?

— Божество…

— А почему ты считаешь Божество справедливым? За долгое время все ошибки выправляются, каждый минус уравнивается плюсом, колонки подсчитываются, итог оказывается правильным. Но то за долгое время… Наш век короток, и в течение его многое часто бывает несправедливым. Компенсирующие силы Вселенной в конечном итоге подравнивают все счета, но в процессе этого они точно так же перемалывают добро, как и зло.

— Более того, — сказал вдруг Валентин, — вполне возможно, я выбран орудием компенсирующих сил природы, и ради достижения высшей цели мне необходимо страдать.

— В каком смысле?

— Если бы со мной не случилось ничего необычного, я, вероятно, правил бы на Замковой горе, как все прочие до меня, довольный собой, принимающий все, как оно есть, поскольку не видел бы никаких ошибок в установившемся порядке вещей. Но все эти приключения показали мне жизнь с той стороны, какая навсегда осталась бы для меня недоступной, останься я за стенами

Замка. Может быть, теперь я готов по-другому сыграть предназначенную мне роль… — Он помолчал. — Однако все это пустые разговоры. Первое, что нам надо сделать, — это вернуть Замок, а уж потом можно рассуждать о силах Вселенной и о тактике Божества.

Он оглянулся на Велализиер, проклятый город древних, разрушенный, но великолепный, раскинувшийся на заброшенной пустынной равнине, затем отвернулся и молча стал смотреть на менявшийся пейзаж впереди.

Дорога поворачивала к северо-востоку, потом шла вверх по гряде холмов и резко спускалась в плодородную долину Глэйдж у самой северной оконечности озера Рогуаз. Сейчас они находились в сотнях миль от лагеря армии короналя.

Ирманар, встревоженный присутствием в Велализиере двух шпионов, послал разведчиков проверить, не двинулась ли армия на север наперерез им. Валентин счел это разумным, но решил провести и собственную разведку.

— Наведи чары, — обратился он к Делиамберу, — чтобы я знал, где ожидает нас вражеская армия. Можешь?

Яркие золотые глаза врууна весело блеснули.

— Могу ли? Упряжное животное может есть

траву? Морской дракон может плавать?

— Тогда сделай.

Делиамбер отошел в сторону, зашептал что-то и замахал щупальцами, свивая и переплетая их самыми замысловатыми узорами. Валентин подозревал, что большая часть колдовства Делиамбера рассчитана на зрителей, что настоящая передача зависит не от размахивания щупальцами и произнесения формул, а только от броска проницательного и сенситивного разума колдуна. Но так и должно быть. Пусть себе вруун разыгрывает свой маленький спектакль. Немножко актерства всегда было необходимо не только колдунам и жонглерам, но и короналю, понтифексу, Хозяйке Острова, Королю Снов, толковательницам снов, учителям священных таинств, может быть, даже таможенникам провинциальных границ и продавцам сосисок в уличных ларьках. Занимаясь серьезным делом, нельзя быть чрезмерно прямым и резким, следует хоть чуть-чуть вуалировать свои поступки магией, театральностью.

— Отряды короналя, похоже, остались там, где стояли лагерем, — наконец сообщил Делиамбер.

— Вот и хорошо. Пусть торчат там подольше, ожидая, когда мы вернемся с нашей экскурсии

по Велализиеру. Ты можешь обнаружить другие армии к северу отсюда?

— На большом расстоянии не могу. Я чувствую присутствие рыцарских сил, собравшихся на Замковой горе, но они всегда там. Небольшие отряды имеются кое-где в Пятидесяти Городах, но в этом тоже нет ничего особенного. У короналя еще есть время. Он сидит себе в Замке и ждет, когда ты подойдешь, чтобы затем объявить великую мобилизацию. Что ты будешь делать, Валентин, когда миллионы воинов спустятся с Замковой горы?

— Ты считаешь, я не задумывался над этим?

— Знаю, что задумывался, но этого недостаточно. Надо хорошо все взвесить, ведь нас сотни против миллионов.

— Миллион — неудачная мера для армии, — весело ответил Валентин. — Жонглировать дубинками много легче, чем стволами двикка-деревьев. Тебя пугает то, что ждет нас впереди, Делиамбер?

— Нисколько.

— И меня тоже.

Конечно, эти слова были бравадой. Валентин и сам это понимал. Боялся ли он? Всерьез — нет. Рано или поздно смерть все равно придет, и бояться ее глупо. Валентин мог с уверенностью

заявлять, что смерть ему не страшна, потому что стоял лицом к лицу с нею в лесу близ Авендройна, в быстринах Стейч, в брюхе морского дракона, в драке с Фарссалом на Острове, не испытывая при этом чувства, которое можно было бы назвать страхом. Если армия, поджидающая их на Замковой горе, уничтожит его немногочисленный отряд, да и его самого, это, конечно, будет печально, как печально было бы разбиться на порогах Стейч, но это не ужасало его. Страх за собственную жизнь был гораздо слабее, чем страх за судьбу Маджипура. Если он, Валентин, погибнет — от неуверенности, глупости или просто от неравенства силы, — Замок останется в руках Барджазидов и ход истории навсегда изменится. Пострадают миллиарды невинных. Предотвратить подобный ход вещей — великая ответственность, и Валентин чувствовал ее тяжесть. Если он геройски погибнет, пытаясь подняться на Замковую гору, его испытаниям придет конец, но это станет началом агонии Маджипура.

Глава 5

Теперь они ехали через мирные сельские округа по периметру обширного сельскохозяйственного пояса вдоль Замковой горы, снабжавшего продуктами Пятьдесят Городов. Валентин нарочно выбирал главные дороги. Время секретности закончилось, караван бросался в глаза, скрыть его едва ли было возможно, да и пришла пора узнать миру, что борьба за обладание Замком лорда Валентина вот-вот начнется.

И мир уже начал узнавать об этом. Разведчики Ирманара, вернувшись из города Пендивэйна, располагавшегося выше по Глэйдж, принесли известие о первых контрмерах узурпатора.

— Между нами и Пендивэйном нет армий, — доложил Ирманар, — но в городе объявлено, что ты мятежник, разрушитель, враг общества. Заявление понтифекса о том, что он поддерживает тебя, кажется, еще не оглашалось. Граждан Пендивэйна принуждают объединяться в отряды, чтобы защищать их подлинного короналя и истинный порядок вещей от твоих посягательств. Кроме того, широко распространяются послания.

— Какие? — Валентин нахмурился.

— От Короля. Это же очевидно: стоит только хоть ненадолго заснуть, и Король уже тут как тут — он присутствует в твоих снах и жужжит тебе о преданности и о страшных последствиях, если кораль будет скинут.

— Естественно, — пробормотал Валентин. — Король поддерживает сына всей своей энергией. Оттуда, из Субраэля, наверное, день и ночь шлют послания. Но мы повернем это против него, а, Делиамбер? Король Снов говорит народу о том, как ужасно скинуть кораля. Прекрасно. Я хочу убедить народ именно в этом. Я хочу довести до него, что это уже произошло на Маджипуре и что народ в силах вновь поставить все на свои места.

— И что Король Снов заинтересованная сторона в этой войне, — добавил Делиамбер. — Мы должны объяснить народу, что выигрывает Король от изменнических действий своего сына.

— Мы это сделаем, — горячо заявила Лоривейд. — С Острова с удвоенной силой идут послания от Повелительницы Снов. Они противодействуют разрушительным посланиям Короля. В прошлую ночь Повелительница пришла ко мне во сне и показала, какое послание она направит. Оно расскажет о событиях в Тил-омоне, о подмене

короналя. Она покажет народу и твое новое лицо, лорд Валентин, и окружит его сиянием короналя, Горящей Звездой власти. В этом послании будет и портрет фальшивого короналя, предателя с темной душой.

— Когда это будет? — спросил Валентин.

— Она ждет твоего одобрения.

— Тогда сегодня же открой свой разум Повелительнице Снов и скажи ей, что пора начинать.

— Мне так странно слышать все это! — вмешался в разговор Кхун с Кианимота. — Война снов! Если у меня и были когда-нибудь сомнения в том, что этот мир чужд и непонятен мне, все, что я узнал за последнее время, развеяло бы их полностью.

— Лучше сражаться снами, чем мечами и энергометами, дружище, — с улыбкой ответил Валентин. — Мы стараемся убеждать, а не убивать.

— Война снов, — растерянно повторил Кхун. — У нас на Кианимоте все по-другому. Но кто скажет, что лучше? Правда, я думаю, здесь будут не только послания, но и сражения, прежде чем все наладится, лорд Валентин.

Валентин печально взглянул на синекожее существо.

— Боюсь, ты прав.

Через пять дней они подошли к предместьям Пендивэйна. Известие об их приближении разнеслось по всей округе. Фермеры прекращали работу на полях и таращили глаза на караван парящих повозок, а в наиболее населенных секторах на дорогах собирались толпы.

Валентин считал, что все пока идет неплохо. Ни одна рука не поднялась против них. Толпа смотрела с любопытством, но без всякой угрозы. Большего он не мог желать.

Однако когда до Пендивэйна оставался день пути, передовой отряд вернулся с известием, что у западных ворот города ждет вооруженный отряд.

— Солдаты? — спросил Валентин.

— Гражданское ополчение, — ответил Ирманар, — судя по их виду, наскоро организованное. У них нет формы, только повязки с эмблемой Горящей Звезды на рукаве.

— Великолепно. Горящая Звезда посвящена мне. Я пойду к ним и попрошу их преданности.

— Что ты наденешь, милорд? — спросил Виноркис.

Валентин рассеянно указал на простую одежду, в которой приехал с Острова, — белую тунику с

поясом и легкую верхнюю блузу.

— Это, я полагаю.

Хьорт покачал головой.

— Ты должен быть одет богато и обязательно в короне. Я думаю, это очень важно.

— Я не хотел пышно обставлять свое появление. Если они увидят человека в короне, но с лицом не лорда Валентина, которого они знают, их первой мыслью будет, что я узурпатор. Ведь так?

— Я думаю иначе, — возразил Виноркис. — Ты идешь к ним, чтобы сообщить, что ты истинный корональ. Но ты не похож на него. Простая одежда и непринужденные манеры могут завоевать тебе друзей в спокойной беседе, но не убедят собравшуюся военную силу. Ты должен выглядеть впечатляюще.

— А я как раз и надеялся на простоту и искренность, как действовал всегда, начиная с Пидруида.

— Простота и искренность — это пожалуйста, но еще и корона, — настаивал Виноркис.

— Карабелла, Делиамбер, что вы советуете?

— Небольшая подчеркнутость не повредит, — сказал вруун.

— Это будет твое первое выступление с предъявлением своих прав на Замок, — добавила

Карабелла, — и немного царственной пышности тебе, по-моему, не повредит.

Валентин засмеялся.

— Боюсь, за многие месяцы странствий я отвык от таких костюмов. Мысль о короне мне и теперь кажется комичной. Украшение из изогнутого металла, напяленное на голову, немного драгоценностей…

Он остановился, видя, как они разинули рты.

— Корона, — продолжал он уже чуть серьезнее, — просто безделушка. На детей такие игрушки производят впечатление, но взрослые горожане…

Он снова умолк.

— Мой лорд, — обратился к нему Делиамбер, — помнишь ли ты, что почувствовал в Замке, когда к тебе пришли и впервые надели на тебя корону?

— Признаюсь, у меня дрожь прошла по телу.

— Да. Пусть корона — детское украшение, безделушка, но она также — символ власти, она выделяет короналя из всех прочих, превращает просто Валентина в лорда Валентина, наследника лорда Престимиона, лорда Конфалюма, лорда Стиамота. Мы живем этими символами. Мой лорд, твоя мать многое вернула тебе от той

личности, которой ты был до Тил-омона, но в тебе еще очень много от Валентина-жонглера, и в общем-то это неплохо. Но сейчас, я полагаю, нужно больше экспрессивности и меньше простоты.

Валентин молча слушал Делиамбера и думал, что иногда можно позволить себе некоторую театральность, чтобы добиться желаемого эффекта. Да, они правы, а он ошибается.

— Хорошо, я надену корону, если ее сумеют быстро изготовить.

Один из людей Ирманара сделал для него корону из кусочков испорченного механизма парящей повозки — единственного запаса металла, который оказался под руками. Рассматривая своеобразное изделие, Валентин подумал, что это работа мастера: все соединения выполнены искусно, лучи Горящей Звезды располагаются на равном расстоянии друг от друга. Конечно, ее нельзя сравнивать с подлинной короной из семи различных драгоценных металлов, с инкрустацией и гравировкой, с отшлифованными редкими камнями, с тремя сверкающими камнями диниаба. Но та корона, сделанная в великое царствование лорда Конфалюма, вызывавшая восторг более всех атрибутов имперской пышности, была сейчас далеко, а эта, украсив его

освященную голову, вероятно, придаст ему соответствующее величие. Валентин долго держал ее в руках. Еще вчера он смеялся над этой игрушкой, однако сегодня испытывал перед ней некоторое благоговение.

— Мой лорд, — мягко напомнил Делиамбер, — ополчение Пендивэйна ждет.

Валентин кивнул. Он облачился в позаимствованный сразу у многих пышный костюм: зеленую пару, принадлежавшую одному из товарищей Ирманара, желтый плащ, данный ему Эйзенхартом, тяжелую золотую цепь иерарха Лоривейд, высокие блестящие сапоги, отделанные белым мехом, которые принес ему Насимонт. Он не наряжался с того злосчастного банкета в Тил-омоне, когда был еще в другом теле, и ему казалась странной столь претенциозная одежда. Не хватало только короны.

Валентин хотел было надеть ее, но вдруг резко остановился. Нравится ему это или нет, но момент поистине исторический: он надевает Горящую Звезду впервые в своем втором воплощении. И вдруг это событие показалось ему не столько маскарадом, сколько коронацией. Он беспокойно огляделся вокруг.

— Я не должен сам надевать ее, — быстро прого-

ворил он. — Делиамбер, ты мой первый министр. Сделай это.

— Мой лорд, я недостаточно высокого роста.

— Я встану на колени.

— Это не годится, — ответил вруун чуть резко.

Он явно не хотел это делать.

Валентин взглянул на Карабеллу, но та отступила, шепнув с ужасом:

— Я же из простонародья, мой лорд!

— При чем тут…

Валентин тряхнул головой. Это начало ему надоедать. Он посмотрел на иерарха Лоривейд, величавую женщину с холодными глазами.

— Ты представительница Хозяйки Острова Сна, моей матери, и ранг твой достаточно высок. Могу я просить тебя…

Но Лоривейд строго произнесла:

— Мой лорд, корона дается короналю властью понтифекса. Самое подходящее, чтобы ее надел на тебя Ирманар, поскольку он самый высокопоставленный представитель понтифекса среди нас.

Валентин вздохнул и повернулся к Ирманару.

— Полагаю, это правильно. Ты согласен?

— Это великая честь для меня, мой лорд.

Валентин протянул корону Ирманару и опу-

стил обруч Хозяйки как можно ниже. Ирманар, человек невысокого роста, взял корону в чуть дрожащие ладони, поднял руки и с величайшей осторожностью надел символ власти на голову Валентина.

Корона оказалась как раз впору.

— Ну вот, — сказал Валентин. — Я рад, что она…

— Лорд Валентин! Виват, лорд Валентин! Да здравствует лорд Валентин!

Все упали перед ним на колени, делая знак Горящей Звезды и выкрикивая его имя, — все: Слит, Карабелла, Виноркис, Лоривейд, Залзан Кавол, Шанамир, Насимонт, Эйзенхарт, Ирманар и даже, к его удивлению, Кхун с Кианимота.

Смущенный Валентин протестующе замахал руками и хотел сказать, что это не настоящая церемония, что это все только для того, чтобы произвести впечатление на горожан Пендивэйна, но слова застряли у него в горле, потому что он знал: это импровизированное действие было фактически его второй коронацией. Он ощутил холод в спине и дрожь.

Валентин стоял, простирая руки и принимая знаки почтения. Затем он сказал:

— Встаньте. Идемте, друзья. Пендивэйн ждет

нас.

Разведчики доложили, что ополчение и городские власти уже несколько дней стоят лагерем перед западными воротами Пендивэйна, ожидая его прибытия. Но кто знает, каково настроение народа после столь долгого ожидания и какой прием собираются оказать Валентину…

До Пендивэйна оставался всего час езды. Они быстро продвигались вперед через леса и широкие луга, а затем через жилые поселки с маленькими каменными домами с островерхими крышами из красной черепицы. И вот показался сам город, столица провинции с населением в двенадцать или тринадцать миллионов. В основном он был торгово-промышленным, но через него в Пятьдесят Городов шли и потоки сельскохозяйственной продукции из низин долины Глэйджа.

У ворот их встречало по крайней мере десятитысячное ополчение. Оно заполнило дорогу, рассыпалось по проулкам рыночной площади, приютившейся у внешней стены Пендивэйна. Вооружение его составляло небольшое количество энергометов и более простое оружие. Передние ряды стояли в напряженных позах и старались держаться с достоинством, как истинные воины,

хотя было очевидно, что они явно не привыкли к солдатским манерам. Валентин приказал каравану остановиться в нескольких сотнях ярдов от передней линии, чтобы между ними было свободное пространство — нечто вроде буферной зоны.

Нарядно одетый, с короной на голове, он выступил вперед. Справа от него шла Лоривейд в сверкающем облачении высших иерархов Хозяйки Острова Сна, а слева — Ирманар с яркой эмблемой понтифекса на груди. За Валентином шли Залзан Кавол и его устрашающего вида братья, позади них — Лизамон Халтин в полном боевом облачении со Слитом и Карабеллой по бокам. Аутифон Делиамбер сидел на плече у великанши.

Медленным, легким и в то же время несомненно величественным шагом Валентин ступил на открытое пространство. Горожане Пендивэйна зашевелились, смущенно переглядываясь, облизывая пересохшие губы, переминаясь с ноги на ногу и вытирая ладони о грудь или плечи. Наступила устрашающая тишина.

Валентин остановился в двадцати ярдах от передовой линии и обратился к толпе:

— Добрые люди Пендивэйна, я законный корональ Маджипура и прошу вас помочь возвратить

то, что было даровано мне волею Божества и указом понтифекса Тиевераса.

Тысячи широко открытых глаз неотрывно смотрели на него. Он чувствовал себя совершенно спокойно.

— Я прошу выйти вперед герцога Хольмсторга Глэйджского и Редварда Хэлигорна, мэра Пендивэйна.

Толпа зашевелилась, раздалась и пропустила полного мужчину в синем с оранжевой отделкой мундире. Лицо его казалось серым — от страха или от напряжения. Черная перевязь мэра пересекала его широкую грудь. Он сделал несколько неуверенных шагов к Валентину, яростно сигналя за спиной и стараясь, чтобы этот жест не видели стоявшие перед ним. Через минуту пять или шесть муниципальных чиновников смущенно и неохотно встали позади мэра.

Толстяк сказал:

— Я Редвард Хэлигорн. Герцога Хольмсторга вызвали в Замок лорда Валентина.

— Мы уже встречались, мэр Хэлигорн, — приветливо сказал Валентин. — Не помнишь? Это было несколько лет назад, когда короналем был мой брат лорд Вориакс, а я ехал в Лабиринт с поручением к понтифексу. Я остановился в

Пендивэйне, и ты устроил в мою честь банкет в большом дворце на берегу реки. Помнишь, мэр Хэлигорн? Было лето, засушливый год, река сильно обмелела, не то что нынче.

Хэлигорн облизнул губы и прохрипел:

— Да, тот, кто стал лордом Валентином, был здесь в сухой год, но он был черноволос и бородат.

— Правильно. Совершено страшное колдовство, мэр Хэлигорн. Теперь Горный замок занял предатель, а меня изгнали, изменив мою внешность. Но я лорд Валентин и властью Горящей Звезды, которую ты носишь на рукаве, требую, чтобы ты принял меня как короналя.

Хэлигорн совсем растерялся. Ему явно хотелось бы находиться сейчас в любом другом месте, даже в коридорах Лабиринта или в жарких пустынях Суврaэля.

Валентин продолжал:

— Рядом со мной иерарх Лоривейд с Острова Сна, ближайшая наперсница моей матери, Повелительницы Снов. Как ты думаешь, станет она обманывать тебя?

Иерарх подтвердила ледяным тоном:

— Это истинный корональ, и Повелительница лишит своей божественной любви тех, кто ему

противостоит.

— А вот стоит Ирманар, высший служащий понтифекса Тиевераса, — показал Валентин.

— Вы все слышали, — уверенно заговорил Ирманар, — указ понтифекса, гласящий, что этого белокурого человека следует приветствовать как лорда Валентина, короналя. Кто из вас выступит против указа понтифекса?

На лице Хэлигорна застыл ужас. Иметь дело с герцогом Хольмсторгом Валентину, вероятно, было бы труднее. Человек высокого происхождения, весьма надменный, тот вряд ли мог так легко смутиться при виде самодельной короны и столь малочисленного отряда случайным образом подобранных спутников. Но для Редварда Хэлигорна, простого выборного чиновника, много лет занимавшегося только устройством банкетов да дебатами о налогах на товары, это оказалось суровым испытанием. Он пробормотал едва слышно:

— Был приказ из Замка лорда Валентина, чтобы тебя схватить, связать и представить на суд.

— В последнее время из Замка лорда Валентина исходило немало неразумных, несправедливых и несвоевременных приказов, не так ли, мэр Хэлигорн? — сказал Валентин. — Это приказы

узурпатора, они ничего не стоят. Ты слышал повеления Хозяйки Острова Сна и понтифекса. Ты получал послания, требующие от тебя покорности мне.

— Были и другие послания, — прошептал Хэлигорн.

— Да, от Короля Снов! — Валентин засмеялся: — А кто узурпатор? Кто украл трон короналя? Доминин Барджазид, сын Короля Снов! Теперь тебе ясны послания из Сувраэля? Ты понимаешь теперь, что произошло на Маджипуре?

Валентин заставил себя впасть в транс и затопил беспомощного Хэлигорна силой своего духа, полным посланием наяву от короналя.

Хэлигорн зашатался. Лицо его пошло красными пятнами. Он отступил и, чтобы удержаться на ногах, ухватился за своих товарищей, но тех тоже настигла волна послания, и они сами едва стояли.

— Поддержите меня, друзья, — попросил Валентин. — Откройте мне ваш город. Отсюда я пойду на завоевание Замковой горы, и велика будет слава Пендивэйна, первого города на Маджипуре, восставшего против узурпатора!

Глава 6

Так Пендивэйн пал без единого удара. Редвард Хэлигорн, растерянный, с таким выражением на лице, будто у него в животе пищит только что проглоченная стойензарская устрица, преклонил колени перед Валентином и сделал знак Горящей Звезды, затем то же самое повторили два его заместителя. Внезапно тысячи людей стали оказывать знаки почтения и сначала робко, а потом все увереннее выкрикивать:

— Валентин! Лорд Валентин! Да здравствует лорд Валентин, корональ!

Врата Пендивэйна широко распахнулись.

— Слишком уж легко, — шепнул Валентин Карабелле. — Может, так получится и на Замковой горе? Застращаю одного-двух жирных мэров и без всяких усилий получу обратно трон?

— Вряд ли, — ответила она. — Наверху тебя ждет Барджазид с телохранителями — его не запугаешь словами и не убедишь театральными эффектами. Сражаться придется, Валентин!

— Пусть была бы только одна битва!

Она слегка коснулась его руки.

— Ради тебя хочу надеяться, что будет только

одна, и притом небольшая!

— Не ради меня, а ради всей планеты. Я не хочу, чтобы мой народ погибал, исправляя зло, причиненное нам Доминином Барджазидом.

— Никогда не думала, что у короналя может быть такое доброе сердце, милый.

— Карабелла…

— Ты только что выглядел таким опечаленным…

— Я боюсь грядущего.

— Грядущее — это необходимая борьба, радостная победа и восстановление порядка. Если ты хочешь быть настоящим короналем, поприветствуй свой народ, улыбнись и сгони с лица трагическое выражение.

Валентин кивнул.

— Да, ты права.

Он взял ее за руку и с нежностью быстро провел по ней губами. Повернувшись к толпам людей, выкрикивающих его имя, он поднял руки в знак приветствия.

Было до странности знакомо и приятно въезжать в большой город, где на улицах тут же собралась ликующая толпа. Он вспоминал — хотя это больше походило на воспоминание о сне — начало своего великого церемониально-

го шествия. Вот он плывет по реке до Алаизора на западном берегу, потом на Остров — преклонить колени перед матерью во Внутреннем храме, затем — морское путешествие в Зимроэль. Народ приветствовал его в Пилиплоке, Велатисе, Нарабале, расположенных в живописных ярких тропиках. Парады, банкеты, радостное возбуждение, пышность. Затем Тиломон, где его тоже встречали восторженными криками. Он вспомнил, как удивился, когда Доминин Барджазид, сын Короля Снов, приехал из Сувраэля в Тил-омон, чтобы приветствовать его и почтить пиром. Барджазиды обычно оставались дома, в своем прокаленном солнцем королевстве, избегали всех, заботились только о своих машинах сна и отправляли послания — поучающие, приказывающие или карающие. Банкет в Тил-омоне, бокал вина из рук Барджазида и… город Пидруид, фальшивые воспоминания о детстве где-то на востоке Зимроэля. И вот теперь, много месяцев спустя, на улицах большого города вновь выкрикивают его имя.

Расположившись в королевских апартаментах дворца мэрии, Валентин вызвал к себе мэра Хэлигорна, все еще ошеломленного и растерянного, и сказал:

— Мне нужна флотилия речных судов, чтобы плыть к истокам Глэйдж. Все будет оплачено из имперской казны после того, как я снова займу трон.

— Слушаюсь, мой лорд.

— Сколько отрядов ты можешь мне дать?

— Каких отрядов?

— Ополчения, воинов, тех, кто может носить оружие. Ты меня понимаешь, мэр Хэлигорн?

Мэр ужаснулся:

— Граждане Пендивэйна знамениты отнюдь не знанием военного искусства, мой лорд.

Валентин улыбнулся.

— Никто на Маджипуре, слава Божеству, не знает военного искусства. Однако, несмотря на наше миролюбие, мы сражаемся, если нам угрожают. Узурпатор угрожает нам всем. Разве в минувшем году ты не ощущал на себе бремя новых непонятных налогов и непривычных указов?

— Конечно, но…

— Что «но»? — резко спросил Валентин.

— Мы думали, новый корональ хочет показать свою власть.

— И вы спокойно позволите давить на вас тому, кто должен служить вам?

— Мой лорд…

— Ладно, оставим это. Ты не меньше, чем я, заинтересован в наведении порядка. Ты это понимаешь? Дай мне армию, мэр Хэлигорн, и храбрость народа Пендивэйна будет воспеваться в балладах тысячи лет.

— Я отвечаю за жизнь моего народа, мой лорд…

— А я отвечаю за жизнь твоего народа и еще за жизнь двадцати миллиардов, — резко перебил его Валентин. — И если хотя бы пять капель крови прольются на моем пути к Замку, то и этого будет больше чем достаточно. Но без армии я слишком уязвим. С армией я выступаю как корональ: имперские силы идут, чтобы рассчитаться с врагом. Понимаешь, Хэлигорн? Собери народ, объясни им, что нужно сделать, и призывай добровольцев.

— Слушаюсь, мой лорд. — Мэр Пендивэйна дрожал с ног до головы.

— И смотри, чтобы добровольцы были и в самом деле добровольцами!

— Будет сделано, мой лорд, — пробормотал Хэлигорн.

Армия сформировалась быстрее, чем ожидал Валентин. Собрать людей, одеть их, обуть, вооружить, снабдить продуктами город сумел за

несколько дней. Хэлигорн действительно старался. Возможно, ему просто не терпелось, чтобы Валентин как можно быстрее уехал в какой-нибудь другой район.

Народное ополчение, ранее намеревавшееся защищать Пендивэйн от вторжения претендента на престол, теперь составило ядро созданной за короткий срок преданной армии — около двадцати тысяч мужчин и женщин. Город с тринадцатью миллионами жителей мог бы дать и больше, но Валентин не хотел обирать Пендивэйн. Он не забыл собственные соображения о том, что легче жонглировать дубинками, нежели стволами двикка. Двадцать тысяч воинов уже представляли собой внушительную силу, и Валентин знал, что постепенно сможет собрать многочисленную и грозную армию: даже колоссальный Зимр начинается с маленьких ручейков где-то в северных горах.

На рассвете того дня, когда отряды Валентина построились на берегу реки Глэйдж, шел дождь, но позже выглянуло солнце и залило все вокруг ярким, праздничным светом. Все речные суда на пятьдесят миль вокруг были мобилизованы для перевозки армии. Под зелеными с золотом флагами короналя громадная флотилия двину-

лась к северу.

Валентин стоял на носу флагманского корабля. Рядом с ним были Карабелла, Делиамбер, адмирал Эйзенхарт. Омытый дождем воздух был чист и приятен, приятный свежий ветерок Алханроэля дул с Замковой горы. Как чудесно сознавать, что наконец-то он возвращается домой.

Суда восточного Алханроэля были более обтекаемы и менее вычурны, чем те, которые Валентин видел на Зимре. Большие, построенные без излишеств корабли, высокие и узкие, с мощными машинами, предназначенными для движения против сильного течения Глэйдж.

— Быстрое течение, — заметил Эйзенхарт.

— Так и должно быть, — сказал Валентин и указал на какую-то еле видимую точку в небе далеко на севере: — Глэйдж начинается на склонах горы. На протяжении нескольких тысяч миль в него впадает десять рек, и, когда мы поднимаемся к истокам, вся эта масса воды идет против нас.

Моряк-хьорт улыбнулся.

— Когда подумаешь о встрече с такой силой, плавание в море кажется детской игрой. Я никогда не понимал рек: узкие, быстрые… Нет, мне дай открытое море, драконов и все такое — и я буду счастлив.

Но Глэйдж, несмотря на быстроту ее течения, была все же приручена. Когда-то на ней были пороги и водопады и сотни миль ее считались непригодными для навигации. Четырнадцать тысяч лет присутствия на Маджипуре людей давным-давно все изменили. Дамбы, шлюзы, отводные каналы и другие ухищрения заставили Глэйдж, как и все спускающиеся с Горы Шесть Рек, служить их хозяевам почти на всем протяжении. Только внизу, где ровная долина позволяла реке разливаться, возникали некоторые затруднения, да и то только в период больших дождей.

Провинции вдоль Глэйдж тоже были спокойными: зеленые сельские районы, чередующиеся с крупными городскими центрами. Щурясь от яркого утреннего света, Валентин смотрел вдаль и искал глазами серую громаду Горного замка. Но на расстоянии двух тысяч миль не было видно даже горы, как велика она ни была.

Первым значительным городом вверх по реке после Пендивэйна был Макропросопос, славившийся своими ткачами и художниками. Когда корабли подошли ближе, Валентин увидел, что порт украшен огромными эмблемами короналя. Судя по тому, что множество таких же эмблем еще ожидали своей очереди, чтобы быть разве-

шанными, их, вероятно, поспешно ткали именно к этому случаю.

— Что означают эти флаги? — задумчиво спросил Слит. — Открытую преданность темноволосому короналю или капитуляцию перед тобой?

— Конечно, это уважение к тебе, мой лорд, — сказала Карабелла. — Они знают, что ты идешь вверх по реке, вот и вывесили флаги, чтобы поприветствовать тебя!

Валентин покачал головой.

— Я думаю, народ здесь просто осторожничает. Если мои дела на Замковой горе пойдут плохо, всегда можно сказать, что эти флаги — знак преданности тому короналю. Если же тот падет, город скажет, что признал меня следом за Пендивэйном. Я думаю, мы заставим их высказаться открыто. Эйзенхарт!

— Да, мой лорд?

— Веди нас в гавань Макропросопоса.

Для Валентина это было нечто вроде игры. Особой надобности причаливать здесь не было, и он меньше всего хотел бы сражаться с этим городом так далеко от Горы. Но важно было проверить эффективность избранной стратегии.

Она с честью выдержала испытание. Корабль еще не подошел к берегу, а отовсюду уже слыша-

лись крики:

— Да здравствует лорд Валентин! Да здравствует корональ!

Мэр Макропросопоса выбежал на пирс с приветствиями и дарами — тюками прекрасных тканей, изготовленных в его городе. Он совсем не испытывал желания стрелять и драться и охотно предоставил восемь тысяч своих горожан для пополнения армии реставрации.

— В чем дело? — спросила Карабелла. — Может, они признают короналем любого, кто достаточно громко потребует трон и помашет несколькими энергометами?

Валентин пожал плечами.

— Это миролюбивый народ, спокойный, живущий весело и богато. Он тысячелетиями знал только процветание и хочет, чтобы оно продолжалось и в следующие тысячелетия. Мысль о вооруженном сопротивлении чужда им, вот они и сдались сразу же, как только мы вошли в гавань.

— Так-то оно так, — заметил Слит. — А если через неделю сюда явится Барджазид, они столь же охотно будут кланяться и ему?

— Вероятно. Но я набираю вес. Поскольку эти города поддержали меня, другие побоятся оказать

неповиновение. Согласись, это немного походит на лавину, а?

Слит нахмурился.

— То, что ты делаешь сейчас, может сделать любой в другое время, и это мне не нравится. А если через год появится рыжий лорд Валентин и скажет, что он настоящий корональ? Что, если какой-нибудь лиимен будет требовать, чтобы все вставали перед ним на колени, и своих соперников назовет колдунами? Этот мир сойдет с ума.

— Помазанный корональ только один, — спокойно ответил Валентин, — и народ этих городов независимо ни от чего поклоняется воле Божества. Когда я вернусь в Горный замок, больше не будет ни узурпаторов, ни претендентов. Это я обещаю.

Однако про себя он признавал мудрость сказанного Слитом. «Как хрупка, — думал он, — связь, объединяющая наше правительство! Только одна добрая воля поддерживает ее. Доминин Барджазид показал, что измена может уничтожить добрую волю, а запугивание тоже можно считать изменой. Но останется ли Маджипур прежним, когда разрешится этот конфликт?»

Глава 7

После Макропросопоса был Апокрун, затем Стэнгард Фаллз, Нимиван, Трейз, Южный Гэйлз и Митрипонд. И все эти города с населением порядка пятидесяти миллионов, не тратя времени, признали светловолосого лорда Валентина.

На это он и надеялся. Эти приречные жители не умели и не хотели воевать, и ни один из городов даже не подумал сражаться, чтобы установить, кто из соперников истинный корональ. Раз Пендивэйн и Макропросопос покорились, остальные быстро присоединились к ним. Но Валентин понимал, что приречные города с той же готовностью перейдут на другую сторону, если увидят, что удача улыбнется темноволосому властелину. Законность, помазание, воля Божества — все это в реальном мире значит куда меньше, чем представляется тому, кто вырос при дворах Горного замка.

Но все-таки лучше иметь хотя бы номинальную, нетвердую поддержку приречных городов, чем встретить их сопротивление или насмешки над его требованиями. С каждого из них Валентин взял рекрутов — немного, по тысяче с города,

но армия его быстро росла, и он опасался, что она утратит маневренность и мобильность. Хотел бы он знать, как относится Доминин Барджазид к тому, что происходит на Глэйдж. Может, он трусит, считая, что все двадцать миллиардов жителей Маджипура выступили против него? Или он просто тянет время, устраивая внутреннюю линию защиты, и готов ввергнуть всю планету в хаос, лишь бы не сдать Гору?

Путешествие по реке продолжалось. Они уже подошли к громадному плато, и бывали дни, когда казалось, что Глэйдж поднимается перед ними вертикальной стеной воды.

Все здесь было знакомо Валентину, потому что в юности он часто посещал верховья всех Шести Рек, охотился или рыбачил с Вориаксом или Элидатом, а то и просто скрывался ненадолго от своих воспитателей. Его память восстановилась почти полностью, процесс излечения постоянно продолжался с момента его пребывания на Острове, и вид хорошо знакомых мест резко высвечивал образы прошлого, которые пытался стереть Доминин Барджазид.

В городе Джеррике, здесь, в узких верховьях Глэйджа, Валентин однажды всю ночь играл в кости со старым врууном, весьма похожим на

Аутифона Делиамбера, проиграл кошелек, меч, верховое животное, свое благородное звание и все земли, кроме одного клочка болота, а затем все отыграл. Правда, он подозревал, что его компаньон, порадовавшись победе, начал поддаваться ему и отдал выигранное обратно. Как бы то ни было, это был полезный урок.

А в Гизельдорне, где население жило в черных войлочных палатках, он и Вориакс провели веселую ночь с черноволосой ведьмой лет тридцати, которая утром заставила их трепетать, раскинув семена пингла на их будущее и объявив, что им обоим суждено стать короналями. Вориакс очень расстроился, поскольку решил, что они должны будут править совместно, так как вместе обнимали ведьму, а такое двойное правление было неслыханным делом на Маджипуре. Им и в голову не пришло, что Валентин может стать преемником Вориакса.

А в Амблеморне, самом юго-западном из Пятидесяти Городов, Валентин, тогда еще почти мальчик, вместе с Элидатом из Морвола скакал через лес деревьев-карликов, упал и сломал левую ногу. Обломки кости торчали наружу, и Элидат, как мог, поправил их, прежде чем удалось добраться до помощи. После этого осталась

легкая хромота. Но теперь, с каким-то странным удовольствием подумал Валентин, эта хромая нога принадлежит Доминину Барджазиду, а тело, которое дали Валентину, не имеет никаких изъянов.

Все эти города и многие другие охотно сдавались ему. Здесь, на границе Замковой горы, под его знаменем собрались уже пятьдесят тысяч воинов.

Амблеморн был последним городом, до которого армия могла добраться по воде. Река здесь превратилась в лабиринт протоков и каналов. Валентин послал Ирманара с тысячью воинов вперед — найти сухопутные повозки. Теперь силы Валентина были такими мощными, что Ирманар сумел забрать практически все парящие повозки в трех провинциях, причем без каких бы то ни было возражений, так что в Амблеморне их ожидало неисчислимое множество экипажей.

Командовать такой большой армией в одиночку Валентин уже не мог. Его приказы шли через его маршала Ирманара пяти высшим офицерам — Карабелле, Слиту, Залзану Каволу, Лизамон и Эйзенхарту, которые командовали дивизиями. Шанамир, заметно выросший и окрепший со времен Фалкинкипа, служил главным офицером

связи.

— Мы готовы выступить, мой лорд, — доложил Шанамир. — Я передам приказ?

Валентин кивнул:

— Вели первой колонне выдвигаться. Если мы выступим сейчас, то к полудню будем в Бимбаке.

— Есть, сэр.

— Да, и еще, Шанамир.

— Да, сэр?

— Я знаю, сейчас война, но нельзя же все время быть таким серьезным. Тебе не кажется?

Шанамир покраснел.

— Но ведь это серьезное дело! Под нашими ногами земля Замковой горы! — Он, фермерский сын из далекого Фалкинкипа, похоже, благоговел перед этой землей.

Валентин понимал его чувства. Зимроэль, казалось, находился в миллионах миль отсюда.

Валентин улыбнулся.

— Скажи, Шанамир, правильно ли я запомнил: сто весовых единиц составляют крону, десять крон — реал, а цена сосисок…

Шанамир смутился, потом фыркнул, попытался удержаться от смеха, но в конце концов захохотал.

— Ох, мой лорд!

— Помнишь Пидруид, когда я хотел заплатить за сосиски пятидесятиреаловой монетой? Помнишь, как ты считал меня простаком? Недоумком, как ты говорил. Думаю, я и в самом деле был тогда простаком.

— Это было очень давно, мой лорд.

— Верно. Но, видимо, я все еще простак: лезу на Замковую гору и пытаюсь вернуть себе тяжелую и ответственную работу управления планетой. А может, и не простак? Надеюсь, что нет. Но ты не забывай почаще улыбаться. Иди. Прикажи первой колонне выступать.

Мальчик убежал. Валентин смотрел ему вслед. Как далек теперь Пидруид во времени и пространстве — в миллионах миль, в миллионах лет! А ведь с тех пор, как он стоял на гребне, глядя на Пидруид и размышляя о том, что делать дальше, прошло всего полтора года. Шанамир, Слит, Карабелла, Залзан Кавол… Жонглирование на провинциальных аренах, ночевки на соломенных матрасах в грязных гостиницах… Какое же это было чудесное время! Свободная, беззаботная жизнь, в которой не было ничего более важного, чем быть нанятым в следующем городке и уверенным, что дубинка не упадет на ноги, — чего, кстати, ни разу не случилось. Как хорошо,

что Залзан Кавол взял его к себе в труппу! Как хорошо, что Слит и Карабелла учили его своему искусству! Среди них был корональ Маджипура, и никто этого не знал. Кто из них мог вообразить, что еще задолго до старости они перестанут жонглировать и станут генералами, ведущими армию освобождения на Замковую гору?

Первая колонна выступила. Парящие повозки шли вверх по нескончаемым склонам, лежавшим между Амблеморном и Замком.

Пятьдесят Городов Замковой горы раскинулись на склонах почти правильными концентрическими кольцами. На внешнем, самом большом, лежали двенадцать городов: Амблеморн, Перимор, Морвол, Канзилейн, Восточный Бимбак и Западный Бимбак, Фурибл, Дипенхоу-Вейл, Норморк, Казказ, Стипул и Дундилмир — так называемые Города Склона. Это были промышленные и торговые центры, и в самом маленьком из них — Дипенхоу-Вейле — обитали девять миллионов жителей. Города Склона, основанные десять или двенадцать тысяч лет назад, предпочитали оставаться архаичными по стилю: улицы их когда-то были распланированы рационально, но давно уже стали перегруженными и запутанными из-за беспорядочных изменений. В каждом

городе было что-то свое, особенное, чем он славился во всем мире. Валентин был не во всех этих городах — не хватало времени, но многие посетил: Бимбак Восточный и Бимбак Западный с их башнями в милю высотой из сверкающего хрустального кирпича, Фурибл и его сказочный сад каменных птиц, Канзилейн с говорящими статуями. Между этими городами находились королевские парки, заповедники растений и животных, охотничьи зоны и священные гробницы. Все это простиралось на тысячи квадратных миль — достаточно места, чтобы цивилизация развивалась без толчеи и спешки.

На сто миль выше по Горе лежало кольцо девяти Свободных Городов: Сиккал, Хайн, Бибирун, Сти, Верхний Санбрик, Нижний Санбрик, Кэстлеторн, Гимкандэйл и Вугел. Ученые много спорили о происхождении этого названия, потому что на Маджипуре все города были свободными. Большинство ученых считало, что при лорде Стиамоте эти девять городов были освобождены от налога в знак особых услуг, оказанных короналю. И позже Свободные Города иногда требовали такой привилегии, и часто она им предоставлялась.

Самым большим из Свободных Городов был Сти с тридцатимиллионным населением, стоя-

щий на реке с тем же названием. Он был так же велик, как Ни-мойя, а по слухам, даже больше. Валентину не верилось, что есть город, равный по пышности Ни-мойе, но сам он ни разу не бывал в Сти, да и сейчас это не удастся, поскольку Сти находился совсем в другой стороне.

Еще выше располагались одиннадцать Сторожевых Городов: Стеринмор, Ковани, Грил, Минимул, Стрэйв, Хоикмар, Иртсуд Гранд, Ренноск, Фа, Нижняя Сигла, Верхняя Сигла — все большие, с населением от семи до тринадцати миллионов. Поскольку окружность Горы с высотой уменьшалась, Сторожевые Города стояли ближе друг к другу, чем те, которые располагались ниже, и считалось, что через несколько столетий они сольются в непрерывное кольцо.

Внутри этого кольца стояли девять Внутренних Городов: Гэбелл, Чи, Хаплиор, Кресм, Бенглекод, Бомбифэйл, Гуанд, Перитол, Тентаг, — а также девять Высших Городов: Мулдемар, Хайн, Госсиф, Тидиас, Низкий Морпин, Высокий Морпин, Сипермит, Фрэнгиор и Хэлэнкс. Эти города Валентин хорошо знал с юности. В Хэлэнксе он родился, в Сипермите жил во время царствования Вориакса, потому что этот город был ближе всего к Замку, Высокий Морпин был его любимым местом в

праздничные дни. Он часто приезжал туда кататься на зеркальных горах.

Ах, как это было давно!

Теперь, когда он силой вторгся на дороги Горы, он часто вглядывался в даль, в облачные высоты, надеясь хоть одним глазком увидеть Сипермит, Хэлэнкс или Высокий Морпин. Но надеяться на это было рано. Дорога из Амблеморна шла между Восточным и Западным Бимбаками, а затем вокруг зазубренного гребня Норморк к городу Норморку, знаменитому своей внешней каменной стеной — согласно легенде, имитацией великой стены Велализиера.

Восточный Бимбак принял Валентина как законного монарха и освободителя, в Западном же Бимбаке ему оказали значительно менее сердечный прием, хотя и сопротивления не было: население явно не решило, выгодна ли ему эта удивительная борьба. В Норморке большие врата Деккерета были закрыты и запечатаны — возможно, впервые со времени их постройки. Можно было принять это за враждебность, но Валентин предпочел увидеть в этом декларацию нейтралитета и проехал мимо, не предпринимая попыток войти в город. Сейчас он меньше всего был настроен растрачивать силы, осаждая

неприступные стены, и решил, что куда легче просто не считать Норморк врагом.

За Норморком дорога пересекала Барьер Толингар, который был вовсе не барьером, а сорокамильным прекрасно ухоженным парком, устроенным для развлечения граждан Казказа, Стипула и Дундилмира. Каждое дерево, каждый куст в нем подстригали и обрезали, придавая им самые различные формы. Ни одной кривой ветки, ни одного лишнего побега. Даже если бы все жители Замковой горы круглосуточно и без отдыха работали тут садовниками, они и то не смогли бы достичь такого совершенства. Оно явилось результатом программы контролируемого разведения, составленной четыре тысячи лет назад при лорде Хевилбове и осуществлявшейся тремя его преемниками. Эти растения сами придерживались симметрии форм. Секрет такого садоводческого волшебства давно был утерян.

И теперь армия освобождения входила на уровень Свободных Городов. Стоя рядом с Валентином, можно было отсюда, с плато Бибирун на вершине Барьера Толингар, взглянуть вниз, на склоны, и вид при этом открывался невыразимо замечательный. Чудесный парк лорда Хевилбова вился, подобно зеленому языку, прямо вниз,

слегка заворачивая к востоку, за ним простыми серыми точками виделись Дундилмир и Стипул, а еще дальше — лишь едва заметное указание на могучие стены Норморка. Далее шел захватывающий дух спуск к Эмблерморну и истокам Глэйдж. И, если обладать некоторым воображением, на горизонте виднелись дрожащие в ленивой дымке очертания самой реки и городов Нимивана, Митрипонда, Трейза, Южного Гэйлза. А на Макропросопос и Пендивэйн не было даже намека, хотя рядом с Валентином толпились жители этих городов, смотревшие туда пристально и долго и украдкой замечавшие друг другу, что вон тот пригорок или тот холмик — это их дом.

— Я думал, с Замковой горы виден весь путь до Пидруида, а мы даже Лабиринта не видим! — посетовал Шанамир. — А когда поднимемся еще выше, увидим больше?

— Нет, — ответил Валентин. — Все, что лежит ниже Сторожевых Городов, скрыто облаками. Иногда, находясь на такой высоте, можно забыть о существовании всего остального на Маджипуре.

— Наверху, наверное, очень холодно? — спросил мальчик.

— Нет, совсем не холодно. Так же, как здесь, да-

же теплее. Там постоянная весна, воздух мягкий и легкий, всегда цветут цветы.

— Но ведь Гора уходит высоко в небо! Горы Кинтора не такие высокие, их и не сравнить с Замковой горой, но я слышал, что на их вершинах лежит снег и иногда он остается на все лето. Замок, наверное, темен как ночь и холоден как смерть.

— Нет. Машины древних поддерживают вечную весну. Они вытягивают энергию из недр Горы — я не знаю как — и перерабатывают ее в тепло, свет, чистый воздух. Я видел эти машины в подземельях Замка. Это металлические громады — металла хватило бы, чтобы построить город, — гигантские насосы, медные трубы…

— Где мы сейчас, Валентин? Близко?

— Даже полпути не прошли.

Глава 8

Самая прямая дорога наверх через Свободные Города шла между Бибируном и Верхним Санбриком. Это был широкий, с легким подъемом отрог Горы. Когда они приближались к Бибируну, Валентин узнал от Горзвала, теперь квартирмейстера, что армии не хватает свежих фруктов и мяса. Самым разумным казалось пополнить запасы провианта на этом уровне, прежде чем начать подъем к Сторожевым Городам.

Бибирун, двенадцатимиллионный город, грациозно вытянулся на сто миль вдоль гребня, нависавшего над склоном Горы. К нему можно было подойти лишь с одной стороны — от Верхнего Санбрика через ущелье, такое узкое, что сотня воинов могла бы защитить его от миллионов нападающих. Валентин не удивился, что ущелье было занято, пожалуй, больше чем сотней воинов.

Ирманар и Делиамбер отправились на переговоры. Вернувшись, они сообщили, что отрядами в ущелье командует Хейтлуиг, герцог провинции Чорг, чьей столицей был Бибирун, и что он желает говорить с лордом Валентином.

— Кто такой этот Хейтлуиг? — поинтересовалась Карабелла. — Ты его знаешь?

— Не очень близко. Он из семьи Тиевераса. Надеюсь, у него нет зуба на меня.

— Он может получить благодарность Доминина Барджазида, если пристукнет тебя в этом проходе, — заметил Слит.

— Чтобы потом до конца дней его мучили кошмары? — спросил Валентин и засмеялся: — Он, правда, выпивоха, но не убийца. Он из знатной семьи.

— Как и Доминин Барджазид, мой лорд.

— Даже сам Барджазид не рискнул убить меня, когда у него была такая возможность. Неужели я должен ожидать убийц каждый раз, когда веду переговоры? Пошли, не будем терять время.

Валентин пошел к входу в ущелье вместе с Ирманаром, Эйзенхартом и Делиамбером. Их ждали герцог и трое его сопровождающих.

Хейтлуиг был могучим широкоплечим человеком с густыми светлыми кудрявыми волосами и цветущим полным лицом. Он внимательно разглядывал Валентина, как бы ища под внешностью этого светловолосого незнакомца душу истинного короналя. Валентин отсалютовал ему так, как короналю полагалось приветствовать

провинциального герцога, — прямым взглядом и повернутой наружу ладонью, и Хейтлуиг растерялся, явно не зная, как правильно реагировать. После небольшой паузы он сказал:

— Сообщали, что ты лорд Валентин, измененный колдовством. Если это так, я приветствую тебя, мой лорд.

— Поверь мне, Хейтлуиг, это так.

— Были послания насчет этого. Но были и противоположные.

Валентин улыбнулся:

— Послания Повелительницы Снов правдивы, послания же Короля следует оценивать исходя из того, что сделал его сын. Ты получил указания из Лабиринта?

— Что мы должны признать тебя? Да. Но все-таки это странно. Если я не должен верить тому, что мне говорят из Замка, то почему я должен верить приказам из Лабиринта? Может, они поддельные.

— Здесь с нами Ирманар, высокопоставленный служащий твоего прадеда понтифекса Тиевераса. Он здесь не как пленник и может показать тебе печати понтифекса.

Герцог пожал плечами. Глаза его продолжали сверлить Валентина.

— Невероятно просто, чтобы короналя можно было таким образом изменить. Если это правда, тогда все может оказаться правдой. Чего ты хочешь от Бибируна, мой лорд?

— Фруктов и мяса. Нам еще осталось пройти сотни миль, а голодные воины не самые лучшие.

Дернув щекой, Хейтлуиг сказал:

— Ты, конечно, знаешь, что ты в Свободном Городе?

— Знаю. Так что же из этого?

— Может, кто и забывает о древних традициях, но мы в Свободных Городах придерживаемся их. Мы не обязаны снабжать правительство товарами иначе как по законно установленным ценам. Стоимость провианта для такой армии…

— …Будет оплачена полностью из имперской казны, — резко прервал его Валентин. — Мы не просим у Бибируна даром ничего, даже стоимостью в пять весовых единиц.

— А имперская казна едет с тобой?

Валентин начал сердиться.

— Имперская казна находится в Горном замке, как это повелось со времен лорда Стиамота. Когда я дойду до Замка и вышвырну узурпатора, я полностью расплачусь за все, что мы купим здесь. Разве корональ уже не пользуется доверием?

— Короналю мы доверяем по-прежнему, — осторожно произнес Хейтлуиг. — Но у нас есть сомнения, мой лорд. Мы — народ бережливый, и какой позор падет на нас, если обнаружится, что мы дали кредит тому, кто предъявил нам фальшивые требования!

Валентин пожал плечами:

— Ты называешь меня «мой лорд», а сам сомневаешься.

— Я не уверен. Признаюсь.

— Хейтлуиг, отойдем на минутку и поговорим наедине.

— Да?

— Отойдем шагов на десять. Или ты боишься, что я вцеплюсь тебе в глотку, как только ты отойдешь от своих телохранителей? Я хочу шепнуть тебе кое-что, и, полагаю, тебе не понравится, если я скажу это при твоих спутниках.

Герцог, недовольный и надутый, кивнул и отошел с Валентином.

— Когда ты был в Горном замке на моей коронации, — понизив голос, рассказывал ему Валентин, — ты сидел за столом рода понтифекса и выпил четыре или пять фляжек мулдемарского вина — помнишь? Вдрызг пьяный, ты встал, чтобы танцевать, споткнулся о ногу своего кузена

Элзандира, растянулся и тут же начал бы драку с ним, если бы я не оттащил тебя в сторону. Ну, тебе это ни о чем не говорит? Откуда бы мне знать об этом, будь я каким-то выскочкой из Зимроэля?

Лицо Хейтлуига залилось краской.

— Мой лорд…

— Вот теперь ты произнес это с большим убеждением! — Валентин тепло похлопал герцога по плечу. — Все в порядке, Хейтлуиг. Помоги мне и, когда приедешь в Замок праздновать мое восстановление на троне, получишь еще пять фляжек доброго мулдемарского. Надеюсь, ты будешь более воздержанным, чем в тот раз.

— Мой лорд, чем я могу служить тебе?

— Я уже сказал. Нам нужны свежие фрукты и мясо. Мы рассчитаемся, когда я снова стану короналем.

— Пусть будет так. Но станешь ли ты короналем?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Наверху ждет армия, и немалая, мой лорд. Лорд Валентин — я имею в виду того, кто называет себя лордом Валентином, — созывает сотни и тысячи граждан для защиты Замка.

— Где собирается эта армия?

— Между Иртсуд Грандом и Бомбифэйлом. Он

стягивает ее во все Сторожевые Города и в города над ними. Реки крови потекут с Горы, мой лорд!

Валентин отвернулся и на миг закрыл глаза. Боль и отчаяние захлестнули его. Это было неизбежно, в этом не было ничего неожиданного, именно так он и предполагал с самого начала. Доминин Барджазид позволит ему пройти по нижним склонам, а на верхних подступах выставит мощную защиту, используя против Валентина его же собственных королевских телохранителей, рыцарей высокого происхождения, рядом с которыми Валентин вырос. И в первых рядах против него — Стазилейн, Тонигорн, его кузен Миригант, Элидат, Диввис, сын его брата…

На мгновение Валентин заколебался. Стоит ли отвоевывать корону ценой хаоса, кровопролития и мучений своего народа? Может быть, такова была воля Божества, чтобы его, Валентина, скинули? Если он пойдет наперекор этой воле, не вызовет ли он этим какого-нибудь страшного катаклизма на равнинах выше Иртсуд Гранда, который оставит шрамы в душах всего народа? И тогда до конца дней его ночи будут наполнены мучительными обвиняющими снами и его имя будет проклято навеки?

Он еще мог повернуть назад, мог отказаться

от столкновения с силами Барджазида, принять приговор судьбы, мог…

Нет!

Он уже боролся однажды с самим собой и победил, и не следует вновь начинать эту борьбу. Фальшивый корональ — человек ограниченный и опасный, он занимает высочайшее место и правит грубо и противозаконно. Этого нельзя так оставить. Все остальное неважно.

— Мой лорд! — окликнул его Хейтлуиг.

Валентин повернулся к герцогу.

— Мысль о войне причиняет мне боль, Хейтлуиг.

— Она никому не нравится, мой лорд. Однако приходит время, когда во избежание худшего война необходима. Я думаю, сейчас настал именно такой момент.

— Похоже, что так. Значит, ты признаешь меня короналем, Хейтлуиг?

— Никакой иной претендент не мог бы знать, что я напился на коронации.

— Ты будешь сражаться рядом со мной возле Иртсуд Гранда?

Хейтлуиг пристально посмотрел на него.

— Конечно, мой лорд. Сколько людей ты возьмешь из Бибируна?

— Скажем, пять тысяч. Я хочу иметь не огромную армию, а лояльную и храбрую.

— Пять тысяч воинов в твоем распоряжении, мой лорд. Если хочешь, бери больше.

— Пяти тысяч хватит, Хейтлуиг. Спасибо тебе, что ты веришь в меня. А теперь давай позаботимся о фруктах и мясе.

Глава 9

Стоянка в Бибируне была короткой — только чтобы Хейтлуиг успел собрать воинов и необходимый провиант. А затем — вверх, вверх, вверх… Валентин со своими друзьями ехал впереди. Он радовался, видя их благоговение и удивление, слыша, как ахает от восторга Карабелла и даже Залзан Кавол что-то ошеломленно бормочет, когда перед ними развертываются красоты Замковой горы. От мысли, что он возвращается домой, было светло на душе.

Чем выше они поднимались, тем чище и приятнее становился воздух, потому что они все ближе подходили к громадным машинам, поддерживавшим на Горе вечную весну. Скоро показались контуры кольца Сторожевых Городов.

— Так много… — пробормотал Шанамир осипшим голосом. — Такой величественный вид…

Гора здесь представлялась громадным серым гранитным щитом, уходившим в небо и исчезавшим в море облаков, которые скрывали верхние склоны. Небо было поразительно яркого голубого цвета, более глубокого тона, чем над равнинными землями Маджипура. Валентин помнил, как ему

нравилось это небо, с какой неохотой он спускался вниз, в обычный мир обычных красок. У него захватило дух, когда он снова увидел его. Весь холм и гребень, казалось, окружал искрившийся нимб таинственного света. Даже пыль вдоль края тракта выглядела блестящей. Вдали виднелись небольшие города-спутники, а высоко над ними — несколько крупных городов-центров. Иртсуд Гранд был прямо впереди. Его громадные черные башни отчетливо вырисовывались на горизонте, а на востоке угадывалось темное пятно, которое, скорее всего, являлось городом Минимулом. Хоикмар, известный своими тихими, спокойными каналами и улицами, едва-едва можно было разглядеть на самом дальнем, западном краю пейзажа.

Валентин смущенно заморгал: глаза его вдруг увлажнились. Дотронувшись до арфы Карабеллы, он попросил:

— Спой мне.

Она улыбнулась и взяла маленькую арфу.

— Мы пели это в Тил-омоне. Замковую гору там считали мифическим местом, романтической грезой.

Далеко на восток, величава, крута,

Есть гора, что вонзается в небо, как птица,

На вершине – заоблачный Замок гнездится,

А на склонах ее нет числа городам.

На Замковой горе коронали живут,

Властелины играют судьбою планеты…

Она неожиданно замолчала, опустила арфу и отвернулась.

— В чем дело, милая?

Карабелла покачала головой.

— Ничего. Просто я забыла слова.

— Карабелла!

— Ничего, я же сказала!

— Прошу тебя…

Она обернулась к нему, прикусив губу, в глазах ее стояли слезы.

— Это все так удивительно, Валентин, — прошептала она, — и так странно, так страшно…

— Удивительно — да, но не страшно.

— Это прекрасно, я понимаю. Я и представить себе не могла, что могут быть такие города, такие горы, которые составляют только часть одной большой горы… и все прочие чудеса. Но только…

Только…

— Что?

— Ты идешь домой, Валентин! К своим друзьям, родным, может, даже любовницам. Как только мы выиграем войну, все они соберутся вокруг тебя, будут устраивать банкеты и празднества, и… — Она на миг замолчала. — Я поклялась себе не говорить этого.

— Говори.

— Мой лорд…

— Не надо так официально, Карабелла. — Он взял ее за руки и заметил, что Шанамир и Залзан Кавол отошли в другой конец повозки и сели к ним спиной.

— Мой лорд, — скороговоркой произнесла девушка, — что будет с девушкой-жонглером из Тил-омона, когда ты снова окажешься среди принцев и леди Замковой горы?

— Разве я давал тебе повод думать, что брошу тебя?

— Нет, мой лорд, но…

— Называй меня Валентином. Что «но»?

Она покраснела и выдернула свою руку, нервно погладив свои темные волосы.

— Этот твой герцог Хейтлуиг вчера увидел, что ты обнял меня… Он так гадко улыбнулся! Словно

я просто игрушка для тебя, безделушка, которую в любое время можно выбросить.

— Мне кажется, в его улыбке ты прочла слишком много лишнего, — медленно проговорил Валентин.

Он и сам заметил эту улыбку и был ею смущен. Он понимал, что для Хейтлуига и людей его ранга Карабелла — всего лишь случайная наложница самого низкого происхождения, не заслуживающая ничего, кроме презрения. В его прежней жизни на Замковой горе подобные классовые различия были в порядке вещей, но его давно уже изгнали с Горы, и на многое теперь он смотрел иначе. В опасениях Карабеллы была доля истины. Однако не об этом сейчас надо было думать. Нерешенными пока оставались более важные вопросы. Как можно ласковее он обратился к девушке:

— Хейтлуиг слишком налегает на выпивку, и душа его огрубела. Не обращай внимания. Твое место среди самых высоких особ Замка, и никто не посмеет отнестись к тебе пренебрежительно. Ну а теперь заканчивай песню.

— Ты любишь меня, Валентин?

— Да. Но когда у тебя красные и опухшие глаза, я люблю тебя меньше.

— Так говорят с ребенком! Ты что же, считаешь меня маленькой?

— Я считаю тебя женщиной, умной и привлекательной. А какого ответа ты ждала, когда спросила, люблю ли я тебя?

— Что ты меня любишь. Без дополнений.

— Извини. Впредь я буду осторожнее в выражениях. Так ты будешь петь?

Она снова взяла арфу.

Все утро они поднимались вверх, все выше над Свободными Городами. Валентин выбрал Пайниторский тракт, вившийся по пустынному каменистому плато между Иртсуд Грандом и Хоикмаром. Тут и там встречались редкие рощицы деревьев-газан, с толстыми стволами цвета пепла и изогнутыми сучьями деревьев, живших десять тысяч лет и, когда подходило их время, умиравших с тяжелыми вздохами. Эта мрачная и безмолвная местность вполне подходила для того, чтобы Валентин и его армия могли собраться с духом перед началом решительных действий.

— Они не попытаются остановить тебя, — сказал Хейтлуиг, — пока ты не подойдешь к Сторожевым Городам. Там и захотят захватить тебя.

— Там будет достаточно просторно, — ответил

Валентин.

В двадцати милях от города Иртсуд Гранда, в пустой долине, окруженной зазубренными черными пиками, он остановил свою армию и стал совещаться с командирами. Разведчики, заранее высланные вперед, принесли тревожные известия: огромнейшее войско заполнило широкую, в сотни квадратных миль, равнину ниже Внутреннего Города Бомбифэйла. Там были пехота, парящие повозки, верховые отряды, корпус моллиторов — по крайней мере в десять раз превышающий тот, что стоял на берегах Глэйдж. Но Валентин внешне оставался совершенно спокойным.

— Значит, соотношение двадцать к одному в их пользу. Это неплохо. Жаль, что их не больше. Слишком большая армия неповоротлива, и это облегчило бы нашу задачу.

Он постучал по карте.

— Они стоят здесь, на равнине Бомбифэйла, и, конечно, видят, что мы идем прямо сюда. Они рассчитывают, что мы поднимемся прямо к проходу Перитол на западе равнины, и там поставят самую сильную охрану. Мы действительно пойдем к Проходу. — Валентин услышал недовольный вздох Хейтлуига, увидел удивленный взгляд Ир-

манара и спокойно продолжил: — Они пошлют туда подкрепление. Как только они войдут в Проход, им будет сложно перегруппировываться и менять направление. А мы тут же повернем обратно, поднимемся прямо в середину их лагеря и пробьемся к самому Бомбифэйлу. Выше его есть дорога на Высокий Морпин, которая приведет нас к Замку. Вопросы есть?

— А что, если между Бомбифэйлом и Высоким Морпином нас ждет вторая армия? — спросил Ирманар.

— Поговорим об этом, когда пройдем Бомбифэйл. Есть еще вопросы?

Он оглядел своих соратников. Все молчали.

— Хорошо. Тогда вперед!

Еще день — и они въехали в большой зеленый пояс, окружавший Внутренние Города.

Теперь они шли в облачной зоне, прохладной и влажной, где солнце едва пробивалось сквозь постоянный туман. Растения, которые внизу были человеку едва по колено, в этой влажной местности достигали гигантских размеров, их листья вырастали с большое блюдо, а черенки — с древесные стволы, и на всем этом буйстве жизни сверкали блестящие капли росы.

Ландшафт здесь был сильно изрезанным: из

глубоких долин резко поднимались горы, и дорога опасно вилась вокруг конических пиков. Дорог стало намного меньше: на западе — непроходимые горы, похожие на клыки, на востоке — широкий и удобный склон Бомбифэйлской равнины, а впереди — ряд гигантских естественных ступеней с отвесными каменными стенами по бокам — проход Перитол, где, если Валентин не ошибался, ждали отборные отряды узурпатора.

Валентин не спеша вел свою армию к Проходу. Четыре часа езды, два часа отдыха, еще пять часов движения, ночевка и позднее выступление утром. В бодрящем воздухе Замковой горы можно было ехать много быстрее, но Валентин подозревал, что враг следит за ними с высоты, и хотел дать ему больше времени подготовиться.

На следующий день они поехали шагом, потому что уже показалась первая из огромных ступеней Прохода. Делиамбер с помощью колдовства послал свой дух вперед и сообщил, что неприятельская армия действительно заняла Проход, а вспомогательные отряды для ее поддержки стягиваются к западу от Бомбифэйлской равнины.

Валентин улыбнулся:

— Теперь уже недолго. Они в наших руках.

За два часа до темноты он отдал приказ разбить

лагерь на лугу. Повозки поставили защитной стеной, фуражиры пошли собирать сучья для костра, квартирмейстеры начали раздавать ужин. Едва наступила ночь, лагерь взбудоражил неожиданный приказ ехать дальше, оставив горящие костры и часть повозок на месте.

Валентин ощущал растущее в нем возбуждение. Он видел, как снова разгорелись глаза Карабеллы, как проступил старый шрам на лице Слита. И рядом был Шанамир, снующий там и тут, но всегда по делу, с полной ответственностью выполняющий массу мелких и больших поручений; его сосредоточенность была одновременно и комичной, и достойной уважения. Это были незабываемые часы напряжения перед важными событиями, которые вот-вот должны произойти.

— В прежние дни на Горе, — сказала Карабелла, — ты, видимо, глубоко изучал военное искусство, раз придумал такой маневр.

Валентин рассмеялся.

— Военное искусство забыли меньше чем через сто лет после смерти лорда Стиамота. Я ничего не знаю о войне, Карабелла.

— А как же…

— Догадка. Случайность. Жонглирование, которое я выполняю на ходу. — Он подмигнул. —

Только никому не говори об этом. Пусть думают, что их полководец — гений, и они заставят его быть таковым.

В облачном небе не было видно звезд, и луна светила очень слабо. Армия Валентина двигалась к Бомбифэйлской равнине, освещая себе путь световыми шарами, настроенными на минимум интенсивности. Делиамбер, сидящий рядом с Валентином и Ирманаром, пребывал в глубоком трансе и искал впереди барьеры и препятствия. Валентин молчал. Он чувствовал себя удивительно спокойным. «Да, — думал он, — это и в самом деле жонглирование». Теперь он, как раньше в труппе, переместился в то спокойное место в центре своего сознания, где обрабатывал информацию о постоянно меняющемся рисунке событий, по существу даже не зная ни об обработке, ни об информации, ни о событиях. Все происходило само собой.

За час до рассвета они дошли до места, где дорога поворачивала вверх и выходила на равнину. Валентин снова созвал своих командиров.

— Только три приказа: держаться плотно, не отбирать жизнь без необходимости, упорно пробиваться вперед. — Он подошел к каждому из них по очереди — с ободряющим словом, с

рукопожатием, с улыбкой. — Сегодня завтракаем в Бомбифэйле, а завтра ужинаем в Замке лорда Валентина. Обещаю вам!

Глава 10

Настала минута, которой давно ждал и боялся Валентин: он должен был вести граждан Маджипура против граждан Маджипура, поставить на карту кровь своих товарищей по странствиям против крови товарищей своей юности. Но пути назад не было, и Валентин оставался твердым и спокойным.

В сером свете зари вторгшаяся армия прокатилась по краю равнины, и в утреннем тумане Валентин впервые увидел легионы противника. Равнину, казалось, заполнили черные палатки. Всюду были солдаты, повозки, животные, моллиторы, и во всем этом напрочь отсутствовал порядок.

Армия Валентина построилась клином: самые храбрые и преданные — в передних повозках, отряды герцога Хейтлуига — в середине, а тысячи ополченцев из Пендивэйна, Макропросопоса и других городов долины Глэйдж составляли арьергард, более значительный по численности, нежели по храбрости.

В армии освобождения были представлены все расы Маджипура: скандары, врууны, целая

орда лииименов, множество хьортов и гэйрогов, даже небольшой элитный корпус су-сухирисов. Сам Валентин находился в одной из трех точек передней части клина, но не в центральной: там Ирманар готовился нанести главный удар по силам узурпатора. Повозка Валентина шла в правом крыле, Эйзенхарта — в левом, а сразу за ними вели колонны Слит, Карабелла, Залзан Кавол и Лизамон.

— Вперед! — крикнул Валентин.

Битва началась.

Повозка Ирманара рванулась вперед, затрубили рога, вспыхнуло освещение. Валентин двинулся следом и, взглянув налево, увидел, что Эйзенхарт не отстает. Плотным клином они врезались на равнину, и сразу же основная масса защитников рассыпалась в беспорядке. Передний край сил узурпатора рухнул с пугающей быстротой, как будто это была намеренная стратегия. Отряды в панике метались, сталкивались, путались, хватались за оружие или просто спасались бегством. По громадной равнине словно прошли волны: это беспорядочно носились воины, не имевшие ни вождя, ни плана. Вторгшийся клин продвигался через эти волны вперед. Вспыхнули несколько случайных выстрелов энергометов, но

вражеские командиры, видимо, слишком растерялись, чтобы организовать правильную защиту, а атаковавшие, прорвавшиеся вперед, вовсе не собирались убивать противников.

Делиамбер предупредил Валентина:

— Они растянуты огромным фронтом миль на сто, если не больше. Им нужно время, чтобы сконцентрировать силы. После первого приступа паники они перегруппируются, и нам будет труднее.

Так оно и вышло.

Неопытное гражданское ополчение, набранное Доминином Барджазидом в Сторожевых Городах, могло растеряться, но ядро армии защитников составляли рыцари Замковой горы, тренированные в военных играх, и теперь они собирались со всех сторон вокруг глубоко врезавшихся в них маленьких клиньев. Каким-то образом подогнали моллиторов, и те наступали теперь с фланга на Эйзенхарта, щелкая челюстями и пуская в ход когти. С другой стороны кавалерийский полк отыскал своих животных и создал какое-то подобие строя, а Ирманар попал под заградительный огонь энергометов.

— Держать строй! — крикнул Валентин. — Все время вперед!

Они все еще продвигались, хотя теперь уже значительно медленнее. Если вначале армия Валентина врезалась в гущу врагов, как горячий нож в масло, то теперь она как бы пробивалась сквозь земляную стену. Многие повозки были окружены, некоторые из них остановлены. Валентин мельком увидел, что Лизамон в одиночку пробивается сквозь толпу защитников, расшвыривая их в стороны, как прутья. Три гигантских скандара тоже покинули повозки и всеми своими руками, в каждой из которых было какое-нибудь оружие, устроили страшную резню.

Затем окружили повозку Валентина, но возница дернул ее назад и резко развернулся, раскидывая вражеских солдат.

Вперед, вперед…

Повсюду лежали тела убитых. Как глупо было надеяться, что завоевать Замковую гору удастся без кровопролития.

Уже, наверное, сотни погибших, сотни раненых… Валентин нахмурился, нацелил свой энергомет на высокого угрюмого мужчину, несшегося на повозке, и заставил его упасть. Воздух вокруг Валентина затрещал от образовавшегося в результате выброса энергии озона, он заморгал и затем выстрелил снова… и еще… и еще…

— Валентин! Лорд Валентин!

Крик был общим, но исходил с обеих сторон, и воины каждой из них призывали своего лорда Валентина.

Теперь нападающие, казалось, были полностью остановлены. Защитники перешли в контратаку, словно не были готовы напасть первыми и позволили армии Валентина пробиться вперед, а теперь перегруппировались, собрались с духом и начали действовать.

— Похоже, у них сменилось командование, мой лорд, — сказал Ирманар. — Их генерал сейчас полностью контролирует ситуацию и жестко заставляет солдат двигаться на нас.

Вперед выступил строй моллиторов, за ним шли в огромном количестве отряды узурпатора, но тупые неуправляемые животные причиняли больше вреда своими размерами, чем когтями и зубами. Многие из офицеров Валентина выскочили из повозок, и он увидел яростно сражавшихся Лизамон Халтин, Слита и Карабеллу — все они были окружены кольцом своих солдат, отчаянно старавшихся защитить их. Валентин и сам хотел выйти, но Делиамбер приказал ему остаться.

— Твоя особа священна, — резко произнес он. — В рукопашном бою воины обойдутся без тебя.

— Но…

— Так нужно.

Валентин нахмурился. Он сознавал, что Делиамбер прав, но в душе все равно был не согласен с ним, и тем не менее ему пришлось покориться.

— Вперед! — закричал он в черный костяной рог полевого коммуникатора.

Но продвигаться вперед они не могли. Тучи защитников собирались со всех сторон и теснили армию освобождения назад. Новые силы армии узурпатора собрались недалеко от Валентина, точно по какому-то плану, и начали расходиться оттуда лучами почти ощутимой мощи. «Да, похоже, их новый генерал там, в дыму битвы, — подумал Валентин. — Сильный и вдохновенный полевой командир сплотил запаниковавшие было отряды, как это должен был сделать я».

— Мой лорд, — крикнул Ирманар, — видишь холм справа? За ним вражеский командный пункт. Там их генерал.

— Я хочу взглянуть на него, — сказал Валентин, давая сигнал вознице.

— Мой лорд, — продолжал Ирманар, — мы должны атаковать его и обезвредить, прежде чем он добьется еще большего преимущества.

— Да, конечно, — рассеянно пробормотал Ва-

лентин и прищурился, пытаясь лучше разглядеть происходящее.

Отсюда казалось, что кругом царил полный беспорядок. Но постепенно ему удалось разобраться в обстановке. Да, это, должно быть, он. Высокий, выше Валентина, с сильным, волевым лицом, властным ртом, пронзительными темными глазами, густыми черными волосами, стянутыми сзади в тугой узел. Он выглядел до странности знакомо — так знакомо, что не подлежало сомнению: Валентин знал его, знал давно и близко, еще в те дни, когда жил в Горном замке, но сейчас его разум был так затуманен хаосом битвы, что какое-то время он никак не мог дотянуться до необходимых воспоминаний, извлечь из своей восстановленной памяти и определить…

Да, конечно. Это Элидат. Как можно было забыть хоть на миг друга юности, казавшегося иногда даже ближе брата Вориакса, — Элидата, близкого к Валентину по способностям и характеру, Элидата, которого все, даже сам Валентин, считали следующим возможным короналем.

Элидат руководит вражеской армией! Элидат — опасный полководец, которого надо устранить!

— Мой лорд, — напомнил Ирманар, — мы ждем твоих приказов.

Валентин вздрогнул.

— Окружите его, — сказал он, — нейтрализуйте и возьмите в плен, если удастся.

— Мы можем открыть огонь…

— Он должен остаться невредимым, — резко приказал Валентин.

— Мой лорд…

— Я сказал — невредимым!

— Слушаюсь, мой лорд, — неуверенно ответил Ирманар. Для него враг был только врагом, а этот генерал принесет немало ущерба, если его не убить как можно быстрее. Но Элидат…

Валентин с тревогой и напряжением следил, как Ирманар собрал свои отряды и повел их к лагерю Элидата. Приказать, чтобы Элидату не вредили, — дело простое, но как проследить за этим в разгаре битвы? Валентин больше всего боялся, чтобы кто-то из преданных ему людей не повел туда отряды. Знать, что Элидат в опасности, что он должен погибнуть, чтобы армия освобождения пошла вперед, — это было ужасно!

Валентин встал.

— Ты не должен… — начал Делиамбер.

— Должен, — прервал его Валентин и выскочил из фургона, пока вруун не наложил на него какие-нибудь чары.

С земли ничего не было видно: все носятся туда-сюда, друзей от врагов не отличить, кругом суматоха, крики, пыль. Сражение, за ходом которого Валентин наблюдал из фургона, отсюда выглядело совсем иначе. Валентину казалось, что отряды Ирманара отошли куда-то в сторону, а возле командного пункта Элидата идет беспорядочная битва.

— Мой лорд, — окликнул его Шанамир, — тебе нельзя быть на самом виду. Ты…

Валентин отмахнулся от него и двинулся в гущу сражения.

События вновь приняли иной оборот. Теперь казалось, что Ирманар сосредоточил атаку на лагере Элидата. Армия Валентина собралась с силами и снова повергла врага в смятение. Рыцари и горожане отступали, разбегались в разные стороны, пытаясь уклониться от безжалостного наступления атаковавших, а где-то впереди ядро защитников крепко сплотилось вокруг Элидата — единственная крепкая скала в бушующем потоке.

«Только бы он остался жив! — взмолился Валентин. — Пусть он будет взят в плен, и взят быстро, но пусть останется жив!» Он подался вперед, всматриваясь в ход битвы.

Снова казалось, что победа в руках Валентина, но цена ее будет высокой, слишком высокой, если придется заплатить жизнью Элидата.

Валентин увидел впереди Лизамон и Кхуна, плечом к плечу прорубающих дорогу для других, идущих за ними. Кхун смеялся, словно всю жизнь ждал минуты, чтобы попробовать свои силы. Неожиданно вражеская стрела ударила синекожего пришельца в грудь. Кхун покачнулся и медленно обернулся. Лизамон подхватила его и осторожно опустила на землю.

— Кхун! — закричал Валентин, бросаясь к нему.

Даже с расстояния двадцати ярдов было видно, что Кхун ранен смертельно. Он задыхался, худое, с резкими чертами лицо посерело, глаза потускнели. Увидев Валентина, он немного просветлел и попытался сесть.

— Мой лорд, — сказала великанша, — тебе здесь не место.

Валентин склонился над раненым.

— Кхун! Кхун?! — настойчиво шептал он.

— Все правильно, мой лорд. Так я и знал — не зря я прибыл на вашу планету.

— Кхун!

— Одно плохо… я не побываю на банкете в

честь победы…

Валентин поддерживал чужеземца за костлявые плечи, но жизнь покинула Кхуна быстро и спокойно. Его долгое путешествие закончилось. Он наконец достиг цели и обрел покой.

Валентин выпрямился и оглянулся вокруг, воспринимая сумасшествие битвы, как во сне. Заслон его людей окружал его, и кто-то, кажется, Слит, дергал его за руку, чтобы отвести в безопасное место.

— Нет, — возразил Валентин, — я буду сражаться…

— Не здесь, мой лорд. Ты хочешь разделить судьбу Кхуна? Что будет со всеми нами, если ты погибнешь? Вражеские отряды придут к нам из прохода Перитол. Тебе нельзя находиться здесь.

Валентин понимал это. Доминина Барджазида не было на поле битвы, не следовало быть здесь и Валентину. Но как он может сидеть в фургоне, когда другие умирают, когда даже Кхун, инопланетянин, отдал жизнь за Валентина, когда любимый друг Элидат в опасности? Валентин заколебался. Слит выпустил его и тут же позвал Залзана Кавола. Скандар был неподалеку, с мечами в трех руках и энергометом в четвертой. Держа защитников на почтительном расстоянии,

он пробился к Валентину. Тот вдруг подумал, что скандар может просто утащить его с поля боя силой, и сказал:

— Подожди. Предполагаемый наследник в опасности. Я приказываю тебе следовать за мной.

Слит и Залзан Кавол опешили.

— Какой наследник? — повторил Слит. — Кто?..

— Идите за мной. Я приказываю!

— Мой лорд, — начал Залзан Кавол, — твоя безопасность…

— Важно не только это. Слит, иди слева, Залзан Кавол — справа.

Они были слишком растеряны, чтобы не подчиниться. Валентин подозвал также и Лизамон. Под охраной друзей он быстро направился к переднему краю врага и закричал изо всех сил:

— Элидат!

Голос его разнесся далеко, и этот могучий звук на миг заставил замереть все вокруг. За толпами неподвижных воинов Валентин разглядел Элидата, их глаза на мгновение встретились, и Валентин увидел, как темноволосый генерал на мгновение замер, нахмурился и пожал плечами.

— Схватите этого человека! Приведите его ко мне — невредимым! — крикнул Валентин Слиту

и Залзану Каволу.

И в тот же миг суматоха битвы возобновилась с удвоенной силой. Воины Валентина снова накинулись на отчаянно отбивающегося и отступающего врага, и он во второй раз заметил Элидата, окруженного щитом из верных ему людей, отчаянно старающихся удержаться. Затем Элидат пропал из виду во всеобщем хаосе. Кто-то дергал его за рукав — Слит, наверное, или Карабелла, — снова и снова напоминая ему о возвращении в безопасное место, к повозке, но он только что-то неразборчиво буркнул в ответ и высвободил руку.

— Элидат из Морвола! — снова закричал Валентин. — Выходи на переговоры!

— Кто зовет меня? — послышался ответ.

Толпа между Валентином и Элидатом снова раздалась. Валентин протянул руки к хмурой фигуре и начал было говорить, но решил, что слова слишком медлительны и неуклюжи, поэтому быстро вошел в транс и бросил Элидату через разделяющее их пространство полную силу своего духа в образах, спрессованных в долю секунды.

Два мальчика едут верхом по лесу… Толстый корень протянулся, как змея, через тропинку. Животное споткнулось, мальчик упал… Ужас-

ный треск, и острая белая кость вылезла сквозь разорванную кожу… Второй мальчик спешился и испуганно присвистнул, увидев рану…

Валентин больше не в силах был удержать мысленные образы. Контакт прервался. Валентин в изнеможении отступил и вернулся к реальности.

Элидат растерянно смотрел на него. Они словно остались только вдвоем на поле, а все, что происходило вокруг, было не более чем шумовым фоном.

— Да, — сказал Валентин, — ты знаешь меня, Элидат, только не в этом облике.

— Валентин?

— Он самый.

Они пошли друг другу навстречу. Отряды обеих сторон окружили их и молча с интересом ожидали… Их разделяли несколько шагов, когда оба остановились и неуверенно приняли боевую позу, словно дуэлянты. Элидат ошеломленно разглядывал Валентина.

— Разве такое возможно? — спросил он наконец. — Разве существует такое колдовство?

— Мы ездили вместе в карликовый лес под Амблеморном, — напомнил Валентин. — Я никогда не испытывал такой боли, как в тот день.

Помнишь, как ты вставлял сломанную кость на место и сам плакал, будто это была твоя нога?

— Откуда тебе все это известно?

— А потом я не мог ходить несколько месяцев, и ты, Тонигорн и Стазилейн рыскали по Горе без меня. Хромота у меня так и осталась. — Валентин засмеялся: — Доминин Барджазид украл у меня эту хромую ногу вместе с моим телом. Разве кто-нибудь даже из близких ему мог рассчитывать на такую милость?

Элидат потряс головой, как бы сбрасывая паутину сна.

— Колдовство!

— Да. А я — Валентин.

— Валентин в Замке. Я виделся с ним вчера, он вызывал меня, разговаривал о старых временах, о наших развлечениях…

— Это украденные воспоминания, Элидат. Он шарил в моем разуме. Ты ничего необычного не заметил в нем за последний год?

Валентин внимательно посмотрел в глаза Элидата, и тот отвел взгляд, словно боясь оказаться под властью чар.

— Тебе не казалось, что твой Валентин отдалился от тебя, стал задумчивым, таинственным?

— Да, но я думал, что его сделали таким госу-

дарственные заботы.

— Но все-таки ты уловил разницу, перемену?

— Да, легкую. Некоторую холодность, отчуждение…

— Ты все еще не признаешь меня?

— Валентин? — прошептал Элидат недоверчиво. — Это и в самом деле ты — в чужом теле?

— Именно. А тот, который в Замке, обманул и тебя, и весь мир.

— Это так странно…

— Брось бормотать, Элидат! Давай же, обними меня!

Валентин широко улыбнулся, притянул друга к себе и крепко обнял. Элидат оцепенел, тело его стало как деревянное. Затем он оттолкнул Валентина и отступил, дрожа.

— Не бойся меня, Элидат.

— Ты слишком многого хочешь от меня. Поверить в такое…

— Поверь.

— Я и так наполовину поверил. Тепло твоих глаз, твоя улыбка, твои воспоминания…

— Поверь мне до конца, — настаивал Валентин. — Хозяйка Острова, моя мать, шлет тебе свою любовь. Ты снова увидишь ее в Замке, когда мы будем праздновать мою победу. Поверни свои

отряды, мой дорогой друг, присоединяйся ко мне, и мы вместе пойдем на Гору.

Лицо Элидата выражало борьбу, губы его шевелились, щека дергалась. Он долго молча смотрел на Валентина и наконец произнес:

— Пусть это безумие, но я верю тебе, Валентин. Я присоединяюсь к тебе, но да поможет тебе Божество, если ты обманул меня.

— Обещаю тебе, ты не раскаешься.

Элидат кивнул:

— Я пошлю гонцов к Тонигорну.

— Где он?

— Охраняет проход Перитол от твоего предполагаемого нападения. Стазилейн тоже там. Я расстраивался, что меня оставили командовать здесь, поскольку думал, что пропущу все действие. Ох, Валентин, неужели это и вправду ты? Золотые волосы, невинные глаза…

— Я тот, кто вместе с тобой, позаимствовав колесницу Вориакса, ускользнул в Высокий Морпин, когда нам было по десять, и мы ездили на ней целый день и еще полночи, а после меня наказали так же, как и тебя…

— Да, посадив на хлебные корки стаджа на три дня…

— А Стазилейн украдкой приносил нам мясо и

попался, и на следующий день вместе с нами ел хлебные корки…

— А я забыл об этом. А помнишь, как Вориакс заставил нас полировать его колесницу, которую мы испачкали?

— Элидат!

— Валентин!

Оба засмеялись и дружески потыкали друг друга кулаками.

— Но где же ты был? — Элидат вдруг нахмурился. — Что с тобой происходило весь этот год? Ты страдал? Ты…

— Это очень долгая история, — серьезно ответил Валентин. — Сейчас не время и не место рассказывать ее. Надо остановить сражение, Элидат. Невинные граждане погибают за Доминина Барджазида. Мы не можем допустить это. Собирай свои отряды и поворачивай их обратно.

— В этом сумасшедшем доме это нелегко!

— Отдай приказ. Передай другим командирам. Кровопролитие надо остановить. А затем отправимся вместе к Бомбифэйлу, а оттуда — мимо Высокого Морпина — к Замку.

Глава 11

Валентин вернулся в свою повозку, а Элидат исчез среди поредевших отрядов защитников. От Ирманара Валентин узнал, что во время переговоров его люди сильно продвинулись вперед, по-прежнему держась плотным клином, и привели большую, но плохо организованную армию мнимого короналя в почти полный беспорядок. Клин продолжал расширяться, а отряды противника уже не имели ни воли, ни желания сдерживать его. Без крепкого боевого духа Элидата защитники оказались беспомощными.

Однако именно из-за беспорядочных действий и царившего в рядах защитников Горы смятения остановить битву оказалось почти невозможно. Сотни и тысячи воинов хлынули хаотическими потоками на Бомбифэйлскую равнину, и еще тысячи бежали из Прохода, и обуздать всю эту толпу просто не было средств. Валентин увидел звездное знамя Элидата где-то в середине поля и понял, что тот пытается связаться со своими офицерами, но армия вышла из-под контроля, и солдаты гибли напрасно.

Все это безумно огорчало Валентина, но он не

мог ничего сделать. Он дал сигнал Ирманару продолжать движение вперед.

Через час ход битвы начал странным образом изменяться. Клин Валентина шел вперед, почти не встречая сопротивления, а фаланга под предводительством Элидата столь же легко продвигалась с востока. Остатки гигантской армии, занимавшей равнину, были, таким образом, разделены, и, запутавшись, они уже воевали друг с другом, разбиваясь на небольшие группы, которые отчаянно цеплялись за островки плато и отбивались от любого, кто к ним приближался.

Скоро эти бесполезные орды остались далеко в тылу у Валентина, а двойная колонна вошла в ту часть равнины, откуда начинался подъем к Бомбифэйлу, самому старому и самому красивому из Внутренних Городов. Стоял ранний полдень, когда они поднялись по склону, небо стало еще ярче, а воздух теплее, поскольку пояс облаков закончился и начались нижние склоны вершины, вечно купавшейся в лучах солнца.

Теперь уже был виден Бомбифэйл. Он возвышался, как памятник древней роскоши: громадные зубчатые стены из оранжевого песчаника с большими гранеными плитами голубого морского шпата, привезенного с берегов Великого океана

во времена лорда Пинитора, и величественными, стройными и изящными остроконечными башнями, стоявшими через равные промежутки на зубцах стен.

Душа Валентина преисполнилась радости. Сотни миль Замковой горы остались позади, пройдены, кольцо за кольцом, великие города: Города Склона, Свободные и Сторожевые Города. Сам же Замок находился еще примерно в одном дне пути наверх, и армия, которая могла остановить восхождение Валентина, сейчас в полном беспорядке рассыпалась позади. И хотя по ночам он еще ощущал далекие, исполненные угроз послания Короля Снов, они лишь слегка задевали его. Его любимый друг Элидат поднимался с ним, Стазилейн и Тонигорн тоже намеревались присоединиться к нему.

Как хорошо было смотреть на шпили Бомбифэйла и знать, что впереди! Холмы, ограничивающие город вдали, чистая трава лугов, красный камень горной дороги от Бомбифэйла до Высокого Морпина, усыпанные цветами поля, связывавшие тракт Калинтэйн с южным крылом Замка, — он знал все эти места лучше, чем свое новое, все еще не вполне привычное тело. Он был почти дома.

А дальше?

Покончить с узурпатором, восстановить порядок… Задача была так огромна, что Валентин не знал, с чего начать. Он отсутствовал в Замке почти два года. Законы, изданные Доминином Барджазидом, нужно будет проверить и скорее всего отменить. Еще один вопрос, над которым он доселе просто не задумывался: как ввести своих спутников в имперскую службу. Ему нужно найти посты для Делиамбера, Слита, Залзана Кавола и других. Надо думать и об Элидате и прочих, занимавших центральное положение при его дворе. Не мог же он их сместить только потому, что вернулся из ссылки с новыми любимцами. Все это было очень сложно, но он надеялся, что сумеет уладить все, не вызвав недовольства и не причинив…

Делиамбер вдруг резко прервал ход его мыслей:

— Боюсь, нам грозят новые неприятности, и притом немалые.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты заметил какие-нибудь перемены в небе?

— Да. Оно стало ярче, когда мы вышли из пояса облаков.

— Посмотри внимательнее, — настаивал Делиамбер.

Валентин уставился вверх. Да, он и в самом деле поторопился с ответом.

Небо изменилось, и очень странно, появилось легкое затемнение, как перед грозой, ни одного облачка, только странный и зловещий оттенок серого наползал на голубизну. Знамена, ранее колыхавшиеся на легком западном ветерке, склонились к югу под внезапным сильным порывом ветра с вершины.

— Погода меняется, — сказал Валентин. — Может, дождь пойдет? А почему ты обеспокоен?

— Ты когда-нибудь видел внезапные перемены погоды в этой части Замковой горы?

— Нет вообще-то…

Валентин нахмурился.

— Этого никогда не было. Мой лорд, почему в этом районе такой благословенный климат?

— Потому что из Замка им управляют громадные погодные машины…

Он замолчал, пораженный ужасной мыслью.

— Вот именно, — кивнул Делиамбер.

— Нет, это немыслимо!

— Подумай, мой лорд. Гора устремляется высоко в холодную ночь космоса. В Замке над нами прячется испуганный человек, коварно захвативший трон. Он видит, что большая часть его

верных генералов перешла на сторону врага. Непобедимая армия беспрепятственно поднимается на вершину Горы. Как может он уберечься от нее? Выключить машины, чтобы этот мягкий воздух замерз в наших легких, чтобы в полдень настала ночь и мрак вакуума обрушился на нас, чтобы Гора снова стала безжизненной, как десять тысяч лет назад. Посмотри на небо, Валентин, посмотри на знамена на ветру!

— Но на Горе живет миллиард жителей! — закричал Валентин. — Если он выключит погодные машины, он убьет вместе с нами всех, и себя тоже, если он не нашел какой-нибудь способ изолировать Замок от холода!

— Ты думаешь, ему дорога теперь собственная жизнь? Он пропал в любом случае. Но так с ним погибнешь не только ты — он убьет и всех обитателей Замковой горы. Посмотри на небо, Валентин. Видишь, как оно темнеет?

Валентин дрожал от ярости. Доминин Барджазид хочет уничтожить в этом чудовищном катаклизме все города Горы, убить матерей с детьми, фермеров на полях, торговцев в лавках, миллионы и миллионы невинных, которые никак не участвуют в этой борьбе за Замок. Зачем эти убийства? Только чтобы утолить свою ярость,

теряя то, что никогда не принадлежало ему по праву! Валентин смотрел в небо, все еще надеясь, что это какой-то природный феномен. Глупо надеяться! Делиамбер был прав: погода на Замковой горе никогда не была природным феноменом.

— Мы еще далеко от Замка, — встревожился Валентин. — Сколько времени пройдет, прежде чем все погибнут?

Делиамбер пожал плечами:

— Когда погодные машины были созданы, мой лорд, прошло много месяцев, пока воздух достаточно уплотнился, чтобы поддерживать жизнь на этих высотах. Машины работали день и ночь, однако это заняло много времени. Ломать — не строить, но все-таки я думаю, это произойдет не очень скоро, не в одно мгновение.

— Сумеем ли мы вовремя достичь Замка и предотвратить уничтожение?

— Как знать, мой лорд…

Валентин приказал остановить повозку и собрал офицеров. Фургон Элидата еще до приказа уже спешил к Валентину: видимо, Элидат тоже заметил что-то. В воздухе ощущался лишь слабый намек на похолодание, но и этого было вполне достаточно для серьезных опасений.

Элидат подбежал к Валентину и указал на тем-

неющее небо.

— Мой лорд, безумец решился на самое худшее!

— Я знаю. Мы тоже заметили перемену.

— Тонигорн уже близко, а Стазилейн едет со стороны Бэнглекода. Мы должны как можно быстрее двигаться к Замку.

— Думаешь, успеем? — спросил Валентин.

— Постараемся. — Элидат нервно улыбнулся. — Но это будет самое быстрое путешествие домой, когда-либо совершаемое мною.

Собрались озадаченные Слит, Карабелла, Лизамон, Эйзенхарт, Ирманар. Эти чужие на Замковой горе люди, вероятно, заметили перемену погоды, но не сделали из этого таких мрачных выводов. Они встревоженно смотрели то на Валентина, то на Элидата, чувствуя, что происходит что-то неладное, но не понимая, что именно. Валентин объяснил.

— Остановки в Бомбифэйле не будет, — добавил он. — Мимо Высокого Морпина едем прямо к Замку и нигде не задерживаемся.

Он взглянул на Ирманара.

— Я полагаю, возможна паника в отрядах. Не допусти ее. Объясни всем, что мы будем спасены, если вовремя достигнем Замка, что единственная

надежда — в скорости. Понятно? От нее зависят жизни миллиарда граждан, в том числе и наши.

Глава 12

Подъем на Гору был вовсе не таким радостным, как представлял себе Валентин. После победы на Бомбифэйлской равнине с него как бы свалился тяжкий груз, потому что он не видел больше препятствий на своем пути. Он мечтал о безмятежном путешествии к Внутренним Городам, о триумфальном банкете в Бомбифэйле, о том, как Барджазид трясется от страха в ожидании его, о входе в Замок, о захвате узурпатора, о полной победе. Но все эти приятные мечты разлетелись. Армия в отчаянной спешке поднималась вверх. Небо с каждой минутой становилось темнее, ветер с вершины крепчал, воздух становился все более сырым и едким. Что думают об этих переменах в Бомбифэйле, Перитоле и выше — в Хэлэнксе и Морпине, да и в самом Замке?

Конечно, все понимают, что произошло нечто ужасное, если вся прекрасная Замковая гора содрогается от непривычных порывов холодного ветра и день вдруг обращается в ночь. Но понимают ли они, какое бедствие обрушивается на них? А обитатели Замка? Пытается ли кто-нибудь добраться до погодных машин, которые выклю-

чил их сумасшедший корональ, или узурпатор перекрыл доступ к машинам и смерть все равно поразит всех?

До Бомбифэйла было теперь рукой подать. Валентин сожалел, что они вынуждены проехать мимо города, ведь его армия после боев нуждалась хотя бы в короткой передышке. Но если они задержатся в Бомбифэйле, то останутся в нем навеки.

Так что — вверх и вверх, сквозь надвигающуюся ночь. Как ни быстро они ехали, Валентину все равно казалось, что они продвигаются слишком медленно, потому что он представлял себе собиравшиеся на площадях городов беспорядочные толпы перепуганных людей, глядевших в небо, кричавших: «Лорд Валентин, спаси нас!» — и не знавших, что черноволосый человек, к которому они обращают свои мольбы, и есть виновник их гибели. Он мысленно видел, как жители Замковой горы миллионами хлынут на дороги в паническом бегстве на нижние уровни, в безнадежных, бесплодных попытках избежать смерти. Он представлял себе, как языки пронизывающего ветра лижут прекрасные растения Барьера Толингара, замораживают каменных птиц Фурибла, губят элегантные сады Сти и Минимула,

превращают в лед каналы Хоикмара. Это чудо — Замковая гора — создавалось восемь тысяч лет, а безумец с холодной и подлой душой уничтожит ее в мгновение ока.

Стены и башни Бомбифэйла, прекрасные даже в этом гаснущем свете, манили к себе, но Валентин проехал мимо, торопясь дальше по ступеням горной дороги, вымощенной древними плитами красного камня. Повозка Элидата шла справа от него, Карабеллы — слева, чуть позади ехали Слит, Залзан Кавол, Ирманар, Лизамон, а за ними — все отряды, собранные Валентином в его долгом путешествии. Все спешили за своим лордом, но понимали, что наступает миг апокалипсиса, когда зло готово восторжествовать и победить его могут только мужество, храбрость и скорость.

Валентин сжал кулаки, пытаясь усилием воли заставить повозку двигаться быстрее. Делиамбер, сидевший рядом, уговаривал его успокоиться. Но как быть спокойным, когда сам воздух Замковой горы уходит молекула за молекулой, а непроглядная тьма ледяной ночи начинает окутывать все вокруг?

— Видишь вдоль дороги деревья с малиново-золотыми цветами? — обратился Валентин к колдуну. — Это галантинги, посаженные четы-

реста лет назад. Когда они цветут, в Высоком Морпине устраивают фестиваль, и тысячи людей танцуют на дороге между ними. Видишь — листья уже съежились и почернели по краям. Они никогда не знали такой низкой температуры, а холод еще только начинается. Что будет с ними через восемь часов? И что станет с людьми, любившими танцевать под ними? Если даже такой холод губит листья, что будет в настоящий мороз и снег? Снег на Замковой горе! И даже хуже, чем снег, — когда исчезнет воздух и все окажется беззащитным под звездами!

— Мы еще не пропали, мой лорд. Что за город над нами?

— Высокий Морпин — город развлечений, где происходят игры.

— Думай об играх, которые будут здесь в следующем месяце, мой лорд, в честь твоего триумфа.

Валентин кивнул.

— Да, — сказал он без тени иронии, — я буду думать об играх, о смехе, о вине, о цветах на деревьях, о пении птиц. Нельзя ли заставить этот фургон двигаться быстрее, Делиамбер?

— Он плавает в воздухе, а не летает. Наберись еще терпения.

Замок уже близко.

— Еще несколько часов, — угрюмо произнес Валентин.

Он изо всех сил старался сохранить душевное равновесие. Он вспоминал Валентина-жонглера, простоватого парня, похороненного теперь где-то в глубинах его существа, который когда-то стоял на стадионе в Пидруиде и отрабатывал только что выученные приемы, сосредоточиваясь только на точности руки и остроте глаза. «Держись в центре своей души, помни, что жизнь — игра, путешествие, короткие развлечения, что коронали могут падать в реки, что их могут сожрать морские драконы, высмеять в пантомиме метаморфы».

Ну и что? Довольно слабое утешение. Это неудачи одного человека, довольно тривиальные в глазах Божества, хоть этот человек и был короналем. А здесь — угроза миллиарду невинных жизней и произведению искусства — Горе, возможно, единственной во всей Вселенной.

Валентин посмотрел на безбрежное темнеющее небо, на котором, как он боялся, скоро проявятся звезды, прямо в полдень. Все эти звезды — множество миров, и было ли на какой-нибудь из них хоть что-то сравнимое с Горным замком и Пятьюдесятью Городами? И все это сегодня погибнет?

— Высокий Морпин, — произнес Валентин. — Я надеялся, что мое возвращение к тебе будет более счастливым.

— Тише, успокойся, — прошептал Делиамбер. — Сегодня мы пройдем мимо. В другой раз ты приедешь сюда в радости.

Высокий Морпин сияющим воздушным плетением поднимался справа. Город-фантазия, город игр, чудес и грез, город, сплетенный из золотой проволоки, как думал в детстве Валентин, когда смотрел на его чудесные здания. Сейчас он бросил на него взгляд и быстро отвернулся. До Замка оставалось десять миль — сущий пустяк.

— Как называется эта дорога? — спросил Делиамбер.

— Большой тракт Калинтэйн. Я тысячу раз ездил по нему в город развлечений и обратно. Поля, окружающие его, засеяны таким образом, что в любой день года на них что-нибудь цветет, и всегда в гармоничном сочетании красок: желтое по соседству с голубым, красное — вдали от оранжевого, по краям — розовые и белые цвета. А сейчас, видишь, все цветы отвернулись от нас и поникли на стеблях.

— Если холод их уничтожит, растения можно посадить снова. Но пока еще этого не случилось.

Они не так нежны, как ты думаешь.

— Я чувствую холод на их листьях как на собственной коже.

Теперь они были на вершине Замковой горы, так высоко над равнинами Алханроэля, как будто попали на другую планету. Здесь все заканчивалось фантастическим взлетом островерхих пиков и утесов. Вершина словно сотнями копий целилась в звезды, и среди этих изящных каменных шпилей поднимался округлый бугор высочайшего места на планете, где восемь тысяч лет назад, после победы над метаморфами, лорд Стиамот устроил свою имперскую резиденцию. И с тех пор каждый корональ отмечал свое правление новыми залами, пристройками, зубчатыми стенами и парапетами. Замок тянулся на тысячи акров, город в себе, лабиринт более запутанный, чем убежище понтифекса. И вот они почти достигли Замка.

Совсем стемнело. Над их головами светились холодные, безжалостные звезды.

— Наверное, воздух уходит, — прошептал Валентин. — И скоро придет смерть.

— Просто наступила ночь, — ответил Делиамбер. — Мы ехали весь день без отдыха, и ты не заметил, как прошло время.

— А воздух?

— Он становится более холодным и более разреженным, но он еще не ушел.

— Время еще есть?

— Есть.

Они проехали последний поворот. Валентин хорошо его помнил: поворот тракта взлетал резкой дугой вокруг горы, и перед ошеломленным путешественником вырастал Замок.

Валентин еще не видел Делиамбера таким изумленным.

— Что это за здания, Валентин? — тихо спросил колдун.

— Это Замок.

Да, это был Замок лорда Малибора, Замок лорда Вориакса, Замок лорда Валентина. Ниоткуда нельзя было увидеть его целиком или хотя бы сколько-нибудь значительную его часть, но отсюда открывалась громадная каменная и кирпичная кладка, поднимавшая уровень над уровнем, лабиринт над лабиринтом, завиваясь по спирали, сверкая миллионами огней.

Страх Валентина исчез, а вместе с ним и мрачное настроение. Лорду Валентину не пристало печалиться в Замке лорда Валентина. Теперь он дома, и какая бы рана ни была нанесена миру, он

сумеет ее залечить.

Тракт Калинтэйн заканчивался площадью Дизимаул возле южного крыла Замка — огромным открытым пространством, вымощенным кусочками зеленого фарфора с золотой Горящей Звездой в центре. Валентин вышел из фургона и собрал своих офицеров. Дул пронзительный холодный ветер.

— Здесь есть стража у ворот? — спросила Карабелла. — Нам не придется сражаться?

Валентин улыбнулся и покачал головой:

— Стражи нет. Кто и когда вторгался в Замок короналя? Мы просто проедем через арку Дизимаул. Но внутри можем снова встретиться с вражескими отрядами.

— Стража Замка подчиняется мне, — сказал Элидат, — и с ней буду иметь дело я.

— Хорошо. Держитесь вместе, уповайте на Божество, а утром отпразднуем победу. Клянусь!

— Да здравствует лорд Валентин! — закричал Слит, и все подхватили приветствие.

Валентин поднял руки — как в знак признательности, так и для того, чтобы восстановилась тишина.

— Праздновать будем завтра, а сегодня даем бой, и, надеюсь, последний!

Глава 13

Какое странное ощущение — вновь пройти под аркой Дизимаул и замереть от восторга, увидев перед собой пышное великолепие Замка!

Мальчиком он играл на этих бульварах и улицах, терялся среди чудес бесконечно перепутывающихся проходов и коридоров, благоговейно взирал на стены и башни, ограды и своды. Юношей, на службе у своего брата лорда Вориакса, он жил в Замке во дворе Пинитора, где располагались резиденции высоких официальных лиц, и много раз гулял вдоль парапета во дворе лорда Оссира, любуясь Верхними Городами. Став короналем, он занимал самый внутренний сектор дворца. Он с наслаждением прикасался к древним камням Башни лорда Стиамота, проходил через тронный зал лорда Конфалюма, изучал звезды в обсерватории лорда Кинникена и размышлял о том, что он сам добавит к Замку. И вот теперь он снова здесь и только сейчас осознал, как любит это место — не за то, что оно было символом власти и имперского величия, а главным образом потому, что это была ткань веков, живая, дышащая ткань истории.

— Замок наш! — радостно закричал Элидат.

Армия Валентина вошла в неохраняемые ворота.

«Но что хорошего, — подумал Валентин, — если по Горе идет смерть и все жители умрут через несколько часов?» Слишком много времени прошло с тех пор, как воздух начал разрежаться. Валентин хотел попытаться как-то задержать процесс рассеивания атмосферы.

Усилившийся холод, упавший на Замковую гору, нигде не был так заметен, как в самом Замке. Его обитатели, уже ошеломленные и испуганные событиями гражданской войны, стояли, как восковые фигуры, в то время как отряды Валентина врывались внутрь Замка. Некоторые, более практичные или быстрее соображающие, кричали:

— Да здравствует лорд Валентин!

Большинство же при виде золотоволосого незнакомца вели себя так, словно мозги их уже начали замерзать.

Отряды атаковавших быстро и точно двигались к указанным Валентином целям. Герцог Хейтлуиг и его воины из Бибируна хлынули по периметру Замка, чтобы остановить любые вражеские силы. Эйзенхарт и шесть отрядов жителей долин стали закрывать многочисленные ворота Замка,

чтобы никто из приверженцев узурпатора не смог ускользнуть. Слит и Карабелла со своими отрядами пошли наверх, к имперским холлам внутреннего сектора, чтобы захватить правительственные посты. Сам Валентин с Элидатом, Ирманаром и их объединенными силами спустился по спиральному мощеному проходу к подземелью, где находились погодные машины. Остальные отряды под командой Насимонта, Залзана Кавола, Шанамира, Лизамон и Горзвала растеклись по всему Замку в поисках Доминина Барджазида, который мог скрываться в любой из тысяч комнат.

В конце мощеного спуска Валентин остановил повозку, потому что она не могла двигаться дальше, и быстро пошел пешком. Нос, губы и уши немели от холода, сердце сильно колотилось, легкие с трудом работали в разреженном воздухе. Подземелье было почти незнакомо ему, он был здесь всего раз или два, и то очень давно, но Элидат, похоже, знал дорогу. По коридорам, по бесконечным пролетам широкой каменной лестницы они устремились к высокой арке, точками мерцавшей вдали. Воздух заметно охлаждался, неестественная ночь плотнее охватывала Гору.

Перед ними возникла громадная деревянная

дверь, обитая толстыми металлическими полосами.

— Взломать! — приказал Валентин. — Прожечь, если понадобится!

— Подожди, мой лорд, — прозвучал тихий дрожащий голос.

Валентин быстро обернулся. Древний гэйрог, с кожей, похожей на пергамент, с безжизненно свисающими змееподобными волосами, вышел из проема в стене и неуверенно, пошатываясь, подошел к ним.

— Хранитель погодных машин, — пробормотал Элидат.

Гэйрог выглядел полумертвым.

Он растерянно переводил взгляд с Элидата на Ирманара, с Ирманара на Валентина, а затем упал к ногам Валентина, обняв сапоги короналя.

— Мой лорд… лорд Валентин, спаси нас! Машины выключены!

— Ты можешь открыть дверь?

— Да, милорд. Командный пост в этом проходе, но он занят отрядами, меня вытолкали оттуда. Что они сделали, мой лорд? Что будет со всеми нами?

Валентин поднял трясущегося гэйрога.

— Открой дверь.

— Слушаюсь, мой лорд. Минуточку…

«Скорее вечность», — подумал Валентин.

Послышался скрежет подземного механизма, и тяжелая дверь со скрипом и стоном начала отходить в сторону.

Валентин хотел первым ворваться в отверстие, но Элидат грубо схватил его за руку и оттащил назад. Валентин хлопнул по державшей его руке, словно то было надоедливое насекомое, но Элидат держал его крепко.

— Нет, мой лорд, — резко сказал он.

— Пусти, Элидат.

— Пусть это будет стоить мне головы, Валентин, но я не пущу тебя туда. Отойди в сторону.

Валентин оглянулся на Ирманара, но тот не поддержал его.

— Гора замерзает, мой лорд, а ты задерживаешь нас, — произнес Ирманар.

— Я не позволю…

— Отойди! — приказал Элидат.

— Я корональ!

— А я отвечаю за твою безопасность. Не обижайся, мой лорд, но внутри вражеские солдаты, отчаявшийся народ, защищающий последний оплот власти узурпатора. Увидит тебя какой-нибудь снайпер, и вся наша борьба окажется

напрасной. Отойдешь сам, Валентин, или я буду вынужден оттолкнуть тебя?

Валентин раздраженно уступил и сердито смотрел, как Элидат с отрядом копьеносцев прошли мимо него внутрь. Почти сразу же послышались звуки сражения: крики, энергоразряды, стоны. Хотя люди Ирманара стерегли Валентина, он раз десять пытался растолкать их и ворваться в подземелье, но они держались стойко. Затем явился посланец от Элидата и сообщил, что первое сопротивление сломлено, что они идут вглубь, что там баррикады, ловушки, засады вражеских солдат через каждые несколько сотен ярдов. Валентин сжимал кулаки. Как это ужасно — быть священной особой и не иметь возможности рискнуть своей шкурой, а стоять в прихожей, пока вокруг кипит битва за него! Он решил войти внутрь — пусть Элидат хоть взбесится.

— Мой лорд!

К нему бежал запыхавшийся посыльный с другого конца коридора.

— В чем дело? — спросил Валентин.

— Меня послал герцог Насимонт. Мы нашли Доминина Барджазида. Он закрылся в обсерватории. Герцог просит тебя прийти побыстрее.

Валентин кивнул. Это было лучше, чем стоять

здесь без дела.

— Передай Элидату, — велел он адъютанту, — что я пошел наверх. Он волен добираться до погодных машин любым способом, какой сочтет лучшим.

Едва Валентин отправился по проходам, как появился адъютант Горзвала и доложил, что узурпатор во дворе Пинитора, а еще через несколько минут пришло известие от Лизамон, что она преследует Доминина по спиральному проходу, ведущему к отражающему бассейну лорда Симинейва.

В главном холле Валентин нашел Делиамбера, зачарованно следившего за происходящим. Рассказав врууну о противоречивых рапортах, Валентин спросил:

— Может он находиться сразу в трех местах?

— Скорее всего, нет, — ответил колдун, — если только он не един в трех лицах, в чем я сомневаюсь. Но я ощущаю его присутствие, темное и сильное.

— Где?

— Трудно сказать. Его враждебная жизненная сила такова, что отражается от любого камня Замка, и эхо сбивает меня с толку. Но теперь, думаю, я больше не ошибусь.

— Лорд Валентин!

Это был новый посыльный со знакомым лицом: густые сросшиеся брови, легкая доверчивая улыбка. Тонигорн! Второй ближайший друг детства Валентина, теперь один из главных министров королевства. Он смотрел на незнакомца проницательными глазами, как бы пытаясь обнаружить за незнакомой внешностью настоящего Валентина. Рядом с ним стоял Шанамир.

— Тонигорн! — воскликнул Валентин.

— Мой лорд, Элидат сказал мне, что твой облик изменен, но я не думал…

— С этим лицом я кажусь тебе слишком чужим?

Тонигорн улыбнулся:

— Привыкнем, мой лорд. Но это потом. Я принес хорошие новости.

— Увидеть тебя снова — уже хорошая новость.

— Я принес лучшую. Предателя нашли.

— За последние полчаса я слышал уже три раза, что он в трех различных местах.

— Насчет тех рапортов я ничего не знаю, но мы его нашли.

— Где?

— Он спрятался во внутренних покоях. Последним его видел слуга, старый Канзимар,

сохранявший ему преданность до конца. Он видел, как тот трясется и в ужасе бормочет что-то невнятное, и понял наконец, что перед ним не кораль. Изменник закрыл все помещения от тронного зала до гардеробных и сидит там один.

— Да, это и в самом деле хорошие новости!

Валентин повернулся к Делиамберу:

— Твое колдовство подтверждает это?

Делиамбер пошевелил щупальцами:

— Я чувствую злобное, ожесточенное присутствие в том величественном здании.

— Имперские комнаты, — сказал Валентин и обратился к Шанамиру: — Пошли известие Слиту, Карабелле, Залзану Каволу и Лизамон. Я хочу, чтобы они были со мной, когда мы пойдем туда.

— Слушаю, мой лорд.

Глаза мальчика заблестели.

— Кто эти люди, которых ты назвал? — спросил Тонигорн.

— Товарищи по странствиям, дружище. За время моей ссылки они стали мне очень близки.

— Тогда они будут близки и мне, мой лорд. Кто бы они ни были, я буду любить их, раз их любишь ты. — Тонигорн плотнее запахнул плащ. — Что за холод! Когда он кончится? Элидат сказал, что погодные машины…

— Да.

— Их можно поправить?

— Элидат там. Кто знает, что сделал с ними Барджазид… Будем надеяться на Элидата.

Валентин посмотрел на возвышающийся перед ним внутренний дворец и прищурился, как бы стараясь увидеть сквозь благородные каменные стены спрятавшееся за ними злобное испуганное существо.

— Этот холод удручает меня, Тонигорн. Излечение теперь в руках Божества и Элидата. Пошли посмотрим, нельзя ли выкурить это насекомое из его гнезда.

Глава 14

Близился момент последнего расчета с Доминином Барджазидом. Валентин быстро шел вглубь и вверх через все удивительные, хорошо знакомые комнаты.

Эта сводчатая постройка была архивом лорда Престимиона, где великий корональ создавал музей истории Маджипура. Валентин улыбнулся, подумав, что поместит свои жонглерские дубинки рядом с мечом лорда Стиамота и осыпанным драгоценностями плащом лорда Конфалюма. Вот поднимается в головокружительном взлете стройная, кажущаяся хрупкой сторожевая башня, построенная лордом Ариоком, — поистине странная конструкция, предваряющая, пожалуй, значительно большие странности, проявленные Ариоком позднее, во времена его понтифексата. Там двойной атриум с приподнятым бассейном в центре — часовня лорда Кинникена, примыкающая к прекрасному белокафельному залу резиденции Хозяйки Острова Сна, когда та посещала своего сына. А вот стеклянная крыша оранжереи лорда Конфалюма — личная слабость этого обожающего помпезность монарха, поме-

щение, где собраны нежные растения со всего Маджипура. Валентин молил судьбу, чтобы растения пережили эту ночь зимнего холода, потому что он мечтал в ближайшее время прогуляться среди них и снова увидеть чудеса, которые встретил в лесах Зимроэля и на побережье Стойензара. Еще выше — через бесконечный лабиринт коридоров, лестниц, галерей, туннелей, все дальше и дальше…

— Мы умрем не от холода, а от старости, прежде чем доберемся до Барджазида! — ворчал Валентин.

— Теперь уже скоро, мой лорд, — успокаивал его Шанамир.

— Не так скоро, как мне хочется.

— Как ты его накажешь, мой лорд?

Валентин взглянул на мальчика:

— Наказать? Какое наказание может быть за то, что он сделал? Отхлестать? Посадить на три дня на хлеб и на воду? Можно ли наказывать Стейч за то, что она выбросила нас на камни?

Шанамир оторопел:

— Совсем не наказывать?

— В твоем понимании — нет.

— Отпустить на все четыре стороны, чтобы он еще натворил дел?

— Тоже нет, — ответил Валентин. — Но сначала нужно его найти, а уж потом подумаем, что с ним делать.

Через полчаса — а казалось, что прошла вечность, — Валентин стоял перед самым сердцем Замка — огороженными стеной имперскими комнатами, не самыми древними, но наиболее священными. У первых короналей Маджипура здесь были правительственные залы, но потом их заменили более богатыми и впечатляющими помещениями великих правителей последнего тысячелетия, а тут, в стороне от других запутанных лабиринтов Замка, устроили торжественные покои власти. Самые важные государственные церемонии проводились в этих роскошных помещениях с высокими сводами, и вот теперь одно-единственное презренное существо затаилось за древними массивными дверями с огромными массивными резными ручками.

— Ядовитый газ, — предложила Лизамон. — Накачать через стену одну канистру и прихлопнуть его там, где бы он ни был.

— Да! — горячо поддержал ее Залзан Кавол. — Просунуть в эти трещины тонкую трубочку, и газ, каким в Пилиплоке убивают рыбу, поработает внутри.

— Нет, — возразил Валентин, — мы возьмем его живым.

— А это возможно, мой лорд? — спросила Карабелла.

— Можно выломать двери, — прогудел Залзан Кавол.

— Сломать двери лорда Престимиона, которые делали тридцать лет, — и лишь затем, чтобы вытащить мошенника из укрытия?! — воскликнул Тонигорн. — Мой лорд, затея с ядом, по-моему, неглупа. Нам нельзя тратить время.

— Мы не можем действовать как варвары. Никаких отравлений не будет.

Валентин взял руки Карабеллы и Слита и поднял их вверх.

— Вы жонглеры с ловкими пальцами, и ты тоже, Залзан Кавол. Не воспользоваться ли вам ими для других целей?

— Открыть замки, мой лорд? — спросил Слит.

— Вроде того. В эти комнаты есть множество входов. Может, не все они с засовами. Идите, ищите путь в обход барьеров, а я пока попробую другой способ.

Он подошел к гигантской золоченой двери, на каждом квадратном дюйме которой были вырезаны рельефные сцены правления лорда

Престимиона и его прославленного предшественника лорда Конфалюма, и положил руки на тяжелые бронзовые ручки, как бы намереваясь открыть дверь одним крепким нажатием.

Он стоял так довольно долго, отрешившись от всего, что напряженно кипело вокруг. Он попытался отыскать спокойное место в центре своей души, но встретил мощное препятствие: его мозг был наполнен бившей через край ненавистью к Доминину Барджазиду.

За этой массивной дверью находился человек, лишивший Валентина трона, пославший его в странствия, грубо и несправедливо правивший от его имени и, что хуже всего, совершенно чудовищно и непростительно собиравшийся уничтожить миллиард невинных, ни о чем не подозревавших граждан, когда его планы провалились.

Поэтому Валентин ненавидел Доминина Барджазида и поэтому стремился уничтожить его.

Пока он стоял, вцепившись в ручки двери, его мозг наполнили образы жестокости и насилия. Он видел Доминина Барджазида, с которого сдирали кожу, истекающего кровью и вопящего так, что было слышно в Пидруиде. Он видел Доминина Барджазида, прибитого к дереву оперенными

стрелами. Он видел Доминина Барджазида, падающего под градом камней. Он видел…

Валентин дрожал от силы собственной ярости. Но никто в цивилизованном обществе не снимает заживо кожу с врага, никто не обращается с ним жестоко. Даже с таким врагом, как Доминин Барджазид.

«Как, — думал Валентин, — я могу управлять миром, если не умею справляться с собственными эмоциями?» Он знал, что, пока в его душе кипит такая злоба, он так же не имеет права быть короналем, как и Доминин Барджазид. Нужно победить эти чувства. Необходимо очиститься от дикой жажды мести, прежде чем он сделает хоть один шаг навстречу своему врагу.

Валентин боролся. Он расслабил сжавшиеся мышцы плеч и спины, глубоко вдохнул холодный воздух, и постепенно напряжение оставило его. Он нашел то место в своей душе, где так неожиданно вспыхнула злоба, и очистил его. Вот теперь он мог сосредоточиться и почувствовать, что в Замке только двое: он и Доминин Барджазид, — и дверь — единственный барьер между ними. Овладеть собой — лишь малая победа, самое главное впереди.

Он воззвал к силе серебряного обруча Повели-

тельницы Снов, вошел в транс и направил всю силу своего духа к врагу.

Послание Валентина не было сном мести и кары: это слишком явно, слишком дешево, слишком легко. Это был нежный сон любви, дружбы и печали о том, что случилось. Такое послание могло лишь удивить Доминина Барджазида. Валентин показал ему головокружительно прекрасный город развлечений — Высокий Морпин и их двоих, идущих рядом по аллее Облаков, дружески беседующих, улыбающихся, спорящих о различии между ними, пытающихся сгладить все разногласия. Это был рискованный путь. Он мог вызвать насмешки и презрение, если Доминин Барджазид не поймет мотивов Валентина. Но и действовать на него угрозами и яростью тоже было нельзя. Может быть, мягкий путь приведет к победе. Такое послание требовало больших душевных усилий, поскольку наивно было бы предполагать, что Барджазида можно легко обмануть, и если бы доброта Валентина не была искренней, он понял бы это и послание оказалось бы напрасным. Валентин не знал, сможет ли пробудить в себе добрые чувства к человеку, сделавшему столько зла, однако сумел это сделать. Он нашел их в своей душе и послал

сквозь огромную дверь.

Закончив послание, Валентин взялся за дверные ручки, восстановил силы и стал ждать какого-либо знака изнутри.

Неожиданно пришел ответ: мощный взрыв ментальной энергии, пугающий, переполняющий, вырвался из имперских комнат подобно яростному горячему сувраэльскому ветру. Валентин почувствовал всю силу глумливого отказа своего врага. Тот не нуждался ни в любви, ни в дружбе. Его послание, заявляющее о продолжении войны, содержало недоверие, ненависть, злобу, презрение.

Удар был мощным. Валентин даже удивился, что Барджазид способен на послания. Наверняка тут действовала какая-то машина его отца, какое-то колдовство Короля Снов. Однако Валентин был готов к чему-то подобному и устоял перед иссушавшей силой энергии, посланной ему Доминином Барджазидом.

Затем он отправил второе послание, настолько же мягкое и искреннее, насколько послание Доминина было грубым и враждебным. Он послал сон прощения, полного забвения, показав Барджазиду гавань, флотилию сувраэльских кораблей, ожидающих его возвращения к отцу,

большой парад, где Валентин и Доминин Барджазид вместе в колеснице направляются в порт, стоят на набережной, смеются, прощаются — два добрых врага, расстающихся по-хорошему.

В ответ пришел сон смерти, уничтожения, ненависти, отвращения.

Валентин медленно потряс головой, стараясь очиститься от лившейся к нему ядовитой грязи. В третий раз собрав силы, он принялся готовить послание врагу. Он не хотел опускаться до уровня Барджазида и все еще надеялся победить его теплом и добротой, хотя любой сказал бы, что глупо даже пытаться. Валентин закрыл глаза и сосредоточился на серебряном обруче.

— Мой лорд!

Женский голос пробился сквозь сосредоточенность Валентина, как раз когда он входил в транс. Вмешательство было резким и болезненным. Валентин обернулся с несвойственной ему злостью. Он был так потрясен, что не сразу узнал голос Карабеллы. Она испуганно попятилась.

— Мой лорд, — слабо произнесла она, — я не знала…

Он овладел собой.

— В чем дело?

— Мы… мы нашли способ открыть дверь.

Валентин закрыл глаза. Его тело облегченно расслабилось. Он улыбнулся и, притянув к себе Карабеллу, какое-то мгновение держал ее в своих объятиях, дрожа от покидавшего его тело напряжения.

— Веди меня туда.

Карабелла повела его по коридорам с древними драпировками и толстыми коврами. Она шла с уверенностью, удивительной для того, кто никогда не бывал здесь раньше. Они пришли к той части имперских комнат, которой Валентин не помнил, — к служебному входу где-то за тронным залом, маленькому скромному помещению. Слит, стоя на плечах Залзана Кавола, влез до пояса во фрамугу и производил какие-то манипуляции на внутренней стороне двери.

Карабелла пояснила:

— Мы уже открыли три двери, это четвертая. Еще минутку…

Слит вытащил голову и оглянулся, слегка усталый, покрытый пылью, но улыбающийся, явно довольный собой.

— Готово, мой лорд!

— Здорово!

— Мы войдем и схватим его, — сказал Залзан Кавол. — Где ты будешь ждать его, мой лорд?

— Нет, — возразил Валентин. — Я войду один.

— Ты, мой лорд? — недоверчиво спросил Залзан Кавол.

— Один? — удивилась Карабелла.

Слит, явно оскорбленный, закричал:

— Мой лорд, я не позволю…

И тут же умолк, испугавшись своих святотатственных слов.

— Не бойтесь за меня, — мягко обратился к ним Валентин. — Я должен это сделать сам, без чьей-либо помощи. Отойдите назад. Я запрещаю входить, пока не позову.

Они смущенно переглянулись. Карабелла начала было что-то говорить, но запнулась и замолчала. Шрам на лице Слита побагровел от прилившей крови. Залзан Кавол рыкнул и беспомощно развел всеми четырьмя руками.

Валентин толкнул дверь и прошел внутрь. Он оказался в каком-то вестибюле, видимо, кухонном проходе, едва ли знакомом короналю. Осторожно пройдя через него, он очутился в зале, обитом парчой, в котором после секундного замешательства узнал комнату для одевания. Позади находилась часовня Деккерета, а дальше — зал правосудия лорда Престимиона, громадная сводчатая комната с великолепными окнами

матового стекла и канделябрами работы лучших мастеров Ни-мойи. За ним располагался тронный зал с величественным троном Конфалюма. Где-то в этих апартаментах Валентину предстояло встретиться с Доминином Барджазидом.

Комната для одевания оказалась пустой и выглядела так, словно ею не пользовались несколько месяцев. Каменная арка в часовню Деккерета не была занавешена. Валентин прошел туда, никого не увидел и отправился дальше по короткому изогнутому коридору с ярким зеленым и золотым мозаичным орнаментом к судейскому залу. Он глубоко вздохнул, положил руки на дверь и толкнул ее.

Сначала он подумал, что громадное помещение тоже пусто. В дальнем его конце, едва освещая зал, горел только один из больших канделябров. Валентин огляделся, посмотрел на ряды деревянных полированных скамеек, на занавешенные ниши, в которых позволялось скрываться принцам и герцогам, пока над ними вершился суд, на высокий трон. И тут он увидел человека в одеянии короналя, стоявшего в тени стола советника у подножия трона.

Глава 15

За время своих скитаний Валентин увидел и испытал много удивительного и необычного. Но стоять меньше чем в сотне футов от человека с лицом, когда-то принадлежавшим ему, Валентину… Такого ему испытывать не приходилось. До этого Валентин дважды видел поддельного короналя во время фестиваля в Пидруиде и чувствовал тогда, сам еще не зная почему, что взгляд короналя вытягивает из него энергию. Но тогда он еще не обрел память. Теперь перед ним в слабом свете стоял высокий, сильный черноволосый мужчина с жестокими глазами — прежний лорд Валентин, одетый как принц и вовсе не съежившийся, бормочущий что-то в страхе, а встречающий его с холодной спокойной угрозой. «Неужели я так выглядел? — удивился Валентин. — Таким равнодушным, ледяным, недоступным?» Потом он подумал, что за то время, пока Доминин Барджазид владел его телом, чернота души узурпатора проступила на его лице и изменила черты короналя, придав им выражение болезненной ненависти.

Валентин уже привык к своему добродушному,

жизнерадостному новому виду и теперь, глядя на свое бывшее лицо, не ощущал желания получить его обратно.

— Я сделал тебя красивым, верно? — спросил Барджазид.

— А себя — куда меньше, — сердечно сказал Валентин. — Зачем ты хмуришься, Доминин? Этому лицу больше идет улыбка.

— Ты слишком много улыбался, Валентин. Ты был слишком уступчивым, слишком мягким, слишком легкомысленным, чтобы править.

— Значит, так ты обо мне думал?

— Не только я, но и многие другие. Как я понимаю, ты стал бродячим жонглером?

— Мне нужно было новое ремесло, раз ты отнял мое прежнее. Жонглирование мне подошло.

— Неудивительно.

Голос Доминина Барджазида гулко раздавался в пустом зале.

— Ты всегда умел развлекать других. Я советую тебе вернуться к жонглированию, Валентин. Печати власти — мои.

— Печати твои, но власть — нет. Твоя стража сбежала от тебя. Замок тебе не принадлежит. Сдавайся добровольно, Доминин, и мы отпустим тебя к твоему отцу.

— А как насчет погодных машин, Валентин?

— Они снова включены.

— Ложь! Глупая ложь!

Доминин Барджазид быстро повернулся и распахнул высокое окно. Порыв холодного воздуха ворвался так стремительно, что Валентин на другом конце зала почувствовал его почти сразу.

— Машины охраняются моими самыми преданными людьми — не твоими, а моими, привезенными из Субраэля. Они останутся на своем посту до тех пор, пока я не прикажу снова включить машины, и если вся Замковая гора почернеет и погибнет, не дождавшись этого приказа, пусть так и будет, Валентин. Пусть так и будет! Ты хочешь, чтобы это произошло?

— Этого не будет.

— Будет, — отрезал Барджазид, — если ты останешься в Замке. Уходи. Я обещаю тебе безопасный спуск с Горы и дарую бесплатный переезд в Зимроэль. Жонглируй в западных городах, как в прошлом году, и забудь свои глупые мечты о троне. Я — лорд Валентин, корональ.

— Доминин…

— Мое имя — лорд Валентин! А ты — бродячий жонглер из Зимроэля. Уходи и займись своим ремеслом.

— Это звучит заманчиво, Доминин, — беспечно ответил Валентин. — Мне нравилось выступать, нравилось больше, чем все остальное, что я делал до этого. Но судьба требует, чтобы я нес бремя правления, невзирая на мои личные желания. Пойдем. — Он сделал к Барджазиду шаг, второй, третий… — Пойдем отсюда. Я объявлю рыцарям Замка, что мятеж окончен и планета возвращается на истинный путь.

— Не подходи!

— Я не желаю тебе зла, Доминин. В каком-то смысле я даже благодарен тебе за мой исключительный опыт, за все, что никогда не случилось бы со мной, если бы…

— Назад! Ни шагу больше!

Валентин продолжал идти вперед.

— Я благодарен тебе также за то, что ты избавил меня от досадной хромоты, которая лишала меня некоторых развлечений.

— Ни… шагу… больше…

Теперь их разделяло не более десяти футов. Рядом с Доминином Барджазидом находился стол с принадлежностями судейского зала: тремя тяжелыми бронзовыми подсвечниками, имперской державой и скипетром. Барджазид с яростным криком схватил обеими руками подсвечник и

швырнул его в голову Валентина. Валентин проворно шагнул в сторону и точным движением руки поймал на лету тяжелый предмет. Барджазид швырнул второй подсвечник. Валентин поймал и его.

— Давай еще один, — сказал он. — Я покажу тебе, как жонглируют.

Лицо Барджазида исказилось, он задыхался, шипел и рычал от злости. К Валентину полетел третий подсвечник. Первые два уже легко кружились в воздухе, перелетая из одной руки Валентина в другую, и ему не составило труда схватить на лету третий и пустить его следом за другими, создавая перед собой сияющий каскад. Он весело жонглировал ими, смеялся, подбрасывая их все выше. Как приятно было снова жонглировать, снова пользоваться старыми навыками, надеясь на руки и глаза.

— Видишь? — спросил он. — Вот так. Мы можем обучить и тебя, Доминин. Только научись расслабляться. Ну-ка брось мне еще и скипетр, и державу тоже. Я могу работать пятью предметами, а может, и больше. Какая жалость, что так мало зрителей, но…

Жонглируя, он шел к Барджазиду, а тот пятился, широко раскрыв глаза и капая слюной на

бороду.

Вдруг Валентин резко остановился и покачнулся — послание ударило его со страшной силой. Подсвечники со звоном покатились по темному деревянному полу. Последовал второй удар, затем третий. Валентин изо всех сил старался удержаться на ногах. Игра с Барджазидом окончилась, началась какая-то новая схватка, которой Валентин еще не понимал. Он рванулся вперед, намереваясь схватить противника, прежде чем тот успеет нанести еще один удар.

Барджазид отступал, закрыв лицо дрожащими руками. Сам ли он нападал или в комнате прятался его союзник? Когда эта неуловимая, невидимая сила ударила в его мозг снова, Валентин отпрянул. Он пошатнулся, прижал ладони к вискам и попытался собраться с мыслями. Схватив Барджазида, он удержится сам, повалит его, сядет на него и позовет на помощь. Он ринулся вперед и схватил за руку *лже-короналя*. Доминин взвыл и вырвался.

Валентин хотел прижать его к стене, но Барджазид с диким воплем страха и отчаяния метнулся мимо него, побежал, ковыляя, через комнату, нырнул в одну из занавешенных ниш и закричал:

— Отец, помоги мне!

Валентин подбежал, отдернул занавеску и отступил, ошеломленный. В нише прятался могучий, черноглазый, смуглый старик с блестящим золотым обручем на лбу. В руке он держал какой-то прибор из кости и золота с ремешками, застежками и рычажками. Это был Симонан Барджазид, Король Снов, страшный властитель Субраэля, вдруг очутившийся здесь, в судейском зале короналя. Это он отправлял леденившие мозг послания, чуть не погубившие Валентина. Сейчас он силился послать еще одно, но его отвлекал сын, судорожно цеплявшийся за него и умолявший о помощи.

Валентин понял, что одному тут не справиться, и громко закричал:

— Слит, Карабелла! Залзан Кавол!

Доминин Барджазид всхлипывал и стонал. Король Снов пнул его, как надоедливую собачонку. Валентин осторожно пробрался в нишу, надеясь выхватить у старого Симонана Барджазида эту ужасную машину сна, пока тот не успел причинить с ее помощью еще большего вреда.

Как только Валентин потянулся к ней, произошло нечто еще более ошеломляющее: контуры лица и тела Симонана Барджазида заколыхались,

стали расплываться, изменяться, превращаться во что-то чудовищно-странное, угловатое, тонкое. Глаза скосились внутрь, нос стал просто бугорком, губы почти исчезли.

Метаморф…

Не Король Снов вовсе, а поддельный, маскарадный король — меняющий форму, пиуривар, метаморф…

Доминин Барджазид в ужасе завизжал, отскочил от странной фигуры и бросился на пол у стены, дрожа и причитая. Метаморф глянул на Валентина с нескрываемой ненавистью и со страшной силой запустил в него машиной сна. Валентин отскочил, но недостаточно быстро: машина вскользь ударила его в грудь, — и в это мгновение метаморф проскочил мимо него, стремительно пронесся через зал к открытому Доминином Барджазидом окну, перемахнул через подоконник и исчез в ночи.

Глава 16

Бледный, потрясенный Валентин повернулся и увидел, что зал полон: Слит, Карабелла, Делиамбер, Тонигорн и множество других, поспешно вбегавших из узкого вестибюля. Он указал на Доминина Барджазида, жалкого, в шоке скорчившегося на полу.

— Тонигорн, поручаю тебе заняться им. Отведи его в безопасное место и присмотри, чтобы ему не причинили вреда.

— Двор Пенитора, мой лорд, — самое безопасное место. Дюжина вооруженных людей будет все время охранять его.

Валентин кивнул.

— Хорошо. Не оставляйте его одного. И вызови к нему врача: он перенес чудовищное потрясение. — Он поглядел на Слита. — Дружище, нет ли у тебя с собой фляжки вина? Я и сам тут пережил несколько странных минут.

Слит протянул ему фляжку. Рука Валентина так дрожала, что он чуть не пролил вино, поднося фляжку ко рту. Несколько успокоившись, он подошел к окну, через которое выпрыгнул метаморф.

Где-то далеко внизу, футах в ста, если не больше, горели фонари. Несколько фигур во дворе окружили нечто, покрытое плащом.

Валентин отвернулся.

— Метаморф, — растерянно проговорил он. — Не сон ли это? Я видел, как здесь стоял Король Снов, и вдруг он превратился в метаморфа и выпрыгнул в окно.

Карабелла тронула его за руку:

— Мой лорд, не хочешь ли отдохнуть? Замок взят.

— Метаморф, — снова удивленно повторил Валентин. — Как это могло случиться?

— Метаморфы были и в зале погодных машин, — сказал Тонигорн.

— Что? Кто это сказал?

— Мой лорд, Элидат только что вернулся из подземелья с удивительным рассказом.

Тонигорн махнул рукой, и из толпы вышел сам Элидат, усталый, в запачканном плаще и разорванном костюме.

— Мой лорд!

— Как погодные машины?

— Они целы и снова вырабатывают теплый воздух, мой лорд.

Валентин облегченно вздохнул:

— Хорошо! Там были, ты говоришь, метаморфы?

— Зал охраняли отряды в форме личной стражи короналя, — ответил Элидат. — Мы приказали им сдаться, но они не подчинились даже мне. Пришлось сражаться с ними. Мы убили их, мой лорд.

— Другого выхода не было?

— Не было, мой лорд. Умирая, они изменились…

— Все?

— Да. Все они были метаморфами.

Валентин вздохнул. Странность на странности в этом кошмарном перевороте!

Он чувствовал, как на него наваливается безмерная усталость. Машина жизни крутится снова, Замок принадлежит ему, фальшивый кораль — пленник, мир спасен, порядок восстановлен, угроза тирании устранена. И все-таки есть еще новая тайна, а он так страшно устал…

— Мой лорд, — позвала Карабелла, — пойдем со мной.

— Да, — глухо сказал он, — мне надо немного отдохнуть. — Он слабо улыбнулся. — Отведи меня, милая, на кушетку в комнате для одевания. Я часок посплю. Ты помнишь, когда я спал в последний раз?

Карабелла взяла его под руку:

— Кажется, несколько дней назад.

— Недели, месяцы назад. Но все равно, не давай мне спать больше часа.

— Хорошо, мой лорд.

Он упал на кушетку. Карабелла укрыла его покрывалом, погасила свет, и Валентин позволил усталому телу расслабиться. Через его мозг проносились яркие образы: Доминин Барджазид вцепился в колени старика, Король Снов злобно отталкивает его и орудует той странной машиной, затем быстрое изменение — и на Валентина смотрит лицо пиуривара. Страшный крик Доминина, метаморф, бросающийся к открытому окну… Все это снова и снова крутилось в измученном мозгу Валентина…

И незаметно к нему пришел сон, подкравшийся, пока он боролся с демонами зала Правосудия.

Спал он не час, как намеревался, а несколько больше. И проснулся оттого, что яркий, золотистый утренний свет бил ему в глаза. Он сел и потянулся. Все тело болело. «Сон, — подумал он, — дикий, смущающий сон. Нет, не сон».

— Отдохнул, мой лорд?

Карабелла, Слит, Делиамбер были рядом, охраняли его сон. Он улыбнулся:

— Отдохнул. И ночь прошла. Что-нибудь произошло?

— Почти ничего, — ответила Карабелла, — кроме того, что воздух снова нагревается. Замок ликует. Вниз по Горе идет известие о перемене, пришедшей на планету.

— Метаморф, который бросился из окна, разбился насмерть?

— Конечно, мой лорд, — кивнул Слит.

— У него были одежда и регалии Короля Снов и один из его приборов. Как это случилось?

— У меня есть лишь предположение, мой лорд, — сказал Делиамбер. — Я разговаривал с Доминином Барджазидом. Он почти лишился разума и поправится не скоро, если вообще поправится. Он рассказал мне кое-что. В прошлом году его отец, Король Снов, тяжело заболел, и все думали, что он вот-вот умрет. Ты в это время был еще на троне.

— Но я ничего не знал об этом.

— Они об этом не сообщали. Но он был очень плох, и тогда в Сувраэле появился новый врач откуда-то из Зимроэля, якобы обладавший большими знаниями. Действительно, Король Снов чудесным образом выздоровел, можно сказать, восстал из мертвых. И, поправившись, он убедил

сына устроить тебе ловушку в Тил-омоне и сместить тебя.

Валентин задохнулся:

— Врач… Метаморф?

— Да, но принявший вид человека вашей расы. Затем, я думаю, он принял облик Симонана Барджазида и сохранял его, пока сила столкновения в зале Правосудия не заставила измененную форму заколебаться и исчезнуть.

— А Доминин? Он тоже?..

— Нет, мой лорд. Он настоящий Доминин, и вид того, кого он считал отцом, покалечил его мозг. Но, понимаешь, именно метаморф толкнул его на преступление, и легко догадаться, что другой метаморф заменил бы Доминина как короналя.

— А метаморфские стражники, охранявшие погодные машины, повиновались приказам лже-Короля Снов, а вовсе не Доминина. Тайный мятеж, так, Делиамбер? Вовсе не захват власти семьей Барджазидов, а начало мятежа меняющих форму.

— Боюсь, что так, мой лорд.

— Это многое объясняет, — произнес Валентин, глядя в пространство. — И вносит еще больше беспорядка.

— Мой лорд, — сказал Слит. — Нужно разыс-

кать тех, кто скрывается среди нас, и истребить, а остальных запереть в Пиурифэйне, где они не смогут вредить нам!

— Полегче, дружище, — остановил его Валентин. — Ты все еще ненавидишь живых метаморфов, верно?

— Не без причины!

— Да, возможно. Ну что ж, мы их разыщем, чтобы не было тайных метаморфов, прикидывающихся понтифексом, Хозяйкой Острова или даже работником в стойлах. Но, я думаю, мы должны наладить отношения с этим народом и вылечить их от злобы, если удастся, иначе Маджипур будет ввергнут в бесконечную войну. — Он встал, застегнул плащ и поднял руки. — Друзья, у нас впереди много работы, но первым делом — праздник! Слит, назначаю тебя распорядителем. Устраивай банкеты, организовывай развлечения, приглашай гостей. Пошли известие на Маджипур, что все хорошо, или почти хорошо, и что Валентин снова на троне!

Глава 17

Тронный зал Конфалюма был самым большим из всех помещений Замка, роскошным, величественным, с яркой позолотой, прекрасными гобеленами, полом из шелковистого дерева с гор Кинтора. Там происходили самые важные имперские церемонии, но таких празднеств в этом зале еще не бывало.

Высоко на громадном многоступенчатом Троне Конфалюма сидел лорд Валентин, корональ, слева на троне, чуть пониже, — Повелительница Снов, его мать, вся в белом, а справа, на троне такой же высоты, как и трон Повелительницы, — Хорнкэст, главный спикер понтифекса (Тиеверас прислал свои извинения и Хорнкэста вместо себя). Перед ними выстроились герцоги, принцы и рыцари королевства в таком количестве, какого не бывало со времен самого лорда Конфалюма: верховные лорды из далекого Зимроэля, из Пидруида, Тил-омона, Нарабаля, герцог-гэйрог из Дюлорна, великие герцоги Пилиплока, Ни-мойи и пятидесяти других городов Зимроэля, высокие гости из сотни городов Алханроэля, не считая Пятидесяти Городов Замковой горы.

Но не все заполнявшие зал были герцогами и принцами, были и более скромные гости: скандар Горзвал, парусный мастер Кордеин, плотник Панделон, торговец шкурами хьорт Виноркис, мальчик Хиссун из Лабиринта, Тизана, толковательница снов из Фалкинкипа, и многие другие рангом не выше их стояли среди вельмож, и лица их сияли.

Лорд Валентин встал, отсалютовал матери, ответил на приветствие Хорнкэста и поклонился, когда раздались крики:

— Да здравствует корональ!

Едва наступила тишина, он произнес:

— Сегодня мы устраиваем большой фестиваль в честь восстановления всеобщего благоденствия и полного порядка. Мы приготовили для вас представление.

Он хлопнул в ладоши, и вошли двенадцать музыкантов под предводительством Шанамира. Рога, барабаны, трубы заиграли приятную веселую мелодию. За ними вошли жонглеры в костюмах редкой красоты, впору хоть принцам: впереди Карабелла, за ней Слит, а потом грубые косматые Залзан Кавол и его два брата. Они несли всевозможный жонглерский инвентарь: мечи, ножи, серпы, факелы, яйца, тарелки, ярко

раскрашенные дубинки и многое другое. Дойдя до середины зала, они встали лицом друг к другу по лучам воображаемой Звезды.

— Подождите, — сказал лорд Валентин. — Тут есть место еще одному! — Он спустился по ступеням трона Конфалюма и остановился на третьей снизу. Валентин улыбнулся Хозяйке Острова, подмигнул Хиссуну и махнул Карабелле, которая кинула ему кинжал. Он ловко поймал его, она бросила второй и третий, и он начал жонглировать ими на ступенях трона, как обещал матери на Острове Сна.

Это было сигналом к началу жонглирования. Воздух засиял от множества предметов, которые, казалось, летали сами по себе. Мир еще не видел такого жонглирования, лорд Валентин был в этом уверен. Через несколько минут он сошел со ступеней трона, присоединился к жонглерам и с радостным смехом стал обмениваться серпами и факелами со Слитом, скандарами и Карабеллой.

— Как в старые времена! — улыбнулся Залзан Кавол. — Но ты, мой лорд, теперь работаешь даже лучше!

— Публика вдохновляет меня, — ответил лорд Валентин.

— А можешь жонглировать, как скандар? —

спросил Залзан Кавол. — А ну-ка, мой лорд, хватай! Хватай! Хватай!

Он прямо как из воздуха выдергивал яйца, тарелки и дубинки, его четыре руки беспрерывно двигались, и каждую схваченную вещь он бросал лорду Валентину, а тот без устали принимал их, жонглировал ими и перебрасывал Слиту или Карабелле. В ушах его звучали похвалы зрителей — без сомнения, искренние, восторженные. Да, вот это жизнь! Как в старые времена, даже лучше! Он засмеялся, поймал сверкающий меч и высоко подбросил его.

Элидат считал, что короналю неприлично давать представление перед принцами королевства, и Тонигорн был согласен с ним, но лорд Валентин добродушно заметил, что ему наплевать на этикет. Теперь он видел, как они, раскрыв рты, смотрят со своих почетных мест на это поразительное зрелище. Однако он понимал, что пора остановиться. Поочередно освобождая свои руки от предметов, которые поймал, он начал отступать.

Дойдя до первой ступени трона, он обернулся и поманил Карабеллу:

— Пойдем со мной, будем зрителями.

Щеки ее залились краской, но она, не колеб-

лясь, избавилась от дубинок, ножей и яиц и подошла к трону. Лорд Валентин взял ее за руку и вместе с ней поднялся по ступеням.

— Мой лорд, — прошептала она.

— Ш-ш-ш. Это очень серьезно. Осторожно, не споткнись.

— Я споткнусь? Я? Жонглер?

— Прости, Карабелла.

— Я прощаю тебя, Валентин.

— Лорд Валентин.

— Значит, теперь будет так, мой лорд?

— Не всегда. Когда мы вдвоем — нет.

Они поднялись на верхнюю ступеньку. Их ждало двойное сиденье, отделанное зеленым и золотым бархатом.

Лорд Валентин постоял, мгновение вглядываясь в толпу.

— Где Делиамбер? — шепотом спросил он. — Я не вижу его!

— Ему неинтересно, — ответила Карабелла, — и он, наверное, уехал на время праздника. Колдуны скучают на фестивалях, а жонглирование его никогда не занимало, ты сам знаешь.

— Ему полагалось бы находиться здесь, — пробормотал Валентин.

— Когда он тебе понадобится, он вернется.

— Надеюсь. Ну, давай сядем.

Они заняли свои места на троне.

Внизу жонглеры показывали свои лучшие трюки, казавшиеся чудом даже лорду Валентину, хотя он и знал, как они выполняются. Глядя на жонглеров, он чувствовал странную печаль, потому что теперь ему самому приходится оставить труппу, чтобы подняться на трон. Это было серьезным изменением в его жизни. Он понимал, что жизнь бродячего жонглера, свободная и радостная, осталась позади, что на него вновь всей тяжестью навалилась ответственность власти, которой он не желал, но от которой не мог отказаться. И это его огорчало.

— Как-нибудь, когда нас никто не будет видеть, мы потихоньку соберемся все и покидаем дубинки. Как, Карабелла?

— Наверное, да, мой лорд. Я хотела бы этого.

— Мы вообразим, что находимся где-нибудь между Фалкинкипом и Дюлорном и гадаем, пригласят ли нас в Непрерывный цирк, найдем ли мы гостиницу и…

— Мой лорд, ты только взгляни, что делают скандары! Просто глазам не веришь! Так много рук, и все в работе!

Лорд Валентин улыбнулся.

— Я попрошу Залзана Кавола объяснить мне, как это делается. Как-нибудь. Когда у меня будет время.